29439

№ ~~17619~~

Берегите книгу

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною
перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.

Зак. 908. Р.Л.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО.

I.

П. 20 Б-ка Н. П. И.
переинвентарис. 1938 г.
БИБЛИОТЕКА
Шифр Б
С 308
Коммунистического Воспитания им. Крупской

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

Пед. ин-т им. А.И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
294434

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Съ портретомъ и жизнеописаніемъ автора.

Комм. Педагогический Ин-т
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 17619
имени Н. К. Крупской

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 августа 1858.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

стр.

Предувѣдомленіе..... VII
О жизни и трудахъ О. И. Сенковскаго..... XI
Библіографическій списокъ его сочиненій..... CXV

Отрывки изъ Путешествій по Египту, Нубіи и Верхней Эѳіопіи:

Письмо изъ Каира, отъ $^{11}/_{23}$ декабря 1820.... 1
Посѣщеніе Пирамидъ, въ 1821 году..... 8
Путешествіе въ Нубію и Верхнюю Эѳіопію.. 24
Возвратный путь изъ Египта, черезъ Архипелагъ..... 59

Воспоминанія о Путешествіи въ Нубію и Сирію:

Эбсамбулъ. Нубійскія сцены. I. Пріѣздъ путешественниковъ.—II. Посѣщеніе храма. Пикникъ. Лотерея..... 107
Воспоминанія о Сиріи. I. Затмѣніе солнца.—II. Преступные любовники..... 189

Повѣсти и Поэмы, переведенныя съ восточныхъ языковъ:

Бедуинъ..... 221
Витязь буланаго коня..... 227

стр.
Деревянная красавица..... 236
Истинное великодушіе..... 243
Урокъ неблагодарнымъ..... 252
Бедуинка..... 256
Смерть Шанфарія..... 267
Воръ..... 289
Муаллака Лебида..... 308
Антаръ. Восточная повѣсть..... 319
Незнакомка..... 353
Большой выходъ у сатаны..... 383
Что̀ такое люди! Басня въ прозѣ..... 429

Петербургскіе нравы:
Петербургская барышня..... 449
Личности..... 458
Человѣчикъ..... 464
Моя жена..... 471
Ариѳметика..... 478
Заколдованный кладъ..... 495
Аукціонъ. Объявленіе: продается за отъѣздомъ. 504

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Приступая къ изданію собранія сочиненій Сенковскаго, вдова его имѣетъ въ виду не денежные расчеты и выгоды: единственныя ея желаніе и цѣль — поставить мужу достойный его имени памятникъ изъ его же трудовъ и его мысли. Она желаетъ, чтобы читателю дана была возможность удобно обозрѣть и безпристрастно оцѣнить все сдѣланное Сенковскимъ для русской литературы и науки.

Для достиженія этой цѣли недостаточно было бы только машинально собрать все, когда-либо написанное ученымъ оріенталистомъ, филологомъ, археологомъ, естествоиспытателемъ, критикомъ, журналистомъ и повѣствователемъ Брамбеусомъ-Сенковскимъ, который соединялъ въ себѣ самый основательный спеціялизмъ со всеобъемлющимъ энциклопедизмомъ; писалъ на латинскомъ, арабскомъ, турецкомъ, персидскомъ, поль-

скомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ; писалъ не заботясь о своемъ имени, а только для того, чтобъ научить и объяснить или возбудить изученіе, и оттого разбросалъ свою мысль даже по чужимъ статьямъ, исправляя и обдѣлывая эти статьи для журнала. Помѣстить все это въ одно изданіе совершенно невозможно. Нетолько труды чисто оріентальные, доступные однимъ спеціялистамъ и писанные на иностранныхъ языкахъ, были бы здѣсь не у мѣста; трудно собрать даже все то, что̀ принадлежитъ Сенковскому какъ журналисту. Въ первые десять-двѣнадцать лѣтъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» не проходила ни одна статья безъ вставокъ и поправокъ редактора, совершенно безкорыстно отданныхъ подъ чужое имя и уже не отдѣлимыхъ отъ чужаго труда, потому что Сенковскій, подвизаясь въ пользу русскаго просвѣщенія, заботился только о томъ, чтобы упростить и облегчить русскимъ читателямъ трудные пути къ наукѣ и яснымъ, общедоступнымъ изложеніемъ заохотить къ серіозному чтенію. Остается, сталобыть, отобрать и изъ написаннаго по-русски только то, что̀ онъ вполнѣ самъ создалъ и что̀ совершенно самобытно обработалъ или въ чемъ высказалъ мысль несомнѣнно ему принадлежащую. Этотъ послѣдній отдѣлъ трудовъ Сенков-

скаго однакожъ все еще такъ огроменъ, что и тутъ всего не слѣдуетъ взять въ собраніе сочиненій: многое было написано по обстоятельствамъ и утратило свое значеніе или даже вовсе не имѣло его въ глазахъ самого автора. Самъ Сенковскій въ критикахъ неоднократно высказывалъ мнѣніе, что по смерти писателя не слѣдуетъ перепечатывать въ собраніи сочиненій всего, что̀ было написано, потому что въ большой массѣ трудовъ непзбѣжно должны встрѣтиться вещи мало обработанныя, слабыя, которыхъ самъ авторъ никогда не напечаталъ бы вторично. Тѣмъ болѣе понятно, что въ настоящемъ случаѣ въ особенности слѣдовало сдѣлать выборъ, чтобъ помѣстить только достойное и способное дать правпльное понятіе о такомъ многостороннемъ писателѣ, какъ Сенковскій. Составленіе этого выбора и редакцію издательница поручила двумъ бывшимъ сотрудникамъ «Библіотеки для Чтенія» первыхъ четырнадцати лѣтъ. Будучи достаточно знакомы со всѣмъ, что̀ писалъ Сенковскій въ самую цвѣтущую пору своей литературной дѣятельности, они надѣются, что избѣжали слишкомъ замѣтныхъ ошибокъ,—не пропустили необходимаго, не включили непринадлежащаго, — и успѣли составить «собраніе сочиненій» достаточно полное, чтобъ

дать вѣрное понятіе обо всей дѣятельности Сенковскаго, какъ русскаго писателя. Путешествія, переводы съ восточныхъ языковъ и повѣсти въ этомъ собраніи расположены въ хронологическомъ порядкѣ; ученыя и критическія статьи сгруппированы по предметамъ съ соблюденіемъ по-возможности того же порядка. Исчисленіе всѣхъ сочиненій Сенковскаго читатели найдутъ въ приложенномъ библіографическомъ спискѣ, а нѣкоторыя поясненія въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ.

Сентябрь, 1858.

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ

Ѳ. И. СЕНКОВСКАГО.

Жизнь замѣчательнаго писателя есть исторія его трудовъ, дарованій и мысли: и чѣмъ самостоятельнѣе писатель, тѣмъ необходимѣе, для поясненія его дѣятельности и ея направленія, знать обстоятельства его жизни и даже личный его характеръ.

Вотъ почему Жизнеописаніе служитъ необходимымъ предисловіемъ къ Собранію Сочиненій писателя.

Представляя здѣсь краткій историческій очеркъ жизни и трудовъ Сенковскаго, мы имѣемъ въ виду сообщить читателямъ его Сочиненій главнѣйшія данныя для оцѣнки литературной и ученой дѣятельности этого необыкновеннаго писателя.

Если высокій умъ, развитый самыми разностороннимъ познаніями, то глубокій, то шутливый, игривый и острый, не подчиняющійся авторитетамъ, — блистательное воображеніе, безъ усилія создающее самыя оригинальныя произведенія, не

подходящія подъ принятыя условныя литературныя формы,—искусство излагать всѣмъ-доступно самые трудные вопросы науки,—безпримѣрная дѣятельность головы и пера, послушно повинующагося ея мысли,—составляютъ черты необыкновеннаго писателя: то Сенковскій несомнѣнно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ писателямъ нашего времени.

Немногіе избранные бываютъ такъ щедро надѣлены дарами природы: всегда дѣятельный, пытливый, быстрый и ясный умъ, безъ труда усвоивающій себѣ самыя разнородныя знанія; блистательная фантазія; остроуміе; необычайная память, удерживающая въ себѣ все однажды ею принятое; безграничное трудолюбіе, не щадящее здоровья — были неотъемлемыя способности и качества Сенковскаго, развитыя классическимъ образованіемъ въ школѣ, путешествіями въ юныхъ лѣтахъ, спеціяльными изученіями на ученомъ поприщѣ, литературною начитанностью и журнальною дѣятельностью.

Начавъ свое ученое и литературное поприще спеціяльнымъ изученіемъ Востока, тогда еще мало извѣстнаго, онъ не могъ, по свойству своего живаго и пытливаго ума, остановиться на этой или какой-либо другой ограниченной спеціяльности. Изучивъ одну отрасль, онъ переходилъ къ другой, и безостановочно, до послѣднихъ дней своей жизни, перебиралъ звѣнья этой нескончаемой цѣпи знаній, которую называютъ наукою. Знать все, что̀ можетъ знать человѣкъ въ свое время—было цѣлью его жизни, жаждой и пищей его ума. Азіят-

скій Востокъ, классическая древность, европейскія литературы среднихъ и новыхъ временъ, разносемейные языки и словесности, естествознаніе, археологія, механика, музыка, астрономія, свѣтопись, акустика, медицина, политическая экономія — все изучалъ онъ, всего касалась его мысль, обо всемъ онъ писалъ, и во всемъ написанномъ оставилъ слѣдъ своего ума, новыя мысли или сомнѣнія, ипотезы, наведенія или указанія, возбуждающія новые вопросы. Если онъ впадалъ иногда въ ошибки подробностей — чего и не могъ избѣгнуть при скорости журнальной работы и при довѣріи къ своей памяти, замѣнявшей ему всѣ справочныя энциклопедіи — то самыя ошибки эти поучительны, какъ ошибки великаго ума и какъ доказательство, что при нынѣшнемъ раздробленіи наукъ уже нѣтъ возможности для человѣка, какимъ бы геніемъ онъ ни обладалъ, знать спеціяльно все то, что̀ знаетъ и думаетъ знать современная ему наука. «Кто изъ насъ», говорилъ онъ, прошедъ лучшую половину своего поприща (въ 1842 году), «кто можетъ льстить себя надеждою, будто онъ знаетъ *все*, что̀ теперь извѣстно человѣку по безчисленнымъ отраслямъ знанія? Кто скажетъ, будто онъ обнялъ и постигъ всѣ факты, когда мы ежедневно видимъ, какъ факты, казавшіеся самыми достовѣрными, безпрестанно измѣняютъ свой видъ и свою сущность при ближайшемъ разборѣ; когда эти основанія истинъ такъ шатки и перемѣнчивы; когда каждая отдѣльная наука распространяетъ опытами свои предѣлы и становится самостоятельною? О мудрости, философіи, какъ

ее понимали древніе, теперь и рѣчи быть не можетъ». Но и сознавая слабость силъ человѣческихъ для достиженія этой благороднѣйшей цѣли земной жизни, онъ стремился къ ней. Въ этомъ состояла жизнь его.

Словесность собственно — произведенія литературныя, повѣсти, разсказы, очерки нравовъ и характеровъ, и литературная критика—все то, чѣмъ онъ наиболѣе прославился въ публикѣ—было для его ума развлеченіемъ послѣ серіозной работы мысли, перемѣною занятій вмѣсто отдыха, которая открывала просторъ его воображенію и остроумію. Эти блестящія импровизаціи его фантазіи—импровизаціи, потому-что излпвались съ его пера съ легкостью устной бесѣды—всегда обозначены печатью своеобразнаго ума и нерѣдко возвышаются до художественности. Онѣ однѣ могли бы составить славу другаго писателя, а у Сенковскаго были лишь одною изъ многихъ равносильныхъ сторонъ его генія и дѣятельности. Поэтому, судить объ немъ только какъ о литераторѣ было бы совершенно односторонно. А между-тѣмъ, у насъ, гдѣ гремитъ столько пустыхъ именъ, имя Сенковскаго не пользуется еще всею славою, какой заслуживаетъ, и менѣе извѣстно, чѣмъ его литературный псевдонимъ, баронъ Брамбеусъ.

Какъ всѣ необыкновенные писатели, Сенковскій, и при жизни и до-сихъ-поръ, былъ предметомъ самыхъ противоположныхъ сужденій — безотчетнаго удивленія большинства публики и безотчетныхъ порицаній и непріязни въ бо̀льшей части журналовъ. Онъ дѣлалъ иногда уступки требова-

ніямъ и вкусу первой, и никогда не обращалъ вниманія на брань послѣднихъ.

Внѣшняя жизнь его, какъ и большей части мужей мысли и пера, протекла довольно-однообразно: въ молодости онъ два года путешествовалъ по Азіи и Африкѣ, потомъ былъ двадцать-пять лѣтъ профессоромъ и двадцать лѣтъ журналистомъ.

Фамилія Сенковскихъ, Sękowski, по извѣстіямъ польскихъ родословниковъ, принадлежитъ къ самымъ старинным дворянскимъ фамиліямъ Великой Польши, составляя младшую линію рода Сарбѣвскихъ, прославленнаго въ Европѣ въ началѣ XVII вѣка однимъ изъ его членовъ, Матвѣемъ-Казимиромъ Сарбѣвскимъ, Sarbievius, лучшимъ латинскимъ лирикомъ своего времени, вѣнчаннымъ въ Римѣ и прозваннымъ новымъ Гораціемъ *. Первое извѣстное лицо изъ рода Сенковскихъ, Янъ Сенковскій, посланникъ Сигизмунда I въ Вѣнѣ, Парижѣ и Неаполѣ, писался «изъ Сарбѣва Сенковскій»; сыновья его, по имени пожалованнаго королемъ отцу ихъ помѣстья, писались—«изъ Великаго Сенкова Сенковскіе»; позднѣйшія отрасли той же фамиліи назывались, по своимъ помѣстьямъ—«изъ Воинова Сенковскіе», «изъ Болемина Сенковскіе», и такъ далѣе. Многіе изъ Сенковскихъ извѣстны были какъ писатели, преимущественно по части богословской полемики, на латинскомъ и польскомъ

* Его «Poëmata» собраны были Лейснеромъ и изданы въ Бреславлѣ въ 1753 году; въ 1800 году онѣ перепечатаны тамъ же, съ нѣмецкимъ переводомъ, Ратсманна. Лангбейнъ издалъ жизнеописаніе Сарбѣвскаго (въ Дрезденѣ, 1754, in-4°).

языкахъ. Но наибо̀льшую извѣстность и блескъ этой польской фамиліи суждено было придать послѣднему изъ ея потомковъ, обрусѣлому Осипу Ивановичу, которому ультра-патріоты его соотечественники, даже бывшій другъ его, Мицкевичъ, никогда не могли простить этого мнимаго отступничества.

Дѣдъ Осипа Ивановича, волковійскій староста, находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и сопровождалъ его въ Петербургъ. Отецъ воспитанъ былъ въ привычкахъ роскоши и мотовства — привычкахъ, которыя явились какъ бы наслѣдственными у его сына не только въ дѣлѣ хозяйственной экономіи, но и въ расточительности его дарованій— отецъ Сенковскаго прожилъ все свое имѣніе, такъ-что наконецъ у него осталось лишь одно родовое помѣстье его жены Антоколонъ, верстахъ въ пятидесяти отъ Вильны. Здѣсь-то и родился у нихъ въ 1800 году, * въ день Св. Іосифа, девятнадцатаго марта, сынъ и послѣдняя отрасль ихъ фамиліи, котораго нарекли Іосифомъ-Юліаномъ.

Быстрыя способности при необыкновенной памяти облегчили первоначальное домашнее воспитаніе мальчика подъ надзоромъ образованной матери, которая до конца своей жизни (въ сороковыхъ годахъ) съ восторгомъ слѣдила за блистательными учеными и литературными успѣхами сво-

---

* Въ послужномъ спискѣ годъ рожденія Сенковскаго показанъ 1798, потому что при опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ, нашли его слишкомъ юнымъ и приписали ему два лишнихъ года жизни, для профессорской важности.

его сына. Раннимъ изученіемъ классическихъ языковъ онъ былъ обязанъ своему дядѣ (съ материней стороны), ученому и немного тяжелому Нѣмцу, профессору греческой и латинской словесности въ виленскомъ университетѣ, Готфриду Гроддеку, который полюбилъ даровитаго мальчика и положилъ твердое основаніе его филологическимъ познаніямъ. Съ такимъ ученикомъ весело заниматься любому профессору! Молодой Юзефъ достаточно приготовился дома, чтобы поступить въ любой коллегіумъ — а тогдашніе польскіе коллегіумы были повыше россійскихъ гимназій по методическимъ пріемамъ класснаго преподаванія, основательности ученія и строгости экзаменовъ, дѣлаемыхъ не для формы и не для чина. Польское общество, какъ и литература, стояли уже на высокой степени образованности: просвѣщеніе было для него не модною роскошью, которою прикрывалась дикость Сармата, а существенною потребностью, и многочисленные коллегіумы, управляемые истинно-учеными педагогами, преимущественно піаристами, давали образованію молодыхъ людей ту прочную классическую основу, безъ которой нѣтъ истинной образованности и просвѣщенія. Юзефъ Сенковскій поступилъ въ минскій коллегіумъ (Rhetorum Collegium Minscensis), уже сильный въ греческомъ языкѣ и латыни, благодаря урокамъ и руководству Гроддека. Въ коллегіумѣ направленіе ученія было преимущественно филологическое, вполнѣ соотвѣтствовавшее лингвистическимъ способностямъ юнаго студента, который приводилъ въ изумленіе профессоровъ своею памятью, удерживавшею въ себѣ

навсегда все однажды ею принятое. Она не измѣнила ему и до конца его жизни: онъ всегда могъ, когда ему приводили одинъ какой-либо стихъ изъ поэтовъ Греціи и Рима, продолжать скандировать на память всѣ слѣдующіе.

Въ минскомъ коллегіумѣ молодой Сенковскій оставался не такъ долго. Гроддекъ говорилъ, что ему тамъ нечему учиться, и совѣтовалъ матери поскорѣе отпустить своего любимца въ Вильну, въ университетъ, гдѣ самъ читалъ греческую и латинскую словесность. «Мой наставникъ въ греческой литературѣ», писалъ про него, тридцать лѣтъ спустя, Сенковскій, «былъ одинъ изъ ученѣйшихъ Нѣмцевъ, мастеръ на сводки, на разночтенія, извѣстный въ греко-латинскомъ мірѣ комментаторъ и издатель нѣсколькихъ трагедій Софокла и Эврипида; эрудиція его казалась намъ еще огромнѣе горба его». Несмотря на педантизмъ Готфрида Готлибовича (какъ называлъ его въ шутку Сенковскій), чтенія эти принесли ему большую пользу, освоивъ съ текстами классическихъ поэтовъ. «Первою нашею любовью былъ Гомеръ», говорилъ Сенковскій: «мы обожали этого слѣпаго, нищаго старика, мы проводили цѣлыя ночи въ обществѣ несравненнаго іонійскаго бродяги, слушая его бойкіе живописные разсказы. Съ восторгомъ, но безъ восторженности, безъ ученыхъ преданій, безъ теорій, бесѣдовали мы съ нимъ объ этомъ странномъ мірѣ, изъ котораго прикочевалъ онъ пѣть намъ свои уличныя рапсодіи.... Счастливыя времена! сладкія воспоминанія!...»

Виленскій университетъ славился тогда именами Іоакима Лелевеля и Андрея Снядецкаго. Чтенія этихъ двухъ знаменитыхъ профессоровъ, историка-филолога и физіолога, не могли не имѣть вліянія на воспріимчивую голову даровитаго студента изъ минскаго коллегіума. Историческія чтенія Лелевеля имѣли въ то время необычайный успѣхъ, который можно сравнить лишь съ успѣхомъ историческихъ лекцій Гизо въ Парижѣ, въ 1828 году, и подобно имъ, имѣли не только ученое, но и общественное значеніе. Молодой Сенковскій былъ достаточно приготовленъ филологически, чтобъ слѣдить за самыми спеціяльными изысканіями знаменитаго профессора въ области древней и средневѣковой исторіи, миѳологіи и географіи. Но міръ классической Азіи, и вообще происхожденія и колыбели народовъ, наиболѣе привлекали къ себѣ любознательность юнаго студента. Изученія подъ руководствомъ Лелевеля должны были привести Сенковскаго къ ближайшему изученію Востока въ подлинникѣ, то-есть къ изученію его языковъ, письменности и быта. На Востокъ указывалъ на лекціяхъ не только Лелевель, но и Гроддекъ (Готфридъ Готлибовичъ). «Онъ заохочивалъ насъ», говорилъ Сенковскій, «къ изученію Востока, его нравовъ, понятій, литературъ, и говорилъ—Черезъ него вы яснѣе поймете древнюю Грецію. Востокомъ объясняется Греція, Востокъ Греціей; они родились, выросли и умерли вмѣстѣ. Ройтесь во всѣхъ развалинахъ, сравнивайте все, что̀ ни найдете здѣсь и тамъ:

тутъ есть сокровища, еще невѣдомыя нынѣшнему разуму».

И юный Сенковскій тогда же принялся, самоучкою, за изученіе арабскаго, еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ.

Снядецкій имѣлъ, въ другомъ отношеніи, столько же, если не болѣе, вліянія на развитіе ума и направленіе Сенковскаго, чѣмъ историческія изысканія Лелевеля и филологическія лекціи Гроддека. Глубокій физіологъ, врачъ и естествоиспытатель, обладавшій даромъ излагать науку общедоступно, Снядецкій своими чтеніями направилъ Сенковскаго къ изученію природы, ознакомилъ съ началами естествознанія, а въ своихъ сочиненіяхъ далъ образцы легкаго и популярнаго изложенія ученыхъ предметовъ, въ противоположность довольно тяжелому и сухому изложенію Лелевеля. Сверхъ того, Снядецкій имѣлъ сатирическій сгибъ ума, во многомъ сродный съ сгибомъ ума Сенковскаго, и въ домѣ его собиралось веселое общество молодыхъ литераторовъ и ученыхъ, называвшее себя «товариществомъ шалуновъ», towarzystwo szubrawców, гдѣ знаменитый хозяинъ являлся остроумнѣйшимъ собесѣдникомъ. Въ польскомъ обществѣ и литературѣ, подобныя забавныя учрежденія, съ девизомъ—ridendo castigare mores, были не новостью со временъ Пшонки и его знаменитой «Бабинской Республики», въ XVI вѣкѣ. Молодой, шутливый и веселый кружокъ Снядецкаго не могъ не подѣйствовать на раннее развитіе врожденной сатирической струны будущаго Брамбеуса, который сдѣлался непремѣннымъ его

членомъ. Веселое «товарищество» издавало съ конца 1816 года юмористическій листокъ, родъ польскаго «Весельчака», имѣвшій огромный успѣхъ въ публикѣ и редакціей котораго руководилъ самъ Снядецкій;* и юный Сенковскій явился здѣсь однимъ изъ остроумнѣйшихъ сотрудниковъ. Въ то же время, какъ бы желая показать, что шутка не мѣшаетъ дѣлу, онъ перевелъ съ арабскаго языка «Басни Локмана» и издалъ ихъ въ 1818 году въ польскомъ переводѣ, съ введеніемъ и примѣчаніями, посвятивъ книжку «товариществу шалуновъ отъ непремѣннаго его члена». Это были первые шаги его на поприщѣ литературы. Ему былъ тогда только девятнадцатый годъ. И во всю жизнь его, эти двѣ главныя черты его характера — веселый юморъ, сарказмъ, искусство открывать смѣшную сторону всякаго предмета, и въ то же время углубленіе въ самыя непзвѣданныя полосы науки, шли параллельно, раздѣляя неистощимую его дѣятельность. Студентъ, съ жаромъ и изумительнымъ успѣхомъ изучавшій науки и комментировавшій арабскій текстъ, писалъ увлекательныя веселостью и остроуміемъ статьи для «Уличной Газеты»; впослѣдствіи, профессоръ восточныхъ языковъ, вслѣдъ за изданіемъ на французскомъ

---

* Заглавіе этой газеты было Wiadomości Brukowe, «Уличныя Вѣдомости». Онѣ издавались въ-четвертку небольшими листами. Въ 1816 году вышло ихъ только четыре нумера; въ 1817, онѣ издавались еженедѣльно, и прекратились въ 1821 году. Всего вышло ихъ 224 нумера. Всѣ статьи подписывались псевдонимами или были безъ всякой подписи.

на персидскомъ языкахъ «Прибавленія къ Исторіи Гунновъ», писалъ веселое «Письмо Тютюнджю-Оглу» или издавалъ юмористическіе листки польскаго «Баламута»; авторъ «Фантастическихъ Путешествій барона Брамбеуса» и «Литературной Лѣтописи» въ Библіотекѣ для Чтенія комментировалъ въ то же время текстъ Геродота и Иппократа; перо, которое писало «Листокъ» для Сына Отечества и уморительное объявленіе о «Весельчакѣ», чертило, за день передъ тѣмъ, математическія выкладки для новой теоріи гармоніи міровъ. Въ журнальныхъ статьяхъ, особенно позднѣйшихъ, саркастическая струя просачивалась нерѣдко и среди самыхъ серіозныхъ его разсужденій и изслѣдованій, и ставила въ недоумѣніе читателя, неспособнаго отличить проведенную новую мысль отъ неожиданной сатирической выходки, вдругъ разрушавшей серіозность впечатлѣнія и бросавшей цвѣтъ мистификаціи на все прежде сказанное. И это вторженіе скептическаго юмора въ самыя серіозныя изслѣдованія, и иногда явное его преобладаніе въ ущербъ важности предмета, едва ли не самый важный изъ упрековъ, который дѣлали и можно сдѣлать таланту Сенковскаго. Онъ не былъ достаточно объективенъ; эрудиція и юморъ, двѣ характерныя черты его, слишкомъ часто скрещались, парализуя важность мысли и ея впечатлѣніе на читателя.

Изданіе «Басенъ Локмана» обратило на молодаго студента, только-что кончившаго свой академическій курсъ (въ 1819), вниманіе членовъ университета и публики, какъ на даровитаго

оріенталиста, которому слѣдовало бъ дать возможность усовершенствовать себя въ восточныхъ языкахъ и совершить путешествіе на Востокъ, о которомъ онъ мечталъ. У него самого не было денежныхъ средствъ; состояніе матери было весьма ограничено. Она, однакожъ, пожертвовала чѣмъ могла для любимаго сына; но этого было недостаточно на издержки отдаленнаго путешествія. Литературныя и ученыя общества и товарищества взялись дополнить дорожную сумму, которую Сенковскій легко могъ возвратить имъ своими литературными трудами и путевыми записками. Сумма, впрочемъ, оказавшаяся потомъ недостаточною на путешествіе, была собрана; сборы были не долги, и перваго сентября 1819 года Сенковскій покинулъ Вильно.

Часть путевыхъ издержекъ была еще до отъѣзда уплачена имъ «типографическому товариществу», издававшему ученый «Виленскій Дневникъ»,* обширною статьею въ 120 страницъ, отданною имъ въ этотъ журналъ и заключавшею въ себѣ подробное обозрѣніе «Картины Оттоманской Имперіи», Мураджа-Доссона. Въ другой журналъ, «Еженедѣльникъ Виленскій»,** онъ далъ статью «Объ увеселеніяхъ новыхъ Грековъ», съ перево-

---

* Dziennik Wileński, nakładiem Towarzystwa typograficznego, издавался съ 1818 года, ежемѣсячными книжками. Это былъ учено-литературный журналъ, въ которомъ участвовали большею частью профессоры университета.

** Tygodnik Wileński выходилъ еженедѣльно съ 1816 года и заключалъ въ себѣ болѣе легкія и литературныя статьи, чѣмъ Dziennik.

домъ нѣкоторыхъ новогреческихъ пѣсенъ. Обѣ статьи были результатомъ предварительнаго изученія имъ тѣхъ странъ, которыя онъ готовился узнать на мѣстѣ, и изъ нихъ видно, что, кромѣ арабскаго и турецкаго языковъ, онъ уже былъ тогда довольно силенъ и въ новогреческомъ.

Не знаю, къ которому году начальной его дѣятельности принадлежитъ одна историческая статья на польскомъ языкѣ, надѣлавшая собой много шуму и много враговъ автору. Это—разсужденіе «О происхожденіи польской шляхты», статья оригинальная и парадоксальная, въ которой авторъ хотѣлъ доказать, что народъ и дворянство польскіе—Поляки и *Лехи*—имѣли различное происхожденіе, и послѣдніе суть остатокъ владычества варварскихъ ордъ надъ Славянами, можетъ-быть Аваровъ (Обровъ), имя которымъ доселѣ сохранилось на Кавказѣ, также какъ и имя Леховъ (*Легъ Легзи*, Лезгины).* Эта ученая ересь сочтена была за антипатріотическій поступокъ, и глава польской исторической учености, Лелевель, предалъ ее «проклятію», самому плохому изъ орудій критики. Сенковскій никогда не былъ причастенъ мѣстному патріотизму, и гнѣвъ виленскихъ олимпійцевъ ни мало его не встревожилъ. Космополитизмъ его политическихъ убѣжденій происходилъ, можетъ-быть, отъ причинъ чисто-физіологическихъ: мать его была не Полька, а изъ бѣлорусской фамиліи (Буйковъ), и бо̀льшая часть женщинъ-матерей въ

* Эта мысль, впослѣдствіи, повторена имъ въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», въ статьѣ *Гербъ*.

его и ея родѣ были иностранки—Итальянки, Нѣмки и Француженки.

До отъѣзда своего на Востокъ, Сенковскій совершилъ неблагоразумный поступокъ, который впослѣдствіи доставилъ ему не мало хлопотъ и горя. Онъ влюбился въ одну виленскую красавицу,—это было бы еще ничего; но она не иначе хотѣла отдать ему свое сердце какъ съ своею рукою—и онъ женился на неіі, вопреки отсовѣтамъ матери. Добрая мать не отказалась впрочемъ принять ее къ себѣ въ домъ на все время его путешествія.

Изъ Одессы Сенковскій прислалъ въ Виленскій Дневникъ начало своихъ путевыхъ записокъ — «Путь отъ Вильны до Одессы», и «Описаніе Одессы»; а въ Еженедѣльникъ — переводъ съ новогреческаго правилъ только-что учрежденнаго Эллинскаго купеческаго училища въ Одессѣ. Начало «Путевыхъ Записокъ» показывало многостороннюю наблюдательность путешественника: онъ обращалъ вниманіе на торговлю, земледѣліе и бытъ края, не безъ сатирическихъ выходокъ на-счетъ «патріархальнаго» образа жизни помѣщиковъ, которые оскорбились этой общей картиною, будто личностью, не менѣе чѣмъ выводомъ шляхты отъ Лезгинъ.

Въ декабрѣ, онъ уже находился въ Константинополѣ. Россійскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ былъ тогда баронъ Г. А. Строгановъ, умный и просвѣщенный вельможа, которому весьма понравился бойкій, остроумный и ученый молодой путешественникъ. Онъ тотчасъ оцѣ-

нилъ всю пользу, какую онъ можетъ принести на дипломатическомъ поприщѣ на Востокѣ, и склонилъ Сенковскаго вступить на службу подъ его начальство при константинопольской миссіи, предоставляя ему полную свободу въ предпринятомъ путешествіи, которое можетъ считаться приготовленіемъ къ этой службѣ. Сенковскій не могъ не принять столь лестнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что частной его дорожной суммы недостало бы на дальнѣйшее путешествіе. Баронъ Строгановъ сдѣлалъ тогда же представленіе государственному канцлеру (графу Румянцеву),—и Сенковскій былъ, по высочайшему повелѣнію, причисленъ къ константинопольской миссіи (1820), и сверхъ того, по положенію Комитета Министровъ, получилъ «за успѣхи въ наукахъ» шесть-сотъ рублей серебромъ изъ суммъ виленскаго университета, отъ котораго ничего не получилъ при отправленіи въ путешествіе.

Такимъ образомъ служебное поприще молодаго оріенталиста казалось обезпеченнымъ по дипломатической части.

Изъ Константинополя онъ послалъ, отъ перваго января 1820 года, послѣднюю свою дань виленскимъ журналамъ—обозрѣніе «Дивана», то-есть собранія стихотвореній знаменитаго персидскаго анакреонтика Хафиза, съ переводомъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Нельзя не изумляться, какъ, въ такое короткое время, онъ успѣлъ настолько освоиться съ персидскимъ языкомъ, чтобъ переводить довольно трудную мистическую поэзію Хафиза.

Пробывъ недолго въ Константинополѣ, онъ отправился на берега Малой Азіи и черезъ Архипелагъ въ Сирію, гдѣ предполагалъ остаться на болѣе продолжительное время, для усовершенствованія себя въ арабскомъ языкѣ. Мѣстопребываніемъ себѣ онъ избралъ Айнъ-Туръ, одинъ изъ восьмидесяти-пяти монастырей католическихъ Маронитовъ, къ сѣверу отъ Бейрута, гдѣ доживалъ дни свои ученѣйшій изъ Маронитовъ, считавшійся первымъ знатокомъ арабскаго и сирскаго языковъ, восьмидесятилѣтній Антонъ Арыда, бывшій профессоромъ восточныхъ языковъ въ Вѣнѣ и авторъ нѣсколькихъ сочиненій объ арабскомъ языкѣ. Онъ былъ ректоромъ Айнъ-Турской семинаріи, состоявшей тогда впрочемъ только изъ пяти учениковъ — четырехъ туземцевъ и новоприбывшаго Франка, Юсуфа (Іосифа, Сенковскаго); къ нимъ впослѣдствіи присоединился еще другой Франкъ, по имени Якубъ (Яковъ Берггренъ), пасторъ шведскаго посольства въ Константинополѣ. Сенковскій, съ жаромъ, настойчивостію и пренебреженіемъ своего здоровья, принялся работать подъ руководствомъ Арыды,—и надобно было торопиться пользоваться урокамипастаго настоятеля, потому что онъ угасалъ съ каждымъ днемъ и вскорѣ скончался на рукахъ своего любимаго ученика (въ ноябрѣ 1820). Воспоминаніямъ о Сиріи посвящены впослѣдствіи однѣ изъ лучшихъ страницъ Сенковскаго, гдѣ онъ описываетъ и свои учебные труды на Ливанѣ. Надобно замѣтить, что онъ никогда не любилъ разсказывать ни о своихъ занятіяхъ, ни объ обстоятельствахъ своей жиз-

ни, и эти страницы, подписанныя псевдонимомъ, вовсе не назначались имъ служить матеріаломъ для его собственнаго жизнеописанія. Между-тѣмъ, противъ его желанія, онѣ остались любопытнѣйшимъ отрывкомъ его автобіографіи. «Съ жадностью къ наукѣ», писалъ въ 1834 году мнимый Осипъ Морозовъ,—«съ тою довѣренностью къ своимъ силамъ, съ тѣмъ презрѣніемъ здоровья и упрямствомъ въ достиженіи возмечтанной цѣли, которыя легко себѣ представить въ неопытномъ человѣкѣ лѣтъ двадцати, я нѣкогда бросился, безъ проводника и пособія, въ этотъ неизмѣримый чертогъ природы — одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ чертоговъ, воздвигнутыхъ ею на землѣ въ ознаменованіе своего могущества — не разсуждая объ опасности не выйти изъ страшнаго лабиринта заоблачныхъ вершинъ, на которыхъ можно замерзнуть среди лѣта, и раскаленныхъ пропастей, гдѣ органическая жизнь жарится въ самой страшной духотѣ, какую только солнце производитъ. Ограниченныя средства повелѣвали мнѣ узнавать скоро все, что̀ я могъ узнать въ томъ краю, и не забывать ничего, однажды пріобрѣтеннаго памятью. Съ по̀томъ чела перетаскивалъ я свои книги съ одной горы на другую — книги были все мое имущество — и рвалъ свое горло въ глуши, силясь достигнуть чистаго произношенія арабскаго языка, котораго звучность въ устахъ Друза или Бедуина, похожая на серебряный голосъ колокольчика, заключеннаго въ человѣческой груди, плѣняла мое ухо новостью и приводила въ отчаяніе своею неподражаемостью. Уединенныя ущелія Кесревана,

окружая меня колоннадою черныхъ утесовъ, вторили моимъ усиліямъ: я нерѣдко самъ принужденъ былъ улыбнуться надъ своимъ тщеславіемъ лингвиста при видѣ, какъ хамелеоны, весело пробѣгавшіе по скаламъ, останавливались подлѣ меня, раскрывали ротъ и дивились пронзительности гортанныхъ звуковъ, которые съ такимъ напряженіемъ добывалъ я изъ глубины легкихъ. Возвратясь въ конурку, занимаемую въ какомъ-нибудь маронитскомъ монастырѣ, я такъ же отчаянно терзалъ свои силы надъ спрскими и арабскими рукописями, отыскапными въ скудной библіотекѣ грамотнаго монаха: поспѣшно списывалъ любопытнѣйшія изъ нихъ, читалъ наскоро тѣ, которыхъ не успѣвалъ списать, дѣлалъ извлеченія, отмѣчалъ найденныя изъ нихъ живописнѣйшія фразы или заслышанные идіотизмы разговорнаго языка, и твердилъ ихъ наизустъ всю ночь. Два, много три часа отдыха на голой плитѣ, съ словаремъ вмѣсто подушки, были достаточны для возобновленія бодрости къ новымъ, столь же насильственнымъ занятіямъ, которыя прерывались только охотою за бѣгающимъ по сырымъ стѣнамъ келіи скорпіономъ, или *абу-борейсомъ*, ящерицею невинною, даже красивою, но поселявшею во внѣ непреодолимое отвращеніе. Исчерпавъ въ нѣсколько дней мудрость бѣдной обители, я отправлялся далѣе искать новыхъ упражненій и раздѣлять съ другими отшельниками блюдо вареной въ деревянномъ маслѣ чечевицы. Такъ провелъ я шесть или семь мѣсяцевъ, пока неумѣренное напряженіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, грубая и нездоро-

вая пища, усталость и лишенія всякаго рода не остановили моей пылкости опасною болѣзнію, которая заронила въ мою грудь зародышъ постояннаго страданія — быть можетъ, преждевременной смерти.... Усилія мои въ изученіи мѣстнаго арабскаго нарѣчія увѣнчались успѣхомъ, который льстилъ моему самолюбію: я сознаюсь въ этомъ безъ ложной скромности, такъ же смѣло, какъ бы сказалъ, что выучился чисто работать скоблемъ, еслибъ когда-нибудь занимался столярнымъ дѣломъ. Между этимъ упражненіемъ и наукою языковъ я усматриваю большое сходство: первое — механическое дѣло руки, вторая — механическое дѣло органовъ памяти, жеванія и глотанія. Но преодолѣнная трудность всегда дѣлается для насъ, даже и въ столярномъ ремеслѣ, источникомъ самодовольства и гордости: я считалъ себя почти равнымъ Аристотелю, когда Аравитяне, которые къ своему языку проникнуты настоящимъ обожаніемъ любовниковъ, и новые каламбуры, быть-можетъ весьма основательно, цѣнятъ такъ же высоко, какъ мы новыя мысли, называли меня *фейлусуфъ*, философомъ, зато, что я хорошо произносилъ ихъ гортанныя буквы, или спорили со мною, что я не Франкъ, а долженъ быть *ибнъ-эль-Арабъ*, арабскій сынъ. Мнѣ удалось состряпать десятокъ дурныхъ арабскихъ стиховъ, которые имѣли большой успѣхъ въ околоткѣ, и слава моя распространилась на нѣсколько смежныхъ горъ. Шейхи (дворяне) Маронитовъ и Друзовъ часто заѣзжали ко мнѣ выкурить трубку *джебели* съ любопытнымъ Франкомъ, который «знаетъ толкъ»,

и освѣдомиться о политическихъ новостяхъ Европы: здоровъ ли папа? что̀ дѣлаетъ *фагфуръ*, китайскій императоръ? и прочая.»

Кто зналъ изумительное трудолюбіе и упорство въ работѣ, какими до старости обладалъ Сенковскій, тотъ не найдетъ ничего преувеличеннаго въ приведенныхъ строкахъ о его юношескихъ учебныхъ занятіяхъ въ горахъ Ливана.

Въ Сиріи пробылъ Сенковскій около семи мѣсяцевъ, и въ ноябрѣ 1820 былъ уже въ Александріи. Здѣсь, и въ Каирѣ, онъ остался около трехъ мѣсяцевъ, для изученія мѣстнаго нарѣчія. Въ февралѣ 1821, отправился онъ вверхъ по Нилу, посѣтилъ Пирамиды и историческія развалины древняго Египта, и проникъ въ Нубію и Верхнюю Эѳіопію до Даръ-Махана, крайняго предѣла его странствованій въ Африкѣ. Въ чалмѣ и восточной одеждѣ, изъясняясь по-арабски на чистомъ сирійскомъ діалектѣ, хаваджа (monsieur) Юсуфъ — такъ называли Сенковскаго на Востокѣ — могъ безопасно дѣлать наблюденія надъ нравами и бытомъ жителей Нильской долины, тогда-какъ въ разныхъ областяхъ Турціи мусульманскій фанатизмъ воздвигалъ жестокія гоненія на христіанъ. Греческая революція была въ разгарѣ. Россія готовилась къ разрыву съ Оттоманскою Портою, и русскіе подданные въ особенности, какъ единовѣрцы съ Греками, были не въ безопасности въ ея владѣніяхъ. Въ самомъ Каирѣ едва не вспыхнуло возстаніе на христіанъ, удержанное только энергіею паши. Сенковскому надобно было спѣшить возвращеніемъ въ Европу. Незадолго пе-

редъ тѣмъ, его занимала мысль перевести въ Россію знаменитый дендерскій зодіакъ, древнее астрономическое изваяніе на камнѣ, вдѣланное въ потолкѣ дендерскаго храма. Съ помощію своего служителя, мальтійскаго Аравитянина Насра, или Игнатія Портелли (который сопровождалъ его и въ Петербургъ, гдѣ оставался у него въ услуженіи), Сенковскій вырубилъ камень изъ потолка и нагрузилъ его на барку, чтобы вести въ Александрію и оттуда въ Россію. Вѣсти о греческомъ возстаніи и разрывѣ съ Портою принудили его оставить это предпріятіе.

Двадцать-втораго іюля 1821, онъ покинулъ Египетъ, и изъ Александріи отправился на австрійскомъ купеческомъ суднѣ въ Европу. Въ Архипелагѣ оно не разъ встрѣчалось съ греческими пиратами, но благополучно миновало опасности и прибыло въ Константинополь, а оттуда въ Одессу.

Путешествіе Сенковскаго продолжалось не много болѣе двухъ лѣтъ, считая съ отъѣзда его изъ Вильна.

Въ это, для другаго столь недостаточное, время, онъ пріобрѣлъ рѣдкія въ Европейцѣ свѣдѣнія въ арабскомъ и турецкомъ языкахъ, на которыхъ говорилъ и писалъ — и писалъ каллиграфски-щеголевато—прозой и стихами, какъ на своемъ природномъ; выучился персидскому и сирскому, новогреческому и итальянскому; изучилъ мусульманскій Востокъ, въ его рукописяхъ и живомъ бытѣ—его религію, законы, литературу, преданія, суевѣрія, нравы и обычаи. Онъ пріобрѣлъ все, что только можно пріобрѣсти знаній на Востокѣ, чтобъ

быть первостепеннымъ оріенталистомъ. Поэтому неудивительно, что знатоки предмета, еще прежде чѣмъ онъ произвелъ что-либо замѣчательное, уже считали его своею знаменитостью.

Первымъ дѣломъ его, по прибытіи въ Россію, было, разумѣется, видѣть мать и жену, послѣ двухъ лѣтъ разлуки. Въ Вильнѣ ему нечего было долго оставаться. Какъ причисленный къ константинопольской миссіи, онъ долженъ былъ явиться въ Петербургъ. Слава его необычайныхъ дарованій ему предшествовала. Незабвенный покровитель отечественныхъ талантовъ, государственный канцлеръ графъ Румянцевъ принялъ его самымъ лестнымъ образомъ; тотчасъ исходатайствовалъ ему двѣсти червонцевъ въ вознагражденіе за путевыя издержки и за «успѣшное приготовленіе себя къ службѣ», и опредѣлилъ переводчикомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ жалованьемъ по 2,500 рублей ассигнаціями (20 декабря 1821). Изъ государственныхъ сановниковъ, баронъ Строгановъ и графъ Румянцевъ были первыми и единственными покровителями Сенковскаго: эти просвѣщенные вельможи искали и умѣли находить даровитыхъ людей и давать имъ ходъ, а не ожидали, подобно другимъ, чтобы дарованіе само пришло къ нимъ на поклонъ и заявило себя передъ ними угодничествомъ и лестью: на что̀ и не былъ способенъ Сенковскій; оттого, впродолженіе послѣдующей своей службы, онъ не видѣлъ для себя новыхъ Румянцевыхъ и Строгановыхъ, и ему чаще приходилось бороться съ недоброжелательствомъ, чѣмъ находить въ комъ-либо опору.

До полученія званія переводчика, Сенковскій долженъ былъ подвергнуться офиціяльному испытанію въ Академіи Наукъ, и знаменитый академикъ Френъ выдалъ ему (28 ноября 1821) слѣдующій аттестатъ, приносящій столько же чести экзаминатору, какъ и испытуемому: «Г. Сенковскій»—свидѣтельствовалъ Френъ — «въ немногіе годы, проведенные имъ на Востокѣ, пріобрѣлъ въ арабскомъ языкѣ столь отличныя свѣдѣнія, какихъ едва можно достигнуть послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усидчиваго изученія этого, столь же богатаго, какъ и труднаго языка. Онъ изучилъ его не только практически, для разговоровъ, но и грамматически, въ книгахъ и письменныхъ памятникахъ этого народа: однимъ словомъ, въ ученомъ отношеніи. Посвятивъ свое время этой сугубой цѣли, г. Сенковскій узналъ этотъ языкъ во всей его обширности и основательно. Я испытывалъ его въ арабской грамматикѣ, и нашелъ его весьма знающимъ въ этой части. Я давалъ ему переводить арабскихъ писателей, и онъ легко переводилъ указанныя мною мѣста. Въ отношеніи же письма на арабскомъ языкѣ, онъ показалъ свои свѣдѣнія, сочиняя, при моихъ глазахъ, цѣлыя статьи на этомъ языкѣ, которыя возбудили во мнѣ столько же удивленія по легкости, съ какою онѣ были написаны, сколько доставили мнѣ истиннаго удовольствія по чистотѣ и изящности ихъ слога. Что касается до разговорнаго языка, въ которомъ г. Сенковскій особенно силенъ, то я не могу и мѣряться съ нимъ, изучавъ этотъ языкъ только по книгамъ, рукописямъ и памятникамъ;

и я чрезвычайно сожалѣю, что въ этомъ отношеніи, не будучи законнымъ судьею, не могу воздать должныхъ похвалъ этому замѣчательному молодому человѣку. Вообще, по своимъ свѣденіямъ въ арабскомъ языкѣ, г. Сенковскій совершенно способенъ занять съ честію и пользою каѳедру этого языка, и столько же можетъ быть полезенъ и на поприщѣ дипломатическомъ. Его любовь и энтузіазмъ къ восточнымъ языкамъ, рѣдкое усердіе, которое онъ уже показалъ, и особенная способность къ языкознанію, соединенныя съ обширными свѣдѣніями, служатъ ручательствомъ прекрасныхъ надеждъ на услуги, которыя онъ можетъ оказать какъ на поприщѣ дипломатическихъ сношеній Имперіи съ Портою, такъ (надѣюсь и желаю) и въ области науки.» — Къ такому отзыву о познаніяхъ Сенковскаго, произнесенному оріенталистомъ, раздѣлявшимъ съ Де-Саси славу перваго знатока своего предмета въ Европѣ, нечего прибавлять. Френъ, до конца своей жизни, питалъ искреннее уваженіе къ учености и дарованіямъ Сенковскаго; предложилъ его къ избранію въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ въ 1828 году, и въ 1832 году, когда уже Сенковскій посвятилъ свои труды русской словесности, думалъ вновь вызвать его на оріентальное поприще, предложивъ отъ имени Академіи задачу объ исторіи Золотой Орды, которою Сенковскій передъ тѣмъ занимался.

Въ Петербургъ Сенковскій прибылъ въ октябрѣ 1821 года. Черезъ Булгарина, котораго онъ зналъ, еще до своего отъѣзда, въ Вильнѣ, и ко-

торый тогда не пользовался еще нынѣшнею своею репутаціею, онъ познакомился съ тѣснымъ кружкомъ русскихъ литераторовъ, и изъ нихъ, болѣе чѣмъ съ другими, сошелся съ Александромъ Бестужевымъ (Марлинскимъ), который сталъ учиться у него по-польски и исправлялъ первые опыты Сенковскаго въ русскомъ языкѣ — его переводы восточныхъ повѣстей, напечатанные потомъ въ альманахѣ «Полярная Звѣзда». Онъ же ввелъ его въ Вольное Общество Россійской Словесности, членами котораго были почти всѣ петербургскіе литераторы. Въ одной изъ своихъ повѣстей, Марлинскій вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ воспоминаніе о Сенковскомъ: «вѣдь я не Сенковскій, чтобъ знать всѣ въ мірѣ языки!»

Первыя книжки «Сѣвернаго Архива» 1822 года и альманаха Бестужева украшены были его статьями. Печатая «Краткое начертаніе путешествія въ Нубію и Верхнюю Эѳіопію», издатель Сѣвернаго Архива писалъ: «Съ удовольствіемъ извѣщаемъ публику, что первое подробное описаніе Нубіи и рѣдкостей, въ ней заключающихся, выйдетъ въ свѣтъ на русскомъ языкѣ. Г. Сенковскій, путешествовавшій слишкомъ два года по разнымъ странамъ Востока и Африки, за два мѣсяца предъ симъ прибылъ въ С.-Петербургъ, и намѣренъ издать здѣсь свои записки. Онъ первый изъ русскихъ путешественниковъ посѣтилъ сіи малопзвѣстныя страны, и зная восточные языки, собралъ весьма любопытныя свѣденія». Къ сожалѣнію, полное «Путешествіе на Востокъ», Сенковскаго, никогда не было издано, и въ оставшихся

послѣ него бумагахъ не отыскано даже его путеваго дневника. Между-тѣмъ, въ напечатанныхъ отрывкахъ заключалось столько свѣтлыхъ и новыхъ для того времени взглядовъ и свѣденій, что нѣтъ сомнѣнія, что изданіе всего Путешествія было-бы большою услугою наукѣ землевѣдѣнія. Отрывокъ о Нубіи и Верхней Эѳіопіи напечатанъ былъ и на французскомъ языкѣ въ Annales des Voyages, и знаменитый археологъ Летроннъ тотчасъ воспользовался помѣщенными тамъ данными для своего ученаго изслѣдованія о надписи съ именемъ нубійскаго царька Силько,* списанной Сенковскимъ.

«Сынъ Отечества», другой петербургскій журналъ, спѣшилъ также помѣстить на своихъ страницахъ нѣсколько статей молодаго ученаго, путешествіе котораго дѣлало столько шуму въ обществѣ. Сенковскій далъ издателю отрывокъ о посѣщеніи Пирамидъ и шуточное письмо изъ Каира. Первая статья надѣлала-было хлопотъ автору. Онъ неуважительно упомянулъ въ ней о бывшемъ въ его время въ Египтѣ Англо-итальянцѣ Бельцони, которому удалось отрыть нѣсколько древнихъ храмовъ и развалинъ, и тѣмъ прославиться въ Европѣ. Сенковскій замѣтилъ, что онъ вовсе не заслуживаетъ славы ученаго антикварія, а только производилъ удачныя раскопки по указаніямъ другихъ; тутъ же проскользнуло у его выраженіе «фигляръ», въ званіи котораго дѣйствительно находился Бельцони на Астлеевомъ театрѣ

* Journal des Savants, 1825.

въ Лондонѣ, до-тѣхъ-поръ пока ученые французскіе и англійскіе антикваріи въ Египтѣ не вздумали употребить силу и ловкость бывшаго «Геркулеса» на раскопку гробницъ и добываніе древностей Фараоновъ. На-бѣду, Бельцони прибылъ въ Петербургъ въ то самое время, какъ печаталась статья Сенковскаго; ему услужливо перевели неблагопріятный отзывъ; пылкій Итальянецъ выходилъ изъ себя и хотѣлъ вызвать критика на дуэль; Булгаринъ хвалился, что *онъ* успѣлъ отговорить отъ того Бельцони, и дѣло кончилось неловко написанною антикритикою, доставленною Бельцони въ тотъ же «Сынъ Отечества»: въ ней сознавался онъ, что не имѣетъ никакихъ правъ и притязаній на званіе «ученаго» антикварія, но отвергалъ, чтобы въ Египтѣ работалъ по найму для разныхъ антикваріевъ, а работалъ онъ и совершалъ путешествія и разрытія, частію на счетъ Британскаго Музея, частію на собственныя деньги. Сенковскій — врагъ всякихъ антикритикъ и рекритикъ — ни словомъ не отвѣчалъ Бельцони; да и не стòило отвѣчать, когда тотъ откровенно самъ сознался, что не думаетъ выдавать себя за «ученаго» (Бельцони, дѣйствительно, не получилъ никакого, даже не-ученаго, образованія): слѣдовательно, онъ и знать не могъ о мѣстоположеніи тѣхъ храмовъ и развалинъ, которые открылъ, и слѣдовательно, открылъ онъ ихъ или случайно, или по указанію другихъ «ученыхъ», которые могли дѣлать свое заключеніе о мѣстности по извѣстіямъ древнихъ писателей, невѣдомыхъ Бельцони.

Между-тѣмъ какъ служебное поприще Сенковскаго казалось устроеннымъ въ Петербургѣ, виленскій университетъ, ревнуя видѣть даровитаго своего воспитанника въ своей средѣ, избралъ его (въ мартѣ 1822) въ профессоры восточныхъ языковъ. Это избраніе было для него, конечно, лестно; но онъ занималъ уже должность въ Петербургѣ, и кромѣ того имѣлъ въ виду профессуру въ здѣшнемъ университетѣ. Въ юномъ петербургскомъ университетѣ произошелъ тогда переворотъ. Вслѣдствіе тогдашняго направленія идей къ мистицизму, бо̀льшая часть профессоровъ заподозрѣна была въ распространеніи съ каѳедры вредныхъ идей, противныхъ христіанскому вѣроученію; отобраны были у студентовъ тетради профессорскихъ лекцій, произведены допросы, взяты показанія; и слѣдствіемъ было то, что многіе изъ лучшихъ профессоровъ — ректоръ Балугіянскій, впослѣдствіи статсъ-секретарь и помощникъ Сперанскаго въ составленіи Свода Законовъ, юристы Куницынъ и Плисовъ, географъ Арсеньевъ, философъ Галичъ, статистикъ Германъ, нѣмецъ Раупахъ (извѣстный драматическій писатель), и другіе, были уволены въ отставку. Въ ихъ число попали, вѣроятно, за преподаваніе не-христіанскихъ языковъ, профессоры арабскаго и турецкаго, Французы Деманжъ и Шармуа, которые, впрочемъ, нашли себѣ тотчасъ же мѣсто при Азіятскомъ Департаментѣ и въ Училищѣ восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Недавно учрежденныя каѳедры этихъ языковъ въ университетѣ остались

вакантными, кромѣ каѳедры персидскаго, занятой Персіяниномъ, мирзою Джафаромъ. Сенковскій былъ единственный оріенталистъ, который имѣлъ притязаніе и наибольшее право на эти вакантныя каѳедры, и, съ аттестатомъ Френа въ рукахъ, могъ не страшиться ни чьего соперничества. Френъ подкрѣпилъ его права новымъ письмомъ къ попечителю, и молодой Сенковскій—ему было только двадцать-два года отъ роду — былъ опредѣленъ въ петербургскій университетъ прямо ординарнымъ профессоромъ, съ сохраненіемъ притомъ, на все время его службы, того жалованья, какое онъ получалъ по константинопольской миссіи изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (29-го іюля 1822). Такъ блистательно открылось для него ученое поприще, гдѣ онъ съ наибо́льшею пользою могъ приложить свои свѣдѣнія и дарованія.

Составъ университета, послѣ недавняго «очищенія», былъ не блистателенъ. Мѣста уволенныхъ ученыхъ профессоровъ заняли доморощенные казенные кандидаты — Ельпатіевскіе, Андріевскіе, Крыловы, Соколовы, Семеновы, Бруты — съ которыми не могъ гармонировать умъ Сенковскаго. Ни духа науки, ни ученаго достоинства, въ академическомъ сословіи не было. Къ счастію, Сенковскій нашелъ себѣ просвѣщенныхъ цѣнителей въ двухъ попечителяхъ, Руничѣ и Бороздинѣ, въ управленіе которыхъ (до 1832 года) онъ имѣлъ сильный голосъ въ университетскомъ совѣтѣ и вліяніе на дѣла не только университета, но и всего учебнаго округа, и занималъ неоднократно

должности декана факультета, члена училищнаго комитета и визитатора училищъ. Множество дѣловыхъ бумагъ и проектовъ, всегда отличавшихся яснымъ изложеніемъ и умными практическими мыслями, вышли изъ-подъ его пера въ это время. Такъ напримѣръ, въ 1829 году онъ представилъ «Проектъ положенія для Отдѣленія восточныхъ языковъ и словесностей», вслѣдствіе котораго назначенъ былъ особый комитетъ для обсужденія вопроса объ учрежденіи Отдѣленія восточныхъ языковъ при университетѣ. Проектъ нашли тогда неудобоисполнимымъ; но мысль Сенковскаго не погибла и осуществлена другими, хотя далеко не во всей ея полнотѣ, въ 1853 году, уже по выходѣ его изъ университета. Между-тѣмъ бо̀льшая часть членовъ совѣта, которыхъ Сенковскій трактовалъ съ высоты своего ученаго достоинства, навсегда осталась ему враждебною; онъ, впродолженіи двадцати-пяти-лѣтней своей службы въ университетѣ, не получилъ никакой награды; и когда, однажды, хотѣли его представить къ одному незначительному отличію, онъ написалъ на присланной къ нему бумагѣ: «Не желаю. Я имѣю уже то отличіе, что не имѣю никакого знака отличія.»

Сенковскій началъ свои чтенія въ университетѣ по окончаніи лѣтнихъ вакацій 1822 года: вступительная лекція (18 августа) посвящена была общему взгляду на изученіе арабскаго языка. Она была тогда же напечатана. Онъ обращалъ въ ней вниманіе на способы изученія этого богатаго языка и на необходимость правильнаго его произноше-

нія—(извѣстно, что бо́льшая часть Европейцевъ, изучавшихъ этотъ языкъ лишь въ кабинетѣ, произносятъ такъ, что ни одинъ Арабъ не поймётъ ихъ: предшественникъ Сенковскаго, напримѣръ, г. Деманжъ, произносилъ арабскія гортанныя буквы съ парижскимъ акцентомъ—*ррараджа* вмѣсто *ххараджа*, *ррази* вмѣсто *гази*); указывалъ на изученіе восточныхъ почерковъ, необходимое для разбора рукописей; говорилъ о заслугахъ Сильвестра Де-Саси и своего наставника Арыды, и такъ далѣе. Не имѣя адъюнкта, онъ долженъ былъ начать свое преподаваніе съ перваго курса. Впослѣдствіи онъ объяснялъ лишь труднѣйшихъ арабскихъ писателей—«Муаллаки» (древнія поэмы), «Бесѣды» Харирія, «Хамасу» (собраніе древнихъ арабскихъ стихотвореній), нерѣдко комментируя ихъ на арабскомъ же языкѣ. Лекціи его не ограничивались языкомъ и литературою, а были живою энциклопедіею науки о Востокѣ: по поводу словъ, онъ объяснялъ понятія и идеи; вводилъ слушателя въ мѣстный бытъ; знакомилъ съ исторіею и топографіею; выходилъ нерѣдко изъ предѣловъ Востока, чтобы показать параллельныя явленія въ Греціи, Римѣ, или Европѣ; разбиралъ критически европейскія сочиненія о Востокѣ, и указывалъ путь къ самостоятельнымъ изысканіямъ. Случалось, что въ цѣлую лекцію слушателю его удавалось перевести не болѣе двухъ, трехъ, стиховъ, или одной фразы прозы; потому-что переводимыя слова, мысли или картины требовали комментарія со стороны профессора, и комментарій этотъ принималъ размѣры диссертаціи или ученаго трактата о томъ или о другомъ предметѣ.

Такимъ-образомъ, слушатель выносилъ изъ его лекцій массу разнородныхъ и живыхъ знаній о Востокѣ, которыя возбуждали и питали его любознательность и заставляли пополнять запасъ своихъ свѣдѣній чтеніемъ лучшихъ авторовъ. Профессоръ упражнялъ своихъ студентовъ и въ переводѣ на арабскій. На лекціяхъ турецкаго языка онъ заставлялъ переводить съ русскаго на турецкій. Текстомъ для этихъ переводовъ служила иногда «Сказка о Францылѣ Венеціанѣ», съ знаменитымъ ея «королемъ *Брамбеусомъ*»—будущимъ псевдонимомъ ученаго профессора—складъ которой удобно перелагался на турецкій.

Сенковскій былъ звѣздою первой величины между преподавателями-оріенталистами. Онъ не только съ увлекательностью и глубокою основательностью объяснялъ свой предметъ; но и, вообще, побуждалъ слушателя къ ученымъ занятіямъ, развивалъ въ немъ жажду знаній и содѣйствовалъ его умственному развитію. Поэтому заслуга его, какъ профессора, двойная. Какъ преподаватель восточныхъ языковъ и словесностей, онъ основательно и глубоко знакомилъ слушателя со своимъ предметомъ, и въ этомъ отношеніи заслуги его Россіи стоятъ на одномъ ряду съ заслугами, оказанными Франціи знаменитѣйшимъ изъ ея арабистовъ, Де-Саси, который, также какъ и онъ, умѣлъ въ привлекательномъ видѣ распространять съ каѳедры массу живыхъ свѣдѣній о Востокѣ и образовать достойныхъ оріенталистовъ. Другая заслуга Сенковскаго, какъ русскаго профессора, состояла въ значительномъ вліяніи на слушателей въ отно-

шеніи умственнаго развитія и возбужденія любви къ наукѣ вообще,—а въ этомъ они очень нуждались: бо̀льшая часть профессоровъ того времени держались притупляющей схоластической методы, состоявшей въ томъ, чтобы студенты заучивали наизустъ пройденныя ими лекціи и дальше ихъ ничего не знали; тогда какъ Сенковскій требовалъ отъ своего слушателя знанія отчетливаго, живаго и основаннаго на источникахъ, а не на авторитетахъ, которыхъ онъ никогда не признавалъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ благотворнаго вліянія его на слушателей можетъ служить то, что изъ перваго же курса его (1823 — 1824) вышли двое, посвятившихъ себя оріентализму и издавшихъ нѣсколько сочиненій по этой части — Волковъ, впослѣдствіи адъюнктъ его по каѳедрѣ арабскаго языка и хранитель Азіятскаго Музея Академіи Наукъ, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій Френа на русскій языкъ и авторъ нѣсколькихъ статей о литературѣ Востока на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и Ботьяновъ, издавшій русскій съ подлинника переводъ Муаллаки Лебида и поэмы Абуль-Олы.

Слушатели Сенковскаго одушевлены были искреннимъ энтузіазмомъ къ чтеніямъ своего профессора; зато и онъ готовъ былъ заботливо помогать каждому изъ нихъ своимъ совѣтомъ, книгами, рекомендаціей. Вотъ отзывъ его объ одномъ изъ слушатетей 1829 года, о которомъ требовалъ его мнѣнія попечитель. «Вслѣдствіе предписанія вашего касательно доставленія свѣденія о способностяхъ и познаніяхъ студента Курляндцева» —

писалъ Сенковскій — «имѣю честь отвѣтствовать, что я нахожу въ семъ молодомъ человѣкѣ отличныя дарованія и нужное прилежаніе, особливо же способность къ изученію языковъ. Учась третій годъ восточнымъ языкамъ въ здѣшнемъ университетѣ, онъ оказываетъ отличные успѣхи въ арабскомъ и персидскомъ: турецкому онъ недавно еще началъ учиться. Но сверхъ сего онъ хорошо знаетъ латинскій и французскій языки, и вообще во всѣхъ предметахъ историко-филологическаго факультета былъ всегда изъ числа первѣйшихъ и отличнѣйшихъ студентовъ. Я, по моему убѣжденію, не знаю, между нашими студентами никого способнѣе г. Курляндцова къ занятію вакантнаго мѣста при пекинской миссіи: напротивъ того, весьма желательно, чтобъ выборъ палъ на него, ибо, соединяя знаніе западныхъ языковъ Азіи съ восточными ея нарѣчіями, сей молодой человѣкъ могъ бы, такимъ-образомъ, сдѣлаться со-временемъ знаменитѣйшимъ оріенталистомъ въ Европѣ и принести честь своему отечеству и истинную пользу наукамъ. Но при семъ случаѣ, я осмѣлюсь замѣтить, что, посылая въ Пекинъ молодыхъ людей для изученія восточныхъ языковъ Азіи, едвали когда-либо дана имъ была у насъ ученая инструкція, составленная опытными и образованными оріенталистами, для руководства ихъ въ занятіяхъ по части филологіи и наблюденія тамошняго края. Можетъ-статься, что тѣ, кои тамъ доселѣ воспитывались на иждивеніи нашего правительства, не были въ состояніи дѣйствовать по ученой инструкціи; но какъ г. Курляндцевъ, по познаніямъ и дарованіямъ своимъ, мо-

жетъ всегда быть выше обыкновенныхъ переводчиковъ, то ему, по-крайней-мѣрѣ, слѣдовало бъ дать отъ университета и отъ Академіи Наукъ особенное наставленіе, дабы онъ имѣлъ постоянно въ виду то, что̀ болѣе всего Европеецъ долженъ и хочетъ знать о Китаѣ и его словесности, и старался преимущественно собирать такія свѣденія, коихъ по сей части не достаетъ въ Европѣ». — Юноша, подавшій такія прекрасныя надежды, къ сожалѣнію, вскорѣ унесъ въ могилу столько дарованій, обѣщавшихъ новую славу русской наукѣ.

Таковъ былъ Сенковскій, какъ профессоръ, до 1835 и 1836 годовъ: съ этого времени, отдавшись вполнѣ журналистикѣ, онъ сталъ менѣе заботиться о своихъ лекціяхъ, пропускалъ ихъ, торопился читать, и вообще охладѣлъ къ университету, чему виною было отчасти и то, что самъ университетъ давно уже былъ къ нему холоденъ.

Изъ университетской аудиторіи Сенковскаго перейдемъ въ его домашній кабинетъ, къ его ученымъ трудамъ въ теченіи восьми лѣтъ, отъ начала его профессорскаго поприща по 1830 годъ, когда онъ началъ посвящать свои труды преимущественно легкой словесности.

Не смотря на совершенное знаніе арабскаго языка и изумительную память, которыя, казалось бы, могли избавить профессора отъ труда приготовляться къ лекціямъ, онъ чрезвычайно добросовѣстно готовился къ нимъ—записывалъ, на особыхъ бумажкахъ, слова, требующія особыхъ объясненій; выписывалъ мѣста изъ глоссаторовъ; отмѣчалъ, на что̀ слѣдуетъ обратить вниманіе слу-

шателей. Онъ продолжалъ упражняться въ сочиненіяхъ на арабскомъ языкѣ, особенно въ стихахъ, и въ устной бесѣдѣ съ своимъ мальтійскимъ Аравитяниномъ, пріѣхавшимъ съ нимъ изъ Египта. Для практики въ турецкомъ языкѣ, онъ имѣлъ бесѣды съ адъюнктомъ мирзою Джафаромъ, и любилъ писать къ нему записочки, то прозой, то стихами, «какъ настоящій Османлы», говоритъ мирза Джафаръ, который сохраняетъ многія изъ нихъ, какъ драгоцѣнную память. Въ то же время онъ началъ заниматься и восточно-турецкими языками (татарскимъ) и собственноручно переписалъ (въ маѣ 1824) съ рукописи одного бухарскаго купца томъ «Записокъ султана Бабера», которыя намѣревался издать въ подлинникѣ и переводѣ. Распространяя кругъ своихъ лингвистическихъ познаній, онъ принялся за изученіе языковъ тѣхъ семействъ, которые еще не были ему знакомы, въ томъ числѣ монгольскаго, маньджурскаго и китайскаго (принадлежавшіе ему экземпляры словарей этихъ языковъ исписаны всѣ его замѣтками карандашомъ). Только санскритскимъ, кажется, онъ не занимался, имѣя противъ него ученое предубѣжденіе; бо̀льшую же часть литературныхъ языковъ Европы и Азіи онъ зналъ по-крайней-мѣрѣ настолько, чтобы понимать все на нихъ писанное, и изъ нихъ вѣнцомъ его знанія были арабскій и турецкій, которыми онъ владѣлъ, какъ природными; было даже время, въ началѣ его профессорства, когда на этихъ языкахъ говорилъ и писалъ онъ тверже чѣмъ по-русски. При изумительной способности къ языкознанію, ему не стоило почти никакого

труда усвоить себѣ какой-либо новый языкъ, когда изъ той же семьи ему уже извѣстно было нѣсколько другихъ братьевъ. Такъ выучился онъ исландскому, чтобы перевести «Эймундову Сагу». Мы слыхали изъ его устъ цитаты на литовскомъ и баскскомъ. Кардиналъ Меццофанти не могъ бы найти достойнѣйшаго соперника для состязанія на лингвистическомъ турнирѣ.

Но Сенковскій не былъ только практическимъ языкознаемъ, какъ Меццофанти; онъ былъ и самостоятельный филологъ. Начавъ свое ученое поприще въ то время, когда сравнительное языкознаніе, съ легкой руки «Словаря Екатерины Второй», стремилось лишь на сопоставленіе подобозвучныхъ словъ, поїманныхъ на охотѣ въ дебряхъ разноязычныхъ лексиконовъ, онъ одинъ изъ первыхъ вооружился противъ этой ложной методы сравненій, и когда потомъ всѣ увлеклись санскритскимъ языкомъ и избрали его критеріумомъ для филологическихъ наведеній, онъ одинъ упорно стоялъ на необходимости болѣе прочныхъ основаній для сравнительной филологіи. Но между-тѣмъ, какъ крайности прежняго корнесловія смягчались въ филологической Германіи, и сравнительная филологія обращалась къ болѣе положительному ученію, Сенковскій уже сошелъ съ поприща спеціяльнаго изученія языковъ и остался при прежнемъ своемъ пребубѣжденіи противъ санскрита и старыхъ этимологовъ. Проглядѣвъ новое филологическое движеніе въ Германіи, данное трудами В. Гумбольдта и его послѣдователей, онъ, однакожъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, опередилъ эту школу,

настаивая на необходимость болѣе связнаго изученія науки языковъ съ наукою о звукѣ (акустикою и музыкою).

Это привело его впослѣдствіи къ усерднымъ занятіямъ теоріею музыки и опытамъ надъ искуственнымъ горломъ. На лекціяхъ онъ употреблялъ почти исключительно историческій, а не генетическій методъ словообъясненій.

Имѣя филологическія изученія на первомъ планѣ, онъ, въ то же время, слѣдилъ за движеніемъ наукъ и по другимъ областямъ знаній. Умственныя занятія и разнообразіе ихъ были его потребностью; онъ изучалъ, чтобы знать, а не для того, чтобы только употребить свои знанія на показъ въ книгѣ: всегда нужно было какое-нибудь благопріятное обстоятельство, чтобы побудить его высказаться, и онъ унесъ въ могилу множество такихъ свѣденій, которыхъ еще не успѣлъ высказать. Какъ великъ былъ его ученый запасъ, можно заключить и изъ того, что почти безпрерывно пиша впродолженіи двадцати лѣтъ, онъ не успѣлъ истощить его; и послѣ десяти лѣтъ молчанія, когда родились новые вопросы въ обществѣ и новыя требованія публики, онъ явился, подъ конецъ своей жизни, redivivus, опять юнымъ, прежнимъ, на уровнѣ всего современнаго, имѣющимъ сказать что-нибудь новое обо всемъ, что̀ начало занимать всѣхъ и каждаго.

Обратимся къ первымъ его ученымъ трудамъ.

Членъ бывшаго въ Бухарѣ въ 1820—21 году россійскаго посольства, баронъ Мейендорфъ, вывезъ оттуда, между-прочимъ, персидскій текстъ

«Исторіи Бухары», непзвѣстный въ Европѣ. Сенковскій взялся издать его; сдѣлалъ извлеченіе изъ него всѣхъ историческихъ свѣденій на французскомъ языкѣ; присоединилъ къ тому критическія примѣчанія и объясненія; приложилъ, для образца, часть подлиннаго текста, и написалъ къ нему предисловіе на персидскомъ языкѣ. Сочиненіе это издано было въ 1824 году, въ видѣ приложенія къ программѣ университетскихъ лекцій, подъ заглавіемъ «Прибавленіе къ Всеобщей Исторіи Гунновъ, Турковъ и Монголовъ, содержащее въ себѣ сокращенную исторію владычества Узбековъ въ Велпкой Бухаріи» и проч. Оно встрѣчено было самыми лестными отзывами въ ученыхъ европейскихъ журналахъ. Сильвестръ Де-Саси посвятилъ ей статью въ Journal des Savants, которую заключилъ слѣдующими словами: «Сочиненіе г. Сенковскаго показываетъ чрезвычайно обширныя свѣденія автора въ языкахъ Азіи, со включеніемъ даже китайскаго, и составляетъ тѣмъ болѣе пріятное явленіе въ области восточной литературы, что заставляетъ ожидать весьма многаго отъ автора». Карлъ Риттеръ, пользовавшійся этимъ сочиненіемъ для своей Erdkunde, называетъ автора «превосходнымъ изслѣдователемъ исторіи Узбековъ». Достоинство этой исторіи заключается не столько въ текстѣ, любопытномъ только по неимѣнію другаго, полнѣйшаго, сколько въ изложеніи, объясненіи и обработкѣ его, совершенныхъ съ большимъ искусствомъ, знаніемъ и талантомъ; невозможно сдѣлать лучшаго сочиненія изъ столь малозначительнаго текста. Сверхъ-того Сенковскій выказалъ здѣсь и роскошь своей фи-

лологической эрудиціи, напечатавъ татарско-джагатайскія стихотворенія автора съ своимъ переводомъ, стихами же, на турецкій-османскій и на арабскій, и приложивъ къ тексту свое предисловіе на персидскомъ языкѣ.

Описаніе «Путешествія въ Бухару», тогда же составленое барономъ Мейендорфомъ, подало Сенковскому поводъ присоединить къ этому изданію двѣ статьи—о бухарскихъ монетахъ и описаніе пути отъ Семипалатинска въ Кашмиръ, которыя и помѣщены въ приложеніи къ этому Путешествію, изданному на французскомъ языкѣ, въ 1826 году, въ Парижѣ.

Въ 1823 году, Сенковскій сообщилъ г. Гречу разныя этимологическія замѣчанія о русскомъ языкѣ, которыми тотъ съ благодарностью воспользовался въ своей «Пространной Грамматикѣ». *

Въ 1824—25 годахъ, онъ напечаталъ на польскомъ языкѣ два тома «Сборника изъ турецкихъ историковъ, касающихся польской исторіи», съ приложеніями и критическими объясненіями. Онъ дѣлалъ, въ тоже время, подобныя же извлеченія относительно къ русской исторіи, на русскомъ языкѣ. Одна статья изъ этого труда была тогда же помѣщена имъ въ «Сѣверномъ Архивѣ», а другая напечатана потомъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Изданіе полнаго «Сборника» на русскомъ языкѣ остановилось, вѣроятно, за трудностію отыскать для него издателя. Извѣстія турецкихъ историковъ о войнахъ и мирныхъ сно-

* См. «Сынъ Отечества» 1824, ч. XCI, стр. 80, и предисловіе къ «Пространной Русской Грамматикѣ», Н. Греча.

шеніяхъ Порты съ Россіей и Польшею важны и и любопытны въ двойномъ отношеніи,— какъ историческій документъ и матеріялъ изъ непріятельскаго лагеря — audiatur et altera pars — и по взгляду ихъ на дѣла своихъ христіанскихъ непріятелей. Въ обоихъ отношеніяхъ переводъ ихъ, съ объяснительными примѣчаніями, какъ то сдѣлалъ Сенковскій, есть услуга и наукѣ исторіи и литературѣ. Особенно любопытны изъ этихъ его трудовъ «Записки Ресми-Ахмедъ-Эфендія, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, о русско-турецкой войнѣ 1769 — 1776 годовъ», напечатанныя имъ въ русскомъ переводѣ,—одно изъ оригинальнѣйшихъ произведеній османской литературы, полу-оффиціяльное, но живое и вмѣстѣ юмористическое. Сенковскій передалъ ихъ неподражаемо, и—говоря его словами—«сохранилъ ненарушимо тонъ и колоритъ подлинника, не измѣняя сущности его выраженій и не стирая съ нихъ того отпечатка оригинальности, который составляетъ главную красоту текста». Такъ перевести могъ только писатель, одинаково владѣющій обоими языками и обладающій притомъ даромъ проникаться духомъ и складомъ того и другаго языка. Столь же неподражаемо передалъ онъ впослѣдствіи арабскую муаллаку (поэму) Лебида. Это вѣнцы его переводовъ, и подобныхъ едва ли можно отыскать на другихъ европейскихъ языкахъ. Между-тѣмъ, странная судьба постигла переводы Сенковскаго изъ турецкихъ историковъ. Польскіе журналисты—что̀ не дѣлаетъ чести ихъ эрудиціи и проницательности — приняли эти переводы за сатиру, сочиненную Сенков-

скимъ на ихъ храбрыхъ предковъ! «Эта книга произвела величайшее негодованіе во всѣхъ провинціяхъ, составлявшихъ древнюю Польшу», писалъ г. Булгаринъ, «всѣ ложные и превратные разсказы турецкихъ историковъ относительно сношеній Турціи съ Польшею представлены были Сенковскимъ какъ сущая правда, и польскія побѣды надъ Турками превращены въ пораженія!» * Съ такимъ еще предубѣжденіемъ и отсутствіемъ критики смотрятъ доселѣ нѣкоторые писатели на иноземные источники для отечественной исторіи. Русскій переводъ «Записокъ Ресми-Ахмедъ-Эфендія» постигла та же участь со стороны русскихъ журналистовъ,— что̀ также не приноситъ чести эрудиціи и критическому такту русскихъ журналистовъ: они приняли возможно-буквальный переводъ турецкаго текста за мистификацію или передѣлку въ родѣ романа «Хаджи-Баба»!

Въ то же время, какъ видно изъ его письма къ Клапроту, въ Парижъ, отъ $^{14}/_{26}$ февраля 1825, Сенковскій занимался «Исторіею Золотой Орды». «Сочиненіе это — писалъ онъ — можетъ быть не безполезно для русской исторіи, и для исторіи Азіи вообще; но, къ сожалѣнію, матеріялы для него слишкомъ недостаточны и наполнены противорѣчіями». Мы уже замѣтили выше, что знаменитый Френъ хотѣлъ вызвать дѣятельность Сенковскаго на окончаніе этого труда, предложивъ эту задачу на конкурсъ Академіи (въ 1832 году).

Лѣтомъ 1825 года пріѣхалъ въ Петербургъ

---

* См. «Сѣверная Пчела», 1858, № 95.

спутникъ Сенковскаго по Спріи и Египту, Берггренъ, съ цѣлію издавать вмѣстѣ съ нимъ «Арабскій Словарь» и вывезенныя имъ съ Ливана религіозныя «Книги Друзовъ». Сенковскій дѣятельно принялся за «Словарь», и вскорѣ можно было приступить къ его изданію. Френъ, разсмотрѣвъ пробные листы, напечаталъ самый лестный отзывъ и объявленіе объ этомъ трудѣ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ.* Девятнадцать листовъ «Словаря», in-4°, въ два столбца, были уже отпечатаны въ типографіи Академіи Наукъ, когда изданіе остановилось за неимѣніемъ средствъ къ продолженію его. Окончаніе, которое замѣтно менѣе искусно отдѣлано, нежели начало, припечатано было въ Упсалѣ, не ранѣе какъ въ 1844 году, и предисловіе къ нему г. Берггрена начинается словами: «Cet ouvrage dont l'impression commencé à St.-Pétersbourg sous la rédaction du célèbre orientaliste M. de Senkowski» etc.

Въ 1826 году, по просьбѣ профессора Крузе, Сенковскій разсмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ замѣтки объ арабскомъ языкѣ, оставшіяся послѣ смерти знаменитаго и несчастнаго путешественника Зетцена, погибшаго отъ яду въ Аравіи: трудъ этотъ, по отзыву Крузе, «профессоръ Сенковскій окончилъ весьма скоро».** Нѣсколько ре-

---

* Dictionnaire abrégé français-arabe de M. J. Berggren, redigé par J. de Senkowski; статья Френа въ «St. Petersb. Zeitung», 1827 № 47, также въ «Сѣв. Пчелѣ», 1825 № 114.

** Путешествіе Зетцена (U. A. Setzen's Reisen in Syrien u. s. w.) издано было г. Крузе не ранѣе 1854 года; объ участіи Сенковскаго, см. тамъ, на стр. LVII перваго тома.

цензій помѣщены были Сенковскимъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Journal de St.-Pétersbourg», 1825—1827 годовъ; посредствомъ ихъ онъ знакомилъ русскую публику съ замѣчательнѣйшими трудами русскихъ оріенталистовъ — Френа и Іакиноа. Въ парижскомъ «Journal Asiatique» напечатано было его письмо къ С. Де-Саси, по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній, помѣщенныхъ послѣднимъ въ Journal des Savants.

Въ 1827 году онъ издалъ въ Краковѣ снимокъ съ демотическаго папируса, привезеннаго имъ изъ Египта (Exemplum papyri Ægyptici). Въ этомъ же году появилось, сперва въ «Сѣверной Пчелѣ», потомъ отдѣльно на французскомъ языкѣ, «Письмо Тютюнджю-Оглу» по поводу книги Гаммера, надѣлавшее столько шуму въ литературномъ свѣтѣ. Грубыя ошибки Гаммера, пользовавшагося дотолѣ авторитетомъ въ ученомъ мірѣ, въ первый разъ обнаружены были здѣсь самымъ безпощаднымъ образомъ и въ то же время беззлобно, съ непритворною веселостью и мѣткими сарказмами, которые убійственнѣе всякаго оружія для несчастнаго автора. Всѣ читали брошюру съ восхищеніемъ,— даже незнающіе предмета. Нѣкоторые французскіе и англійскіе журналы перепечатали ее почти всю. Оріенталисты соглашались съ критикомъ, втихомолку. Только въ Петербургѣ явился противникъ Тютюнджю, въ лицѣ профессора Шармуа, который радъ былъ случаю переломить копье съ такимъ знаменитымъ соперникомъ; отыскалъ у него нѣсколько небольшихъ промаховъ въ персидскихъ фразахъ, но нисколько не защитилъ Гаммера. Мно-

гіе, согласные съ сущностью «Письма», осуждали однакожъ ея шутливый тонъ, будто-бы «неприличный» въ дѣлахъ науки; но наука не можетъ и не должна быть причастна смѣшнымъ ошибкамъ г. Гаммера или какой-бы то ни было личности, и «неприличны» онѣ, дѣти тьмы, въ этомъ храмѣ свѣта, откуда изгонялъ ихъ бичомъ сатиры неумолимый «турецкій философъ». Строгая критика на книгу г. Гаммера была тѣмъ необходимѣе у насъ, что книга эта выдавала себя за «матеріялъ для русской исторіи», и ея нелѣпости, при довѣріи нашихъ писателей къ иностраннымъ авторитетамъ, легко могли перейти вскорѣ и въ сочиненія объ исторіи Россіи. Примѣръ Тютюнджю, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашелъ подражателя въ лицѣ знаменитаго академика, посвятившаго всю свою жизнь наукѣ, великаго оріенталиста Френа, который, въ разборѣ трудовъ казанскаго подражателя Гаммера, г. Эрдмана, употребилъ то же оружіе сатиры, какъ и Тютюнджю противъ вѣнскаго толмача. «Письмо Тютюнджю-Оглу» и диссертація «О дождевыхъ червякахъ на полѣ восточной нумизматики» доктора Андерсена (Френа)—образцы мѣткой, остроумной и веселой критики въ ученой оріентальной литературѣ.

Псевдонимомъ «Тютюнджю-Оглу»—*тютюнджю* значитъ табачникъ, а *тютюнджю-оглу* табачниковъ сынъ— подписана была впослѣдствіи и первая критическая статья Сенковскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія», о драматической фантазіи Кукольника.

Незадолго до заключенія мира съ Персіею, Сен-

ковскій возъимѣлъ счастливую и плодотворную мысль, которую принялъ смѣлость представить на воззрѣніе Государя. Напоминая о знаменитомъ подвигѣ арабскаго халифа, требовавшаго отъ побѣжденнаго византійскаго императора, вмѣсто контрибуціи—греческихъ книгъ, профессоръ Сенковскій представлялъ Государю Императору, сколько славы для Россіи и пользы для науки можетъ произойти, если при заключеніи мира съ Персіею, въ число контрибуціи и трофеевъ взяты будутъ у Персіянъ рѣдкія рукописи, безъ пользы хранящіяся въ ихъ библіотекахъ. Представленіе Сенковскаго было принято; списокъ древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ рукописей, составленный имъ вмѣстѣ съ академикомъ Френомъ, посланъ въ квартиру дѣйствующей арміи,—и результатомъ было секвестрованіе библіотеки при мечети шейха Сефи, въ Ардебилѣ, и пріобрѣтеніе для Россіи драгоцѣнныхъ восточныхъ рукописей. Мы не знали бы объ этомъ подвигѣ Сенковскаго, еслибъ академикъ Френъ, въ послѣдовавшую вскорѣ затѣмъ турецкую войну, не повторилъ той же мысли въ отношеніи къ Турціи, и не напоминалъ при этомъ своего ученаго друга, какъ перваго, который подалъ ее правительству и способствовалъ ея осуществленію.

Въ турецкую войну, Сенковскій совершилъ другаго рода трудъ, принесшій не малую пользу нашимъ воинамъ въ Турціи: это—«Карманная Книга для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ», изданная имъ въ 1828 и 1829 годахъ, въ двухъ небольшихъ частяхъ: въ первой помѣщены раз-

говоры русско-турецкіе и словарь употребительнѣйшихъ турецкихъ словъ, во второй—основныя правила турецкаго разговорнаго языка. Это — образцовое по ясности руководство; оріенталисты дѣлаютъ лишь одинъ упрекъ автору, что турецкіе разговоры, имъ сочиненные, писаны слишкомъ чистымъ и изящнымъ слогомъ, а не просторѣчіемъ, употребляемымъ народомъ въ Турціи. «Карманная Книга» напечатана была вторымъ изданіемъ, во время второй турецкой войны, въ 1854 году.

Напечатанныя Сенковскимъ до 1828 года сочиненія доставили ему извѣстность въ ученомъ мірѣ и ученыя отличія: краковскій университетъ поднесъ ему дипломъ на званіе доктора философіи (въ августѣ 1826); кромѣ петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности (въ декабрѣ 1821), онъ избранъ былъ въ дѣйствительные члены Общества Любителей Наукъ въ Варшавѣ (въ 1823), Ученаго Общества при краковскомъ университетѣ (въ ноябрѣ 1826), Азіятскаго Общества въ Лондонѣ (1827), и въ члены-корреспонденты Санктпетербургской Академіи Наукъ (въ декабрѣ 1828). Но онъ вообще не любилъ участвовать въ коллективныхъ трудахъ ученыхъ обществъ, стѣсняющихъ трудъ условными формами. Впослѣдствіи онъ принялъ еще присланный ему дипломъ на званіе члена Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Копенгагенѣ, которому былъ полезенъ распространеніемъ въ Россіи свѣденій о скандинавскихъ сагахъ.

Въ 1828 году онъ опредѣленъ былъ цензоромъ

въ петербургскій Цензурный Комитетъ (половина цензоровъ назначалась изъ профессоровъ университета). Въ томъ же году онъ развелся съ своею первою женою, и въ январѣ 1829, вступилъ во второй бракъ, съ дочерью бывшаго придворнаго банкира барона Ралля, Аделаидою Александровною, весьма образованною дамой, всегда принимавшей сердечное участіе въ его занятіяхъ, и написавшей впослѣдствіи нѣсколько милыхъ повѣстей для «Библіотеки для Чтенія» и «Біографическія записки» о своемъ знаменитомъ мужѣ.

Какъ цензоръ, онъ не только не возбуждалъ противъ себя жалобъ со стороны авторовъ, но еще былъ полезенъ весьма многимъ изъ нихъ, своими совѣтами и замѣчаніями: къ дѣльному сочиненію онъ нерѣдко присоединялъ свои замѣтки, не какъ цензоръ, а какъ ученый, предоставляя ихъ на усмотрѣніе автора. Такъ, напримѣръ, въ цензурованномъ имъ «Описаніи Киргизъ-Кайсацкихъ Степей», г. Левшина, онъ прибавилъ весьма важныя историческія замѣчанія о Киргизахъ, которыми авторъ воспользовался съ признательностью.

Должность цензора, которую онъ занималъ до апрѣля 1833, имѣла, конечно, не малое вліяніе на его литературную судьбу. Поставленный въ обязанность слѣдить за русскою литературою, онъ сближался съ нею, узналъ ее короче, и кончилъ тѣмъ, что самъ принялъ дѣятельное въ ней участіе.

Уже въ это время родилась въ немъ мысль сдѣлаться русскимъ журналистомъ. Вотъ составлен-

ная имъ, въ 1829 или 1830 году, программа «Всеобщей Газеты», найденная въ бумагахъ бывшаго до 1832 года попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздина:

«ВСЕОБЩАЯ ГАЗЕТА,

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ТОРГОВАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ:

По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ 6 часовъ пополудни.

Каждый нумеръ состоитъ изъ одного листа огромнаго формата, величиною ровно вдвое противъ «Сѣверной Пчелы». (Рукою Бороздина измѣнено такъ: *большаго формата, вдвое противъ обыкновеннаго*).

Шрифтъ имѣетъ быть тотъ же самый, что и въ «Сѣверной Пчелѣ». (Поправлено: *тотъ же самый, какимъ печатается сія программа*).

Содержаніе:

I. Въ отдѣленіи текущихъ новостей: a) Новости политическія и административныя, внутреннія и иностранныя, въ томъ видѣ, въ какомъ оныя печатаются въ «Академическихъ Вѣдомостяхъ», «Journal de St.-Pétersbourg», «Сѣверной Пчелѣ» и другихъ газетахъ, выходящихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. b) Извѣстія о движеніи внутренней и внѣшней торговли. c) Извѣстія о цѣнахъ отечественныхъ произведеній въ разныхъ странахъ Россіи. d) Извѣстія о новыхъ и нынѣ существующихъ мануфактурныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ предпріятіяхъ и заведеніяхъ. e) Извѣстія о достопримѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ въ столицѣ и другихъ мѣстахъ.

II По части наукъ: a) Разсужденія и извѣстія объ успѣхахъ точныхъ наукъ въ разныхъ странахъ Европы. Сюда относятся описанія открытій, изобрѣтеній и улучшеній по математикѣ, астрономіи, физикѣ, химіи, минералогіи, естественной исторіи и медицинѣ, и обозрѣніе важнѣй-

шихъ сочиненій, выходящихъ по симъ наукамъ на разныхъ европейскихъ языкахъ. b) Разсужденія и описанія примѣненій сихъ наукъ къ разнымъ частямъ промышленности и общежитію; описанія новыхъ фабричныхъ процессовъ, машинъ, и т. п. c) Разсужденія объ усовершенствованіи разныхъ частей сельскаго хозяйства и о нововводимыхъ улучшеніяхъ по оному. d) Разсужденія о разныхъ предметахъ экономіи политической и науки о законодательствѣ. e) Разсужденія и изслѣдованія по части исторіи, біографіи историческихъ лицъ. f) Разсужденія объ успѣхахъ географіи и статистики. Путешествія. Статистическія извѣстія. g) Изслѣдованія, относящіяся къ Востоку, по части древней и новѣйшей исторіи и географіи. (Прибавлено: *и словесности*). h) Разсужденія по части педагогики. О новыхъ методахъ преподаванія, и улучшеніяхъ по оному, вводимыхъ въ отечествѣ и за-границею. Объ устройствѣ учебной части въ разныхъ государствахъ. О новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. О распоряженіяхъ по части училищной, и т. д. i) Разборы и обозрѣнія важнѣйшихъ сочиненій, выходящихъ по симъ частямъ и отраслямъ наукъ въ Россіи и за-границею. k) Ученыя извѣстія: о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, академій и университетовъ: о новыхъ ученыхъ предпріятіяхъ, о наградахъ, предлагаемыхъ за рѣшеніе задачъ. Назначенія, біографіи и некрологи ученыхъ мужей, и проч.

III. По части изящной словесности и художествъ: a) Разборы сочиненій, выходящихъ въ свѣтъ по сей части. b) Повѣсти. c) Статьи нравственныя. d) Разсужденія о произведеніяхъ изящныхъ художествъ. e) Извѣстія о театрахъ, концертахъ, разсужденія объ игрѣ актеровъ.

IV. Смѣсь. a) Перечень примѣчательнѣйшихъ статей въ разныхъ журналахъ. b) Объявленія о новыхъ книгахъ, журналахъ, художественныхъ произведеніяхъ, и проч. c) Моды.

Правила строжайшаго литературнаго и общественнаго приличія тщательно будутъ соблюдаемы въ сей газетѣ.

Полемика и антикритики вовсе изъ нея исключаются.

Она должна будетъ также подавать собою другимъ жур-

наламъ примѣръ благороднаго о вещахъ разсужденія, удаляясь отъ всякихъ личностей и безполезныхъ преній.

Цѣль сей газеты—распространять въ читающей публикѣ наибольшее количество полезныхъ знаній и здравыхъ понятій, и тѣмъ споспѣшествовать возвышенію народной образованности и умственной дѣятельности, столь необходимой для развитія государственнаго благосостоянія».

Къ этой программѣ, получившей одобреніе Бороздина, но неизвѣстно по какимъ причинамъ не приведенной въ исполненіе, приложенъ былъ, на французскомъ языкѣ, разсчетъ издержкамъ по изданію и предполагаемой прибыли. Разсчетъ этотъ сдѣланъ былъ на 600, 960, 1,200, 1,500 и 2,000 подписчиковъ: въ тридцатыхъ годахъ, издатели не смѣли разсчитывать болѣе чѣмъ на двѣ тысячи подписчиковъ, тогда какъ теперь у нѣкоторыхъ газетъ число ихъ превышаетъ десять тысячъ. Принявъ среднее число, 1,200 экземпляровъ, сдѣланъ былъ такой разсчетъ:

«Издержки:

бумаги, 385 стопъ, по 14 рублей (ассигн.).	5,000 руб. асс.
наборъ и печатаніе 154 листовъ, по 65 руб.	10,000
иностранные журналы.....	1,600
уступка книгопродавцамъ, непредвидимые расходы.....	6,000
плата за переводы.....	5,000
	27,000
отъ подписки на 1200 экземпл., получится	72,000
вычитая изъ этой суммы издержки.....	27,000
получится чистой прибыли....	45,000

по 15,000 на каждаго изъ владѣльцевъ».

Изъ послѣднихъ словъ видно, что имѣлись въ виду три владѣльца газеты, или два, если Сенковскій удерживалъ за собой одинъ пай.

Эта «Всеобщая Газета», еслибъ изданіе ея осуществилось подъ редакціею Сенковскаго, могла бы принести большую пользу отечественной образованности, распространеніемъ въ публикѣ массы разнообразныхъ свѣденій, которыя онъ одинъ умѣлъ сообщать въ общедоступной и привлекательной формѣ. За годъ до своей смерти, онъ возобновилъ мысль объ изданіи политическо-литературно-ученой газеты, которую полагалъ назвать «Россія»: программа ея была уже утверждена главнымъ управленіемъ цензуры.

Журналъ представляетъ наиболѣе широкое поле для дѣятельности писателя, одареннаго разнообразными талантами и всестороннею ученостью. Это сознавалъ, въ отношеніи къ себѣ, Сенковскій. Масса пріобрѣтенныхъ и выработанныхъ имъ знаній требовала и не находила себѣ органа для выраженія; его врожденная литературная дѣятельность и писательскій даръ стѣснялись односторонними занятіями профессора и цензора; мало простора представило бы ему и сотрудничество въ чужихъ журналахъ; ему необходимо было высказываться независимо, — и *свой* журналъ былъ лучшимъ и единственнымъ для того органомъ.

Между-тѣмъ, за остановкою «Всеобщей Газеты», онъ едва было не сдѣлался польскимъ журналистомъ. Съ мая 1830 года онъ цензуровалъ выходившую въ Петербургѣ шутливую польскую газету «Баламутъ»,* и въ 1831 году, за отъѣздомъ

---

* Bałamut Petersburski. 1830. 4⁰ maj. №№ 33.—Bałamut. Satyryk jowialista. Pismo czasowe zbieranej drużyny wydawane w Petersburgu. Rok drugi. 1831. 52 №№.

за-границу издателя, по его просьбѣ принялъ на себя временно ея редакцію. Газета оживилась, наполнилась остроумными статьями, и издатель просилъ Сенковскаго взять на себя вполнѣ редакцію ея. Сенковскій было согласился, и даже напечаталъ программу ея на 1832 годъ, въ которой объявлялъ, что она «будетъ выходить въ слѣдующемъ году въ прежнемъ форматѣ, а что до ея содержанія, то оно будетъ, вѣроятно, умнѣе, потому-что умъ растетъ съ годами». Однакожъ изданіе ея въ 1832 году не состоялось. Статьи его въ этой газетѣ легко узнать по оригинальному остроумію и манерѣ, хотя ни одна изъ нихъ не подписана его именемъ.

Замѣчательно, съ какою робостью, не смотря на свою давнишнюю литературную опытность и успѣхъ своихъ мелкихъ литературныхъ статей на польскомъ языкѣ, Сенковскій выступалъ на поприще русской словесности.

Первый большой литературный его трудъ на русскомъ языкѣ былъ переводъ съ англійскаго, предпринятый имъ для бо̀льшаго навыка въ русскомъ словѣ. Это—картина восточныхъ нравовъ, подъ заглавіемъ «Хаджи-Баба-Исфагани въ Лондонѣ». Авторъ его, Джемсъ Моріеръ, извѣстный двумя «Путешествіями въ Персію, Арменію и Малую Азію», долго жилъ въ первой изъ этихъ странъ, гдѣ наконецъ занималъ мѣсто британскаго посланника; и его романъ, представляющій занимательную, юмористическую и вѣрную картину персидскихъ нравовъ, выше всего̀, что̀ когда-либо написано было въ этомъ родѣ въ Евро-

пѣ. Романъ этотъ вышелъ въ Лондонѣ въ 1828 году. * Сенковскій передалъ его по-русски какъ умный человѣкъ передаетъ чужой разсказъ о дѣлѣ, ему равно извѣстномъ—не буквально, а въ своемъ пересказѣ, съ измѣненіями, дополненіями и сокращеніями, гдѣ это казалось ему нужнымъ. Книгопродавецъ Смирдинъ принялъ на себя изданіе этой книги и напечаталъ ее въ 1830 году, въ четырехъ частяхъ. Она имѣла блистательный успѣхъ, который побудилъ Сенковскаго передать по-русски и первый отдѣлъ «Хаджи-Бабы», вышедшій въ подлинникѣ еще въ 1824 году и заключающій въ себѣ «Похожденія въ Персіи и Турціи». Русскій переводъ этихъ «Похожденій Хаджи-Бабы» изданъ былъ также въ четырехъ частяхъ, въ 1831 году, и имѣлъ такой же успѣхъ въ публикѣ. Мастерскою передачею этихъ двухъ сочиненій Сенковскій обогатилъ русскую литературу книгою, которая лучше всякихъ путешествій изображаетъ картину нравовъ, обычаевъ и повѣрій Востока—книгу, которую можно назвать этнографіею Персіи въ романической формѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ подалъ, едвали не единственный у насъ, скромный примѣръ—переводчика, равносильнаго съ авторомъ въ знаніи предмета, и передающаго книгу, какую могъ бы написать онъ самъ.

1832-й годъ, въ который Сенковскій не напечаталъ ни одной статьи, можно считать приготовительнымъ къ той литературной его дѣятельности, которая съ такимъ блескомъ, шумомъ и плодовито-

* The Adventures of Hajji-Baba of Ispahan in England.

стью обнаружилась въ два слѣдующіе года. Въ этомъ году написаны имъ нѣкоторыя изъ тѣхъ статей, которыя появились въ 1833; рѣшено было съ Смирдинымъ предпріятіе большаго энциклопедическаго журнала — будущей «Библіотеки для Чтенія»; составлены программа и планъ этого журнала, и изготовлялись для него матеріялы.

Предшественникомъ, и какъ бы образчикомъ литературнаго состава будущаго журнала, явился, въ началѣ 1833 года, сборникъ, подъ названіемъ «Новоселье»—въ честь новоселья, празднованнаго Смирдинымъ по случаю переѣзда его книжнаго магазина на Невскій проспектъ. Сенковскій написалъ къ нему предисловіе и распоряжался изданіемъ. Давно уже русскій читатель не видѣлъ соединенія столькихъ талантовъ и именъ въ одной книгѣ: Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, князь Вяземскій, Баратынскій, Хомяковъ, были вкладчиками по части поэзіи; въ прозѣ явились—адмиралъ Шишковъ, Михайловскій (военный историкъ), Даль (казакъ Луганскій), Гречъ, Булгаринъ. Но особенное вниманіе публики обратили на себя — «Антаръ», восточная повѣсть, Сенковскаго, великолѣпный отголосокъ арабской поэзіи, — и двѣ статьи какого-то псевдонима, подписавшагося баронъ Брамбеусъ—статьи, отличавшіяся блестящимъ остроуміемъ, смѣлою сатирою, бойкимъ разсказомъ и совершенно новою манерою. Брамбеусъ и его статьи были самою интересною литературною новостью; не многіе знали, что мнимый баронъ—тотъ же ученый оріенталистъ и профессоръ Сенковскій. «Незнакомка» и «Большой выходъ

у Сатаны» не были еще, впрочемъ, вполнѣ оригинальными статьями. Мы уже замѣтили, съ какою недовѣрчивостью къ своимъ силамъ выступалъ Сенковскій на поприще русской словесности. «Хаджи-Баба» былъ только ловкій пересказъ англійской повѣсти; идея «Незнакомки» порождена «Асмодеемъ» Жюль-Жанена; «Выходъ у Сатаны» — статьею Бальзака «La comédie du diable». Мысль «Асмодея»—исторія сатиры во Франціи, мысль «Незнакомки»—исторія сатиры въ Россіи; въ Comédie du diable, сатана хочетъ устроить у себя французскій театръ, въ «Большомъ выходѣ» онъ принимаетъ доклады. Вотъ и все ихъ сходство. Сенковскій взялъ готовую форму, чтобъ вложить въ нее свое содержаніе: въ «Незнакомкѣ» явилась русская сатира и бесѣда русскихъ книгъ въ библіотекѣ, въ «Выходѣ у Сатаны» — общая сатира на нравы и событія 1830 года, вмѣсто разговора въ царствѣ мертвыхъ и сатиры на французскія учрежденія, какъ у Бальзака.

Въ то же время Сенковскій далъ нѣсколько сатирическихъ очерковъ петербургскихъ нравовъ въ «Сѣверную Пчелу», съ подписью ССС—«Петербургская Барышня», «Моя жена», «Личности», «Человѣчикъ», «Ариѳметика», «Заколдованный кладъ», «Аукціонъ». Подъ тремя послѣдними подписано было пріобрѣтшее уже извѣстность имя барона Брамбеуса.

Тогда же напечатана была, въ одномъ альманахѣ, «Басня въ прозѣ, или Что̀ такое люди», подписанная именемъ Сенковскаго—рѣзкая сатира на людскую неблагодарность, особенно замѣча-

тельная по оригинальной бойкости разсказа. Сюжетъ ея заимствованъ изъ простодушной средневѣковой повѣсти о человѣкѣ, упавшемъ въ яму, гдѣ были левъ, обезьяна и змѣя *.

Въ этихъ небольшихъ очеркахъ негдѣ было вполнѣ развернуться богатой фантазіи Сенковскаго, хотя и обозначились уже его сатирическое направленіе, особенный юморъ, остроуміе и игривая легкость разсказа. Онъ предпринялъ написать большую оригинальную статью для первой книжки будущаго своего журнала; но размѣры ея вышли далеко за предѣлы журнальной статьи, и она явилась отдѣльною книгою. Это были—«Фантастическія Путешествія барона Брамбеуса», остроумнѣйшее произведеніе въ русской литературѣ, вмѣстѣ шутливое и злое, веселое и ученое, легкомысленное и глубокое, занявшее въ ней то же мѣсто, какое занимаютъ во французской «Жизнь Гаргантуа», Рабелѐ, и въ англійской «Гулливеръ», Свифта. Въ «Путешествіи на Медвѣжій Островъ» авторъ преодолѣлъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ въ искусствѣ—соединить въ одной картинѣ величественное, страшное, патетическое и смѣшное, представивъ ужасающее изображеніе обрушенія кометы, по геологическимъ понятіямъ, и тутъ же комическую борьбу мелкихъ, но не умирающихъ, даже въ виду потопа, страстей, увлеченій и пронырствъ человѣка; и эта картина вставлена еще въ раму самой ѣдкой сатиры на самонадѣянность ограниченныхъ знаній современнаго человѣка. Трудно соединить

---

* См. Massenii Palæstra dramatica. Кёльнъ, 1657.

болѣе воображенія, ума, знаній, юмора, остроумія и анализа, чѣмъ въ этомъ удивительномъ «Путешествіи на Медвѣжій Островъ». Упрекать автора въ неуваженіи къ наукѣ, просвѣщенію, человѣчеству, какъ дѣлали нѣкоторые, значило упрекать сатирика, зачѣмъ онъ не идеалистъ, и скептика, зато, что онъ не вѣрующій. Изъ читателей и даже критиковъ 1830-хъ годовъ немногіе стояли на той степени просвѣщенія и терпимости, чтобы подъ личиной сатиры разглядѣть улыбку разочарованія испытующаго ума, остановленнаго у предѣла человѣческихъ знаній.

«Фантастическія Путешествія» имѣли большой успѣхъ въ публикѣ и были перепечатаны вторымъ изданіемъ.

Въ концѣ года появилось отъ имени Смирдина объявленіе объ изданіи «Библіотеки для Чтенія». Редакторами журнала названы Н. И. Гречъ и О. И. Сенковскій; сотрудниками—почти всѣ литературныя извѣстности, числомъ до шестидесяти. Журналъ будетъ выходить съ января 1834 года, книжками около двадцати печатныхъ листовъ. Сообразно съ своимъ содержаніемъ, онъ раздѣляется на семь отдѣловъ—русская словесность, иностранная словесность, науки и художества, промышленость и сельское хозяйство, критика, литературная лѣтопись, и смѣсь. Онъ останется чуждымъ всякаго духа партій, не будетъ входить въ споры съ другими журналами, ни отвѣчать на выходки и критики, ни принимать антикритикъ.

Полное сочувствіе публики было возбуждено къ

колоссальному предпріятію, въ которомъ обѣщали участвовать всѣ отечественныя знаменитости.

Наканунѣ новаго года явилась первая книжка «Библіотеки для Чтенія», не только не обманувшая, но превзошедшая надежды подписчиковъ. Никогда еще книжка журнала не производила такого впечатлѣнія. Начиная съ объема и наружности, вмѣсто обѣщанныхъ двадцати листовъ дано было вдвое большее число ихъ, и книга напечатана въ лучшей типографіи, на хорошей бумагѣ, красивымъ шрифтомъ, не какъ другіе, сѣробумажные журналы того времени. Содержаніе—самое разнообразное, на всѣ вкусы, съ подписями Пушкина, Жуковскаго, Козлова, Греча, Булгарина, Полеваго, Погодина, и другихъ.

Сенковскій помѣстилъ, въ отдѣлѣ наукъ, статью —«Скандинавскія Саги», въ которой, въ противность господствовавшему тогда мнѣнію, взялся оправдать и защитить достоинство сагъ. Никогда еще ученая статья на русскомъ языкѣ не была написана такимъ блистательнымъ и занимательнымъ образомъ: даже неприготовленный читатель увлекался ею и пріучался черезъ нее къ чтенію другихъ ученыхъ статей. Такъ-называемый «скандинавскій періодъ» русской исторіи, столь скучный и безжизненный въ другихъ сочиненіяхъ, явился подъ перомъ Сенковскаго какъ-бы вновь открытымъ міромъ, поэтическимъ, живымъ, оригинальнымъ, съ его конунгами и викингами, ихъ отважными набѣгами, поэзіею скальдовъ, щитоносными дѣвами и ихъ героическою любовью, такъ же добываемою съ боя оружіемъ, какъ и всякая другая

добыча Норманна. Съ точки зрѣнія скандинавизма, невозможно было изобразить болѣе ясной, поэтической и вѣрной картины древняго Сѣвера.

Въ отдѣлѣ русской словесности явился баронъ Брамбеусъ, съ его «Женскою Жизнью въ нѣсколькихъ часахъ»,—остроумною, живою, оригинальною и вѣрною картиною жизни гостиныхъ и интригъ большаго свѣта.

Въ критикѣ, тотъ же литературный протей, подъ именемъ Тютюнджю-Оглу столь-же блистательно излагалъ свое мнѣніе о русскихъ драмахъ и о критикѣ изящныхъ произведеній, которую основывалъ на личномъ своемъ воззрѣніи и чувствѣ, отрицая всѣ правила риторикъ и піитикъ. «Для меня нѣтъ образцовъ въ словесности», восклицалъ онъ: «все образецъ, что̀ превосходно. Въ «нынѣшнемъ состояніи литературныхъ ученій, ко«гда страшный умственный переворотъ переко«валъ въ кинжалъ даже тотъ аршинъ, которымъ «люди такъ удобно мѣряли изящныя красоты по«добно атласнымъ лентамъ, я не вижу возможно«сти другаго критическаго мѣрила. Безпристраст«ною критикою называю я то, когда по чистой со«вѣсти говорю тѣмъ, которые хотятъ меня слу«шать, какое впечатлѣніе лично надо мною произ«вела данная книга. Но степень моего впечатлѣ«нія не есть правило для другихъ. Критика, въ «наше время, сдѣлалась картиною личныхъ ощу«щеній всякаго,—всякаго, одареннаго отъ приро«ды яснымъ чувствомъ средствъ и способовъ, ко«торыми изящное можетъ производить полное и «пріятное дѣйствіе надъ сердцемъ и воображені-

«емъ человѣка. О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно
«только условіе въ этомъ чувствѣ средствъ и спо-
«собовъ — нравственность. Вкусъ — это прихоть
«беременной женщины, которая есть общество.
«Слѣдственно, по прочтеніи критики, и спорить
«не объ чемъ: одно средство—изъявить, незави-
«симо отъ обнаруженнаго уже мнѣнія, другое, раз-
«личное мнѣніе, съ такимъ же чистосердечіемъ,
«но безъ опроверженій, ибо опровергать чужія
«ощущенія равно столько же смѣшно, сколько не-
«удобоисполнимо. Въ ученой критикѣ—другое дѣло.
«Тамъ можно доказывать, основываясь на несо-
«мнѣнныхъ данныхъ; но въ литературной, какъ
«скоро я вѣрно и совѣстливо обнаружилъ передъ
«вами, безъ малѣйшей утайки, все количество при-
«страстія, какое прочитанная книга внушила мнѣ
«въ свою пользу, взлѣзайте на башню и кричите
«міромъ: — Ахъ, какой безпристрастный кри-
«тикъ!... Я сниму шляпу, и поклонюсь».

Литературная Лѣтопись написана была тѣмъ же оригинальнымъ перомъ: въ ней помѣщены мнѣнія о комедіи «Горе отъ Ума», о романѣ Загоскина, и объ одной книгѣ о государственномъ кредитѣ.

Наконецъ, разнообразная Смѣсь, составлявшая сама по себѣ занимательный журналъ современныхъ новостей изъ области наукъ и иностранныхъ литературъ, заключала книжку. Перо редактора прошло и по статьямъ этого отдѣла.

«Библіотека для Чтенія», съ первой же книжки, стала во главѣ русской журналистики и въ ряду замѣчательнѣйшихъ европейскихъ журналовъ по своимъ размѣрамъ, разнообразію содержанія, та-

лантамъ соучастниковъ, искусству редакціи, числу подписчиковъ и вліянію на читателей. Планъ ея какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ потребностямъ русской публики, еще недостаточно приготовленной для спеціяльныхъ журналовъ и серіозныхъ сочиненій, но жаждущей чтенія, новостей и легко пріобрѣтаемыхъ знаній. Цѣлью журнала было знакомить читателя, нечувствительно для него самого—посредствомъ перехода отъ легкаго чтенія, повѣстей, стиховъ и романовъ, къ предметамъ болѣе важнымъ—съ движеніемъ литературъ и наукъ въ Европѣ. Средствомъ къ тому избраны занимательность и общепонятность изложенія. Всѣ важныя открытія и новости въ области наукъ и словесности излагались и обсуживались въ «Библіотекѣ для Чтенія» такъ, что даже неприготовленный читатель съ удовольствіемъ пробѣгалъ ученую статью, знакомился посредствомъ ея съ тою или другою частью науки, и незамѣтно пріучался къ чтенію серіозному и работѣ мысли. Во все время своего завѣдыванія «Библіотекою для Чтенія», Сенковскій не упускалъ изъ виду этой главной ея цѣли—«приготовлять *способныхъ* читателей», какъ онъ выражался. «Гдѣ училища не успѣли еще приготовить большой массы образованныхъ читателей», говорилъ онъ, «тамъ можетъ дѣйствовать на умноженіе ихъ журналъ, котораго вліяніе медленно, но несомнѣнно». И журналъ Сенковскаго, въ теченіи двадцати лѣтъ, выполнялъ эту благородную задачу, представляя публикѣ ежемѣсячно по цѣлому тому легкаго, занимательнаго, остроумнаго, веселаго, и въ то же время вполнѣ

современнаго, поучительнаго и разнообразнаго чтенія, — настоящую библіотеку для чтенія на цѣлый мѣсяцъ. Заслуги «Библіотеки» въ этомъ отношеніи, неоспоримы. Число подписчиковъ на русскіе журналы въ скорое время утроилось, упятерилось. Основанные вскорѣ другіе журналы стали подражать ей въ формѣ и объемѣ изданія, которыхъ держатся отчасти до-сихъ-поръ.

Всѣмъ своимъ успѣхомъ и достоинствами «Библіотека для Чтенія» обязана была единственно своему редактору и основателю. Кромѣ Сенковскаго, она имѣла еще отвѣтственныхъ передъ правительствомъ редакторовъ, въ первый годъ — въ лицѣ заслуженнаго грамматика Н. И. Греча, во второй—знаменитаго баснописца Крылова. О редакціи послѣдняго «Библіотека для Чтенія» извѣщала читателей (въ октябрѣ 1835) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За кометой мы совсѣмъ забыли одно обстоятельство, о которомъ давно слѣдовало «извѣстить нашихъ читателей: еще съ мая мѣсяца «Библ. для Чт. лишилась лестнаго руководства, «которое принялъ было на себя знаменитый нашъ «поэтъ И. А. Крыловъ. Преклонность лѣтъ не «дозволила ему продолжать мучительныхъ занятій редактора». Когда Сенковскій получилъ наконецъ разрѣшеніе объявить себя гласно редакторомъ, онъ объявилъ о томъ (въ августѣ 1836) въ слѣдующихъ словахъ: «Для отклоненія неумѣстныхъ догадокъ и толковъ, считаемъ нужнымъ сказать откровенно, что съ самаго начала «существованія этого журнала, какъ то почти всѣмъ «извѣстно, настоящимъ его редакторомъ былъ все-

«гда самъ директоръ и общій съ издателемъ вла-
«дѣлецъ его, О. И. Сенковскій, и что *никто* въ
«свѣтѣ кромѣ г. Сенковскаго не имѣлъ ни малѣй-
«шаго вліянія на составъ и содержаніе Б. для Ч.
«Всѣ ея недостатки, равно какъ и всѣ достоин-
«ства, если какія были, должны быть приписаны
«ему одному. Тѣ, которые носили званіе редакто-
«ровъ Б. для Ч., *слишкомъ невинны* въ ея недостат-
«кахъ, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою,
«и слишкомъ благородны, чтобы требовать для
«себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они
«не имѣли никакого участія. Весь кругъ ихъ ре-
«дакторскаго дѣйствія ограничивался чтеніемъ
«третьей, послѣдней корректуры уже готовыхъ, от-
«тиснутыхъ листовъ, набранныхъ въ типографіи
«по рукописямъ, которыя *никогда* не сообщались
«имъ предварительно. Тѣ изъ нихъ, которые при-
«томъ давали свои статьи, давали ихъ какъ со-
«трудники, а не какъ редакторы, и помѣщеніе этихъ
«статей зависѣло вполнѣ отъ директора журнала.
«О. И. Сенковскій, убѣдясь двухлѣтнимъ опытомъ,
«что этого рода содѣйствіе постороннихъ редакто-
«ровъ нисколько не облегчало его въ мучительныхъ
«трудахъ директора, по согласію съ издателемъ,
«рѣшился соединить съ званіемъ директора Б. для
«Ч. званіе ея редактора, котораго по настоящему
«онъ несъ всѣ главныя обязанности. Вотъ и все!»
Объявленіе нѣсколько жестокое для тѣхъ, кого оно
касается, но поучительное вообще для литерато-
ровъ, дающихъ напрокатъ свое имя и отказыва-
ющихся *быть*, чтобъ только слыть. Сенковскій
предпочиталъ *быть* и дѣйствовать, саркастически

улыбаясь «мучительнымъ трудамъ» мнимыхъ «руководителей».

При началѣ изданія «Библіотеки для Чтенія», у Сенковскаго было лишь два постоянныхъ сотрудника (если сотрудниками можно назвать скромныхъ переводчиковъ), и онъ имѣлъ полное право говорить впослѣдствіи: «У меня было мало хлопотъ по журналу; я былъ и редакторомъ и сотрудникомъ, и корректоромъ и подъ-часъ переводчикомъ». Едва можно вѣрить изумительной дѣятельности, какую обнаружилъ онъ при редакціи своего журнала. Самые усидчивые изъ тружениковъ не проводятъ столько времени за рабочимъ столомъ и столько ночей безъ сна, сколько проводилъ ихъ блистательный и веселый Брамбеусъ. Долго-сдерживаемая его дѣятельность нашла исходъ, и онъ кинулся на работу съ рьяностью юноши и съ явнымъ пренебреженіемъ своего здоровья. Ни одна статья не миновала его редакціи. Онъ выбиралъ статьи для переводовъ, для чего читалъ до двадцати иностранныхъ журналовъ и газетъ; затѣмъ просматривалъ, дополнялъ, измѣнялъ сдѣланные переводы: вновь исправлялъ ихъ въ корректурахъ; и при всемъ томъ находилъ время писать собственныя статьи для всѣхъ отдѣловъ журнала: въ одномъ первомъ году изданія онѣ наполняли болѣе шестидесяти печатныхъ листовъ или около тысячи печатныхъ страницъ! Работа увлекала его: и днемъ и ночью онъ не отрывался отъ письменнаго стола, пока не кончалъ заданнаго себѣ труда, и ложился лишь послѣ совершеннаго утомленія и даже изнеможенія. Наканунѣ выхода книжки проводилъ онъ

день и часто ночь въ типографіи, чтобъ быть увѣреннымъ въ безпрепятственномъ выпускѣ книжки въ свѣтъ перваго числа, и затѣмъ только успокоивался и позволялъ себѣ отдыхъ одинъ или два дня. На третій, начиналась та же мучительная работа для слѣдующей книжки. Онъ добровольно и весело исполнялъ эту гигантскую работу, потому-что высоко ставилъ званіе *редактора* и имѣлъ правило отдавать себя всего тому дѣлу, за которое брался. Въ этомъ правилѣ, можетъ-быть, заключалась тайна всѣхъ его успѣховъ. Не говоря о статьяхъ, назначенныхъ имъ къ извлеченію изъ иностранныхъ журналовъ, и всѣ оригинальныя статьи, не подписанныя извѣстнымъ въ литературѣ именемъ, и даже нѣкоторыя изъ нихъ, проходили чрезъ *его* редакцію, то-есть получали форму и изложеніе, принятыя имъ для своего журнала. Даже повѣсти и разсказы второстепенныхъ писателей подвергались нерѣдко значительнымъ измѣненіямъ, если не нравились редактору, и большею частью измѣнялись къ лучшему. Не разъ случалось, что онъ не дочитывалъ рукописи: повѣсть нравилась ему по сюжету — въ головѣ его рождалась при ея чтеніи счастливая идея, какъ ее заключить — онъ отдиралъ конецъ рукописи и приписывалъ свой. Авторскія самолюбія страдали и нерѣдко протестовали въ газетахъ, хотя авторы и получали за передѣланную статью полный гонорарій; редакторъ былъ въ убыткѣ, потративъ время и умъ на неблагодарный трудъ и пріобрѣвъ за то лишь новаго литературнаго врага; читатели одни оставались въ выигрышѣ.—Иностранныя сочиненія всегда пере-

давались читателямъ въ *его* редакціи: выбравъ романъ или ученое сочиненіе для передачи на русскій языкъ, онъ съ особеннымъ искусствомъ сжималъ его въ журнальныя формы во время самаго чтенія; вычеркивалъ ненужныя мѣста; связывалъ ихъ своими приписками, иногда весьма обширными, на томъ же языкѣ, на которомъ писана книга; и отдавалъ уже готовую изъ нея статью для перевода. Любопытно было видѣть иныя статьи въ книжкахъ англійскихъ или французскихъ «Обозрѣній», всѣ перечерканныя, съ приписками четкою рукою Сенковскаго на поляхъ и сверхъ того иногда на особыхъ вложенныхъ листахъ, такъ что изъ иностранной статьи не оставалось ни одной живой строки: она лишь подала мысль Сенковскому, который развилъ ее и изложилъ по-своему. И такихъ статей его было множество въ Библ. для Чт. Всѣ онѣ печатались безъ подписи имени; иногда съ обозначеніемъ двухъ или трехъ журналовъ, изъ которыхъ составлена; иногда—если это была повѣсть — съ псевдонимною подписью. Эти неблагодарные труды редактора были секретомъ его мастерской: публика объ нихъ не знала и не могла ихъ цѣнить, хотя всѣ видѣли единство духа, направленія, формы и изложенія во всѣхъ статьяхъ этого журнала, какъ будто всѣ онѣ написаны были одною рукою — что̀ и недалеко отъ истины. Направленіе? Говорили, что его нѣтъ въ Б. для Ч.; что остроумный редакторъ сегодня утверждаетъ то, что̀ завтра будетъ отвергать, и наоборотъ; что онъ смѣется надъ всѣмъ и надъ всѣми, надъ знаніемъ и надъ наукою; что нельзя у него отдѣлить, гдѣ

кончается истина и начинается мистификація, гдѣ говоритъ серіозно Сенковскій и гдѣ шутитъ фантастическій баронъ,—и мало ли что̀ говорили люди, большею частью чуждые знаній и науки, которые являются непрошенными ихъ защитниками. Сенковскій не уважалъ науки? онъ—сосудъ столькихъ знаній; одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего вѣка, посвятившій всю свою жизнь наукамъ и литературѣ; для котораго умственная дѣятельность была такою же потребностью, какъ для другихъ хлѣбъ и вода; который жилъ и поддерживалъ свою жизнь напряженною дѣятельностью ума, и угасъ вслѣдствіе истощенія физическихъ силъ отъ необъятныхъ кабинетныхъ трудовъ?—Этотъ неутомимый воинъ мысли и слова, до послѣдняго дня вѣрный своей идеѣ, развѣ можетъ быть врагомъ науки, обскурантомъ?... Въ подобныхъ обвиненіяхъ, если они не придуманы неугасшею враждою, должно быть недоразумѣніе, и оно происходитъ отъ неразличенія въ талантѣ Сенковскаго двойственнаго его характера—ученаго и сатирика. Ученый велъ читателя къ положительному просвѣщенію, знакомилъ его ясно и понятно со всѣми новѣйшими открытіями въ наукѣ, самъ повѣрялъ опыты другихъ и самъ дѣлалъ открытія; но онъ говорилъ также, что и въ человѣческой наукѣ есть предразсудки, какъ и въ человѣческомъ невѣжествѣ, и орудіемъ сатиры бичевалъ схоластику, туманныя теоріи, мистицизмъ, натур-философію, отсталыя идеи и мечтательныя умозрѣнія, со смѣхомъ сталкивая съ пьедесталовъ незаслуженные авторитеты и гордое шарлатан-

ство. Важность предмета не укрывала отъ глазъ сатирика смѣшныхъ сторонъ его: и эти-то выходки противъ несовершенствъ науки, противъ науки схоластической, противъ ошибокъ или самоувѣренности ея «жрецовъ», а не противъ самой науки, принимали за преднамѣренный обскурантизмъ, въ пользу котораго никогда не было напечатано ни одной строки въ Библ. для Чтенія. Это видно столько же изъ общаго направленія ученыхъ статей ея, сколько и изъ положительныхъ дѣйствій самого редактора, который не разъ отстаивалъ идею просвѣщенія противъ нападокъ на нее, дѣланныхъ обскурантами даже во имя ложно-понимаемой религіи, и указывалъ на примѣръ блаженнаго Августина и другихъ отцовъ церкви, которые соединяли глубокую ученость съ святостью жизни.

Но къ чему эти «передѣлки» чужихъ статей, иностранныхъ и оригинальныхъ? говорили многіе. Не есть ли это—«неуваженіе» къ авторамъ, посягательство на чужой трудъ, «искаженіе» чужой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно-напрасный и потерянный трудъ? Зачѣмъ было не передавать иностранныя статьи вполнѣ, какъ онѣ написаны авторами?—Не такъ понималъ обязанности редактора Сенковскій. Редакторъ, по его мнѣнію, долженствовалъ быть не просто передатчикомъ всякихъ, наудачу взятыхъ, мыслей, взглядовъ и фактовъ, а передатчикомъ разсудительнымъ и совѣстливымъ, сообщающимъ своей публикѣ тѣ мысли, взгляды и данныя, которые, во-первыхъ согласны съ его собственнымъ убѣжденіемъ, и во-вторыхъ доступны и полезны для ея образованности.

Право неприкосновенности онъ признавалъ только за классическими и вполнѣ самобытными твореніями, въ которыхъ выражается духъ народа или эпохи, и никто не умѣлъ лучше его передавать мѣстный колоритъ этихъ подлинниковъ, когда онъ переводилъ ихъ. Но журнальныя статьи — другое дѣло: дѣйствіе ихъ условное, въ извѣстное время и на извѣстную публику; притомъ же, переводы, какъ рѣчь съ иностраннымъ складомъ ума и изложенія, никогда не могутъ производить того дѣйствія, какъ родное слово въ своеобразной формѣ. Однажды принявъ на себя обязанности редактора журнала, Сенковскій выполнялъ ихъ, по своему разумѣнію, добросовѣстно, съ убѣжденіемъ, даже съ самопожертвованіемъ, считая это своимъ *долгомъ*. Не любя толковать громкими фразами о добросовѣстности и долгѣ, онъ проявлялъ ихъ *дѣломъ*, тратя невознаградимо свое время, здоровье и сокровища своихъ талантовъ на доставленіе отечественной публикѣ возможно-лучшаго, по его убѣжденію, и полезнѣйшаго для нея чтенія.

Отдѣлы «наукъ», «иностранной словесности» и «смѣси» были тѣ отдѣлы, въ которыхъ по преимуществу проявлялось направленіе журнала; въ «русской словесности» помѣщались иногда по нуждѣ повѣсти и стихи разнаго духа и направленія, доставляемыя извѣстнѣйшими изъ шестидесяти извѣстныхъ писателей, поименованныхъ на оберткѣ. Въ «иностранной словесности» обнаруживалась наклонность къ литературѣ англійской, къ ея спокойному анализу сердца человѣческаго, въ противоположность тогдашней «юной школѣ» француз-

ской, которая жестоко преслѣдовалась какъ замѣчаніями самого редактора, такъ и статьями въ томъ же духѣ, заимствованными изъ англійскихъ Reviews. «Библіотека» старалась знакомить съ лучшими современными писателями Великобританіи, до-тѣхъ-поръ едва извѣстными по имени русскимъ читателямъ, и сообщала ихъ статьи въ переводѣ или обозрѣніе ихъ сочиненій: Гоггъ, авторъ «Амброзіанскихъ Ночей», Фелиція Гименсъ, докторъ Гаррисонъ, Лембъ, Кольриджъ, Вордсвортъ, Диккенсъ, Теккерей, лордъ Брумъ, мистриссъ Соммервилль, и многіе другіе, впервые представлены были русской публикѣ въ хорошихъ извлеченіяхъ. Кромѣ литературнаго своего значенія, статьи эти приносили еще ту пользу русскимъ читателямъ, что знакомили ихъ съ духомъ, бытомъ, обычаями и комфортомъ образованнѣйшаго изъ новѣйшихъ обществъ, умѣвшаго сочетать свободу съ законностью. Въ «Смѣси» печатались каждый мѣсяцъ краткія обозрѣнія новостей англійской и французской литературъ, съ библіографическими списками новыхъ книгъ. Въ отдѣлѣ «Наукъ» видно было стремленіе къ положительнымъ и опытнымъ знаніямъ и къ распространенію въ публикѣ свѣденій о важнѣйшихъ открытіяхъ въ области современной науки; въ то же время, гоненіе на туманныя системы, германскую философію, схоластику и педантизмъ. Наука стала впервые выражаться по-русски общепонятно, легко и изящно. Въ дополненіе къ большимъ статьямъ, постоянно сообщались въ «Смѣси» мелкія извѣстія о трудахъ главнѣйшихъ академій и ученыхъ обществъ Европы.

Даже бѣглый взглядъ на содержаніе ученыхъ статей, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ», можетъ показать, на что̀ обращаема была мысль ея редактора. Возьмемъ хоть два первые года этого журнала; вотъ главныя статьи его въ отдѣлѣ «Наукъ»: О мірѣ и его Создателѣ (доводы положительныхъ наукъ въ пользу бытія Божія)—Земной шаръ до Потопа (по Кювьѐ)—Магнитизмъ земнаго шара (по Ганстену)—Теплота земнаго шара—Двойныя звѣзды, Галлева комета, Начало рѣкъ и ключей (по Арагò)—Причины измѣненій земной поверхности (по Лейелю)—Госпожа Сомервилль и ея сочиненія—Зодчество насѣкомыхъ — Чувства и способности рыбъ—Статистика средняго человѣка (по Кетлѐ)—Призраки и видѣнія—Германская философія — Философія Кузена—Финансы Англіи—Свободная торговля хлѣбомъ—Желѣзныя дороги—Чахотка и ея леченіе—Новая сравнительная наука древностей—Гиббонъ и Боркъ—Записки Мирабò—Архитектура, ваяніе и живопись Германіи — Новыя путешествія въ Среднюю Азію — Скандинавскія саги, и проч. и проч. Бо̀льшая часть этихъ статей, относится къ естествознанію; изъ области политическихъ наукъ разсматривались современные вопросы о финансахъ Англіи, о свободной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ. Успѣхи двухъ послѣднихъ вопросовъ не разъ занимали редактора и въ послѣдующіе годы изданія, и находили въ немъ положительнаго защитника въ то время, когда и за-границею общественное мнѣніе не вездѣ еще было утверждено въ ихъ пользу. Во всѣхъ вопросахъ положительныхъ успѣховъ Сенковскій былъ

всегда впереди, хотя о многихъ и не могъ вполнѣ высказаться въ печати.

Въ отдѣлахъ «Критики» и «Литературной Лѣтописи», въ первые годы изданія Библ. для Чт., почти всѣ статьи написаны Сенковскимъ, хотя не всѣ онѣ статьи критическія: многія представляютъ лишь обозрѣнія содержанія книги, съ выписками изъ нея мѣстъ для образца и съ немногими, иногда серіозными, но бо̀льшею частью шутливыми, юмористическими замѣтками. «Литературная Лѣтопись» посвящена была почти исключительно подобнымъ замѣткамъ; отдѣлъ «Критики» всегда былъ серіознѣе. Въ первые годы, рецензіи «Лѣтописи» писались вообще спокоїнымъ тономъ, хотя не безъ саркастическихъ выходокъ и отступленій: послѣднія-то болѣе всего нравились публикѣ; и вскорѣ почти вся «Лѣтопись» превратилась въ непрерывную шутку: стали разсматриваться преимущественно такія сочиненія, которыя представляютъ наиболѣе смѣшныхъ сторонъ; наконецъ, шутка дошла даже до буффо, и лѣтописецъ заставлялъ новыя книги плясать передъ собою, играть комедію-водевиль и представлять изъ себя сцены изъ «Тысячи-одной Ночи». Но и въ этой библіографической оргіи, возбуждавшей неудержимую веселость читателя, посреди плясокъ «Мазепы» съ «Дочерью купца Жолобова», «Курса русской грамматики» съ «Логикою для дворянъ», «Курса Законовѣдѣнія» съ «Искусствомъ брать взятки» и т. п., бросались неожиданно то серіозная мысль, то ученое замѣчаніе, то мѣткій взглядъ на важный предметъ. «Литературная Лѣтопись» была какъ бы

отдыхомъ и гимнастикою для ума, требовавшаго перемѣны занятій, и въ то же время жертвою вкусу публики. Но шутка, даже самая остроумная, продолженная нѣсколько лѣтъ сряду, теряетъ свою свѣжесть и утомляетъ наконецъ читателя: это постигло и шутливую «Лѣтопись», тѣмъ болѣе, что подъ-конецъ и перо самого редактора утомилось и стало лишь изрѣдка писать для этого отдѣла журнала.

«Критика» и «Литературная Лѣтопись» составили славу и силу «Библ. для Чт.» между читателями, которые всегда находили въ нихъ что-нибудь новое, неожиданное, умное, острое, злое или веселое, сказанное по поводу той или другой книги. Между-тѣмъ самъ Сенковскій не вѣрилъ въ критику, чью бы то ни было, и въ свою особенно, и высказалъ свои мысли объ ней въ первой же книжкѣ журнала: эти мысли повторялъ онъ и въ послѣдніе годы; личный вкусъ и личныя впечатлѣнія считалъ онъ единственнымъ мѣриломъ произведеній словесности. Написавъ, въ первые два года «Библ. для Чт.», нѣсколько блестящихъ остроуміемъ и новостью взгляда критикъ на литературныя произведенія, онъ не принимался потомъ за литературную критику и поручалъ ее другимъ. Извѣстнѣйшими изъ сотрудниковъ его по этому отдѣлу были Николай Полевой и поэтъ Губеръ; редакторъ только просматривалъ ихъ статьи, чтобы не проскользнуло въ нихъ убѣжденій, противныхъ его образу мыслей. Лишенныя его остроумія и блистательнаго изложенія, и безъ опредѣлительнаго взгляда на искусство, критики эти вы-

ходили большею частію безцвѣтными и безплодными.

Здѣсь мѣсто пояснить критическую дѣятельность Сенковскаго.

Въ немъ слѣдуетъ различать критика сочиненій ученыхъ отъ критика изящныхъ произведеній. Ученыя критики по всѣмъ почти отраслямъ наукъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ его статьямъ. Кромѣ блестящаго изложенія, онѣ отличаются тѣмъ яснымъ и проницательнымъ анализомъ, который составляетъ существенное качество истиннаго критика. Никто лучше его не умѣлъ схватить главную идею сочиненія, выставить ее въ истинномъ свѣтѣ, замѣтить хорошія и слабыя части книги, и показать новыя стороны предмета и новыя на него точки воззрѣнія. Весьма не рѣдко рецензіи его выходили несравненно дѣльнѣе и важнѣе книги, которая подала къ нимъ поводъ. Иногда это были цѣлые трактаты о предметѣ сочиненія, а не о самой книгѣ. Кромѣ критическаго значенія, онѣ, своимъ всегда яснымъ и занимательнымъ изложеніемъ, способствовали къ распространенію въ публикѣ свѣденій болѣе или менѣе спеціяльныхъ, которыя иначе остались бы недоступными для нея въ догматической формѣ книги. Нигдѣ такъ не выразилась многосторонность знаній Сенковскаго, какъ въ этихъ его критическихъ статьяхъ. Онъ первый у насъ разъяснилъ ученыя заслуги Іакинѳа, Френа, Пирогова и другихъ достойныхъ дѣятелей науки по разнымъ частямъ; съ другой стороны, онъ же ниспровергнулъ многіе незаслуженные авторитеты,

показавъ ихъ неспособность или отсталость въ дѣлѣ науки. Исторія, древности, этнографія, философія, естествознаніе, медицина—всего касалась его свѣтлая мысль и вездѣ умѣла находить новыя стороны. Кто бы подумалъ, что однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ его критикъ, приводившія въ восторгъ спеціялистовъ—писаны на медицинскія сочиненія? Эти медицинскія статьи Сенковскаго возбуждали ученую полемику даже въ Германіи (см. сочиненіе доктора Штюрмера). Иногда, впрочемъ, ученая фантазія и привычка отыскивать всегда новыя стороны въ предметѣ увлекали его за предѣлы осторожныхъ наведеній, и онъ подкрѣплялъ смѣлыя свои ипотезы доводами не строго-учеными; но этотъ упрекъ можетъ относиться почти исключительно къ критическимъ статьямъ послѣднихъ годовъ его дѣятельности. И при всемъ томъ, сколько свѣтлыхъ взглядовъ и новыхъ мыслей даже въ этихъ статьяхъ, написанныхъ имъ уже утомленною рукою.

Не странно-ли, что писатель, отличавшійся такимъ критическимъ даромъ въ дѣлѣ науки, отрицалъ критику эстетическую и допускалъ полный произволъ и самоуправство въ сужденіяхъ о произведеніяхъ воображенія и искусства? Онъ самъ чувствовалъ несостоятельность такого воззрѣнія на искусство, и вскорѣ пересталъ заниматься литературною критикою, продолжая шутить надъ нею, какъ и надъ самыми книгами, которыя ее вызывали, въ «Литературной Лѣтописи». Оттого-то, здѣсь, часто восхвалялъ онъ такія произведенія, которыя не заслуживали серіознаго

вниманія, и наоборотъ, отзывался холодно о тѣхъ, которыя выходили изъ уровня посредственности. Тутъ не было ни пристрастія, ни личности. Если онъ не цѣнилъ высоко Гоголя и трубилъ хвалу Тимофееву, то дѣлалъ это совершенно добросовѣстно, повинуясь своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и своему вкусу. Разгадка всего этого лежитъ въ свойствахъ его таланта. Съ умомъ яснымъ и проницательнымъ, но настроеннымъ скептически, съ богатою фантазіею, но болѣе блистательною, чѣмъ симпатическою, онъ все постигалъ, что̀ можно постигнуть головою, и вездѣ успѣвалъ, гдѣ преобладающею способностью былъ здравый умъ и его анализъ. Онъ читалъ великихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, зналъ ихъ сочиненія и ихъ комментаторовъ, изучалъ исторію всѣхъ литературъ; но онъ не обладалъ поэтическою воспріимчивостью, пониманіемъ искусства и тѣмъ эстетическимъ чутьемъ, которыя составляютъ условія литературнаго критика; онъ не питалъ сочувствія къ созданіямъ поэта и художника, не былъ настроенъ поэтически, а былъ прозаикомъ. Потому-то литературныя критики его, блистательныя по изложенію, остроумныя и живыя, могли имѣть только временной успѣхъ и не оставили по себѣ впечатлѣнія на словесности. Nemo dat quod non habet. Притомъ же, не будучи кореннымъ Русскимъ, не живъ никогда средп народа и не зная его — какъ не знаютъ его многіе коренные Русскіе, получившіе иностранное воспитаніе—онъ не питалъ искренняго сочувствія къ юной русской литературѣ. Онъ желалъ ей успѣховъ, сознавалъ, что у

нея есть будущность; но въ настоящемъ видѣлъ только ея незрѣлость, ея дѣтское состояніе. Имѣя возможность пользоваться въ подлинникахъ сокровищами всѣхъ другихъ литературъ, онъ не требовалъ невозможнаго отъ словесности русской, зная, что зрѣлость ея придетъ съ возрастомъ самаго общества; но и не могъ удовлетворяться одними ея зачатками, ученическими опытами и надеждами. Такое отрицательное отношеніе его къ современной русской литературѣ, объясняетъ, съ одной стороны, безцеремонное его обращеніе съ авторами и ихъ сочиненіями въ «Литературной Лѣтописи», съ другой—ту вражду, которую постоянно питала къ нему бо̀льшая часть нашихъ литераторовъ, никогда не хотѣвшихъ или неумѣвшихъ отдать справедливости его заслугамъ. Сенковскій могъ сказать имъ, съ Овидіемъ — Barbarus hic ego sum, quia non intelligor illis!* Почти ту же мысль, вмѣсто отвѣта на эти вражды, выразилъ онъ въ греческомъ текстѣ изъ Ксенофонта,** который избралъ эпиграфомъ для «Библ. для Чтенія».

Еще въ предисловіи къ «Фантастическимъ Путешествіямъ» началъ Сенковскій гоненіе на нѣкоторыя устарѣлыя слова, употребляемыя въ литературномъ слогѣ и неупотребительныя въ разговорномъ языкѣ, особливо *сей* и *оный*, которыя онъ наконецъ сдѣлалъ смѣшными и успѣлъ вытѣснить изъ печати. Это не было произвольнымъ го-

---

* Ovid, Tristit. V, Eleg. X, 37.
** Socrates, apud Xenophont. IV, 8, 9.

неніемъ нѣсколькихъ словъ, а опиралось на систему, основанную на здравой филологіи, и которую онъ не разъ высказалъ въ «Библ. для Чтенія». Владѣя столькими языками различныхъ корней, онъ видѣлъ, почти во всѣхъ, установившееся вслѣдствіе долгаго обычая и ложнаго пониманія красотъ слога, раздвоеніе языка на книжный и устный, рѣчь искусственную и рѣчь живую, разговорную. Въ русскомъ литературномъ слогѣ, еще такъ недавно образовавшемся, онъ не могъ не замѣтить, болѣе чѣмъ въ другихъ, присутствія обветшалыхъ, неупотребительныхъ въ живой рѣчи словъ—остатокъ вліянія церковно-славянскаго языка—не только существительныхъ и прилагательныхъ, но и мѣстоименій, союзовъ и предлоговъ, всего чаще встрѣчающихся въ рѣчи, которыя, слѣдовательно, придаютъ фразѣ болѣе или менѣе архаическій складъ, отдаляющій книжный слогъ отъ склада рѣчи живой, современной, разговорной. И онъ задумалъ не менѣе, какъ сдѣлать преобразованіе въ литературномъ языкѣ. Отвергая обветшалыя *сей*, *сія*, *оный*, *кои*, *таковый*, *упомянутый*, *сей послѣдній*, *поелику*, *а потому*, и замѣняя ихъ употребительными *этотъ*, *эта*, *онъ*, *который*, *его*, *тотъ*, *потому-что*, *какъ*, онъ ниспровергалъ подпоры прежняго періода: фразы разсѣкались оттого иначе, и складъ рѣчи дѣлался живѣе, поворотливѣе, ближе къ разговорной. Этого сближенія только и желалъ онъ, видя въ немъ залогъ будущихъ успѣховъ русской словесности и условіе ея благотворнаго вліянія на общество и изящную бесѣду. И онъ успѣлъ въ

задуманномъ преобразованіи. Всѣ невольно поддались вліянію новой системы: въ доказательство стòитъ только сравнить нынѣшній складъ литературной рѣчи съ языкомъ, даже тѣхъ же писателей, тридцатыхъ годовъ. Непрошенные защитники чистоты русскаго языка сами втихомолку вымарывали *сей* и *оный* въ своихъ твореніяхъ, думая *этимъ* оживить свой слогъ. Сенковскій торжествовалъ надъ ними, и напечаталъ въ «Библ. для Чтенія» обличительный документъ, руки одного изъ этихъ мнимыхъ пуристовъ русскаго слова: «Прошу покорнѣйше г. корректора, въ Статисти-«кѣ, вездѣ гдѣ стоитъ *сей*, *сія*, *сіе*, *сихъ* и проч., «ставить *этотъ*, *эта*, *это*, *этихъ* и проч. Ѳ. Бул-«гаринъ».

«Библ. для Чт.» болѣе десяти лѣтъ сряду первенствовала въ русской журналистикѣ, затрогивая ежемѣсячно новые литературные и ученые вопросы, держа въ напряженіи вниманіе публики занимательностью своихъ статей, возбуждая пренія новизною мыслей и блистательными парадоксами, очищая путь для лучшаго будущаго сарказмами и сатирою на все отсталое, закоснѣлое, несовременное. Она пробуждала въ обществѣ работу мысли, не преклоняясь ни передъ какимъ авторитетомъ и внушая уваженіе лишь къ самостоятельнымъ трудамъ независимой мысли. Самый скептицизмъ, который онъ нерѣдко возбуждалъ, служилъ средствомъ пробужденія закоснѣлыхъ умовъ и поводомъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Не надобно забывать и условій русскаго книгопечатанія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ,

которыя не дозволяли Сенковскому вполнѣ и во всемъ высказаться. Его критики и сатиры навлекали на него бездну непріятностей: печатныхъ полемикъ онъ принялъ за правило не читать; но были *не*-печатные «доклады», на которые онъ долженъ былъ писать «объясненія» и, къ стыду должно сказать, что они исходили отъ извѣстныхъ литераторовъ того времени. Одинъ изъ многихъ подобныхъ «докладовъ» сохранился въ его бумагахъ, съ его помѣткою: «доносъ N. (имя автора), переданный мнѣ графомъ Б.» Дѣльныя критическія замѣчанія, еслибъ Сенковскій читалъ русскіе журналы, онъ могъ бы услышать только отъ «Телескопа» Надеждина, единственнаго изъ тогдашнихъ журналистовъ, который, по основательности своей эрудиціи, могъ состязаться съ редакторомъ «Библ. для Чтенія».

Сенковскій принялъ на себя тяжкое журнальное бремя, почти превышавшее силы одного человѣка. Завѣдывать одному колоссальнымъ журналомъ; давать мысль и цвѣтъ всѣмъ его статьямъ; писать безъ устали и отдыха, почти безъ сотрудниковъ: такой трудъ никакое желѣзное здоровье не могло-бы выносить долго, а онъ выносилъ его болѣе десяти лѣтъ! Только тяжкая болѣзнь и предписанія врачей могли оторвать его отъ любимаго своего журнала. Въ 1844 году онъ позволилъ себѣ первый большой отдыхъ и провелъ лѣто въ Ревелѣ. Поправивъ нѣсколько свое здоровье, онъ снова принялся за редакцію, и только въ 1848 году страшная холера, нѣсколько мѣсяцевъ державшая его на краю могилы, насильно

оторвала его отъ «Библіотеки». Съ-тѣхъ-поръ онъ охладѣлъ къ ней, писалъ мало и неохотно, поручилъ завѣдываніе ею другимъ, и въ концѣ 1856 года совершенно оставилъ ея редакцію. Съ ослабленіемъ журнальной дѣятельности Сенковскаго, «Библ. для Чт.» начала падать и пала, несмотря на его участіе и его имя, потому-что она могла держаться единственно *личной* его дѣятельностью и его *редакціею*, а нѣсколько одинокихъ статей его не составляли журнала. Въ блистательное время своей редакціи, онъ смѣло могъ сказать: «Библіотека для Чтенія—это я»; теперь, она уже не служила болѣе выраженіемъ его *я*. Потому-то она и пала; но пала, уже исполнивъ свое назначеніе и обозначивъ собою замѣчательную эпоху въ исторіи русской журналистики.

Едва-ли какое литературное имя пріобрѣтало у насъ такъ быстро и столь громкую извѣстность, какъ имя барона Брамбеуса. «Незнакомка» и «Большой выходъ у Сатаны» положили ей начало, «Фантастическія Путешествія» упрочили ее, а «Библ. для Чтенія» утвердила его вліяніе на публику. Несмотря на то, что самъ отрицалъ литературную критику, онъ сдѣлался arbiter elegantiarum: отъ литературныхъ приговоровъ его зависѣли судьбы книгъ и славы писателей. Журналы, постоянными выходками на «Библ. для Чт.», называя его Чингисъ-Ханомъ и Батыемъ, болѣе способствовали усиленію пристрастія къ ней публики, нежели вредили ея редактору. На сценѣ, Гоголь устами Хлестакова говорилъ зрителямъ о могуществѣ барона Брамбеуса; въ Москвѣ напечатали по-

вѣсть и водевиль, подъ заглавіемъ «Баронъ Брамбеусъ»; явились контрафакторы и поддѣльныя фантастическія повѣсти съ именемъ барона Брамеуса.... Брамбеусъ представлялся читателямъ какимъ-то полубасноловнымъ лицомъ, совершившимъ путешествіе на Медвѣжій Островъ, провалившимся въ Этну и пишущимъ теперь цѣлыя книги «Библ. для Чтенія». Никто не видалъ его въ лицо; не знали заподлинно, кто онъ такой? Имя Сенковскаго долго оставалось мало-извѣстнымъ массѣ публики: онъ подписывалъ свою фамилію весьма рѣдко и только подъ учеными статьями. Онъ какъ-бы бѣгалъ своей славы и старался скрываться подъ разными псевдонимами; но публика узнавала своего любимца не только подъ баронскою его короною, но и подъ всякими подписями, монограммами и безъ подписей; Тютюнджю-Оглу, Т.-О., О. О. О., ССС., Б. Б., Осипъ Морозовъ, А. Бѣлкинъ, П. Снѣгинъ, Карло Карлини, Женихсбергъ, Байбаковъ, Биттервассеръ, не могли скрыть барона Брамбеуса: ex ungue leonem.

Литературная дѣятельность Сенковскаго въ первое десятилѣтіе его журнальнаго поприща была истинно изумительна. Кромѣ статей, помѣщенныхъ «въ Библ. для Чт.», онъ успѣвалъ еще писать большія повѣсти и сатирическіе очерки для литературныхъ сборниковъ, издаваемыхъ Смирдинымъ, гдѣ помѣщены «Похожденія одной ревижской души», «Чинъ-Чунъ» и «Счастливецъ» (во второй части «Новоселья»), «Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы» и «Микерія, нильская лилія» (въ первой и третьей частяхъ «Ста

Русскихъ Литераторовъ»); принималъ дѣятельное участіе въ основаніи и изданіи «Энциклопедическаго Лексикона», для котораго написалъ болѣе восьмидесяти статей, въ томъ числѣ нѣсколько большихъ трактатовъ, какъ напримѣръ «Азія», «Аму-Дарья», «Бумага», «Венгры» и т. д.; самый планъ «Лексикона» былъ составленъ имъ и онъ былъ главнымъ редакторомъ пяти послѣднихъ томовъ этого изданія (съ XIII-го по XVI). Въ то же время, вмѣстѣ съ барономъ Медемомъ, онъ завѣдывалъ изданіемъ «Военной Библіотеки» и въ 1841 году руководилъ журналомъ «Сынъ Отечества», которому далъ новую форму.

Въ «Библ. для Чтенія» и двухъ сборникахъ Смирдина напечатано болѣе сорока самыхъ разнообразныхъ повѣстей и разсказовъ барона Брамбеуса. Не всѣ они одинаковаго литературнаго достоинства, но вездѣ видна печать его ума, фантазіи, остроумія, юмора, знанія людей и оригинальнаго взгляда, которые вознаграждаютъ за недостатокъ въ нихъ поэтической стороны. Нельзя, впрочемъ, совершенно отрицать и этой стороны въ талантѣ Сенковскаго; но она заслонялась преобладающимъ скептицизмомъ сатирика: въ основаніи его «Антара» положена поэтическая мысль и есть поэтическія мѣста; повѣсть «Любовь и Смерть» проникнута чувствомъ меланхоліи. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ его таланта былъ этнографическій элементъ—умѣнье придавать мѣстный колоритъ разсказу, смотря по странѣ и народу, куда переносилось мѣсто дѣйствія; оттого-то и любилъ онъ помѣщать дѣйствіе въ Тур-

ціи, въ пустыняхъ Аравіи, въ Китаѣ, въ Монголіи и даже въ древнемъ Египтѣ: это открывало просторъ его ученой фантазіи.

Блестящій періодъ его литературной дѣятельности продолжался не болѣе десяти лѣтъ. Пока позволяли его физическія силы, онъ работалъ съ прежнею энергіей и поддерживалъ жизнь журнала, который любилъ, какъ свое дитя, свое *я*. Но, однажды выпустивъ изъ рукъ перо, онъ не могъ уже трудиться по-прежнему, долженъ былъ отдать «Библ. для Чт.» на чужія руки, которыя успѣли скоро уронить ее: и онъ охладѣлъ къ своему дѣтищу, и если изрѣдка продолжалъ писать для нея, то неохотно, лишь вслѣдствіе условій контракта. Написанныя имъ въ это время статьи, и по отдѣлкѣ и по содержанію, слабѣе прежнихъ: живость разсказа и блестящій слогъ замѣнились многословіемъ, новизна воззрѣній и смѣлость мысли парадоксами. Но и тутъ, мѣстами, выказывался прежній Сенковскій.

Въ 1844 году, какъ мы уже сказали, былъ первый выѣздъ Сенковскаго изъ Петербурга, послѣ двадцати-двухъ-лѣтней кабинетной жизни. Въ 1846 году, онъ, по совѣту врачей, провелъ четыре мѣсяца за-границею; въ 1847 году, уѣзжалъ на лѣто въ Москву. Выслуживъ двадцати-пяти-лѣтній срокъ на пенсіонъ въ университетѣ, онъ просилъ объ отставкѣ по болѣзни и былъ уволенъ съ званіемъ заслуженнаго профессора, въ августѣ 1847 года. Если даже временное его отсутствіе невыгоднымъ образомъ отзывалось на «Библ. для Чт.», тѣмъ болѣе замѣтно стало отсутствіе редак-

торской руки съ лѣта 1848 когда онъ пораженъ былъ страшною болѣзнію и окончательно оставилъ редакцію «Библіотеки». Въ 1852 году онъ далъ въ этотъ журналъ лишь двѣ слабыя критическія статьи о романахъ г-жи Туръ и г. Вонляр-лярскаго.

Въ 1855 году, когда Сенковскій давно уже пересталъ быть редакторомъ «Библ. для Чт.», издатели стали выставлять на заглавномъ листѣ ея—«журналъ, издаваемый *подъ редакціею* О. И. Сенковскаго», и подписывать подъ каждою его статьею—*Сенковскій*, или—*Брамбеусъ*. Имена не могли, однакожъ, спасти журнала отъ паденія, и «Библ. для Чтенія», въ сентябрѣ 1856 г., окончательно передана была въ другія руки.

Холера 1848 года, остановила литературную дѣятельность Сенковскаго. Несмотря на совѣты врачей, онъ не могъ, однакожъ, жить въ умственной недѣятельности: жизнь и трудъ были для него неразрывны; но продолжительное чтеніе и письмо были ему запрещены — они тревожили его нервы и возбуждали позывъ къ прежней неумѣренной дѣятельности — и онъ обратился къ фотографіи, гальванопластикѣ, музыкѣ, акустикѣ, механикѣ и астрономіи.

Начиная съ перваго извѣстія объ открытіяхъ Тальбота и Дагерра, во все продолженіе полемики между французскими и англійскими журналами о «первенствѣ» этого открытія, Сенковскій съ увлеченіемъ слѣдилъ за ходомъ дѣла, какъ всегда слѣдилъ за всѣми новостями въ наукѣ, и резуль-

таты своихъ чтеній сообщалъ въ «Библіотекѣ», въ цѣломъ рядѣ оживленныхъ статей *О свѣтописи* (слово, счастливо имъ придуманное для «фотографіи» и оставшееся въ языкѣ). Мало того. Не довольствуясь чужими отзывами и наблюденіями, онъ тотчасъ-же выписалъ для себя аппараты англійскаго химика и французскаго декораціоннаго живописца, и началъ *самъ* производить опыты свѣтописи, при содѣйствіи лаборанта по химіи при здѣшнемъ университетѣ г. Робинсона. Результатомъ ихъ былъ рядъ оригинальныхъ наблюденій, которыя описаны имъ въ трехъ статьяхъ, подъ заглавіемъ «Свѣтопись на бумагѣ» (въ Библ. для Чтенія, 1843 года).

Открытіе гальванопластики занимало его не менѣе, чѣмъ фотографія. Онъ сблизился съ первымъ производителемъ этихъ работъ по способу, изобрѣтенному профессоромъ Якоби, ламповщикомъ Гамбургеромъ, наблюдалъ, въ его мастерской, ходъ отливки бюстовъ и барельефовъ, и первый восторженно провозгласилъ о новомъ открытіи, давъ гальваническому препарату Гамбургера названіе «гамбургеротипа», на зло парижскому «дагерротипу». Vive l'hambourguérotype! honte aux daguérrotypes! восклицалъ онъ, полемизируя съ восторженными земляками Дагерра. Оцѣнивъ по опыту важность свѣтописи на бумагѣ, Сенковскій слишкомъ рѣзко и поспѣшно сталъ отвергать значеніе дагерротипа, то-есть свѣтописи на плакированныхъ азото-кислымъ серебромъ мѣдныхъ пластинкахъ, судя объ ней только по первымъ, дѣйствительно неудачнымъ, опытамъ, которымъ пред-

стоялъ цѣлый рядъ усовершенствованій. Въ-отношеніи гальванопластики, онъ едва-ли не первый понялъ всю важность и пользу этого открытія. «Гамбургеротипъ», писалъ онъ, «своею обширною и несомнѣнною пользою въ состояніи затмить сто дагерротиповъ. Онъ сокращаетъ годы утомительныхъ трудовъ для художника, онъ развязываетъ его воображеніе, окрыляетъ его творческую способность легкимъ и свободнымъ исполненіемъ, позволяя ей создавать безпрестанно, неограниченно, потому-что вся механическая, ремесленная часть искусства отнынѣ съ него слагается».

Гальваническое золоченіе и серебреніе по способу Рюо доставило также пищу для дѣятельности Сенковскаго и нѣсколько статей для «Библ. для Чтенія». Вдова его хранитъ, какъ священную память, нѣсколько фотографій и гальваническихъ работъ своего мужа.

Когда получено было извѣстіе объ изобрѣтеніи жидкаго стекла, онъ первый оцѣнилъ важность этого открытія, описалъ его и самъ дѣлалъ опыты надъ этимъ составомъ, покрывая имъ нѣкоторыя вещи въ своемъ кабинетѣ.

Его занимали и новыя открытія по части промышленности. Узнавъ о новооткрытомъ у насъ способѣ приготовленія льна и пеньки, онъ поспѣшилъ изучить его на опытѣ и посвятилъ описанію этого русскаго изобрѣтенія нѣсколько статей въ своемъ журналѣ. То же сдѣлалъ онъ съ новымъ способомъ окрашиванія дерева, изобрѣтеннымъ Старчиковымъ. Избѣгая сношеній съ литераторами, Осипъ Ивановичъ охотно встрѣчалъ всякаго

умнаго ремесленника-изобрѣтателя и спѣшилъ къ нему въ мастерскую видѣть въ дѣйствіи новое открытіе или производство.

Занятія музыкою, наполнившія собою нѣсколько лѣтъ его жизни, были отчасти слѣдствіемъ его болѣзни и необходимости отдыха для головы и измѣненія въ образѣ жизни. Но напередъ нужно сказать о его образѣ жизни.

Съ самаго основанія «Библ. для Чт.», Сенковскій былъ обремененъ постоянными кабинетными занятіями, которыя располагалъ самымъ неправильнымъ образомъ, работая большею частью по ночамъ, до изнеможенія, не имѣя опредѣленнаго времени ни для сна, ни для обѣдовъ. Такой образъ жизни, въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, не могъ не поколебать самое крѣпкое здоровье. Болѣзни не замедлили явиться—страшное разстройство нервовъ со множествомъ спутниковъ. Осипъ Ивановичъ преодолѣвалъ ихъ съ примѣчательною силою воли, продолжая работать по-прежнему, когда только болѣзнь не осиливала его физически и не приковывала къ постели. Слабый, изнуренный, онъ оживлялся, лишь только садился къ письменному столу, отъ котораго не отрывался до окончанія урочнаго труда. Онъ писалъ не слишкомъ скоро, можно сказать, даже медленно, четкимъ и всегда ровнымъ почеркомъ, но писалъ безостановочно, почти безъ помарокъ, кромѣ вставочныхъ фразъ, и не перечитывалъ однажды написаннаго. Справочныхъ книгъ почти никогда не было у него подъ рукою: онъ всегда полагался на свою память. Отдыха онъ почти не зналъ: перемѣна занятій слу-

жила для него отдыхомъ. Выѣзжалъ онъ весьма рѣдко, и единственное мѣсто, гдѣ можно было его видѣть въ публикѣ, была итальянская опера, въ первыхъ числахъ мѣсяца. У него самого бывали лишь сотрудники и немногіе знакомые, по дѣламъ, съ статьями, съ предложеніями и съ проектами. Въ первые годы изданія «Библіотеки для Чтенія» установлены были у него зимніе домашніе вечера, разъ въ недѣлю, гдѣ собирались, большею частью, молодые люди, поболтать, потанцовать съ премиленькими дѣвицами, и хозяева являлись самыми любезными амфитріонами. Скука и старые литераторы не допускались на эти оживленные, остроумные, веселые рауты. Сближенія съ литераторами постоянно чуждался Сенковскій и ни съ кѣмъ изъ нихъ никогда не былъ коротокъ. Вслѣдствіе-ли неуживчивости, или болѣзненной раздражительности, онъ всегда жилъ особнякомъ, не заводя и не стараясь продолжать знакомствъ; избѣгалъ публичныхъ собраній и большихъ обществъ; любилъ свой семейный комфортъ и, какъ Монтань, бесѣду лишь въ небольшомъ кружкѣ,* гдѣ выказывался во всемъ блескѣ своего ума и остроумія, откровеннѣе, естественнѣе, еще оригинальнѣе, чѣмъ въ печати. Въ бесѣдахъ со спеціялистами — врачомъ, астрономомъ, физикомъ, историкомъ, музыкантомъ — онъ любилъ часто перечить самымъ по-видимому несомнѣннымъ, истинамъ ихъ знаній, и ловкою діалектикою ста-

---

* «J'aime à contester et à discourir, mais c'est avecques peu d'hommes». Montaigne, *Essais*, liv. III chap. VIII.

вилъ ихъ въ тупикъ, изумляя въ то же время обширностью своихъ свѣденій: какъ Пикъ-де-Мирандола, онъ могъ трактовать и спорить «обо всемъ знаемомъ». Не удивительно было-бы, еслибъ возраженія его вертѣлись только на общихъ мѣстахъ и взглядахъ и онъ побѣждалъ противника лишь даромъ сильнаго слова: но онъ не обладалъ даромъ краснорѣчія, и не трудно было-бы переговорить его; изумительны были его знанія подробностей науки и умѣнье открывать всюду ни кѣмъ незамѣченныя стороны. Память его удерживала въ себѣ все однажды вычитанное и слышанное, относилось-ли то къ предметамъ науки, или къ мелочамъ общежитія. Почти никуда невыѣзжая, онъ зналъ всѣ городскіе слухи. Кто-то въ шутку обратился къ нему за совѣтомъ, гдѣ бы достать верховую лошадь: Сенковскій началъ ему исчислять всѣхъ берейторовъ и всѣ манежи, какіе есть въ Петербургѣ, и гдѣ сколько берутъ за часъ ѣзды, и гдѣ лучше выѣзжены лошади.... Еженедѣльныя бесѣды и вечера у Сенковскаго продолжались зимы двѣ, и прекратились за разъѣздомъ или замужствами многихъ изъ собесѣдницъ. Эти развлеченія онъ замѣнилъ посѣщеніемъ итальянской оперы и концертовъ. Когда врачи предписали ему перемѣну въ умственныхъ занятіяхъ и возможно-меньшее чтеніе, жена его, сама отличная виртуозка на фортепіано, придумала, для разсѣянія мужа, музыкальные вечера, на которые стали являться всѣ знаменитые артисты Петербурга и пріѣзжіе—Листъ, Контскіе, Гензельтъ, Тальбергъ, Віётанъ, и другіе. Сен-

ковскій погрузился тогда въ міръ звуковъ и гармоніи — но не какъ восторженный слушатель, а какъ ученый изслѣдователь. Не занимавшись дотолѣ музыкою, онъ принялся за изученіе ея теоріи; съ проницательностью своего ума открылъ въ ней стороны, недостаточно объяснепныя и на которыя можно взглянуть съ новой точки зрѣнія — особенно въ вопросахъ о восточной гаммѣ, о гармоніи и мелодіи, и о теоріи вибрацій. Первымъ результатомъ этого музыкальнаго періода его жизни были статьи объ оперѣ Глинки «Русланъ и Людмила», и цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ «Основныя понятія о музыкѣ, какъ искусствѣ»; только нѣкоторыя техническія подробности въ этомъ трактатѣ взяты изъ сочиненія Фети «La musique mise à la portée de tout le monde»: всѣ взгляды и разсужденія принадлежатъ Сенковскому. Въ его разсужденіи о музыкѣ, впрочемъ, видѣнъ болѣе филологъ, точно такъ какъ въ трактатѣ Жанъ-Жака Руссо о происхожденіи языковъ видѣнъ музыкантъ, а не филологъ. Ученымъ артистамъ, послѣ концертовъ въ его домѣ, приходилось не разъ выдерживать продолжительные диспуты о тайнахъ своего искусства съ новымъ музыкальнымъ теоретикомъ, съ которымъ имъ не легко было состязаться, при его знаніи акустики и законовъ звука, которые онъ еще прежде изучалъ для филологическихъ цѣлей.* Занятія его музы-

---

* См. статью о гекзаметрахъ, по поводу русскаго перевода «Одиссеи», въ Библ. для Чт. 1841 года, томъ XLV.

кою не ограничились одною теоріею. Онъ началъ съ опытовъ надъ искусственнымъ горломъ. Расширяя свои изслѣдованія о звукѣ, онъ задумалъ потомъ соединить въ одномъ инструментѣ возможно полный оркестръ, наиболѣе приближающійся къ хору вокальному. Задумалъ и сдѣлалъ. Не будучи музыкантомъ и, подобно Совёру, основателю акустики,* не имѣя даже развитаго музыкальнаго слуха, онъ создалъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ инструментовъ, приводившій въ удивленіе виртуозовъ. Нѣсколько лѣтъ сряду это было его любимою идеей и занятіемъ. Онъ нанялъ и помѣстилъ въ своей квартирѣ фортепіаннаго мастера, и вмѣстѣ съ нимъ, три или четыре года, работалъ надъ устройствомъ небывалаго оркестріона. Не разъ работа приходила къ концу, когда въ умѣ изобрѣтателя рождалась новая идея усовершенствованія: инструментъ разбирался и строился снова**. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ передѣлокъ и огромныхъ издержекъ, оркестріонъ былъ составленъ изъ сочетанія духовыхъ и струнныхъ (скрипичныхъ и клавіатурныхъ) инструментовъ, съ сложною клавіатурою, смычками, мѣхами и нѣсколькими педалями. Онъ издавалъ неподражаемые звуки, возможно-близкіе къ человѣческимъ голосамъ. Но немногіе изъ артистовъ бра-

---

* Совёръ (Sauveur), французскій геометръ, творецъ математическаго анализа звука (въ 1699), n'avait ni voix ni oreille, какъ писали его біографы и чему дивились музыканты.

** Въ «Иллюстраціи» 1845 года помѣщено было описаніе оркестріона Сенковскаго, какимъ онъ былъ до окончательныхъ передѣлокъ.

лись играть на такомъ сложномъ инструментѣ, который имъ надобно было напередъ изучить, какъ новый: не слишкомъ склонные къ новымъ изученіямъ, они боялись рисковать своей славой на непзвѣстномъ инструментѣ. Жена изобрѣтателя, страстная къ музыкѣ, побѣдила трудности исполненія, и нѣсколько разъ, къ восторгу слушателей, разыгрывала піесы на оркестріонѣ. Эти пробы были музыкальнымъ торжествомъ Сенковскаго. Но, достигнувъ цѣли, и сдѣлавъ возможносовершенный въ своемъ родѣ инструментъ, онъ охладѣлъ къ нему, увидѣлъ въ немъ недостатки, которые хотѣлъ исправить; потомъ, при переѣздѣ на новую квартиру, разобралъ весь механизмъ: остались отъ него пустые шкапы, которые вскорѣ обратились въ шкапы для книгъ, для платья и въ альковъ съ кроватью! Это было въ его характерѣ. Онъ всегда съ жаромъ бросался на новыя знанія и новыя идеи, преодолѣвая всѣ трудности на пути пріобрѣтенія новыхъ знаній и выполненія новыхъ идей, но достигнувъ цѣли, уже не дорожилъ пріобрѣтеннымъ: его влекло далѣе, къ новымъ путямъ и открытіямъ.

Толки о несовершенствахъ скрипичныхъ инструментовъ возбудили въ немъ мысль сдѣлать и здѣсь усовершенствованіе. Извѣстно, что скрипка состоитъ изъ четырехъ струнъ, настроенныхъ квинтами. Онъ придумалъ прибавить къ нимъ пятую струну, что̀ совершенно измѣняло прежній строй. Инструментъ былъ сдѣланъ. Контскій былъ отъ него въ восторгѣ, игралъ на немъ въ двухъ своихъ концертахъ и хотѣлъ даже присвоить себѣ

изобрѣтеніе. Эта «скрипка Сенковскаго» сохранилась у его вдовы.

Страдая страшною раздражительностью нервовъ, онъ, въ послѣднее время не могъ выносить продолжительной игры на громкомъ роялѣ, и придумалъ для жены піанино особеннаго устройства со стеклянною клавитурою, которое издавало тихіе, нѣжные и нѣвучіе тоны.

Этимъ заключились музыкальные труды Сенковскаго.

Неудобство частыхъ переѣздовъ съ квартиры на квартиру побудили его, года за два до смерти, пріискать небольшой домъ, гдѣ бы онъ могъ расположиться особнякомъ и отдѣлать себѣ жилье по своему вкусу.

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi.... *

Такой домъ былъ отысканъ и купленъ въ Свѣчномъ переулкѣ близъ Владимірской улицы. Устройство его и хозяйственное размѣщеніе заняли его въ эти годы. Небольшой мощеный дворъ превращенъ былъ въ садъ, гдѣ за разсадкою любимыхъ цвѣтовъ—цвѣты онъ всегда любилъ—проводилъ знаменитый хозяинъ весенніе и лѣтніе дни. Комнаты, шкапы, ниши, печи, лампы—все устроивалось по оригинальнымъ рисункамъ и планамъ самого домовладѣльца. Особенно любопытны печи его изобрѣтенія, съ желѣзной трубою, о которыхъ онъ писалъ къ одному изъ полиціймейстеровъ **.

---

* Horat. Sat. II.

** Это любопытное письмо будетъ напечатано въ отдѣлѣ

По одни механическіе трубы не давали пищи дѣятельности его ума. Слѣдя за современнымъ движеніемъ въ литературѣ, вслѣдствіе докторскаго запрета читать что-либо, что̀ могло тревожить его нервы и мозговыя фибры—а всякій живой вопросъ современности раздражалъ сдерживаемую дѣятельность его ума — онъ не могъ однакожъ подавить въ себѣ стремленія къ новымъ ученымъ изысканіямъ. Онъ обратился къ астрономіи. Какъ оно ни странно покажется, эти изслѣдованія были въ непосредственной связи съ предшествовавшими его занятіями теоріей музыки. Это была, такъ сказать, музыкальная часть астрономіи, астрономія-музыка, приложеніе законовъ звука къ гармоніи міровъ. Сенковскій хотѣлъ доказать, что гармонія міровъ не есть поэтическая метафора, но, что тѣ же математическіе законы, которые управляютъ сочетаніемъ звуковъ въ музыкѣ, управляютъ и гармоніей мірозданія; что въ ней есть своя доминанта, свои аккорды, терціи, кварты, квинты, септимы, октавы; однимъ словомъ, что система міровъ есть гармоническій строй божественной музыки. «Какъ это премудро устроено!» говорилъ онъ, объясняя женѣ свою идею, сходную съ пиѳагорейскимъ символомъ Солнца-Аполлона, извлекающаго гармоническіе звуки изъ семиструнной лиры (міровъ). Этотъ великолѣпный и обширный трудъ, основанный весь на математическихъ выкладкахъ, запи-

---

«Смѣси», въ «Собраніи Сочиненій». На изобрѣтеніе этихъ печей намекаетъ «Листокъ» Брамбеуса, въ «Сынѣ Отечества» 10 марта 1857.

малъ его болѣе года. Онъ думалъ оставить въ немъ по себѣ память; но судьба не дозволила ему привести его къ окончанію: болѣе полустопы бумаги было имъ написано выкладокъ и формулъ, но текста и выводовъ изъ этихъ изслѣдованій онъ не успѣлъ написать, оторванный, къ величайшей своей досадѣ, отъ задуманнаго труда выгоднымъ предложеніемъ и нуждою въ житейскомъ отношеніи, потому-что денежныя средства его въ это время были весьма ограничены. Онъ никогда не дорожилъ деньгами, и до болѣзни своей пріобрѣтая ихъ много своими литературными трудами, употреблялъ ихъ безразсчетливо столько же на свои опыты, какъ и на предметы комфорта и роскоши. Были деньги, онъ велъ жизнь роскошную, не отказывая себѣ ни въ какой прихоти; не было ихъ, жилъ скромно, какъ кабинетный ученый, занятый тѣмъ или другимъ трудомъ. Сошедъ съ литературнаго поприща, получая съ каждымъ годомъ менѣе отъ «Библ. для Чт.» и наконецъ совершенно отказавшись отъ нея, онъ не имѣлъ, въ послѣдніе годы, другихъ средствъ кромѣ получаемой пенсіи по званію профессора, которая слишкомъ ограничена даже для скромнаго содержанія себя въ Петербургѣ. Къ этому присоединились нѣкоторые неудачные финансовые обороты — такъ, напримѣръ, онъ далъ нѣсколько тысячъ рублей папиросному фабриканту, съ которымъ завелъ фабрику, записавшись въ временное купечество *, —

---

* Объ этомъ намекаетъ «Листокъ» въ Сынѣ Отечества 12 августа 1856.

фабрикантъ былъ или неискусенъ или не совсѣмъ добросовѣстенъ, и эта операція повлекла за собой лишь потерю денегъ и долги. Въ это время, г. Старчевскій, бывшій сотрудникъ Библ. для Чтенія, предпринявшій изданіе дешеваго еженедѣльнаго журнала, предложилъ Осипу Ивановичу писать для «Сына Отечества» фёльетонъ за значительное вознагражденіе. Сенковскій, неохотно, по нуждѣ, долженъ былъ согласиться на предложеніе. Онъ отложилъ въ сторону свой астрономическій трудъ и снова взялся за перо Брамбеуса. Восьмаго іюля 1856 года появился въ «Сынѣ Отечества» первый его «Листокъ», за подписью — Брамбеусъ Rebivivus. «Листокъ» имѣлъ колоссальный успѣхъ въ публикѣ и напомнилъ собою блистательную эпоху барона Брамбеуса. Читатели нашли здѣсь фёльетонъ остроумнѣе, разнообразнѣе, дѣльнѣе и несравненно ученѣе, чѣмъ прославленный парижскій Жюль-Жанена. До четырехъ тысячъ новыхъ подписчиковъ бросились на журналъ, гдѣ печатался «Листокъ» давно умолкшаго редактора «Библіотеки для Чтенія». Брамбеусъ явился въ немъ не только единственнымъ русскимъ фёльетонистомъ, но и въ новомъ качествѣ публициста, поборникомъ всѣхъ разумныхъ общественныхъ успѣховъ; развивалъ идею и объяснялъ благотворныя послѣдствія гласности и общественнаго мнѣнія; говорилъ о важности экономическихъ вопросовъ, о торговлѣ, промышлености, фабричности, финансахъ, банкахъ и желѣзныхъ дорогахъ; о лихоимствѣ и средствахъ къ прекращенію этой язвы; о музыкальной крити-

кѣ и гастрономіи; о просвѣщеніи и о цензурѣ; о бородѣ и національномъ костюмѣ; о Людовикѣ XIV и о Петрѣ Великомъ. То серіозный, то шутливый, всегда своеобразный, «Листокъ» Брамбеуса показалъ, что остроумный писатель, несмотря на долго храненное молчаніе и свои тяжкія болѣзни, не измѣнился въ талантѣ и стоялъ на уровнѣ всѣхъ вопросовъ, занявшихъ новое поколѣніе читателей, съ своимъ оригинальнымъ взглядомъ, своими идеями, своими блистательными парадоксами. Эти пятьдесятъ «Листковъ», написанные въ послѣдніе два года его жизни и составляющіе собой не менѣе двухъ большихъ томовъ, были послѣднимъ его произведеніемъ. Онъ умеръ, какъ настоящій воинъ мысли, сражаясь до послѣдняго дня жизни за истинное просвѣщеніе и общественные успѣхи противъ духа тьмы и невѣжества. Послѣдній «Листокъ», который онъ не могъ самъ писать, а диктовалъ, вышелъ въ свѣтъ 2 марта 1858, когда уже началась предсмертная агонія автора.

Въ промежуткѣ между «Листками» для «Сына Отечества» онъ написалъ одну политико-экономическую статью—«Деньги, золото, богатство»—для новаго журнала «Экономическій Указатель», и объявленіе о предпринятой Плюшаромъ юмористической газетѣ «Весельчакъ». Послѣднее, написанное шутливымъ тономъ для массы публики, которой предназначалась газета, еще до выхода въ свѣтъ перваго нумера, доставило издателю болѣе 5,000 подписчиковъ: это была существенная услуга книгоиздателю, препринявшему нѣкогда «Энциклопедическій Лексиконъ». Нельзя не вспомнить при этомъ о

другомъ благородномъ поступкѣ Сенковскаго въ отношеніи къ другому издателю: когда дѣла Смирдина пришли въ разстройство, Осипъ Ивановичъ добровольно вызвался и формально обязался выдавать на содержаніе его семейства по 3,000 руб. серебромъ въ годъ изъ доходовъ «Библ. для Чтенія»; съ этимъ обязательствомъ и передано было имъ право на этотъ журналъ новому издателю.

Болѣзнь Сенковскаго была не иное что̀, какъ истощеніе физическихъ силъ, слѣдствіе чрезмѣрныхъ его работъ и усидчивости. Она началась, можно сказать, съ перваго же года изданія «Библ. для Чтенія». Съ-тѣхъ-поръ едва-ли проходилъ одинъ мѣсяцъ, въ который бы онъ не страдалъ мучительно по нѣскольку сутокъ. Отдыхъ и поѣздка за-границу возстановили на нѣкоторое время разстроенное здоровье, но холера 1848 года нанесла новый страшный ударъ его силамъ. Съ той поры онъ видимо ослабѣвалъ, хилѣлъ, но до предпослѣдняго дня жизни сохранялъ свѣжесть и дѣятельность ума. Кто бы подумалъ, что веселые и остроумные «Листки» въ Сынѣ Отечества написаны въ промежутки самыхъ мучительныхъ недуговъ? что эти пятьдесятъ или шестьдесятъ дней, въ которые они написаны, были можетъ-быть единственными въ теченіи двухъ лѣтъ, въ которые онъ могъ подняться съ ложа болѣзни и взяться за перо? Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, онъ, подобно Гейне, свыкся, сжился съ болѣзнями. Физическія страданія не могли побороть его энергическую дѣятельность ума и мысли. Недѣли за двѣ до смерти, открылось сильное отдѣленіе

мокротъ, слѣдствіе разложенія слизистыхъ оболочекъ. Успокоивая знакомыхъ тѣмъ, что это только катарральный припадокъ, онъ сознавалъ про себя, что это его предсмертная болѣзнь. «Das ist meine letzte Krankheit!» (это моя послѣдняя болѣзнь), какъ бы проговорился онъ ходившей за нимъ своей старой ключницѣ-Нѣмкѣ. Продиктовавъ къ сроку послѣдній свой «Листокъ» для Сына Отечества, онъ спокойно написалъ едва двигавшеюся рукою свои предсмертныя распоряженія, въ которыхъ выражена особенная заботливость его объ уплатѣ всѣхъ, сдѣланныхъ имъ, въ послѣдніе годы, хотя и незначительныхъ, долговъ на-слово. За тѣмъ онъ слегъ, погрузился въ забытье; страданія какъ-будто исчезли и наступилъ спокойный отдыхъ. На слѣдующій день открылось въ тѣлѣ воспалительное состояніе. Черезъ день, во вторникъ, четвертаго марта (1858), въ полдень, его не стало: переходъ въ вѣчность былъ тихъ, какъ сонъ; лицо выражало какъ бы радость найденнаго успокоенія.

Такъ угасъ, на 58 году жизни, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего времени.

Къ числу потерь еще одну причисли,
Убогій свѣтъ! Ликуй, земная тьма!
Еще ушелъ одинъ служитель мысли,
Другъ знанія съ свѣтильникомъ ума *.

Земные останки Сенковскаго приняло петербургское Волковское кладбище.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

---

* Бенедиктовъ, «Надъ гробомъ О. И. Сенковскаго».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ СЕНКОВСКАГО.

I.

СОЧИНЕНІЯ ОТДѢЛЬНО НАПЕЧАТАННЫЯ.

1. Amtsal Lokman el-hakim. Podobeństwa i bayki mędrca Lokmana, z arabskiego przełożone i przypisane Wileńskiemu Towarzystwu szubrawców przez T. H., czlonka tegoż grona. Wilno. 1818, 8º min., str. XX—32.

   Стр. I—XX заняты предисловіемъ о Локманѣ, стр. 1—27 переводомъ его басенъ, стр. 28 — 32 примѣчаніями о соотвѣтственныхъ басняхъ у Езопа.

2. Collectanea z dziejopisów tureckych rzeczy do historyi Polskiej służących, z dodatkiem objasnień potrzebnych i krytycznych uwag; przez J. J. Sękowskiego. Warszawa. Два тома, in-8º. Томъ I, 1824, стр. IX — 244; томъ II, 1825, XIV—308.

   Заключаетъ въ себѣ: *Томъ I*, стр. I — IX, вступленіе о турецкихъ историкахъ и ихъ важности для исторіи Польши и Россіи; стр. 1—71, Война Варнская, изъ лѣтописей Ходжи Саадъ-Эддина; стр. 72—91, Вторженіе въ Галицію въ 1498 году, оттуда же; стр. 92—122, Войны въ Молдавіи и Валахіи, изъ Наимы-Эфендія; стр. 123—244, Ссоры съ Оттоманами по поводу Казаковъ, и Дневникъ войны Хотинской, изъ Наимы.

Томъ II, стр. I—XIV, предисловіе; стр. 1—127, Дальнѣйшая война съ Оттоманами по поводу Казаковъ, въ царствованія Михаила и Яна III, до союза съ Австріею, изъ лѣтописей Решидъ-Эфенди; стр. 129—208, Походъ Турковъ подъ Вѣну и дальнѣйшая война съ ними, до Карловицкаго мира, изъ тѣхъ же лѣтописей. *Приложенія:* I-е, стр. 211—221, Посольство Мухаммеда-Аги въ Польшу въ 1757 г., изъ лѣтописей Васыфа-Эфенди; II-е, стр. 222—289, Путешествіе Ресми-Ахмедъ-Эфенди въ Польшу и посольство его въ Пруссію, въ 1763 г., изъ Васыфъ-Эфендія; III-е, стр. 290—301, Посольство Дервишъ Мухаммедъ-Эфенди въ Россію, въ 1755 г., оттуда же; IV-е, стр. 302—308, Граммата Мюрадъ-Хана къ Стефану Баторію, 1578 г., съ литографированнымъ снимкомъ съ подлиннаго фирмана.

Рецензія Гаммера, въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur 1827, Bd. XXXIX, S. 33—34.—Шармуа, въ Журн. Министр. Народн. Просвѣщ., 1834, ч. IV, стр. 16—23, возстановилъ нѣкоторыя искаженныя собственныя имена; эти замѣчанія его помѣщены и въ Гаммеровой Geschichte des Osman. Reichs, Bd. V S. 718—720.—Sprostowanie niektórych tłómaczeń z tureckiego znajdujących się w dziele p. t. Collectanea etc. (Петрашевскаго?), въ Przegląd Poznański, 1845, poszyt III, str. 270 — 281, posz. IV s. 69—112, posz. VI s. 317—341. Тотъ же Петрашевскій (ученикъ Сенк.) напечаталъ Nowy przekład dziejopisów tureckich dotyczących się historyi Polskiej. Berlin. 1836, tom. I, str. 214.

3. Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un Abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu' à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharèzm, depuis la mort d'Aboul-Ghazi-khan jusqu' à la même époque. Par M. Joseph Senkowski. С.-Петербургъ. 1824, in-4°, 132—24 стр.

Приложена была къ программѣ лекцій петербургскаго университета на 1824 годъ (Lectiones publicae in Caesarea Literarum Universitate Petropolitana per proximum cursum anni MDCCCXXIV habendae indicuntur a prorectore et senatu academico. Additur Supplementum Historiae generali Hunno-

rum, Turcorum et Mogolorum, auctore Josepho Senkowski, LL. Orientt. P. P. O.).

Содержитъ въ себѣ: стр. 1—72, Исторію Великой Бухаріи, по Мухаммеду-Юсуфу-Мунши; стр. 73—121, примѣчанія; стр. 122—127, географическія замѣчанія; стр. 124—132, дополненія и поправки. Стр. 1—24, въ концѣ книги, заняты предисловіемъ Сенковскаго на персидскомъ языкѣ и отрывками изъ персидскаго текста бухарскаго историка.

Рецензіи этого сочиненія: С. Де-Саси, въ Journal des Savants, 1825, juillet, pp. 387—395; Гаммера, въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur, 1827, Bd. XXXIX, S. 25—33.

4. Exemplum papyri Ægyptici, etc. Edidit J. Senkowski. Краковъ, 1827, in-fol.

Литографическій снимокъ вывезеннаго авторомъ изъ Египта и подареннаго имъ краковскому университету демотическаго папируса.

5. Lettre de Tutundju-Oglou-Moustafa-Aga, véritable philosophe turk à M. Thaddée Bulgarin, rédacteur de l'Abeille du Nord; traduite du russe et publiée avec un savant commentaire par Koutlouk-Fouladi, ci-devant ambassadeur de la cour de Boukhara à Khiva (l'ancienne Germania), actuellement marchand d'abricots confits de Samarkande et littérateur. С. Петербургъ, 1828, in-8° 75 стр.

Перепечатано въ Bulletin du Nord, 1828, № I pp. 110—127 et № III pp. 213 — 226. На русскомъ языкѣ, въ сокращеніи, въ Сѣверной Пчелѣ, 1827 г. (см. ниже подъ № 40).—Возраженіе Шармуа, подъ заглавіемъ Observations d'un philologue européen sur la Lettre de Tutundju-Oglou, etc. С. Петербургъ. 1828, in-8°, 40 pp.

6. Карманная книга для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ. С. Петербургъ. Часть первая, 1828, II—106 стр.; часть вторая, 1829, 76 стр. in-8°.

Подъ предисловіемъ первой части подписано—О. Сенковскій.

Первая часть содержитъ въ себѣ: Разговоры россійско-турецкіе и Словарь россійско-турецкій употребительнѣйшихъ словъ. Вторая—Основныя правила турецкаго языка.

Эта книга напечатана, безъ измѣненій, вторымъ изданіемъ, въ 1854 году, подъ тѣмъ же заглавіемъ, in-16°, стр. 84 и 95.

7. Мирза Хаджи-Баба Исфагани въ Лондонѣ. Переводъ съ англійскаго. С. Петербургъ. 1830, in-12°. Четыре части, XX—262, 276, 262 и 317 стр.

Безъ означенія имени переводчика, и съ его предисловіемъ.

8. Похожденія мирзы Хаджи-Бабы Исфагани въ Персіи и Турціи, или персидскій Жилблазъ. С. Петербургъ. 1831, in-12°. Четыре части, IV—287, 275, 316 и 308 стр.

Вмѣсто предисловія, напечатано «Письмо къ издателю», за подписью ***, изъ Константинополя.

Оба романа перепечатаны были вторымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: Мирза Хаджи-Баба Исфагани. Сочиненіе Морьера. Вольный переводъ Барона Брамбеуса. С. Петербургъ. 1845. Четыре части, in-12°, съ четырмя гравюрами, 343, 397, 327 и 360 стр. — Безъ предисловій перваго изданія. Содержатъ въ себѣ всѣ прежнія 8 частей.

9. Фантастическія Путешествія Барона Брамбеуса. С. Петербургъ. 1833, in-8°, XLVIII—391 стр.

Второе изданіе, 1835, in-8°, то же число страницъ.

II.

ИЗДАНІЯ, БЫВШІЯ ПОДЪ ЕГО РЕДАКЦІЕЮ.

10. Guide français-arabe vulgaire etc. Par J. Berggren. Upsal, 1844, in-4°, 924 pp.

Въ предисловіи автора сказано: «Печатаніе этого сочине-«нія начато было въ С. Петербургѣ въ 1825 году, подъ «редакціею знаменитаго оріенталиста г. профессора Сенков-«скаго, но остановилось по непредвидѣннымъ обстоятель-«ствамъ». Первые 19 листовъ или 304 стр. отпечатаны Сенковскимъ въ типографіи Петербургской Академіи Наукъ.

Объявленіе объ изданіи этого словаря, академика Френа: Vorläufige Anzeige von einem nächstens hieselbst erscheinenden Werke: Dictionnaire abrégé français-arabe de J. Berggren, redigé etc. par J. Senkowski, въ St. Petersb. Zeitung, 1827, № 47.

11. Balamut. Satyryk jowialista. Pismo czasowe zbieranej drużiny, wydawane w Petersburgu. Rok drugi. 1831. 52 №№ in-fol.

    См. выше, стр. LXIII, примѣчаніе.

12. **Новоселье.** Двѣ части, in-8⁰. С. Петербургъ. 1833—1834.

    Предисловіе къ первой части написано С., который далъ шесть статей для этого изданія (см. №№ 48—50 и 61—63).

13. **Библіотека для Чтенія.** Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ. С. Петербургъ. Съ 1834 по 1856. Сто-тридцать-семь томовъ или 273 ежемѣсячныхъ книги.

    Имени редактора не было выставляемо на заглавномъ листѣ. С. завѣдывалъ ею до августа 1848, когда по болѣзни оставилъ ее. Съ 1849 года изданіе ея перешло къ книгопродавцу Печаткину, причемъ С. обязывался доставлять въ журналъ свои критики и просматривать литературную лѣтопись. Въ 1852 г. онъ далъ только одну критическую статью о двухъ романахъ. Въ объявленіи на 1853 годъ обѣщано, что «въ будущемъ году будетъ постоянно помѣщать въ Библіотекѣ свои статьи *и* самъ редакторъ, который, въ послѣдніе три года, только изрѣдка могъ писать для критическихъ отдѣловъ журнала». Съ 1855 г. до сентябрской книги 1856, на заглавномъ листѣ Библіотеки для Чтенія печаталось — «подъ редакціею О. И. Сенковскаго и А. В. Старчевскаго». Съ 1857 г. редакторомъ Библ. для Чтенія является А. В. Дружининъ.

14. **Энциклопедическій Лексиконъ.** Томъ XII, XIII, XIV, XV и XVI. С. Петербургъ. 1838—1839.

    Статьи С. въ этомъ Лексиконѣ, см. ниже подъ № 359).

15. **Военная Библіотека,** съ Высочайшаго соизволенія посвященная россійской арміи. Издаваемая подъ руководствомъ барона Н. В. Медема и О. И. Сенковскаго. С. Петербургъ, 1838—1840. Шесть томовъ.

16. **Сынъ Отечества.** 1841, 52 №№ 8⁰ maj.

    Раздѣлялся на три отдѣла: I. Литературное обозрѣніе, II. Обозрѣніе современной исторіи и политики, и III. Смѣсь.

III.

СТАТЬИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ РАЗНЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ДО ВЫХОДА БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

17. Юмористическія статьи безъ подписи, въ газетѣ «Brukowe Wiadomości». Вильно. 1818—1819.

    См. выше, стр. XXI, примѣчаніе.

18. Разборъ и изложеніе содержанія сочиненія Мураджа-Д'Оссона: Tableau de l'Empire Ottoman, въ шести статьяхъ. (Въ журналѣ Dzieńnik Wileński, 1819, tom I, str. 342—368, 481—500, 609—634; tom II, str. 359—372, 493—507, 597—621).

    Подписано—J. Sękowski.

19. O zabawach i śpiewach nowożytnych Greków, przez J. Sękowskiego. (Въ Tygodnik Wileński, 1819, tom. VII str. 287—299, tom VIII str. 19—30).

    Составлено по Д'Оссону, Пуквилю, Водонкуру и другимъ источникамъ. Переведено на русскій языкъ въ сокращеніи, подъ заглавіемъ: «О забавахъ и увеселеніяхъ нынѣшнихъ Грековъ», I. С—скаго, въ Сѣвер. Архивѣ, 1822, часть III, стр. 130—152.

20. Dzieńnik podróży J. Sękowskiego z Wilno przez Odessę do Sztambulu. (Dzieńnik Wileński, 1819, tom II str. 565—591).

    Въ этой статьѣ описанъ путь отъ Вильно до Винницы.

21. Dzieńnik podróży etc. Opisanie Odessy (Ibid., 1820, tom I str. 146—165).

22. Diwani Chodża Hafiz Szirazi etc. (Ibid., 1820, tom I str. 257—272).

23. Prawidła dla szkoły helleńskiej kupcow greczkich w Odessie. Przeklad z ięzyka nowo-greckiego przez J. Sękowskiego. (Tygodnik Wileński, 1820, tom IX str. 289—303).

24. Краткое начертаніе путешествія въ Нубію и Верхнюю Эѳіопію. (Сѣверный Архивъ, 1822, часть I, № 1, стр. 70—113).

    На французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Fragment d'un voyage inédit en Nubie fait en 1819 (?) par J. Senkowski, въ Nouvelles Annales des Voyages, tome XVI pp. 289, 599.

25. Посѣщеніе Пирамидъ. Изъ путевыхъ записокъ Іосифа Сенковскаго. (Сынъ Отечества, 1822, № I, часть LXXV, стр. 16—30, 116—122).
26. Перечень письма изъ Каира, отъ $^{11}/_{22}$ декабря 1820. (Тамъ же, 1822, ч. LXXVI, стр. 64—71).

    Безъ означенія имени автора.
27. Возвратный путь изъ Египта чрезъ Архипелагъ и часть Малой Азіи. Отрывокъ изъ дневныхъ путевыхъ записокъ І. Сенковскаго. (Сѣверный Архивъ, 1822, ч. I, стр. 421—443, ч. II стр. 45—52, ч. III стр. 301—320).
28. Объ изученіи арабскаго языка. (Сынъ Отечества, 1822, ч. LXXX стр. 248—167).

    Разсужденіе, читанное С. при началѣ лекцій въ петербургскомъ университетѣ, 18 августа 1822.
29. Бедуинъ. Повѣсть, переводъ съ арабскаго. (Полярная Звѣзда на 1823 годъ, стр. 378—385).
30. Витязь буланаго коня. Арабская касыда. (Полярная Звѣзда на 1824 годъ, стр. 297—307).
31. Деревянная красавица. Восточная повѣсть. Съ татарско-адербайджанскаго нарѣчія. (Полярная Звѣзда на 1825 годъ, стр. 174—182).
32. Истинное великодушіе. Восточная повѣсть. Съ арабскаго. (Ibid., стр. 239—248).
33. Урокъ неблагодарнымъ. Восточная повѣсть. Съ персидскаго. (Ibid., стр. 258—262).
34. Египетскія древности въ С. Петербургѣ. (Сѣверная Пчела, 1825, № 9).
35. О книгѣ: Путешествія къ Татарамъ, изд. Д. Языковымъ. (Ibid. 1825, №№ 151, 153).
36. Путешествіе Дервиша-Мухаммедъ-Эфендія въ Россію, въ 1755 году. Изъ оттоманскихъ лѣтописей Васыфъ-Эфендія. Переводъ съ турецкаго. (Сѣверный Архивъ, 1826, ч. XIX, стр. 3—18).
37. Description des monnaies boukhares. (Въ приложеніи къ книгѣ: Voyage d'Orenbourg à Bokhara par le baron G. de Meyendorff. Paris, 1826, pp. 309—320).
38. Notice sur la route commerciale de Semi-Palatinsk à Cachemire. Traduit du persan. (Ibid., pp. 329—345).

39. О книгѣ: Nummi muhammedani etc. Френа. (Сѣверная Пчела, 1827, №№ 105, 107, 109, 110).

    Та же рецензія на французскомъ языкѣ въ Journal de St. Pétersbourg, 1827, №№ 102—103.

40. Письмо Тютюнджю-Оглу-Мустафы-Аги, настоящаго турецкаго философа, къ одному изъ издателей Сѣверной Пчелы. (Сѣв. Пчела, 1827, №№ 129—133).

    См. выше, № 5.

41. Lettre à M. Silvestre de Sacy. (Journal Asiatique, 1828, vol. II, pp. 237 sqq.).

42. Бедуинка. Съ арабскаго. (Сѣверные Цвѣты на 1828 г., стр. 166—185).

43. Смерть Шанфарія. Съ арабскаго. (Альбомъ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г., стр. 279—321).

    Переводомъ и примѣчаніями С. пользовался Мицкевичъ при переложеніи поэмы Шанфари въ польскіе стихи. Его «Фарисъ», «Альмотенабби» и «Крымскіе Сонеты» также обязаны своимъ вѣрнымъ восточнымъ колоритомъ вліянію Сенковскаго.

44. О книгѣ: Описаніе Тибета и пр., О. Іакинѳа. (Сѣверная Пчела, 1828, №№ 72, 75—78),

    Подписано: Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага, какъ подъ № 40.

45. Воръ. Восточная повѣсть. Съ арабскаго. (Сѣверные Цвѣты на 1830 годъ, стр. 242—276).

    Всѣ переводы восточныхъ повѣстей (№№ 29—33 и 42—43) подписаны—I. Сенковскій.

46. Юмористическія статьи на польскомъ языкѣ, безъ подписи, въ газетѣ Bałamut, 1831.

    См. выше № 11.

47. Басня въ прозѣ. (Комета Бѣлы, альманахъ на 1833 г., стр. 179—204).

    Подписано—Сенковскій.

48. Незнакомка. Статья для моего хозяина. (Новоселье, 1833, стр. 1—36).

    Подписано—Баронъ Брамбеусъ.

49. Антаръ. Восточная повѣсть. (Тамъ же, стр. 69—108).

    Подписано—Сенковскій.

50. Большой выходъ у Сатаны. (Тамъ же, стр. 129—186).

    Подписано—Баронъ Брамбеусъ. Переведено на нѣмец-

кій языкъ: Das grosse Lever beim Satan, von Brambeus, въ изданіи «Schneeglöckchen», St. Petersburg, 1833, I-r Bd.

51. Петербургская барышня. (Сѣвер. Пчела, 1833, № 4).
Подписано—ССС., какъ и четыре слѣдующія статьи.
52. Разборъ сочиненія: Aperçu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen des machines etc. (Тамъ же, №№ 10—11).
53. Личности. (Тамъ же, № 17).
54. Человѣчикъ. (Тамъ же, № 137).
55. Моя жена. (Тамъ же, № 152).
56. Ариѳметика. (Тамъ же, №№ 209—210).
Подписано—Баронъ Брамбеусъ, съ примѣчаніемъ издателей: «сему же сочинителю принадлежатъ всѣ статьи, напечатанныя въ Сѣв. Пчелѣ подъ фирмою ССС.»
57. Заколдованный кладъ. (Тамъ же, № 220).
Подписано—Баронъ Брамбеусъ.
58. О книгѣ Френа: Монеты хановъ Улуса Джучіева. (Тамъ же, № 17).
Подписано: С-скій.
59. О книгѣ О. Іакинѳа: Исторія Тибета и Хухунора. (Тамъ же, № 21—22).
Подписано—О. С-скій.
60. Объявленіе: Продается за отъѣздомъ. (Тамъ же, 1834, №№ 6—7).
Подписано—Баронъ Брамбеусъ, какъ и три слѣдующія:
61. Чинъ-Чунъ, или авторская слава. (Новоселье, 1834, стр. 9—44).
62. Счастливецъ. Восточная повѣсть. (Ibid., стр. 81—106).
63. Похожденія одной ревижской души. (Ib., стр. 130—236).

IV.

СТАТЬИ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ОТДѢЛЫ I И II: РУССКАЯ И ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

(*Большая часть статей подписана* Баронъ Брамбеусъ; *другія подписи означены*).

64. Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ. Повѣсть. (1834. Т. I, стр. 33—114).

Перепечатана вторымъ изданіемъ въ «Библіотекѣ для дачъ» Смирдина, 1856, ч. XXIV, 175 стр. in-36°.

65. Любовь и смерть. Ночное мечтаніе. (II, 141—191).
66. Брамбеусъ и Юная словесность. (III, 33—60).
67. Воспоминанія о Сиріи. I. Затмѣніе солнца. II. Преступные любовники. (V, 27—41, 33—60).

    Подписано—Осипъ Морозовъ.
68. Эпохи упадка словесностей. (V, 69—108).

    Съ подписью—О. Сенковскій.
69. Висячій гость. Происшествіе неправдоподобное, потому-что истинное. (VI, 68—87).

    Переведено на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: Der hängende Gast, von Baron Brambeus, и напечатано въ изданіи «Russische Hundert und Eins» etc. von N-k-n. Berlin, 1835, in-12°, Bd. II.
70. Повѣсти. Повѣсть. (VII, 90—116).

    Нѣмецкій переводъ: Die Erzählung, von B. Brambeus, тамъ же.
71. Предубѣжденіе. Статья одного человѣка. (VII, 90—116).

    Безъ подписи.
72. Эбсамбулъ. Нубійскія сцены. I. Пріѣздъ путешественниковъ. II. Посѣщеніе храма. Пикникъ. Лотерея. (1835. VIII, 219—244; IX, 69—110).

    Безъ подписи.
73. Потерянная для свѣта повѣсть. (X, 134—150).

    Подписано—А. Бѣлкинъ.
74. Теорія образованной бесѣды. (XII, 75—88).

    Нѣмецкій переводъ: Russische Conversation, von Baron Brambeus, напечатанъ въ изданіи «Nordische Blüthen etc., herausgegeben von E. v.O.», Leipzig, 1837, in-8°.
75. Турецкая Цыганка. (XII, 134—174).

    Подписано—А. Бѣлкинъ.
76. Записки домоваго. Статья первая. (XIII, 71—120).

    Переводъ: Memoiren eines Koboldes, von Baron Brambeus, въ «Nordische Blüthen», loc. cit.
77. Джуліо. (1836, XVIII, 20—122).

    Подписано—Т-м-ф-в.—А. Бѣлкинъ. Передѣлана С. изъ повѣсти Тимофеева.

78. Любовь музыкальнаго учителя. (XIX, 70—86).

Подписано — Карло Кардини. Передѣлка изъ чужой статьи.

79. Первое письмо трехъ тверскихъ помѣщиковъ къ барону Брамбеусу. (1837. XXII, 65—96).

Подписано—Николай Заѣзжаевъ, Петръ Закусаевъ, Иванъ Муколовкинъ.

80. Трактатъ о вистѣ. (XXV, 17—58).

Безъ подписи.

81. Мамзель Катишь, или ловля жениховъ. (1838, XXVII, 17—62).

Подписано — А. А. фонъ-Женихсбергъ; статья передѣланная.

82. Поэзія Пустыни, или Поэзія Аравитянъ до Магомета. (XXXI, 93—130).

Подписано—О. Сенковскій. Къ общей характеристикѣ арабской поэзіи приложенъ почти буквальный переводъ «Муаллаки» Лебида.

83. Часы мамзель Катишь. (XXXI, 157—164).

Подписано—П. И. Снѣгинъ; передѣлка.

84. Фаньсу, или Плутовка-горничная. Китайская комедія, сочиненіе Джинъ-Дыхуэя. Буквально съ китайскаго переводилъ на Кяхтѣ пограничный толмачъ Разумникъ Артемоновъ сынъ Байбаковъ. (1839. XXXV, 52—140).

Анекдотъ о двухъ русскихъ литераторахъ, вложенный въ рамки китайской комедіи.

85. Иванъ и Роза. Повѣсть изъ лѣтописей Васильевскаго острова. (1840. XXXIX, 101—126; XL, 89—112).

Безъ подписи; передѣлана изъ повѣсти Шпиндлера.

86. Ужасная тайна. (XLIII, 53—68).

Безъ подписи.

87. Идеальная Красавица, или Дѣва Чудная. (Часть первая, 1841, XLIX, 141 — 254; часть вторая и третья, 1842. L, 17 — 130 и 139 — 230; часть четвертая, 1843, LXI, 77—121; часть пятая, 1844, LXIII, 77 — 156).

88. Паденіе Ширванскаго царства. (1842, LII, 9 — 74 и 79—164).

Подписано—Б. Б. Главное содержаніе и нѣкоторыя части

взяты изъ сочиненія Моріера The Mirza, но совершенно передѣланы.

89. Лукій, или Первая повѣсть. (LV, 75—132).
Подписано—Б. Б.

90. Умницы. Предметъ взятъ изъ романа мистрисъ Тролопъ, The blue belles of England, и обдѣланъ барономъ Брамбеусомъ. (1843. LVIII, 119—254).

91. Совершеннѣйшая изъ всѣхъ женщинъ. Китайскія дѣла. Статья первая. (1845. LXVIII, 17—96).

ОТДѢЛЫ III И IV: НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

(*Большая часть статей безъ подписи имени; подписи означены*).

92. Скандинавскія Саги. (1834. I, 1—77).

93. Эймундова Сага. (II, 1—71).
Обѣ подписаны—Сенковскій. При переводѣ Эймундовой Саги приложенъ исландскій текстъ. Отпечатаны и отдѣльно, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: «Eymundar Saga. Эймундова Сага. Сказанія объ Эймундѣ Ринговичѣ и Рагнарѣ Агнаровичѣ, скандинавскихъ витязяхъ, поселившихся въ Россіи въ началѣ XI вѣка. Перевелъ съ исландскаго и критически объяснилъ О. Сенковскій, докторъ философіи, профессоръ восточныхъ языковъ и словесности въ санктпетербургскомъ университетѣ, и проч.», in-8°, стр. 77 и 71.

94. Германская философія. (1835. IX, 83—116).
Статья, заимствованная изъ France littérare, janvier 1835, но совершенно передѣланная и выражающая мысли С. о предметѣ.

95. Аму-Дарья. (XI, 138—174).
Подписано — О. Сенковскій. Напечатано одновременно и въ «Энциклоп. Лексиконѣ» т. II, стр. 145—159.

96. Фабрикація бумаги. (XI, 17—42).
Подписано — О. Сенковскій. Напечатано и въ «Энцикл. Лексиконѣ» т. VII, стр. 332—347.

97. Сравнительная наука древностей. (1836. XII, 33—68).
Изъ Quarterly Review и Journal des Savants, съ приписками Сенковскаго.
98. Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку. (XIII, 112—145).
По поводу «Путешествій» Ламартина, Корнилля и другихъ.
99. Нынѣшнее состояніе теоріи электромагнитности. (XIV, 1—24).
Изложена С. по англійскому обозрѣнію. Безъ подписи.
100. Нынѣшнее состояніе ученія о звукѣ. (XIV, 77—100).
Такая же передѣлка со множествомъ приписокъ С. Безъ подписи.
101. Новѣйшія наблюденія надъ электричествомъ. (1837. XXI, 101—118).
102. Два примѣчанія къ Геродотову описанію Скиѳіи. I. О древнѣйшихъ названіяхъ Славянъ. II. О голубомъ и огненно-красномъ народѣ Вудиновъ. (1838. XXVII, 94—116).
Подписано—Сенковскій.
103. О происхожденіи имени Руссовъ. (XXIX, 45—58).
Подписано — С***. По поводу изслѣдованій академиковъ Круга и Френа.
104. Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузиновъ. (XXX, 151—172).
Подписано—Сенковскій.
105. Компанія на акціяхъ для битья по карманамъ. (XXXI, 28—32).
Юмористическая статья, направленная противъ промышленниковъ въ литературѣ.
106. Свѣтопись, или производство живописныхъ изображеній посредствомъ свѣтовыхъ лучей. (1839. XXXIV, 59—90).
107. Торцовыя дороги въ Англіи. (1840. XXXIX, 9—18).
108. Сокъ достопримѣчательнаго. Записки Ресми-Ахмедъ-Эфендія, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, о сущности, началѣ и важнѣйшихъ событіяхъ войны, происходившей между Высокою Портою и Россіей отъ 1182 по 1190 годъ гиджры (1769—1776). Переводъ съ турецкаго. (1842. LI, 33—70 и 71—110).

Подписано — О. Сенковскій Перепечатано въ Библ. для Чт. 1854. CXXIV, 1—78, подъ заглавіемъ: «Разсказъ Ресми-Эфендія, оттоманскаго министра иностранныхъ дѣлъ, о семилѣтней борьбѣ Турціи съ Россіей».

109. Будущія послѣдствія желѣзныхъ дорогъ для Европы. (LV, 1—35).

Изъ Cours de l'économie politique par Rossi, съ введеніемъ и приписками С.

110. Исторія важнаго промышленаго открытія. (LVI, 1—26).

Золоченіе по способу Рюо́.

111. Изложеніе гальваническаго золоченія, серебренія, платинованія, и прочая, по послѣднимъ изслѣдованіямъ. (Ibid., 27—52).

112. Свѣтопись на бумагѣ. (1843. LIX, 24—34, 35—64; LX, 1—68).

Описаніе опытовъ, произведенныхъ самимъ С.

113. Картезіанизмъ. (LXVII, 67—102).

По поводу сочиненія Le Cartésianisme, par M. Bordas-Demoulin. Paris. 1843.

114. Манифестъ Дарія сына Истаспова и прочіе каменописные памятники древнихъ царей Персіи. Статья первая. (1848. LXXXVI, 59—94).

Подписано — О. Сенковскій. Изслѣдованіе клинообразныхъ надписей и ихъ языка.

115. Основныя понятія о музыкѣ, какъ искусствѣ, необходимыя для всякаго желающаго судить о ея произведеніяхъ. (LXXXVI, 185—216; LXXXVII, 69—110).

Нѣкоторыя техническія части взяты изъ сочиненія Fétis: La Musique mise à la portée de tout le monde.

ОТДѢЛЪ V: КРИТИКА.

(*Статьи, гдѣ не показано подписей, не подписаны*).

116. О драмахъ: Россія и Баторій, барона Розена, Торквато Тассо, Н. Кукольника, и Торквато-Тассо (М. Кирѣева). (1834. I, 1—41).

Подписано—Тютюнджю-Оглу.

117. Есть ли у насъ литература? — Что и гдѣ есть критика? — Состояніе литературной критики въ Англіи, Франціи и Германіи.—Историческій романъ. Вальтеръ-Скоттъ и его подражатели. — Мазепа, романъ Булгарина. (II, 1—44).
Подписано—О. О....О!

118. Димитрій Самозванецъ, трагедія А. Хомякова.—Рука Всевышняго и проч., Н. Кукольника. (II, 45—76).

119. Панорама Петербурга. (II, 77—100).
Подписано—Т.-О.

120. Письма изъ Болгаріи, Теплякова. — Воспоминанія о Финляндіи.—Изгнанникъ. (III, 1—24).

121. Новоселье. (III, 25—42).
Подписано—О. С.

122. Умозрительныя основанія словесности, Глаголева. (IV, 1—7).

123. Ѳомы Кемпійскаго о подражаніи Христу. (IV, 7—16).

124. Черная Женщина, Н. Греча. (IV, 17—54).

125. Душевныя болѣзни, Бутковскаго. (V, 1—16).

126. Регентство Бирона.—Ермакъ.—Лунатикъ. (V, 17—40).

127. Джакобо Санназаръ, Кукольника. (VI, 1—14).

128. Взглядъ на суевѣрія. (VI, 14—32).

129. Исторія Донскаго войска.—Обозрѣніе исторіи армянскаго народа. (VII, 1—34).

130. Описаніе заведенія минеральныхъ водъ и проч. (VII, 35—64).

131. Князь Мих. Вас. Шуйскій. — Роксолана, Кукольника. (1835. IX, 44—90).

132. Историческое обозрѣніе Ойратовъ. (XI, 1—30).

133. Энциклопедическій Лексиконъ. (XI, 31—38).

134. Свитригайло, Коцебу. (XIII, 25—50).

135. Практическое пчеловодство, Витвицкаго. (1836. XIV, 41—72).

136. Зоологія, Горянинова. (1838. XXVII, 1—50).

137. Гомеопатія. — О чумѣ. — О водяной болѣзни, и проч. (XXX, 21—44).

138. Сто русскихъ литераторовъ. (1839. XXXIII, 1—46).

139. Курсъ Геогнозіи. (1840. XXXVIII, 1—56, съ геологической картою).
140. О Ганеманѣ и о Гомеопатіи. (XL, 1—48).
141. Записки Желябужскаго. (XLI, 47—68).
142. Путешествіе по Египту и Нубіи, Норова. (XLIII, 1—32).
143. Записки А. Фуксъ о Чувашахъ. (1840. XLIII, 33—52; 1841. XLIV, 1—26).
144. О Иппократѣ и его ученіи, и проч. (1841. XLVI, 49—98; XLVII, 1—70).
145. Китай и его жители, О. Іакинѳа. (XLIX, 1—40, 41—60).
146. Сочиненія Платона. (1842. LIII, 33—68).
147. Описаніе Бухарскаго ханства. — Странствователь. (1843. LIX, 35—56).
148. Краткая Общая Анатомія, Буяльскаго. (1844. LXVII, 1—52).
149. Лекціи популярной астрономіи, (1845. LXVIII, 31—44; LXX, 1—26).
150. Опытъ о народномъ богатствѣ, Бутовскаго. (1847. LXXXV, 1—42; 1848. LXXXVI, 1—24).
151. Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи. (1848. LXXXVI, 25—44).
152. Свѣдѣнія о холерѣ въ Россіи. (LXXXVII, 31—44).
153. Описаніе Помпеи, Классовскаго. (LXXXVIII, 13—24).
154. Китай, О. Іакинѳа. (XCI, 1—24; XCII, 1—36),
155. Новыя стихотворенія В. Жуковскаго (Одиссея). (1849. XCIII, 1—56, 57—138).
156. Путешествіе во внутреннюю Африку, Е. Ковалевскаго. (XCV, 83—114).
157. Объ употребленіи минеральныхъ водъ. (XCVI, 1—32).
Подписано—докторъ Карлъ фонъ-Биттервассеръ.
158. Mémoires de la Société des antiquaires du Nord. (1850. XCVIII, 23—39).
159. The Monuments of Niniveh, by Lyard. — Monument de Ninive, par Botta. (XCIX, 1—18, 19—43; C, 1—30).
160. Поѣздка на Синай, Уманца. (CI, 1—22).
161. Путешествіе по Нижнему Египту, Рафаловича. (CI, 23—54).
162. Греческія стихотворенія, Щербины. (CII, 1—14).
163. Путешествіе по Дагестану, Березина. (1851. CV, 1—22).

164. Судьбы Италіи, Кудрявцева. (CV, 23—38).
165. Библіотека восточныхъ историковъ. (1851. CVI, 1—26).
166. Племянница, Евг. Туръ. — Большая барыня, Вонлярлярскаго. (1853. CXV, 1—22).
Подписано — Б. Б.
167. Сочиненія Кукольника. (CXVII, 1—16).
Подписано—Б. Брамбеусъ.
168. Путешествіе по Сѣверной Персіи, Березина. (CXIX, 1—26).
Подписано—О. С.
169. О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. (1854. CXXIII, 1—42; CXXIV, 1—42).
Подписано—О. Сенковскій.
170. Обозрѣніе Оттоманской Имперіи. (CXXIV, 43—66).
Подписано—О. Сенковскій.
171. Дѣйствія Суворова. (CXXV, 1—20).
Подпись—О. С.
172 Гигіена волосъ. (CXXVI, 1—22).
Подпись—О. Сенковскій.
173. Курсъ древоводства. (CXXVI, 23—50).
Подписано—О. С.
174. О произвсдительныхъ силахъ Россіи, Тенгоборскаго. (CXXVII, 23—48).
Подписано—О. Сенковскій.
175. Діагоръ, трагедія.—Сервилія, драма. (1855. CXXVIII, 1—30, 36—50).
Подпись—О. С.
176. Путешествія А. С. Норова. (CXXIX, 19 — 46; CXXXI, 27—50).
Подписано—О. Сенковскій.
177. Палеонтологія Россіи, Эйхвальда. (CXXXII, 1—26).

ОТДѢЛЪ VI: ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Здѣсь поименованы только главнѣйшія рецензіи*).

178. Горе отъ ума, Грибоѣдова. (1834. I, 43—44).
179. Аскольдова могила, Загоскина. (I, 44—46).
180. О государственномъ кредитѣ. (I, 47—51).

181. Запорожская старина. (II, 15—19).
182. Картина человѣка, Галича. (II, 20—36).
183. Coup d'oeil sur les maux de nerfs. (II, 37—39).
184. Княжна Милуша, П. Катенина, и Разсказы Мельгунова. (III, 1—6).
185. Стихотворенія Линдфорса. (III, 19—20).
186. Новые досуги, Слѣпушкина. (III, 20—27).
187. Разборъ Физики Велланскаго. (IV, 7—12).
188. XII пѣсенъ, Т-м-ф-ва. (V, 21—22).
189. О бѣлой горячкѣ. (V, 26).
190. Общій Церковно-Славянско-Россійскій словарь. (VI, 11).
191. Энциклопедическій Лексиконъ. (VI, 13—16).
192. Дочь знаменитаго артиста, водевиль—Досуги пустынника. (VII, 2—4).
193. Изувѣченный, Сентина. (VII, 5—6).
194. Квинтиліана XII книгъ. (VII, 23—24).
195. Хронологическіе списки, Френа. (1835. VIII, 49—51).
196. О недостовѣрности русской исторіи, Скромненко. (VIII, 51—52).
197. Корсунскія врата, Аделунга. (VIII, 53—55).
198. Памятникъ христіанской вѣры въ Китаѣ.—Маньджурская пѣснь. (VIII, 55—57).
199. Роксолана. (IX, 1—2).
200. Арабески. (IX, 8—14).
201. Миргородъ. (IX, 30).
202. Русско-Французскій Словарь, Рейфа. (IX, 36—45).
203. Полный новѣйшій пѣсенникъ. (XI, 21—22).
204. О жизни сира В. Скотта. (XI, 26—28).
205. Избранныя притчи Круммахера. (XI, 31—33).
206. Грамматическіе уроки. (XI, 33—35).
207. Опытъ полнаго учебнаго курса русской грамматики. (XII, 33).
208. Истинный способъ быть здоровымъ. (XIII, 4—10).
209. Лѣтопись факультетовъ. (XIII, 34—36).
210. Объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, Атрѣшкова. (XIII, 39—47).
211. Опытный помѣщикъ. (1836. XV, 62—66).
212. О жителяхъ луны. (XVI, 66—78).

213. О XIII медицинскихъ сочиненіяхъ. (XVI, 88—94).
214. Были и небылицы, Вл. Луганскаго. (XVII, 30—31).
215. О гомеопатической діэтѣ. (XVII, 48—50).
216. Стихотворенія Аполлона де***. (XVIII, 8).
217. Музыкальная грамматика, Финагини. (XVIII, 41).
218. Основанія физики, М. Павлова. (XIX, 17—18).
219. Легчайшій способъ къ изучевію хронологіи. (XIX, 55—56).
220. Новый оракулъ.—Основанія физіологіи. (XIX, 60—64).
221. Стихотворенія Якубовича. (1837. XXIII, 1—4).
222. О народной поэзіи славянскихъ племенъ, Бодянскаго. (XXIII, 15—16).
223. Превратныя поученія стараго практика.—О пьянствѣ, Магазинера. (XXIII, 24—35).
224. Лекціи Остроградскаго. (XXIII, 29—30; XXIV, 59—60).
225. Объ учрежденіи торцовыхъ дорогъ и сухопутныхъ пароходовъ въ Россіи посредствомъ компаніи, В. Гурьева. (XXIII, 21).
226. Сонеты, Н. Бутырскаго. (XXIII, 35—40).
227. Обѣдъ, В. Филимонова. (XXIII, 42—47).
228. С. Петербургская Флора. (XXV, 31—32).
229. Зоологія и Ботаника. (XXV, 75—78).
230. Biographie de M-lle Taglioni. (1838. XXVI, 15).
231. Курсъ Сельскаго Хозяйства, М. Павлова. (XXVI, 27—32).
232. Литературная Лѣтопись за январь 1838. (Ночи Пюбликъ-Султанъ-Багадура). (XXVI, 35—48).
233. Сочиненія Н. Греча. (1838. XXVII, 25 — 30. 1839. XXXIII, 29—31).
234. Курсъ вещественной природы, Вебера. (XXVIII, 61—68).
235. Начальныя основанія Зоологіи, Мильнъ-Эдвардса. (1839. XXXIV, 15—16.
236. Характеристика человѣка. (XXXV, 35—39).
237. О чахоткѣ.—О глистахъ. (1840. XXXVIII, 41—45).
238. Сокращеніе русской грамматики. (XLI, 3—6).
239. Введеніе въ философію, Карпова. (XLI, 19).
240. Физіологія, Эбле. (XLII, 11).
241. Повальныя болѣзни у животныхъ. (XLIII, 13—15).

242. По поводу Одиссеи. (О гекзаметрахъ). (1841. XLIV, 15—42; XLVI, 1—66).
243. О Руссахъ, по поводу поэмы Фритіофъ. (XLVI, 69—73).
244. Записки русскихъ людей, И. Сахарова. (XLVIII, 23—30).
245. Венелинъ. (Ibid., 31—32).
246. О пользованіи водою и пр. (Ibid., 37—40).
247. О посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина. (XLIX, 1—4).
248. Упрощеніе русской грамматики. (1842. LIII, 11—12).
249. Похожденія Чичикова. (LIII, 24—54).
250. Прикладная Анатомія, Пирогова. (LIV, 51—54).
251. Etincelles et Cendres. (LV, 1—12).
252. Литературная Лѣтопись. (New-year niht's dream. Трагедія-водевиль). (1843. LVI, 1—36).
253. Исторія Малороссіи, Н. Маркевича. (Ibid.).

Возраженіе на эту критику, подъ заглавіемъ «Отвѣтъ г. Сепковскому» (П. Кулиша), въ Москвитянинѣ, 1843, № 5.

254. Сочиненія Н. Гоголя. (LVII, 21—28).
255. Объ усовершенствованіи души. (LVII, 69—73).
256. Князь Курбскій. Историческій романъ Бориса Ѳедорова. (LIX, 19—28).
257. Амарантосъ. Розы возрожденной Эллады, Эвлампіоса. (1844. LXI, 20—26).
258. Начальныя основанія русской грамматики. (LXI, 77—78).
259. Семейство, романъ Фредерики Бремеръ. (LXIII, 13—15).
260. Горный охотникъ. (XLIV, 47—50).
261. Морская болѣзнь. (XLV, 27—28).
262. Гамлетъ (о переводахъ вообще). (Ibid., 33—35).
263. Курсъ Психологіи, Кедрова.—Царь Берендей. — Анатомія, Буяльскаго. (LXVI, 43—51).
264. Medizinisch-topographiche Skizze von St. Petersburg. (1845. LXIX, 19—20).
265. Корректурные листы русской грамматики. (Ib., 35—36).
266. Опытъ переложенія въ стихи Свящ. Писанія. (1844. LXXXVI, 1—14).
267. Парижскія письма, Греча. (Ib., 14—15).
268. Исторія русской поэзіи, Милюкова. (Ib., 26—36).

269. Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвицамъ. (Ib., 37).
270. Двойная жизнь, К. Павловой. (LXXXVII, 1—17).
271. О душевныхъ болѣзняхъ. (LXXXVIII, 10—15).
272. Историческая Хрестоматія церков. слав. и русск. языка, А. Галахова. (Ib. 28—30).
273. Обозрѣніе могилъ Кіевской губерніи. (LXXXIX, 1—16).
274. Краткая исторія воздухоплаванія. (Ib., 8—10).
275. Высшая грамматика. (Ib., 10—12).
276. Книги о холерѣ. (XC, 17—26).
277. Силотворъ, Шенгелидзева. (Ib. 26—30).
278. Богослуженіе древнихъ Славянъ, Срезневскаго. (XCII, 15—17).
279. Пробныя партитуры. (1849. XCIII, 21).
280. Древняя исторія для женскихъ заведеній. (XCIV, 27—30).
281. Миѳы славянскаго язычества. (1850. XCIX, 13—16).
282. Голенькой—охъ! (Русская идиллія). (Ib., 19—22).
283. Сербскія народныя пѣсни. (CI, 1—6).
284. Лидія, повѣсть. (CII, 1—12).
285. Нелюдимка, драма гр. Ростопчиной. (CII, 13—36).
286. О состояніи женщинъ въ Россіи, В. Шульгина. (CIII, 23—24).
287. Графиня Салисбури, Дюма, и пр. (CIV, 1—6).
288. Поваренная книга. (Ib. 9—10).
289. Искусство наживать деньги. (Ib., 11).
290. Драматическій альбомъ. (1851. CV, 127—134).
291. Соборная грамота, изд. кн. Оболенскимъ. (Ib. 142—143).
292. Ярлыкъ Тохтамыша. (CVI, 1—5).
293. Les brises d'automne par le Cte Ilinski. (CVI, 39—47).
294. Сосѣдъ, романъ Вонлярлярскаго. (1853. CXVII, 29—33).
295. Проселочныя дороги, Д. Григоровича. (Ib. 33—38).
296. О столовращеніи. (CXIX, 1—8).
297. Игорь Сѣверскій. (1854. CCXXIV, 1—29).
298. Литературная Лѣтопись за апрѣль 1854 г. (о 14 сочиненіяхъ). (CXXV, 1—12).
299. Литературная Лѣтопись за май. (Ib., 25—38).
300. Литературная Лѣтопись за іюнь. (CXXVI, 1—20).
301. Литературная Лѣтопись за октябрь. (CXXVIII, 1—11).
302. Справочный Лексиконъ. (CXXXIII, 1—4).

ОТДѢЛЪ VII: СМѢСЬ.

303. Важное произшествіе въ романтической словесности: новый балетъ г. Таліони. (I, 6—14).
304. Мемноновъ колоссъ. (I, 26—29).
305. Послѣднее сочиненіе г. Беббеджа и его числительная машина. (I, 30—36).
306. Парижская Академія Наукъ. (II. 1—5, 42—46).

Ученые труды и занятія этой Академіи постоянно слѣдились въ Б. для Чт., и изложеніе ихъ сообщалось, какъ подъ этою рубрикою, такъ и подъ особыми заглавіями, исчисленіе которыхъ запяло бы много мѣста. Важнѣйшія изъ нихъ подъ особыми заглавіями здѣсь приведены. См. № 314—318 и пр.

307. Королевское Общество ученыхъ въ Лондонѣ. (III, 1 и проч.).

Объ этой рубрикѣ слѣдуетъ сдѣлать то же замѣчаніе, какъ и о предшествовавшей.

308. Словесность во Франціи. (II, 16, 101 и пр.).
309. Словесность въ Англіи. (II, 107 и пр.).
310. Словесность въ Германіи. (III, 61 и пр.).

Эти три рубрики также составлялись С., съ приложеніемъ къ нимъ списка избранныхъ имъ сочиненій.

311. Впечатлѣнія Свѣтлой недѣли. (III, 81—84).
312. Лучшія времена. (III, 86—89).
313. Резолюція на челобитную *сего*, *онаго*, и проч. (1835. VIII, отд. vj. 26—34).

Подписано—за секретаря Б. Брамбеусъ.

314. Древніе перевороты земнаго шара. (1836. XV, 5—6).
315. Открытіе г. Эренберга. (XVII, 39).
316. Электрическая теорія міра. (1837. XXI, 9—12).
317. Температура земнаго шара. (1838. XXVIII, 30—33).
318. Присутствіе животнаго вещества въ гранитѣ, базальтѣ и другихъ древнѣйшихъ каменныхъ породахъ земнаго шара. XXIX. 16—20).
319. Что́ такое геній? (XXIX, 24—29).

Подписано—С***. Статья для Энциклоп. Лексикона.

320 Температура солнца. (1839. XXX, 6—7).

321. Теплота, огонь и свѣтъ, не суть ли явленія электрическія? (XXXI, 5—12).
322. Призракъ-невѣста. (1839. XXXII, 143—150).
Подписано—Б. Б.
323. Дагерровъ секретъ. Комедія, разыгранная въ Парижѣ. (XXXVI, 1—15).
324. Животное происхожденіе нынѣшняго морскаго песку. (XXXVI, 17—19).
325. Гамбургеротипъ. (XXXVI, 69—71).
326. Бумажныя печи Карелина. (Ib., 72).
327. Свѣтописное искусство. (1840. XXXVIII, 1—7).
328. Микроскопическія наблюденія надъ визитными билетами. (Ib., 13—14).
329. Путешествіе Генриха Шуберта по Востоку. (XXXIX, 15—22).
330. Торговля идолами въ Англіи. (XLII, 154).
331. Свѣтящіеся червячки. (XLIII, 97).
332. Нѣмецкія умозрѣнія о разумѣ животныхъ. (1841. XLV, 10—20).
333. Музыка: Requiem Берліоза. (XLV, 163—170).
334. Концертъ Серве. (XLVI, 17—18).
335. Нѣкоторыя идеи о халатѣ. (L, 130—131).
336. Теорія стоянія на ногахъ. (1842. LI, 77—78).
337. Новыя открытія по части свѣту. (LIV, 2—11).
338. Свѣтъ дѣйствуетъ давленіемъ и есть слѣдствіе тяжести. Всеобщее сіяніе и всеобщее притяженіе. (LIV, 49—51).
339. Калевала. Миѳологія. Аллитерація. (LV, 33—64).
340. Новая бѣда въ геологіи. (LV, 104—105).
341. Русланъ и Людмила, опера Глинки. (LV, 1—4, 157—176).
342. Общій выводъ сущности гальваническихъ токовъ, электричествъ, химическихъ сродствъ, кристаллизаціи, свѣту, теплоты и прочая. (1843. LVIII, 43—45).
Заключеніе къ статьѣ о новыхъ галваническихъ батареяхъ, обсуживавшихся въ Парижской и Берлинской академіяхъ наукъ и въ королевскомъ ученомъ обществѣ въ Лондонѣ.
343. Время и пища человѣка. (1844. LXII, 1—4).

344. Теплотворные, свѣтотворные и химическіе лучи призмовой радуги. (LXII, 63—64).
345. Запруженіе устьевъ рѣкъ инфузоріями. (Ib., 67).
346. Открытія г. Форбиса на днѣ морскомъ. (LXIV, 12—13).
347. Совершеніе великихъ переворотовъ на земной поверхности при нашихъ глазахъ. LXIV, 71—72).
348. Безпрерывное передвиженіе морей. Изслѣдованія Гагена и Робѐра. (LXVI, 1—5).
349. Микроскопическіе жители южнаго полюса. Изслѣдованія Эренберга. (LXVII, 22—24).
350. Электричество не жидкость, а механическая сила тѣлъ. Изслѣдованіе Грова. (1845. LXIX, 1—3).
351. Электричество, магнитность, свѣтъ и теплота — одно тоже. Открытіе Фареде. (1846. LXXIV, 2—7).
352. О новѣйшихъ отчрытіяхъ Фареде. (LXXXIII, 1—4).
353. Свойства лучистаго теплорода. Новыя изслѣдованія Кноблоха. (1847. LXXXIV, 1—2).
354. Лучезарность раскаленныхъ тѣлъ и основные цвѣта солнечнаго луча. Изслѣдованія Дрепера и Меллони. (LXXXIV, 147—152).
355. Внутренній огонь земнаго шара и воздушные камни. (LXXXV, 111—113).
356. Электрическіе концерты. (1849. LXXXVI, 179—180).
357. Электрическіе звуки. Изслѣд. Вертгейма. (LXXXVIII, 45—50).
358. Порода людей съ хвостами. (XCVII, 163—167).

V.

СТАТЬИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ РАЗНЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ПОСЛѢ ОСНОВАНІЯ БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

359—433. Статьи въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (съ подписями—О. И. С. и С***, и безъ подписи).

Томъ I—IV. (1835 года): Аббасиды, Абдестъ, Абепъ, Абу, Абульгази, Авары, Ага, Аглабиды, Азія, Альбатани, Альгвазилъ, Александрійская библіотека, Аллахъ, Альме, Алтабасъ, Амалекиты, Амасія, Аммонъ, Аму-Дарья (напечатана и въ Библ. для Чт., см. выше подъ № 95). Амулетъ, Андеджанъ, Анубисъ, Арыда, Баалъ.

Томъ V—VII. (1836): Басма, Беленджеръ, Берендеи, Бесермены, Билеры, Бирка, Бохмитъ, Бриджватерскіе трактаты, Бумага и Бумажная мануфактура петергофская (перепечатано въ Библ. для Чт., см. подъ № 96), Буртасы, Бюрулду, Бююкдере.

Томы IX—X. (1837): Венгрія, Визирь, Вичъ и Вна, Волга.

Томы XI—XV. (1838): Восточные языки и литературы, Вудины, Газаль, Гази, Гальваническіе столбы, Гальваническая терминологія Фареде, Гамаксобіи, Гаммеръ, Гардарикъ, Гаремъ, Гвоздеобразная грамота, Гармонія-богиня, Гармонія въ музыкѣ, Гекзаметръ, Гелонъ, Геній (перепечатано въ Библ. для Чт., см. № 319), Гербъ, Герросъ, Гизъ, Гиперборейцы, Гира, Господарь, Гридь, Гридьба, Гусары, Гунны, Дарикъ, Дворянство, Де, Дендера.

Томъ XVI. (1839): Джагатай, Джагатайскій языкъ, Джурзанъ, Джурзіе, Диди-Лэдо.

434. Превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы. Барона Брамбеуса. (Сто Русскихъ Литераторовъ. С. Петербургъ. 1839. Томъ I, стр. 1—47).

435. Requiem Берліоза. (Сынъ Отечества. 1841. № 10, стр. 39—42).

Безъ подписи; перепечатано въ Библ. для Чт., см. подъ № 322.

436. Микерія, нильская лилія. Переводъ древняго египетскаго папируса, найденнаго на груди одной муміи въ ѳивскихъ катакомбахъ. Барона Брамбеуса. Съ подлинными египетскими иллюстраціями. (Сто Русскихъ Литераторовъ. С. Петербургъ. 1845. Томъ III, стр. 596—692).

437. Листокъ, Барона Брамбеуса. (Сынъ Отечества, 1856: №№ 14—21, 23—24, 26—27, 29—36, 38; 1857: №№ 1—2, 10, 12—13, 15, 17—18, 22—24, 27—29, 31—32, 35—36, 38—41, 43—45, 48, 50; 1858: №№ 5, 7 и 8).

Пятдесятъ-одинъ фёльетонъ: первый листокъ вышелъ въ свѣтъ 8 іюля 1856, послѣдній 2 марта 1858. — Печатаются особымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ.

438. Деньги, золото, богатство. Барона Брамбеуса. (Экономическій Указатель, 1857, № 3, стр. 53—63).

Статья первая. Продолженіе было въ «Листкахъ».

439. Морскія купанья. Нѣсколько сценъ изъ жизни больныхъ. Барона Брамбеуса. (Въ Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти А. Ф. Смирдина, 1858. Томъ I, стр. 114—259).

Драматическія сцены, набросанныя С., во время болѣзни его въ Ревелѣ; онѣ предназначались для театра, на бенефисъ г. актера Самойлова.

440. Частное письмо къ почтеннѣйшей публикѣ о секретномъ журналѣ, которому названіе: Весельчакъ, журналъ всякихъ разныхъ странностей. С. Петербургъ. 8 столбцовъ въ 4 д. л.

Подписано — Иванъ Ивановъ сынъ Хохотенко-Хлопотуновъ-Пустяковскій, отставной подпоручикъ, помѣщикъ разныхъ губерній и кавалеръ безпорочности.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО

ЕГИПТУ, НУБІИ И ВЕРХНЕЙ ЭѲІОПІИ.

(1820 — 1821.)

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЬМА ИЗЪ КАИРА,

ОТЪ $\frac{11}{23}$ ДЕКАБРЯ 1820. *

...Что касается до Египта, то въ немъ, съ іюня мѣсяца, не было никакой важной перемѣны: всѣ дѣла идутъ своимъ прежнимъ, то есть не самымъ лучшимъ, порядкомъ. Нѣкоторые купеческіе домы Франковъ разорились отъ неудачныхъ оборотовъ или, лучше сказать, отъ недостатка въ честности. Англичане уже начинаютъ собираться въ Каиръ, чтобъ отправиться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Верхній Египетъ; но вообще число путешественниковъ будетъ не весьма велико: разстройство и мятежи, нынѣ господствующіе въ турецкихъ владѣніяхъ, ихъ устрашаютъ. Прошлаго лѣта имѣли мы удовольствіе видѣть здѣсь г. Берггрена **, молодаго Шведа, человѣка весьма ученаго и лю-

---

* Въ «Сынѣ Отечества», гдѣ помѣщена была эта статья, вмѣсто «1820», опечатка: «1821 года». *Изд.*

** Спутникъ Сенковскаго въ путешествіи по Сиріи и Египту. *Изд.*

безнаго, и двухъ Нѣмцевъ изъ Франкфурта, путешествующихъ для открытій по части естественной исторіи. Въ Избекіе и Шубрѣ они лежатъ на землѣ по цѣлымъ часамъ, и поймавъ какую-нибудь букашку, поспѣшно вскакиваютъ. Это до чрезвычайности забавляетъ Арабовъ....

Вчера представили пашѣ пребольшой дипломъ на званіе почетнаго члена Франкфуртскаго Общества Испытателей Природы, въ знакъ благодарности за покровительство, оказанное имъ посланнымъ отъ общества путешественникамъ. Я находился тогда въ *диванѣ*, который собранъ былъ въ Избекіе. Бумага сія, исписанная нѣмецкими буквами, была причиною презабавной сцены. Паша, увидѣвъ дипломъ, почелъ было оный сначала *фирманомъ* Порты: ибо онъ, какъ и вамъ извѣстно, вовсе не знаетъ грамоты. Посланіе сіе его удивило и привело въ замѣшательство; но г. Богосъ-Юсуфъ * растолковалъ ему, что сей *ярлыкъ* писанъ на языкѣ *Пьмче* и содержитъ въ себѣ благодареніе *улмовъ* (ученыхъ) одного нѣмецкаго города, называемаго Франкфуртомъ, за ласки, оказанныя имъ двумъ молодымъ Нѣмцамъ, путешествовавшимъ по Египту. «Улемы сего города, продолжалъ онъ, лобызаютъ съ благоговѣніемъ прахъ ногъ твоихъ, просятъ тебя объ озареніи ихъ немеркнющимъ свѣтомъ, ліющимся изъ знаменитой головы твоей, и одѣть ихъ полою велікаго твоего покровительства.» Казалось, что паша былъ весьма доволенъ: онъ положилъ руку свою на грудь.

---

* Армянинъ, служащій при пашѣ переводчикомъ.

Но самое трудное дѣло было растолковать свѣтлѣйшему пашѣ, что онъ пожалованъ въ *члены Общества*, ибо въ турецкомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія сей европейской мысли. Паша же, вопреки разсказамъ нѣкоторыхъ европейскихъ газетъ, не знаетъ никакого языка кромѣ турецкаго и албанскаго, коимъ говорила его мать. Наконецъ г. Богосъ, послѣ длиннаго предисловія и разныхъ околичностей, растолковалъ ему съ большимъ трудомъ, что «въ знакъ почтенія и благодарности, принимаютъ его *товарищемъ* въ эту *компанію*». При сихъ словахъ гнѣвъ засверкалъ въ глазахъ паши: онъ вскричалъ грознымъ голосомъ, что не хочетъ быть *товарищемъ* ни въ какой *компаніи*,— что товарищество его съ домомъ Бриггса и комп. по торговлѣ съ Индіею стоитъ ему 500,000 талеровъ, — что компанія для выдѣлки сахару и приготовленія рому не приноситъ ему ничего,— и что ему надоѣло бездѣльничество франкскихъ купцовъ, задолжавшихъ ему болѣе 23 милліоновъ піастровъ. Въ изступленіи гнѣва своего объявилъ онъ Богосу, что прикажетъ его утопить въ Нилѣ зато, что онъ нарушилъ запрещеніе говорить пашѣ о какомъ-либо сотовариществѣ съ Франками.

Это объявленіе встревожило толмача: онъ не могъ выговорить ни одного слова, но гг. Фернандецъ, Памбукъ и другіе приближенные къ пашѣ, помогли ему. Между-тѣмъ его турецкая свѣтлость жестоко разгнѣвался: на него нашла судорожная икота. Я желалъ бы, чтобъ ученые члены Франкфуртскаго Общества видѣли его въ этомъ состояніи, и впередъ береглись избраніемъ паши

въ свои члены подвергать опасности жизнь честнаго человѣка, каковъ въ самомъ дѣлѣ г. Богосъ-Юсуфъ. Лучше было бы прислать ему въ подарокъ нѣсколько физическихъ инструментовъ или другихъ любопытныхъ вещей, по древнимъ восточнымъ обычаямъ, которые должны быть этимъ господамъ извѣстны. Мы, жители Египта, удивляемся, какъ ученые Нѣмцы могли до такой степени ошибиться. «Вотъ какъ люди, не выѣзжавшіе изъ своего отечества, судятъ о свѣтѣ!» говоритъ Вольтеръ въ своемъ «Кандидѣ», на котораго мы часто ссылаемся въ Египтѣ.

Но комедія тѣмъ еще не кончилась. Г. Фернандецъ, видя, что его свѣтлость успокоился, старался растолковать ему, что въ этомъ случаѣ идетъ дѣло не о торговой компаніи, что франкфуртскіе улемы не имѣютъ капиталовъ и занимаются только книгами. «Тѣмъ хуже!» возразилъ паша, «и такъ они *сахавчи* (книгопродавцы) и торгуютъ безъ денегъ, какъ Франки въ Каирѣ и Александріи!» — Отнюдь нѣтъ! Они не сахавчи, а улемы, кятибы (писцы), врачи, филусуфы и пр., и занимаются только своими науками. — «Такъ что̀ жъ мнѣ, трехбунчужному пашѣ, дѣлать въ этой *компаніи*?» — Вашей свѣтлости тамъ нечего дѣлать, какъ и большей части ея членовъ. Принимая васъ въ свое общество, они хотятъ чрезъ то изъявить вамъ свое почтеніе, благодарность и.... — «Странное средство изъявлять человѣку почтеніе, объявляя ему большимъ письмомъ, исчерченнымъ кудрявыми буквами, что онъ достоинъ быть нашимъ.» — Но таковъ ихъ обычай, при-

бавилъ диванъ-эфенди (секретарь). Вашей свѣтлости извѣстно, что *Фиренки* (Франки) имѣютъ множество обычаевъ, совершенно отличныхъ отъ нашихъ и весьма смѣшныхъ. Напримѣръ, чтобъ поклониться кому-нибудь, они обнажаютъ голову и отступаютъ правою ногою. Если хотятъ отдохнуть, то не бросаются за-просто, по-нашему, на мягкую софу, а садятся на маленькіе деревянные стулья, какъ-будто бы для бритья бородъ. Они ѣдятъ *пилавъ* ложками, а мясо щипцами. Но всего смѣшнѣе, что они почтительно цѣлуютъ руки женамъ своимъ, что эти жены носятъ на головѣ не *яшмаки*, а солому, и что они пьютъ кофе съ сахаромъ и молокомъ.» Послѣднее изъ этихъ замѣчаній привело въ хохотъ все собраніе и самого пашу. Одинъ изъ стоявшихъ посреди залы, въ которой находится водометъ, до такой степени изумился, услышавъ о кофе съ сахаромъ и молокомъ, что громко вскричалъ: *кяфирлѣръ!* «Ахъ, они невѣрные!»

Паша до крайности развеселился сими замѣчаніями, и началъ разспрашивать о городѣ Франкфуртѣ, далеко ли онъ отстоитъ отъ Капра, гдѣ лежитъ, и прочая. — «Скажите мнѣ, спросилъ онъ между прочимъ, кому принадлежитъ этотъ городъ, содержащій въ себѣ столько ученыхъ? Я слыхалъ, что въ Германіи сорокъ девять государей, султановъ, королей и герцуговъ!» — Никто не могъ рѣшить этого вопроса, не слыхавъ отъ роду о Франкфуртѣ; между-тѣмъ обѣщали пашѣ освѣдомиться о томъ въ Капрѣ. При концѣ засѣданія паша былъ весьма веселъ, и даже объявилъ, что

готовъ дать каждому изъ этихъ добрыхъ улемовъ по фирману для полученія изъ магазиновъ Булакскихъ ста *ардебовъ* (кулей) бобовъ или лупина вмѣсто *бакшиша**. Но г. Габро̀, бывшій въ Парижѣ и знающій все, объявилъ, что они не ѣдятъ египетскихъ бобовъ и что лупинъ для нихъ слишкомъ горекъ. Паша отвѣчалъ, что онъ объ этомъ жалѣетъ, но что, если они вздумаютъ пріѣхать въ Каиръ, то онъ дастъ имъ по чашкѣ кофе и по длинной трубкѣ съ янтарными мунштуками.

II.

ПОСѢЩЕНІЕ ПИРАМИДЪ,

ВЪ 1821 ГОДУ.

Мы отправились 12 февраля для осмотра пирамидъ въ Джизе. Переѣзжая чрезъ Нилъ въ этомъ мѣстечкѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу, мы удивлялись прекрасной перспективѣ, образуемой теченіемъ сей рѣки къ Каиру. Множество разсѣянныхъ по берегамъ зданій, остроконечные минареты мечетей, пальмовыя рощи и акаціи составляютъ прелестный видъ. Неправильно и безобразно расположенныя строенія и груды развалинъ, вблизи страшныя для взоровъ путника, придаютъ этимъ

* Подарокъ, получаемый Турками за какую-нибудь услугу.

картинамъ живописное разнообразіе, безъ котораго онѣ были бы скучны и утомительны, ибо здѣсь не видишь ничего кромѣ развалинъ, финиковыхъ деревъ и Нила. Эта бѣдная, пустынная картина ограничивается цѣпью горъ, невысокихъ, безплодныхъ и непріятныхъ видомъ, и состоящихъ изъ желтаго сыпучаго песку. Здѣсь нѣтъ огромныхъ скалъ, останавливающихъ облака въ ихъ теченіи, нѣтъ крутыхъ, острыхъ вершинъ, нѣтъ страшныхъ пропастей: возвышенія эти болѣе походятъ на искусственный валъ, нежели на утесистыя горы.

Дорога къ Пирамидамъ идетъ по плодоноснымъ полямъ, покрытымъ тучною зеленью, пересѣкаемымъ пальмовыми рощами, которыя здѣсь особенно прекрасны, и окруженнымъ песчаными холмами Ливійскаго хребта, изъ-за котораго возвышаются десять или двѣнадцать пирамидъ. Невозможно описать впечатлѣнія, производимаго подобными памятниками, на которые пламенный воздухъ Египта наводитъ особенный блескъ, обворожающій зрѣніе. Они поражаютъ взоры странника, ужасаютъ его, но не производятъ въ немъ восхищенія. Нельзя не изумиться при видѣ этихъ громадъ, сооруженныхъ руками человѣческими; но трудно изъяснить, чему приписать это изумленіе: величію ли сооруженій или одной ихъ огромности.

Почва земли въ Египтѣ черноватаго цвѣта. Поля, способныя для обработанія, заключаются въ долинѣ, окруженной горами, отдѣляющими ее отъ пустыни, и пересѣкаемой рѣкою Ниломъ. Всю эту страну можно назвать русломъ этой великой рѣки.

которая во время отлива уступаетъ мѣсто земледѣлію, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова наводняетъ все пространство долины. На поляхъ ячмень уже колосился, пшеница была вышиною въ футъ, и ленъ въ цвѣтѣ. Начинали сажать огурцы и *бамьѐ*: это растеніе походитъ на турецкіе бобы, и въ большомъ количествѣ употребляется въ Египтѣ. Бамьѐ и огурцы сажаютъ обыкновенно рядомъ, дѣлая вокругъ родъ забора изъ пальмовыхъ вѣтвей и тростника, воткнутыхъ въ землю и наклоненныхъ къ югу для защиты отъ сѣвернаго вѣтра. Арабы ежегодно оставляютъ одну часть своихъ полей подъ паромъ; половину ихъ засѣваютъ дягилемъ, а другая служитъ выгономъ для скота. Они однажды только взрываютъ землю самыми острыми плугами, и въ то же время начинаютъ сѣять, предоставляя благотворному климату и плодоносной землѣ довершить ихъ трудъ.

Продолжая путь свой по узкой тропинкѣ между полями, приблизились мы къ каналу, служащему для ихъ орошенія, и въ это время наполненному еще водою. Двое Арабовъ, работавшихъ на другой сторонѣ канала, оставили свои плуги и согласились перенесть насъ на плечахъ. Они перешли въ бродъ черезъ грязный каналъ, шириною около 25 футовъ, сбросили свои широкія шерстяныя покрывала, составляющія всю ихъ одежду, которою они окутываются съ большимъ искусствомъ, стали на колѣни, и сложивъ на-крестъ руки, подняли насъ на плечахъ своихъ, и перенесли одного за другимъ на противоположный берегъ, идя въ во-

дѣ по самую грудь. Носилки наши, которыя были тяжелѣе насъ, стоили имъ большаго труда. Они проспли за свою работу по одному піастру; мы дали имъ четыре. Эта щедрость привела ихъ въ восхищеніе: они цѣловали деньги, осыпая насъ благословеніями. Нельзя не тронуться подобнымъ зрѣлищемъ: малѣйшій подарокъ дѣлаетъ этихъ бѣдняковъ счастливыми! Доставить удовольствіе двумъ ближнимъ и чувствовать это — весьма пріятно! Подобныя приключенія часто случаются въ путешествіяхъ, и для людей чувствительныхъ служатъ истиннымъ училищемъ сердца человѣческаго.

Мы прошли мимо селенія, оставленнаго зрителями, вообразившими, что въ немъ поселился злой духъ. Двое Арабовъ слѣдовали за нами. Лишь только примѣтили насъ другіе Арабы, которые работали на поляхъ или пасли стада, то кинулись къ намъ, оставивъ свои работы. Съ каждою минутою умножалось число нашихъ спутниковъ. Надобно было видѣть въ нихъ борьбу страстей, приводимыхъ въ движеніе корыстолюбіемъ! Насъ останавливали почти на каждомъ шагу; многіе изъ нихъ навязывались служить намъ, отгоняя прочихъ. Вскорѣ достигли мы до песковъ, которые по временамъ наносятся вѣтромъ изъ пустынь, и покрыли уже часть долины при подошвѣ возвышенія, на которомъ стоятъ двѣ большія пирамиды Хеопса и Хефрена. Не обращая вниманія на споры нашихъ Арабовъ, мы поспѣшили насладиться величественнымъ видомъ сихъ памятниковъ.

Хотя двѣ эти пирамиды и вблизи поражаютъ взглядъ, но издали кажутся онѣ гораздо огромнѣе. Мы спѣшили взойти на верхъ большой пирамиды Хеопса, чтобы насладиться оттуда обширнымъ видомъ, какой открывается на ровной землѣ съ возвышенія 800 футовъ. Въ самомъ дѣлѣ, видъ этотъ чрезвычайно живописенъ! По узкой полосѣ земли, покрытой прекрасною зеленью, величественно протекаетъ Нилъ; въ разныхъ мѣстахъ прокопана она каналами; вездѣ разсѣяны селенія, числомъ отъ сорока до шестидесяти, окруженныя прекрасными рощицами, и наконецъ представляются взорамъ новый и старый Каиръ, Джизе и ихъ великолѣпныя зданія, расписанныя яркими и живыми красками. Все это являетъ разнообразную картину страны прекрасной, изобильной и многолюдной, составляя разительную противоположность съ песчаными и безплодными степями, ее окружающими. Я стрѣлялъ нѣсколько разъ изъ ружья, чтобъ узнать дѣйствіе звука; глухой и протяжный отголосокъ, подобный стону, оканчивался рѣзкимъ звукомъ, подобнымъ удару бича; пули съ трудомъ долетали до половины высоты. Съ вершины пирамиды увидѣли мы расположеніе этого чуднаго кладбища. Между западною стороною первой пирамиды и сѣверною второй, расположены гробницы на-подобіе шахматной доски. Нынѣ всѣ онѣ покрыты пескомъ и едва видны легкія ихъ очертанія. Смотря съ верху пирамидъ, можно замѣтить, что многія груды камней, лежащія у подножія ихъ, нѣкогда были также пирамидами. Еще и теперь примѣтны слѣды основаній многихъ боль-

шихъ зданій, не уступавшихъ въ величинѣ огромнымъ пирамидамъ.

Жаль, что не находишь въ природѣ ни одной изъ тѣхъ прекрасныхъ фразъ, которыя такъ пріятно бренчатъ въ описаніяхъ путешествій. «Окружающія ихъ горы (говоритъ г. Денонъ о пирамидахъ, въ своемъ Путешествіи) не столь велики и не такъ сохранились.» Для истины этого описанія не достаетъ въ природѣ ничего, кромѣ горъ: Ливійскій хребетъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ самое малое возвышеніе на поверхности земли, а въ окрестностяхъ вовсе нѣтъ горъ. Притомъ и самыя пирамиды занимаютъ часть этого возвышенія. Самый большой предметъ, представляющійся съ верху первой пирамиды, есть вторая пирамида, называемая Хефреновой. Но по разсмотрѣніи сихъ огромныхъ памятниковъ съ такого возвышенія, мысль о ихъ неизмѣримости исчезаетъ, и въ очертаніяхъ ихъ немедленно узнаешь видъ кургановъ или городищъ, какіе встрѣчаются отъ Помераніи до береговъ Иртыша въ Сибири. Стоитъ только разсмотрѣть строеніе кургана Ахиллесова въ Троѣ, открытаго сначала по приказанію Шоазеля и послѣ того раскопаннаго сперомъ Робертомъ Листономъ, бывшимъ англійскимъ посломъ при константинопольскомъ дворѣ: тогда можно увидѣть, что внутреннее расположеніе ихъ такое же, какъ и въ этихъ пирамидахъ.

Одинъ Арабъ, какъ обыкновенно, принесъ намъ маленькій тупой топоръ, чтобъ изсѣчь имена наши на памятникахъ. Страсть передать имя свое въ потомство заставила и насъ присоединить свои

имена къ именамъ всѣхъ обанкрутившихся промышленниковъ капрскихъ и нѣкоторыхъ почтенныхъ особъ, посѣщавшихъ эти пирамиды. Мы сошли потомъ внизъ для осмотра внутренности этихъ строеній. Насъ вели Арабы, неся въ одной рукѣ факелъ, а другою поддерживая насъ въ скользкихъ и тѣсныхъ проходахъ. Нечего присовокупить къ извѣстнымъ уже описаніямъ внутренняго расположенія пирамидъ; но многое надлежитъ сократить въ нихъ. Внутри ихъ нѣтъ ничего прекраснаго и поразительнаго, и ничто не напоминаетъ о наружномъ величіи этихъ зданій. Комната, называемая царскою, выложена розовымъ гранитомъ, извѣстнымъ у древнихъ подъ именемъ сіенитскаго камня (lapis Syeniticus); онъ никогда хорошо не былъ выполированъ, и теперь покрытъ множествомъ надписей: путешественники думали пріобрѣсть безсмертіе, начертавъ карандашемъ имена свои на стѣнѣ этой комнаты. Она чрезвычайно мала въ сравненіи съ зданіемъ, какъ и вообще все, что̀ въ немъ находится, ибо при строеніи пирамидъ и кургановъ думали только о прочности и внѣшнемъ величіи, а внутренность ихъ, служившая жилищемъ для мертвыхъ, долженствовала быть неприступною и священною. Одна только весьма высокая и выложенная розовымъ гранитомъ лѣстница достойна замѣчанія; все прочее мало удовлетворяетъ любопытству тѣхъ, которые, прочитавъ пышныя описанія этихъ памятниковъ, думаютъ найти въ нихъ нѣчто чрезвычайное. Можно удивляться только тому, что̀ истинно того заслуживаетъ; но удивленіе безсмысленное не до-

стойно человѣка благоразумнаго. Конечно, должно отдать справедливость неутомимости строителя этихъ зданій и механическимъ средствамъ, потребнымъ для переноски и сооруженія столь великихъ громадъ; но смѣшно удивляться безобразной и бездушной ихъ величинѣ; справедливо и то, что путешественникъ, видѣвшій одну пирамиду, не захочетъ видѣть другихъ. Можно ли обманывать себя пышными словами тѣхъ, которые всегда хотятъ сказать нѣчто чрезвычайное, чтобы выразить изумленіе тамъ, гдѣ надлежало бы показать минутное удивленіе, производимое вещью необыкновенною? Часто спрашиваютъ: каковы должны быть люди, въ умѣ которыхъ родилась мысль воздвигнуть сіи памятники? Какое правительство въ состояніи было выполнить столь обширный планъ? Какой народъ имѣлъ столько пристрастія къ чрезвычайностямъ, что занимался произведеніемъ ихъ столь долгое время?—Нынѣшній египетскій паша въ шесть мѣсяцевъ провелъ каналъ изъ Александріи въ Нилъ длиною въ 14 французскихъ миль, и въ 144 фута ширины, съ соразмѣрною глубиною. Онъ приказалъ собрать для этой работы 300,000 Арабовъ, изъ коихъ 17,500 человѣкъ погибло въ каналѣ отъ усталости, голода, непогоды и другихъ неизбѣжныхъ случаевъ. Такимъ же образомъ построены и пирамиды.

Въ живописи на гробницахъ царскихъ въ Ѳивахъ видны еще тысячи человѣкъ, съ великимъ усиліемъ влекущихъ веревками огромные камни; мы знаемъ изъ Геродота, что Хеопсъ, построившій большую пирамиду для заключенія въ ней

своихъ бренныхъ останковъ, столько же былъ любимъ Египтянами, какъ и нынѣшній Мехмедъ-Али-Паша, проведшій каналъ для провоза изъ Александріи бобовъ и пшеницы, отнимаемыхъ у бѣдныхъ жителей.

Ночь застала насъ въ этихъ размышленіяхъ. Арабы окружили нашу палатку, безпрестанно твердя о деньгахъ, которыя имъ надлежало отъ насъ получить, и напередъ спорили о томъ, кому изъ нихъ сколько достанется. Мы вышли изъ палатокъ, чтобъ посмотрѣть на пирамиды при блѣдномъ свѣтѣ луны. Должно признаться, что это зрѣлище было дѣйствительно великолѣпно. Луна наводила на древніе памятники волшебный цвѣтъ, превосходящій всякое описаніе; все казалось огромнымъ, неизмѣримымъ; грубыя формы исчезли; царствовало одно величіе; молчаніе ночи усугубляло восторгъ, въ который душа невольно погружается воспоминаніями и мыслями, рождающимися при зрѣлищѣ столь великолѣпномъ.

На другой день посѣтили мы вторую пирамиду. Г. Бельцони, проникшій въ нее вмѣстѣ съ каирскими любителями древностей, хвалился этимъ отважнымъ и великимъ подвигомъ. При входѣ и въ царской комнатѣ онъ украсилъ стѣны надписями, которыми хотѣлъ возвѣстить, что онъ открылъ эту пирамиду (Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 marzo 1818). Онъ сдѣлалъ еще болѣе: составилъ актъ въ канцеляріи англійскаго консула въ Каирѣ, чтобы въ потомствѣ утвердить славу свою, какой не удостоивался еще ни одинъ изъ фигля-

ровъ въ свѣтѣ.* Проходы въ этой пирамидѣ гораздо затруднительнѣе, нежели въ первой, и внутри она не столь достопамятна. Царская комната покрыта бѣлою штукатуркою, которая, будучи усѣяна селитряными блестками, похожа на бѣлый неполированный мраморъ.

Пещера (или катакомба, вырубленная въ скалѣ позади большой пирамиды и состоящая изъ пяти малыхъ комнатъ) и сфинксъ суть самые любопытные предметы въ этомъ мѣстѣ. Въ первой находятся барельефы, представляющіе разныя домашнія работы, звѣриную ловлю и плаваніе по Нилу на малыхъ судахъ съ весьма высокими и закривленными съ обѣихъ сторонъ концами. Каждое судно управлялось однимъ человѣкомъ, который, стоя на кормѣ, опирался на длинный шестъ, какіе и теперь употребляются у Арабовъ для приведенія въ движеніе ихъ судовъ или для спихиванія съ мелей. Послѣдняя сцена представляла споръ судовщиковъ на двухъ лодкахъ: у каждаго изъ нихъ было по багру или шесту, которыми они отталкивали другъ друга. Сверхъ того представлено было собираніе дикихъ смоквъ, приготовленіе къ пиршеству, жертвоприношеніе и проч. Животныя вообще очень хорошо изображены. Произведенія ваянія въ этой пещерѣ совершеннѣе находящихся въ ошвскомъ храмѣ, Дендерѣ и Дакке въ Нубіи, и служатъ памятникомъ высшей степени искусства, до какой Египтяне когда-либо доходили въ живописи и ваяніи. Но если судить без-

17619

* См. примѣчаніе въ концѣ статьи.

пристрастно объ этомъ совершенствѣ, то работа ихъ въ сравненіи съ греческою то же, что̀ китайская живопись въ сравненіи съ превосходною работой итальянской школы. Прибавимъ еще объ этой пещерѣ, что нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть, какъ большая часть произведеній ваянія, а особливо человѣческія фигуры, безчеловѣчно изуродованы ревностными и варварскими послѣдователями Корана.

Мы еще разъ обошли это мѣсто посреди обломковъ многихъ большихъ зданій, о которыхъ въ преданіи ничего не сохранилось. Мы нашли, что въ одномъ мѣстѣ земля была изрыта капрскими промышленниками, которые покушались войти въ третью, гораздо меньшую предъ другими, пирамиду, извѣстную подъ именемъ Мицеринской, съ намѣреніемъ воспользоваться тѣмъ, что̀ въ ней найдется. Недавно найденъ весьма глубокій колодезь, изъ коего вытащили сфинкса. Къ сожалѣнію, онъ изломанъ при вытаскиваніи. Казалось, что отсюда можно прорыть до подземельнаго зданія, назначеннаго для храненія мумій нѣкоторыхъ богатыхъ фамилій изъ Мемфиса; также надѣялись открыть ходъ въ одну изъ большихъ пирамидъ; но подобные колодцы часто встрѣчаются и всегда ведутъ въ катакомбы. Потомъ узналъ я, что работа эта оставлена по той причинѣ, что очень худо вознаграждала издержки искателей.

Гораздо болѣе обѣщало разрытіе земли вокругъ сфинкса, для открытія его основанія. При вытаскиваніи его примѣтили подъ его лапами надпись, которую сначала почли греческою; но послѣ ока-

залось, что она состояла изъ іероглифовъ. Половины ихъ недоставало. Камень, на которомъ онѣ изсѣчены, вѣсилъ болѣе 200 центнеровъ или 500 пудовъ. Впрочемъ, этимъ предпріятіемъ исхищенъ изъ забвенія, къ удивленію путешественниковъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ памятниковъ художества. Я видѣлъ его по возвращеніи изъ Нубіи. Онъ весьма поврежденъ; но эта огромная скала, которой рука художника дала образъ человѣческій, всегда будетъ приводить въ изумленіе: смотря на нее, съ трудомъ можешь повѣрить, чтобы безсиліе человѣка въ состояніи было произвести столь огромное дѣло.

По осмотрѣніи пирамиды въ Джизе, мы отправились въ Сакару, проходили недалеко отъ пирамидъ Абусирскихъ, слѣдуя по направленію Ливійскаго хребта, и черезъ три часа достигли до деревни Сакары. На слѣдующій день отправились мы для осмотрѣнія пирамидъ, возвышающихся позади хребта, и изсѣченныхъ въ нихъ катакомбъ. Одна изъ нихъ, разстояніемъ на три часа пути отъ деревни, достойна примѣчанія по изящной отдѣлкѣ внутренности. Она состоитъ изъ корридора, поддерживаемаго двумя рядами пилястровъ, засыпанныхъ до половины пескомъ; шесть изъ нихъ остались не конченными. Двѣ комнаты, болѣе другихъ уцѣлѣвшія, достойны примѣчанія по простому, но пріятному зодчеству. Стѣны ихъ всѣ покрыты іероглифами, изсѣченными на черной штукатуркѣ, которою онѣ покрыты. Эту прекрасную катакомбу хотѣли перенесть въ Парижъ, снявъ всю рѣзную штукатурку. Переселеніе такого под-

земелія въ Европу могло бы дать гораздо точнѣйшее понятіе о работахъ сего рода у древнихъ Египтянъ, нежели тысячи книгъ, рисунковъ и плановъ. Желательно только, чтобы въ этой катакомбѣ, между ваятельною работою, болѣе было изображеній, представляющихъ обычаи и вещи: она наполнена іероглифами, которые ничего не говорятъ уму и воображенію. Изъ первой комнаты корридоръ въ 65 футовъ ведетъ въ пустой отдѣлъ, гдѣ стоитъ прекрасная гробница изъ известковаго камня: она была уже назначена въ добычу хищнымъ капрскимъ промышленникамъ. Послѣ узналъ я, что при снятіи штукатурки, о которой выше было сказано, они разбили ее въ дребезги, и совершенно разоривъ прекрасную катакомбу, оставили потомъ свое предпріятіе.

Видѣвъ, осмотрѣвъ и изслѣдовавъ двѣ или три пирамиды, довольно насытишься зрѣлищемъ этихъ памятниковъ, и съ равнодушіемъ проходишь мимо ихъ, замѣчая только ихъ число. Нѣкоторые страстные и, можно сказать, неистовые любители древностей выходятъ изъ себя отъ всякой бездѣлки, только потому, что она стара; умные Турки понимаютъ эту смѣшную сторону ученыхъ, и чувствуютъ ее лучше всякой другой націи. Они смѣются между собою надъ этимъ безуміемъ Европейцевъ, ибо знаютъ истинную цѣль пребыванія ихъ въ Египтѣ. Они знаютъ уже, что эти трудолюбивые антикваріи ищутъ въ землѣ ихъ не сокровищъ, но негодныхъ камней и «шелеховъ»: такъ называютъ они медали и древнія монеты Птоломеевъ, которыя не имѣютъ уже никакой цѣны въ Каирѣ.

Они позволяютъ имъ злословить другъ друга, говорить глупости, драться за кусокъ плиты и составлять въ Каирѣ нелѣпыя системы объ египетскихъ древностяхъ.

Намъ случилось видѣть одно изъ подобныхъ явленій у пирамидъ Сакарскихъ, и справедливость заставляетъ насъ признаться, что умные Турки совершенно правы. Вышедъ изъ катакомбы, увидѣли мы человѣкъ пятнадцать или двадцать, ѣхавшихъ верхами на ослахъ къ горѣ, на которой мы находились. Различіе одежды и языка, нѣкоторый видъ важности и поспѣшность, которую они оказывали, — все это составило бы самую смѣшную комедію, если бъ можно было перенесть въ Европу эту экспедицію точно такъ, какъ мы видѣли ее у пирамидъ Сакарскихъ. Это былъ караванъ собирателей древностей. Присовокупимъ къ сему краткое объясненіе. Искатели счастія пріѣзжаютъ сюда изъ Европы для того, чтобы свободно обманывать здѣшнихъ жителей подъ защитою европейскихъ консуловъ. Обманувшись въ своихъ видахъ, находятъ они два только средства къ прокормленію своему въ Египтѣ: сдѣлаться антикваріями или врачами. За послѣднее ремесло обыкновенно берутся совершенные бродяги; обанкротившіеся же купцы вообще избираютъ званіе антикваріевъ; нерѣдко вступаютъ они въ товарищество съ должностными людьми, которые, не довольствуясь мѣстомъ консуловъ, хотятъ быть въ то же время и учеными. Желающіе быть антикваріями начинаютъ съ того, что посылаютъ въ Верхній Египетъ племянника, сына или родственника

своего, для собранія нѣсколькихъ обломковъ въ Ѳивахъ, Эрментѣ, или другомъ мѣстѣ, прославившемся въ Каирѣ. Собраніе это служитъ основаніемъ для будущаго кабинета, на счетъ котораго занимаютъ большія деньги, и послѣ ищутъ случая продать за безмѣрную цѣну какому-нибудь англійскому путешественнику, выдающему себя за любителя древностей. Египетъ наполненъ теперь подобными промышленниками древностей и ихъ коммиссіонерами, которые безъ всякой причины ненавидятъ другъ друга, порицаютъ, и даже до того простираютъ свое бѣшенство, что нерѣдко (какъ говорятъ) покушаются на жизнь своихъ совмѣстниковъ. Весь Египетъ перекопанъ этими изслѣдователями: они занимаютъ любую полосу земли, приставляютъ къ ней вооруженную стражу, и между тѣмъ въ каирскихъ обществахъ разсѣваютъ ложные слухи о важныхъ открытіяхъ, ими сдѣланныхъ, которыя давно уже извѣстны. Нѣтъ ничего смѣшнѣе этого ремесла: Гольдони могъ бы здѣсь найти множество превосходныхъ сценъ для своей комедіи.

Въ бытность мою въ Каирѣ, одинъ изъ находящихся при французскомъ консулѣ чиновниковъ случайно открылъ входъ въ одну изъ Сакарскихъ пирамидъ, достойную примѣчанія по своему устроенію въ четыре яруса съ уступами. Толковали, что въ ней найдены плотничные подмостки, надписи и множество другихъ вещей, посредствомъ коихъ въ Каирѣ успѣли уже объяснить многія занятія древнихъ, остающіяся тайною для нынѣшняго времени.

Въ этотъ самый день общество антикварієвъ отправлялось въ Сакару, чтобъ повѣрить на мѣстѣ всѣ слухи, носившіеся въ Каирѣ. Мы видѣли, какъ караванъ съ торжествомъ приблизился къ пирамидѣ; все общество сѣло въ кружокъ и занялось учеными, по своему понятію, разсужденіями; между тѣмъ два молодые ученика вошли во внутренность пирамиды. Въ ней отнюдь не нашли чего искали, и всѣ возвратились въ Бедрихеинъ въ домъ г. Б..., чтобъ утѣшиться въ тщетныхъ исканіяхъ за хорошимъ обѣдомъ, который имъ ничего не стоитъ, а это обстоятельство очень важно для нѣкоторыхъ почтенныхъ антикварієвъ каирскихъ.

Возвращаясь въ деревню Сакару, мы проѣзжали чрезъ прекрасныя рощи пальмъ и акацій; на деревьяхъ замѣтили мы нѣкоторый родъ оболочки, цвѣтомъ отличный отъ коры ихъ. Это были слѣды ежегоднаго наводненія Нила. Изъ Сакары мы отправились, въ виду многочисленныхъ пирамидъ Дартура, по насыпной дорогѣ, вышиною около 15 футовъ, а шириною отъ 10 до 12. Пройдя чрезъ большой пальмовый лѣсъ, очутились мы въ Бедрихейнѣ, гдѣ ожидали насъ лодки для отплытія вверхъ по Нилу.

Примѣчаніе. — «Сочинитель статьи: ***Посѣщеніе пира-мидъ***, бывши въ Египтѣ, имѣлъ случай узнать, что Бельцони отнюдь не стоитъ той славы ученаго антикварія, которую онъ самъ себѣ восписалъ въ книгѣ, изданной въ Лондонѣ подъ именемъ его жены. Англійскій генеральный консулъ въ Египтѣ, г. Сальтъ, человѣкъ умный и почтенный, по рекомендаціи тамошняго французскаго консула г. Дроветти, опредѣлилъ его надзирателемъ при Арабахъ, которые, по его порученію, раскапывали зем-

«лю вокругъ пирамидъ; потомъ вступилъ онъ, въ томъ же «званіи, въ службу Лондонскаго Общества Антикваріевъ, «и работалъ по указанію ученаго англійскаго путешествен- «ника сэра Іосифа Банкса. Входъ во вторую большую пи- «рамиду указанъ ему славнымъ шейхомъ Ибрагимомъ «(Буркгардомъ): Бельцони только что отвалилъ камень отъ «входа въ оную. Открытіемъ гробницы въ Θивахъ обя- «занъ онъ одному Арабу, который давно уже продалъ «тайну свою одному изъ помощниковъ г. Дроветти. Въ «Абу-Сумболѣ гг. Банксъ и Сальтъ присутствовали сами «при рытіи земли, а Бельцони занимался только надзоромъ «надъ неграми-работниками. Въ этомъ свидѣтельствуетъ «надпись, начертанная тамъ сими учеными людьми на ан- «глійскомъ языкѣ.»

Это примѣчаніе автора, какъ и упоминаніе «о фигля- рахъ» въ самой статьѣ, дали поводъ къ неожиданной ан- тикритикѣ, вскорѣ появившейся на страницахъ того же *Сына Отечества* (часть LXXVI, стр. 221—226) и написан- ной самимъ Бельцони, пріѣхавшимъ тогда въ Петербургъ. Въ ней сознается этотъ путешественникъ, что онъ «не имѣетъ требованій на званіе ученаго антикварія», но оспа- риваетъ, чтобы Дроветти, Банксъ и Сальтъ руководили его въ раскопкахъ. Съ характеромъ и значеніемъ Бельцо- ни, бывшаго нѣкогда акробатомъ, читатели могутъ позна- комиться изъ статей *Бельцони* и *Дроветти*, помѣщенныхъ въ V и XVII томахъ *Энциклопедическаго Лексикона*. — *Изд.*

III.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ НУБІЮ И ВЕРХНЮЮ ЭѲІОПІЮ.

3 апрѣля 1821 отплыли мы, при довольно силь- номъ сѣверномъ вѣтрѣ, отъ острова Филс. Въ от-

даленіи, видъ становится чрезвычайно прелестнымъ: великолѣпныя *моли* *, величественныя и прозрачныя колоннады, множество храмовъ, возвышающійся на острову обелискъ и зелень пальмъ, проглядывающихъ между этими зданіями, — все это, сливаясь вмѣстѣ, по мѣрѣ нашего удаленія отъ Сіэнскихъ пороговъ, представляло взорамъ разновидныя группы.

Черныя гранитныя скалы, возносящіяся изъ-за острова, поднимающіяся изъ водъ или въ безпорядкѣ разсѣянныя по берегамъ Нила, составляли темное и пасмурное поле этой картины, на коей прекрасно отсвѣчивались желтоватыя зданія острова. Мѣсто это — самое живописное и даже единственное въ цѣломъ Египтѣ и Нубіи; оно одно можетъ усладить зрѣніе путешественника. Но далѣе, во внутренности страны, гранитныя скалы и горы плитнаго камня примыкаютъ къ рѣкѣ такъ близко, что землепашество производится только на скатѣ береговъ. Узкая полоса земли по обѣимъ сторонамъ украшена малыми кущами пальмовыхъ деревьевъ, не столь высокихъ и величавыхъ, какъ въ Египтѣ. Въ другихъ мѣстахъ весь берегъ заваленъ обломками гранита. И если бы растущія кое-гдѣ пальмы не свидѣтельствовали о существованіи людей въ сей странѣ, то ее можно бъ было почесть совершенною пустынею. Между грудами

---

* *Моль* — зданіе подобное пирамидѣ, но съ усѣченной вершиной. Вокругъ храмовъ строили обыкновенно по нѣскольку молей; между двумя изъ нихъ сооружались ворота.

камней скрываются жилища: разсѣянныя въ безпорядкѣ малыя хижины, слѣпленныя изъ обломковъ плиты, имѣющія не болѣе пяти футовъ въ высоту и девяти въ ширину, и одного цвѣта съ горами, на которыхъ онѣ построены, онѣ даже вблизи едва отъ нихъ отличаются. Въ Нубіи деревни не имѣютъ особенныхъ названій; но вся страна состоитъ изъ долинъ (*уади*), простирающихся по берегамъ Нила и имѣющихъ особенныя наименованія. На нихъ возвышаются два каменные вала, то стѣсняющіе рѣку въ самыхъ ея отлогостяхъ, то отдаляясь отъ нея на нѣсколько сотъ шаговъ, образующіе поля, удобныя для земледѣлія. Восточная стѣна называется нашими географами Аравійскою цѣпью, а западная Ливійскою. За этими цѣпями простираются необъятныя пустыни, покрытыя желтоватымъ пескомъ. Вѣтры, безпрестанно подымая песокъ, переносятъ его чрезъ хребетъ этихъ валовъ, которыми природа заслоняетъ теченіе Нила, и часто засыпаютъ воздѣланную землю до самыхъ береговъ, и превращаютъ ее въ дикую пустыню.

Въ Уади Шеллялъ и Уади Дебодъ, до самаго Дехлита, говорятъ языкомъ совершенно отличнымъ отъ арабскаго, который начинается отъ самаго почти Джебель-Сильсили, по ту сторону пороговъ. Языкъ этотъ употребляется въ Асуанѣ и на островахъ Элефантинѣ и Филе. Сіэнскіе пороги, на мѣстномъ языкѣ, называются ***Шеллялъ***, а жители имъ говорящіе, Шелляліе. Отъ Дехлита до другихъ пороговъ и далѣе, даже до границы Дарфура и Донголы, природный языкъ, различный

отъ языка *шеллялли*, называется *нуба;* жители же называются Берберами или Барабра: это выраженіе употребляется Шеллялійцами въ оскорбительномъ смыслѣ. Нубійскій языкъ не противенъ даже непривычному слуху, не имѣетъ гортанныхъ и твердыхъ звуковъ, но изобилуетъ звуками носовыми, свойственными многимъ африканскимъ нарѣчіямъ; большая часть словъ оканчивается на *ого* и *иго;* оба языка, нубійскій и шеллялли, наполнены множествомъ арабскихъ выраженій.

Шеллялійцы не совсѣмъ чернаго цвѣта, но чрезвычайно смуглы. Они весьма тонки и худощавы, но при томъ крѣпкаго сложенія, злы, вспыльчивы, быстры и пылки въ разговорахъ, и уподобляются нѣкоторымъ образомъ шумящимъ своимъ порогамъ. Въ Уади Дебодъ, по ту сторону Нила, находится небольшое капище, имѣющее не болѣе 75 футовъ длины, но очень хорошо сохранившееся. Предъ нимъ построены въ одну линію три *моли*, служившія нѣкогда воротами для столькихъ же оградъ, окружавшихъ, безъ сомнѣнія, капище. Нынѣ остались слѣды только второй ограды. Сей храмъ, кромѣ преддверія, заключаетъ въ себѣ семь комнатъ или отдѣленій, изъ копхъ только среднія украшены изваяніямп. Кажется, что храмъ этотъ былъ посвященъ богинѣ Изидѣ, и близость его отъ Филе удостовѣряетъ, что въ семъ мѣстѣ находилась древняя Паремболе, лежавшая въ 16 тысячахъ шагахъ отъ Сіэны (см. Itinerarium Antonini).

Въ Уади Дехлитъ и Картасы, въ девяти часахъ разстоянія отъ Филе, цѣпи скалъ, идущія

по обѣимъ сторонамъ рѣки, становятся плоскими и низкими, жилища весьма рѣдки и въ столь же жалкомъ состояніи, какъ и произрастенія. Въ Уади Тафа, древнемъ Тафисѣ, скалы начинаютъ уже возвышаться, и постепенно отдаляясь отъ береговъ, вдругъ поворачиваются обратно къ Нилу и примыкаютъ полукругомъ къ самому его руслу. На семъ-то пространствѣ построенъ былъ древній Тафисъ, отъ коего остались только два небольшіе храма. Здѣсь находится первая деревня въ Нубіи, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ хижинъ. Скалы противоположныхъ береговъ Нила такъ стѣсняютъ рѣку въ этомъ мѣстѣ, что она имѣетъ въ ширину не болѣе 30-ти шаговъ, и этотъ узкій проходъ продолжается на полторы мили. Дно рѣки усѣяно гранитными скалами, которыя, выходя на поверхность воды, образуютъ множество утесистыхъ острововъ. Одинъ изъ нихъ, отличающійся своею величиною, называется Дармусъ. Онъ заключаетъ въ себѣ развалины древней деревни или можетъ быть крѣпостцы, построенной изъ несженнаго кирпича, и имѣющей довольно высокія и толстыя стѣны. Въ Нубіи находится множество подобныхъ развалинъ; жители называютъ ихъ *Эбніетъ эль-Куфера*, «строеніями невѣрныхъ». Противъ Дармуса, на восточномъ берегу материка, видны также развалины. Это мѣсто имѣетъ видъ дикій, но весьма живописный, и съ перваго взгляда походитъ на Сіэнскіе пороги, съ тою разницею, что здѣсь между возвышающимися надъ поверхностью воды скалами, суда свободно проходятъ. Этотъ узкій перешеекъ на-

зывается *Бабъ эль-Келявши*, т. е. «воротами долины Келявши», которая отселѣ начинается. За нимъ берега принимаютъ прежній видъ. Полоса земли, шириною отъ десяти до двадцати шаговъ, продолжающаяся по обѣимъ сторонамъ рѣки, засѣяна ячменемъ, который во многихъ мѣстахъ уже былъ убранъ съ полей (въ апрѣлѣ), и особеннымъ родомъ пшена, называемаго *дурръ*. Скаты береговъ усажены растеніемъ, называемымъ *турмусъ* (волчій бобъ, по-французски lupin, по-нѣмецки Wolfsbohne), и фасолями, *лубіе*.

Въ Уади Келявши находится великолѣпный храмъ, предъ которымъ возвышаются двѣ огромныя моли, ведущія на обширный, окруженный колоннадою, дворъ, въ концѣ котораго устроенъ великолѣпный придѣлъ, составленный изъ двѣнадцати огромныхъ колоннъ. Храмъ имѣетъ три большія комнаты, украшенныя изваяніями.

Келявши, древній Тальмисъ, почитается одною изъ самыхъ живописныхъ развалинъ, и, безъ сомнѣнія, одна только можетъ равняться съ величественными развалинами Ѳивъ. Огромныя массы камней изъ обрушившихся сводовъ, опрокинутыя колонны, рѣдкой работы капители, по которымъ едва можно пробраться, на первомъ дворѣ разбросаны кучами въ живописномъ безпорядкѣ. Этотъ видъ производитъ необыкновенное впечатлѣніе на путешественника. Нѣсколько колоннъ, величественно возвышающихся изъ средины развалинъ, великолѣпно украшаютъ ихъ и напоминаютъ шесть главныхъ колоннъ Бальбека (Геліополя). Взирая на огромные обломки камней, изъ

коихъ построенъ былъ этотъ храмъ, должно полагать, что онъ разрушился отъ собственной своей тяжести. Въ придѣлѣ живопись повреждена во многихъ мѣстахъ, но сохранила краски во всемъ ихъ блескѣ; лица боговъ—голубаго, жрецовъ—краснаго, а женщинъ—желтаго цвѣта. Въ начальныя времена христіанства храмъ сей превращенъ былъ въ христіанскую церковь, и тогда всѣ изваянія покрыты были штукатуркою и расписаны изображеніями святыхъ. До сихъ поръ голова св. Іоанна видна на послѣдней стѣнѣ храма, возвышающейся въ срединѣ строенія. Множество греческихъ надписей, начертанныхъ набожными путешественниками во время Нерона и Адріана, удостовѣряютъ, что храмъ посвященъ былъ Солнцу, называемому, въ однихъ надписяхъ Мандули, а въ другихъ Сераписомъ, и, кажется, построенъ въ царствованіе Птоломеевъ. Достойна примѣчанія довольно длинная надпись, начертанная какимъ-то Силько, именующимъ себя царькомъ (βασιλισκος) всей Эѳіопіи. Онъ исчисляетъ свои военные походы и объявляетъ Нубійцамъ, что если они еще вздумаютъ бунтовать противъ него, то онъ придетъ разрушить ихъ храмы и жилища, истребитъ мужей, а женъ и дѣтей увлечетъ въ тяжкую неволю.

Въ Келявши находится также другой храмъ, изсѣченный въ скалѣ, раздѣленный на двѣ половины, и не заключающій въ себѣ ничего достойнаго примѣчанія. Въ отверстіи, ведущемъ къ дверямъ храма, нѣкогда украшеннымъ колоннадою, находится изваяніе, изображающее необыкновенной

величины воина на тріумфальной колесницѣ, берущаго приступомъ крѣпость. Народъ изображенъ въ маломъ видѣ, и пастухи уходятъ въ лѣса или взлѣзаютъ на скалы. Въ другомъ мѣстѣ видны плѣнники со связанными сзади руками, которымъ рубятъ головы; далѣе изображены священные обряды, жертвоприношенія и проч. Подобные предметы часто встрѣчаются въ египетскихъ храмахъ.

За Уади Келявши снова начинается перешеекъ, подобный выше описанному и называемый *Бабъ Абу-Хоръ*, то есть, «ворота долины Абухоръ», въ которой мы провели ночь подъ открытымъ небомъ. Здѣсь находится набережная, построенная изъ камня, и удостовѣряющая, что въ этомъ мѣстѣ нѣкогда существовалъ храмъ или значительное селеніе. Теперь здѣсь довольно большая деревня, осѣненная пальмами и построенная на пескѣ, нанесенномъ вѣтромъ изъ степей, отъ чего эта часть берега сдѣлалась совершенно безплодною. Плоская цѣпь скалъ Ливійскихъ отдалена на четверть мили отъ берега. Посреди этой песчаной долины видно нѣсколько зеленѣющихъ полосъ, покрытыхъ засѣвами и орошаемыхъ нильскою водою, посредствомъ персидскаго колеса *. Подобныя полосы земли (оазисы) находятся при многихъ нубійскихъ деревняхъ; ибо большая часть земли засыпана пескомъ до самаго Нила. Нѣсколько выше Абухора, всю Нубію составляетъ зеленѣющая и воздѣланная отлогость берега Нила,

---

* Извѣстное на Востокѣ орудіе для орошенія земли.

къ которому горы примыкаютъ въ весьма близкомъ разстояніи, образуя утесистую ограду, вышиною почти въ 60 футовъ. Хребетъ ихъ ровный, плоскій, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ ущелья.

Деревьевъ здѣсь весьма мало; изрѣдка встрѣчаются нѣсколько акацій и малыя кущи пальмъ. Кажется, что природа въ этой мѣстности изобразила бѣдность самыми разительными чертами: безплодный камень, вода и узкая полоса земли съ обѣихъ сторонъ возвѣщаютъ человѣку, что онъ не можетъ имѣть здѣсь ничего, кромѣ предметовъ самыхъ необходимыхъ къ продолженію жизни, и не долженъ помышлять о богатствѣ и роскоши.

Въ Уади Дансуръ находится малый храмъ, довольно хорошо сохранившійся, а въ разстояніи восьми часовъ пути отъ Келявши большая деревня Гирше, обитаемая Берберами. Кажется, что здѣсь нѣкогда былъ древній Тутцисъ, находившійся въ двадцати тысячахъ шагахъ отъ Тальмиса или Келявши. По свидѣтельству дорожника Антонина, цѣпь Ливійскихъ скалъ отдалена въ этомъ мѣстѣ на полмили отъ береговъ Нила, и въ скалѣ высѣченъ храмъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ во всемъ Египтѣ и въ Нубіи. Входъ во храмъ, также высѣченный въ скалѣ, нѣкогда украшенъ былъ колоннадою, пристроенною изъ плитнаго камня. Къ скалѣ примыкаютъ восемь колоссальныхъ истукановъ въ 12 футовъ вышины. Придѣлъ до такой степени разрушенъ, что можно различить только два истукана. Большія двери ведутъ въ первую залу, украшенную

двумя рядами огромныхъ пилястровъ, къ которымъ прислонены шесть колоссальныхъ истукановъ, изображающихъ древнія египетскія божества, со сложенными на крестъ руками, держащія въ одной крюкъ, а въ другоїї бичъ, обыкновенныя эмблемы Озириса. Истуканы эти, поставленные на высокихъ пьедесталахъ, имѣютъ 21 футъ въ вышину. Видъ ихъ занимателенъ для наблюдателя; но по причинѣ ли младенчества, въ которомъ тогда находилось искусство, или можетъ быть преднамѣренно, истуканы эти скорѣе похожи на колоссальныхъ карловъ, нежели на великановъ. Въ стѣнахъ, равно какъ и въ придѣлѣ, подѣланы впадины, вмѣщающія въ себѣ по три различные идола, вышиною въ пять футовъ, держащіе другъ друга подъ руки. Кромѣ этоїї обширноїї залы, находятся въ храмѣ еще семь комнатъ разноїї величины; послѣдняя вмѣщаетъ въ себѣ четыре истукана въ человѣческіїї ростъ; они представлены сидящими, но весьма повреждены. Въ придѣлѣ, на самоїї срединѣ, сооруженъ жертвенникъ; тамъ, можетъ быть, приносили въ жертву людеїї. Вообще, сеїї огромныїї храмъ поврежденъ во всѣхъ частяхъ, и между всѣми египетскими храмами имѣетъ онъ самое большое число истукановъ. Барельефы въ немъ гораздо хуже отдѣланы, нежели въ другихъ капищахъ, и даже самыїї камень, образующіїї скалы, состоитъ изъ мягкаго и ломкаго известковаго вещества; отъ этого, кажется, происходитъ господствующіїї во внутренности храма пронзительныїї холодъ. Противъ Гирше, на другоїї

сторонѣ Нила, на отлогости горы, видны огромныя развалины изъ несженаго кирпича. Доселѣ сохранились толстыя стѣны, окружавшія нѣкогда городъ, безъ сомнѣнія многолюдный и укрѣпленный. Должно полагать, что это остатки древняго Тутциса, къ которому принадлежалъ храмъ, изсѣченный въ скалѣ. Природные жители называютъ эти развалины *Семагура*.

Мы приближались къ Коштамбе, когда отъ неловкости нашихъ матросовъ сломилась фок-мачта, а сильный сѣверный вѣтеръ изорвалъ парусъ въ куски; въ три часа по полудни остановились мы у берега и употребили остатокъ дня на починку судна. Здѣсь находятся двери небольшаго строенія, составленныя изъ трехъ камней; боковыя имѣютъ въ вышину пять футовъ; на поперечномъ изсѣчена обыкновенная эмблема вѣчности — крылатый шаръ. Множество обломковъ, покрытыхъ пескомъ, свидѣтельствуютъ, что это мѣсто находилось нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи.

Цѣпь Ливійскихъ скалъ отдалена здѣсь отъ береговъ на довольно большое разстояніе; но до самаго Нила все пространство засыпано пескомъ. Вдали видѣнъ островокъ воздѣланной земли, какъ въ Абухорѣ отлогость берега; полоса обработанной земли и нѣсколько сотъ пальмовыхъ деревъ доставляютъ жителямъ деревни пропитаніе. Не сомнѣваюсь, что здѣсь нѣкогда было многолюдное селеніе, ибо въ Нубіи мѣстоположеніе городовъ не можетъ перемѣняться; тамъ, гдѣ скалы удаляются на большое разстояніе отъ береговъ, нахо-

дились самыя многолюдныя селенія; остатки храмовъ и слѣды ихъ удостовѣряютъ въ этомъ мнѣніи.

Копитамбе — довольно обширная деревня; она имѣетъ около 120 душъ жителей. Домы или землянки Нубійцевъ столь низки, что въ нихъ нельзя иначе помѣститься, какъ сидя. Мужчины и женщины, вообще не весьма пригожія, проводятъ весь день на открытомъ воздухѣ, подъ слабою тѣнью пальмъ и акаціи, отдыхая или перебирая шерсть и очищая ячмень и дуръ, и только ночью бываютъ въ своихъ домахъ. Малыя круглыя землянки окружаютъ ихъ жилища: въ нихъ держатъ куръ, голубей и сберегаютъ малое количество хлѣба. Все ихъ имущество составляютъ двѣ или три коровы и пара воловъ, нѣсколько козъ или овецъ, которыя иногда проводятъ ночи вмѣстѣ съ своими хозяевами. Достаточные люди имѣютъ иногда осла или верблюда. Ночи весьма холодны въ сравненіи съ дневнымъ зноемъ, хотя въ апрѣлѣ барометръ Реомюра не показывалъ никогда менѣе 10 градусовъ, но въ полуденные жары на солнцѣ и безъ вѣтра доходилъ до 42 градусовъ, а при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ до 35. Достаточные Нубійцы носятъ по утрамъ бѣлыя или голубыя рубашки, покупаемыя ими въ Ассуанѣ; накинутая на плеча шерстяная шаль довершаетъ ихъ скромную одежду. Дѣти мужескаго пола до двѣнадцати лѣтъ ходятъ совершенно нагія, и это примѣчается даже въ древней египетской живописи. Всю одежду дѣвушекъ составляетъ поясъ изъ кожаной густой бахромы, шириною въ пять дюй-

мовъ, называемоій по-арабски *раха* или *херразъ*, а по-нубійски *бейіс*. Но пяти и шести-лѣтнія дѣвочки не терпятъ на себѣ и этоій тяжести. Дочери богатыхъ родителеій отличаются отъ бѣдныхъ тѣмъ только, что бахрама ихъ украшается бубенчиками и мелкими раковинами, покупаемыми за финики у Бедуиновъ *Бешаріс*, кочующихъ между Нубійскимъ Ниломъ и Чермнымъ Моремъ. Молодые люди, и всѣ вообще мужчины, ходятъ нагіе и носятъ только передники изъ бѣлаго полотна, связываемые снуркомъ на спинѣ. Стройный ихъ станъ украшается иногда шерстяною шалью, искусно наброшенною на плеча и противоположною черному цвѣту ихъ кожи. Черты лица Нубійцевъ довольно правильны; они весьма отличаются отъ поколѣнія Негровъ, хотя многіе изъ нихъ похожи на обезьянъ. Среди народа, не употребляющаго одежды, люди получаютъ новыя понятія о красотѣ человѣческаго тѣла. Чувство это сохраняютъ въ себѣ жители тѣхъ странъ, въ конхъ умѣренность климата позволяетъ освобождать себя отъ безполезныхъ и странныхъ тягостеій, въ которыя мы кутаемся. Нубіецъ принимаетъ, безъ всякаго намѣренія, во всѣхъ своихъ движеніяхъ и положеніяхъ тѣла, видъ величавости и благородства самой природы, которыхъ и лучшіе наши художники едва могутъ постигнуть. Бѣлая полотняная шапочка, называемая въ Египтѣ *такіе*, покрываетъ голову; но Нубійцы носятъ бо̀льшею частію длинные, кудрявые волосы наподобіе широко расчесаннаго парика, а на срединѣ головы свиваютъ волосы въ тонкія косы, ниспадающія на обѣ сто-

роны. Они употребляютъ для этого весьма липкую помаду, дѣлаемую изъ нѣкотораго рода черной и весьма жирной земли, которую растираютъ съ масломъ. Отъ этой мази, согрѣваемой солнечными лучами на ихъ головахъ, исходитъ отъ нихъ весьма тяжелый запахъ. Плетушки у женщинъ дѣлаются гораздо длиннѣе и висятъ въ видѣ бахрамы по обѣимъ сторонамъ лица. Замужнія женщины одѣваются точно такъ, какъ въ Египтѣ: онѣ обвертываются длиннымъ кускомъ суконной матеріи съ лѣваго плеча подъ правую мышку, и пристегнувъ на лѣвомъ плечѣ, потомъ въ другой разъ проводятъ подъ правое и закидываютъ сзади на голову, защищая ее такимъ образомъ отъ солнечнаго зноя; иногда употребляется это сукно и вмѣсто покрывала. Сей родъ одежды походитъ на древнюю римскую тогу, весьма живописенъ и придаетъ женщинамъ гораздо болѣе благородства, нежели наши узкія платья, которыя, сжимая члены, образуютъ красоту не природную, но нами вымышленную. Суконная матерія обыкновенно бываетъ темнокоричневаго цвѣта. Нищета, покрытая лохмотьями сей одежды, принимаетъ въ ней видъ гораздо ужаснѣе обыкновеннаго.

Всѣ Нубіійцы, а особенно женщины и дѣти, носятъ 'ниже лѣваго плеча кожаные мѣшечки съ талисманами, покупаемые ими у святошей. Предметы роскоши у обоего пола весьма ограничены. Женщины носятъ на рукахъ, а иногда и на ногахъ, браслеты изъ голубаго стекла, мѣдную серьгу съ нѣсколькими стеклышками въ носу и сте-

клянныя же бусы на шеѣ. Вотъ въ чемъ заключается все излишество нубійскихъ женщинъ. Та изъ нихъ почитаетъ себя счастливою, которая къ этому наряду можетъ прибавить два кольца въ ноздряхъ, и въ ушахъ двѣ большія мѣдныя серьги. Столь богато наряженная женщина, выходя утромъ за водою къ Нилу съ сосудомъ на головѣ, въ состояніи привести подругъ своихъ въ отчаяніе отъ зависти. Мужчины въ лѣвомъ ухѣ носятъ гладкія мѣдныя кольца. Малыя курительныя трубки и зеленый табакъ, ими разводимый, служатъ имъ для *кейфа* *, высочайшаго благополучія, какое извѣстно лѣнивому жителю Востока. У старостъ деревень, которые называются *шейхъ эльбелѐдъ*, иногда имѣется одна чашка и старый кофейникъ, въ которомъ женщины приготовляютъ имъ кофе, получаемый въ подарокъ отъ путешественниковъ за оказанныя имъ услуги. Тогда зовутъ въ гости *каимъ-мекàма*, т. е. солдата, управляющаго деревнею отъ имени паши, и лучшихъ друзей шейха, которые, нарядясь въ свои рубахи, съ гордымъ видомъ идутъ къ нему на кофе.

На разстояніи двухъ часовъ пути отъ Коштамбе, находится прекрасный храмъ древняго селенія Псельцисъ, нынѣ называемаго Дакке. Это истинно прекрасное зданіе, которое можно назвать ну-

* Путешественники, бывшіе на Востокѣ, знаютъ, сколь многосложное значеніе имѣетъ выраженіе *кейфъ*. Отогнавъ прочь всѣ заботы и помышленія, развалившись небрежно, пить кофе и курить табакъ, называется «дѣлать кейфъ». Въ переводѣ это можно бы назвать—«наслаждаться успокоеніемъ».

бійскимъ Тентирисомъ, посвящено было Тоуту, Меркурію древнихъ Египтянъ, какъ объясняютъ многочисленныя надписи на моляхъ. Барельефы столь же прекрасны, какъ въ Дендерѣ, но какъ въ архитектурѣ, такъ и въ украшеніяхъ храма примѣчаются три различныя эпохи его построенія. Должно полагать, что сначала былъ воздвигнутъ одинъ только придѣлъ, къ которому остальныя части пристроены послѣ. Двѣ высокія моли, со внутренней стороны даже не выполированныя, содержатъ въ себѣ множество малыхъ комнатъ, которыя вѣроятно опредѣлены были для жилища жрецамъ. Послѣ жили въ нихъ набожные монахи, начертавшіе въ этихъ сокровенныхъ убѣжищахъ знаменіе святаго креста, драгоцѣнный залогъ ихъ надеждъ, облегчавшій ихъ тяжкія страданія. Храмъ сей былъ нѣкогда христіанскою церковью, что́ доказываетъ штукатурка, покрывающая прежнія баснословныя изображенія. Каменная стѣна, вышиною въ четыре фута, окружаетъ все зданіе.

Выше Дакке, на правомъ берегу Нила, находятся развалины прежняго селенія. Стѣны, изъ несженаго кирпича, довольно толсты и высоки. Мѣсто это называется нынѣ Куббанъ; оно должно быть древняя Метакомпса. Малая нубійская деревенька съ низкими хижинами лежитъ вблизи сихъ развалинъ. Нилъ, который отъ пороговъ Сіэнскихъ до самаго Коштамбе протекаетъ почти вдоль самаго меридіана, здѣсь поворачиваетъ значительно къ юго-западу. Уади Корти доселѣ удержала древнее названіе Корте, равно какъ и раз-

валины древняго храма, нѣкогда украшавшаго это селеніе. Уади Мухаррака имѣетъ также небольшой не крытый храмъ, посвященный Серапису, какъ явствуетъ изъ надписи.

Стѣны во внутренности обведены колоннадою; сіе строеніе не было окончено и даже капители не отдѣланы. Отличная соразмѣрность колоннъ, вкусъ въ изобрѣтеніи и прочія обстоятельства доказываютъ, что храмъ сей воздвигнутъ Греками. Они умѣли сообщить пріятность угрюмой греческой архитектурѣ, въ которой основательность означается тяжестью, а красота необыкновенною величиною. Полуденная стѣна храма обрушилась, и это даетъ ему видъ живописный и занимательный, особливо посреди обширной песчаной пустыни, украшенной на всемъ ея пространствѣ одною только кривою пальмою. На берегу рѣки находятся развалины другаго строенія. Кажется, что здѣсь долженствовалъ быть древній Гіеросикаминонъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи построена деревенька Бижбе. Все пространство отъ Филе до Мухаррака есть древняя страна Додекасхенъ, такъ называвшаяся у Грековъ и Римлянъ, по причинѣ ея длины. По свидѣтельству дорожника Антонина, Гіеросикаминонъ находится отъ Филе въ 80 тысячахъ шагахъ; нынѣшнее разстояніе Уади Мухаррака, кажется, то же самое. Ливійская *схене* (миля), по словамъ Страбона, заключала въ себѣ 60 стадій.

Въ Уади Мединъ-Себуа и нѣсколько далѣе, берега являются въ другомъ видѣ. На востокѣ возвышаются пирамидально небольшія горы изъ чер-

ной плиты, примыкающія къ самому скату берега. На западѣ лежитъ плоская скала, засыпанная до самаго Нила желтымъ пескомъ, нанесеннымъ изъ пустыни. Съ обѣихъ сторонъ продолжается зеленая полоса, шириною отъ двухъ до трехъ шаговъ, на которой мѣстами произрастаютъ мелкія акаціи и высокіе кусты волчца; жилищъ вовсе нѣтъ. Въ Себуа находятся развалины, болѣе величественнаго нежели красиваго, храма. Два ряда гранитныхъ сфинксовъ, впереди которыхъ стоятъ двѣ статуи жрецовъ, почти въ естественную величину, ведутъ къ огромнымъ молямъ, которыми укрѣплены большія ворота, ведущія въ ограду. У воротъ стояли двѣ другія статуи, вышиною въ 12 футовъ, нынѣ поверженныя на землю. Ограда украшена рядомъ пилястровъ, къ которымъ прислонены обыкновенные колоссы. Храмъ почти весь засыпанъ пескомъ, и я, снимая планъ его, долженъ былъ довольствоваться размѣромъ поверхностей, а остальное угадывать по законамъ симетріи, которую впрочемъ Египтяне не слишкомъ сохраняли.

Далѣе начинается Уади-эль-Арабъ. Видъ береговъ снова перемѣняется: горы возвышаются теперь на западномъ берегу, а съ восточной стороны каменный берегъ становится совершенно плоскимъ; однакожъ и на западной сторонѣ, на извѣстномъ разстояніи, встрѣчаются невысокіе холмы, покрытые желтымъ пескомъ пустыни, нанесеннымъ господствующими тамъ сѣверозападными вѣтрами на противоположную часть цѣпи горъ. Эти пески, равняющіеся вышиною съ хребтомъ

низшихъ горъ, перелетаютъ черезъ нихъ и сыплются по восточной ихъ отлогости, что̀ составляетъ прекрасную противоположность съ темнымъ цвѣтомъ горъ возвышеннѣйшихъ. Нѣсколько далѣе, видъ дѣлается пріятнѣйшимъ; на западной сторонѣ рядъ акаціи увѣнчиваетъ берегъ на самомъ углу его ската, а на восточной сторонѣ растутъ мелкія пальмы и видны малые домики, сдѣланные изъ соломенныхъ плетней, и землянки, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь болѣе жизни; населеніе многочисленнѣе; персидскія колеса скрыпятъ цѣлую ночь. Въ этой странѣ видно менѣе крокодиловъ.

Ночи въ Нубіи прекрасны. Часто, послѣ дня, въ продолженіи котораго сильный вѣтеръ помрачаетъ горизонтъ густыми туманами и песчаными тучами, наступаетъ великолѣпное захожденіе солнца. Яркій блескъ его лучей, висящія надъ нимъ мрачныя и пасмурныя облака и ясное лазуревое небо представляютъ великолѣпныя картины, которыя, безпрестанно измѣняясь, являютъ самыя величественныя красоты на краю горизонта. Солнце разсѣваетъ въ воздухѣ блестящія и въ другихъ мѣстахъ невиданныя краски; песокъ пустыни, кажется,пламенѣетъ живымъ розовымъ огнемъ; горы кажутся возвышеннѣе и горделивѣе. Это очаровательное явленіе природы нерѣдко приводило насъ въ восхитительное изумленіе. Но зачѣмъ нельзя долѣе наслаждаться сладостнымъ очарованіемъ? По захожденіи солнца вдругъ наступаетъ пронзительный холодъ и мракъ; вѣтеръ утихаетъ, тучи исчезаютъ, небо прочищается, и горизонтъ,

принимая новый видъ, облекается новыми красотами. Какъ прекрасенъ свѣтъ луны! какъ величественны сіяніе звѣздъ и видъ неба! какъ прозраченъ воздухъ! Кажется, небесный сводъ являетъ здѣсь взорамъ смертныхъ самыя таінныя свои сокровища; на свѣтломъ щитѣ мѣсяца будто читаешь и узнаешь новые предметы; горящія пылкимъ огнемъ небесныя свѣтила, здѣсь, кажется, говорятъ страннику, что каждое изъ нихъ есть особенное солнце.

Никогда не забуду одной изъ сихъ великолѣпныхъ ночей, проведенной мною въ Шейхъ-Абдъэд-даимѣ, гдѣ я былъ пріятно растроганъ слѣдующимъ происшествіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ тамъ шейхъ, который постами, набожностью, ворожбою и странною своею одеждою пріобрѣлъ необыкновенную славу во всей окрестности. Подобные святоши почитаются въ этой странѣ простымъ народомъ за вдохновенныхъ и имѣющихъ общеніе съ небесами. Послѣ смерти они идутъ прямо въ раіі, гдѣ въ награжденіе за страданія, ими претерпѣнныя, получаютъ въ обладаніе шестьдесятъ великолѣпныхъ чертоговъ; каждый вмѣщаетъ въ себѣ по 60 прекрасныхъ и чистыхъ дѣвъ, изъ которыхъ если бы одна явилась во время ночи на небѣ, то озарила бы весь міръ свѣтомъ, равнымъ солнечному.* Шейхъ, о которомъ я говорю, по смерти былъ погребенъ въ

* Замѣчательно, что эти святоши ходятъ нагіе въ странахъ, гдѣ жители носятъ одежду; въ Нубіи же, напротивъ того, одѣваются въ странныя одежды, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна.

томъ же домѣ, гдѣ проводилъ жизнь свою; окрестные жители пристроили къ дому навѣсъ, который устлали рогожами изъ пальмовыхъ листьевъ, и нынѣ сюда собираются на молитву. Бѣлое знамя, эмблема покойнаго, развѣвается надъ навѣсомъ, и глиняная лампада разливаетъ блѣдный свѣтъ свой.

Плѣненные очаровательностью величественной ночи, мы безъ всякой цѣли блуждали по песчаному пространству (въ Уади-эль-Арабъ), лежащему между Нилomъ и Ливійскою цѣпью, какъ вдругъ изъ-дали примѣтили блескъ лампады. Мы направили путь къ тому мѣсту, и прибывъ, сѣли отдыхать на рогожахъ; въ это время входятъ въ шалашъ два прекрасные юноши: младшій, бросясь на колѣна, началъ молиться по восточному обычаю. Между плачемъ и стонами, я различалъ выговариваемыя имъ слова: «отецъ, мать, милосердіе, каимъ-мекàмъ». Старшій, сидя въ отдаленіи, казалось, погруженъ былъ въ глубокую задумчивость, и посмотрѣвъ нѣсколько времени блуждающими взорами на своего брата, также началъ плакать. Любопытство наше возросло до величайшей степени, тѣмъ болѣе, что юноши насъ вовсе не примѣчали. Мы сидѣли въ другомъ углу навѣса, куда не проницали слабые лучи лампады. Желая узнать причину ихъ горести, я позвалъ старшаго, казавшагося умѣреннѣе въ своей печали: внезапный звукъ голоса сначала встревожилъ ихъ; но вскорѣ, примѣтя насъ, старшій привсталъ, и смотря на турецкое наше платье, приблизился съ боязнію. Я спросилъ его, откуда они, и что̀ причиною ихъ горести, и узналъ, что они сыновья

погребеннаго здѣсь шейха, пришли съ восточнаго берега Нила, полить водою находящійся возлѣ дома небольшой садикъ, который покойникъ слишкомъ двадцать лѣтъ воздѣлывалъ собственными руками и оставилъ имъ въ наслѣдство. Садикъ былъ засѣянъ ячменемъ и фасолями; восемь пальмовыхъ деревъ, насажденныхъ на берегу рѣки, принадлежали къ нему. Столь малое имущество едва достаточно было на прокормленіе ихъ матери; не взирая на то, слѣдовало заплатить пашѣ 15 піастровъ подати. Жестокій Арнаутъ, каймъ-мекамъ деревни, всѣми средствами побуждая мать ихъ къ уплатѣ этой суммы, наконецъ посадилъ сыновей въ тюрьму. Четырнадцать дней пребывали они въ заключеніи, и между-тѣмъ мать тщетно старалась достать денегъ. Суровый Арнаутъ, не получая ихъ, далъ матери сроку еще два дня, угрожая въ противномъ случаѣ отсчитать каждому изъ ея сыновей по сту курбачей.* По прошествіи срока, Арнаутъ, не видя денегъ и желая доказать матери вѣрность своего слова, исполнилъ свои угрозы и объявилъ, что если къ завтрашнему дню не будетъ денегъ, то онъ велитъ имъ дать еще по 80 палочныхъ ударовъ по пятамъ, число обыкновенно употребляемое на Востокѣ. Чувствительная мать не въ состояніи была перенести мученій, претерпѣваемыхъ ея дѣтьми. Слезами, просьбами и предстательствомъ шейха деревни склонила она немилосердаго Турка, вмѣсто дѣтей, заключить самую ее въ темницу, гдѣ

---

* Родъ бича изъ кожи гиппопотама, мягко сваленной.

она готова испытать всевозможныя страданія для сохраненія невинныхъ существъ, которыя ей обязаны жизнію. Каимъ-мекàмъ отсрочилъ платежъ долга на мѣсяцъ, угрожая матери строжайшимъ наказаніемъ.—«Что̀ же теперь думаете дѣлать?» спросилъ я. — «Постараемся продать нынѣшній сборъ финиковъ съ нашихъ пальмъ и хлѣбъ изъ этого садика», продолжалъ юноша, «пойдемъ въ Ассуанъ, дорогою будемъ питаться милостынею, а тамъ поищемъ службы на судахъ. — Вотъ какимъ образомъ Турки собираютъ недоимки!

Это повѣствованіе сильно насъ тронуло. Младшій братъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, прилежно слушалъ и плакалъ безпрестанно. Мы душевно радовались, что могли облегчить участь несчастнаго семейства и охотно собрали между собою малую сумму на заплату ихъ долга.—Отдавая имъ деньги, сказалъ я: «завтра снесите это каимъ-мекàму и выкупите вашу мать.» — Невозможно описать благодарности, возбужденной въ сердцахъ юношей этимъ малымъ подаяніемъ! Они бросились къ намъ въ ноги, хотѣли цѣловать наши руки, и младшій, вставъ съ земли, стремглавъ побѣжалъ къ бѣлому знамени своего отца, началъ лобызать его и съ дѣтскою откровенностію сказалъ: «святый нашъ отецъ, взирающій на лице Властителя міровъ, предстательствуй за нихъ, да вознаградитъ онъ имъ тысячекратно, и да умножитъ ихъ знаменитость въ ихъ долинѣ!» * Трогательное

* Вся Нубія, какъ сказано, раздѣляется на долины, *уàди*, и жители думаютъ, что во всѣхъ странахъ есть Нилъ и весь міръ раздѣляется на долины.

соединеніе суевѣрія съ родительскою любовью! Возвратясь на берегъ къ нашему шатру, увидѣли мы этихъ двухъ юношей, приближающихся къ Нилу; взявъ въ руки небольшую колоду, пустились они вплавь на другую сторону.

Уади или долина Малькн имѣетъ видъ гораздо пріятнѣе, нежели лежащая передъ нею страна; въ Харабасѣ находится множество пальмовыхъ деревьевъ на западной сторонѣ рѣки. Нилъ въ этихъ мѣстахъ весьма мелокъ, и отмели продолжаются почти до острова Тумасъ, за Дерромъ. Рѣка поворачиваетъ и течетъ на довольно большомъ пространствѣ къ западу, небольшими, но многочисленными изгибами. Въ одномъ изъ нихъ, между двумя поворотами рѣки, построенъ Дерръ, столица всей Нубіи и мѣстопребываніе кашефа, или правителя страны. Городъ этотъ находится въ 45 часахъ отъ острова Филе и отъ границы Египта. Онъ построенъ, такъ сказать, въ пальмовомъ лѣсу, продолжающемся внизъ по теченію рѣки. Домы, скрывающіеся между деревьями и разсѣянные на пространствѣ почти полуторы мили въ длину, гораздо лучше построены, нежели въ другихъ мѣстахъ. Однако жъ та часть, которую собственно можно назвать городомъ, имѣетъ такія же улицы, какъ въ другихъ городахъ Верхняго Египта. Здѣсь находится небольшой *ханъ**, есть порядочная мечеть арабской архитектуры, и двѣ или три лавочки, въ которыхъ турецкіе солдаты, стоящіе здѣсь въ гарнизонѣ, продаютъ грубое по-

* Караванъ-сарай.

лотно, стеклянныя бусы, мѣдные перстни, цвѣтные суконные обрѣзки и другія мелочи. Число жителей простирается до трехъ тысячъ. Домы нынѣшнихъ обитателей построены изъ несженаго кирпича, и доселѣ сохраняютъ покатость наружныхъ стѣнъ наподобіе бруствера, которая у древнихъ Египтянъ называлась *талусъ*. Безъ сомнѣнія, это дѣлается не въ подражаніе древнимъ зданіямъ и храмамъ: ибо мусульманинъ стыдился бы подражать невѣрнымъ; но въ этихъ странахъ ни одно обыкновеніе, ни одинъ порокъ, ни одинъ предразсудокъ, какъ ни одинъ камень, не исчезаютъ. Нравы и обыкновенія переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и увѣковѣчиваются. Восточные народы понынѣ сохранили нѣкоторыя добродѣтели патріархальныхъ временъ, вмѣстѣ съ малодушіемъ и корыстолюбіемъ древнихъ Азіятцевъ. Что касается до нравовъ жителей Востока, то книги Священнаго Писанія представляютъ вѣрнѣйшее ихъ изображеніе.

Въ каждой странѣ всѣ вещи носятъ на себѣ печать общаго образованія, а потому и путешественникъ, видѣвшій Нубію, входя въ Дерръ, долженъ признать ее нубійскою столицею. Многія женщины одѣваются здѣсь въ голубыя рубахи, навѣшивая на голову кусокъ сукна, висящаго сзади по колѣна. Кольца въ ноздряхъ болѣе и красивѣе, нежели у поселянокъ; на шеѣ виситъ нѣсколько снурковъ бусъ, и даже ихъ походка означаетъ вкусъ столицы и сопряженное съ тѣмъ кокетство. Большая часть мужчинъ носятъ кор ткія рубашки, доходящія до колѣна, а иногда, по зли-

шеству щегольства, красную на головѣ шапочку, называемую фесъ, и опоясываются суконною кромкою. Эти предметы роскоши неизвѣстны были въ сей странѣ до покоренія ея нашею. Турецкіе солдаты покупаютъ у капрскихъ портныхъ кромки европейскихъ суконъ и продаютъ ихъ довольно дорого здѣшнимъ жителямъ. Праздполюбцы этой столицы, сидя рядами подъ небольшими открытыми навѣсами, и куря трубки, пьютъ поочередно *небидъ*, родъ пива изъ фиников, похожаго и вкусомъ и даже запахомъ на портеръ, съ тою разницею, что *небидъ* нѣсколько мутнѣе и цвѣтомъ темнѣе. Промыселъ и богатство жителей города состоитъ въ плетеніи цыновокъ изъ пальмовыхъ листьевъ, разноцвѣтныхъ коробочекъ изъ нѣкотораго рода *ситовыхъ* растеній, которыхъ множество привозятъ въ Ассуанъ, и въ продажѣ большаго количества черныхъ фиников отличнаго вкуса, которыхъ величина иногда доходитъ до трехъ дюймовъ. Лучшими финиками почитаются растущіе около Дерра и Ибрима. За Дерромъ находится небольшой храмъ, изсѣченный въ скалѣ, и если грубая отдѣлка можетъ служить доказательствомъ древности, то время построенія его не можетъ быть исчислено.

Отъ острова Тумаса Нилъ снова принимаетъ направленіе къ юго-западу. Этотъ островъ прекрасно воздѣланъ. Уади Амбе имѣетъ хорошо выстроенные домы въ степи, а Ибримъ кажется богаче и лучше населеннымъ. Здѣсь находится на скалѣ укрѣпленіе, которое по всѣмъ соображеніямъ должно быть древнее Приммисъ. Въ надписи царька

Силько упоминается объ немъ, какъ о самомъ крѣпкомъ и знаменитомъ во всей странѣ. Нѣсколько далѣе, Уади или долина Тошке имѣетъ пріятное и выгодное мѣстоположеніе, но въ Эрминѣ страна принимаетъ такой же видъ, какъ предъ Дерромъ. Уади Терейхъ имѣетъ нѣсколько обработанной земли и пальмъ на восточной сторонѣ, а съ западной ея стороны горы примыкаютъ къ самому берегу и продолжаются такимъ образомъ до самой Уади *Абу-Сумболь*, или «колосистой долины», лежащей въ 25 часахъ отъ Дерра. *Абу-Сумболь* обыкновенно называется Европейцами *Эбсамбулъ*, и для любопытства путешественниковъ есть то же самое, что̀ Мекка и Медина для набожности мусульманъ. Нѣкоторые изъ многихъ англійскихъ путешественниковъ, выплывъ изъ Каира, ѣдутъ прямо въ Нубію, не осматриваютъ на пути ничего, и прибывъ въ Эбсамбулъ, останавливаются тамъ на нѣсколько часовъ для обозрѣнія сего чудеснаго храма, и потомъ, не видавъ Нубіи и Египта, поспѣшно возвращаются въ Даміетту. Оттуда ѣдутъ въ Іерусалимъ, къ первому дню праздника Пасхи, и поспѣшаютъ въ Аѳины, гдѣ, пробывъ нѣсколько часовъ, отправляются въ Корфу на обѣдъ къ лорду-коммиссару Іоніійскихъ острововъ, и наконецъ возвращаются въ Европу. Это называется «a tour in the Levant».

Близъ самаго берега Нила, на западной сторонѣ, возвышается высокая гора изъ плитнаго камня, съ отлогостью къ рѣкѣ. По приближеніи къ подошвѣ горы, бросаются въ глаза три огромные

колосса, изсѣченные изъ скалы и украшающіе фасадъ храма. Четвертый изъ колоссовъ, отломившись отъ стѣны, къ которой былъ прикрѣпленъ, обрушился, и обломки его лежатъ теперь, при основаніи горы, зарытые въ пескѣ, засыпавшемъ и два другіе колосса до самой груди, такъ что однѣ только огромныя головы ихъ выказываются изъ-подъ песку. Третій истуканъ, въ полуденномъ углу храма, почти весь открытъ. Колоссы эти представлены сидящими на креслахъ; плеча ихъ имѣютъ въ ширину 21 футъ, и вся ихъ вышина отъ основанія доходитъ до 65 футовъ. Руки лежатъ на колѣнахъ. Лица имѣютъ отпечатокъ поколѣнія Негровъ; но нѣжная выразительность лица, оживленнаго сладостною улыбкою, полные уста, продолговатые, и какъ-будто умпльно сжатые глаза, наконецъ круглыя и дышущія нѣгою черты лица доказываютъ, что древніе Египтяне такъ же точно умѣли чувствовать и изображать въ своихъ огромныхъ колоссахъ идеальную красоту головы Негра, какъ Греки красоту лица кавказскаго поколѣнія. По несчастію, рѣзецъ Египтянъ гораздо удачнѣе изображалъ красоту лица, нежели остальныя части тѣла, ознаменованныя грубостью и дурною отдѣлкою, въ которыхъ даже правильность размѣра не всегда была сохраняема.

Песокъ, лежащій на протпвоположномъ скатѣ горы, безпрестанно переваливается чрезъ верхъ ея и засыпаетъ двери храма до такой степени, что всякій приближающійся путешественникъ долженъ нанимать Берберовъ, для отрыванія ихъ и копанія норы подъ самымъ сводомъ воротъ, чрезъ

которую можно было бы пролѣзть во внутренность храма. Когда, по многотрудномъ боренiи съ топкимъ и всегда осыпающимся пескомъ, путешественникъ проникаетъ сверху до самаго основанiя, то, по мѣрѣ, какъ глаза его, обремененные наружнымъ свѣтомъ, начинаютъ открываться, привыкая къ мраку, и уже различаютъ предметы въ этомъ подземномъ зданiи, удивленiе его возрастаетъ и ужасъ объемлетъ душу. Кажется ему, что онъ прибылъ въ сборище великановъ. Два ряда необыкновенной величины колоссовъ, которыхъ неисчислимая древность облекла чернымъ цвѣтомъ, внезапно представляются его взорамъ. Разительный дневной свѣтъ, проникая чрезъ отверзтiе, выкопанное вверху воротъ, живо освѣщаетъ одну сторону сихъ мрачныхъ колоссовъ, а другая сторона какъ бы утопаетъ въ мракѣ. Какое новое и сильное впечатлѣнiе производитъ подобный видъ! Изумленный разсудокъ, кажется, видитъ предъ собою жилище духовъ; печальная тишина и поразительное смѣшенiе свѣта съ глубокимъ мракомъ, множество воспоминанiй, представляющихся въ безпорядкѣ уму, все это возбуждаетъ въ душѣ неизвѣстныя чувствованiя, въ которыхъ невозможно дать самому себѣ никакого отчета. По моему мнѣнiю, внутренniй видъ эбсамбульскаго храма представляетъ столь величественную и великолѣпную картину, и вмѣстѣ производитъ столь сильное впечатлѣнiе въ душѣ человѣка, умѣющаго чувствовать, какихъ не въ состоянiи внушить ни одно изъ произведенiй рукъ человѣческихъ, а можетъ-быть даже ни одинъ изъ

видовъ природы, къ которымъ взоры наши уже привыкли. Еслибъ живопись могла изобразить столь колоссальные виды, сколь достойна была бы эта картина лучшей Фламандскоі кисти!

Вышесказанные колоссы, въ числѣ осьми, имѣютъ по 18 футовъ въ вышину, опираясь о пилястры, поддерживающія своды первоі залы и всю тяжесть возносящейся надъ нею горы. Статуи эти имѣютъ сложенныя крестомъ руки и держатъ въ ихъ крюкъ и бичъ, какъ выше сказано, обыкновенныя принадлежности Озириса. Лица ихъ похожи на лица истукановъ, стоящихъ при входѣ, отличаясь тѣми же совершенствами, и даже строеніе ихъ тѣла имѣетъ надлежащій размѣръ. Зала имѣетъ 60 футовъ въ длину и 30 въ вышину. Стѣны покрыты раскрашенными барельефами глубочайшей древности. На лѣвой сторонѣ изображенъ чрезвычайнаго роста воинъ, одѣтый кожею тигра и держащій въ рукѣ напряженный лукъ. Головной уборъ лошадей, представленныхъ на всемъ скаку, и составленный, какъ кажется, изъ перьевъ, удивляетъ подобіемъ своимъ съ головнымъ уборомъ американскихъ Индійцевъ. Этотъ воинъ беретъ приступомъ укрѣпленіе, лежащее на скалѣ; непріятели, находящіеся на ней, пораженные страхомъ, стоя на колѣняхъ, молятъ его о помилованіи; но стрѣлы его пронзаютъ вдругъ по нѣскольку этихъ несчастныхъ. У подошвы скалы, устрашенный пастухъ обращается съ просьбою къ воину, а стадо убѣгаетъ въ безпорядкѣ. Непріятели примѣтно отличаются отъ Нубійцевъ и Египтянъ своею одеждою; они имѣютъ длинные воло-

сы и одѣты въ туники; большая часть изъ нихъ имѣютъ бороды, а у нѣкоторыхъ только усы. Индійцы ли это, или Персы? — Далѣе, тотъ же самый богатырь пронзаетъ копьемъ одного воина, а другаго топчетъ ногами; положеніе его тѣла изображено смѣло и прекрасно. По обѣимъ сторонамъ большихъ дверей храма держитъ онъ одною рукою нѣсколько человѣкъ за волосы, а другую руку занесъ, чтобы отрубить имъ головы короткою алебардою. Жрецъ всегда находится при немъ съ жертвеннымъ ножемъ. Неужели человѣчество въ этихъ странахъ всегда было преслѣдуемо?

Кромѣ этой залы, храмъ, посвященный, какъ кажется, Озирису, заключаетъ въ себѣ десять различной величины комнатъ, расположенныхъ различнымъ образомъ, такъ, что цѣлая гора, кажется здѣсь выдолбленною и превращенною въ гремящее отъ эха тѣло. Отъ большихъ дверей входа, чудесное сіе зданіе имѣетъ въ длину 140 футовъ до самой послѣдней стѣны придѣла, въ которомъ находится пять различныхъ идоловъ, представленныхъ спдящими на самомъ концѣ, и прекрасно сохранившихся. Жертвенникъ сооруженъ по срединѣ этой длинной комнаты. Жаръ внутри храма превосходитъ теплоту бани и почти прерываетъ дыханіе. Термометръ Реомюра, показывавшій на берегу Нила 36 градусовъ выше точки замерзанія, лишь только внесенъ былъ въ храмъ, какъ возвысился на 9, а въ продолженіе двухъ часовъ еще на 3 градуса. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ этихъ великолѣпныхъ подземныхъ зданій, находится другой храмъ, состоящій

изъ четырехъ различной величины комнатъ, также изсѣченный въ скалѣ и посвященный Египтянами Изидѣ, а христіанами св. Іоанну. Внутренность его не имѣетъ ничего замѣчательнаго; но фасадъ, обращенный къ Нилу, украшенъ шестью колоссальными статуями, довольно хорошо сохранившимися.

Нельзя не замѣтить, сколь удивительная противоположность находится въ отдѣлкѣ разныхъ частей сего зданія. Статуи изваяны самымъ лучшимъ образомъ; въ нихъ видны жизнь и стиль; но барельефы, будучи самой грубой работы, показываютъ младенчество искусства. Древніе Египтяне лучше умѣли изсѣкать изъ камня, нежели рисовать; ибо архитектура и ваяніе вездѣ были первыми искусствами, по хронологическому порядку. Трудно себѣ представить, какъ на Востокѣ, въ разные вѣки и въ разныхъ странахъ, все на себя походитъ! Почти тѣ же самые нравы, та же лѣнь; жестокость и суровость древнихъ правительствъ вовсе не различествовали отъ нынѣшнихъ. Подлость характера и раболѣпіе, корыстолюбіе, гостепріимство и вмѣстѣ прямодушіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вкусъ, образъ жизни, — однимъ словомъ, все здѣсь пережило теченіе вѣковъ. Кажется, что восточные народы довольствуются изобрѣтеніемъ вещей, вовсе не помышляя о ихъ усовершенствованіи. Родъ живописи древнихъ Египтянъ безъ всякой разницы есть тотъ же самый, какой употребляютъ нынѣшніе Персіяне и Китайцы. Барельефы и колоссы нарисованы точно такъ же, какъ въ Китаѣ. На нѣкоторыхъ тка-

няхъ, доставаемыхъ изъ гробовъ, находимъ тѣ же, подобные пальмамъ, узоры, какіе донынѣ существуютъ на шаляхъ кашмирскихъ и на восточныхъ бумажныхъ матеріяхъ. Ихъ храмы и статуи, словомъ все, кажется, устроено по одному образцу, и все носитъ на себѣ отпечатокъ единообразія, данный природою всѣмъ предметамъ Египта.

Весьма странно, что сему величественному храму, на который нынѣ взираемъ съ такимъ удивленіемъ, мы не можемъ опредѣлить никакого названія, и что древніе не оставили намъ никакого объ немъ воспоминанія. Не *Абоццисъ* ли это? Изъ древняго землеописанія одно только это имя остается въ нашемъ распоряженіи. Или не есть ли эта земля *Фатросъ*, которую Св. Писаніе полагаетъ на одной чертѣ съ Сіэною (Езек., ххxіи и слѣд.)?

Адде лежитъ выше Абу-Сумболя на одинъ часъ пути, имѣетъ на скалѣ древній замокъ, а въ горѣ изсѣченный небольшой и довольно грубой работы храмъ, гдѣ на египетскихъ барельефахъ начертаны изображенія Спасителя и св. Іоанна. Въ продолжающейся цѣпи горъ видно множество пирамидальныхъ возвышеній, можетъ быть изсѣченныхъ рукою человѣческою, если когда-нибудь существовало въ этомъ мѣстѣ цвѣтущее селеніе. Въ Фаррасѣ находится небольшой храмъ, не имѣющій ничего примѣчательнаго. Позади Уади Серра, гдѣ пропзрастаетъ довольно много пальмовыхъ и другихъ деревьевъ, мѣстоположеніе принимаетъ постепенно видъ суровый и обнаженный; оно приготовляетъ, кажется, къ совершенно новому положенію страны и предвѣщаетъ пороги и русло рѣки,

усѣянное возвышающимися скалами. Въ Уади или долинѣ Хальфа видны развалины небольшаго храма, а въ разстояніи одного часа пути начинаются другіе пороги Нила, которые видомъ не отличаются отъ пороговъ Сіэнскихъ. Вода съ шумомъ ударяется о гранитныя скалы, составляющія ея русло, образуя иногда уступы на два или на три фута вышиною. Шумъ этотъ не громче производимаго большою мельницею. Здѣсь граница страны, собственно называемой Нубіею. За порогами, въ долинѣ называемой Маршедъ, мѣстоположеніе, украшенное зеленью, дѣлается пріятнѣе; здѣсь находятся развалины греческой церкви и монастыря изъ несженаго кирпича. Отъ Уади Хальфы до мѣста, гдѣ лежитъ деревенька Москентино, устроена дорога, шириною въ нѣсколько сотъ шаговъ, которую жители называютъ «путемъ Фараона». Часахъ въ трехъ пути отъ Уади Эттипъ, при третьихъ порогахъ Нила, на островѣ, видны развалины замка, а нѣсколько выше остатки древней крѣпостцы и небольшой храмъ, не весьма красивый. Въ Амбиго находятся четвертые пороги Нила, а около Лямуле, или пятыхъ пороговъ, возвышается на островѣ построенная изъ кирпича башня. Въ трехъ часахъ пути отъ Уади Лямуле, на островѣ Окме, находятся развалины древнихъ строеній въ весьма живописномъ видѣ, а нѣсколько ниже, на островѣ Кольбе, разрушенная церковь. Отъ Кольбе начинается страна Суккотъ, въ которой лежатъ пороги Уади Даль, пятые по порядку; за ними, въ семи часахъ пути, продолжается долина Уади Амара, имѣющая довольно боль-

шой египетскій храмъ, вѣроятно Стадицисъ. Отселѣ начинается страна Саї, продолжающаяся на 12 часовъ пути. Послѣ сего слѣдуетъ Даръ-Махасъ, крайній предѣлъ моего путешествія въ полуденныя страны. На всемъ пространствѣ отъ Уади Хальфы, или вторыхъ пороговъ, до самой границы этой страны, то есть, на 60 почти миль и далѣе, даже до Коке, Нилъ имѣетъ быстрое теченіе, пересѣкается во многихъ мѣстахъ порогами, и заваленъ обломками гранита и скалъ, которые, образуя въ немъ различной величины острова, дѣлаютъ рѣку неспособною къ судоходству. Во многихъ мѣстахъ ширина Нила имѣетъ не болѣе 30 или 40 шаговъ; иногда онъ разливается и образуетъ большіе острова. Видъ береговъ его чрезвычайно дикій. Бѣдные и совершенно черные жители, незнающіе веселости и неимѣющіе гордаго взгляда обитателей Нубіи, скрываютъ свои хижины между скалами, и цѣлый годъ питаются малымъ количествомъ финиковъ и дурры. Любопытство странника встрѣчаетъ здѣсь лишь зрѣлище нищеты и недостатковъ всякаго рода.

С. Петербургъ.
5-го декабря 1821 г.

IV.

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗЪ ЕГИПТА

ЧЕРЕЗЪ АРХИПЕЛАГЪ.

10 іюля 1821 года долженствовала выступить изъ Александріи въ море эскадра, которую египетскій паша снаряжалъ для соединенія съ флотомъ великаго султана. Съ сею цѣлію купили въ долгъ 4 купеческія иллирійскія судна и вооружили ихъ 18-ти фунтовыми пушками, снятыми со стѣнъ Александріи. Равнымъ образомъ снарядили принадлежащіе пашѣ 3 большіе бригa, наименовавъ ихъ фрегатами, потому что вся морская его сила доселѣ занималась единственно перевозкою бобовъ и пшеницы въ европейскіе порты. Наконецъ наняли у варварійскихъ консуловъ и ревностныхъ мусульманъ 4 судна меньшаго разбора, называемыя галіотами, и такими-то средствами образовался этотъ ужасный флотъ, состоящій изъ 17 судовъ разной величины. Для удобнѣйшаго снаряженія эскадры, наложено было на всѣ стоявшіе въ гавани корабли амбарго, которое продолжалось сорокъ дней, и лишило всѣхъ, желавшихъ отплыть изъ Египта, способа избѣгнуть заразы, свирѣпствовавшей въ то время въ городѣ. Для составленія экипажа взяты въ службу, на защиту отечества, всѣ греческіе мореходцы, которыхъ однакожъ было всего не болѣе 80 человѣкъ. Осталь-

ную часть дополнили гребцами съ малыхъ лодокъ на Нилѣ, сапожниками, носильщиками, и Бедуинами, которые, любопытствуя посмотрѣть на море, пришли изъ отдаленныхъ песчаныхъ степей. Два дня продолжалось это насильственное вербованіе въ Александріи; улицы были совершенно пусты, и ни одинъ изъ рабочихъ людей не смѣлъ показаться. У Турокъ это средство обыкновенно употребляется для морскихъ вооруженій.

Уже эскадра была совсѣмъ готова къ выступленію въ море, когда въ диванѣ у паши начался весьма жаркій споръ о томъ, надобно ли имѣть сигнальные флаги на флотѣ, или можно обойтись безъ нихъ? Чаушъ-Оглу, родственникъ паши, назначенный начальникомъ Арнаутовъ, опредѣленныхъ въ эту экспедицію, былъ такого мнѣнія: «Кто первый изъ насъ достигнетъ гяуровъ, за «тѣмъ всѣ и послѣдуемъ.» Но совѣты Исмаилъ-Джибралтара, главнаго начальника эскадры и Франковъ, имѣющихъ вліяніе въ диванѣ, склонили пашу къ противному. Онъ велѣлъ набрать въ долгъ у купцовъ нѣсколько десятковъ кусковъ стамеду, для сдѣланія сигнальныхъ флаговъ. Это задержало еще на нѣсколько дней выступленіе флота; между тѣмъ взятые на суда изъ полевой службы артиллеристы пріучались стрѣлять изъ пушекъ на морѣ, т. е. въ гавани, гдѣ суда стояли на якоряхъ. Здѣсь опять случилось несчастіе, непредвидѣнное ихъ мудростью! Необыкновенной и несоотвѣтственной величины орудія, взваленныя на палубу одного судна, до такой степени разстроили его, что оно уже начало тонуть; и потому надле-

жало его разснастить и заняться починкою его. Но находившіеся въ опасности исламизмъ и отечество не могли долго дожидаться, и слѣдовало оставить судно въ гавани. Это приключеніе привело весь экипажъ экспедиціи въ ужасъ, какъ несчастное предзнаменованіе. Всѣ громко говорили, что не надѣются возвратиться въ Египетъ, а различные слухи объ успѣхахъ оружія гяуровъ еще болѣе утверждали въ умахъ это впечатлѣніе. Наконецъ, 17-го, іюля флотъ выступилъ изъ стараго порта, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, и до самаго вечера лавировалъ въ виду Александріи, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, направляя курсъ свой къ острову Кипру.

Капитанъ Исманъ-Джибралтаръ, адмиралъ экспедиціи, выбралъ для себя самый легкій и ходкій фрегатъ изъ принадлежащихъ пашѣ, называемый «La bella Africa». Я былъ знакомъ съ Исманомъ въ Каирѣ; онъ очень хорошо говоритъ по-италіянски, изрядно по-французски, любитъ удовольствія стола и гарема, и, что̀ весьма рѣдко въ Туркѣ, довольно веселъ въ обхожденіи. Въ юности своей онъ былъ капитаномъ купеческаго корабля, послѣ того купцомъ въ Ливорно, гдѣ научился съ большимъ успѣхомъ пить вино, потомъ провелъ довольно времени во Франціи, а наконецъ вступилъ въ службу паши, въ качествѣ переводчика, секретаря, министра, адмирала, а въ случаѣ нужды и курьера. Онъ былъ посланъ своимъ властелиномъ въ Швецію для покупки орудій и желѣза, и для предложенія Шведамъ въ замѣнъ за ихъ товары египетскихъ бобовъ. Исманъ построилъ

тамъ, или лучше сказать, для него тамъ построили прекрасный фрегатъ, названный «La bella Suezia», на которомъ онъ пробылъ нѣкоторое время въ Англіи и потомъ возвратился въ Египетъ.

Во время посольства своего въ Швецію, Исмаилъ имѣлъ порученіе сдѣлать тамъ уговоръ о сооруженіи флота для паши египетскаго; но подозрительная Порта воспрепятствовала сему намѣренію. Наконецъ Исмаилъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ вышесказанной экспедиціи, состоящей изъ 16-ти судовъ разной величины и 2,800 людей, вмѣстѣ съ матросами и 14-ю штурманами изъ Франковъ, нанятыхъ на этотъ случай по 15 піастровъ испанскихъ въ мѣсяцъ. Къ сему числу принадлежитъ множество служителей, кафеджи-башей и чубукчи-башей *, безъ которыхъ Турки никакъ обойтись не могутъ. На другой день по выступленіи эскадры, одно судно возвратилось въ портъ, не будучи въ состояніи слѣдовать за другими, по причинѣ тяжелаго хода; а на третій день еще одно судно пришло обратно, потерявъ гротъ-мачту по неловкости мореходцевъ. Такимъ образомъ экспедиція уменьшилась до 14 судовъ.

По выходѣ эскадры, еще нѣсколько дней портъ былъ запертъ для европейскихъ кораблей. Мехмедъ-Али-Паша, оказывавшій великое равнодушіе ко всѣмъ новостямъ при началѣ возстанія Гре-

---

* Кахведжи-баши значитъ начальникъ кофешенковъ, а чубукчи-баши начальникъ занимающихся чисткою чубуковъ и набиваніемъ трубокъ.

ковъ, послѣ прибытія татара* изъ Константинополя чрезъ Сирію и Эль-Аришъ, сдѣлался ревностнымъ защитникомъ стороны мусульманской. Даже личное оскорбленіе возбуждало его противъ инсургентовъ, ограбившихъ по близости Розетты нѣсколько собственныхъ его джермъ**, нагруженныхъ пшеницею. Передъ тѣмъ еще одинъ его фрегатъ, шедшій съ хлѣбомъ въ Константинополь, достался въ добычу греческимъ корсарамъ въ Архипелагѣ; равное оскорбленіе нанесъ пашѣ одинъ купеческій корабль, принадлежавшій русскому купцу въ Константинополѣ, который, пробывъ довольно времени въ портѣ, подъ вѣдомствомъ его коммиссіонера Тассику, жительствующаго въ Александріи, по окончаніи коммерческихъ дѣлъ, взялъ всѣ свои бумаги въ консульской канцеляріи, и едва вышелъ въ море, какъ выставилъ флагъ греческихъ патріотовъ, и въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ берега овладѣлъ большимъ трех-мачтовымъ судномъ, принадлежавшимъ греческому купцу въ Александріи, по имени Туспицу, который долженъ былъ пашѣ нѣсколько милліоновъ піастровъ, а слѣдовательно и взятое судно принадлежало также пашѣ, который претерпѣлъ чрезъ то значительную потерю и сильное огорченіе.

Не взирая на эти оскорбленія, чувствительныя

---

* Татаръ по-турецки значитъ «курьеръ», а не Татаринъ, какъ нѣкоторые думаютъ.

** Джермъ — родъ большаго судна на Нилѣ, поднимающаго отъ 1,500 до 2,000 ардебовъ; сто ардебовъ заключаютъ въ себѣ 105 четвертей одесской мѣры.

корыстолюбивому турецкому сердцу, не взирая на благопріятныя извѣстія изъ Константинополя, которыя, увѣдомляя пашу объ успѣхахъ мусульманскаго оружія въ Молдавіи и усмиреніи бунтовщиковъ, принуждали его показываться вѣрноподданнымъ Порты, паша оказалъ при семъ случаѣ безкорыстное великодушіе всѣмъ Грекамъ, живущимъ въ странахъ, имъ обладаемыхъ. Ни одного убійства, ни одной даже обиды не испытали христіане отъ его солдатъ. Праздникъ байрама прошелъ съ неслыханнымъ спокойствіемъ. Во все продолженіе его не слышно было ни одного пистолетнаго выстрѣла, любимой забавы Турокъ и столь обыкновенной при этомъ праздникѣ.

Неосновательныя извѣстія, ежедневно разсѣваемыя праздными людьми о сожженіи Стамбула, о возмущеніи въ этой столицѣ и о жестокостяхъ, употребляемыхъ Греками противъ Турокъ, раздражали умы воиновъ и народа. Подъ видомъ спокойствія собиралась буря, которая, бывъ дотолѣ удерживаема страхомъ правительства, готовилась излиться на главы христіанъ. Буйные Арнауты, побуждаемые корыстолюбіемъ и надеждою грабежа, составили заговоръ для истребленія всѣхъ христіанъ александрійскихъ въ первый день байрама; но бдительный паша успѣлъ открыть и заблаговременно уничтожить ихъ козни. Александрійскій мулла собралъ всѣхъ женъ и дѣтей арабскихъ матросовъ, взятыхъ въ плѣнъ Греками около Розетты, и ночью подвелъ ихъ подъ кіоскъ паши. По его наставленію, они подъ окнами паши подняли ужасный стонъ и плачъ, смѣшанный съ про-

клятіями и жалобами, требуя мужей и отцовъ своихъ, изрубленныхъ гяурами. Паша велѣлъ разогнать толпу, и на другой день отыскалъ виновниковъ бывшаго шума и разсмотрѣлъ справедливость ихъ жалобъ. Семействамъ, потерявшимъ отцевъ или родственниковъ, учинено вспомоществованіе, а муллѣ за его ревность объявлено, что онъ головою своею заплатитъ, если вздумаетъ продолжать свои серенады. Но на другой день послѣ выступленія эскадры въ море, извѣстіе, привезенное однимъ мальтійскимъ капитаномъ Маммою, возбудило негодованіе паши и гнѣвъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Капитанъ этотъ взялъ къ себѣ на корабль въ Канеѣ (на островѣ Кандіи) восьмерыхъ Турокъ, занимавшихся торговлею, которые для своихъ товаровъ и жизни искали, предъ собирающеюся бурею, безопаснаго убѣжища въ Египтѣ, не желая вовсе участвовать въ безпокойствахъ. Встрѣтившись съ кассіотскими корсарами, капитанъ, по ихъ желанію, выдалъ имъ спокойныхъ и безоружныхъ мусульманъ, которыхъ Греки тотчасъ повѣсили, а за перевозъ товаровъ, имъ принадлежащихъ, по требованію капитана, заплатили деньги. Съ сожалѣніемъ надобно сказать, что капитанъ имѣлъ столько безстыдства, что взялъ съ корсаровъ деньги, за которыя онъ предалъ на смерть невинныхъ людей, ввѣрившихъ себя его совѣсти и англійскому флагу. Паша жаловался на него вице-консулу восточно-англійской компаніи и главному консулу англійскаго правительства въ Каирѣ; но они отвѣчали, что ввѣренная имъ власть не простирается за предѣлы египетскихъ портовъ

и что они не могутъ судить преступленій, явственно не означенныхъ законами. Г. Сальтъ прибавилъ, что увѣдомитъ объ этомъ правленіе Мальты. Негодованіе мусульманъ возросло до высочайшей степени, и только отсутствіе солдатъ было причиною, что христіане не подверглись ужаснѣйшему мщенію.

Іюля 22-го дня отправился я изъ Александріи на австрійскомъ купеческомъ кораблѣ «l'Illirico». На третій день нашего плаванія увидѣли мы берега Кипра. Чрезвычайно сильный вѣтеръ заставилъ насъ искать убѣжища въ портѣ, и я едва въ третій разъ не попалъ на этотъ островъ, еслибъ въ недальнемъ разстояніи отъ береговъ, вѣтеръ, дувшій со стороны земли, не отдалилъ насъ. На другой день къ вечеру открылся взорамъ нашимъ мысъ Келидонія на берегахъ Караманіи. При этихъ берегахъ господствуетъ большею частію западный вѣтеръ и бываетъ довольно сильное морское стремленіе. 27-го числа утромъ, приблизившись къ берегу, мы перемѣнили парусы, и лавируя при западномъ вѣтрѣ, продолжали наше плаваніе вдоль береговъ. Къ вечеру усмотрѣли мы островъ Кастельроссо, бывшій нѣкогда портомъ Венеціанской Республики, который, по своей обширности и выгодному положенію, въ состояніи помѣстить въ себѣ флоты цѣлаго свѣта. За нѣсколько дней предъ симъ революціонное бѣшенство облило берега эти кровію невинныхъ. Этотъ островокъ, населенный одними Греками, вмѣщалъ въ себѣ небольшое число турецкихъ семействъ, занимающихся торговлею; ибо коренные

жители острова упражняются только въ рыбной ловлѣ и перевозятъ на малыхъ судахъ, называемыхъ саколевами, дрова изъ лѣсовъ караманскихъ въ Кипръ и Египетъ. Долгое время они были спокойными зрителями несчастій и успѣховъ своихъ соотечественниковъ въ Архипелагѣ и Морѣ, будучи слишкомъ слабыми, чтобы отважиться на какое-нибудь смѣлое предпріятіе. Составленный между отважнѣйшими островитянами заговоръ неожиданно вспыхнулъ въ одну ночь. Безоружные здѣшніе мусульмане пали подъ кинжалами возмутившихся гражданъ. Съ того времени знамя независимости начало развѣваться на развалинахъ готическаго замка, сооруженнаго нѣкогда Венеціянами. Въ портѣ находились тогда два купеческія мусульманскія судна, сдѣлавшіяся также добычею Грековъ. На одномъ изъ нихъ матросы были побиты безъ большаго сопротивленія; но экипажъ другаго судна, состоявшій изъ 30-ти человѣкъ, имѣвшихъ довольное количество оружія и снарядовъ, почти три-четверти часа мужественно защищался. Капитанъ, который во время сильной съ обѣихъ сторонъ перестрѣлки, по турецкому обыкновенію сидѣлъ въ углу корабля и курилъ трубку, усмотрѣвъ, что никакая храбрость не въ состояніи защитить ихъ отъ сильно нападающихъ христіанъ, весьма важно всталъ съ своего мѣста, и тихимъ шагомъ сошедши внизъ, спокойно поджегъ бочку съ порохомъ. Въ одно мгновеніе корабль взлетѣлъ на воздухъ, гавань покрылась обломками и щепами, которыя при паденіи своемъ убили нѣсколько

Грековъ, изъ числа атакующихъ на лодкахъ. 30 числа около полудня мы обошли мысъ Сетте-Каши, а послѣ полуночи гавань Родосскую. При самомъ выходѣ изъ Родосскаго пролива, вѣтеръ мгновенно утихъ, но сильное теченіе очевидно несло насъ назадъ, и такимъ образомъ на разсвѣтѣ мы снова очутились противъ Родосской гавани. Въ ней находилась эскадра паши египетскаго. Съ восхожденіемъ солнца, противъ сѣверной оконечности острова Родоса, въ широтѣ 36° 34′, встрѣтили мы флотъ «великаго султана», состоявшій изъ четырехъ 74-хъ пушечныхъ линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ отъ 40 до 44-хъ пушекъ; 8-ми мѣньшаго рода судовъ, какъ-то габарръ, бриговъ и галіотовъ, одного трехмачтоваго судна, называемаго въ Средиземномъ морѣ полакрою, и еще одного купеческаго невооруженнаго судна, которое, какъ мы послѣ узнали, былъ брандеръ, взятый у Грековъ при островѣ Самосѣ. Изъ этого числа одинъ линейный корабль, шедшій впереди всего флота, приблизившись къ носу нашего судна почти на пистолетный выстрѣлъ, сталъ поперегъ. Такой его оборотъ нѣсколько устрашилъ насъ: мы не могли понять, чего отъ насъ требуютъ, потому что ни одинъ человѣческій голосъ не отзывался съ корабля. Чтобы не наткнуться слишкомъ близко на него, мы опустили паруса, едва движимые слабымъ вѣтромъ; но въ то же время турецкій корабль поворотилъ на сторону и прошелъ мимо насъ. Какой-то Иллиріецъ, какъ мы могли догадываться изъ его произношенія на италіянскомъ языкѣ, спросилъ насъ, откуда мы

идемъ и съ чѣмъ?—Ему отвѣчали, что мы идемъ изъ Александріи въ Смирну, и что судно нагружено сарачинскимъ пшеномъ и кофе.—Buon viaggio! «Добрый путь!» закричало нѣсколько голосовъ на кораблѣ, и остальная часть флота прошла мимо насъ, не сдѣлавъ намъ никакого вопроса. Насъ крайне удивило, что всѣ суда имѣли спущенные на воду катера, которые привязаны были на кормѣ и наполнены гребцами. Мы не могли понять, что значила сія осторожность?... Тишина, господствовавшая на флотѣ, противъ обыкновенія Турокъ, доказывала, что они находятся не въ веселомъ расположеніи духа. Наконецъ весь флотъ направилъ путь къ Родосскому порту, и не входя туда, остановился на якоряхъ, внѣ залива. Ни одинъ выстрѣлъ, ни одно привѣтствіе не было слышно съ обѣихъ сторонъ, а соединеніе двухъ эскадръ совершилось съ глубочайшимъ молчаніемъ, хотя непріятель находился отъ нихъ въ двухъ стахъ морскихъ миляхъ. Мы потеряли цѣлый день на лавированіе, при весьма слабомъ вѣтрѣ, между островами Симіею и Лимоніею. Къ вечеру настала тишина; ночью поднялся крѣпкій вѣтеръ, принудившій насъ, по причинѣ сильнаго въ этомъ мѣстѣ морскаго теченія, бросить якорь въ гавани острова Филоса, иначе называемаго Пископи, что̀ мы и сдѣлали около восхожденія солнца, 1-го августа, въ ожиданіи перемѣны или уменьшенія вѣтра.

Невозможно описать ужаса, которымъ прибытіе наше поразило малочисленныхъ и бѣдныхъ жителей этого острова. Принимая насъ за Турокъ, они

думали, что наступила послѣдняя ихъ минута. Небольшая гавань острова, окруженная высокими скалами, довольно хорошо защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Спустя часъ послѣ нашего прибытія, мы примѣтили, что верхъ прибрежной горы покрылся людьми, которыхъ съ корабля трудно было различить. Какой-то невнятный шумъ поразилъ слухъ нашъ, и невозможно было знать, откуда онъ происходитъ. Вскорѣ нѣсколько Грековъ начали спускаться внизъ по разсѣлинамъ скалы. При помощи зрительной трубы, мы различили между ними нѣсколько вооруженныхъ людей, приближающихся подъ начальствомъ папы*. Когда они сошли внизъ и узнали, что мы не Турки, то дали сигналъ, и вскорѣ прочіе поселяне собрались на берегъ. Узнавъ причину ихъ безпокойства, капитанъ велѣлъ выставить австрійскій флагъ, что̀ совершенно успокоило встревоженныхъ жителей. Для бесѣдованія съ ними и для покупки свѣжихъ припасовъ и вина, мы сошли также на берегъ, гдѣ, подъ тѣнистымъ фиговымъ деревомъ, расположилась толпа Грековъ, подъ предсѣдательствомъ своего папы, и набивъ трубки начала дѣлать кейфъ.

Положеніе этихъ людей дѣйствительно заслуживало состраданія. Подобно несчастнымъ, спасшимся отъ кораблекрушенія, которые, всползши на дикую и необитаемую скалу, съ ужасомъ смотрятъ на яростныя волны, могущія вторично подвергнуть ихъ гибели, эти островитяне со стра-

---

* Папа — священникъ.

хомъ обращали взоры къ острову Родосу, куда турецкій флотъ направилъ путь свой. За два дня предъ симъ, видя приближеніе его со стороны Самоса, они были увѣрены, что этотъ день будетъ послѣднимъ въ ихъ несчастной жизни и днемъ разрушенія убогихъ ихъ жилищъ. Двѣ деревеньки, находящіяся на островѣ, въ продолженіи двухъ дней совершенно были пусты. Жители укрылись въ пещерахъ; матери разбросали дѣтей своихъ на острыхъ и неприступныхъ утесахъ, куда прежде ни одинъ изъ жителей не осмѣлился взобраться. Малое число скота угнали на пустой западный берегъ острова, отдѣленный отъ остальной части хребтомъ высокихъ утесистыхъ горъ. Находясь въ страхѣ и ожидая минуты своей погибели, жители острова опустошили его, не переселяясь въ другую мѣстность, и оставаясь на немъ, сдѣлали его необитаемымъ. Будучи довольно въ большомъ числѣ, островитяне не имѣли болѣе 22-хъ ружей и нѣсколькихъ пистолетовъ. Не взирая на недостатокъ пуль и пороха, отважнѣйшіе между ними, сильные своимъ отчаяніемъ, положили защищаться при входѣ въ деревню, и въ случаѣ нужды (къ счастію, того не случилось) погребстись подъ развалинами своихъ жилищъ. Слабый вѣтеръ удерживалъ турецкій флотъ на этихъ водахъ, и каждая минута, угрожая жителямъ острова вступленіемъ въ ихъ гавань кровожадныхъ притѣснителей ихъ племени, рождала въ нихъ безпокойство, мучительнѣйшее самой смерти. Поднявшійся вѣтеръ разсѣялъ висящую надъ ихъ главами бурю, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасную тре-

вогу и опасеніе о собственной жизни, цѣлости жилищъ, и судьбѣ несчастныхъ, по скаламъ разсѣянныхъ, дѣтей, которыхъ жестокій мусульманинъ долженствовалъ попрать ногами. Намѣреніе наше, купить у нихъ припасы, было тщетно; ибо островитяне эти не имѣли лишняго, и кажется, кромѣ жизни, ничего болѣе потерять не могли.

Взявъ ружье, я пошелъ съ моимъ служителемъ, намѣреваясь взобраться на скалы, и подъ видомъ охоты, узнать внутреннее состояніе острова. Природа здѣсь столь же мало доставляетъ пропитанія птицамъ, какъ и людямъ; даже воздушное пространство здѣсь необитаемо. Вмѣсто дичи, въ ущеліяхъ скалъ я нашелъ нѣсколько довольно большихъ змѣй, множество хамелеоновъ и боязливыхъ ящерицъ. Въ нѣсколько часовъ я обѣгалъ весь островъ. Съ высоты одной изъ горъ, на немъ находящихся, покрытой тучами, можно наслаждаться великолѣпнымъ видомъ Архипелага. Море представляется въ видѣ обширнаго голубаго пространства, на которомъ острова являются на-подобіе малыхъ темныхъ облаковъ, разсѣянныхъ по небесному своду. Въ дальнемъ разстояніи они кажутся покрытыми какимъ-то волшебнымъ прозрачнымъ туманомъ, который округляетъ острова; скрывая выдавшіяся ихъ оконечности, уравниваетъ горы съ глубокими пропастями, и представляетъ эти острова въ новомъ и неизвѣстномъ дотолѣ видѣ. Изумленное воображеніе съ трудомъ можетъ понять, что на этихъ темныхъ пятнахъ, на этихъ мелькающихъ облакахъ, могутъ обитать подобныя намъ существа, которыя

страдаютъ, любятъ, ненавидятъ, прельщаются обманчивымъ блескомъ надежды и волнуются страстями. Можетъ-быть тамъ находятся такіе даже люди, которые почитаютъ себя весьма важными въ природѣ, и думаютъ быть превыше всѣхъ существъ въ твореніи. Но гдѣ же все это? — Все это исчезаетъ въ огромности созданія. Гдѣ же величіе человѣка? — Взоръ, пораженный видомъ столь обширной части вселенной, иногда принимаетъ эти различныя и пространныя земли за точки, которыми Провидѣніе, сотворяя міръ, означило мѣста, гдѣ впослѣдствіи должны образоваться обширныя государства и многолюдные города. Иногда воображеніе, встревоженное зрѣлищемъ безобразныхъ громадъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ скалъ и ревущаго моря, мнитъ видѣть часъ разрушенія природы и грозныя развалины міра, усматривая кругомъ, на необозримомъ горизонтѣ, черные слѣды падшихъ царствъ и погибшихъ народовъ, имѣвшихъ нѣкогда свое величіе, своихъ героевъ, мудрецовъ и свою исторію. Суетность и тщета міра сего простирается на необъемлемомъ пространствѣ, предъ глазами растроганнаго путешественника, и онъ, встревоженный разными чувствованіями, спѣшитъ сойдти съ высоты, на которой высокомѣріе человѣка исчезаетъ въ сравненіи съ величіемъ и огромностью разсматриваемаго имъ предмета.

Малое пространство неблагодарной земли между скалами воздѣлано трудолюбіемъ островитянъ, ищущихъ съ неимовѣрнымъ трудомъ убогаго пропитанія. Вообще на семъ островѣ находится

весьма мало деревьевъ. Въ трехъ мѣстахъ, на морскомъ берегу, жители развели сады, въ которыхъ растетъ нѣсколько зелени. Тутъ же произрастаетъ большое количество фиговыхъ деревъ, отчасти одичалыхъ. На цѣломъ островѣ нашелъ я едва нѣсколько виноградныхъ лозъ, растущихъ въ низменныхъ мѣстахъ и производящихъ горькій и невкусный плодъ. Изрѣдка встрѣчается масличное дерево; чаще попадаются миндальныя и орѣховыя деревья, хотя, впрочемъ, не въ весьма большомъ числѣ, и плоды послѣдняго удовлетворяютъ только первымъ потребностямъ жизни убогихъ островитянъ. Вода довольно рѣдка на островѣ; кусокъ ячменнаго хлѣба и нѣсколько миндальныхъ или греческихъ орѣховъ составляютъ умѣренный обѣдъ бо̀льшей части жителей. Остальные припасы продаются въ Самосѣ, Родосѣ или Бедрунѣ (древнемъ Галикарнассѣ), и удовлетворяютъ издержки бѣдной ихъ торговли.

Уставши взбираться на острыя скалы и спускаться въ овраги, покрытый пылью и по̀томъ, я достигъ наконецъ до знатнѣйшей на цѣломъ островѣ деревни, то-есть, которая нѣсколько болѣе другихъ: она находится въ сѣверной сторонѣ. Селеніе это построено на вершинѣ горы; надлежитъ употребить четверть часа безпрестанной ходьбы, чтобы пройти разстояніе, отдѣляющее его отъ гавани. Селеніе видно съ моря, простирающагося между восточнымъ берегомъ острова и мысомъ Кріо, находящимся на берегу Малой Азіи. Вышеупомянутая деревня расположена амфитеатромъ на скатѣ горы, и издали кажется порядочнымъ го-

родомъ, или по-крайней-мѣрѣ мѣстечкомъ, по причинѣ бѣлаго цвѣта известковаго камня, изъ котораго построены домы и террасы, вымощенныя известью. По правой сторонѣ, на вершинѣ горы возвышаются развалины готическаго замка, построеннаго родосскими рыцарями, которымъ нѣкогда принадлежалъ островъ. Замокъ этотъ составляетъ его украшеніе. Но по приближеніи къ деревнѣ исчезаетъ прелестный видъ вмѣстѣ съ очарованіемъ. Домы построены изъ нетесаннаго камня; въ нихъ нашелъ я величайшую бѣдность. Церковь и жилище священника нѣсколько отличаются красотою и богатствомъ. Малое число греческихъ монаховъ или калоеровъ, изъ монастыря, лежащаго на островѣ Симіи, находятся въ несчастномъ состояніи въ отношеніи къ ихъ одеждѣ и познаніямъ. Примасы, или старшины острова, изъ которыхъ трое имѣютъ здѣсь свое пребываніе, а двое въ другой деревнѣ, и которыхъ жители величаютъ «превосходительными», ἐξυχότατος, одѣты лучше прочихъ, однакожъ не столь богато, какъ *папа*, жительствующій близъ церкви.

Жители каждаго почти острова въ Архипелагѣ отличаются особеннымъ родомъ одежды, ознаменованнымъ всегда какою-нибудь странностію; но объ одеждѣ жителей острова Пископіи, я ничего сказать не въ состояніи, потому что, какъ мужчины, такъ и женщины, мною видѣнные, покрыты были столь уже изношенными рубищами, что на нихъ не оставалось слѣдовъ ни покроя, ни цвѣта. Островитяне эти платятъ обыкновенную подать, или харачъ, капитанъ-пашѣ вмѣстѣ съ другими

островами Архипелага; сверхъ того, каждый изъ жителей обязанъ работать 15 дней въ году въ портѣ родосскомъ, при починкѣ судовъ оттоманскихъ и при строеніи новыхъ для бея родосскаго, которому подвластна и утесистая ихъ Пископія. Хотя послѣ жатвы едва прошло только сорокъ дней, но островитяне, по ихъ собственному признанію, не имѣли уже запаса хлѣба болѣе какъ на шесть недѣль. То же самое примѣтилъ я и на другихъ островахъ Архипелага, какъ то Станкіи, Наксіи, Леро, Каламино, Патмосѣ и проч.

Отдохнувъ нѣсколько, я направилъ путь къ берегу. Съ одного возвышенія представился мнѣ великолѣпный видъ береговъ Малой Азіи, объемлющій все пространство ихъ отъ Бедруна или Галикарнасса до острова Книда, съ островами Симіей, Родосомъ, Лимоніей, Харкіей и проч. Солнце уже склонялось къ западу и я, противъ моего желанія, долженъ былъ разстаться съ этими величественными видами, и обремененный различными мыслями, возвратился на корабль.

Лишь только возвратился я на корабль, какъ стража, поставленная жителями на вершинѣ одной горы, поспѣшно насъ увѣдомила, что въ части моря, лежащей между островомъ и твердою землею Малой Азіи, появились греческіе корабли. Невозможно описать радости, возникшей между островитянами при семъ извѣстіи. Рожденные и возмужавшіе въ нѣдрахъ отчаянія, питаясь горькимъ хлѣбомъ рабства, Греки не смѣли даже надѣяться освобожденія, и въ отравленной злополучіями жизни только искали жестокихъ непріятностей, страда-

нія, наподобіе преступника, отягченнаго ужасными цѣпями, измученнаго бѣдствіями и всегда имѣющаго передъ глазами образъ постыдной смерти, который, лежа на жесткомъ полу темницы, болѣзненно поворачивается въ разныя стороны, прінскивая для себя такое положеніе, въ которомъ тяжкія цѣпи и открытыя язвы менѣе бы причиняли ему боли. Жители острова нетерпѣливо ожидали прибытія освободителей. Съ равнымъ любопытствомъ и мы желали видѣть Грековъ, сражающихся за независимость ихъ отечества, и я пылалъ нетерпѣніемъ узрѣть въ греческой странѣ Грековъ, свободныхъ хотя на одинъ часъ, чего не имѣли счастія видѣть бывшіе здѣсь прежде меня путешественники. Наконецъ, около пяти часовъ по полудни, начали показываться инсургентскія суда изъ-за мыса, закрывавшаго намъ сію часть моря. Сильный вѣтеръ гналъ ихъ съ чрезвычайною быстротою, хотя только одни *габіе* (средніе паруса) были подняты. Вскорѣ открылись передъ нами двадцать бриговъ и начали лавировать передъ пристанью. Искусство мореходцевъ и легкость судовъ привели насъ въ немалое удивленіе. Одинъ бригъ приблизился къ гавани съ развѣвающимся флагомъ, убралъ паруса, и капитанъ судна сошелъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей въ катеръ, чтобъ насъ посѣтить. При вступленіи ихъ на корабль, признаюсь, какое-то чувство удивленія и новости сильно меня поразило, и я едва вѣрилъ глазамъ своимъ. — Какъ? неужели это тѣ самые Греки, которыхъ я видѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уничиженными и изгибающимися предъ вы-

сокомѣрнымъ мусульманиномъ? Тѣ ли это люди, которые съ подобострастіемъ и раболѣпствомъ останавливались предъ незначущимъ янычаромъ, ожидая, пока онъ мимо пройдетъ? Видъ людей, въ одеждѣ оттоманской, страннаго покроя *, означающей прежній ихъ стыдъ и рабство, говорящихъ теперь громогласно о своей независимости, видъ освобожденныхъ отъ цѣпей рамень, благородно посвященныхъ на освобожденіе отечества и пріобрѣтеніе славы,—зрѣлище сіе было для меня такъ ново въ нынѣшнихъ Ромейцахъ, что я съ величайшимъ вниманіемъ наблюдалъ всѣ ихъ движенія и слова, желая изслѣдовать, какое вліяніе имѣетъ на нихъ сей новый порядокъ вещей.

Но чтобы безпристрастно судить о ихъ характерѣ, надлежало всегда имѣть въ виду два обстоятельства, хотя временныя, но нераздѣльныя съ новымъ и вовсе неизвѣстнымъ для нихъ существованіемъ, то-есть, что всѣ ихъ дѣянія должны быть ознаменованы сильнѣйшимъ воспаленіемъ умовъ, и что Греки въ началѣ своего освобожденія должны быть похожи болѣе на взбунтовавшихся рабовъ, нежели на людей свободныхъ.

Капитанъ инсургентовъ, узнавъ отъ насъ, откуда мы плывемъ и чѣмъ нагруженъ корабль, желалъ видѣть наши бумаги и свидѣтельство о грузѣ (police de charge). Для прочтенія бумагъ, одинъ изъ товарищей капитана сѣлъ на палубу,

---

* Къ этой статьѣ приложенъ, въ «Сѣверномъ Архивѣ», раскрашенный рисунокъ новогреческаго морскаго капитана и флаги греческаго флота. *Изд.*

согнувшись по восточному обычаю. Между-тѣмъ пріѣзжали къ намъ начальники другихъ судовъ, лавирующихъ предъ портомъ, и въ скоромъ времени корабль нашъ былъ окруженъ множествомъ лодокъ, а палуба наша наполнилась начальниками инсургентовъ. Находясь въ столь многочисленномъ и отличномъ собраніи, надлежало, по правиламъ турецкаго этикета, набить трубки и начать «дѣлать кейфъ», что̀ и не было упущено. Началася живой разговоръ, изъ котораго ничего нельзя было узнать, потому что каждый занимался болѣе неумѣренною бранью противъ Турокъ, а одни и тѣ же произшествія всякій разсказывалъ совершенно противнымъ образомъ. Одни говорили, что вооруженныхъ инсургентскихъ кораблей числомъ болѣе 600; другіе сказывали, что оныхъ только 400, иные же число сіе уменьшали до 150. Всѣ однако жъ единодушно соглашались въ томъ, что Ипсиланти овладѣлъ Адріанополемъ, и путемъ побѣдъ приближается уже къ Константинополю, хотя его уже не было въ предѣлахъ оттоманскихъ. Врожденное въ греческомъ народѣ хвастовство и пламенное ихъ воображеніе имѣли теперь обширное для себя поприще. Множество выдуманныхъ героевъ и блистательныхъ побѣдъ, сравниваемыхъ съ Платеею, Марѳономъ и Термопилами, были описываемы съ величайшею живостію и подробностію, а что̀ всего удивительнѣе, казалось, что всѣ они чистосердечно вѣрили симъ славнымъ сновидѣніямъ. Одинъ изъ нихъ, хорошо знающій по-италіянски, потому что онъ, какъ мнѣ сказывалъ, провелъ свою молодость въ Ливорнѣ, начавъ

со мною отдѣльный разговоръ, съ горестію открылъ мнѣ плачевное ихъ состояніе. Жалобы его болѣе всего относились къ неповиновенію мореходцевъ, которые, не понимая настоящаго значенія свободы, не хотѣли слушаться своихъ капитановъ. Все у нихъ рѣшалось большинствомъ голосовъ; экипажъ всякаго судна раздѣлялся на партію капитана и на оппозиціонную, и такимъ образомъ всякій корабль составлялъ особенную плавающую республику.

Почти всѣ богатыя греческія фамиліи, которыя благороднымъ употребленіемъ своихъ сокровищъ могли бы вспомоществовать сражающимся за отечество, вмѣсто того, оставили оное и переселились на Іоническіе Острова, въ Венецію, Тріестъ и приморскіе города Италіи. Энтузіазмъ вездѣ оживлялъ сердца, но несогласіе и корыстолюбіе иногда прерывали лучшія предпріятія. Начальники судовъ хотѣли ударить на турецкій флотъ при мысѣ Колонѣ и, жертвуя нѣсколькими лодками, среди дыму и замѣшательства, сжечь корабли своихъ притѣснителей; но сіе геройское намѣреніе нашло противниковъ между несогласными мореходцами, которые съ бо̀льшею безопасностію хотѣли пускать брандеры издали. Еще прежде сего, когда имъ при Митиленѣ удалось сжечь одинъ линейный корабль, бо̀льшая часть капитановъ, въ восторгѣ и радости, положили немедленно атаковать многочисленный непріятельскій флотъ, встревоженный тѣмъ происшествіемъ; но нѣкоторые изъ начальниковъ, люди богатые и хозяева судовъ, страшась потерять оныя въ сраженіи, вос-

противились почти общему желанію и позволили оттоманской эскадрѣ безвредно возвратиться въ Дарданеллы. Послѣ сего, въ общемъ морскомъ собраніи, благонамѣренные и ревностные капитаны вынудили издать опредѣленіе, вслѣдствіе котораго, удаливъ отъ начальства богатыхъ людей, поручили принадлежащія имъ суда въ управленіе мореходцевъ, извѣстныхъ опытностію и мужествомъ. Вообще Греки, преслѣдующіе флотъ великаго султана, пребывали въ совершенномъ невѣдѣніи о состояніи собственныхъ своихъ дѣлъ, обременяли насъ вопросами о новостяхъ европейскихъ, и не взирая на свой энтузіазмъ, чувствовали трудность того предпріятія, которое они покусились привести въ дѣйствіе. За нѣсколько дней передъ симъ получили они извѣстіе, что два ихъ корабля, отправленные въ Мальту для покупки у Англичанъ орудій и снарядовъ, исполнивъ счастливо свое порученіе, прибыли съ богатымъ грузомъ на островъ Гидру, и что тамъ поспѣшно занимались приведеніемъ крѣпости въ оборонительное состояніе. «Что же дѣлать? Мы или Турки непремѣнно должны погибнуть!» Сими словами всегда оканчивался разговоръ.

Между-тѣмъ корабельный писарь инсургентовъ, разсматривавшій въ сторонѣ наши паспорты, свидѣтельство о грузѣ и свидѣтельство о здоровьѣ, вычиталъ наконецъ, что мы не Турки, и что насъ свободно можно пропустить въ Смирну. Въ сію самую минуту одинъ александрійскій Еврей, находившійся на нашемъ кораблѣ, вылѣзъ преважно изъ дверей корридора, гдѣ онъ проспалъ спокойно

все время. Видъ его обратилъ на себя вниманіе ромейскихъ капитановъ, желавшихъ немедленно знать, кто онъ таковъ, и что̀ при себѣ имѣетъ?— Капитанъ нашъ отвѣчалъ, что онъ египетскій купецъ, путешествующій на его кораблѣ, и ѣдетъ въ Смирну. «Мы его должны взять съ собою», возразили нѣсколько инсургентовъ. — Зачѣмъ? — Impirare al albero di mezzano! (чтобы повѣсить на грот-мачтѣ!), отвѣчалъ капитанъ, прибывшій первый на нашъ корабль. — «За что̀ же, по крайней мѣрѣ?»—«За то, что онъ Жидъ, сказалъ онъ, а мы имѣемъ приказаніе отъ нашего предводителя, брать вездѣ Турокъ, Жидовъ и Армянъ.»—Нашъ капитанъ объявилъ имъ весьма спокойно, но съ твердостію, что онъ никакимъ образомъ не можетъ его выдать и не выдастъ; что всякое лицо, находящееся подъ защитою европейскаго флага, священно и неприкосновенно, и наконецъ, что сіе право служитъ въ пользу обѣихъ сторонъ; ибо имѣя на кораблѣ двухъ греческихъ пассажировъ, онъ бы ихъ ни за что̀ не выдалъ Туркамъ, если бы они того потребовали при встрѣчѣ съ ихъ флотомъ у острова Родоса. Но никакія представленія не могли сдѣлать впечатлѣнія на умы Гидріотовъ. Они непремѣнно хотѣли имѣть Жида, а вмѣстѣ съ нимъ и его собственность, основываясь всегда на приказаніи своего главнаго начальника. Наконецъ нашъ капитанъ принужденнымъ нашелся сказать имъ, что онъ вовсе не обязанъ слушаться ихъ главнаго начальника, объясняя притомъ, что ихъ приказаніе совершенно противно морскимъ правамъ, потому что, требуя повино-

венія отъ купеческихъ чужеземныхъ судовъ, надобно имѣть флагъ, признанный европейскими державами, и что такими поступками, на которые не дерзаетъ ни одинъ военный европейскій корабль противъ нейтральнаго флага, они вредятъ собственному своему дѣлу, прельщаясь корыстолюбивыми видами. Употребляя насиліе противъ чужестранной державы, они уподобятся пиратамъ или морскимъ разбойникамъ, желая мстить человѣку невинному и жителю страны, въ которой во всемъ государствѣ преслѣдуемые Греки находятъ дѣятельное покровительство. — «Star innocente, ma lu ga amazzo lo Christo» (правда, онъ невиненъ, но онъ умертвилъ Христа), отвѣчалъ хладнокровно капитанъ инсургентовъ. — «Это не доказательство, возразилъ нашъ честный хозяинъ судна: я не отдамъ его добровольно, потому что, кромѣ законовъ, моя собственная честь запрещаетъ мнѣ на сіе согласиться, и если вамъ угодно насильнымъ образомъ взять его, то стрѣляйте въ меня.» Рѣшительность капитана нѣсколько усмирила ихъ гнѣвъ и опрометчивость. Началось совѣщаніе, продолжавшееся нѣсколько времени на арнаутскомъ языкѣ. Слѣдствіемъ было дарованіе жизни устрашенному Жиду, который, во все время этихъ столь важныхъ для него переговоровъ, заливался горькими слезами. Напослѣдокъ мы простились съ нашими гостями, и бѣдный Жидъ, который, послѣ сладкаго сна, столь неожиданно привѣтствуемъ былъ висѣлицею, едва понималъ, что̀ съ нимъ дѣлалось и гдѣ онъ находится. Въ замѣшательствѣ своемъ, простиравшемся до выс-

шей степени, онъ даже забылъ сказать въ свое оправданіе, что онъ вовсе не оттоманскій подданный или *рая*, но принадлежалъ его католическому величеству, не былъ жителемъ Египта и ѣхалъ въ Смирну съ паспортомъ, выданнымъ ему испанскимъ консуломъ. Обо всѣхъ сихъ обстоятельствахъ даже и нашъ капитанъ не имѣлъ никакого свѣдѣнія.

Уже начинало смеркаться, вѣтеръ усиливался и наконецъ мракъ ночи скрылъ отъ насъ зрѣлище сего авангарда ромейскаго флота. Впечатлѣніе, оставленное онымъ, подало поводъ къ размышленію о величіи предпріятія Грековъ и несоразмѣрныхъ съ нимъ средствахъ. Надлежало сожалѣть, что сей благородный энтузіазмъ, сіе мужество и искусство блуждаютъ по морю на малыхъ ладьяхъ, которыхъ недостаточно было двадцати или тридцати для удачнаго нападенія на одинъ линейный корабль. Лучше прочихъ вооруженныя суда не вмѣщали въ себѣ болѣе 16 мелкихъ орудій. Все ихъ преимущество заключалось въ ходкости ихъ судовъ и врожденной въ Грекахъ ко всему ловкости, а все счастіе состояло въ томъ, что они имѣли дѣло съ Турками.

Одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ, служащее поводомъ къ сравненію характера нынѣшнихъ Ромейцевъ съ древними Греками Одиссеи, есть безпредѣльная и по истинѣ восточная страсть къ прибытку. Если бы заключеніе мое не оскорбляло драгоцѣнныхъ пѣсней Гомера, то я осмѣлился бы назвать мудраго Улисса настоящимъ его именемъ. Корыстолюбіе и скупость сего древняго

героя могутъ быть выражены одними янычарами, безстыдно домогающимися при всякомъ случаѣ *бакшиша*, или подарка*. Страсть сія, предосудительная въ своемъ началѣ, была одною изъ побудительнѣйшихъ причинъ величія древнихъ Грековъ. Прельщенные приманкою корысти, они стремились въ отдаленнѣйшія страны съ промыслами своими и искусствами; страсть сія, перемѣнившаяся въ послѣдствіи въ благоустроенный и благородный духъ торговли, умножала ихъ поселенія, укрѣпляла вліяніе и доставляла новые предметы для прозорливой ихъ промышленности. Съ симъ вмѣстѣ врожденныя въ нихъ легкомысліе и склонность къ великолѣпію, подкрѣпляемыя высокомѣріемъ богатства, послужили поводомъ къ украшенію городовъ и къ сооруженію великолѣпныхъ зданій, донынѣ насъ удивляющихъ. Сія же самая страсть была основаніемъ могущества Англіи, и безпрестанныя усилія нынѣшнихъ Грековъ къ пріобрѣтенію выгодъ торговли, порицаемыя Европейцами, нынѣ сдѣлались невинною причиною благороднаго соревнованія, сокрушить ярмо рабства и возвратить независимость Греціи. Двадцать лѣтъ тому назадъ Греки не имѣли другихъ судовъ, кро-

* Путешествовавшіе на Востокѣ твердо помнятъ значеніе слова *бакшишъ* и неотвязность простаго народа, требующаго подарка или бакшиша за самую бездѣльную прислугу, даже за сдѣланный отвѣтъ, а весьма часто безъ всякой причины. Выходя изъ дому богатаго Турка, у котораго путешественникъ былъ въ гостяхъ, онъ бываетъ окруженъ толпою слугъ, безотвязно требующихъ награжденія за поданную трубку и кофе; его преслѣдуютъ иногда безстыдно черезъ нѣсколько улицъ.

мѣ малыхъ саколевовъ, способствовавшихъ имъ къ производству перевозной торговли на границахъ Оттоманской Имперіи. Купеческіе флоты Французовъ, Испанцевъ, Италіянцевъ, адріатическихъ Славянъ и Англичанъ покрывали Средиземное Море, и вся торговля окрестныхъ странъ находилась въ рукахъ сихъ народовъ. Но послѣдствія послѣднихъ войнъ между Англіею и Франціею, извѣстная континентальная система и всеобщая блокада полуденныхъ береговъ Европы, препятствуя свободной торговлѣ и мореплаванію, подали удобное время и случай для Грековъ къ развитію ихъ промышлености. Тайный подвозъ хлѣба и другихъ произведеній обѣщалъ въ то время чрезвычайныя выгоды и, такъ сказать, манилъ златымъ руномъ предпріимчивыхъ аргонавтовъ. Правда, что англійскія пушки могли быть опаснѣе плавающихъ въ древности вмѣстѣ съ морскими волнами Кіанейскихъ скалъ, и англійскія морскія права безъ сомнѣнія были страшнѣе Бебриковъ. Но предъ надеждою богатыхъ выгодъ исчезали всѣ опасности и даже страхъ быть повѣшеннымъ на мачтѣ. Легкія и испытанныя въ быстротѣ суда острововъ Гидры и Спеціи занялись въ то время сею опасною торговлею. Отважные и искусные Греки посреди англійскаго флота перевозили съѣстные припасы на италіянскіе и испанскіе берега. Греческія суда всегда имѣли многочисленный экипажъ, составленный изъ знающихъ мореходцевъ, чтобы въ случаѣ надобности защищаться противъ военныхъ судовъ, крейсирующихъ при берегахъ, въ блокадѣ находящихся. Въ Среди-

земномъ Морѣ памятны два славныя произшествія, послѣ которыхъ даже ненавидящіе Грековъ европейскіе мореходцы отдаютъ справедливость ихъ мужеству и искусству. Однажды малое греческое судно, встрѣтившееся съ англійскимъ 30-ти-пушечнымъ фрегатомъ, съ большимъ искусствомъ выдержавъ сильный огонь въ продолженіе получаса, принудило атакующихъ опустить паруса съ поврежденіемъ корабля и значительною потереею въ людяхъ. Въ другой разъ, несчастнымъ, но славнымъ для греческаго мужества образомъ, гидріотская полакра сражалась 40 минутъ съ сильнымъ англійскимъ фрегатомъ при берегахъ Испаніи и, истребивъ множество людей, уже готовилась сцѣпиться для абордажа; но потерявъ двѣ мачты и руль, и будучи во всѣхъ частяхъ разбита, почти безъ экипажа, принуждена была уступить превосходной силѣ и сдаться, положась на великодушіе побѣдителей, которые отвезли малое число оставшихся Грековъ въ Гибралтаръ и разстрѣляли ихъ тамъ безъ пощады. Сія ужасная торговля производилась нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ, доставивъ Гидрѣ, Спеціи, Ипсарѣ и другимъ островамъ Архипелага чрезмѣрныя сокровища. Часть оныхъ употреблена была немедленно для удовольствованія греческаго высокомѣрія, заставившаго обогатившихся жителей Гидры воздвигнуть великолѣпные домы и чертоги на сихъ скалахъ и умножить число народныхъ кораблей. Суда ихъ, построенныя по большей части въ портахъ Адріатическаго и Чернаго Моря, до такой степени размножились, что Греки нынѣ имѣютъ преимущество въ числѣ

купеческихъ судовъ предъ всѣми державами въ Средиземномъ морѣ, и съ сими судами начали они дѣйствовать противъ своихъ притѣснителей. Читатели сѣверной Европы, привыкшіе почитать Англичанъ непобѣдимыми на морѣ, можетъ-быть удивятся, услышавъ, что въ Средиземномъ морѣ Греки почитаются искуснѣйшими мореплавателями и обладаютъ самыми лучшими и ходкими судами.

На другой день по утру прибыло въ портъ трехъ-мачтовое судно (полакра), вооруженное 14-ю пушками. На немъ находился какой-нибудь важный начальникъ, какъ можно было догадываться по флагу, выставленному на концѣ мачты. Въ самомъ дѣлѣ, на немъ находился одинъ изъ контръ-адмираловъ гидріотскихъ, по имени Кондуріоти. Вскорѣ прибыли еще два судна, бригъ спеціотскій, которому сильный вѣтеръ въ ночи разорвалъ паруса, и другое невооруженное судно съ флагомъ Кастель-Россо. Сіе послѣднее причинило намъ много безпокойства. Оно имѣло только три малыя пушки на палубѣ, но экипажъ его состоялъ почти изъ 50 человѣкъ. Безпрестанные крики раздавались между ними, и почти чрезъ каждый часъ нѣсколько человѣкъ подъѣзжало къ намъ на лодкѣ, дѣлая намъ вопросы: что̀ слышно новаго? или, не имѣемъ ли мы продажныхъ пороху или ружей? и проч. Между сими людьми находился одинъ Грекъ съ острова Занте, называвшій себя Англичаниномъ. Судно не имѣло груза; откуда и куда идетъ, было имъ самимъ извѣстно; они говорили, что не желаютъ принадлежать къ инсургентамъ, а флагъ инсургентовъ развѣвался

на ихъ кораблѣ. Однимъ словомъ, невозможно было походить болѣе на морскихъ разбойниковъ. Капитанъ нашъ велѣлъ зарядить картечью пушки, которыхъ мы имѣли восемь, и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ оборонѣ, на случай если бы ночью господа сіи захотѣли повторить свои вопросы: что̀ слышно? и нѣтъ ли у насъ продажнаго пороху и ружей? Однажды большой катеръ съ 18-ю вооруженными людьми приблизился къ самому кораблю, а Англичанинъ изъ Занта требовалъ, чтобы спустить имъ лѣстницу, и объявилъ, что они желаютъ взойти на палубу для переговоровъ. Капитанъ отвѣчалъ, что мы соблюдаемъ на нашемъ кораблѣ строгій карантинъ, и потому никого принять къ себѣ не можемъ, что если они хотятъ говорить съ нами, то могутъ въ отдаленіи вести переговоры. Очевидно, что только присутствіе въ портѣ контръ-адмирала инсургентовъ удерживало ихъ отъ насильственныхъ поступковъ. Благоразуміе повелѣвало познакомиться съ Кондуріоти, который, на берегу, подъ тѣнистымъ фиговымъ деревомъ, дѣлалъ кейфъ.

Уже солнце приблизилось къ западу, когда мы сошли на берегъ, гдѣ Кондуріоти бесѣдовалъ съ жителями. Сей начальникъ инсургентовъ, имѣющій лѣтъ сорокъ пять или нѣсколько болѣе отъ роду, не взирая на его вѣжливость, оказывалъ въ своихъ поступкахъ много степенности и важности. Говоря съ нимъ весьма долго о различныхъ предметахъ, мы удостовѣрились, что онъ не былъ одаренъ высокимъ геніемъ. Рѣчь его была самая простая, понятія о вещахъ бо̀льшею ча-

стію ошибочныя и преувеличенныя, а къ сему послѣднему надлежитъ причислить мнѣніе о самомъ себѣ. Это было время, въ которое успѣхъ греческаго оружія и безпокойство Турокъ ослѣпляло инсургентовъ до такой степени, что они уже почитали себя властителями Турецкой Имперіи. Кондуріоти вѣрилъ чистосердечно, что Константинополь скоро будетъ въ ихъ рукахъ, и увѣрялъ насъ, что одного Грека достаточно противъ десяти Турокъ. Столь мужественная самонадѣянность можетъ сдѣлать героемъ простаго воина, но изъ полководца едва ли можетъ произвесть надежнаго генерала. Познакомившись съ однимъ изъ восьми греческихъ контръ-адмираловъ и желая счастливаго успѣха предпріятію Ромеевъ, мы душевно желали, чтобъ прочіе товарищи Кондуріоти имѣли болѣе дарованій и познаній, необходимыхъ для полководца. Но за то Кондуріоти былъ искреннѣе прочихъ своихъ единозенцевъ и не умножалъ квадратно силъ ромейскихъ, потому что, по его мнѣнію, и самаго малочисленнаго ихъ войска слишкомъ было достаточно для истребленія племени притѣснителей Греціи. Отъ него-то мы узнали нѣсколько пообстоятельнѣе о томъ, что Греки имѣютъ въ Архипелагѣ около 300 разной величины судовъ, изъ коихъ 180 вооружены и приготовлены къ военнымъ дѣйствіямъ. Сто-пять лучшихъ кораблей назначены были для преслѣдованія султанскаго флота и, какъ мы въ послѣдствіи увѣрились, число сіе не было увеличено. Семдесятъ изъ нихъ имѣли флагъ Спеціи, Гидры и Коссо, а тридцать пять принадлежали острову Ипсарѣ. Остальная

часть вооруженныхъ судовъ употреблена была къ блокадѣ береговъ Кандіи, Мореи и города Салоники, со стороны моря.

Какъ мы до-сихъ-поръ видѣли только спеціотскія и гидріотскія суда, то весьма кстати сдѣланъ былъ нами вопросъ: гдѣ находятся ипсаріотскіе корабли, которые Кондуріоти причислялъ къ эскадрѣ, преслѣдующей турецкій флотъ?—«Ничего не знаю объ нихъ, отвѣчалъ наморщившись контръ-адмиралъ, они должны быть въ Ипсарѣ». Насъ удивляло его равнодушіе въ разсужденіи третьей части всего вооруженія Греціи, и одинъ греческій капитанъ (находившійся прежде въ службѣ египетскаго паши, а теперь возвращающійся на островъ Патмосъ на нашемъ кораблѣ) толковалъ намъ сей отвѣтъ, какъ доказательство отличныхъ познаній контръ-адмирала, желающаго покрыть непроницаемою тайною обороты ромейскаго флота. Но, чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, мы увѣрились, что Кондуріоти былъ гораздо откровеннѣе въ своихъ отвѣтахъ, чѣмъ намъ тогда казалось, и что онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не зналъ объ Ипсаріотахъ, потому что два союзные флота поссорились между собою въ морѣ, за конфискованный на одномъ хіотскомъ суднѣ кофе, которымъ они не могли дружески подѣлиться. Эскадра Спеціи и Гидры, будучи многочисленнѣе и почитающая себя старшею, присвоила себѣ сіе любимое на Востокѣ произведеніе, а обиженные Ипсаріоты, слѣдуя безъ сомнѣнія примѣру предка своего Ахиллеса, отдѣлились отъ союзниковъ и остались на родимой сторонѣ, предоставляя несчастному жребію сихъ новыхъ Агамемноновъ,

которые, какъ другую Бризеиду, несправедливо отняли у нихъ слишкомъ двѣсти зембиловъ кофе! Почитателямъ Гомера, можетъ быть, понравится сіе довольно удачное подражаніе богатырскимъ дѣяніямъ «Иліады», въ мѣстахъ столь близкихъ отъ классическихъ береговъ Трояды. Но вспомнивъ, что Блистательная Порта имѣетъ по-крайней-мѣрѣ во сто кратъ болѣе защитниковъ, нежели прекрасная Елена, надобно сожалѣть искренно объ излишней вспыльчивости Грековъ и склонности ихъ къ раздорамъ, которые не угасли въ семъ народѣ отъ самыхъ древнихъ временъ.

Слѣдующую ночь мы провели весьма безпокойно по причинѣ сосѣдства нашего съ подозрительнымъ нейтральнымъ кораблемъ съ острова Кастель-Россо. Экипажъ сего судна безпрестанно имѣлъ какія-то надобности на берегу, и люди, съѣзжая въ большомъ числѣ на островъ, нарочно сворачивали съ дороги, чтобы проѣзжать мимо насъ. Августа 4-го вѣтеръ нѣсколько успокоился, а за симъ, сначала безпокойные наши сосѣди, послѣ сего Кондуріоти, а наконецъ и мы вступили подъ паруса. Сѣверный вѣтеръ принуждалъ насъ долгое время лавировать между мысомъ Кріо и островами Пископи и Низеро. Къ вечеру, приблизившись къ сему послѣднему, мы внезапно очутились посреди всего греческаго флота, собирающагося въ сіе мѣсто по назначенію начальниковъ, которые на маломъ утесистомъ острову Гали, зажгли для сигнала огромные огни. Любопытство ромейскихъ капитановъ, прибывающихъ къ намъ съ распросами о турецкомъ флотѣ и о новостяхъ изъ Константинополя,

удержало насъ между ними до самой ночи. Бо̀льшая часть ихъ судовъ не имѣла болѣе 8 или 10-ти пушекъ. Въ числѣ семидесяти-восьми мы насчитали 32 трехъ-мачтовыхъ *полакры,* изъ коихъ самая бо̀льшая имѣла 14 орудій. Одинъ только бригъ главнаго начальника вооруженъ былъ 32 пушками; на немъ находился патріархъ, пребывающій обыкновенно на островѣ Патмосѣ и носящій титулъ патріарха александрійскаго. При семъ флотѣ находилось также 10 брандеровъ, главное оружіе морской силы Ромейцевъ. Признаюсь, что при видѣ сихъ слабыхъ ладій и желая душевно успѣховъ благородному предпріятію Грековъ, мы не довѣряли ихъ силамъ и съ трепетомъ помышляли о будущемъ. Военный совѣтъ, составленный изъ морскихъ чиновниковъ и капитановъ кораблей, положилъ выбрать двѣнадцать судовъ, т. е. по четыре съ каждаго острова, Гидры, Спеціи, Ипсары и Коссо, и посадить на сіи суда самыхъ отчаянныхъ охотниковъ, которые долженствовали обречь себя на жертву, силою продраться въ родійскую гавань и сжечь турецкій флотъ. Капитанамъ, которые бы возвратились съ честію изъ сего пожара, опредѣлены въ награжденіе контръ-адмиральскіе эполеты и по 500 испанскихъ піастровъ, а семействамъ погибшихъ въ семъ рѣшительномъ дѣлѣ, правленіе обѣщало вѣчное содержаніе. Всѣ приготовленія къ сему отважному и славному предпріятію уже были готовы, и ожидали только двухъ примасовъ съ острововъ Гидры и Спеціи (за которыми нарочно посылали два корабля), чтобы сіи чиновники своимъ согласіемъ утвердили столь важ-

ное постановленіе. Но Турки не дожидались въ родійскомъ портѣ исполненія сего намѣренія инсургентовъ и соединившись съ эскадрою египетскаго паши, вступили подъ паруса, направляя путь къ Морећ.

Въ слѣдующій день сѣверный вѣтеръ безпрестанно усиливался и начиналъ дуть сильными и внезапными порывами, что̀ и принудило насъ искать убѣжища въ ничтожныхъ и опасныхъ гаваняхъ острововъ Каламино и Лросъ, обитаемыхъ малымъ числомъ столь же бѣдныхъ и обнаженныхъ жителей, какъ и питающая ихъ природа. Мы не могли ничего достать у нихъ, даже за большія деньги. Всѣ ихъ припасы забрали инсургенты. Отчаяніе и жалобы сихъ островитянъ трогали сердце. Лишенные имущества своими единоземцами, страшась ежечасно неумолимаго мщенія Турокъ и угрожаемые неминуемымъ голодомъ, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продолжится три или четыре мѣсяца, они горестно взирали на настоящее и съ ужасомъ на будущее *.....

6 августа, сильный вѣтеръ, быстрое теченіе и усѣянное множествомъ мелкихъ скалъ море, между твердою землею Малой Азіи и цѣпью острововъ отъ Родоса до Никаріи, принудили насъ выйти изъ сихъ проливовъ въ болѣе открытое море, между Назіею и Леросомъ. На высотѣ сѣверной оконечности сего послѣдняго острова увидѣли мы 35

---

* Въ семъ мѣстѣ и въ другихъ точки поставлены самимъ сочинителемъ, для означенія пропусковъ. — *Примѣчаніе издателя «Сѣвернаго Архива».*

судовъ, плывущихъ на всѣхъ парусахъ къ югу. На судахъ развѣвались бѣлые флаги съ изображеніемъ якоря, креста, луны и дротика, вышитыхъ краснымъ цвѣтомъ. Вскорѣ прибыло къ намъ на палубу нѣсколько начальниковъ кораблей, и тогда мы узнали, что это разгнѣванные инсаріотскіе мирмидоны, которые наконецъ забыли свою обиду, происшедшую отъ раздѣла кофе, и вознамѣрились идти съ прочими защищать рождающееся отечество. Эскадра сія шла къ острову Станпаліи, думая, что весь ромейскій флотъ тамъ находится; но прибывшіе къ намъ капитаны, узнавъ отъ насъ, что ихъ корабли собираются между островами Низеро и Гами, немедленно увѣдомили о семъ своихъ начальниковъ, и вскорѣ вся эскадра обратилась къ юго-востоку. Главнымъ начальникомъ сей эскадры былъ нѣкто Николаосъ Апостолосъ, богатый купецъ и владѣлецъ многихъ кораблей, котораго Инсаріоты почитали большимъ пріятелемъ паши египетскаго. Мы примѣтили въ Инсаріотахъ большое ожесточеніе и ненависть къ Гидріотамъ, и одинъ изъ нихъ назвалъ сихъ послѣднихъ недобрыми людьми (κακοι ἄνδροποι). Во время нашего разговора съ начальниками судовъ, прибывшій вмѣстѣ съ ними какой-то италіянскій матросъ разсказалъ нашимъ людямъ, что назадъ тому два дня на всѣхъ судахъ произошло возмущеніе. Матросы, не получая долгое время жалованья, отказались повиноваться своимъ капитанамъ, и окруживъ ихъ, кричали: «дайте намъ *пецци* * или мы пойдемъ по

* Pezzi duri, или просто pezzi, суть испанскіе піастры,

промысламъ». Наконецъ деньгами и обѣщаніями успокоили эту бурю, и положили немедленно соединиться съ остальнымъ флотомъ, дѣйствующимъ противъ Турокъ. Въ сей эскадрѣ мы насчитали только восемь трехъ-мачтовыхъ полакровъ, изъ коихъ ни одна не имѣла болѣе 12 орудій.

Островъ Ипсара, одинъ изъ самыхъ малыхъ острововъ Архипелага, но нѣсколько больше Спеціи, лежитъ въ 12 морскихъ миляхъ отъ сѣверо-западной оконечности острова Хіо и упоминается въ «Одиссеѣ» подъ названіемъ Псаріи. Почва земли на семъ островѣ, какъ и на всѣхъ другихъ островахъ Архипелага, каменистая; народонаселеніе простирается до 5,000 жителей, занимающихся мореплаваніемъ. Ипсара принадлежитъ къ числу тѣхъ острововъ, на коихъ промышленость и торговля произвели значительную морскую силу. Весьма примѣчательно, что острова, отличающіеся самымъ большимъ числомъ кораблей, какъ-то Спеція и Гидра (лежащіе у восточныхъ береговъ Морей), Коссо (у восточной оконечности Кандіи) и вышеупоминаемая Ипсара считаются между самыми малыми, незначущими и безплодными островами въ цѣломъ Архипелагѣ.....

Августа 8-го, предъ солнечнымъ восходомъ, прибыли мы къ славному острову Патмосу, о которомъ говорятъ почти всѣ путешественники. Гавань

называемые по-французски piastres fortes или talaris à colonnes. На русскія деньги одинъ піастръ равенъ 5 рублямъ 10 копейкамъ (ассигнаціями).

здѣсь небольшая, но хорошо закрытая, удобная для якорныхъ стоянокъ, и столь же глубокая, что даже большія суда могутъ приставать къ самому берегу. Гора возвышается полукружіемъ, а на вершинѣ оной построено весьма порядочное селеніе, знаменитое обширнымъ и богатымъ монастыремъ, коего церковь вмѣщаетъ въ себѣ ту пещеру, въ которой святой Іоаннъ писалъ Апокалипсисъ. Многіе изъ владѣтелей острова Родоса обогатили сей монастырь своими щедротами, а монахи имѣютъ книгу, въ которую всѣ путешественники, посѣщающіе сей памятникъ первыхъ временъ христіанской религіи, вписываютъ свои имена. Жители, которыхъ считается до 3,000, занимаютъ званіе матросовъ и высшія морскія должности на корабляхъ турецкихъ и ромейскихъ, и въ семъ намѣреніи отправляются въ такомъ множествѣ въ Константинополь, Салоники и Смирну, что почти однѣ только женщины и дѣти остаются на островѣ. Нарядъ патмосскихъ женщинъ отличается отъ прочихъ особеннаго рода стеганою шапкою, въ видѣ высокаго цилиндра, срѣзаннаго вверху косвенно. Шапка сія перевязывается въ срединѣ кускомъ петинету или кисеи, и образуетъ огромный сзади узелъ, котораго концы висятъ по плечамъ до самой земли. Въ это время число жителей острова крайне увеличилось уходящими со всѣхъ сторонъ греческими семействами, которыя въ здѣшнемъ монастырѣ искали убѣжища, въ надеждѣ на святость мѣста и малость острова. Болѣе тысячи лицъ, по большей части женщинъ и дѣтей, здѣсь скрылось отъ ужаснаго убійства, произведеннаго

въ Смирнѣ неистовыми турецкими солдатами, при чемъ около 600 Грековъ лишились жизни. Множество богатыхъ фамилій изъ Хіо, Митилены и Самоса думали найти здѣсь убѣжище, и четыре судна, наполненныя сими несчастными изгнанниками, перевезли ихъ отсюда на Черниго и другіе Іоническіе Острова. Тѣснота отъ сихъ пришельцевъ была столь большая, что цѣлыя семейства кочевали подъ открытымъ небомъ и, по приказанію старшины острова, монахи приняли въ свое убѣжище нѣсколько десятковъ семействъ, скитавшихся безъ крова.

На островѣ Патмосѣ увидѣли мы новозаводимое народное правленіе и испытали всѣ непріятности, обыкновенно случающіяся при подобныхъ обстоятельствахъ. Греки, привыкшіе раболѣпно повиноваться и не умѣющіе еще повелѣвать, побуждаемые недовѣрчивостію къ Европейцамъ, и сами были въ большомъ замѣшательствѣ и другимъ причиняли безпокойства. Хотя, вникая въ настоящій порядокъ вещей, вовсе не надлежитъ принимать сего съ дурной стороны, однако жъ, для удовлетворенія любопытства читателей, я опишу нашъ пріемъ на островѣ, чтобы они видѣли, какимъ непріятностямъ подвергаются путешественники въ странѣ, гдѣ всѣ гражданскія установленія едва возрождаются изъ праха и гдѣ чиновники начинаютъ учиться своей должности. Безъ сомнѣнія, что послѣ надлежащаго образованія новой Греціи, жители ея сами будутъ смѣяться первымъ своимъ опытамъ, а между-тѣмъ я сообщу наше приключеніе.

Едва узнали на берегу, что мы плывемъ изъ Александріи, жители весьма тому обрадовались и громко начали поговаривать о конфискованіи груза. Греческій капитанъ, прибывшій съ нами, немедленно сошелъ на берегъ, гдѣ семейство и друзья приняли его съ распростертыми объятіями, и повели его на гору въ селеніе. Но когда мы сошли на островъ, какой-то Ромеосъ, съ длиннымъ коломъ въ рукахъ выступилъ къ намъ на встрѣчу и, помахивая онымъ, кричалъ намъ изо всей силы: «non venir vicino!» (не приближайтесь!), и отдѣлилъ насъ симъ коломъ отъ толпы жителей. Мы не знали, чему приписать такой его поступокъ, и отступили назадъ, увидѣвъ, какъ онъ началъ расталкивать жителей. Наконецъ, опершись важно на свой колъ, онъ сказалъ намъ горделиво: «Прошу васъ не сообщаться съ жителями и не подходить такъ смѣло: это не Турція; здѣсь соблюдается карантинъ.»* Признаюсь, что мы все это сначала приняли за шутку и начали смѣяться отъ добраго сердца, что̀ весьма разсердило господина карантиннаго инспектора. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ передъ нами, и наконецъ грозно потребовалъ паспортовъ и грузоваго акта (police de charge). Нашъ капитанъ рѣшительно отвѣчалъ, что ему не дастъ своихъ бумагъ, но что покажетъ оныя начальникамъ острова. Вскорѣ приблизились къ намъ два человѣка, изъ коихъ одинъ назвалъ

* Я записалъ въ своей дорожной книжкѣ оригинальныя выраженія сего карантиннаго инспектора: «Non tocar la gente, non venir così. Questo non star Turchia; star quarantena qui.»

294434
Пед. ин-т им. А.И. Герцена

себя архонтомъ, а другой начальникомъ гавани (capitan di porto). Сей послѣдній, какъ мы послѣ узнали, родомъ съ острова Занте, былъ капитаномъ малаго судна, стоящаго въ гавани на якорѣ, и только на сей случай принялъ званіе начальника порта, для поддержанія достоинства новаго правленія.

Мы жаловались архонту на невѣжливое обхожденіе карантиннаго инспектора, изъяснивъ притомъ, что намъ непонятна сія осторожность съ нами, когда греческаго капитана, вмѣстѣ съ нами прибывшаго, немедленно впустили, обняли и повели въ селеніе. «Такіе у насъ законы,» сказалъ важно архонтъ, и потребовалъ бумагъ отъ капитана. Нашъ капитанъ представилъ оныя, а карантинный инспекторъ принялъ весьма осторожно двумя щепками и положилъ на камнѣ; потомъ, сгребши на землѣ сухаго сору, зажегъ оный и началъ обкуривать наши бумаги по правиламъ патмосскаго карантина. Огонь вспыхнулъ внезапно, и едва не сжегъ бумагъ нашихъ, если бы архонтъ не успѣлъ выхватить ихъ изъ пламени, побранивъ порядочно инспектора. Наконецъ архонтъ взялъ къ себѣ бумаги и объявилъ намъ, что какъ скоро онѣ будутъ разсмотрѣны, тогда намъ позволено будетъ войти въ селеніе, и покупать что̀ намъ угодно.

Когда мы, того же дня, прибыли на островъ, то кажется забыли уже о карантинѣ, и самъ инспекторъ онаго, за бездѣлицу, взялся провожать меня по цѣлому селенію и пошелъ со мною на охоту. Видъ съ нѣкоторыхъ возвышенностей острова

прелестенъ, и даетъ понятіе о цѣломъ Архипелагѣ. Хлѣбопашества весьма мало, фиговыхъ деревъ множество, и виноградные сады прекрасно воздѣланы. Въ сѣверной части острова я нашелъ множество куропатокъ. Большая часть земли принадлежитъ монастырю, который и на другихъ островахъ имѣетъ свою собственность и почитается однимъ изъ богатѣйшихъ въ цѣломъ Архипелагѣ. Дорога, ведущая въ селеніе, весьма порядочно вымощена.

Подъ вечеръ, чиновники новаго правленія, монахи и прочіе жители острова, приходящіе «дѣлать кейфъ» въ гавань, явно говорили, что насъ невозможно пропустить въ Смирну, потому что мы плывемъ къ тиранамъ и варварамъ (τυράννοι, βάρβαροι), называя обыкновенно симъ именемъ Турокъ. На другой день былъ праздникъ на островѣ, и чиновники, проводившіе въ веселіи часть дня, къ вечеру собрались совѣтоваться о нашей участи. Но какъ никто изъ присутствующихъ не умѣлъ читать по-италіянски, то, вмѣсто секретаря, употребили сына вышеупомянутаго зантійскаго капитана, весьма расторопнаго мальчика, который насъ увѣдомлялъ обо всемъ происходящемъ. Бо̀льшая часть чиновниковъ предлагала, что надлежитъ конфисковать нашъ грузъ; но одинъ изъ нихъ настоялъ на томъ, что Дмитрій Ипсиланти позволилъ Европейцамъ плавать по Архипелагу. Совѣтъ кончился, не опредѣливъ ничего рѣшительнаго; ибо большая часть чиновниковъ непремѣнно требовала конфискованія, а нѣкоторые противились сему мнѣнію. Всю ночь, при свѣтѣ луны, толпы Гре-

ковъ расхаживали по берегу, разсуждая о нашей участи и о богатствѣ добычи. На другой день капитанъ нашъ потребовалъ своихъ бумагъ, но чиновники отвѣчали, что оныя еще не прочитаны. Собранный послѣ обѣда совѣтъ былъ еще разногласнѣе, пока наконецъ призванный зантійскій капитанъ объявилъ, что они весьма неблагоразумно поступаютъ, подвергая опасности чужую собственность въ своемъ портѣ, не имѣя притомъ ни малѣйшаго права на европейскія суда, и что они должны опасаться, чтобы съ ними не было такъ же поступлено, какъ не авно съ жителями острова Тиносъ, которые нанесли обиду французскому флагу, вслѣдствіе чего высланный изъ Смирны королевскій фрегатъ намѣревался наказать примѣрно весь городъ, и принудилъ жителей заплатить обиженному капитану за всѣ издержки и притязанія. Не взирая на столь убѣдительныя доказательства, долго спорили съ зантійскимъ капитаномъ, однако жъ примѣръ острова Тиносъ нѣсколько подѣйствовалъ на нихъ, и они уже не столь грозно начали съ нами обходиться.

10 числа, по утру, капитанъ снова послалъ требовать своихъ бумагъ, увѣдомляя притомъ, что вѣтеръ перемѣняется и потому онъ намѣренъ сняться съ якоря. Архонты отвѣчали, что бумаги еще не всѣ прочитаны и что вскорѣ соберутся окончить сіе дѣло. Около 10 часовъ утра, чиновники снова собрались при магазинѣ въ гавани, сѣли въ кружокъ и, наложивъ трубки, начали разсуждать. Около полудня мы послали еще разъ потребовать бумагъ и опять получили въ отвѣтъ,

что ихъ читаютъ. Тогда нашъ капитанъ велѣлъ поднять якорь. Нѣсколько посланныхъ отъ совѣта приблизились къ намъ на лодкѣ, говоря, что правительство (il governo) повелѣваетъ ему подождать. Разгнѣванный капитанъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ихъ правительства и, имѣя фирманъ отъ Порты на свободное плаваніе въ Архипелагѣ, ни у кого болѣе не намѣренъ спрашивать позволенія. Посланные къ намъ Греки, не приведенные нимало въ замѣшательство отвѣтами капитана, предложили вопросъ: не имѣетъ ли онъ чего-нибудь на кораблѣ, что̀ не вписано въ грузовой актъ? — на что̀ нашъ капитанъ отвѣчалъ весьма вспыльчиво, и съ тѣмъ отправилъ посланныхъ. Въ нѣсколько минутъ они снова явились, говоря, что «правительство» непремѣнно требуетъ извѣстія о томъ, что̀ не вписано въ грузовой актъ, и прибудетъ насильственно освидѣтельствовать корабль. На столь грозный вопросъ капитанъ сказалъ, что онъ имѣетъ еще восемь орудій, заряженныхъ картечью. Мы уже поднимали паруса, когда они снова приблизились къ намъ на лодкѣ съ увѣдомленіемъ, что правительство намѣрено возвратить бумаги, если капитанъ заплатитъ 10 долларовъ за прочтеніе оныхъ и одинъ за окурку карантинному начальнику. Капитанъ отвѣчалъ, что не имѣетъ нужды въ сихъ бумагахъ и позволяетъ имъ забавляться чтеніемъ ихъ, сколько имъ угодно; но по пріѣздѣ въ Смирну подастъ объявленіе консулу, который не замедлитъ послать военный фрегатъ, для обратнаго полученія его паспортовъ и надлежащаго удовлетворенія за обиду,

оказанную австрійскому флагу. Тогда посланные отдали намъ бумаги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пахетъ писемъ, прося отвезти оныя въ Смирну, на что̀ безъ труда нашъ капитанъ и согласился. Онъ одинъ только сердился за потерю времени; мы же, посмѣявшись надъ симъ приключеніемъ, пожелали Грекамъ скорѣйшаго учрежденія настоящаго правленія и благополучнаго окончанія ихъ многотруднаго подвига.....

1821.

ВОСПОМИНАНІЯ

О НУБІИ И СИРІИ.

ЭБСАМБУЛЪ.

НУБІЙСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

ПРІѢЗДЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Величайшее мое несчастіе то, что я учился географіи. Три пріятнѣйшіе года жизни, посвященные путешествіямъ, три года юной неопытности и юнаго любопытства, — я потерялъ ихъ, ничѣмъ не насладившись, ничего не узнавъ, по милости одной географіи, науки годной только для провинціяловъ, которая высасываетъ изъ предбудущаго все удовольствіе. Что̀ пользы для сердца, для воображенія, для опытности, когда вы напередъ знаете, куда ѣдете и что̀ увидите? Путешествія сдѣлались нынче повѣркою, не источникомъ познаній: столько же удовольствія служить по контроли, что странствовать по землямъ, которыхъ опись напечатана въ каждой географіи. О, зачѣмъ не родился я въ среднихъ вѣкахъ! Только тогда люди путе-

шествовали съ истинною пользою и пріятностью. Добрый Ибнъ-Батута, какъ я завидую твоему невѣжеству, которое столько узнало, блуждая безконечно по шумному и мрачному міру твоего вѣка! Честное твое любопытство всегда и вездѣ находило себѣ вкусную и обильную пищу, потому что географія не проѣзжала прежде тебя твоими путями и не пожирала всего новаго, неизвѣстнаго, до твоего прибытія. Ты ѣздилъ открывать «чудеса вселенной»; мы странствуемъ для того, чтобы во вселенной для насъ не было ничего чуднаго. Ты изучалъ вещи; мы только сравниваемъ съ ними гравюры. Нормандскій баронъ ограбилъ тебя въ Италіи на большой дорогѣ, когда удивлялся ты развалинамъ замка, построеннаго духами; ты сказалъ «Аллахъ великъ!» — отправился въ Россію искать другихъ чудесъ, и встрѣтилъ на проселочной дорогѣ цѣлый милліонъ Монголовъ, посланныхъ наслѣдникомъ Чингисхана покорять землю до послѣднихъ ея предѣловъ. Между-тѣмъ какъ ты будешь удивляться Монголамъ, сбирающимся посадить тебя на колъ для потѣхи, они вручатъ тебѣ прелестную принцессу, и назначатъ тебя посломъ въ Константинополь, къ кесарю, который сидитъ на золотомъ престолѣ. Ты будешь удивляться отъ чистаго сердца и византійскому *василевсу!* Счастливый путешественникъ, ты могъ еще удивляться этому! Вчера нищій богомолъ, сегодня ты представитель грознѣйшаго владыки твоего времени, а завтра язычники построятъ для тебя костеръ на островѣ Цейланѣ, о которомъ ты никогда и не слыхивалъ. Но ты и не

подумаешь объ опасности, отъ удивленія, что на свѣтѣ есть островъ Цейланъ! Если тебя здѣсь не сжарятъ, если ты унесешь кости свои на родину, сколько разскажешь ты Аравитянамъ дивнаго о чудесахъ вселенной! А мы, — что̀ намъ разсказывать нашимъ современникамъ? Они все видѣли на картинкахъ. Вмѣсто монгольской рати, вмѣсто народовъ съ собачьими головами, народовъ объ одной ногѣ и одной рукѣ, вертящихся колесомъ, народовъ съ хвостомъ, съ однимъ глазомъ, мы встрѣчаемъ на пути только угрюмыхъ таможенныхъ приставовъ, которые съ казеннымъ любопытствомъ осматриваютъ обломки древнихъ развалинъ, находящіеся въ чемоданѣ путника, — единственный плодъ дальнихъ его странствованій, — и конфискуютъ, по силѣ тарифа, каменную ногу Изиды, какъ произведеніе иностранной промышлености. Еслибъ по-крайней-мѣрѣ, отправившись на пароходѣ или въ дилижансѣ, я могъ, подобно Марку Поло, открыть Китай, чтобъ потомъ написать въ своей книгѣ — «Знаете ли, друзья мои, что на свѣтѣ, въ числѣ прочихъ диковинокъ и небывальщинъ, о которыхъ вы и понятія не имѣете, есть огромное государство, обведенное вокругъ высокою стѣною и съ золоченными городами, называемое Китаемъ, — дивное, неизвѣстное государство, куда попалъ я случайно, и гдѣ меня сдѣлали мандариномъ, правителемъ обширной и богатой области!».... Вотъ былъ настоящій вѣкъ путешествій! Что̀ наши нынѣшнія поѣздки за границу!

Нынче, желая разсказать что-нибудь любопытное о чужихъ странахъ, надобно искать въ нихъ

такого предмета, который не имѣетъ внѣшней формы: иначе, еще до окончанія повѣсти, представятъ вамъ его картинку, которая сдѣлаетъ разсказъ вашъ излишнимъ. О картинки, картинки, вы скоро истребите даже романъ! Слава Богу, что я видѣлъ на землѣ одно такое произведеніе руки человѣческой, котораго нельзя представить на рисункѣ. Разскажу вамъ объ Эбсамбулѣ: его никто не нарисуетъ.

Эбсамбулъ, какъ уже, по-несчастію, вамъ извѣстно, лежитъ въ Нубіи. Но что̀ такое Нубія? Нубія — страна тропическая, съ раскаленнымъ воздухомъ, съ раскаленною землею, удушливая, черная, бѣдная, по которой расхаживаетъ взадъ и впередъ усатый конюхъ египетскаго паши, съ огромною палкою въ рукѣ, и говоритъ путешественникамъ, что онъ управляетъ Нубіею. Она вся засыпана пескомъ и исчерчена надписями. Она вся наполнена великолѣпными храмами и ничтожными хижинами. Тамъ люди ходятъ нагіе, и иногда только закрываютъ тѣло свое платьемъ, изъ тщеславія. Тамъ, человѣкъ изъ своей лачужки и левъ изъ своей пустыни приходятъ вмѣстѣ утолять жажду въ одной и той же рѣкѣ, которая составляетъ общее ихъ достояніе. Нилъ тамъ безъ величія, земля безъ зелени, воздухъ почти безъ птицъ, человѣкъ даже безъ тѣни: солнце въ полдень отнимаетъ у него и это послѣднее богатство. Этотъ несчастный край держится обѣими руками за свой великодушный Нилъ; онъ сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ, какъ бы страшась, чтобы рѣка не ушла отъ него въ пустыню; это двѣ уз-

кія ленты земли, извивающіяся вмѣстѣ съ рѣкою на пространствѣ трехъ-сотъ верстъ, и отдѣлившія себя отъ пустынь двумя цѣпями низкихъ каменныхъ горъ, срѣзанныхъ ровно и болѣе похожихъ на два вала, нежели на горы. Вы никогда не теряете изъ виду этихъ печальныхъ стражей, которыхъ природа поставила здѣсь нарочно, съ тѣмъ, чтобъ они грудью своей защищали бѣдную полосу земли, подаренную человѣку, отъ разрушительнаго песка сосѣднихъ пустынь. Ничто такъ не убѣждаетъ зрителя въ томъ, что на поверхности нашего шара нѣтъ ничего случайнаго, что все на ней разсчитано и предусмотрѣно высшею мудростью, что всякій холмъ, всякое углубленіе соотвѣтствуютъ какой-нибудь сокровенной цѣли, какъ видъ Египта, Нубіи, Донголы, Сеннаара и прочихъ земель, расположенныхъ по берегамъ Нила, царя рѣкъ вселенной. Та же рука, которая съ вершины Лунныхъ Горъ бросила его въ исполинскую пустыню, лишенную всякой жизни; которая съ такимъ дивнымъ механизмомъ устроила повременныя его наводненія, начинающіяся въ опредѣленный день и оканчивающіяся всегда къ сроку; которая на этомъ, столь правильномъ движеніи изумительной массы воды основала плодородіе его береговъ,—очевидно та же самая рука подняла съ обѣихъ сторонъ рѣки каменный черепъ материка, чтобъ на цѣломъ ея протяженіи, отъ экватора до Средиземнаго Моря, заслонить свои благія предназначенія въ пользу органической жизни отъ опасныхъ дѣятелей смежной мертвой природы. Пусть геологія говоритъ, что угодно,—я никогда не по-

вѣрю, чтобы самъ Нилъ могъ образовать эти двѣ безпрерывныя цѣпи ровныхъ возвышеній, сопутствующія руслу его на пространствѣ четырехъ-тысячъ верстъ: они въ разныхъ мѣстахъ пускаютъ въ обѣ пустыни изъ внѣшнихъ своихъ отлогостей вѣтви и отрасли, которыхъ Нилъ ужъ никакъ не могъ построить. Если вы скажете, что въ глубокой древности явственно было здѣсь море,— чего я отнюдь не оспариваю, — и что оно приготовило эти горы для Нила, то ужъ должно согласиться, что древнія моря обладали пророческимъ даромъ! Но не тутъ конецъ сложности этой непостижимой машины нильской полосы: кромѣ камня и воды, еще облака входятъ въ ея составъ и образуютъ вмѣстѣ съ ними одно стройное цѣлое. Не смотря на періодическія наводненія, жизнь органическая не могла бы процвѣтать на этихъ берегахъ отъ страшнаго дѣйствія солнца, которое въ нѣсколько ясныхъ дней все сожигаетъ. Что̀ жъ придумала природа для охраненія въ тѣхъ странахъ послѣдней и любимѣйшей своей дочери? Едва настанетъ знойное время года, съ вершинъ Абиссинскихъ Горъ порываются облака, и съ ранняго утра до вечера текутъ безпрерывною цѣпью надъ цѣлою нильскою долиною; чистое повсюду тропическое небо обременено здѣсь сѣрымъ и мокрымъ плащемъ, который ломаетъ и отталкиваетъ его огненные лучи, — и, замѣтьте, никогда эти облака не скопятся въ тучу, никогда капля воды не капнетъ изъ нихъ на почву, которую Нилъ взялся оплодотворять и оплодотворяетъ достаточно; никогда буря не вылетитъ изъ нихъ на нѣжное и

робкое ея прозябеніе: они разразятся дождемъ не ближе какъ въ Дельтѣ, гдѣ наводненія уже не объемлютъ всего пространства земли, или прольютъ воды свои въ Средиземное Море. Что̀ можетъ быть удивительнѣе этого огромнаго физическаго зданія, въ которомъ вода, горы, облака и вѣтеръ, въ каждомъ другомъ мѣстѣ планеты предоставленные произволу случая и какъ бы управляющіеся одною прихотью, съ такимъ непзъяснимымъ согласіемъ, съ такой правильностью и точностью помогаютъ другъ другу поддерживать, заслонять, лелѣять небольшой обломокъ органической жизни, брошенный неосторожно въ ужаснѣйшую страну самаго негостепріимнаго материка? И за всѣмъ тѣмъ, изъ ста путешественниковъ, пьющихъ нильскую воду, сдва ли одинъ замѣчаетъ это искусное и великолѣпное соединеніе огромныхъ силъ физическихъ для произведенія нѣсколькихъ горстей финиковъ, риса и пшеницы, которыми питается послѣдній результатъ органической жизни, человѣкъ, съ подвластными ему тварями. Я назову нильскую долину — паровою машиною природы.

Такова въ особенности Нубія. Съ этой стороны она поражаетъ меня всего болѣе: остальное въ ней я охотно предоставляю на паству географамъ и антикваріямъ. Это земля нищихъ безъ рубища — угрюмая земля, — длинная и узкая тюрьма, гдѣ томится жизнь, нѣкогда сильная, прозорливая и блистательная, нынѣ тощая и пзсохшая, узница, осужденная погибнуть въ своемъ заключеніи за невѣжество и кровожадность начальствую-

щаго надъ ней человѣка. Покоренія и бунты, набѣги и изувѣрство, истребили впродолженіи вѣковъ три четверти древняго народонаселенія, а песокъ пустыни, перелетѣвъ во многихъ мѣстахъ черезъ осунувшіяся горы, которыхъ рука человѣческая уже не задѣлываетъ искуственными стѣнами, покрылъ плодородные берега огромными бѣлыми пятнами безжизненности. Три, четыре десятка пальмъ, — далѣе пять, шесть земляпокъ, сѣрыхъ, низенькихъ, слѣпленныхъ въ видѣ сундука или стоящей вверхъ дномъ бочки,— потомъ большая поляна песку и при рѣкѣ кусокъ воздѣланной земли, покрытый зеленою дуррою, сахарнымъ тростникомъ или ячменемъ, — за ячменемъ опять песокъ,—за пескомъ кустъ колокинты,—тутъ цѣпь горъ примкнула плотно къ Нилу и скоро удалилась отъ него на версту или на двѣ,—а тамъ снова песокъ, пальмовая рощица, маленькое поле зелени и десятокъ сундуковъ и бочекъ, въ которыхъ живутъ люди: таковъ общій видъ Нубіи, по обѣимъ сторонамъ рѣки, на пространствѣ трехъ сотъ верстъ, — длинный двойной рядъ нищетъ природныхъ и искуственныхъ, перемежающихся съ единообразною пестротою. Господствующій цвѣтъ — грязно-желтый. Отъ мѣста, гдѣ одна изъ цѣпей горъ уперлась въ берегъ рѣки и опять посторонилась длинною дугою, до другаго подобнаго мѣста, простирается уѣздъ, или то, что въ томъ краю называютъ долинами, *вади*. По этимъ углубленіямъ разбросаны пашни, деревья и купы хижинъ Берберовъ, отъ первыхъ пороговъ Нила, гдѣ кончается Египетъ, до самой Вади-Халфы.

Большихъ деревень очень мало, и самая большая изъ нихъ, Дерръ, называется столицею «богохранимаго нубійскаго королевства». Въ цѣлой Нубіи говорятъ съ восторгомъ о пальмовомъ лѣсѣ, лежащемъ подлѣ Дерры, въ полторы версты длиною.

— Изъ какой долины ты родомъ, о хозяинъ? спрашивалъ меня шейхъ столичнаго города Дерра.

— Я Русскій; то есть, *Московъ*.

— Что̀, большая долина, Московія?

— Очень обширная.

— Есть лѣса въ вашей долинѣ?

— Огромные.

— Будутъ съ нашъ, что̀ подлѣ города?

— Вдесятеро больше этого.

— *Машаллахъ!* у васъ должно быть много финиковъ! И вы ужъ вѣрно кушаете ихъ съ утра до вечера? Московъ славный человѣкъ, и Московія, по милости пророка, славная долина. Но все-таки она не то, что наша Нубія! Во всей вселенной нѣтъ земли прекраснѣе и благороднѣе Нубіи!

Еслибъ мой собесѣдникъ былъ историкъ, я бы сказалъ ему, что онъ правъ, и что онъ только ошибается насчетъ эпохи. Эта нищая Нубія, конечно, была нѣкогда прекрасною и благородною землею. Изъ нея, безъ сомнѣнія, вышла та дивная образованность древняго Египта, которая, вручивъ судьбу свою волнамъ священной рѣки, медленно плыла по Нилу отъ Сіенны до Θивъ, отъ Θивъ до Мемфиса и до береговъ Средиземнаго Моря, — самобытная, величавая, таинственная образованность, наполнившая все пройденное пространство колоссальными памятниками своихъ искусствъ, бо-

гатства и гордости,—долго составлявшая счастіе безчисленнаго народа, пока другая, противоположная образованность, мелочная, сварливая, хвастливая, обожающая миленькія вещицы, блестящія фразы и изящныя формы, не прибѣжала изъ Греціи, учредить себѣ столицу въ Александріи, и не стала распространяться въ обратномъ направленіи, мча потокъ своій къ верховьямъ Нила, по поверхности прежнихъ понятій, вѣры, законовъ, зданій, нравовъ, и разрушая всюду древніій Египетъ и древнюю Нубію, чтобъ на мѣсто ихъ завести родъ средней Греціи. Эти многочисленные и великолѣпные храмы, которыми набита Нубія, доказываютъ, что она была чрезвычайно богата и населена. Если сложить всѣ ея *вади*, или долины, она представила бы небольшую область — верстъ восемьдесятъ въ длину и столько же въ ширину: земледѣліе тутъ не могло доставить ни правительству, ни обществу, такихъ избытковъ, чтобы ихъ было достаточно на издержки исполинскихъ построекъ; она, повидимому, добывала главнѣйшую часть своего богатства изъ торговой промышлености. Странствуя между этими голыми, дюжими мужчинами, этими женщинами, закутанными въ грубыя простыни, и молодыми красавицами въ бальномъ платьѣ, подаренномъ имъ природою при ихъ рожденіи, и глядя на чертоги ихъ предковъ, невольно воображаешь себѣ пестрыя толпы древнихъ Нубіянокъ, которыя, стоя на томъ же берегу въ красивыхъ нарядахъ, сладостно трепетали при извѣстіи, что въ Сіенну пришли изъ Тира два судна, нагруженныя прелестными серьгами, цѣ-

почками, платочками, ожерельями, повязками, лентами и блестящими матеріями, — суда изъ Тира, столицы модъ и вкуса, мануфактуры женскихъ украшеній, Парижа стараго міра и идола классическихъ женщинъ!

Какое грустное впечатлѣніе овладѣетъ вами при этой мысли! Тиръ! Мемфисъ! Ѳивы! Сіенна! Тальмисъ! его блескъ, его пышность,—и нынѣшняя нагота, и нынѣшнія развалины! Едва мѣсяцъ времени прошелъ между этими двумя крайностями. Конечно, не болѣе мѣсяца, — хотя исторія считаетъ двѣ-тысячи-пять-сотъ лѣтъ въ этомъ промежуткѣ. Что̀ значитъ нашъ годъ въ скорой, дѣятельной жизни вселенной? Одинъ поворотъ нашей маленькой планеты около солнца? Да это — одно біеніе нашего сердца, одинъ ударъ маятника, мигъ — или еще меньше! Время намъ кажется медленнымъ и долгимъ, потому что и земля намъ кажется неподвижною; потому что, на дурные глаза наши, солнце течетъ непримѣтно, между-тѣмъ какъ оно въ четыре минуты сдвигается съ мѣста на сто-пять верстъ къ западу. Пробѣгите сто-пять верстъ въ четыре минуты, и вы узнаете, съ какою ужасною, непостижимою быстротою летитъ время нашей планеты. Двѣ и три тысячи лѣтъ для Земли не составляютъ даже того, что одинъ мѣсяцъ для ожиданій человѣка. И если хорошо посчитаемъ, то найдемъ, что и для насъ самихъ, для собственной нашей памяти, три тысячи лѣтъ не великое дѣло. Тридцать столѣтнихъ стариковъ, тридцать порядочныхъ жизней человѣческихъ, — вотъ весь огромный періодъ

трехъ тысячелѣтій! Сквозь тридцать устъ вся исторія древняго міра могла бы достигнуть до насъ въ видѣ бесѣды личныхъ свидѣтелей перваго усилія человѣка на поприщѣ гражданственности, первыхъ его изобрѣтеній. Еще живы многіе кедры, которые хорошо помнятъ Тиръ и Ѳивы, которые видѣли Соломона и Александра Великаго: вѣдь они живутъ тою же жизнію, — а еще не умерли! Все историческое существованіе нашего рода короче быта иного дерева! Мы, такъ сказать, только на прошедшей недѣлѣ оставили кочевья, и начали строить города! Ѳивы разрушены въ прошлую субботу! Еще въ началѣ этой недѣли Нубія кипѣла народомъ, наряжалась въ пышныя платья, сооружала колоссы и чертоги, и была цвѣтущимъ государствомъ! Римъ палъ третьяго дня! Сегодня Нубія пуста и нага: она уже доканчиваетъ разрушать свои развалины; сегодня мы здѣсь, вмѣсто Рима, и поспѣшно воздвигаемъ и уничтожаемъ государства, которыхъ завтра, не далѣе какъ завтра, спустя двѣ тысячи лѣтъ, не будетъ!

И сколько страшныхъ переворотовъ совершилось въ эти десять или двѣнадцать сутокъ быстраго существованія нашего рода, столь недавняго на этой планетѣ! Въ доказательство тому, что мы существуемъ лѣтомъ, что колесо нашей исторіи ворочается съ неслыханною быстротою, которой мы только не властны различить чувствами, — я покажу вамъ стѣну нубійскаго храма въ Адде. Посмотрите! она была покрыта іероглифами и рѣзными фигурами древней египетской вѣры; пришли

христіяне, затерли ихъ штукатуркой, и по ней написали изображеніе св. Іоанна Крестителя; новые пришельцы, слегка забѣливъ эту живопись, выставили поверхъ ея имена Аллаха и Магомета. Вотъ вамъ исторія сорока вѣковъ на одной стѣнѣ! И эта тлѣнная стѣна, на которой напечатлѣлись три огромные переворота, еще не обрушилась! Ваяніе, краски и чернила трехъ эпохъ, которыя бѣдная память наша почитаетъ за раздѣленныя большими массами времени, еще не стерлись! Вы видите, что ваятель, живописецъ и писецъ, работавшіе здѣсь каждый въ своемъ тысячелѣтіи, ушли отсюда недавно, очень недавно! Мы существуемъ ужасно скоро.

Но въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ этихъ переворотовъ, которые поражали здѣшній народъ съ поспѣшностью громовъ, вылетающихъ одинъ за другимъ изъ весенней тучи, я отдаю Нубію тому, кто хочетъ взять ее себѣ, — за исключеніемъ Эбсамбула: онъ оставилъ во мнѣ нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Онъ вотъ за этой желтой горою, которая поспѣшно приближается съ запада къ берегу Нила, и скоро въ него упрется. Мы сейчасъ его увидимъ.

Сильный сѣверный вѣтеръ мчалъ наше судно противъ теченія рѣки, наполняя воздухомъ весь треугольный парусъ съ бѣлыми и синими полосами, которыя гнулись въ красивыя дуги, соединявшіяся внизу въ одну связку. Мы стояли на каютѣ, съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидая появленія чуда, о которомъ столько наслышались отъ путешественниковъ: тогда еще не было его описаній. Энту-

зіасты къ развалинамъ, возвращавшіеся рысью на ослахъ въ Нижній Египетъ, не находя словъ для выраженія своего восторга, только взводили глаза къ небу и восклицали:—«А!... Эбсамбулъ!» Скептики, не вѣрившіе не только великолѣпію пирамидъ, но и красотѣ всякой груды камней, говорили, что можно еще сомнѣваться, стоило ли бы ѣхать внутрь Африки далѣе Луксора, еслибъ эбсамбулскій храмъ былъ въ этомъ мѣстѣ, а остатки Ѳивъ въ Нубіи. Когда жъ мы обогнемъ эту гору, которая такъ долго скрываетъ отъ насъ удивительнѣйшее произведеніе древняго искусства? Наконецъ мы ее обогнули.

— Гдѣ Эбсамбулъ? спросилъ я нашего чернаго, тощаго шкипера въ синей рубахѣ, преспокойно курившаго трубку подлѣ руля.

— Вотъ онъ!

— Эти три головы, которыя торчатъ изъ песку?

— Да! эти три головы.

Мы направили на нихъ зрительныя трубки съ изумленіемъ, съ досадою. Три большія головы, прислоненныя къ каменной горѣ, наклонно спускающейся къ Нилу и засыпанной до половины пескомъ, едва отличаются отъ скалы, у которой онѣ поставлены на стражѣ; нигдѣ не видно ни колоннъ, ни портиковъ, ни моловъ, ни другихъ архитектурныхъ украшеній. Стоило же для этого проѣхать всю Нубію!

— Прикажете причалить къ берегу?

— Ступай далѣе, любезнѣйшій, ежели это твой Эбсамбулъ! Пользуйся вѣтромъ! Поплывемъ лучше

въ Вади-Халфу, да посмотримъ на ваши вторые пороги Нила.

Мы возвратились въ каюту, гдѣ, какъ неугасаемый огонь въ храмѣ Весты, стояло на столѣ блюдо, вѣчно наполненное превосходными нубійскими финиками. Взявъ по горсти вкусныхъ плодовъ, мы бросились на софу, и начали всѣ трое бранить антикваріевъ: «Ахъ, негодяи! — Ахъ, мерзавцы! — Ахъ старыя бочки для мумійнаго тряпья!»... Сиръ Александръ С*** былъ неисчерпаемъ насчетъ ихъ, — особенно когда кушалъ финики. Мой товарищъ, Петръ Ивановичъ И***, который тоже не былъ созданъ для древностей, хотя и родился въ Одессѣ, видѣлъ въ этой породѣ людей только историческихъ крючкотворцевъ, и каждый день за завтракомъ сочинялъ объ нихъ новую исторію. Мнѣ самому они уже страхъ надоѣли. Въ Египтѣ, тотъ, у котораго нѣтъ ремесла, тотъ, кого паша исключилъ изъ своей службы за неспособность, тотъ, кому вздумалось обанкрутиться,— всѣ дѣлаются антикваріями: ѣдутъ въ Ѳивы, покупаютъ у арабскихъ мужиковъ нѣсколько мумій, папирусовъ и скарабеевъ, и, возвращаясь назадъ въ Каиръ, несутъ на пути диссертаціи во всю длину Нила о древнихъ египетскихъ владыкахъ, объ ихъ подвигахъ, палатахъ, женахъ и любовницахъ; объясняютъ встрѣчному и поперечному надписи, іероглифы, пещеры и зазываютъ всѣхъ любоваться на разрушенные храмы и дворцы, съ усердіемъ настоящихъ каммергеровъ царя Фараона. Въ блаженномъ краю, гдѣ на антикахъ варятъ кашу, гдѣ эрудиція трещитъ подъ вашими подошвами

въ каждомъ валяющемся въ пескѣ предметѣ,— чтобы явиться ученымъ, не надобно большихъ приготовленій: стоитъ только принять важный видъ и восхищаться всякимъ обломкомъ. Эти люди, вообще невѣжественные и корыстолюбивые, имѣютъ однако жъ большое вліяніе на понятія ученой Европы объ египетскихъ древностяхъ: они такъ искусно накатываютъ своимъ поддѣльнымъ восторгомъ путешественниковъ, которымъ продаютъ старую рухлядь и болванчики, набранные въ гробницахъ, что и тотъ, кто пріѣхалъ въ Каиръ съ предубѣжденіемъ противъ египетскаго генія, обыкновенно возвращается въ Европу искреннимъ его обожателемъ; каждая неуклюжая фигура, изсѣченная на стѣнѣ храма, каждый тяжелый столпъ, поставленный Фараонами или Птоломеями, наконецъ представляются ему верхомъ изящности, и книга его, — онъ непремѣнно напишетъ книгу,— будетъ длинный дифирамбъ въ честь вещамъ, на которыя онъ безъ этого не обратилъ бы вниманія. Денона можно простить за подобныя преувеличенія: онъ, по-крайней-мѣрѣ, находился подъ вліяніемъ неожиданности открытія, новости предмета, недосуга и военной славы, которая все раскрашиваетъ; но нынѣшніе описатели Египта, спокойно обозрѣвающіе его развалины, ничѣмъ не извинительны въ своихъ безусловныхъ восхищеніяхъ. Ихъ необузданный пиндаризмъ или желаніе держать своихъ читателей въ безпрерывномъ удивленіи произвели наконецъ то, что уже начинаютъ появляться путешествія, въ которыхъ, назло энтузіастамъ, безпощадно бранятъ все еги-

петское, — и пошлое, и истинно великое. Насъ уже столько разъ обманывали тамошніе антикваріи восторженными разсказами о красотѣ и великолѣпіи извѣстныхъ зданій, что мы готовы были, въ отмщеніе имъ, проѣхать мимо, не заглянувъ даже въ Эбсамбулъ. Я знаю одного очень умнаго человѣка, который это сдѣлалъ,—единственно, чтобъ наказать антикваріевъ.

Однакожъ мы ихъ помиловали. Мы имѣли намѣреніе возвратиться къ тремъ головамъ, и посмотрѣть имъ въ зубы, но для этого было еще довольно времени: цѣлыхъ четыре дня оставалось до перваго апрѣля. Египетъ былъ въ томъ году усѣянъ путешественниками; берега Нила гремѣли антикварскими спорами и разсужденіями; всѣ европейскіе народы прислали туда своихъ грабителей египетскихъ гробницъ, и бальзамированные подданные Фараоновъ, обираемые при звукѣ диссертацій на всѣхъ возможныхъ языкахъ, трепетали въ своихъ могилахъ, какъ наканунѣ страшнаго суда. Въ Дендерѣ, въ Ѳивахъ, въ Эсне, въ Сіеннѣ, — всюду встрѣчались мы съ путешественниками. Одни изъ нихъ были прежніе наши знакомцы; съ другими подружились мы на грудѣ камней, на опрокинутой колоннѣ, или поссорились тутъ же за какого-нибудь египетскаго бога, не согласясь въ его фамиліи и чинѣ. Со многими изъ нихъ мы условились съѣхаться къ первому апрѣля въ Эбсамбулѣ, гдѣ положили провести вмѣстѣ дня три или четыре, чтобъ въ самой глуши Нубіи насладиться давно забытыми удовольствіями европейскаго общества: одинъ изъ участвующихъ въ кон-

трактѣ, человѣкъ весьма основательный, обѣщалъ сохранить для этого свое шампанское. Но такъ какъ урочное время еще не наступало, то мы отправились въ Адде.

Тридцать перваго марта, вечеромъ, мы возвратились въ Эбсамбулъ. Между горою и деревнею, которая довольно значительна, лежитъ обширное поле, частію безплодное, частію покрытое пашнями. На полѣ, неподалеку отъ Нила, стояло уже нѣсколько бѣлыхъ палатокъ. У берега виднѣлись три или четыре нубійскія барки различной величины, съ флагами разныхъ народовъ. Это наши пріятели! Какъ они аккуратны! Надобно только удостовѣриться, есть ли между ними синьоръ Д—чи, важнѣйшее лице нашего антикварскаго конгресса: если онъ уже здѣсь и не вышелъ еще своего шампанскаго въ честь Изидѣ и Озирису на развалинахъ Верхняго Египта, такъ все пойдетъ хорошо.

Мы выскочили на берегъ, на которомъ приняла насъ шумная толпа Нубійцевъ обоего пола, въ рубахахъ и безъ рубахъ, съ предложеніями, кто своей дружбы, кто услугъ, кто съѣстныхъ припасовъ. Между-тѣмъ какъ наши люди, съ помощію поселянъ, выгружали палатки, ковры, кастрюли, мы пошли въ лагерь прибывшихъ до насъ путешественниковъ. Первые, которыхъ мы тутъ увидѣли, были лордъ Д—и и спръ Генри С—тъ, занимавшій въ Каирѣ важное дипломатическое мѣсто, оба люди ученые и отчаянные египтологи. Они не принадлежали къ нашему контракту, но это ничего не значило. Спръ Генри посѣщалъ Нубію

уже во второй или третій разъ, и слѣдственно могъ служить намъ руководителемъ въ оцѣнкѣ красотъ Эбсамбула, который былъ имъ открытъ недавно, или, по-крайней-мѣрѣ, въ который проникъ онъ первый изъ Европейцевъ. Лордъ Д—и путешествовалъ, какъ подобаетъ благородному лорду, не разлучаясь ни на минуту съ *комфортомъ*, и даже съ своимъ семействомъ: потерявъ въ Ливорнѣ свою супругу, соскучивъ людьми и итальянскими развалинами, не видя на всей землѣ другаго средства къ утѣшенію человѣка въ печали, кромѣ пирамидъ и Мемнонова колосса, онъ простился съ Европою и прибылъ въ Александрію на собственной шкунѣ, которой каждый уголокъ оспаривали другъ у друга изящность, богатство и удобства утонченной жизни; нанялъ одно изъ арабскихъ судовъ, ходящихъ по Нилу, приказалъ обдѣлать его внутри съ отличнымъ вкусомъ, и отправился на немъ въ Средній и Верхній Египетъ, съ интересною миссъ Маріею, своей единственной дочерью, и съ ученою мистрисъ У—è, ея надзирательницею, суровою, но еще не старою пуританкою, которая, какъ бы то ни было, любила каламбуры, хотя и написала еврейскую грамматику. Сіенскіе пороги не помѣшали его милости путешествовать по бѣдной и обожженной Нубіи такъ же привольно, какъ по Египту: онъ велѣлъ перенести свое судно на рукахъ черезъ всѣ преграды, — во что̀ бы ни обошлось! Лордъ Д—и былъ человѣкъ весьма учтивый и привѣтливый, особенно въ открытомъ полѣ, хотя его ровная поступь, прямыя, отвѣсныя черты лица, негибкость

длиннаго и тощаго тѣла и холодная осанка, могли быть хорошо выражены движущеюся перпендикулярною линіею; миссъ Марія была дѣвица бѣлая скромная, розовая и, когда ее поставишь на развалинахъ, чрезвычайно плѣнительная; мистрисъ У—è была большая философка и спорщица, и мой веселый товарищъ, Петръ Ивановичъ, обладалъ особеннымъ искусствомъ выводить ее изъ терпѣнія своими замѣчаніями и заставлять бранить себя, къ большой потѣхѣ невинной миссъ Маріи и ея важнаго родителя. Слѣдственно, это неожиданное приращеніе общества было намъ даже по сердцу, и не представляло другаго неудобства, кромѣ неумолимой учености почтеннаго сиръ Генри С—та, который счастливо отгадалъ нѣсколько буквъ іероглифическаго алфавита еще до изысканій доктора Юнга и Шамполіона-Младшаго, — вѣчная ему память, — и по цѣлымъ часамъ толковалъ собесѣдникамъ начала, свойство и важность своего открытія. Но изъ всего здѣшняго общества только лордъ Д—н и я могли подвергнуться слѣдствіямъ этого неудобства, потому что анти-іероглифическое устройство ума прочихъ путешественниковъ обезпечивало ихъ отъ скуки слушать чтенія разборчиваго въ жертвахъ своихъ сиръ Генри. Лордъ, который пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ, вѣроятно уже обращенъ къ его теоріи, и не боится новыхъ проповѣдей; я выслушалъ ихъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ еще въ Капрѣ, — и слѣдственно, если только С—тъ не открылъ дорогою еще одной египетской буквы, мы славно проведемъ здѣсь время!

Лордъ Д—и возилъ съ собою итальянскаго живописца, который списывалъ для него виды городовъ, храмовъ, и примѣчательнѣйшіе обломки древности. Спръ-Генри имѣлъ своего живописца, Л—на, молодаго Француза, очень красивой наружности, который впослѣдствіи сдѣлался знаменитымъ путешественникомъ. Со мной былъ также рисовальщикъ. Все это составляло уже порядочную ватагу европейскихъ бродягъ, забравшихся, изъ одного любопытства и для потѣхи, внутрь Африки, въ горячіе пески, подъ жгучее тропическое небо, на самый край пустынной и унылой Нубіи, гдѣ каждый изъ нихъ застрѣлился бы на другой день, еслибъ его туда сослали на полгода. Но, кромѣ насъ, тутъ были и другіе любители подобныхъ удовольствій: одинъ французскій путешественникъ, мосье М—къ, говорунъ и невѣжда, который безпрестанно жаловался на скуку и трудности странствованія по владѣніямъ египетскаго паши, и все ѣхалъ далѣе; одинъ американскій квакеръ, который не говорилъ ни слова, ни на что̀ не смотрѣлъ, и все ѣхалъ далѣе; два нѣмецкіе натуралиста, которые отзывались объ египетскихъ древностяхъ съ такимъ неуваженіемъ, что насъ всѣхъ морозъ подиралъ по кожѣ; ловили бабочекъ, и все ѣхали далѣе....

— Севъ! Какъ, и ты здѣсь?

— Да какъ же! Я узналъ отъ 'Д—чи, что вы собираетесь въ Эбсамбулѣ, и что онъ везетъ сюда свое шампанское! Я оставилъ своихъ обезьянъ въ Монфалутѣ, взялъ лодку, и прилетѣлъ къ вамъ на веслахъ. Plus on est de fous, plus on rit! Чѣмъ

больше сумашедшихъ, тѣмъ веселѣе! Я съ вами, друзья! Здоровы ли?

— Что жъ скажетъ паша, когда узнаетъ о твоей отлучкѣ?

— Ничего! Я написалъ въ Каиръ, что ѣду осматривать Нубію въ военномъ отношеніи, сосчитать счастливыя звѣзды, поймать луну зубами, — и еще что-то такое!... Съ Турками нельзя иначе.

— Ну, каковы твои обезьяны?

— Мои обезьяны? Маршируютъ, владѣютъ ружьемъ, равняются не хуже «старой гвардіи». Я поручилъ Форресту обучать ихъ, и далъ ему свою палку. Этотъ разбойникъ сдѣлаетъ изъ нихъ героевъ въ двѣ недѣли. Сначала шло трудно. Разъ, когда я этихъ уродовъ поставилъ во фрунтъ, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ меня. Пуля пролетѣла мимо моихъ ушей. Я бросилъ шпагу наземь, подбѣжалъ къ нимъ, вырвалъ у одного изъ нихъ заряженное ружье, и, отдавая его выстрѣлившему въ меня мерзавцу, вскричалъ: «Подлецъ, мошенникъ, собака! ты хотѣлъ убить своего начальника, не выучась стрѣлять? На, стрѣляй въ меня вторично; и смотри, какъ солдатъ не боится смерти!» Надобно было видѣть, какое дѣйствіе произвели эти слова надъ моими обезьянами! Уроды бросились къ ногамъ моимъ, хотѣли растерзать измѣнника; я защитилъ его, и съ-тѣхъ-поръ они стали мягки какъ воскъ. Изъ нихъ выйдутъ славные солдаты! Съ этими обезьянами мы еще покоримъ Сирію, Багдадъ и всю Турецкую Имперію. Я поведу ихъ прямо въ Константинополь. Стоитъ только скоман-

довать: — «Обезьяны, впередъ! на штыки! маршъ! маршъ!...» Увидите, господа.

Тотъ, кто рѣшалъ такъ смѣло будущую судьбу Востока и съ обезьянами хотѣлъ идти въ Константинополь, былъ мой трактирный пріятель, гусарскій полковникъ Наполеона, приговоренный къ смерти въ своемъ отечествѣ по гренобльскому дѣлу, и бѣжавшій въ Египетъ, гдѣ расторопный паша тотчасъ смекнулъ всю для себя пользу отъ этого изгнанника. Его звали Севомъ. Паша одѣлъ его по-турецки, нарекъ Сулейманъ-беемъ и поручилъ ему образованіе перваго ядра своей регулярной арміи. Врожденное буйство Турокъ и закоренѣлость ихъ въ неповиновеніи не дозволяли пашѣ надѣяться, чтобы ихъ можно было подчинить европейской дисциплинѣ: Мехмедъ-Али набралъ силою нѣсколько сотъ негровъ въ покоренной имъ Донголѣ, и рѣшился составить изъ нихъ первый египетскій батальонъ. Ихъ пригнали въ Монфалутъ и отдали въ распоряженіе французскаго гусара, который взялся сдѣлать изъ нихъ образцовыхъ гренадеръ. Этихъ-то черныхъ рекрутъ, своихъ питомцевъ, храбрый бивачный весельчакъ называлъ «обезьянами». Севъ, — тотъ самый Севъ, который потомъ командовалъ въ Греціи подъ главнымъ начальствомъ Ибрагима-паши, — былъ человѣкъ лѣтъ сорока восьми, и подъ длиннымъ турецкимъ платьемъ сохранялъ всю живость Француза, всѣ ужимки стараго европейскаго солдата. Лагерныя шутки, застольныя пѣсни, — поговорки и анекдоты, — любовь и бутылка, — нерѣдко черта благороднаго самоотвер-

женія, — иногда грубая ложь, — готовность одолжить всякаго и сдѣлать первую глупость, на которую въ веселый часъ подвинутъ его пріятели, — то важные оттоманскіе пріемы, то французская вертлявость, — лице плоское, широкое, взрытое безжалостною оспою, — большіе бѣлые усы, — и восточная чалма надъ бѣлыми усами: таковъ былъ Севъ, характеръ странный, но добродушный, развалина какой-то образованности, но развалина живописная, пестрая, которая не наводила унынія. Никто лучше его не откупоривалъ бутылокъ съ шампанскимъ, и пробка, выстрѣлившая изъ-подъ его пальцевъ, всегда попадала въ то мѣсто, куда онъ мѣтилъ. Зачѣмъ такой человѣкъ перешелъ къ Туркамъ! Мы любили Сева: одно его присутствіе уже располагало къ смѣху. Воспитанный, къ несчастію, безъ всякой религіи въ революціонныхъ лагеряхъ, онъ не отступилъ ни отъ какой вѣры, и никакой не принялъ, сдѣлавшись впослѣдствіи мусульманиномъ. Теперь онъ называется Сулейманъ-пашею. Много испыталъ онъ горя, но ему было суждено испытать еще болѣе: обезславивъ себя позорнымъ именемъ ренегата, на пятьдесятъ второмъ году жизни онъ, говорятъ, получилъ изъ рукъ Мехмедъ-Али трехъ молодыхъ и жирныхъ женъ!...

— Гдѣ вы видѣли Д—чи? Скоро ли онъ здѣсь будетъ съ шампанскимъ?

— Онъ будетъ сюда ночью или завтра поутру: я обогналъ его насупротивъ Дерра. Но тутъ есть нѣчто интереснѣе самого Д—чи, вотъ въ этой палаткѣ. Итальянка безподобная! Прелесть, что за

Итальянка! Посмотрите, какъ Л—нъ, живописецъ С—та, увертывается около ея палатки!... Я уже былъ у нея съ визитомъ.

— Что? какъ?... Какая Итальянка? Откуда она здѣсь?...

— О, это длинная исторія! Д—чи нажилъ себѣ въ Капрѣ большое состояніе, торгуя хлѣбомъ. У него былъ прекрасный домъ, хорошій поваръ, отличное вино, добрые пріятели; но онъ все скучалъ въ Египтѣ. Со скуки, онъ послѣдовалъ общей модѣ и сдѣлался антикваріемъ. Теперь у него есть пропасть стараго хламу и двѣ чудесныя муміи,—такія муміи, какихъ нѣтъ ни у С—та, ни у Дроветти; двѣ древнія, отлично бальзамированныя принцессы. Ну, и тутъ ему было скучно! Этому чудаку непремѣнно хотѣлось живой принцессы. Онъ написалъ въ Ливурнъ, къ купцу, съ которымъ ведетъ дѣла: «Милостивый государь! «Мы получили почтенное письмо ваше, и испол- «нимъ ваши приказанія. Взаимно просимъ васъ «отправить къ намъ съ первымъ попутнымъ вѣт- «ромъ грузъ сахарнаго песку и молодую, благо- «видную и благонравную дѣвицу, бѣдной, но хо- «рошей фамиліи, на которой желаемъ мы женить- «ся. Д—чи и компанія.» Ливурнскій купецъ отвѣчалъ ему: «Милостивый государь! Мы получили «почтенное письмо ваше, и исполнимъ ваши при- «казанія. Взаимно посылаемъ вамъ, приложенные «при семъ корабль, нагруженный сахарнымъ пес- «комъ, и на одномъ кораблѣ дѣвицу Джульетту «NN.,—оба лучшей доброты и вѣсомъ, какъ зна- «чится въ коносаментѣ,—которые и благоволите

«внести въ общій счетъ съ нами,» и прочая. Ну, вы знаете, какъ эти господа обыкновенно пишутъ другъ къ другу! Только, по силѣ этой переписки, какая-то прекрасная, молодая Итальянка съ матерью пріѣхала въ Капръ дней тому двадцать или болѣе, когда синьоръ Д—чи уже отправился было въ свое антикварское путешествіе и, не заставъ его на мѣстѣ, вздумали погнаться за нимъ въ Верхній Египетъ. Одинъ изъ его пріятелей пускался туда же въ то самое время. Такъ случилось, что они нигдѣ его не отыскали. Узнавъ отъ кого-то, что къ первому апрѣля онъ непремѣнно будетъ здѣсь, онѣ упросили его пріятеля поспѣшить прямо въ Эбсамбулъ, и прибыли сюда вчера. Онѣ ждутъ его съ нетерпѣніемъ, а Д—чи и не знаетъ о своемъ счастіи! Итальянка, увѣряю васъ, чудо! Пойдемте посмотрѣть ихъ.

Мы уклонились отъ предложенія Сева, но тѣмъ не менѣе пылали желаніемъ взглянуть на нее, и стерегли весь вечеръ въ надеждѣ, что она выйдетъ. Мой пріятель побѣжалъ тотчасъ донести объ ней мистрисъ У...-è, которая расхохоталась, и пошла передать исторію своему лорду. Его милость не вытерпѣлъ, несмотря на свою важность, и съ тою же вѣстью отправился въ палатку сиръ Генри С—та. Почтенный дипломатъ-антикварій выскочилъ изъ своей ставки, красный и въ остолбенѣніи, увѣряя, что это неправда: онъ давно знаетъ г-на Д—чи; г-нъ Д-чи не въ состояніи сдѣлать подобную глупость; онъ уже не въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ выписывать себѣ молоденькую жену, и все это должна быть сплетня. Когда сиръ Генри

узналъ, что исторія вышла отъ Сева, онъ еще болѣе убѣдился въ ея ложности, и преклонилъ на сторону своего мнѣнія большинство голосовъ всего общества. Между-тѣмъ Севъ бредилъ Итальянкою и клялся, что отобьетъ ее у Д—чи, что самъ на ней женится, и поѣдетъ обучать съ ней «обезьянъ». Молодой Л—нъ похаживалъ мимо таинственной палатки, и всякій разъ, какъ онъ непримѣтно къ ней приближался, что-то похожее на женскую головку, закутанную въ черное покрывало, мелькало у входа.

— Драма становится сложною! говорилъ мосьё М—къ, который все жаловался и все ѣхалъ далѣе.

Еслибъ тигръ появился подлѣ нашего лагеря, еслибъ крокодилъ кому-либо изъ насъ откусилъ ногу, еслибъ толпа хищныхъ Бешаріевъ прискакала изъ пустыни ночевать вмѣстѣ съ нами, и тогда, я думаю, мы бы не были такъ встревожены, какъ неожиданнымъ открытіемъ посреди себя, въ нубійскомъ пескѣ, молодой Итальянки, для которой воображеніе каждаго таїно создавало у себя идеалъ красоты по своему вкусу; которой романическое предпріятіе могло взволновать любопытство недосужей праздности въ любомъ европейскомъ городѣ, — а скуки, раскинувшей свои палатки въ нѣдрахъ Африки, и подавно. Никто не оставался въ своей ставкѣ: мы бродили маленькими отрядами по нашей бѣлой и мягкой полянѣ, прекрасно освѣщенной мѣсяцомъ; останавливались наудачу, для какого-нибудь разсужденія, которое съ политики, съ древностей, съ египетскаго паши, съ астрономіи, сбивалось все на

Итальянку, или машинально стекались въ одну толпу для совѣщанія о томъ, что̀ будемъ дѣлать завтра, и какъ приступить къ открытію входа въ храмъ; и опять расходились, ни чѣмъ не рѣшивъ вопроса. Но сиръ Генри устроитъ все это по своему разумѣнію: онъ родъ власти въ Египтѣ и родъ хозяина въ Эбсамбулѣ. Насъ не столько занимали три колоссальныя головы эбсамбульскаго фасада, сколько гусарскіе анекдоты Сева и его намѣреніе жениться въ Нубіи на чужой невѣстѣ, выписанной изъ Ливурна коммерческимъ образомъ. Пользуясь ночью, многіе изъ насъ тихонько подходили къ самому ея шатру, въ которомъ мелькалъ огонь, и старались открыть въ полотнѣ дирочку, чтобъ высмотрѣть лице феи, сдѣлавшейся предметомъ тысячи разнородныхъ догадокъ и нравственныхъ теорій. Увлеченные примѣромъ другихъ и веселымъ расположеніемъ духа всего общества, строгая мистрисъ У—è, сиръ Александръ С*** и я, рѣшились на ту же экспедицію, которая однако не увѣнчалась вожделѣннымъ успѣхомъ: мы увидѣли только, сквозь узкую прорѣху, двухъ женщинъ, сидящихъ къ намъ задомъ, и черную невольницу, разбирающую бѣлье. Послѣ этой неудачи, каждый занялся собою. Ночь была истинно тропическая. Лунный свѣтъ, насыщенной въ этой странѣ удивительною бѣлостью, накидывалъ на всю окрестность, мертвую и неподвижную, родъ снѣговаго покрова, мягко округлявшаго ея шероховатыя и острыя формы, и, казалось, еще увеличивалъ холодъ нубійской ночи, падающей на землю вдругъ, безъ

сумерекъ, безъ постепеннаго перехода отъ блеска къ мраку, отъ пожарной жары къ пронзительному дѣйствію потухшихъ лучей на раскрытые ею поры тѣла. Небесный сводъ, налитый лазуревымъ, чрезвычайно прозрачнымъ воздухомъ, пылалъ огромными звѣздами, и выводилъ на показъ тысячи новыхъ, невиданныхъ свѣтилъ, скрывающихся въ пучинѣ разстоянія недоступной глазамъ Европы. Земля поляны, усыпанная частицами слюды и мелкими кристаллами, блестѣла какъ стѣна пещеры, озаренной свѣтомъ факеловъ. Эта картина, окруженная рамою черной ночной дали, заключала въ себѣ нѣчто торжественное, а бѣлыя палатки нашего лагеря, уставленныя на большомъ пространствѣ въ турецкомъ безпорядкѣ, движеніе народа между ними въ такое время, когда все африканское государство преспокойно спало, и длинный рядъ барокъ, причаленныхъ къ берегу, придавали ей выраженіе зловѣщей важности обстоятельствъ. Скорѣе можно было подумать, что непріятельская армія пришла покорять Нубію, нежели узнать здѣсь ночью сборище кроткихъ, невинныхъ зѣвакъ, прибѣжавшихъ со всѣхъ концевъ свѣта брать приступомъ сосредоточеннаго любопытства занесенную пескомъ развалину, о которой въ цѣломъ краю никто и знать не хочетъ. Только внимательный глазъ лазутчика, увидѣвъ на палубахъ нашихъ барокъ, вмѣсто пушекъ, рядъ набитыхъ соломою крокодиловъ и золоченныхъ труповъ древнихъ обладателей Египта, отгадалъ бы, что мы не грозные нарушители общественнаго спокойствія,

а привилегированные гробокрадцы, которыхъ теперь зовутъ здѣсь путешественниками, и которыхъ за двѣ тысячи лѣтъ здѣсь же посадили бы всѣхъ на колъ, въ примѣръ классическому міру.

Бѣлый парусъ мелькнулъ вдали па Нилѣ. Вѣрно, это синьоръ Д—чи! Но, черезъ полчаса, ложась спать, мы узнали, что это былъ мистеръ Сольмонъ, — безцѣнный путешественникъ, который странствовалъ для того только, чтобъ, вошедъ въ древній Египетскій храмъ, плюнуть на него и тотчасъ уйти на барку. Онъ оплевалъ такимъ образомъ всѣ развалины, отъ пирамидъ до Филоэ; и такъ какъ Денонъ, египетская коммиссія и Гампльтонъ безбожно надули его своими гравюрами, представивъ здѣшніе памятники въ изящнѣйшемъ видѣ, нежели какъ они въ натурѣ, то онъ рѣшился пожертвовать издержками, но ужъ непремѣнно доѣхать до самыхъ истоковъ Нила и, въ знакъ своего презрѣнія къ обману и къ его предмету, наплевать на все. что̀ ни осталось отъ египетскаго искусства. Почтенный мистеръ Сольмонъ! одна лишь смерть могла удержать его отъ довершенія великаго подвига, предначертаннаго съ такою рѣшимостью.

— Этого чудака кто сюда звалъ къ намъ?

— Plus on est de fous, plus on rit! вскричалъ Севъ. Онъ не мѣшаетъ. А Д—чи завтра здѣсь будетъ, и вы увидите, какъ я поведу съ нимъ дѣла. Спокойной ночи, господа!

II.

ПОСѢЩЕНІЕ ХРАМА. ПИКНИКЪ. ЛОТЕРЕЯ.

Ночь летѣла тихо въ хрустальномъ воздухѣ, дыша на Нубію сномъ чистымъ и свѣжимъ, сметая съ умовъ крыломъ своимъ весь соръ дневныхъ мыслей и роняя въ нихъ изъ своего совинаго клюва пестрыя, причудливыя грезы, которыя воображеніе усыпленнаго подхватываетъ съ такой жадностью, чтобы играть ими на этомъ отрадномъ досугѣ хлопотливой животной жизни,— разноцвѣтные мыльные пузыри, выдуваемые кѣмъ-то въ темнотѣ изъ испареній нашей памяти и, къ сожалѣнію, лопающіеся отъ перваго свѣтлаго луча дѣйствительности. Наступающее утро обѣщало быть обильнымъ будущностью: ожиданія, любопытство, общая склонность къ потѣхѣ, стеченіе характеровъ разнородныхъ, живописныхъ, странныхъ, заклеймённыхъ каждый печатью какого-нибудь притязанія, — въ путешествіяхъ всякій превращается въ особенный родъ оригинала, — могли разрѣшиться бездною забавныхъ случаевъ. Какъ бы не такъ! каждый изъ насъ надѣялся, что его пріятель или сосѣдъ сдѣлаетъ первый какую-нибудь глупость, надъ которой всѣ мы посмѣемся еще до завтрака! Глупость, но порядочная глупость, — была намъ необходима для того, чтобы соединиться въ одно цѣлое и образовать изъ себя правильное просвѣщенное обще-

ство, для котораго на нубійскомъ пескѣ лежали всѣ нужные матеріалы, и только не доставало основанія. Глупость должна быть одарена магнитнымъ свойствомъ: бросьте ее въ толпу Европейцевъ, совершенно чуждыхъ, даже незнакомыхъ другъ другу, и она тотчасъ станетъ притягивать къ себѣ ихъ умы и увеличиваться въ объемѣ, покрываясь самыми блестящими частицами ихъ мысли; она постепенно привлечетъ, сблизитъ и сольетъ ихъ въ одну массу, которая наконецъ сзернуется вокругъ нея въ кристалъ дружескаго и пріятнаго общества. Эта теорія обществъ начертана крупными іероглифами на каждомъ египетскомъ и эѳіопскомъ памятникѣ: жаль только, что такъ мало людей умѣютъ читать іероглифы. Но кто изъ насъ сдѣлаетъ первую глупость? кто будетъ такъ великодушенъ, чтобы пожертвовать собою для блага общаго? Увы, никто добровольно! Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно случай бросаетъ жребій и назначаетъ жертву.

Утро открыло намъ новыя сокровища общественности. Спиьоръ Д—чи пріѣхалъ ночью, и раскинулъ свои палатки на самомъ берегу Нила. Безцѣнный спиьоръ Д—чи! онъ заслуживалъ быть произведеннымъ въ великіе хранители погреба нубійскаго царя, еслибъ въ Нубіи былъ царь, за совѣстливое сбереженіе своего шампанскаго. Подлѣ него, еще двѣ барки, прибывшія поутру, выгружали путешественниковъ: одна изъ нихъ, съ сардинскимъ флагомъ, припадлежала доброму моему пріятелю, товарищу по горной лихорадкѣ

и страданіямъ, вмѣстѣ претерпѣннымъ въ Сиріи, и котораго пріѣздъ чрезвычайно меня обрадовалъ; другая—пожилому Англичанину. Оба они были изъ числа самыхъ странныхъ путешествующихъ характеровъ, но совершенно противоположныхъ. Одинъ странствовалъ уже пятый годъ; осмотрѣлъ всѣ углы Европы, не исключая даже Лапландіи, посѣтилъ Сибирь и Америку, и все помнилъ; другой блуждалъ пятнадцать лѣтъ по Западу и Востоку, и ничего не удерживалъ въ памяти. Одинъ путешествовалъ систематически, по книгѣ, съ печатнымъ собраніемъ вопросовъ, которые аккуратный странникъ долженъ предлагать жителямъ обозрѣваемой земли о всѣхъ возможныхъ предметахъ ея: статистикѣ, географіи, этнографіи, правленіи, нравахъ и обычаяхъ; читалъ по порядку эти вопросы первому попавшемуся туземцу, отбиралъ отъ него показанія, грабилъ всѣ бесѣды, разорялъ своимъ любопытствомъ всѣ терпѣнія, записывалъ каждое слышанное слово, и могъ сказать безъ запинки цѣну огурцовъ, моркови и говядины въ Торнео, Тобольскѣ, Бруссѣ и Лиссабонѣ, такъ же хорошо, какъ характеристическіе анекдоты обо всѣхъ примѣчательнѣйшихъ лицахъ, тамъ живущихъ. Другой, ища только новыхъ зрѣлищъ, не помнилъ даже того, на какой живетъ онъ планетѣ, и если, машинально переѣзжая изъ одной страны въ другую, въ теченіи лѣтъ пятнадцати ни однажды не попалъ обратно въ свое отечество, то единственно оттого, что, забывъ о существованіи Англіи, никогда не подумалъ, что онъ еще не бывалъ на родинѣ.

Первый былъ графъ В—уа, молодой Пьемонтезецъ, родившійся со страстью къ путешествіямъ, какъ иные родятся со страстью къ охотѣ: онъ путешествовалъ трудолюбиво, строго, мучительно, какъ только можно путешествовать въ наказаніе, и умеръ потомъ на островѣ Явѣ, оставивъ за собою во всѣхъ четырехъ концахъ свѣта безконечный слѣдъ своего любопытства, усыпанный вопросительными знаками, и у своихъ знакомцевъ память милаго и благороднаго человѣка, «но ужаснаго разспрашивателя». Второй былъ мистеръ Б—къ, общій нашъ знакомецъ по Капру, старикъ угрюмый и своенравный, и котораго, признаться, мы не очень любили за его разныя притязанія и постоянную склонность къ ссорамъ: лишенный вовсе силъ памяти, иногда посѣщалъ онъ городъ или государство во второй и въ третій разъ, и былъ увѣренъ, что видитъ его впервые. Я имѣлъ удовольствіе повстрѣчаться съ нимъ въ Смирнѣ въ двѣ различныя эпохи; при вторичномъ свиданіи, гуляя со мной по набережной залива, онъ однакожъ сказалъ мнѣ, въ одномъ изъ свѣтлыхъ проблесковъ своей памяти:

— Какъ это мѣсто похоже на гавань одного города, который я гдѣ-то видѣлъ!

И очень справедливо: онъ уже въ четвертый разъ былъ въ Смирнѣ! Но какъ бы то ни было, а это новое пріумноженіе нашего сборища случилось весьма кстати: намъ именно не доставало такого оригинала, каковъ былъ мистеръ Б—къ. Не знаю, кто выдумалъ первый, только съ появленія его на берегу, по всѣмъ палаткамъ распро-

странился проектъ — мистифировать почтеннаго путешественника, удостовѣривъ его, что онъ уже во второй разъ въ Эбсамбулѣ, и что его видѣли здѣсь въ прошедшемъ году. Заговоръ составлялся быстро, и находилъ всюду ревностныхъ сообщниковъ; даже тѣ, которые, изъ важности или по особеннымъ причинамъ, не хотѣли въ немъ участвовать, дали слово не мѣшать потѣхѣ. Дѣятельность вдругъ проявилась въ нашемъ станѣ: бѣгали, предостерегали другъ друга, совѣщались о томъ, что̀ и какъ говорить, и скоро все собраніе было связано узломъ одной тайны. Общество учредилось! Глупость одного изъ насъ или быть-можетъ наша собственная, — сдѣлалась его сердцемъ, котораго біенія долженствовали стройно отражаться во всѣхъ членахъ новаго тѣла, — такъ, какъ это и было написано іероглифами на фасадѣ эбсамбульскаго храма. Египетская мудрость неисповѣдима!

Съ-тѣхъ-поръ уже всѣ стали короткими знакомцами. Все должно быть обще! — Что̀ теперь дѣлать? — Отрывать входъ во храмъ на общій счетъ!—А послѣ?—Послѣ пикникъ: будемъ обѣдать всѣ вмѣстѣ, и пригласимъ Б—ка! Каждый доставитъ потребное количество лучшихъ своихъ припасовъ; снести всю посуду въ одну ставку и избрать распорядителей!—Предложеніе было принято съ радостью. Общество одушевилось жизнію. Огонь веселости сталъ кружить по жиламъ, потерявшимъ уже европейскую свою упругость въ мягкомъ бездѣйствіи Востока. Безъ Б—ка мы, вѣроятно, обѣдали бы каждый въ своей палаткѣ,

и личная важность всякаго поразила бы холодностью наши сообщенія.

— Что жъ не отрываютъ храма?

— Скоро придутъ люди, отвѣчалъ одинъ изъ толмачей: мы уже два раза ходили въ деревню, да есть маленькое затрудненіе.

Расположеніе къ веселости еще усилилось, когда мы узнали о родѣ затрудненія. Съ ранняго утра лордъ Д—н и спръ Генри С—тъ вели жаркіе переговоры съ мѣстными поселянами о томъ, чтобы работники, которые будутъ расчищать фасадъ, и мѣстные зрители, желающіе присутствовать при обозрѣніи памятника, явились непремѣнно въ длинныхъ своихъ рубахахъ, потому-что его милость желаетъ показать эбсамбульскій храмъ миссъ Маріи, своей благородной дочери. *Шейхъ-эль-беледъ*, староста деревни, какъ человѣкъ съ высшими взглядами и въ новой синей рубахѣ, превосходно постигалъ глубокую нравственную мысль лорда, но находилъ ее неудобоисполнимою, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, рубаха есть парадный мундиръ нубійскаго гражданина, и его подчиненные не согласятся копать землю въ праздничныхъ своихъ нарядахъ; во-вторыхъ, вся деревня, отъ мала до велика, захочетъ быть при вскрытіи храма, въ качествѣ работниковъ или зрителей, такъ какъ она еще никогда не видала столь значительнаго стеченія *милордовъ* и философовъ; а между-тѣмъ не всѣ жители имѣютъ рубахи,—да дѣвицамъ и неприлично являться передъ людьми въ рубашкахъ, какъ то его милости должно быть извѣстно! Въ самомъ дѣлѣ,

обстоятельство было столько же затруднительное, сколько забавное. Многіе хотѣли помочь лорду въ его переговорахъ, и своими предложеніями сдѣлали вопросъ еще сложнѣе. Споры съ представителями деревни длились безъ пользы и слѣдствія. Нѣкоторые вздумали-было пожертвовать частію своего бѣлья и одѣть Берберовъ въ наши европейскія рубашки: опытъ былъ сдѣланъ на двухъ или трехъ туземцахъ, и представилъ неудобства еще важнѣйшія, чѣмъ совершенное отсутствіе одежды. Наши короткія и бѣлыя рубашки, надѣтыя на ихъ дюжія черныя туловища, придавали имъ уморительную наружность: ихъ товарищи не могли смотрѣть на нихъ безъ хохота. Надобно было прибѣгнуть къ покровительству Сева: какъ бей и полковникъ паши, одинъ онъ могъ бросить тяжесть турецкой власти на вѣсы нашихъ переговоровъ съ эбсамбульскими поселянами, и, при его шумномъ посредничествѣ, мигомъ былъ заключенъ трактатъ съ нубійскими нравами объ охраненіи правъ великобританской стыдливости миссъ Маріи. Главнѣйшія условія этого знаменитаго въ исторіи дипломатіи трактата состояли въ слѣдующемъ: I. Всѣ находящіяся на лицо въ Эбсамбулѣ новыя и старыя рубахи будутъ собраны и принесены къ фасаду храма. II. Наслѣдники славы и величія древнихъ Эѳіоповъ, нынѣшніе подданные его высочества египетскаго паши, предоставляютъ себѣ право раскапывать землю и производить всѣ нужныя въ томъ мѣстѣ работы согласно стариннымъ обычаямъ ихъ богохранимаго государства, безъ всякихъ европейскихъ цере-

моній и отягощенія себя излишнимъ платьемъ. III. Когда входъ будетъ открытъ и франкскіе милорды и философы явятся съ своими философками, всѣ находящіеся здѣсь потомки гордыхъ Фараоновъ надѣнутъ рубахи, а тѣ, для кого ихъ не достанетъ, спрячутся за гору. IV. Такъ какъ замужнія женщины всѣ носятъ шерстяныя простыни, то онѣ могутъ присутствовать въ своихъ обыкновенныхъ нарядахъ, съ тѣмъ только, чтобы старались тщательнѣе закутывать въ нихъ тѣло чѣмъ лице; что касается до прекрасныхъ нубійскихъ барышень, то франкскіе милорды и философы, уважая съ одной стороны врожденное ихъ полу любопытство, и съ другой не желая нарушать принятыхъ приличій, существенно классическихъ, позволяютъ имъ приходить въ мѣстномъ неглижѐ, будучи впрочемъ увѣрены, что онѣ, покрайней-мѣрѣ опояшутся всѣ безъ исключенія и безъ различія возрастовъ своими херразами, или ременными бахрамами съ украшеніемъ изъ мелкихъ раковинъ, которыя придаютъ имъ столько прелести.

Прочія статьи договора относились къ исключенію дѣтей изъ собранія, и къ цѣнѣ, которую слѣдовало заплатить поселянамъ за работу и за всѣ эти уступки непостижимымъ прихотямъ пріятелей паши, гяуровъ. Черезъ полчаса явилась многочисленная толпа Берберовъ съ лопатами, и песчаная гора, закрывающая фасадъ памятника, начала осовываться къ Нилу.

Археологическія изысканія прекраснаго европейскаго пола въ Нубіи, конечно, встрѣчаютъ важ-

ную преграду въ недостаточномъ количествѣ бѣлья у жителей этого края, но она кажется важною только издали, и одно притворство можетъ почитать ее за непреодолимую. Чтобъ постигнуть странность мѣръ, принятыхъ изысканнымъ цѣломудріемъ лорда Д—и, довольно пробыть однѣ сутки въ такой землѣ, гдѣ употребленіе платья не составляетъ перваго условія общежитія. Еслибъ даже глазъ путешественника не привыкалъ къ этому постепенно, по мѣрѣ приближенія пути къ ея предѣламъ, то и въ такомъ случаѣ вы поражаетесь необыкновенностью вида только въ первое мгновеніе, очутясь неожиданно среди чернаго и обнаженнаго общества: черезъ нѣсколько часовъ вы уже не обращаете вниманія на его наготу и не чувствуете никакого различія между вашимъ и его нарядомъ. Таково могущество всеобщаго обыкновенія. Въ странахъ, обитаемыхъ поколѣніемъ безобразнымъ, равнодушіе посторонняго зрителя принуждено бороться долѣе съ впечатлѣніями, которымъ оно подвергается; но въ Нубіи глазъ Европейца свыкается весьма скоро, встрѣчая всюду формы пріятныя и живописныя. Нубійское племя, древнее племя *Нуба*, сообщившее въ послѣдніе вѣка имя свое прежней Сѣверной Эѳіопіи, по-истинѣ одно изъ прекраснѣйшихъ на землѣ, и составляетъ примѣчательное изъятіе въ естественной исторіи человѣка: оно черно, и между-тѣмъ не принадлежитъ къ породѣ негровъ, сохраняя черты и сложеніе тѣла совершенно европейскія. Овальныя ихъ лица отличаются отъ нашихъ только легкою толстотою губъ, которая

впрочемъ не имѣетъ ничего непріятнаго, и даже цвѣтъ ихъ кожи не похожъ на рѣзкую, лоснящуюся черноту негра, образуя особенный отливъ, который описать весьма трудно, но который, по мнѣнію моему, неподражаемо выразилъ Птоломей, назвавъ его — *према мелас*, «тихо-чернымъ». Въ этомъ краю, можно постигнуть причину неизмѣримаго превосходства древней греческой скульптуры передъ нашею: тамъ, гдѣ постоянная теплота неба дозволяетъ человѣку освободить свои члены отъ лишнихъ покрововъ, — тамъ онъ переноситъ въ свое тѣло то чувство изящества, которое мы сосредоточиваемъ все въ платьѣ и въ наружныхъ украшеніяхъ особы. Нубіецъ щеголяетъ своимъ тѣломъ; онъ добровольно принимаетъ такія благородныя и живописныя положенія, какихъ изобрѣтеніе сдѣлало бъ у насъ честь творческому генію первѣйшаго художника; онъ вполнѣ чувствуетъ красоту формъ, которыми природа выразила его существованіе, и еслибъ рука его повиновалась чувству, онъ былъ бы Праксителемъ. Древнѣйшіе Греки были полунагіе, и внутри своихъ домовъ часто обходились безъ одежды: члены ихъ, естественно, располагались съ изяществомъ; глаза ихъ были наполнены красотою человѣческаго строенія, и такъ же тонко замѣчали ея оттѣнки, какъ мы теперь покрои одежды и самыя мелкія подробности наружныхъ ея особенностей. Въ этомъ обстоятельствѣ таится источникъ понятія идеальной красоты, которую умѣли они придавать своимъ изваяніямъ боговъ и смертныхъ. Для насъ оно не существуетъ: поэтому

плѣнительная чистота и благородство формъ и линій тѣла, которыми отличалось древнее искусство, потеряны для нашихъ вдохновеній и покупаются у насъ только цѣною подражательства; поэтому и общій недостатокъ новѣйшаго художества человѣческаго тѣла — манерность, какъ въ формѣ членовъ, такъ и въ положеніяхъ, переходящая въ грубость отъ излишества животности, какъ у Рубенса, или въ болѣзненное изнѣженіе отъ перехитренной утонченности, какъ у Кановы. Мы уйдемъ далеко эффектами перспективы, свѣто-тѣни и колорита; но главнаго изящнаго — идеальной красоты тѣла нашего поколѣнія — уже никогда не превратимъ мы для себя въ живое, бьющееся чувство: источникъ его изсякъ подъ нашими платьями. Оно всегда останется для насъ идеей, отвлеченною и холодною. Помощію этого понятія объ его началѣ, я легко отдаю себѣ отчетъ въ неизмѣримой разности между изяществомъ статуй и изяществомъ произведеній плоскаго рисунка у древнихъ Египтянъ и Эѳіоповъ, и, вопреки мнѣнію многихъ, заключаю, что художество этихъ народовъ не выходило изъ дѣтства. Ихъ статуи и колоссы, сравнительно, прекрасны: это простое слѣдствіе чувства изящности извѣстныхъ формъ и положеній тѣла, — чувства столь сильнаго и столь естественнаго всюду, гдѣ половина населенія большею частью является безъ платья; это — матеріальное осуществленіе первѣйшаго понятія объ изящномъ. Ихъ плоскій рисунокъ неуклюжъ и хуже китайскаго, — потому-что для рисунка потреб-

ны высшія соображенія искусства и ученое наблюденіе природы.

Красота нубійскаго поколѣнія представляется въ физіологіи въ видѣ очень любопытнаго вопроса, и хотя наша самонадѣянность придумала уже нѣсколько прекрасныхъ способовъ истолковать ее естественнымъ образомъ, однакожъ всѣ до-сихъ-поръ предложенныя ипотезы только обходятъ фактъ, а не открываютъ его причины. Не входя въ споръ о томъ, въ которую сторону Нила жили древніе Нубы или Нобаты, можно быть увѣреннымъ, основываясь на согласномъ свидѣтельствѣ греческихъ и римскихъ писателей, что они жили далеко внутри пустыни, гораздо южнѣе нынѣшней Нубіи, и принадлежали къ настоящей породѣ Негровъ. Въ концѣ третьяго вѣка, императоръ Діоклеціанъ, по словамъ Прокопія, поселилъ ихъ въ Эѳіопіи, назначивъ имъ жилища отъ Мухарраки почти до вторыхъ пороговъ. Между Мухаррakою и первыми порогами, или границею Египта, жила, около того же времени, часть народа Блеміевъ, извѣстнаго уже со временъ Эратосѳена, и который также не состоялъ изъ красавцевъ: по-крайней-мѣрѣ Плиній и Помпоній Мела, которые помѣщаютъ ихъ вмѣстѣ съ сатирами, эгипанами и другими чудовищами, увѣряя, что они твари безъ головъ, съ однимъ глазомъ въ срединѣ груди, не имѣли высокаго понятія о пріятности ихъ наружнаго вида. Нубы занимаютъ по-сю-пору мѣста, отведенныя имъ Римлянами; нынѣшніе жители первыхъ пороговъ Нила, или такъ-называемые Шеллали, которыхъ поселенія простираются почти до

Мухарраки, безъ всякаго сомнѣнія суть потомки Блеміевъ: они другаго происхожденія, другаго цвѣта, и говорятъ языкомъ различнымъ отъ нубійскаго, хотя это еще и не всѣмъ антикваріямъ извѣстно. Чтожъ? какъ тѣ, такъ и другіе, теперь отличаются совершенною правильностью лица, и чертами удивительно похожи на изображенія, представляющія, на памятникахъ, древнихъ жителей Египта и Эѳіопіи, съ которыми они однакожъ исторически не имѣютъ ничего общаго, потому-что, когда Римляне оставили нынѣшнюю Нубію въ концѣ III вѣка, она была уже пуста. Я готовъ допустить, вмѣстѣ съ нѣкоторыми объяснителями этого чудеснаго превращенія, что смѣшеніе Нубовъ и Блеміевъ съ остатками прежняго эѳіопскаго населенія могло произвести въ здѣшнемъ участкѣ нильской долины существенное измѣненіе въ устройствѣ ихъ лицеваго угла и цвѣта ихъ кожи, хотя эти остатки, повидимому, были очень незначительны и ужъ конечно немногимъ бѣлѣе новыхъ поселенцевъ: самое названіе *аіѳіопс*, употребляемое Геродотомъ, Эратосѳеномъ и Птоломеемъ, показываетъ, что классическіе Эѳіопы, не смотря на сходство языка ихъ съ египетскимъ, были чернаго цвѣта, а послѣдній изъ трехъ писателей даже опредѣлилъ его отливъ. Но Нубійцы живутъ не въ одной только Нубіи: поселенія ихъ простираются далеко къ югу за Вади-Халфою; Сеннааръ занятъ также ими, и въ горахъ Кордуфана обитаютъ поколѣнія того же языка и имени. Всюду, гдѣ они или другіе негры перешли на берега Нила, черты ихъ быстро исправились и цвѣтъ

сталъ нѣжнѣе: тѣ, которые остались въ прежнихъ своихъ жилищахъ, по сіе время сохраняютъ безобразіе и черноту первобытной своей породы. Кордуфанскіе Нубы заняли Сеннааръ въ концѣ XIV вѣка. Понсетъ, посѣщая эту страну въ 1695 году, зналъ ихъ еще неграми. Брусъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, нашелъ уже удивительную перемѣну въ ихъ физіономіи, которая своей правильностью и красотою напоминала ему людей кавказскаго, или европейскаго колѣна. Нынче Сеннаарцы славятся уже стройностью своего сложенія, и кожа у нихъ темно-бронзоваго цвѣта, тогда какъ ихъ кордуфанскіе соплеменники и теперь похожи на обезьянъ, совершенно черны, съ приплюснутымъ носомъ и шерстью на головѣ. Брусъ, въ своемъ удивленіи, приписывалъ этотъ необычайный переворотъ вліянію нильскаго климата: физіологи надъ нимъ смѣялись, и порѣшили на томъ, что тутъ была примѣсь бѣлой породы. Откуда? Того никто не знаетъ! Ни Понсетъ, ни Брусъ, ни Калльо, бывшіе въ Сеннаарѣ каждый въ иномъ столѣтіи, не видали тамъ бѣлыхъ: напротивъ, всѣ прибрежные народы Нила безпрестанно пополняются невольниками изъ внутренней части Африки, и этотъ постоянный приливъ чистой черной породы долженствовалъ бы еще усилить сходство ихъ съ неграми. Прибавьте къ тому, что и въ самомъ Египтѣ физіономія негровъ, привозимыхъ изъ Бурну и другихъ юго-западныхъ областей, видимо измѣняется во второмъ и третьемъ поколѣніи, и красивые, европейскіе очерки лицъ у черныхъ невольниковъ, рожденныхъ на

берегахъ Нила, изумятъ въ Каирѣ всякаго внимательнаго наблюдателя, который приметъ на себя трудъ поговорить съ ними и узнать объ ихъ происхожденіи. Незнаніе мѣстнаго языка путешествующими обыкновенно скрываетъ отъ ихъ вниманія самыя существенныя частности, и приводитъ ихъ къ несбыточнымъ теоріямъ, которыя однакожъ снискиваютъ себѣ послѣдователей, потому-что объясняютъ загадку какимъ-нибудь принятымъ афоризмомъ, освобождающимъ отъ хлопотъ изслѣдованія. Брусово предположеніе, быть-можетъ, не такъ смѣшно, какъ оно кажется многимъ: существенный его недостатокъ въ томъ, что оно выражено слишкомъ просто и нескусно.

Мы долго говорили объ этомъ съ лордомъ Д—и, за завтракомъ у сиръ Г. С—та. Его милость согласился со мною, что Нубійцы въ самомъ дѣлѣ люди очень достойные любопытства, но былъ того мнѣнія, что все-таки лучше, чтобъ они надѣли рубахи.

Между-тѣмъ почтенный мистеръ Б—къ на другомъ концѣ лагеря всѣми силами оборонялся отъ шалуновъ, которые его морочили и исторгали у него удовольствіе увидѣть здѣсь что-нибудь новое. Каждый встрѣчалъ его условленнымъ привѣтствіемъ: — «А, мистеръ Б — къ! вы опять въ Эбсамбулѣ?— Какъ, вы уже второй разъ здѣсь?»— Старикъ сначала хладнокровно увѣрялъ вопрошателей, что онъ никогда не бывалъ въ Нубіи; потомъ разсердился; наконецъ сталъ самъ разспрашивать тѣхъ, къ которымъ имѣлъ довѣріе, слыхали ли они отъ кого-нибудь, чтобъ онъ въ про-

шломъ году ѣздилъ въ Эбсамбулъ; но двусмысленные ихъ отвѣты поставили еще въ бо̀льшую неизвѣстность, и онъ уже не зналъ, что̀ о себѣ думать. Вдругъ является староста съ нѣсколькими поселянами, и произноситъ ему длинную рѣчь поарабски.

— Чего они хотятъ? вскричалъ мистеръ Б—къ. Что это за люди? Подите прочь, негодяи!

— Они пришли къ вамъ, сказалъ одинъ изъ толмачей, поздравить съ благополучнымъ къ нимъ возвращеніемъ. Шейхъ-эль-беледъ изъясняетъ, отъ имени всѣхъ жителей, что съ-тѣхъ-поръ, какъ вы изволили уѣхать отсюда, они не могли ни ѣсть, ни спать, не видали солнца и совершенно изсохли отъ любви къ вамъ и отъ пламеннаго ожиданія, не пріѣдете ли вы еще разъ озарить ихъ долину блескомъ своего лица. Они говорятъ, что ввѣкъ не видали такого щедраго и великодушнаго милорда, и что никогда васъ не забудутъ.

Б—къ принужденъ былъ подарить имъ нѣсколько египетскихъ піастровъ: они уже были заплачены за эту продѣлку однимъ изъ его соотечественниковъ, который всегда преслѣдовалъ его своею насмѣшливой изобрѣтательностью. Но это обстоятельство поколебало его до основанія; онъ сталъ убѣждаться, что, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто нѣсколько ему знакомо, — къ чему, безъ сомнѣнія, помогло много и общее сходство видовъ здѣшняго края. Молча проводилъ онъ испытующій взоръ по всѣмъ лицамъ, но ни одно изъ нихъ не измѣняло тайнѣ: всѣ превосходно выдерживали свои роли и, казалось, отнюдь не занимались его

недоумѣніемъ. Б — къ ушелъ съ явною досадою въ свою палатку и, спустя немного, отправился къ спръ Генри С—ту, въ надеждѣ узнать съ достовѣрностью изъ его разговора, который разъ онъ въ Эбсамбулѣ. Но холодный дипломатъ-антикварій завелъ съ нимъ рѣчь о трехъ способахъ приготовленія мумій у древнихъ, и не входилъ ни въ какіе разспросы касательно его путешествія. Потерявъ терпѣніе, Б—къ спросилъ самъ, можетъ ли это быть, чтобы онъ, себѣ невѣдомо, попалъ сюда вторично?

— Я думаю, это съ вами часто случается, сказалъ С—тъ съ важною улыбкою. Что̀ касается до третьяго способа приготовленія мумій, о которомъ говоритъ и Геродотъ....

Б—къ посмотрѣлъ ему въ глаза и замолкъ. Онъ былъ совершенно разстроенъ этимъ отвѣтомъ, послѣ котораго ему уже нельзя было сомнѣваться. Онъ призналъ себя чистосердечно старинным посѣтителемъ Эбсамбула и, вышедъ отъ С — та, превращенный въ мумію въ растворѣ его египетской учености, удивлялся только тому, какой онъ разсѣянный, что забылъ подобное обстоятельство, хотя память у него, слава Богу, превосходная. Онъ объявилъ, къ большой потѣхѣ сочинителей мистификаціи, что впередъ будетъ вести дневникъ своимъ путешествіямъ и съ особеннымъ вниманіемъ записывать мѣста, которыя посѣщаетъ.

Пріятель синьора Д — чи, выѣхавшій позже всѣхъ насъ изъ Капра, привезъ англійскія и французскія газеты и письма къ разнымъ путешественникамъ, полученныя изъ Европы. Д — чи,

который не показывался съ самаго пріѣзда, разослалъ ихъ по палаткамъ, и нашъ станъ испыталъ одно изъ тѣхъ странныхъ пробужденій, которымъ подвергаются общества, когда среди ихъ упадутъ вѣсти важныя и неожиданныя. Газеты говорили о переворотахъ въ политическомъ мірѣ, письма о происшествіяхъ внутри семействъ нашихъ, отъ которыхъ многіе изъ насъ болѣе года не получали извѣстій. Мгновенная перемѣна декорацій послѣдовала во всѣхъ головахъ: муміи, обелиски, храмы, колоссы, старая и новая Нубія съ своими черными обществами и желтыми горами, умчали за края зрѣлища, и новые кулисы, — наши богатые города, наши прекрасныя дороги, величественные лѣса, пышная зелень луговъ, вся наша пестрая, блестящая Европа, съ своими странными теоріями, съ своимъ безпокоійнымъ движеніемъ, съ своей роскошью золота, словъ, наукъ и сумасбродствъ, высунулись и обставили сцену, въ срединѣ которой мелькнули наши домы: здѣсь мать выглядываетъ въ окошко, направляя взоръ, полный любовію и благословеніемъ, къ дальней, неизвѣстной ей Африкѣ, — тамъ свадебные гирлянды окружаютъ юную сестру вѣнцомъ счастія и навсегда отнимаютъ ее у брата, — индѣ быть-можетъ докторъ сидитъ у постели добраго родителя, — управитель васъ обкрадываетъ, — тянутся похороны друга, — въ знакомой рощицѣ, по той же дорожкѣ какъ и за два года, гуляетъ молодая дѣвушка, не думая о тѣхъ, которые теперь въ Нубіи!... Грузъ нѣжныхъ семейныхъ чувствованій! Двѣ революціи на югѣ! Конгрессъ въ центрѣ

мечтательнаго материка! И зловѣщіе крики газетъ, отъ которыхъ уши наши нѣсколько было поотвыкли! Этого ужъ слишкомъ для бѣдной нубійской поляны, не говоря уже о письмахъ отъ добрыхъ пріятелей, забытыхъ вами по разнымъ городамъ, — письмахъ, начинающихся извиненіемъ, что давно къ вамъ не писали, и, подобно Перкинсову паровому ружью, стрѣляющихъ по двѣсти анекдотовъ на минуту. Все это разразилось надъ поляною. Все это произвело такой взрывъ пересказовъ, толковъ, междометій и умозаключеній, что едва Африка не потряслась. Политическія извѣстія со всѣхъ концовъ свѣта, сплетни изъ всѣхъ европейскихъ столицъ, глупости изъ-подъ всѣхъ географическихъ широтъ, сперлись на песчаной площадкѣ нашего лагеря и превратили ее въ гостиную клуба: кто разсказываетъ забавный случай съ общимъ его и другихъ знакомцемъ, или приключеніе съ извѣстною актрисою; кто изумленъ и опечаленъ переворотомъ въ своемъ отечествѣ; тотъ бранитъ, тотъ радуется; о каждомъ событіи столько же противоположныхъ системъ, сколько присутствующихъ разноплеменныхъ народностей; одни шутятъ, другіе ссылаются на газеты, иные важно разсуждаютъ,—и вѣтеръ тутъ же разметаетъ по обѣимъ пустынямъ ихъ политическія теоріи, опасенія и надежды, наши народныя вражды и печальные факты общей нашей образованности, вмѣстѣ съ газетными объ нихъ толками. Если пустыни хорошо слушали, и поняли все, что̀ и какъ дѣлается, говорится и пишется въ земляхъ, имѣющихъ счастіе быть населенными,

то онѣ вѣрно сказали себѣ: — «Такъ лучше жъ намъ быть пустынями».

Эта Европа въ глухомъ уголку Нубіи, — настоящая Европа!—не прежде прекратилась, какъ по полученіи извѣстія, что входъ въ храмъ расчищенъ. Насъ вдругъ перебросило съ послѣдней почты въ глубочаіішую древность. Политическія системы превратились въ іероглифы. То было въ два часа по полудни.

Событія быстро слѣдовали одни за другими въ этотъ день, обильный для насъ событіями. Новаго рода суматоха раздалась въ станѣ. Каждый желалъ быть первымъ свидѣтелемъ дива, возвращеннаго дневному свѣту: эта прихоть въ дѣлѣ любопытства имѣетъ почти прелесть запрещеннаго плода по другой части. Всѣ торопливо вооружались зонтиками, портфелями, рисовальными досками, карандашами, складными футами, и спѣшили выступить на поляну, чтобъ вмѣстѣ идти во храмъ, какъ скоро дамы будутъ готовы. Сиръ Генри, великій жрецъ эбсамбульскій, долженствовалъ управлять обрядомъ закланія скотины ученаго любопытства на жертвенникѣ забытаго народами божества, и правильное исполненіе этого жертвоприношенія имѣло для насъ въ ту минуту почти религіозную важность. Мы были проникнуты такимъ же благоговѣніемъ къ пустопорожнему святилищу, съ какимъ приближались къ нему Эѳіопы, когда оно еще заключало въ себѣ таинства ихъ неба и сокровища земной мудрости. Рота археологовъ стояла подъ зонтиками и обливалась потомъ. Жара была ужаснал.

— Севъ! чтожъ Итальянка-то?

— Ст!... Я скажу вамъ послѣ. Тутъ происходятъ забавныя вещи. Она, я думаю, теперь выйдетъ изъ палатки, и вы ее увидите.... Посмотрите на Л—на! Онъ на себя не похожъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ молодой, розовый живописецъ былъ блѣденъ, разстроенъ, задумчивъ. Онъ, видно, провелъ ночь въ мучительной безсонницѣ. Помните ли удивительное своей простотою и вѣрностью выраженіе Гомера,—но вы, господа, нынче его не читаете!—одно изъ тѣхъ выраженій первичнаго наблюденія свѣжей еще природы, какихъ мы уже не изобрѣтаемъ, — *περί γυναίκα πασχειν*, «страдать женщиною»? Бѣдный Л—нъ, съ жалкимъ видомъ, поодаль отъ другихъ, державшій въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой, подъ мышкою, свой рисовальный приборъ, былъ очевидно — болѣнъ женщиною!

Въ это время явились наши Англичанки, — миссъ Марія, спрятанная подъ огромнымъ кисейнымъ покрываломъ, — мистриссъ У—è въ турецкомъ женскомъ плащѣ и съ чернымъ на лицѣ ситомъ, по послѣдней каирской модѣ. Итальянка не приходила. Синьоръ Д—чи одинъ присоединился къ намъ. Д—чи былъ сѣдой, низенькій, боченковатый весельчакъ, очень потѣшной наружности, но пріятнаго характера: притомъ отличный хлѣбосолъ. Всѣ его знакомцы бросились къ нему съ поздравленіями, съ шутками, съ запросами. Онъ выдержалъ за свою неожиданную гостью грозу пріятельскихъ эпиграммъ, не измѣнивъ своей веселости, но никакъ не хотѣлъ признаться, что она

его невѣста, и даже сердился, когда ему доказывали противное. Онъ увѣрялъ, что мать ея родственница его пріятелю, и что онѣ путешествуютъ съ нимъ для своего удовольствія.

— Она открыла сегодня въ Нубіи любопытную древность, сказала мистриссъ У—è одному изъ насъ, обозрѣвая синьора Д—чи и душась отъ смѣху подъ ситомъ.

— Вы ужасно взыскательны, возразилъ ей мой товарищъ, Петръ Ивановичъ. Синьоръ Д—чи можетъ еще нравиться дамамъ.

Мы двинулись къ Нилу цѣлой ватагой, которую еще увеличила толпа служителей, несшихъ наши ружья. Черезъ пять минутъ мы уже стояли передъ храмомъ, по лодыжку въ пескѣ и окруженные сотнею Эбсамбульцевъ обоего пола, для которыхъ наши лица и наряды составляли такую же рѣдкость, какъ для насъ ихъ памятникъ. Мужчины, по трактату, были всѣ въ рубахахъ.

— Не примѣчали ли вы, сударыня, важно спросилъ мой товарищъ г-жу У—è: носятъ ли здѣшнія дѣвушки англійскіе корсеты?

— Вы человѣкъ безстыдный, возразила строгая пуританка, не зная куда дѣваться отъ этихъ барышень, которыя тѣснились вокругъ нея и указывали пальцами на ея бѣлые чулки.

Если кому-нибудь еще неизвѣстно, что эбсамбульскій храмъ не построенъ подъ открытымъ небомъ, а изсѣченъ въ горѣ, то я готовъ сказать это ему за новость. Ливійская цѣпь, состоящая въ этой сторонѣ изъ желтаго, очень мягкаго песчаника, вытянулась здѣсь колѣномъ, которое почти

упирается въ рѣку. Скатъ его довольно отлогъ. Онъ срѣзанъ отвѣсно въ одномъ мѣстѣ, такъ что оставшіяся по сторонамъ части ската приняли видъ двухъ каменныхъ отводовъ, какъ бы подпирающихъ гору. Этотъ отрѣзъ есть именно фасадъ храма, — очень простоій въ архитектурномъ отношеніи, потому-что тутъ ничего болѣе не сдѣлано, кромѣ высокихъ дверей, ведущихъ внутрь зданія, и четырехъ огромныхъ колоссовъ, опертыхъ спинами о фасадъ и изваянныхъ изъ уничтоженноій массы ската, по два съ каждой стороны входа. Песокъ, накопившійся въ теченіе многихъ вѣковъ въ углу колѣна, обращенномъ къ пустынѣ, образовалъ тамъ сугробъ, которыій уже поровнялся съ вершиною горы. При сильномъ западномъ вѣтрѣ, песчаная волна, несущаяся въ пустынѣ подобно нашему сухому снѣгу въ полѣ, взлетаетъ по отлогости этого сугроба на гору, переходитъ черезъ ея вершину, и струится съ нея по отрѣзу ската. Такимъ образомъ, у подошвы фасада возникъ другоій сугробъ песку, которыій засыпалъ двери гораздо выше верхнеій ихъ перекладины и четыре колосса по самую шею. Нѣтъ ничего забавнѣе вида этихъ исполинскихъ головъ, торчащихъ изъ песку и улыбающихся зрителю тою жирноій, сладостноій улыбкоій, которую Египтяне придали толстымъ губамъ почти всѣхъ своихъ колоссовъ: четыре великана сидятъ, кажется, въ ваннѣ и счастливы тѣмъ, что имъ жарко! Но должно сказать, что только трое изъ нихъ наслаждаются этою отрадою въ раскаленномъ пескѣ сугроба: четвертый обрушился и утонулъ въ своей

купальнѣ. Само собою разумѣется, что песокъ, заваливъ и наполнивъ двери, пустилъ другую отлогость своего холма внутрь зданія, отъ перекладины до пола, и что эта покатость должна быть гораздо стремительнѣе наружной, простирающейся отъ верхней части фасада до самаго берега Нила. Чтобы проникнуть въ храмъ, надобно раскопать песокъ надъ дверями, и прорыть подъ перекладиною нору, въ которую потомъ антикварское любопытство, съ портфелемъ подъ мышкою, влѣзаетъ, согнувшись вчетверо и утопая въ пескѣ на каждомъ шагу. Прибывающій сюда путешественникъ долженъ всегда нанимать Берберовъ для изготовленія ему такого прохода, потому-что нору его предшественника, если не скоро заноситъ пескомъ, поселяне засыпаютъ сами, чтобъ не лишиться удовольствія оказать новому гостю услугу за его деньги. Наши условія съ ними были гораздо прихотливѣе тѣхъ, какія обыкновенно заключали они съ другими посѣтителями. Мы требовали, во-первыхъ, чтобы проходъ былъ въ человѣческій ростъ, и, во-вторыхъ, чтобы они отрыли намъ одинъ колоссъ весь до основанія, въ южномъ углу фасада, потому-что мы хотимъ его измѣрить. Колоссъ этотъ былъ уже отрытъ однажды лордомъ Валенсія, за нѣсколько лѣтъ до нашего посѣщенія, но опять погрузился въ песокъ до половины. Второе условіе исполнили гораздо лучше перваго, расчитавъ, что вѣтеръ не скоро задѣлаетъ большое отверзтіе въ дверяхъ, и что имъ будетъ стоить большаго труда помогать ему.

Глаза наши устремились на каменнаго гиганта,

возставшаго изъ могилы во всемъ своемъ могуществѣ. Онъ поразителенъ даже для тѣхъ, кто видѣлъ сфинкса у пирамидъ въ Джизе и ѳивскаго Мемнона съ супругою. Эбсамбульскіе колоссы представлены сидящими на стульяхъ и, подобно Мемнону, держатъ руки на колѣняхъ. Ширина ихъ плечъ три сажени; вышина девять саженъ. Въ нихъ особенно замѣчательны лица, прекрасно сохранившіяся въ климатѣ, который ничего не разрушаетъ. Они, какъ и лица всѣхъ прочихъ нубійскихъ истукановъ, носятъ легкій отпечатокъ поколѣнія негровъ, отнюдь не противный европейскому глазу, но отдѣлка ихъ превосходна и выраженіе весьма пріятно. Мы удивлялись сходству ихъ чертъ съ физіогноміею бывшихъ тутъ Берберовъ, хотя послѣдніе совсѣмъ различнаго происхожденія съ древними строителями храма. Остальныя части тѣла отдѣланы съ египетскою неловкостью.

Какъ мы ни горѣли нетерпѣніемъ увидѣть внутренность храма, но проходъ оказался слишкомъ неудобнымъ для нашихъ спутницъ. Нубійцы доказывали намъ, что онъ безподобный и что лучше быть не можетъ. Споръ продолжался уже нѣсколько минутъ, какъ одно слово турецкаго полковника, Сева, вдругъ перемѣнило ихъ образъ мыслей, и они поклялись своими глазами, что мигомъ можно будетъ проѣхать въ *бирбе* на верблюдѣ. Они схватили лопаты, въ одно мгновеніе ока сорвали съ себя рубахи, бросили ихъ на песокъ, и усердно принялись углублять отверзтіе. Трактатъ былъ уничтоженъ, и съ такой быстротою, что не

было возможности остановить вѣроломства, невольно вырвавшагося изъ глубины этихъ черныхъ сердецъ. Лордъ Д—и сердился и кричалъ имъ по-итальянски; сиръ Генри кричалъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ; прочіе смѣялись. Берберы, не понимавшіе ни того, ни другаго, закричали также на своемъ нарѣчіи, и ту же минуту высыпала изъ-за горы, съ лопатами, толпа ихъ одноплеменниковъ, занимавшихъ эту позицію за неимѣніемъ рубахъ. По счастію, миссъ Марія ничего не видала сквозь кисею. Ея надзирательница быстро отвернулась въ сторону, и, какъ наблюдательная женщина, замѣтила г-ну М—ку, что вода въ Нилѣ очень *черна*. Она хотѣла сказать — желта.

Мы заслонили прекрасныхъ путешественницъ стѣною изъ зонтиковъ, и съ тѣхъ поръ онѣ были въ совершенной безопасности. Лордъ Д—и казался очень благодаренъ намъ за эту остроумную выдумку. Между-тѣмъ собраніе представляло самое забавное зрѣлище. Наше общество было перемѣшано купами туземцевъ по всѣмъ направленіямъ; путешественники одни сохраняли свое народное платье, другіе были одѣты по образцу разныхъ восточныхъ поколѣній; иные ни по какому образцу: наряды турецкіе и мамлюкскіе, фраки и бедуинскія одѣяла, египетскія фуфайки, арнаутскія куртки и европейскіе сюртуки переплетаются съ кожею мѣстныхъ хозяевъ; бѣлыя и черныя лица, соединенныя въ группы, образуютъ пестрыя и живописныя массы головъ; бѣлые и черные нравы глядятъ другъ на друга съ удивленіемъ; и тутъ же, рядомъ, стоятъ стыдливость, тщательно

закутанная, и стыдливость нагая, гордая той чистотою, которая дозволяетъ ей еще не прятаться подъ покровы. Сиръ Александръ С***, ставъ на грудѣ песку, доказывалъ передъ фасадомъ эбсамбульскаго храма, что нарядъ нубійской дѣвицы гораздо скромнѣе бальнаго вырѣзнаго платья Европейки, — но сиръ Александръ былъ извѣстенъ въ цѣлой Нубіи своими парадоксами! Одинъ изъ бывшихъ съ нами живописцевъ сдѣлалъ со скуки очень умный эскизъ нашей разнородной толпы въ ту минуту, — и этотъ эскизъ остался у меня.

Покуда поселяне работали, путешественники расхаживали, разсуждали, спорили, сидѣли на обломкахъ горы или придумывали разныя потѣхи въ эѳіопскомъ вкусѣ. Одни заставили Берберовъ плясать. Другіе бились объ закладъ въ томъ — кто пробѣжитъ по нубійскому песку на солнцѣ двадцать шаговъ босыми ногами? Тѣ, которые были одѣты въ восточное платье, поочередно скидавали туфли, и пытались извѣдать чувствительность своихъ подошвъ къ жарѣ,—никто не могъ сдѣлать десяти шаговъ. Предложили Берберамъ двадцать египетскихъ піастровъ за тотъ самый подвигъ, и изо многихъ соревнователей, одинъ молодой негръ изъ Дарфура выигралъ призъ при громогласномъ одобреніи всего чернаго общества. На послѣднемъ шагу, онъ упалъ спиною наземь, и вздернулъ ноги вверхъ съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ боли, что жалко было на него смотрѣть.

Я подошелъ къ дамской группѣ, постоянно обведенной услужливыми зонтиками. Миссъ Марія и ея надзирательница любовались на большія, кра-

сивыя яблоки, которыми былъ осыпанъ кустъ колокинта, росшій на самомъ берегу Нила. Палевый цвѣтъ этого горькаго плода, пустаго въ срединѣ, когда онъ достигнетъ зрѣлости, и прелестныя красныя жилки, правильно исписывающія его сухую, гладкую какъ атласъ поверхность, долго восхищали обѣихъ путешественницъ, и онѣ просили срѣзать для нихъ нѣсколько яблоковъ. Налюбовавшись, всѣ отвернулись отъ куста, ища другаго предмета для своего вниманія. Насъ занялъ огромный крокодилъ, вышедшій изъ воды грѣться на солнцѣ на маленькомъ островку, возникшемъ, отъ убывающей воды, почти на срединѣ рѣки. Невинныя опасенія зрительницъ при видѣ крокодила тотчасъ разсѣялись, какъ скоро имъ объяснили, что высота отвѣсно усѣченнаго берега, на которомъ мы стояли, защищаетъ насъ отъ всѣхъ посяганій алчнаго сосѣда.

— Пафъ!!!...

— Ахъ!

— Ахъ!... Кто выстрѣлилъ?

Путешественницы ужасно перепугались. Кто-то невзначай выстрѣлилъ подлѣ насъ изъ карманнаго пистолета. Да и многіе изъ насъ были нѣсколько встревожены. Берберы хохотали.

Одинъ изъ толмачей, типъ капрскаго толмача, подошелъ и доложилъ, почтительно извиняясь передъ нами, что выстрѣлило-то колокинтовое яблоко на кустѣ. Когда яблоко совершенно созрѣло, то, — извините, господа! — оно лопаетъ съ трескомъ какъ-бы пистолетнаго выстрѣла, — извините, сударыни! — и распрыскиваетъ зерна свои

очень далеко во всѣ стороны, — покорнѣйше прошу извинить меня, сударыни!

Онѣ со страху побросали наземь собранныя для нихъ яблоки, опасаясь, что они станутъ стрѣлять въ ихъ мѣшечкахъ и взорвутъ ихъ на воздухъ.

Почтительный толмачъ подобралъ яблоки, и поднесъ обратно дамамъ, удостовѣряя, что какъ скоро ихъ срѣжешь съ куста, то, — извините сударыни! — они больше не стрѣляютъ, потому-что, — извините, господа! — изъ зернъ этихъ яблоковъ аптекари дѣлаютъ слабительное, — покорнѣйше прошу извинить, милостивые государи и государыни!

Посмѣявшись надъ этимъ приключеніемъ, мы тоже просили нашихъ собесѣдницъ извинить насъ и позволить намъ поохотиться за крокодиломъ. Сиръ Александръ С***, одинъ изъ нѣмецкихъ натуралистовъ и я, взявъ двуствольныя ружья, условились всадить ему три пули въ желудокъ, метя всѣ трое въ одно мѣсто, и, когда послѣ перваго выстрѣла онъ будетъ уходить въ воду, стараться поймать его въ голову изъ другаго ствола. Мы подошли къ самой водѣ, и выстрѣлили. Одна пуля, видно, задѣла его за чувствительное мѣсто, потому-что онъ вспрыгнулъ на-мѣстѣ и бросился въ воду. Второй залпъ не произвелъ никакого слѣдствія. Мы скорѣе взобрались на берегъ.

Черезъ минуту, голова чудовища показалась внизу изъ воды, насупротивъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Всѣ схватили ружья, но чуть приняlись метить, онъ нырнулъ въ воду. Вниманіе цѣлой толпы было теперь устремлено на дерзкаго

гада: мы держали ружья на прикладѣ, ожидая, что онъ снова появится, чтобъ привѣтствовать его ту же минуту двумя десятками пуль. Онъ дѣйствительно показался еще разъ, и вышелъ до половины на сушу, но уже въ другомъ мѣстѣ, и на такомъ отъ насъ разстояніи, что пока мы подбѣжали къ нему на ружейный выстрѣлъ, уродъ скрылся. Староста съ нѣсколькими поселянами принялись объяснить намъ, что мы напрасно его преслѣдуемъ: онъ хитеръ,—онъ *дядя* всѣхъ здѣшнихъ крокодиловъ,— и такъ его не уходишь; а надобно удить его. Если для этого мы пожалуемъ имъ лопатку баранины, то, *иншаллахъ*! «по милости Аллаха», къ вечеру они его поймаютъ. Этотъ родъ рыбной ловли чрезвычайно понравился нашимъ Англичанамъ, которые вообще большіе охотники удить, и они обѣщали поселянамъ тридцать піастровъ за «дядю». Приготовленія были сдѣланы въ нѣсколько минутъ: изъ лагеря принесли большой кусокъ мяса; Берберы отыскали большой желѣзный гвоздь, согнули его, привязали къ длинной веревкѣ изъ пальмовыхъ волосъ, продѣли въ баранину и бросили въ рѣку. Въ Англіи, рыбная ловля сдѣлалась однимъ изъ пріятнѣйшихъ удовольствій свѣтской жизни: составляются небольшія общества изъ десяти и болѣе человѣкъ мужчинъ и молодыхъ женщинъ, и ѣдутъ лѣтомъ на отдаленныя рѣки и озера, въ живописныя мѣста Шотландіи или Ирландіи, по-времени даже въ Норвегію, — удить рыбу. Занимательность этихъ кочевыхъ эпизодовъ длинной мелодрамы осѣдлаго быта увеличивается маленькими приключеніями

дороги, забавными случаями на-мѣстѣ, наблюденіями надъ страною и нравами жителей, веселостью и остроуміемъ самихъ рыбаковъ и милыхъ рыбачекъ. Воротясь въ столицу, кто-нибудь изъ общества опишетъ все это съ своими примѣчаніями, и публика получитъ милую и умную книгу: такимъ образомъ возникъ тамъ особый, очень пріятный родъ легкой литературы, Angling Literature, «рыболовная словесность», которой нѣтъ у другихъ народовъ. У насъ столько создателей, которые все создаютъ, подражая, — а никто не подумаетъ о созданіи русскаго рыболовнаго романа. Пора, пора удить и намъ! Вотъ я сдѣлаю предложеніе охотникамъ до веселой жизни: вмѣсто того, чтобъ ѣхать на дачи, соберемтесь нынѣшней весною человѣкъ двадцать, тридцать, дамъ и мужчинъ, и отправимся въ Верхній Египетъ удить крокодиловъ. По возвращеніи, мы напишемъ книгу, и будемъ удить читателей. Надобно жъ сдѣлать начало!

Намъ некогда было наблюдать далѣе за удою нашихъ Берберовъ: входъ во храмъ достаточно былъ уже расчищенъ, и всѣ мы бросились взбираться на сугробъ. Но они поймали его часа черезъ два.

Спръ Генри, какъ предводитель, и лордъ Д—чи первые вошли въ отверзтіе. За ними, миссъ Марія и мистрисъ У—è. С*** подалъ руку послѣдней, я имѣлъ удовольствіе поддерживать ея робкую воспитанницу въ многотрудномъ бореніи съ сыпучимъ пескомъ, осувавшимся подъ нашими ногами и въ которомъ мы часто погружались по

колѣни. Прочіе ползли за нами. Приходилось падать и приподниматься почти на каждомъ шагу, и когда, приподнимаясь, упирались мы рукою въ песокъ, она вязла въ немъ глубже ногъ, и увлекала насъ въ новое паденіе. Это мучительное шествіе сопровождалось общимъ хохотомъ, который издали гремѣлъ глухимъ эхомъ въ пустынномъ святилищѣ Озириса. Толщина стѣны образуетъ въ дверяхъ довольно длинный корридоръ; свѣтъ, вторгающійся снаружи, постепенно въ немъ ослабѣваетъ, и глаза ваши, раздраженные солнечнымъ блескомъ, наполняются чернымъ мракомъ. Мы были вдругъ застигнуты совершенною темнотою, и ощупью брели въ пескѣ, часто ударяясь головами въ потолокъ глубокой двери, какъ вдругъ послышалось подлѣ пронзительное—«Аіі!!!»... Прежде чѣмъ я постигъ смыслъ этого междометія, миссъ Марія произнесла другое—«Аіі!» Мы отнюдь не подумали о томъ, что песчаный холмъ, завалившій двери, долженъ имѣть внутри храма опасную покатость, и не знали, что уже стоимъ на краю пропасти. Песокъ вдругъ обрушился лавиной подъ прелестною англійскою ножкою моей спутницы, которая крѣпко, обѣими ручками, держалась за мою руку; она упала на меня бокомъ, я опрокинулся навзничъ, и мы сперва поѣхали внизъ вмѣстѣ, на кучѣ песку, потомъ покатились по-одиначкѣ по стремительному скату внутренней части сугроба. Слава Богу, что было темно. Ушибиться тутъ невозможно, потому-что полъ первой залы усыпанъ очень далеко пескомъ, который чрезвычайно мягокъ и пріятенъ при вставаніи.

Всѣ, шедшіе за нами, подвергались тому же приключенію, и громкій смѣхъ стоявшихъ уже на землѣ, который потолки зданія повторяли грубымъ пещернымъ басомъ, знаменовалъ каждое новое низверженіе путешественника. Археологи падали съ потолка храма, какъ груши съ дерева. Наконецъ упалъ Б—къ, и представленіе кончилось. Въ отверзтіи начали появляться Берберы, которые, зная мѣстоположеніе, спускались очень покойно. Теперь они были въ рубахахъ.

Удивленіе наше росло, по мѣрѣ того, какъ зрачки, сжатые первымъ впечатлѣніемъ темноты, расширялись и привыкали къ мраку. Мы очутились посреди грозной толпы великановъ! Два ряда черныхъ колоссовъ, выстроенныхъ вдоль зданія по сторонамъ входа, опертыхъ объ огромные пилястры, поддерживающія потолокъ величественной палаты, производятъ здѣсь неописанное дѣйствіе надъ зрителемъ. Никакая кисть не въ состояніи дать понятія о волшебствѣ этого зрѣлища. Въ глубинѣ храма господствуетъ темнота. Въ отверзтіе, прорытое высоко въ дверяхъ, мчится волна яркаго цвѣта, насыщенная бѣлизною песку, и свѣтистыми брызгами разражается объ это могучее каменное народонаселеніе, которое достойно родиться и обитать только въ нѣдрахъ горъ. Одна сторона колоссовъ освѣщена полуденнымъ днемъ, другая залита самою черною ночью. Сложенныя на груди руки, въ которыхъ держатъ они обыкновенныя эмблемы Озириса, придаютъ имъ выраженіе священнаго смиренія, какъ бы напоминающаго зрителю о присутствіи божества въ

храмѣ. Вамъ становится страшно между этими неподвижными незнакомцами, въ этой борьбѣ дневнаго свѣта съ таинственнымъ, зловѣщимъ мракомъ, въ этой тишинѣ, одаренной такимъ громкимъ эхомъ: вы приказываете подать факеловъ,— и вы все потеряли. Тогда видите, вы только изваянный камень. Тогда вы разсматриваете барельефныя картины, которыми покрыты стѣны, считаете отдѣленія подземнаго чертога, удивляетесь его обширнымъ заламъ, — пожалуй, можете даже ихъ измѣрить. Вы будете знать навѣрное, что онѣ больше всего вамъ извѣстнаго; но это знаетъ каждый, читающій книги. Вы станете искать любопытнаго въ подробностяхъ, чудесъ по угламъ, и потеряете единственное чудо, какое есть въ Эбсамбулѣ, — это его освѣщеніе. Если когда-нибудь вамъ случится быть въ этомъ удивительномъ памятникѣ, послушайтесь меня, не зажигайте факеловъ,—смотрите на него только при свѣтѣ, бьющемъ изъ норы, которую Нубійцы для васъ прорюютъ, и, наполнивъ взоры этимъ видомъ, уѣзжайте скорѣе, чтобъ на васъ не нашла охота разстроить волшебство мелочнымъ любопытствомъ. Тогда у васъ останется въ душѣ на всю жизнь единственная картина чудеснаго жилища духовъ, представленіе фантастическое, высокое, невообразимое, которое будетъ ваша исключительная собственность, — потому-что вы никогда не передадите ея другому ни перомъ, ни кистью.

Чтобъ вамъ не вздумалось посмотрѣть со свѣчкою, что̀ такое находится на стѣнахъ и по угламъ зданія, и вносить нищій огонь въ эту пышную,

великолѣпную темноту, я напередъ скажу вамъ, что̀ тамъ такое. Тамъ есть десять комнатъ, расположенныхъ различнымъ образомъ вокругъ этой заколдованной залы, и ничѣмъ не примѣчательныхъ для того, кто уже знаетъ другіе египетскіе и нубійскіе храмы. Самая зала имѣетъ шестьдесятъ футовъ длины и тридцать вышины. Колоссы, поставленные на высокихъ пьедесталахъ, заключаютъ въ себѣ три человѣческихъ роста: числомъ, ихъ восемь, по четыре съ каждой стороны. Всѣ они одинаковы, и изображаютъ Озириса. Выходя отсюда въ двери, противоположныя входу, вы проникаете въ большую комнату, гдѣ находится жертвенникъ: потомъ прямо въ другую, или самое святилище. Тутъ сидятъ на скамьѣ рядомъ пять различныхъ истукановъ, не одинаковой величины, очень хорошо сохраненныхъ. Вся длина подземнаго зданія, отъ входа до этого мѣста, двадцать саженъ. Остальныя восемь комнатъ, находящіяся по сторонамъ, совершенно пусты. Стѣны главной залы покрыты іероглифами и барельефами, изображающими воинскіе подвиги царей. Огромнаго роста героя, одѣтый кожею тигра, стоитъ на колесницѣ, и напрягаетъ лукъ, между-тѣмъ какъ пущенныя имъ стрѣлы пронзаютъ по нѣскольку крошечныхъ враговъ вдругъ: онъ беретъ приступомъ за̀мокъ, лежащій на скалѣ; устрашенный гарнизонъ изъ пигмеевъ, стоя на колѣняхъ, молитъ его о помилованіи; испуганный пастухъ бѣжитъ отъ него съ своимъ стадомъ. Далѣе тотъ самый молодецъ убиваетъ одного воина копьемъ, а другаго топчетъ ногами. Далѣе, схвативъ за волосы

по нѣскольку миніатюрныхъ плѣнныхъ, всѣмъ имъ вдругъ отсѣкаетъ онъ головы коротенькою сѣкирою. Жрецъ стоитъ за нимъ съ жертвеннымъ ножемъ. Связанные плѣнники стоятъ за жрецомъ. Все та же исторія, которую вы сто разъ видали въ ѳивскихъ дворцахъ и разныхъ храмахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что самая масса камня, мягкая и крупнозернистая, не позволяла здѣсь художнику отличиться чистотою отдѣлки. Тѣ, которые почитаютъ подобныя картины за историческія и современныя самимъ событіямъ, находятся, я думаю, въ пріятномъ заблужденіи, изъ котораго и исторгать не должно. Ихъ повсемѣстное сходство доказываетъ, что это только принятыя украшенія, общія статьи орнаментальной архитектуры, въ родѣ поэтическихъ помысловъ, красующихся на нашихъ потолкахъ, и подъ которыми жрецы или сами художники произвольно подписывали собственныя имена прежнимъ числомъ. Теперь ужъ не знаешь, съ которой стороны и ударить, чтобъ поколебать мнѣніе, получившее прочность стали отъ безпрестанныхъ ударовъ молота, которымъ неразмышляющіе валяютъ брошенную имъ идею: кто-то сказалъ первый, и за нимъ всѣ повторяютъ, будто выдолбленные въ горахъ храмы принадлежатъ къ глубочайшей древности, и что они — первыя архитектурныя произведенія стараго міра, потому-что напоминаютъ собою пещеры. Въ такомъ случаѣ, они бы долженствовали по-крайней-мѣрѣ походить видомъ на пещеры, а не представлять вылитую съ одного разу идею того, что̀ разнородный трудъ, отдѣльныя художе-

ства, собираютъ отвсюду по частямъ для украшенія жилища, воздвигаемаго подъ открытымъ небомъ. Отчего находите вы во всѣхъ этихъ изсѣченіяхъ не пещерные своды, но плоскіе потолки, опертые на двухъ рядахъ пилястровъ, какъ въ ѳивскихъ дворцахъ, гдѣ вся ширина потолка покрыта тремя большими плитами? Я постигаю нужду и естественное начало пилястровъ въ зодчествѣ, складывающемъ зданіе свое изъ отдѣльныхъ брусьевъ, но не вижу никакой надобности выдумывать ихъ въ долбящей архитектурѣ: вѣдь гора не обрушится оттого, что вы, для своей залы, вынули изъ нея двѣсти кубическихъ саженъ камня. Въ той самой Ливійской цѣпи есть пещеры, которыхъ пустота во сто разъ больше. Отчего окружности этихъ изсѣченій нигдѣ не являютъ круглыхъ формъ природныхъ горныхъ полостей, отъ которыхъ, какъ всѣ говорятъ, онѣ происходятъ, но прямые углы и линіи архитектуры, укрѣпляющей кубъ на кубѣ и связывающей отдѣльные параллелограммы между собою? Согласитесь, что истуканы дѣлались изъ дерева и валяющихся на землѣ глыбъ камня, переносились съ мѣста на мѣсто, и стояли гдѣ-нибудь въ комнатахъ у пилястровъ гораздо прежде, нежели человѣку могла прійти въ голову сложная мысль — изваять ихъ вдругъ вмѣстѣ съ пилястрами и съ комнатой, которую хотѣлъ онъ выдолбить внутри камня. Я вижу въ идеѣ архитектуры долбящей обратный оттискъ идеи архитектуры строящей, и въ ея подробностяхъ, какъ здѣсь, такъ и въ Индіи, рабское подражаніе тому, что̀ уже воздвигнуто подъ

открытымъ небомъ. Это отвлеченность, это роскошь, развратъ искусства, разбогатѣвшаго и поднимающагося на странныя прихоти, на диковинки, а не первые его опыты. Безъ ѳивскихъ чертоговъ ни Эбсамбулъ, ни Гирше, не могли бы существовать: они бъ не имѣли себѣ образца, чтобы изсѣчь изъ цѣльнаго куска то, что̀ тамъ сдѣлано изъ нагроможденныхъ брусьевъ,—а это очевидно была идея строителя какъ здѣшняго храма, такъ и всѣхъ имъ подобныхъ. Поэтому я смѣю считать эбсамбульскій памятникъ, вопреки всѣмъ возгласамъ объ его неслыханной древности, очень немногимъ древнѣе Дендеры, несмотря даже на іероглифическія его надписи, которымъ я не вѣрю, потому-что онѣ явно общія мѣста, — да притомъ, кромѣ собственныхъ именъ, мы ничего не умѣемъ разобрать въ нихъ съ достовѣрностью. Не странное ли дѣло, что этотъ чудесный памятникъ, которому нѣтъ ничего равнаго во всеи нильской долинѣ, совершенно неизвѣстенъ древнимъ писателямъ? Мы не можемъ подобрать нынѣшнему Эбсамбулу ни одного названія во всеи эѳіопской географіи. Геродотъ не зналъ его, онъ никогда объ немъ не слыхивалъ, хотя очень хорошо слыхалъ о «священномъ Тальмисѣ», который не стоитъ Эбсамбула, и который уже, за старостью лѣтъ, разрушился. Вся загадка, быть-можетъ, состоитъ въ томъ, что во времена Геродота его еще не начинали.

Но оставимъ это: въ храмѣ такъ жарко, что нельзя выдержать. Жара этого подземелья превосходитъ даже духоту пирамидъ въ Джизе; и

паръ русской бани показался бы въ сравненіи съ нею суровымъ сѣвернымъ климатомъ. Потъ лился съ насъ потокомъ. Я хотѣлъ срисовать внутренній видъ чертога, освѣщеннаго факелами: нѣтъ возможности! Наклеенная на доскѣ бумага была въ одно мгновеніе потоплена крупными каплями пота. Миссъ Марія, которая прелестно рисовала, принялась также за карандашъ, и онъ выпалъ тотчасъ изъ ея розовыхъ пальчиковъ, лишившихся упругости. Многіе другіе пытались сохранить въ своихъ альбомахъ собственноручный очеркъ зрѣлища, приводившаго ихъ въ такое восхищеніе, и принуждены были оставить. Наши живописцы сдѣлали для насъ кой-какіе «Внутренніе виды Эбсамбула». Впослѣдствіи я видѣлъ множество рисунковъ, подъ которыми эти слова были подписаны, и ни на одномъ не узналъ предмета. Мы блуждали по обширному зданію, осматривая съ огнемъ всѣ стѣны. Мистеръ Солмонъ давно уже наплевалъ и ушелъ. Бѣдный Б—къ упалъ въ обморокъ. Лордъ Д—и едва тащился. Спръ Генри, мужчина дородныій и полнокровныій, лежалъ на пескѣ, пыша и восхищаясь.

Староста, покуривая свою коротенькую трубку, съ важностью подошелъ къ его милости и началъ толковать ему что-то съ сильнымъ убѣжденіемъ. Тотъ не понималъ его, и звалъ своего переводчика. Многіе собрались съ любопытствомъ вокругъ блѣднаго и измученнаго лорда, который былъ въ большомъ затрудненіи.

— Non star bono, *мусью! Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Мушу тайебъ?...*

— Что́ онъ говоритъ? Чего этотъ болванъ хочетъ?...

— *Харръ шедидъ*, signor!

— Да что̀ такое онъ толкуетъ? Гдѣ жъ переводчикъ?... Джованни! Джованни!

— *Мушу тайебъ! Харръ шедидъ! Тетмаррадъ. Биддакъ бтензаа этъ тоубъ, эль камисъ.*

— Джованни! Джованни! Ахъ, вотъ вы здѣсь очень кстати! сказалъ мнѣ лордъ, увидѣвъ, что я присоединился къ ихъ купѣ. Объясните, Бога ради, о чемъ онъ хлопочетъ.

— Онъ говоритъ, что здѣсь очень жарко; что это нехорошо,—вы будете больны, милордъ. Онъ вамъ крайне совѣтуетъ, чтобы вы....

— Ну, что̀ такое?

— Чтобы вы скинули платье и рубашку.

Всѣ расхохотались, и самъ лордъ не могъ удержаться отъ смѣха. Мудрый староста прекрасно догадался, къ кому обратиться съ совѣтомъ!

Однакожъ наставленія его не были для насъ безполезны. Онъ увѣрялъ насъ, что, вышедъ отсюда, мы простудимся на воздухѣ, какъ бы ни было жарко на дворѣ. Мы послали въ палатки за шинелями, и предосторожность оказалась очень умѣстною. Тѣ, которые не послѣдовали нашему примѣру, продрогли при 25° Реомюра. Въ Нубіи, привыкшіе къ одеждѣ, одѣваются ночью въ шубы, хотя тамъ никогда не бываетъ меньше 12° тепла.

Для перваго разу было довольно. Въ пять часовъ мы начали расходиться. Севъ, окруженный нѣсколькими человѣками путешественниковъ, раз-

сказывалъ имъ на берегу Нила какую-то исторію, которая ихъ сильно тѣшила.

— Что̀ такое, Севъ? Что̀ такое? Разскажи, пожалуй.

— Мы толковали о Д—чи и его невѣстѣ. Я все узналъ. Кажется, что они очень не понравились другъ другу. По-крайней-мѣрѣ, она приняла его холодно, и это его взбѣсило. Онъ примѣтилъ, что Л—нъ за ней приволакивается и что она его не отвергаетъ.... Мать сказала еще какую-то глупость, и Д—чи крайне недоволенъ.

— Такъ чтожъ? Вотъ ты вчера хотѣлъ на ней жениться: теперь и дѣло въ шляпѣ. Предложи ему сдѣлку....

— Ба! Я не дуракъ. Л—нъ не въ шутку въ нее влюбился, и просидѣлъ у нея вечеръ, когда мы уже спали. Этотъ юноша очень нравится и матери и дочери: такъ тутъ ужъ я не суйся. Да Богъ съ ними!... Вотъ о чемъ мы смѣялись: пріятель нашего Д—чи хочетъ скорѣе сдать ихъ жениху и ѣхать далѣе, а Д—чи, которому она не понравилась по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, разсердился на него за то, что онъ привезъ ихъ сюда, и объявилъ ему, что онъ можетъ везти ихъ куда угодно. Д—чи, вы знаете, упрямъ. Пріятель въ отчаяніи! Онъ говоритъ, что броситъ ихъ здѣсь на берегу, и уѣдетъ.

— Какъ? Неужто?

— Ну, этого не будетъ! Разумѣется, что Д—чи долженъ взять ихъ съ собою. Въ нужномъ случаѣ, я самъ вступлюсь за этихъ бѣдныхъ женщинъ. Нельзя жъ бросать ихъ здѣсь, отдавать

бѣленькую, пригожую дѣвушку на съѣдѣніе этимъ чернымъ уродамъ. Однакожъ это любопытно!.... А она, право, красавица!... Но что̀ мы здѣсь толкуемъ? Вѣдь я одинъ изъ распорядителей обѣда: милостивые государи, прошу собираться ровно въ половинѣ шестаго, я иду дѣлать вамъ салатъ изъ индиго.

Мы пошли перемѣнить бѣлье и очистить себя немного отъ песку и отъ сажи, которою покрылись, присвѣчивая себѣ факелами. Въ половинѣ шестаго собралось все общество. Три большія палатки были соединены вмѣстѣ и образовали столовую. Обѣдъ, благодаря искусству повара лорда Д — и и заботливости распорядителей, былъ превосходный, — обѣдъ эклектическій, — энциклопедическій, — столько же примѣчательный по выбору блюдъ европейскихъ, азіятскихъ и африканскихъ, сколько по составу общества, мѣсту, въ которомъ происходилъ, и искренней веселости, царствовавшей во все его продолженіе. У насъ были бифстекъ изъ газели, жареныя горлицы, и на десертъ, кромѣ свѣжихъ, превосходныхъ фиников, благовонные нубійскіе бананы, — гастрономическія рѣдкости, въ которыхъ самъ Апицій могъ бы намъ позавидовать. Севъ господствовалъ за столомъ: его десертный характеръ ярко сіялъ уже до жаркаго, и развернулся въ полной силѣ своей проказливости, когда досталъ онъ въ руки неоткупоренную бутылку съ шампанскимъ.

— Ахъ, сударыня! вскричалъ испуганный сосѣдъ миссъ Маріи, порываясь со стула: по вашему платью бѣгаетъ скорпіонъ.

Она хотѣла вскочить тоже, но сиръ Генри схватилъ ее за руку, и приковалъ къ мѣсту, произнеся повелительнымъ голосомъ: — «Не трогайтесь, сударыня!»

— Не шевелитесь, сударыня! отозвались устрашенные голоса съ разныхъ сторонъ стола. Бога ради, сидите покойно! Если вы сдѣлаете малѣйшее движеніе, онъ тотчасъ васъ ужалитъ! Позвольте ему бѣгать!

Многіе оставили свои мѣста, и столпились около ея стула. Отчаяніе отца, ужасъ г-жи У—è, были раздирающи. Всѣ старались ихъ успокоить и ободряли мужество бѣдной дѣвушки, которая измѣнялась въ лицѣ, дрожала всѣмъ тѣломъ. Послушная наставленіямъ собесѣдниковъ, она сидѣла неподвижно какъ эбсамбульскій идолъ, но когда отвратительное животное съ рукава взбѣжало на ея шею, когда она ощутила на своей нѣжной кожѣ быстрое и холодное прикосновеніе тонкихъ ногъ опаснаго гада, лице ея сдлалось сине, ледовитаго цвѣта, глаза наполнились слезами, дыханіе пресѣклось на побѣлѣвшихъ устахъ. Съ шеи скорпіонъ направилъ путь свой на другой рукавъ, по которому промчался онъ на руку омертвѣлой страдалицы, лежавшую на столѣ. Тутъ его одинъ изъ насъ ловко накрылъ стаканомъ.

— Онъ плѣнникъ! — Вы героиня! — Вы спасены единственно вашей твердостью! — Поздравляемъ васъ, сударыня, вы избѣгнули ужаснаго приключенія.

Она ожила, и мало-по-малу розовая кровь начала сверкать въ жилкахъ ея блѣднаго, миленькаго ли-

чпка. Радость родителя была свыше всякаго описанія. Мистриссъ У — è обнимала ее, и плакала. Обыскали весь шатеръ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли гдѣ гнѣзда скорпіоновъ. Но мѣсто подъ ставкою и ся окрестности были совершенно чисты и безопасны. Вѣрно, кто-нибудь принесъ гостя изъ храма въ складкахъ своего платья. Это замѣчаніе возвратило умамъ спокойствіе и обычную беззаботность: впрочемъ въ Нубіи нечего обращать вниманія на скорпіоновъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста. Севъ опять взялъ бутылку въ руки и началъ ловко обрѣзывать проволоку, сопровождая это дѣйствіе своими прибаутками и проводя испытующій взоръ по лицамъ всѣхъ обѣдающихъ. Глаза его, казалось, остановились на бывшемъ съ нами квакерѣ, который сидѣлъ въ другомъ концѣ стола, и не трогался съ мѣста во все время суматохи, какъ-будто ни опасность, ни избавленіе дѣвушки, вовсе до него не касались. Хладнокровный Американецъ разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ рисунокъ попавшейся ему тарелки. Французскій гусаръ все болталъ и мастерилъ подъ столомъ бутылку.

— Пафъ!

— О? вскричалъ испуганный гражданинъ Новаго Свѣта.

— Извините, сударь! сказалъ Севъ. Я въ отчаяніи отъ своей неловкости.

Выстрѣлившая пробка попала прямо въ носъ безчувственному квакеру. Онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ, и представлялъ самую потѣшную фигуру среди хохочущихъ гостей. Тѣ,

которымъ искусство Сева было извѣстно, съ радостью растолковали миссъ Маріи, что она имъ отомщена.

— Здоровье миссъ Маріи!

Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ и осушенъ съ тѣмъ наслажденіемъ, какое пораждается только общимъ живѣйшимъ участіемъ въ особѣ и мысліи—вкушать шампанское въ Нубіи. Вторая рюмка, по праву, принадлежала чувству благодарности, и была посвящена г. Д—чи. Дамы хотѣли удалиться.

— Минутку, сударыни! вскричалъ спръ Александръ С***. За страхъ, который вы испытали, должны вы по-крайней-мѣрѣ насладиться забавнымъ зрѣлищемъ, и быть свидѣтельницами самоубійства. Эй, жаровню!

Миссъ Марія смотрѣла на него въ остолбенѣніи; но оно было непродолжительно. Принесли жаровню, построили на тарелкѣ круглый валъ изъ красныхъ горящихъ угольевъ, вынули виновника ея страха изъ-подъ стакана и положили его въ середину. Тѣсная площадка, обведенная огненною стѣною, была теперь его заключеніемъ. Жаръ сильно дѣйствовалъ на него отвсюду. Скорпіонъ долго ходилъ по кружку и, не видя средствъ къ побѣгу, сталъ предаваться отчаянію. Безславная смерть ожидала его въ этомъ мѣстѣ: ему предстояло быть сжареннымъ, и онъ рѣшился на великую мѣру. Вооружась философіей Вертера, онъ распустилъ кольца своего хвоста, приподнялся и пронзилъ себя въ грудь ядовитымъ жаломъ. Онъ упалъ замертво. Миссъ Марія была тронута его великоду-

шіемъ и, уходя, сказала намъ, что мы жестоки. Женщины готовы плакать и о несчастномъ скорпіонѣ.

Смерть его подала поводъ къ большой диссертаціи о скорпіонахъ, псиллахъ и искусствѣ нѣкоторыхъ Нубійцевъ лечить отъ уязвленія этимъ гадомъ. Во времена Геродота такіе врачи были очень многочисленны. Но во времена Геродота, для каждой болѣзни былъ особый врачъ, и онъ говоритъ, что доктора составляли почти половину египетскаго населенія.

— Господа! вскричалъ кто-то: мы всѣ были въ Египтѣ, и многіе изъ насъ, конечно, издадутъ свои наблюденія. Мы нынче чрезвычайно просвѣщенны и учены. Мы большіе писаки. Но кто изъ насъ въ состояніи написать такое дѣльное, занимательное, превосходное путешествіе по Египту, какова вторая книга Геродота, «Эвтерпа»?

Одинъ изъ натуралистовъ улыбнулся.

— Вы напрасно улыбаетесь, съ жаромъ сказалъ сиръ Александръ: Геродотъ былъ первый естествоиспытатель и геологъ, какъ первый историкъ и антикваріи, и его система физическаго строенія Египта право не хуже всѣхъ системъ нынѣшней геологіи.

— За здоровье Геродота галикарнасскаго, отца всѣхъ египетскихъ путешественниковъ!

Севъ схватилъ бутылку. Пробка попала въ лобъ натуралисту.

— За здоровье Геродота!

— Вивать, Геродотъ, умнѣйшій изъ путешественниковъ!

— Hup, hup, hup, hourrrraaah!

Оба берега Нила прогремѣли шумнымъ тостомъ, черезъ двадцать-два столѣтія провозглашеннымъ въ честь человѣку, безвѣстному въ Греціи, въ свое время непримѣченному въ Египтѣ, и котораго каждый шагъ въ этой странѣ сдѣлался лучомъ свѣта для отдаленнаго потомства, каждое слово спасло или низвергло какую-нибудь славу. Это волшебное могущество ума, владѣющаго литературными орудіями, заслуживало рюмки шампанскаго, послѣ которой лордъ Д—н и многіе другіе путешественники вышли изъ шатра гулять по полянѣ. Остались только пріятели и знакомцы синьора Д—чи, которымъ дружба къ нему давала большее право на его бутылки. Бокалы долго еще шипѣли огненною влагою, — единственнымъ напиткомъ, которымъ умственной образованности напиться не стыдно.

— Д—чи! сказалъ спръ Генри, одушевленный дивною веселостью: чортъ возьми, да мы забываемъ тостъ, который всѣхъ важнѣе. Какъ же это мы не пили за здоровье одной особы, которая, говорятъ, очень близка вашему сердцу?

— Моему сердцу? Какая жъ это особа? спросилъ Д—чи.

— Полно притворяться, сказалъ С***. Всѣ знаютъ, что сюда пріѣхала ваша невѣста.

— Эти двѣ таинственныя Итальянки, сказалъ М—къ.

— Какая она моя невѣста! Перестаньте, Бога ради.

— Однакожъ, сказалъ Севъ, она вмѣстѣ съ вами поѣдетъ отсюда въ Капръ.

— Со мной! Кто вамъ сказалъ это? Отнюдь не со мной?

— Такъ съ кѣмъ же?

— Per Bacco! Пусть ѣдетъ, съ кѣмъ угодно.

— Знаете ли, синьоръ Д—чи, сказалъ М—къ, что если вы предоставляете ихъ кому угодно, такъ между нами найдется много охотниковъ, готовыхъ предложить имъ мѣсто на своемъ суднѣ. Мы имѣли удовольствіе встрѣтить ее по близости этого мѣста, возвращаясь изъ храма: она очень хороша собою.

— Что, вы изъ числа этихъ охотниковъ? сказалъ Д—чи.

— Почему знать! сказалъ М—къ. Я готовъ подняться на великій подвигъ вѣжливости, и уступить имъ свою каюту, чтобъ только пользоваться всю дорогу сообществомъ такой миленькой спутницы.

— Ну, такъ рѣшитесь.

— Извольте! Я готовъ. Вы уступаете мнѣ свои права?

— Я никакихъ правъ не имѣю. Но вы мнѣ окажете большую услугу. Мой пріятель, который привезъ этихъ дамъ сюда, Богъ знаетъ зачѣмъ, навязываетъ мнѣ ихъ, а у меня на баркѣ даже нѣтъ для нихъ мѣста.

— Ого, господа! сказалъ Севъ. Вы рѣшаете дѣло слишкомъ скоро. Я не вижу, почему другіе будутъ исключены изъ права сдѣлать одолженіе г. Д—чи и доказать свою вѣжливость къ дамамъ.

— Безъ сомнѣнія! вскричали многіе, смѣясь.

— Такъ учредить конкурсъ для охотниковъ, сказалъ сиръ Генри.

— Я на все согласенъ, сказалъ Д—чи.

— Ежели дѣлать глупости, такъ ужъ дѣлать ихъ основательно! вскричалъ Севъ. Я надѣлалъ ихъ много въ свою жизнь, и знаю весь порядокъ. С***, давай свою фуражку! Мы тотчасъ разыграемъ ихъ въ лотерею.

— Браво, Севъ!

— Хорошо! въ лотерею!

— Вотъ карандашъ и бумага, сказалъ сиръ Александръ, вынимая изъ кармана портфель, въ которомъ находились бумажки, приготовленныя для записыванія отмѣтокъ въ путешествіяхъ. Пишите имена. Сиръ Генри, хотите ли участвовать?

— Пожалуй. Я знаю, что я не выиграю. Я ужасно несчастенъ.

Д—чи взялся самъ писать билеты, посреди шума и смѣха.

— Кто болѣе?

— Я! — Я! — Я! — И я!

— Пять человѣкъ.

— Д—чи долженъ взять билетъ тоже.

— Извольте.

— Шесть человѣкъ. Хорошо! Теперь написать на одной бумажкѣ названіе разыгрываемой вещи. Какъ имя?

— Italiana in Algieri!

— Ха, ха, ха, ха!

— Нѣтъ, пишите Italiana in Nubia.

— Italiana in Nubia! Italiana in Nubia!

— Но тотъ, кто выиграетъ, не имѣетъ права отказаться.

— Да! да!

С*** смѣшалъ билеты, и поднесъ ихъ въ двухъ фуражкахъ сиръ Генри С—ту. Тотъ вынулъ бумажку изъ одной урны, и—прочиталъ вслухъ свое имя. Любопытство предстоявшихъ возросло до высочайшей степени, когда онъ, положивъ руку во вторую фуражку, долго размѣшивалъ въ ней билеты. Наконецъ онъ вынулъ одинъ свитокъ, развернулъ его и расхохотался.

— Что такое? что такое?

— Italiana in Nubia!

— Браво! браво!

И общій взрывъ веселости, возбужденной столь страннымъ случаемъ, заключилъ эту лотерею, которая сама по себѣ была еще страннѣе случая, ниспославшаго важному дипломату, глубоко-ученому антикварію, двухъ предпріимчивыхъ Итальянокъ, изъ которыхъ одна молодая и хорошенькая.

— А вы говорили, спръ Генри, что вы несчастливы?

— Д—чи! сказалъ онъ: надѣюсь, что вы покрайней-мѣрѣ представите меня моему выигрышу.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Шампанскаго!

Это обстоятельство доставило намъ на весь вечеръ обильный предметъ разговоровъ и соображеній. Мы пробыли еще три дня въ Эбсамбулѣ, занимаясь изученіемъ подробностей большаго и меньшаго храмовъ, списываніемъ видовъ, вырѣзкою нашихъ именъ на орбитѣ глаза одного изъ наружныхъ колоссовъ, охотою и бесѣдою.

На третій день, по утру, встрѣтили мы сиръ Генри С — та, гуляющаго при рѣкѣ съ дамою въ черномъ левантиновомъ плащѣ, и съ черною вуалью на головѣ.

— Вы еще долго здѣсь пробудете, сиръ Генри?

— Имѣю честь представить вамъ мою супругу, отвѣчалъ онъ. Надѣюсь, господа, что вы будете у насъ на свадьбѣ, въ Капрѣ?

— Ну, онъ рѣшительно несчастливъ въ лотереѣ, сказалъ сиръ Александръ.

1835.

ВОСПОМИНАНІЯ О СИРІИ.

I.

ЗАТМѢНІЕ СОЛНЦА.

Прошедши цвѣтущую молодость скорыми шагами, оборотитесь назадъ, и окиньте взоромъ длинную полосу жизни, которую вы оставили за собою: увидите ее, подобно посѣву, по которому проскакалъ грозный непріятельскій отрядъ, избитою, устланною изломанными, засохшими стеблями впечатлѣній. Нѣкоторыя изъ нихъ, осиротѣвшія соломинки, еще торчатъ на этомъ разоренномъ полѣ, кажутся будто покрыты листьями, и полуразрушившійся цвѣтокъ тамъ-и-сямъ колеблется на одинокомъ стебелькѣ, незатоптанномъ въ песокъ прошедшаго. Вы нѣкогда промчались мимо ихъ, а почти ихъ и не примѣтили. Случай сохранилъ ихъ на корнѣ; но тотъ же вѣтеръ, знойный и порывистый, который гналъ васъ передъ собою, раздувая ваше сердце, изсушилъ ихъ, лишилъ сока и

цвѣта. Вы хотѣли бъ вознаградить прежнюю невнимательность и насладиться теперь тѣмъ, чего не успѣли и разглядѣть тогда: вы коснулись ихъ мыслію,—и они мгновенно разсыпались въ прахъ. Въ этомъ хаосѣ измятыхъ и истлѣвшихъ впечатлѣній и чувствъ, въ этомъ обширномъ кладбищѣ надеждъ, погребенныхъ безъ надписи, безъ воспоминанія, быть-можетъ, лежитъ и ваша первая любовь, и важное благодѣяніе друга!... Но если посреди его возвышается какой-нибудь памятникъ, твердый и великолѣпный, котораго еще не разрушилъ, не обезобразилъ ѣдкій воздухъ страстей,—этотъ памятникъ безъ-сомнѣнія долженъ быть воздвигнутъ въ честь какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища въ природѣ, поразившаго васъ въ юныя лѣта. Сильныя впечатлѣнія мертвой природы врѣзываются въ душу нашу гораздо глубже и остаются въ ней долѣе всѣхъ другихъ ощущеній жизни, — что̀ бы ни говорили историки нашего несчастнаго сердца. Я не думаю, чтобы житель равнины, перенесенный на высокія горы, могъ когда-нибудь забыть ихъ образъ: десять образовъ обожаемыхъ лицъ проїдетъ черезъ душу, пожирая, изглаживая другъ друга; но картина великолѣпныхъ горъ, теряющихся въ облакахъ и убѣленныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, не изгладится въ ней никогда. И чѣмъ большій промежутокъ времени будетъ отдѣлять мысль отъ впечатлѣній, вселенныхъ ихъ видомъ, тѣмъ красивѣйшими формами станетъ воспоминаніе убирать ихъ въ вашемъ умѣ. Неудобства, труды, лишенія, неизбѣжныя въ путешествіяхъ этого рода, быстро исчезаютъ изъ

памяти, какъ скоро вы возвращаетесь къ наслажденіямъ привычной жизни: въ васъ остается только очарованіе необыкновеннаго положенія, въ которомъ находились вы на поверхности обитаемой вами планеты.

Я и теперь вижу передъ собою колоссальные очерки пышныхъ громадъ, распространяющихся троїною каменною цѣпью вдоль обожженной Сиріи, гдѣ протекъ одинъ изъ мучительнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ годовъ моего бытія. Съ тою жадностью къ наукѣ, съ тою довѣренностью къ своимъ силамъ, съ тѣмъ презрѣніемъ здоровья и упрямствомъ въ достиженіи возмечтанной цѣли, которыя легко себѣ представить въ неопытномъ человѣкѣ лѣтъ двадцати, я нѣкогда бросился, безъ проводника и пособія, въ этотъ неизмѣримый чертогъ природы — одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ чертоговъ, воздвигнутыхъ ею на землѣ въ ознаменованіе своего могущества — не разсуждая объ опасности не выйти изъ страшнаго лабиринта заоблачныхъ вершинъ, на которыхъ можно замерзнуть среди лѣта, и раскаленныхъ пропастей, гдѣ органическая жизнь жарится въ самой страшной духотѣ, какую только солнце производитъ. Ограниченныя средства повелѣвали мнѣ узнавать скóро все, чтò я могъ узнать въ томъ краю, и не забывать ничего, однажды пріобрѣтеннаго памятью. Съ пòтомъ чела перетаскивалъ я свои книги съ одной горы на другую — книги были все мое имущество — и рвалъ свое горло въ глуши, силясь достигнуть чистаго произношенія арабскаго языка, котораго звучность въ устахъ Друза или

Бедуина, похожая на серебряный голосъ колокольчика, заключеннаго въ человѣческой груди, плѣняла мое ухо новостью и приводила въ отчаяніе своею неподражаемостью. Уединенныя ущелія Кесревана, окружая меня колоннадою черныхъ утесовъ, вторили моимъ усиліямъ: я нерѣдко самъ принужденъ былъ улыбнуться надъ своимъ тщеславіемъ лингвиста, при видѣ, какъ хамелеоны, весело пробѣгавшіе по скаламъ, останавливались подлѣ меня, раскрывали ротъ, и дивились пронзительности гортанныхъ звуковъ, которые съ такимъ напряженіемъ добывалъ я изъ глубины легкихъ. Возвратясь въ конурку, занимаемую въ какомъ-нибудь маронитскомъ монастырѣ, я такъ же отчаянно терзалъ свои силы надъ сирскими и арабскими рукописями, отысканными въ скудной библіотекѣ грамотнаго монаха: поспѣшно списывалъ любопытнѣйшія изъ нихъ, читалъ наскоро тѣ, которыхъ не успѣвалъ списать, дѣлалъ извлеченія, отмѣчалъ найденныя въ нихъ живописнѣйшія фразы или заслышанные идіотизмы разговорнаго языка, и твердилъ ихъ наизустъ всю ночь. Два, много три часа отдыха на голой плитѣ, съ словаремъ вмѣсто подушки, были достаточны для возобновленія бодрости къ новымъ, столь же насильственнымъ занятіямъ, которыя прерывались только охотою за бѣгающимъ по сырымъ стѣнамъ келіи скорпіономъ или *абу-борейсомъ*, ящерицею невинною, даже красивою, но поселявшею во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Исчерпавъ въ нѣсколько дней мудрость бѣдной обители, я отправлялся далѣе искать новыхъ упражненій и раздѣлять съ

другими отшельниками блюдо вареной въ деревянномъ маслѣ чечевицы. Такъ провелъ я шесть или семь мѣсяцевъ, пока неумѣренное напряженіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, грубая и нездоровая пища, усталость и лишенія всякаго рода не остановили моей пылкости опасною болѣзнію, которая заронила въ мою грудь зародышъ постояннаго страданія,—быть-можетъ, преждевременной смерти. Этотъ урокъ еще не уразумилъ юнаго образа мыслей. Едва оправившись отъ горной лихорадки, я снова бросился на арабскій языкъ съ прежнимъ ожесточеніемъ, и, спустя четыре мѣсяца, опять повергся въ болѣзнь, страшнѣйшую первой, и которая несомнѣнно выдала бы мои кости шуфскимъ гіенамъ, еслибъ добрый и нѣжный пріятель, падшій потомъ на островѣ Явѣ жертвою той же страсти къ путешествіямъ, не вырвалъ меня изъ нѣдръ Ливанскихъ горъ, погруженныхъ въ убійственный зимній туманъ и холодные дожди, и не принудилъ отправиться въ Африку. Кажется, нельзя болѣе страдать добровольно: за всѣмъ тѣмъ, могучій Спрскій хребетъ является мнѣ по-сю-пору облеченнымъ блестящею одеждою любимой мечты. Мученія забыты, и память съ трудомъ добываетъ ихъ изъ пыли ветхихъ воспоминаній: одно величіе Ливана всегда живо рисуется въ воображеніи, уже охлажденномъ опытностью, уже опустошенномъ проходами столькихъ привидѣній, столькихъ думъ, столькихъ безплодныхъ надеждъ! Я люблю и теперь взбираться мыслію по этимъ отвѣснымъ утесамъ восточной Швейцаріи, на которыхъ рука трудолюбиваго Сирійца из-

сѣкла безчисленные уступы, сдѣлавъ изъ нихъ лѣстницу, ведущую на небо, и куда изъ пропастей принесла она землю, питающую ряды стройныхъ шелковичныхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, обвѣшанныхъ огромными гроздами, или скромный ячмень. Люблю переноситься на этотъ нагой и съёженный гранитъ, какъ-бы преграждающій вселенленную черною грудью своею, вспаханный человѣкомъ отъ подошвы до самыхъ облаковъ, изъ любви къ независимости, изъ ненависти къ кровавому притѣснителю. Вижу еще подъ моими ногами эти глубокія долины съ зеленымъ дномъ, съ голубымъ, шумящимъ потокомъ, съ розовою полосою цвѣтущаго подлѣ воды рододендрона, съ желтыми домами веселаго посада—и надъ моей головою, эти острыя вершины, здѣсь окруженныя вѣнцомъ изъ облаковъ, съ монастыремъ и церковью за облаками, тамъ чистыя и блестящія ослѣпительною бѣлизною снѣга, освѣщеннаго солнцемъ, далѣе убранныя благородными сосновыми рощами и библейскимъ кедромъ. Слышу этотъ умильный звукъ христіанскаго колокола, струящійся длиннымъ серебрянымъ эхомъ въ каменномъ лѣсу вершинъ, уже почти подъ самымъ небеснымъ сводомъ, и со всею святостью вѣры господствующій на высотѣ, въ эѳирныхъ слояхъ атмосферы, тогда какъ на мутномъ днѣ ея, на приморской равнинѣ, нечистый мусульманинъ извергаетъ свои безсильныя богохуленія; слышу даже этотъ звонкій голосъ Аравитянина, поющаго цѣлымъ объемомъ благозвучной груди пѣснь въ честь Пречистой Дѣвы, слѣдуя по крутому скату за навьюченными землею ослами,

и заставляющаго горы, среди мусульманской державы, громко повторять за нимъ его благочестивые гимны. Взойдите пять или шесть тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и вы подлинно очутились въ другомъ мірѣ: вы принимаете въ вашу грудь тонкую жидкость, совершенно различную отъ грубаго воздуха, которымъ дышали на равнинѣ; кровь течетъ въ васъ иначе, иначе бьется сердце, новый рядъ чувствованій и мыслей развертывается передъ вами, и окружаетъ васъ новыми понятіями, и душа по-истинѣ столько же облагороживается на вершинахъ земли, сколько и на первыхъ высотахъ общества. Вы, кажется, не принадлежите къ вашей планетѣ, превращаетесь въ безплотный разумъ, повѣшенный подобно звѣздѣ въ безконечномъ пространствѣ, мерцающій гдѣто высоко слабымъ, но собственнымъ блескомъ, и едва примѣчающій эту отдаленную, мрачную пещеру пошлыхъ страстей и ничтожной гордости вашего племени. Человѣкъ исчезъ въ безднѣ; его дороги, сады, украшенія попираемой имъ почвы, слились съ сѣрымъ туманомъ, образующимъ тину воздушнаго океана; его огромные памятники являются вамъ черною, почти непримѣтною точкою; его пышные, многолюдные города принимаютъ видъ ничтожныхъ муравейниковъ: вамъ хочется поставить ихъ подъ микроскопъ, чтобъ открыть смышленость, нравы и работы обитающаго на немъ насѣкомаго, и обогатить энтомологію новою главою о муравьѣ-человѣкѣ. Вы не въ силахъ повѣрить, чтобы въ этихъ кучкахъ склееннаго песку, утопшихъ въ слоѣ грязной мглы, могли обитать

величіе, надменность, слава, и готовы воскликнуть: нѣтъ! тамъ ихъ и быть не можетъ!... Не то слава и величіе должны быть также извѣстны въ ульѣ и въ муравейникѣ, а въ обширныхъ чертогахъ африканскаго муравья, ведущаго войны, грабящаго собственность другихъ червей и порабощающаго побѣжденныхъ, и подавно! Или то, что̀ я видѣлъ на равнинѣ, сонъ, или все въ мірѣ зависитъ отъ физической высоты, съ которой смотришь, и отъ устройства глаза!

Усилія мои въ изученіи мѣстнаго арабскаго нарѣчія вѣнчались успѣхомъ, который льстилъ моему самолюбію: я сознаюсь въ этомъ безъ ложной скромности, такъ смѣло, какъ бы сказалъ, что выучился чисто работать скоблемъ, еслибъ когда-нибудь занимался столярнымъ дѣломъ. Между этимъ упражненіемъ и наукою языковъ я усматриваю большое сходство: первое — механическое дѣло руки, вторая — механическое дѣло органовъ памяти, жеванія и глотанія. Но преодолѣнная трудность всегда дѣлается для насъ, даже и въ столярномъ ремеслѣ, источникомъ самодовольства и гордости: я считалъ себя почти равнымъ Аристотелю, когда Аравитяне — которые къ своему языку проникнуты настоящимъ обожаніемъ любовниковъ, и новые каламбуры, быть-можетъ весьма основательно, цѣнятъ такъ же высоко, какъ мы новыя мысли — называли меня *фейлусуфъ*, философомъ, за то, что я хорошо произносилъ ихъ гортанныя буквы, или спорили со мною, что я не Франкъ, а долженъ быть *ибнъ-эль-Арабъ*, арабскій сынъ. Мнѣ удалось состряпать десятокъ дурныхъ

арабскихъ стиховъ, которые имѣли большой успѣхъ въ околоткѣ, и слава моя распространилась на нѣсколько смежныхъ горъ. Шейхи (дворяне) Маронитовъ и Друзовъ часто заѣзжали ко мнѣ выкурить трубку *джебели* съ любопытнымъ Франкомъ, который «знаетъ толкъ», и освѣдомиться о политическихъ новостяхъ Европы — здоровъ ли папа? что дѣлаетъ *фагфуръ*, китайскій императоръ? и проч. Отвѣты, которые предоставлялъ я придумывать для нихъ своему воображенію, стараясь только, чтобы занимательность извѣстія не превосходила добродушной ихъ легковѣрности, доставляли обильную пищу политическимъ соображеніямъ шейховъ, игуменовъ, протоіереевъ и епископовъ Шуфа. Шейхи и значительнѣйшіе жители изъ средняго сословія находили меня очень знающимъ въ искусствѣ «шить и пороть», то есть, государственнаго управленія; монахини ордена Св. Терезіи, съ которыми почтенный епископъ Сукъ-эль-кебира, старый весельчакъ, воспитанный въ римской пропагандѣ, меня познакомилъ и благословилъ на ежедневную бесѣду, даже на каламбуры, были крайне довольны моими свѣдѣніями о туалетѣ европейскихъ женщинъ; но монахи скоро возъимѣли обо мнѣ весьма дурное мнѣніе по случаю одного разсужденія въ обществѣ, одушевленномъ золотистою влагою винъ-д'оро, гдѣ я сталъ доказывать, что земля обращается около солнца. Не смотря на покровительство моего пріятеля, епископа, который защищалъ меня всѣми силами, и на громкое одобреніе знаменитаго шейха Бешары, толстаго и веселаго пьяницы, представлявшагося

вольнодумцемъ и находившаго забавнымъ, по духу противорѣчія, вѣрить, что солнце не обращается вокругъ земли, когда оно очевидно обращается, я примѣтилъ, что нѣкоторые монахи, особенно одинъ, подозрительной нравственности и выдававшій себя за астролога, стараются провозгласить меня еретикомъ. Слово *фармазунъ* нѣсколько разъ раздалось въ моихъ ушахъ, и чрезвычайно меня встревожило: конечно, званіе Русскаго, весьма уважаемое въ тѣхъ горахъ, обезпечивало меня отъ личной обиды, но первое и самое ощутительное слѣдствіе подобной репутаціи могло быть то, что никто изъ поселянъ не продалъ бы мнѣ ни глотка живности и ни одинъ погонщикъ не отдалъ бы подъ меня своей скотины, боясь, чтобъ оселъ, на которомъ ѣхалъ *фармазунъ*, не издохъ немедленно. Хотя моя теорія о солнцѣ возбуждала большое любопытство въ цѣломъ околоткѣ, и даже въ монахиняхъ, но я рѣшился изъ благоразумія не доказывать, что земля обращается около этого свѣтила. Мы только разсуждали объ ней наединѣ съ префектомъ монастыря Дейръ-Маръ-Якубъ, гдѣ я жилъ въ то время — добрымъ моимъ пріятелемъ, взявшимся, повидимому, убѣдить меня въ неосновательности моего мнѣнія изъ ревности къ моему блаженству въ будущей жизни: онъ былъ крайне доволенъ собою, когда я пересталъ дѣлать ему возраженія, и увѣренъ, что съ одной стороны спасъ солнце, а съ другой мою душу, заставивъ меня обнаруживать изъ учтивости притворное согласіе съ его ученіемъ, которое основывалъ онъ

на свидѣтельствѣ самого *Аристу-эль-кебирѣ*,— самого великаго Аристотеля!

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ іюльскихъ дней —изъ тѣхъ дней, какіе можно видѣть только подъ сирскимъ небомъ — я гулялъ съ книгою въ рукѣ, по плоской крышѣ славнаго монастыря въ Айнъ-Тура, занимающаго одно изъ величественнѣйшихъ мѣстоположеній въ мірѣ, съ безконечными видами на горы, ущелія, роскошныя долины, богатыя рощи, виноградные и тутовые сады и Средиземное Море, разстилающееся въ пространствѣ, какое только можно обнять взоромъ съ высоты двухъ тысячъ футовъ. Было около четырехъ часовъ по-полудни. Солнце сіяло полнымъ южнымъ блескомъ, и лазуревый сводъ горѣлъ настоящимъ пожаромъ свѣта, разливавшагося ослѣпительными потоками, которые, казалось, превращались въ бѣлую пѣну, ударяясь объ известковый цвѣтъ мѣстной почвы. Внизу, расплавленный воздухъ кипѣлъ, въ точномъ смыслѣ слова, *левами;* «блестки», родъ огненныхъ иголокъ, плясали въ немъ съ необыкновенною быстротою, представляя видъ движущейся каши изъ мелко-рубленныхъ лучей солнца. Вверху, на высотѣ монастыря, атмосфера была довольно прохладна, и легкій вѣтеръ съ моря, насыщенный благоуханіемъ ароматическихъ травъ, растущихъ въ нижней части горъ, придавалъ ей упоительную свѣжесть. Ни одно пятно нигдѣ ея не помрачало: даже монастырь Дейръ-Маръ-Якубъ, занимающій глубину картины, скинулъ съ себя на это время сѣрый свой плащъ изъ облаковъ. Занятый чтеніемъ, я

долго не примѣчалъ никакой перемѣны въ солнечномъ свѣтѣ, какъ наконецъ тусклый желтый цвѣтъ, внезапно разлившійся по страницамъ моей книги, возбудилъ во мнѣ любопытство. Я хотѣлъ отыскать вокругъ себя причину этого явленія. Прежде всего, поразили меня толпы Аравитянъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, накопляющіяся на ближайшихъ возвышеніяхъ: люди выбѣгали изъ домовъ на крыши и на уступы горъ; безпокойство отражалось въ ихъ движеніяхъ и шумѣ. Они смотрѣли на солнце. Я устремилъ глаза туда же, и увидѣлъ прекраснѣйшее, какое только можно себѣ представить, затмѣніе. Лучше и чище невозможно было бы видѣть его и съ помощію телескопа. Дискъ луны, темнаго, почти коричневаго цвѣта, превосходно рисовался на солнечномъ щитѣ, огромномъ, желтомъ, безъ лучей, безъ блеска.

Уже большая половина солнца была закрыта спутникомъ Земли, и затмѣніе стояло слишкомъ полтора часа, какъ никто еще въ монастырѣ не зналъ объ этомъ. Я первый извѣстилъ его жителей о важномъ происшествіи на небѣ. Всѣ собрались на крышѣ, и мы провели тутъ еще полтора часа, съ восхищеніемъ наблюдая движеніе двухъ огромныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя, пересѣкаясь, хотѣли, такъ сказать, превзойти другъ друга своей огромностью. Затмѣніе было полное: великое драматическое представленіе вселенной вѣнчалось во всѣхъ своихъ частяхъ успѣхомъ, необыкновенно блистательнымъ.

Мы мало обращали вниманія на народъ, ходившій около монастыря: онъ часто окружалъ мона-

ховъ, которые, стоя у воротъ, важно толковали ему свойство дивнаго явленія. Но вдругъ раздался за стѣнами топотъ коней, и я услышалъ знакомые голоса: — *Френджи фи-ль бейтъ?* — *Хаваджа Юсуфъ эйнъ-у?* «Дома ли Франкъ? Гдѣ Хаваджа Юсуфъ?»

Я былъ извѣстенъ въ горахъ подъ этимъ именемъ.

Скоро взвалился на крышу огромный шейхъ Бешара, съ трудомъ протиснувъ свой животъ въ узкую, крутую лѣстницу, служившую сообщеніемъ съ нижнимъ ярусомъ дома. Съ нимъ пришло нѣсколько человѣкъ знаменитѣйшихъ Маронитовъ изъ Сукъ-эль-кебира и множество служителей. Настоятель монастыря, мой незабвенный наставникъ, авторъ извѣстной арабской грамматики, Антонъ Арыда, былъ опасно боленъ, и прислалъ просить меня, чтобы я заступилъ его мѣсто и принялъ благороднаго шейха, передъ которымъ, какъ передъ правителемъ округа, богачомъ и владѣльцемъ славныхъ виноградныхъ садовъ, производящихъ «золотое вино», всѣ раболѣпствовали. Принесли ковры и подушки. Шейхъ усѣлся, поджалъ подъ себя ноги, и закурилъ трубку. Я сѣлъ противъ него. Прочіе Аравитяне расположились по краямъ ковра. Въ ту самую минуту явился и мой пріятель, префектъ монастыря Дейръ-Маръ-Якубъ: по его разстроенному и запыханному лицу, я тотчасъ смекнулъ, что онъ прибѣжалъ объясниться со мною рѣшительно насчетъ солнца. Толстый шейхъ тоже обнаруживалъ безпокойство, и очевидно хотѣлъ разспросить меня о чемъ-то; но, какъ чело-

вѣкъ высшаго тона и хорошо «знающій толкъ», не приступалъ къ дѣлу, пока меня не увѣрилъ, что онъ совершенно «изсохъ» изъ усердія ко мнѣ, и не освѣдомился о состояніи моего здоровья сегодня, вчера, третьяго дня, въ прошлую субботу, въ прошлый понедѣльникъ и десять дней тому назадъ. Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, онъ запилъ ихъ крѣпкимъ горячимъ кофеемъ, помолчалъ изъ приличія, взглянулъ на солнце и на меня, и сказалъ:

— Свѣтъ глазъ моихъ, другъ мой, Хаваджа Юсуфъ! ради твоего отца, скажи, что̀ это значитъ!

— Да благословитъ тебя Богъ, о шейхъ! это затмѣніе.

— Будто я не вижу, что это затмѣніе! Но что̀ такое это значитъ?

— Это значитъ, что луна заслонила солнце.

— Луна или чортъ, для меня все равно. Я хочу знать, что̀ это значитъ? Какое это предвѣщаетъ бѣдствіе?

Я засмѣялся. Шейхъ, нѣсколько смущенный моею веселостью въ такое опасное время, быстро отнялъ отъ своихъ устъ трубку, и вбивая мнѣ ее въ ротъ съ неизъяснимою нѣжностью, примолвилъ:

— Хаваджа Юсуфъ! да продлится твой вѣкъ!... центръ ты моего сердца!... ты философъ: посмотри въ свои книги, и скажи мнѣ, чего должны мы ожидать отъ этого. Говорятъ, будетъ большое несчастіе съ нашими святыми горами.

— О шейхъ! отвѣчалъ я: вы человѣкъ совершенный, владѣтель ума, отецъ смысла: какъ можете вы вѣрить подобному вздору? Затмѣніе вещь

самая простая и самая естественная въ мірѣ. Я покажу вамъ книгу, напечатанную въ Константинополѣ, въ которой это явленіе объяснено весьма удовлетворительнымъ образомъ, и вы сами убѣдитесь, что затмѣніе солнца значитъ только то, что солнце затмилось, а до насъ, рабовъ Божіихъ, отнюдь не касается....

Я побѣжалъ въ свою комнату и принесъ ему турецкую географію Хаджи-Калфы. Помощію фигуръ, въ ней находящихся, и тѣхъ, которыя самъ я начертилъ на бумагѣ, я старался растолковать ему, какъ только могъ понятнѣе, положеніе солнца въ центрѣ системы и движеніе вокругъ него планетъ и ихъ спутниковъ. Шейхъ былъ не глупъ, и очень хорошо понялъ мое изложеніе. Онъ взялъ изъ моихъ рукъ книгу, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, и удостовѣрившись, что она дѣйствительно издана въ Царѣградѣ, изъявилъ сожалѣніе, что не знаетъ по-турецки. Мой пріятель префектъ, который все это время равнодушно курилъ трубку — онъ выдавалъ себя за знающаго въ турецкомъ языкѣ, особенно когда, завравшись, ссылался на Аристотеля или говорилъ о собакѣ-Вольтерѣ, *Бультаръ-эль-кельбъ* — принужденъ былъ, по просьбѣ шейха, дать тоже свое мнѣніе объ этой удивительной книгѣ; но, по-несчастію, не понялъ въ ней ни слова, и, возвращая мнѣ сочиненіе, сказалъ только, что «это *джаграфія*, наука о чудесахъ и рѣдкостяхъ вселенной».

Благородный шейхъ, который и о затмѣніи никогда не разсуждалъ безъ бутылки, раскуривая десятую трубку, далъ уразумѣть, что у него горло

совсѣмъ засохло отъ пыли и зноя, и управитель монастыря тотчасъ поклонился ему черпымъ, облитымъ смолою, кувшиномъ стараго *шарàбъ·эдъ-дѐгебъ*, или vin d'oro. Разговоръ принялъ другой оборотъ: шейхъ пустился въ европейскую политику, и тутъ пошли разспросы о папѣ, о китайскомъ императорѣ, о *Енги-дунья*, или Новомъ Свѣтѣ, и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что политика шейха не обошлась безъ обстоятельнаго разсужденія объ европейскихъ женщинахъ: онъ распространился объ нихъ очень живописно, и побранилъ одного молодаго монаха, который отплевывался во все время этого разговора, и утверждалъ, что онѣ «змѣи». Въ-заключеніе, онъ приказалъ одному изъ своихъ придворныхъ, веселому и остроумному юношѣ, отличавшемуся особенною свѣжестью и бѣлизною лица, спѣть такъ, какъ поетъ французская «консулиха» въ Саидѣ. Все собраніе хохотало при этомъ карикатурномъ представленіи нашихъ трелей и большихъ выстрѣловъ голоса, и я самъ долженъ былъ сознаться, что шутливый Аравитянинъ весьма удачно схватилъ смѣшную сторону европейской музыки.

Шейхъ Бешара удалился съ цѣлою компаніею, очень довольный своимъ шутомъ и затмѣніемъ солнца. Я проводилъ ихъ за ворота, и опять воротился на крышу.

Я думалъ, что они давно уже уѣхали, какъ вдругъ услышалъ говоръ у подошвы зданія, и даже различилъ свое имя. Я заглянулъ черезъ край стѣны. То былъ шейхъ Бешара—опять съ трубкою въ зубахъ и уже передъ вторымъ кувшиномъ!

Онъ и его собесѣдники, расположившись на землѣ подлѣ самаго монастыря, разсуждали о затмѣніи. Я наклонилъ ухо.

— Конечно! съ важностью говорилъ префектъ собранію, которое слушало его какъ пророка: этотъ молодой Франкъ не дуракъ: онъ «знаетъ толкъ», видалъ свѣтъ, и о разныхъ вещахъ разсуждаетъ очень правильно. Только не надо упоминать передъ нимъ о солнцѣ. Видно, бѣдняжка, помѣшанъ на этой точкѣ. Какъ скоро скажешь—солнце, такъ и пошелъ нести вздоръ, да такой вздоръ, что Боже упаси!

Я не могъ удержаться отъ громкаго смѣха, и чуть не свалился съ крыши, услышавъ эти слова, которыя такъ впились мнѣ въ память, вмѣстѣ съ уморительнымъ лицемъ и чистосердечіемъ ихъ виновника, что, послѣ четырнадцати лѣтъ, кажется, я не потерялъ изъ нихъ ни одной буквы. Вся моя теорія была опрокинута, и я увидѣлъ, что только напрасно трудился, объясняя ее шейху. Онъ теперь былъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ префекта и монаха-астролога, что это затмѣніе предвѣщаетъ ужасный переворотъ въ Оттоманской Имперіи: христіане возстанутъ на невѣрныхъ; возгорится война по всему Востоку; Богъ пошлетъ на Ливанъ неслыханныя и невиданныя испытанія, и кровь будетъ течь такъ страшно, говорилъ восторженный префектъ, «что только вершины горъ останутся видными изъ ея потоковъ.» Каждый изъ собесѣдниковъ подбавлялъ новую черту къ этому мрачному предсказанію, и его неизбѣжность исторгала у нихъ жалостныя

восклицанія, тяжкіе и раздирающіе вздохи. Опорожнивъ кувшинъ, они удалились, совершенно напуганные другъ другомъ и своими воображеніями.

Я забавлялся отъ всей души надъ ихъ безразсудствомъ, и впослѣдствіи времени тщетно пытался разувѣрить ихъ въ призракѣ, который они себѣ составили. Это убѣжденіе скоро укоренилось въ горахъ.

Къ-несчастію — не здраваго разсудка, но этихъ бѣдныхъ людей — въ концѣ того же года вспыхнула греческая революція, а въ началѣ слѣдующаго, свирѣпыя мѣры, принятыя турецкимъ правительствомъ противъ христіанскихъ подданныхъ, со всею тяжестью фанатизма и народнаго мщенія пали на область Маронитовъ. Ужасный акрскій паша наводнилъ ихъ горы кровью и слезами невинныхъ.

Я встрѣтился въ Египтѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ дейръ-эль-кебирскихъ знакомцевъ, бѣжавшихъ отъ меча страшнаго Абдаллаха.

— Ну, что̀, Хаваджа Юсуфъ! говорили они. Каково затмѣніе! Помните, какъ вы спорили?

Въ отвѣтъ я клалъ руку въ карманъ, и вынималъ скромное подаяніе на хлѣбъ тѣмъ, которые недавно угощали меня роскошно въ своихъ домахъ. Они хотѣли цѣловать край моего платья.

Кажется, какъ-будто сама природа за-одно съ судьбами нашего рода старается утвердить человѣка въ суевѣріи! Я, для своей опытности, извлекъ только ту пользу изъ совершившагося передо мною событія, что былъ очнымъ свидѣтелемъ процесса, по которому природа и судьба со-

ставляютъ для насъ заблужденія и удерживаютъ племена въ невѣжествѣ.

II.

ПРЕСТУПНЫЕ ЛЮБОВНИКИ.

Очаровательное утро! ужасное утро!

Я увидѣлъ, въ одно и то же время, природу въ самой великолѣпной красѣ и человѣка въ самомъ отвратительномъ видѣ.

Я ѣхалъ изъ Джезира въ Дейръ-эль-кàмаръ. Всю ночь пробирались мы узкими тропинками по краямъ пропастей, заваленныхъ мракомъ, въ глуби котораго гремѣло глухое эхо потоковъ. Надъ головою стояли всюду черныя массы гранита, которымъ ночь придавала размѣръ необъятности. Темный, мглистый занавѣсъ былъ закинутъ черезъ ихъ вершины, и плотно закрывалъ обломокъ неба, оправленный ихъ рамою, не оставляя скважины ни для одной звѣзды. Страхъ и смѣлость безполезны въ подобномъ положеніи: воображеніе легко представляетъ себѣ опасности, которыми долженъ быть окруженъ каждый нашъ шагъ, когда путешественникъ уподобляется мухѣ, ползущей по отвѣсной стѣнѣ; но глазъ не участвуетъ въ ихъ измѣреніи, и потому ихъ присутствіе можно сравнить съ грезами страшнаго сна. Надобно

безусловно положиться на опытность своего мула: тутъ человѣкъ перестаетъ быть собою и вполнѣ сродняется со скотиною, которая несетъ его на своей спинѣ; онъ уступаетъ ей свою мысль и волю, и почти черезъ нее только и чувствуетъ. Не смѣя сдѣлать никакого движенія, ни управлять ею, онъ безсиленъ, онъ совершенно въ ея распоряженіи. О мулы! о ослы! если бъ вы знали, какъ человѣкъ унижается тогда передъ вами! Мудрый и благородный Платонъ готовъ быть безстыдпѣйшимъ льстецомъ своего осла, чтобъ только оселъ благоволилъ осторожно спуститься съ нимъ съ крутизны, подлѣ которой лежитъ бездна. Но когда вынесешь великаго мужа на равнину, берегись, Платоновъ оселъ, плети благороднаго философа! По минованіи опасности, ты почувствуешь все превосходство ума нашего передъ твоимъ, и узнаешь наши понятія о благодарности.

День начиналъ свѣтать на вершинахъ. Мы выѣхали на лучшую дорогу: она вилась по уступамъ Эль-Мухадджара, одной изъ высочайшихъ горъ Кесревана. Я ѣхалъ впереди; за мною тащился лошакъ съ вещами; мой проводникъ, Друзъ, верхомъ на ослѣ, заключалъ шествіе. Мы поднимались все выше и выше. Эта гора казалась мнѣ безконечною, и терпѣніе мое томилось тѣмъ пуще, что всякій разъ, какъ мы приближались къ ея концу, новый оврагъ или новый утесъ заставляли насъ дѣлать большой объѣздъ по опасной ея груди. Наконецъ, мы ее обогнули. На самомъ поворотѣ удивительное зрѣлище раскрылось передо мною съ волшебствомъ театральной перемѣ-

ны. До того времени, карабкаясь по сѣверо-западному боку Эль-Мухадджара, я и не подозрѣвалъ, что утро уже было въ полномъ блескѣ на противоположной отлогости. Достигнувъ южнаго угла горы, я вдругъ увидѣлъ — съ одной стороны солнце, пышно восходящее изъ-за отдаленныхъ вершинъ, съ широкими, глубоко-разрѣзанными лучами, — съ другой, Средиземное Море, похожее на скатерть изъ розовой тафты, разостланную на необъемлемомъ пространствѣ, и слегка переливающую мягкія волны шелковистаго лоска. Надъ горами, надо мною, надъ моремъ, воздухъ чистъ и прозраченъ, какъ ключевая вода. Хрустальная сквозистость всего небеснаго свода, постепенно теряющаго голубой цвѣтъ свой и покрывающагося дневною бѣлизною, чаровала взоры. И въ этомъ огромномъ полушаріи чистаго эѳира, вдали, надъ небольшою областью моря, плавала черная, продолговатая туча, похожая на пластъ густаго дыму, оставленнаго въ воздухѣ пароходомъ по закрытіи трубы. Она бросала глубокую тѣнь на воду, лежащую подъ нею, рисуя на розовой ея поверхности свою излучистую фигуру въ видѣ большаго чернильнаго пятна. Кто видѣлъ въ телескопъ на золотомъ щитѣ солнца черное какъ смоль пятно, представляющее иногда подобіе огромнаго паука, тотъ легко начертитъ себѣ въ мысли образъ этой тучи, отраженной на лицѣ моря, тихомъ и нарумяненномъ юнымъ цвѣтомъ утра. Я не успѣлъ насладиться этою чудесною картиною, какъ она вдругъ перемѣнилась. Море потемнѣло, и облака, составляющія тучу, начали передвигаться

не расторгая однако жъ ея состава. Видно было, что вѣтеръ поднялся на морѣ, хотя вокругъ насъ, въ горахъ, господствовала совершенная тишь. Мы находились точно на высотѣ тучи, такъ что глазъ мой сверху обозрѣвалъ ея хребетъ, — снизу свободно проникалъ въ промежутокъ воздуха, отдѣляющій ее отъ морской площади. Судя по кажущейся малости этого промежутка и по рѣзкимъ очеркамъ облаковъ, можно полагать, что скопище ихъ въ атмосферѣ было удалено отъ нашего глаза по-крайней-мѣрѣ верстъ на двадцать. Скоро начали мелькать въ нихъ молніи. Онѣ вспыхивали въ одно время снизу и сверху облачнаго пласта, не потрясая нашего слуха ни малѣйшимъ отголоскомъ электрическаго треска. Вдругъ зазмѣился яркій громовой ударъ въ промежуткѣ между тучею и моремъ, быстро наполнившимся темнотою, и образовавшимъ какъ-бы обломокъ ночи, погруженный въ свѣтлую пучину дня. Я долго ждалъ эха въ горахъ, но ничего не было слышно. Междутѣмъ другіе удары струились въ этой воздушной пещерѣ въ разныхъ направленіяхъ, и нерѣдко все мѣсто заливалось однимъ огромнымъ пожаромъ молніи. Вся эта сцена мрака и огня занимала, казалось, не болѣе одной квадратной версты: яркій солнечный свѣтъ и чистое небо облегали отвсюду борьбу стихій, завязавшуюся въ одномъ пунктѣ, какъ-бы для того, чтобъ представить намъ опытъ естественной увеселительной физики. Мы стояли и смотрѣли на великолѣпную фантасмагорію природы: она произвела впечатлѣніе даже на моего

безчувственнаго Друза, который, по ея окончаніи, невольно вскричалъ: *Мелйхъ!* — Славно!!

Есть люди, которые все постигли и ничему не удивляются. Я не принадлежу къ ихъ приходу. Для меня удивленіе составляетъ одну изъ главныхъ прелестей жизни, и я даже не понимаю, что̀ пріятности было бы жить на свѣтѣ, еслибъ не находить въ немъ ничего удивительнаго. О, сколькимъ вещамъ удивляюсь я въ этомъ мірѣ! Не говоря уже о томъ, что меня удивляетъ, когда пишу статьи для журналовъ, я почти разлагался въ горячій паръ удивленія передъ этимъ красивымъ электрическимъ фейерверкомъ, который сожигался въ отдаленности, въ клочкѣ изсохшей воды, скомканномъ и повѣшенномъ въ воздухѣ надъ водою, когда другой, еще обыкновеннѣйшій предметъ бросилъ новую пищу страсти моей удивляться.

Сводя глаза съ моря, когда туча, возвратившая морю заимствованную у него влагу съ огнемъ въ придачу, начинала бѣлѣть и разсѣваться, устремилъ я взоръ на низкую гору, лежавшую передо мною въ нѣсколькихъ верстахъ: онъ остановился на мелкомъ движущемся пятнѣ, которое, при содѣйствіи зрительной трубки, оказалось собраніемъ народа. Толпа людей, въ такое раннее время! Обстоятельство показалось мнѣ удивительнымъ. Отъ Эль-Мухаджджара, на которомъ мы стояли, гора эта отдѣлялась глубокою долиною съ небольшимъ селеніемъ, скрывавшимся между скалами. За долиною, на скатѣ горы, виднѣлся маронитскій монастырь, одинъ изъ трехъ-сотъ-сорока монастырей, которыми усѣянъ этотъ хребетъ. Нѣсколько

повыше монастыря спина горы образовала нагую, покатую площадь, которая далеко тянулась къ западу и наконецъ исчезала за другими возвышеніями. На этой-то площади народъ накоплялся около одной точки, въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ монастыря. Въ долинѣ примѣтно было движеніе, и по всѣмъ дорожкамъ, ведущимъ на гору, люди ѣхали и шли съ разныхъ сторонъ. Мой Друзъ утверждалъ, что это навѣрное военный сборъ; но я не могъ согласиться съ его мнѣніемъ, не видя ни у кого изъ нихъ оружія и, напротивъ, различая въ толпѣ множество женщинъ и маронитскихъ монаховъ. Разстояніе не позволяло хорошо разглядѣть, что̀ такое они дѣлаютъ, и мы тронулись съ мѣста. Но любопытство мое возбуждалось въ высочайшей степени часъ отъ часу увеличивающимся стеченіемъ народа, и я почти не сводилъ трубки съ мѣста, къ которому онъ стремился. Мы начали спускаться съ горы, и, по-счастію, дорога повернула къ долинѣ. По мѣрѣ того, какъ мы приходили въ уровень съ низкою горою, на которой дѣйствіе происходило, движенія толпы становились внятнѣе: многія группы, отдѣлясь отъ ней, спокойно стояли на выдавшихся неровностямъ и на камняхъ; иныя метались какъ въ бѣшенствѣ. Я примѣтилъ, между прочимъ, монаха въ церковномъ католическомъ облаченіи, съ большимъ крестомъ въ рукахъ: позади его, куча мужчинъ и женщинъ образовала обширное полукружіе, которымъ онъ какъ-будто предводительствовалъ. Нѣкоторое время я думалъ, что это погребеніе; но мѣсто не представляло никакихъ при-

знаковъ кладбища, и я заключилъ, что они собрались туда для другаго какого обряда христіанскаго благочестія. Вдругъ почти вся толпа заше-велилась. Многіе стали изъ нея выбѣгать на различныя разстоянія. Они торопливо наклонялись къ землѣ, что-то съ ней подбирали и возвращались назадъ съ тою же поспѣшностью.

Я спрашивалъ моего Друза, что̀ это значитъ, и неожиданно получилъ отъ него въ отвѣтъ, что Маронпты— собаки, колдуны; что они занимаются чернокнижіемъ, помощію котораго овладѣли даже ихъ князьями и всею властью въ горахъ, и что вѣроятно это какая-нибудь изъ *шейтаній*, «чертовщина». Выходка его противъ Маронитовъ возбудила мою веселость. Какъ Друзы очень рѣдко обнаруживаютъ свой настоящій образъ мыслей о племени, составляющемъ съ ними одно политическое тѣло, хотя и враждебномъ имъ по вѣрѣ и по гражданскому соперничеству, то я сталъ забавляться отвращеніемъ моего проводника къ Маронитамъ, подстрекая запальчивость его всѣмъ, что̀ только слышалъ отъ нихъ нелѣпаго насчетъ его собратьевъ. Друзъ не находилъ словъ для выраженія своего гнѣва на «этихъ нечистыхъ», и, въ пылу негодованія на Маронитовъ, жестоко колотилъ палкою своего лошака, нагруженнаго моими вещами, утверждая, что онъ, хоть и скотина, а все гораздо умнѣе и благороднѣе ихъ. Я хохоталъ; Друзъ клялся; мы почти забыли о скопищѣ, недавно привлекавшемъ наше вниманіе, какъ изъподъ горы появился на встрѣчу молодой поселянинъ, гнавшій передъ собою четырехъословъ,

навьюченныхъ мукою. Дорога опять случилась очень узкая и крутая, и мы были въ большомъ затрудненіи, какъ бы миновать другъ друга благополучно.

— Да будетъ вамъ просторно, о старецъ! вѣжливо привѣтствовалъ я молодаго путника.

— Сколько душѣ вашей угодно, о наставникъ!

— Что̀ это дѣлаютъ, тамъ, на горѣ?

— Гдѣ? тамъ?... Побиваютъ каменьемъ.

— Горе тебѣ, человѣкъ! Что̀ ты говоришь?... Какъ побиваютъ каменьемъ?... Кого? за что̀?

— Вѣстимо кого! Любовниковъ! Дѣвушку да ея молодца.

Я содрогнулся. Я хотѣлъ разспросить его подробнѣе, но мой Друзъ, еще не оправившійся отъ недавняго озлобленія противъ Маронитовъ, по извѣстнымъ ему примѣтамъ узналъ въ молодомъ поселянинѣ ихъ соплеменника, и принялся бить егоословъ безъ пощады. Онъ сгонялъ ихъ съ дороги, и, браня хозяина, усердно сталкивалъ одного изъ нихъ на опасный косогоръ. Поселянинъ, оставивъ меня, бросился на Друза. Началась драка, въ которой однако жъ мой проводникъ, горецъ въ цвѣтѣ возраста, сухой, оплетенный сѣтью толстыхъ жилъ, плечистый и сильный какъ слонъ, имѣлъ рѣшительную поверхность надъ молодымъ Маронитомъ. Онъ только по моей просьбѣ выпустилъ изъ рукъ прижатаго къ камню противника, котораго держалъ за горло, грозя прибить до-смерти. Ослы съ мукою и наши лошаки столпились на дорогѣ въ плотную кучу. Положеніе мое между ними было чрезвычайно непріятное. Мы кое-какъ

выпутались, и разъѣхались: животныя пошли спокойно въ противныя стороны; ихъ владѣльцы долго еще оборачивались и осыпали другъ друга ругательствами.

Какъ ни взволновало меня это непредвидимое приключеніе, въ которомъ непріятельскій оселъ мнѣ самому ушибъ ногу, но я думалъ только о судьбѣ несчастныхъ, погибавшихъ на близкой горѣ такою ужасною смертью. Я направилъ туда трубку — и одна мысль объ ихъ страданіяхъ, о безчеловѣчіи ихъ гонителей, о варварскомъ образѣ сохраненія чистоты нравовъ посредствомъ крови, оттолкнула мой взоръ отъ страшнаго позорища. Сердце мое сжималось; я не могъ смотрѣть въ ту сторону....

Такъ помнятъ и исполняютъ люди великій урокъ ихъ Спасителя въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ, можетъ-быть, стояла Его небесная стопа! Изъ чьихъ рукъ упалъ первый камень на голову преступниковъ? Вѣрно не изъ рукъ того, кто самъ былъ безъ грѣха! Послѣ этого, говорите о пользѣ исторіи, объ ея урокахъ!

Черезъ часъ мы прибыли къ *дуккану*, шалашу, построенному между прекрасными харрубовыми деревьями, гдѣ старый Аравитянинъ продавалъ путникамъ кофе, огурцы и шербетъ со снѣгомъ. Нѣсколько муловъ лежало въ тѣни межь вьюковъ; нѣсколько погонщиковъ изъ Друзовъ и Маронитовъ, сидя кружкомъ на землѣ и куря трубки, хладнокровно разсуждали о мѣстныхъ новостяхъ, — о казни злополучныхъ любовниковъ. Хозяинъ дуккана, тоже съ трубкою во рту, предсѣдатель-

ствовалъ въ этомъ собраніи, и управлялъ разсужденіемъ. Суровая важность его лица вполнѣ соотвѣтствовала званію офиціальнаго газетчика, которое онъ на себя принялъ. Одинъ онъ хорошо зналъ всѣ подробности дѣла, и какъ скоро кто изъ собесѣдниковъ приводилъ обстоятельство, несогласное съ его текстомъ, онъ тотчасъ его останавливалъ: «Э, человѣкъ! что̀ толкуешь? такъ ли я тебѣ разсказывалъ?»

— Какъ же ты ему разсказывалъ, о дукканджи? спросилъ я его, примыкая къ ихъ кругу.

— А!... Миръ съ тобой, о Франкъ!... Что̀, хорошъ ли твой *кейфъ*?... Садись здѣсь, на цыновкѣ. Не прикажешь ли чего-нибудь? Мальчикъ подавай кофе наставнику!... Откуда изволишь ѣхать? Мы изсохли ожидая тебя. Набей трубку, дѣлай свой *кейфъ*, а я разскажу тебѣ всю исторію. Хорошо! Въ Шуэйрѣ, — знаешь Шуэйръ? — жила молодая дѣвушка, по имени Галлунъ (Елена). У отца ея былъ табачный огородъ, который отнялъ у него шейхъ Мансуръ. Онъ умеръ съ горести, а можетъ-статься съ голоду. Дочь его, лѣтъ двѣнадцати, и премилая собою — глаза большіе, вотъ какъ мой кулакъ — осталась сиротою. Хорошо! Скоро потомъ познакомилась она съ молодымъ повѣсою изъ селенія, которое видишь здѣсь въ долинѣ. Его звали Хабибомъ. Мать его была колдунья, и вѣроятно выучила и сына своему ремеслу, потому-что днемъ онъ всегда былъ здѣсь, а ночью въ Шуэйрѣ. Подумай, близкое ли дѣло! Сколько горъ, сколько долинъ!... Но онъ ѣздилъ туда на чортѣ. Хорошо!... Я самъ раза два видѣлъ,

какъ что-то большое, черное, величиною съ быка и съ предлиннымъ хвостомъ, летѣло ночью вотъ черезъ эту гору, прямо къ Шуэйру. Онъ былъ влюбленъ въ Галлуну,—да и она въ него: чего жъ лучшаго ждать отъ змѣи-женщины! Хорошо! И какъ она тоже была искусна въ чернокнижіи, то они и припасли себѣ ребенка....

— Да благословитъ тебя Богъ, о дукканчи! воскликнулъ я, смѣясь. Что̀ ты морочишь рабовъ Божіихъ? Неужели для этого нужно быть колдуномъ!

— Какъ? вы не вѣрите? вскричалъ онъ съ жаромъ, и пустился доказывать изо всей силы основательность своего извѣстія. Онъ употребилъ всѣхъ чертей ада и всѣ чудеса чернокнижія для сообщенія бо̀льшей вѣроятности своей повѣсти о преступныхъ любовникахъ, которой наконецъ я не сталъ и слушать. Около заката солнца, повстрѣчался я у другаго дуккана съ нѣсколькими порядочными Маронитами, бывшими при казни, и возвращавшимися домой на̀-веселѣ. Тѣ разсказали мнѣ исторію гораздо проще. Галлунъ въ самомъ дѣлѣ была сирота, безъ призрѣнія: она по-несчастію не избѣжала обольщенія любви молодаго, тоже безроднаго человѣка, котораго мать доводилась двоюродною сестрою ея матери. Мѣстная власть употребляла разныя средства, чтобъ расторгнуть ихъ связь, продолжавшуюся уже нѣсколько лѣтъ; наконецъ заключила ихъ въ темницу, гдѣ томились они полтора года. Выпущенные на волю, они опять соединились. Молодой человѣкъ отозвался, что ничто въ мірѣ не заставитъ его отказаться

отъ той, которую онъ поклялся любить до гроба, и что, если станутъ его опять преслѣдовать, онъ уйдетъ въ Сайду, и будетъ жить подъ покровительствомъ паши. Этой угрозы было достаточно для общей ихъ погибели. Фанатики настояли, чтобъ они были преданы казни, положенной за прелюбодѣяніе. Ихъ зарыли въ яму по грудь, и собранная чернь, подстрекаемая самыми отчаянными изувѣрами, размозжила имъ головы и ихъ самихъ забросала каменьями.

1834.

ПОВѢСТИ И ПОЭМЫ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

СЪ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

I.

БЕДУИНЪ.

(СЪ АРАБСКАГО.)

Однажды Омаръ, халифъ правовѣрныхъ, въ кругу товарищей пророка, мужей знаменитыхъ разумомъ и доблестями, творилъ судъ своимъ подданнымъ. Неожиданно вошелъ къ нему юноша, краса всѣхъ юношей; стройный, богатый уборомъ, онъ еще болѣе отличался мужественными доблестями. Съ нимъ было двое молодыхъ людей, красоты блистательной, которые сопровождали, или, лучше сказать, влекли его предъ повелителя правовѣрныхъ. Халифъ, какъ скоро стали они передъ свѣтлымъ его челомъ, бросилъ испытующій взоръ на пришельцевъ, повелѣлъ выпустить юношу изъ рукъ, и всѣмъ тремъ приблизиться къ трону.

— Мы родные братья, сказали юноши: друзья правды и чести, и наша слава незапятнана ничѣмъ. Мы имѣли родителя — почтеннаго старца, родоначальника умнаго, уважаемаго всѣмъ нашимъ поколѣніемъ, свободнаго отъ пороковъ и слабостей человѣческихъ, знаменитаго своими добродѣтелями. Онъ старательно воспиталъ насъ, лас-

ково обходился съ нами и неусыпно предупреждалъ всѣ наши нужды. Сегодня вышелъ онъ въ свой садъ прогуляться подъ тѣнью молодыхъ деревъ, нарвать плодовъ, имъ самимъ хранимыхъ, и юноша, котораго видишь передъ собою, убилъ его, совершилъ злодѣйство неслыханное. Государь! требуемъ казни преступнику, а тебѣ предлежитъ судъ, какъ повелѣлъ Богъ въ своемъ законѣ.

Омаръ обратился къ юношѣ:

— Ты слышалъ, сказалъ онъ, въ чемъ тебя обвиняютъ: можешь ли оправдаться?

Спокойно, съ веселою усмѣшкою, привѣтствовалъ юноша халифа, красными словами, и отвѣчалъ:

— Властитель правовѣрныхъ! все, ими сказанное — правда, и я ни въ чемъ не противорѣчу ей; однако разскажу все дѣло, какъ было, а тебѣ предлежитъ судъ, какъ повелѣлъ Богъ въ своемъ законѣ. Я Аравитянинъ, чистой, несмѣшанной крови Бедуиновъ; выросъ на вольныхъ кочевьяхъ пустыни, и горжусь своимъ происхожденіемъ отъ витязей, славныхъ мужествомъ, которые отъ вѣка не живали въ темницѣ городовъ, человѣку подвластныхъ. Черная година, богатая злѣйшими для меня несчастіями, привела мои стада, въ которыхъ заключается мое отечество, мое добро и семейство, на степь, прилегающую къ стѣнамъ этого города. Гоня по ней мое стадо, я зашелъ между загородныхъ садовъ съ многоплодными, обильными молокомъ верблюдицами, среди коихъ ходилъ верблюдъ благородной породы, гордой поступи, испытаннаго превосходства на племя. Нѣкоторыя верблюдицы, приблизясь къ одному саду, стали

грызть листья вѣтвей, висящихъ черезъ ограду. Въ то время, какъ я отгонялъ ихъ, явился на стѣнѣ старецъ. Угрожая, съ камнемъ въ рукѣ, бросался онъ по ней, какъ раненный или разъяренный левъ, и въ бѣшенствѣ метнулъ камнемъ въ моего любимаго верблюда, попалъ въ темя и убилъ его на мѣстѣ. При видѣ верблюда, падающаго на землю, мое сердце вспыхнуло пламенемъ гнѣва; я схватилъ тотъ же самый камень, кинулъ въ старца и убилъ виновнаго орудіемъ его вины. Послышавъ смертный стонъ его, я обратился въ бѣгство, но эти два юноши догнали и привели меня передъ тебя.

— Ты признался въ преступленіи, сказалъ Омаръ, и достоинъ смертной казни: она неизбѣжна.

— Съ покорностію принимаю рѣшеніе моего повелителя намѣстника пророка! сказалъ Бедуинъ, и не жалуюсь на строгость законовъ ислама; но у меня есть малолѣтный братъ, оставленный на мои руки мудрымъ, попечительнымъ отцомъ моимъ. Передъ смертью онъ отказалъ ему значительную часть имѣнія и много золота, и подъ клятвою заповѣдалъ мнѣ наблюдать и вѣрно хранить богатство брата. Сказанное золото я схоронилъ въ землю, въ мѣстѣ, одному мнѣ извѣстномъ. Если меня казнить теперь же, золото беззащитнаго малютки погибнетъ даромъ; ты будешь виною его нищеты, и онъ спроситъ отъ тебя свое достояніе, когда Богъ станетъ судить народъ свой съ престола всемогущества. Если жъ даруешь мнѣ три дня отсрочки, поставлю надъ сиротою опекуновъ, сдамъ имъ наслѣдство, родителемъ ему за-

вѣщанное, и непремѣнно явлюсь сюда для полученія заслуженной казни. Въ этомъ могу дать поруку.

Омаръ задумался, и черезъ нѣсколько времени, обратясь къ предстоящимъ, спросилъ:

— Кто изъ васъ поручится за этого юношу? кто завѣритъ, что онъ непремѣнно сюда явится для полученія заслуженной казни?

Тогда юноша, окинувъ взглядомъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, и указавъ на Абу-Дерра, произнесъ:

— Онъ за меня поручится.

Халифъ спросилъ Абу-Дерра, ручается ли онъ за виновнаго?

— Ручаюсь, отвѣчалъ старецъ, что черезъ три дня онъ явится передъ лице твое.

Омаръ принялъ поруку, и двое обиженныхъ согласились три дня ждать возвращенія юноши.

Уже время отсрочки истекало, и оба челобитчика передъ совѣтомъ Омара, окруженнаго блестящею толпою сподвижниковъ пророка, какъ мѣсяцъ великолѣпнымъ полчищемъ звѣздъ. Пришелъ и Абу-Дерръ. На исходѣ послѣдняя минута отсрочки, а молодой Бедуинъ не является передъ лицо халифа.

— Гдѣ же преступникъ? восклицали сыновья убитаго: напрасно ждать того, кто скрылся, но мы не отступимся отъ святости государевой поруки.

— Клянусь Богомъ правды, отвѣчалъ Абу-Дерръ, какъ скоро ударитъ послѣдняя минута моего заложничества, и юноша не явится къ суду намѣстника пророка и повелителя правовѣрныхъ,

я отдамъ подъ мечъ правосудія мою голову, а на томъ свѣтѣ найду себѣ награду.

— Но преступникъ уже опоздалъ, сказалъ Омаръ, и свидѣтельствуюсь пророкомъ, что я на голову Абу-Дерра обращаю казнь, назначенную закономъ ислама.

Слезы навернулись на глазахъ у всѣхъ; плачъ и ропотъ сожалѣнія огласили палаты. Знаменитѣйшіе изъ товарищей пророка уговаривали сыновей убитаго принять цѣну крови за его голову, и стяжать похвалы народа за свое великодушіе; но тѣ стояли упорно на исполненіи закона поручительства, и не соглашались ни на какую перемѣну. Въ то время, какъ месть за отца, желаніе примиренія и соболѣзнованіе объ участи Абу-Дерра волновали предстоящихъ и безпорядкомъ наполняли палаты, вошелъ осужденный юноша, и ставъ передъ свѣтлымъ челомъ халифа, весело его привѣтствовалъ. Лице его, облитое потомъ, блистало радостію и яснѣло благородствомъ.

— Я отдалъ дядямъ въ опеку своего малолѣтнаго брата, сказалъ онъ, раздѣлилъ между ними свое имѣніе, и указалъ мѣсто, гдѣ закопано сокровище. Исполнивъ долгъ родства, я спѣшилъ сюда подъ знойнымъ дыханіемъ симума, чтобъ сдержать обѣщаніе, какъ должно вольному человѣку.

Дивясь его безстрашію, спокойному духу и готовности умереть, съ изумленіемъ взирали всѣ то на него, то другъ на друга. Юноша продолжалъ:

— Низкій обманщикъ никогда не познаетъ благости Всевышняго, и только праведные доступны его милосердію и щедротамъ; я увѣренъ, что если

суждена кому смерть, то никакая власть человѣческая отразить ея не можетъ и потому спѣшилъ къ вамъ, чтобы не сказали, будто добросовѣстность погибла между людьми.

— Владыка правовѣрныхъ! воскликнулъ Абу-Дерръ, я ручался за этого юношу, но, клянусь всемогуществомъ Бога, что не зналъ, никогда въ жизни передъ тѣмъ его не видалъ и о немъ не слыхивалъ! Но когда, оглянувъ предстоящихъ, онъ указалъ на меня, какъ на поруку, я не хотѣлъ обмануть его довѣренности, совѣсть не позволяла мнѣ отказаться, и я заложилъ мою голову за незнакомца, чтобъ не сказали, будто погибло между людьми великодушіе.

— Халифъ! молвили тогда сыны убитаго: этотъ юноша загладилъ свое преступленіе благороднымъ поступкомъ, и мы прощаемъ ему кровь нашего отца, чтобъ не сказали, будто погибло между людьми благородство души.

Омаръ, утѣшенный столь высокими чувствами, подтвердилъ прощеніе Бедуину, и воздалъ хвалу его прямодушію. Абу-Дерра почтилъ онъ выше всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и въ награду великодушія и доброты двухъ обиженныхъ братій, повелѣлъ изъ казны государственной выплатить имъ окупъ за кровь отца ихъ; но юноши отказались отъ принятія окупа, говоря: «Мы поступили такъ по долгу совѣсти, а кто выполняетъ ея велѣнія, того никакою наградою купить, никакою казнью устрашить не можно.»

1822.

II.

ВИТЯЗЬ БУЛАНАГО КОНЯ.[1]

АРАБСКАЯ КАСЫДА.[2]

(СЪ АРАБСКАГО.)

Халифъ Омаръ спросилъ однажды у Карабъ-эль-Зобейда, кого онъ въ жизни своей призналъ за храбрѣйшаго?

— Охотно разскажу тебѣ, властитель правовѣрныхъ, отвѣчалъ Карабъ. Въ одинъ день выѣхалъ я на конѣ славнѣйшаго поколѣнія бѣгуновъ *Неджда*[3], которому пищею былъ вѣтеръ пустыни, и пойломъ волны *сураба*[4]. Рыская по степи, я ки-

---

[1] Пустынные Арабы такъ страстно любятъ коней своихъ и такъ ими гордятся, что отъ масти или именъ своихъ бѣгуновъ даютъ себѣ прозвища.

[2] Касыдою называется небольшая поэма.

[3] *Неджда*, часть Аравійской пустыни, славная породистыми конями. Нѣкогда, тамъ, на мѣстѣ, за заводскую кобылицу плачивали отъ 40 до 60 тысячъ турецкихъ піастровъ.

[4] *Сурабъ*, воздушный феноменъ, часто случающійся въ Аравіи, есть не что̀ иное, какъ испаренія земли, которыя,

далъ коня моего влѣво и вправо, проскакалъ много пространства, и ничего не видалъ кромѣ слѣдовъ гіены. Вдругъ зачернѣло что-то на краю небосклона, и чрезъ нѣсколько мгновеній сталъ передо мной юноша, стройный, какъ дерево баму. Первый пухъ молодости едва пробивался на миломъ его лицѣ, и никогда отъ рожденія не видывалъ я прекраснѣйшаго юноши. Онъ вѣжливо привѣтствовалъ меня, приближаясь; я отвѣчалъ ему тѣмъ же, и спросилъ: кто ты, витязь? — «Я Харесъ, сынъ Саада, витязь буланаго коня,» отвѣтствовалъ онъ. — Берегись же, воскликнулъ я ему, ты долженъ со мною сразиться. — «Но кто ты такой?» вопросилъ меня Харесъ. — Мое имя Амру-Карабъ, я сынъ Маада и Зобейды; перуномъ пустыни зовутъ меня Бедуины! — «Ничтожный врагъ, вскричалъ онъ, лишь твое безсиліе спасаетъ тебя отъ смерти!» Разорвалось мое сердце отъ такого самохвальства.—Клянусь Богомъ, возразилъ я, что только одинъ изъ насъ воротится къ своей палаткѣ; Бедуинъ! нагую истину скажу тебѣ: завтра песокъ занесетъ здѣсь трупъ твой! Знай, что я изъ поколѣнія, въ которомъ еще ни одна мать не оплакивала смерти витязя-сына, и ни одна красавица не обрѣзывала долгихъ кудрей своихъ по убитомъ женихѣ.—«Выбирай же, воскликнулъ онъ: ты ли будешь убѣгать, а я догонять тебя, или я пущусь на уходъ, а ты нападать станешь?» —Буду нападать, сказалъ я, и вмигъ Бедуинъ помчался стрѣлою. Я стремился во слѣдъ.... уже мыс-

представляя издали подобіе рѣкъ и озеръ, обманываютъ путника.

лилъ копьемъ пронзить его насквозь, когда онъ исчезъ съ коня; уже миновавъ его я увидѣлъ, что онъ гибкою подпругою обвился вокругъ туловища коня своего. Пришла его череда: онъ настигъ меня, ударивъ по головѣ концомъ копья, сказалъ: «вотъ тебѣ первый разъ, Омаръ! Копьемъ моимъ клянусь, что еслибъ не жаль было убить такое красивое созданіе, теперь бы уже твой конь ржалъ надъ твоимъ трупомъ.» Я сгорѣлъ со стыда, халифъ правовѣрныхъ, и смерть показалась мнѣ милѣе обиды.—Нѣтъ, воскликнулъ я, одинъ только изъ насъ увидитъ свою палатку. Онъ снова предложилъ, и я опять избралъ первую очередь. Конь мой летѣлъ,—я, казалось, касался наѣздника,—какъ вдругъ разостлался онъ по хребту коня, и тѣмъ избѣгъ вѣрнаго удара. Очередь оборотилась: онъ наскакалъ на меня, и не смотря на все мое искусство, на всѣ мои уловки, снова улучилъ ударить въ голову. «Вотъ и другой разъ, Омаръ» произнесъ онъ. Гнѣвъ и стыдъ охватили мою душу.—Рѣшено, вскричалъ я: или ты мой дротикъ или я твой привеземъ въ свое поколѣніе. Вмѣсто отвѣта, юный Бедуинъ ринулся впередъ,—я гналъ его, настигъ — и уже мѣткое копье мое несется ему въ плечо, какъ онъ спрыгнулъ на землю, и когда ударъ миновалъ сѣдло, то онъ опять на конѣ очутился. По очереди пустился Бедуинъ за мною, наскочилъ — и я не могъ ускользнуть отъ него. «Омаръ, вотъ тебѣ и третій разъ», сказалъ онъ, ударивъ меня по головѣ.—Лучше убей меня, воскликнулъ я, чтобы услышали арабскіе наѣздники о враждѣ нашей.—«Знаешь ли, Омаръ,

отвѣтствовалъ онъ, что я только до трехъ разъ прощаю!» И потомъ онъ продолжалъ стихами,*

Тобой клянуся, мечъ стальной,
Ты не кропился кровью чистой!
Коль разъ еще мы вступимъ въ бой —
Ты крови не узришь холмистой,
Намета родины святой!

— Признаюсь, властитель правовѣрныхъ, меня устрашило боевое искусство его, и я смущенный сказалъ: Харесъ, у меня есть до тебя одна просьба! — «Какая?» спросилъ онъ. — Возьми меня къ себѣ въ товарищи! — «Ты не годишься быть моимъ товарищемъ», отвѣчалъ Харесъ. Это выраженіе огорчило, но не отвратило меня. Я просилъ его снова, и такъ неотступно, что наконецъ онъ сказалъ мнѣ усмѣхаясь: «Бѣда тебѣ со мною; знаешь ли, куда спѣшу я?»—Конечно нѣтъ! былъ отвѣтъ мой. — «Ѣду, продолжалъ онъ, туда, гдѣ ожидаетъ меня кровавая смерть, которой жажду, какъ отрады.» — Всюду съ тобой, воскликнулъ я, и туда, гдѣ ждетъ насъ кровавая смерть. Мы ѣхали цѣлый день и часть ночи, и наконецъ наѣхали на одно изъ поколѣній арабскихъ. «Омаръ, сказалъ тогда юный мой витязь, указывая на кочевые шатры его: здѣсь найдемъ мы кровавую смерть. Хочешь ли ты подержать моего коня, а я пойду за тѣмъ, чего мы ищемъ, или дай мнѣ своего и самъ поди за тѣмъ, чего мнѣ надо.»—Подер-

* Арабы, особенно Бедуины, имѣютъ чрезвычайно много природнаго дара къ поэзіи. Часто простой Бедуинъ, безъ всякаго приготовленія, импровизируетъ посреди разговора нѣсколько прекраснѣйшихъ стиховъ.

жу коня твоего, отвѣчалъ я, ты лучше вѣдаешь, чего тебѣ нужно.—Легко спрыгнулъ съ коня юноша, бросилъ мнѣ поводья и скрылся во мракѣ, какъ падучая звѣзда исчезаетъ въ пустынномъ воздухѣ. Я радъ былъ служить ему за конюшаго въ такомъ случаѣ; между-тѣмъ безстрашный юноша проникнулъ въ глубь стана, и вскорѣ изъ одной палатки вывелъ двухъ верблюдовъ и дѣвицу, прекраснѣе молодаго мѣсяца; такой красоты никогда не зрѣли очи мои ни въ пустыняхъ Аравіи, ни въ краяхъ подвластныхъ царямъ. Посадивъ ее на быстроногаго верблюда, мы пустились въ дорогу. «Омаръ, сказалъ мнѣ Бедуинъ, по краткомъ молчаніи, хочешь ли ты вести верблюдовъ, а я повезу дѣвушку, или ты примешь на себя эту должность?» — Лучше я буду проводникомъ верблюдовъ, а ты охраняй насъ своимъ оружіемъ, возразилъ я.—Онъ, отдавъ мнѣ поводки, замѣтилъ, чтобы я правилъ бѣгъ свой на восходящія плеяды*. Такъ ѣхали мы, и уже день началъ заниматься, когда молчаливый мой витязь промолвилъ: «Оглянись, Омаръ, не видно ли кого-нибудь?» — Видны за нами верблюды, отвѣчалъ я.—«Удвой шагъ», сказалъ онъ и замолкъ снова; но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять сказалъ: «Посмотри еще разъ, и если ихъ мало, укрѣпись мужествомъ: то кровавая смерть слѣдитъ насъ; если же много, то не бойся!» — Ихъ четверо или пятеро, отвѣчалъ я. — «Погоняй сильнѣе», ска-

---

* Въ бездорожныхъ пустыняхъ своихъ, Бедуины всегда путеводствуются звѣздами.

залъ онъ и смолкъ. Болѣе часу бѣжали мы, и остановились не ранѣе, какъ топотъ погони послышался вблизи. Юноша велѣлъ мнѣ стать по правую сторону верблюдовъ, а самъ занялъ мѣсто съ лѣвой. Скоро явились передъ насъ, на коняхъ, двое статныхъ юношей изъ поколѣнія Бекровъ, и съ ними сѣдовласый старецъ, который возвышался между ними, какъ огромная смоковница между тонкими пальмами. То былъ отецъ красавицы, то были ея братья. «Отдай мнѣ дѣвицу, сынъ мой», сказалъ приблизившись старецъ. — «Не для того я похитилъ ее», гордо отвѣтствовалъ Харесъ. Тогда отецъ велѣлъ одному изъ сыновей сразиться съ моимъ храбрымъ товарищемъ. Юноша выступилъ, потрясая копьемъ; Харесъ соскочилъ съ коня ему на встрѣчу, и вотъ что̀ сказалъ стихами:

Тебя теперь, о витязь сильный,
Омочитъ крови дождь обильный,
Любовникъ пламенный, съ тобой
Горитъ схватиться въ смертный бой!
И вѣсть о немъ къ роднымъ, стрѣлою
Одна примчится — иль со мною.

Битва длилась недолго: Харесъ поразилъ копьемъ противника. «Иди, помѣрься съ нимъ, сказалъ старецъ другому сыну: смерть краше безславія!» Юноша выступилъ противъ Хареса, который, кинувшись на него, воскликнулъ:

Посмотри, какъ дротикъ гибкій *
Вѣрной смертію грозитъ!

---

* Дротики Бедуиновъ, сдѣланные изъ длиннаго и гибкаго тростника, почти всегда изъ багдадскаго, безпрестанно выблются.

Знай: жестоки кровныхъ сшибки!
Лишь кончина разлучитъ
Насъ съ сестрой твоей невинной.
Пусть умру, зато въ пустынной
Аравійской сторонѣ
Не разскажутъ обо мнѣ:
Онъ любезной измѣнилъ,
Онъ ее на жизнь смѣнилъ.

Насталъ бой и та же участь постигла другаго брата. Тогда отецъ, спокойно смотрѣвшій на кончину двухъ сыновей своихъ, приблизился къ Харесу и произнесъ: «Сынъ мой, отдай мнѣ дочь, или во мнѣ найдешь ты не мальчика!»—Никогда и никому не уступлю ее, отвѣчалъ Харесъ. Старецъ, услышавъ это, сошелъ съ верблюда и обнажилъ саблю; то же сдѣлалъ и Харесъ, весело встрѣчая его словами:

Мнѣ смерть милѣй, чѣмъ поношенье,
И пусть разсказъ объ этомъ мщеньѣ
Взволнуетъ Бекровъ поколѣнье.

Старецъ, ставши передъ нимъ, возразилъ:

Не драгоцѣннѣе мгновенья,
Жизнь многолѣтняя моя,
Когда за славу поколѣнья,
За дѣвы честь сражаюсь я.

«Избирай, сказалъ онъ ему: я даю тебѣ право перваго удара, но если и тогда не убьешь меня, то простись съ жизнію!»—«Охотно», отвѣчалъ юноша, и занесъ саблю; но съ другаго же взмаху старецъ, увидѣвъ, что не можетъ отразить удара, летящаго ему въ голову, пронзилъ грудь Хареса.... и оба повергнись мертвы. — Властитель правовѣрныхъ!

Во все это время страхъ и сожалѣніе смѣнялись во мнѣ; но когда я узрѣлъ кончину и двухъ остальныхъ витязей, то собралъ ихъ сабли, копья, коней и верблюдовъ, и приступивши къ дѣвицѣ, сказалъ ей: «теперь принадлежишь ты мнѣ».—«Нѣтъ, отвѣчала печальная красавица, вспыхнувъ гнѣвомъ: по смерти братьевъ, отца и любезнаго, я никому не принадлежу. Впрочемъ, если желаешь владѣть мною, то отдай мнѣ копье и коня Харесовы и пустимся гнаться. Если ты успѣешь до меня дотронуться—я твоя, но если я тебя настигну, то убью тебя.»—Совсѣмъ не желаю этого, отвѣчалъ я: видно изъ какого вы всѣ роду; но и безъ битвы, ты моя добыча. — «Если ты Арабъ отъ настоящей крови Арабовъ, возразила она, то отвезешь меня къ моему поколѣнію.»—Соглашаюсь на это, отвѣтствовалъ я, но съ условіемъ: оправдать меня передъ твоими родными и преломить со мною хлѣбъ гостепріимства. — «Клянусь смертью отца и любезнаго исполнить это», сказала красавица. Мы пустились въ путь по старымъ слѣдамъ, но черезъ нѣсколько времени, когда оглянулся я назадъ, то замѣтилъ, что дѣвица пропала съ верблюда. Не сомнѣваясь, что чувствительность увлекла ее къ мѣсту битвы, я быстро поворотилъ коня, и прискакалъ туда, откуда мы недавно уѣхали. Какъ велико было мое удивленіе, когда вмѣсто четырехъ труповъ, я нашелъ тамъ тѣла только двухъ братьевъ. Озираясь всюду, я не могъ придумать, куда дѣвались остальныя, какъ вдругъ замѣтилъ слѣды влеченныхъ по землѣ тѣлъ. По нимъ-то дошелъ я до лежавшаго за нѣсколько сотъ шаговъ камня, къ

которому вѣтромъ намело груду песку. Осмотрѣвъ пристально сеи холмикъ, я увидѣлъ полу одежды, и разрывъ его, я увидѣлъ.... властитель правовѣрныхъ.... тѣло отца, Хареса, и подлѣ нихъ умершую красавицу! Она скрывъ въ землю все, что̀ было для неи драгоцѣннѣiшаго на землѣ, сама съ ними же схоронилась. Не могъ удержаться я отъ слезъ, и долго горевалъ надъ столь плачевнымъ зрѣлищемъ. Наконецъ, положивъ подлѣ дѣвицы тѣла ея братьевъ, я вмѣстѣ зарылъ всю благородную семью, и пустился обратно, къ родному стану. Вотъ, властитель правовѣрныхъ, тѣ люди, которыхъ мужественнѣе не зналъ я въ жизни моей.

1823.

III.

ДЕРЕВЯННАЯ КРАСАВИЦА.

(СЪ ТАТАРСКО-АДЕРБАЙДЖАНСКАГО НАРѢЧІЯ.)

Мудрецы давнихъ вѣковъ согласились какъ въ одно слово, что неправдой присвоенное чужое въ прокъ не пойдетъ. Въ дни счастливаго Эвренг-зибова владычества, въ богатомъ и красивомъ Гиндустанѣ случилось сойтись въ одномъ каравансераѣ города Аллахабада * четыремъ путникамъ. Одинъ изъ нихъ былъ ваятель, другой серебряникъ, третій портной, а четвертый дервишъ, родомъ Турокъ, и всѣ четверо шли домой въ Дели. Взваливши на плеча котомки съ орудіями и пожитками, пустились они въ путь-дорогу, и ночуя однажды въ мѣстѣ безлюдномъ и лѣсистомъ, разсудили такъ между собою: «что если мы всѣ заснемъ, какой-нибудь заблудшій въ этой пустынѣ левъ можетъ напасть на насъ и всѣхъ передушить, или разбойники, которые вѣчно въ такихъ дебряхъ держатъ притонъ, найдутъ насъ

---

* Городъ, лежащій недалеко отъ Бенареса, при впаденіи Джемны въ Гангесъ.

сонныхъ и заберутъ всѣ наши пожитки: такъ не лучше-ли каждому изъ насъ посмѣнно пробыть часть ночи на стражѣ; когда трое другихъ спокойно почивать будутъ?» Потомъ разложили изъ сухихъ вѣтвей большой огонь, и послѣ легкаго ужина, трое путешественниковъ легли на землю спать, а четвертый остался на часахъ. Первый жребій палъ на ваятеля. Онъ, чтобы разгулять себя, добылъ изъ котомки рѣзцы, и изъ деревяннаго обрубка сталъ гладко вырѣзывать красивую статую женщины. Вырѣзалъ и положилъ на землю. На другую смѣну для охраны товарищей, поднялся портной. Бродя около пепелища, видитъ онъ что-то похожее на человѣка, простертаго на землѣ. Приглядывается, и узнаетъ въ томъ куклу прелестной женщины, только что вырѣзанную изъ дерева. Оборачиваетъ ее на всѣ стороны, дивится красотѣ, соразмѣрности членовъ и работѣ искусной; наконецъ вспадаетъ ему на мысль: «коли товарищъ нашъ такъ удачно показалъ свое искусство, дай-ка и я удивлю его своимъ ремесломъ!» Говоря это, вынималъ онъ куски тонкихъ тканей, снялъ съ куклы мѣрку, скроилъ и сшилъ на нее мигомъ щегольской нарядъ, и напялилъ его на деревянную красавицу. Радъ, что окончилъ удальство свое, будитъ портной серебряника на стражу, а самъ спать залегаетъ. Скоро увидѣлъ серебряникъ эту убранную куклу, и удивленный находкою, пристально ее осматривалъ и перевертывалъ, хваля мастерство своихъ товарищей; однакожъ, желая удивить ихъ взаимно, присѣлъ онъ за работу и украсилъ деревянную дѣвицу серьгами и

ожерельемъ и поясомъ, и зарукавьями, и всѣмъ, что̀ могъ изобрѣсти его умъ для усовершенствованія самаго затѣйливаго убранства. Потомъ, поставивъ за себя на часы дервиша, отправился на покой. Лишь очнулся дервишъ отъ сна, тотчасъ умылся пескомъ, чтобъ возстановить тѣло свое въ первобытной чистотѣ. Прочелъ одинъ намазъ по обряду, а четыре въ запасъ для всякаго случая. Произнесъ девяносто девять именъ божескихъ и сорокъ четыре имени пророка, и наконецъ, позѣвывая, началъ разсуждать о небесномъ счастіи и прекрасныхъ райскихъ краяхъ, гдѣ для каждаго богобоязненнаго человѣка цвѣтетъ роскошный садъ, дышущій благовоннымъ воздухомъ, красующійся очаровательными для взора и вкуса плодами. Тамъ ждутъ его семьдесятъ великолѣпныхъ палатъ, и въ каждой палатѣ семьдесятъ пышныхъ покоевъ, и въ каждомъ покоѣ семьдесятъ царскихъ кроватей, на нихъ возлежатъ прелестныя гуріи, изъ которыхъ еслибъ хоть одна явилась на землю въ часъ глубокой ночи, то блескъ ея прелестей такъ-бы озарилъ небосклонъ, что и семьдесятъ солнцевъ вмѣстѣ не моглибъ съ тѣмъ сравняться. Утопая въ стихіяхъ столь обольстительныхъ мечтаній, дервишъ нарокомъ взглянулъ кругомъ себя и съ изумленіемъ увидѣлъ образъ красавицы, подлѣ него лежащій. «Нѣтъ божества кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ Бога!» воскликнулъ онъ въ восторгѣ. «Безъ сомнѣнія, небо ниспослало мнѣ райскую жительницу въ награду за точное исполненіе всѣхъ обрядовъ вѣры избраннаго пророка!» Говоря это,

встаетъ онъ, тихо приближается къ куклѣ, и прiсѣвъ у неiї въ головахъ, запѣваетъ страстную пѣсню. Потомъ нашъ дервишъ принялся и за сердечныя изъясненiя; но видя, что предметъ любви его ничего отвѣчать не изволитъ, робко отваживается онъ взять у красавицы руку; беретъ и жметъ и тянетъ ее, и не можетъ надивиться, отчего у небесныхъ гурiй такiе твердые и недвижные члены. Наконецъ, смущенный и пристыженный, узнаетъ онъ ошибку свою и затѣйливое искусство товарищей, которые, по его мнѣнiю, сыграли это ему въ насмѣшку. «Такъ вы хотѣли подшутить надо мною, прiятели! сказалъ онъ; постойте-же, я васъ пристыжу, и проучу за это. Боже! ты, что далъ несомнѣнную книгу слугѣ и пророку твоему Мухаммеду! что ниспослалъ ему небеснаго бѣгуна Эль-Бурака, полувидъ красавицы имѣющаго, на которомъ возлетѣлъ онъ въ седьмое небо и опять спустился въ блистательную Медину! Ты, что простеръ бритвоострый мостъ Эль-Сыратъ надъ бездонною пучиною ада, по которому правовѣрные проiйдутъ спокоiйно въ раї, а гяуры скользнутъ въ вѣчную муку! Если я угодилъ тебѣ въ теченiи двѣнадцати лѣтъ, и по двѣнадцати часовъ ежедневно вертясь во славу твою, на одной пятѣ; если молитвы мои когда-нибудь ласково были тобоiї выслушаны, сотвори, чтобы бездушная кукла сiя ожила и встала. Гдѣ же спла, кромѣ тебя! Мы всѣ твое твореніе и всѣ въ тебя возвратимся!»

Такъ молился дервишъ; и въ это время Бедхахъ, духъ зла и хитрости, который кружилъ по

той пустынѣ, улучая минуту подшутить надъ прохожими, подслушалъ слова его и рѣшился воспользоваться случаемъ для наказанія святоши. Припалъ онъ къ куклѣ, дохнулъ въ нее и оживилъ дерево. Подобно прелестной пери или полному мѣсяцу, дѣвица красоты несказанной поднялась съ земли передъ дервишемъ, который въ радостномъ восторгѣ изо всей мочи завопилъ: «Аллахъ, Аллахъ! Власть и сила только у Бога; мы всѣ отъ Бога и всѣ въ него возвратимся!»

Пробужденные крикомъ дервиша, вскочили отъ сна его товарищи и видя передъ собой чудную красавицу, не могли очнуться отъ изумленія; каждый изъ нихъ, чувствуя въ сердцѣ раждающуюся къ ней любовь, захотѣлъ присвоить ее себѣ нераздѣльно.

— Она моя, говорилъ рѣщикъ, потому-что я сдѣлалъ ее изъ дерева.

— Неправда, возражалъ портной, она принадлежитъ мнѣ, потому-что я одѣлъ ее своимъ добромъ и далъ ей видъ женскій.

— Я равное имѣю на нее право, прибавилъ серебряникъ, за то, что убралъ ее въ многоцѣнные перстни и украшенія, безъ которыхъ женщина— не женщина.

— Все это совершенная правда, произнесъ дервишъ, но все-таки безъ моей святыни эта красавица осталась-бы деревомъ; заслугами моими у Бога она теперь живетъ. — слѣдовательно живетъ для меня.

Споръ четырехъ попутчиковъ разгорался болѣе и болѣе, и никто не хотѣлъ уступить ее другому.

Наконецъ, надо было идти на расправу къ кадію въ Дегли, откуда они были уже недалеко.

Ставши передъ кадіемъ, разсказали они ему, что споръ у нихъ идетъ о невольницѣ, найденной въ пустынѣ.

— Приведите ее ко мнѣ, сказалъ судья, чтобы я отъ ней самой могъ узнать, кому она принадлежитъ.

— Она нѣма, отвѣчали тогда ему всѣ четверо.

— Тѣмъ нужнѣе мнѣ ее видѣть, продолжалъ кадій. Приведите ее сюда немедля. Съ кадіемъ шутить нечего: привели мнимую невольницу; но кадій, едва успѣлъ увидѣть ее, закричалъ: «Какъ, бездѣльники! вы хотите завладѣть собственною моею невольницею, которую купилъ я у моего наиба * и которая мѣсяцъ тому отъ меня сбѣжала!»

— Совершенно такъ, промолвилъ важно наибъ: она невольница его справедливости, нашего наиласковаго судьи; я ему продалъ ее за 1,200 рупій. Имя ей Рахмана, а вы — обманщики! Потомъ обратился къ кадію: «Кажется, если не ошибаюсь, это тотъ недовѣрокъ-рѣщикъ, который не взирая на заповѣди Корана, дѣлалъ идоловъ брамінамъ,—тотъ самый, котораго ваша справедливость собирались при первомъ случаѣ повѣсить. Другой— портной, былъ ужъ однажды у насъ въ лапкахъ за шатаніе въ ночную пору по лавкамъ, якобы для купли тканей на платья.

— Такъ, припоминаю отвѣчалъ кадій, и даже увѣренъ, что третій есть тотъ серебряникъ, на

---

* Секретарь кадія.

котораго давно имѣется подозрѣніе въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ; это вещь несомнѣнная. Люди ихъ ремесла очень опасны и стоютъ быть посажены въ тюрьму для надзора. А тотъ дервишъ, какъ догадываюсь, турецкій побродяга, котораго мы однажды застали въ шинкѣ пьющаго вино,— напитокъ ненавистный небесамъ, за что̀ давно хотѣлъ я ему, по праву ислама, отсчитать сто пятьдесятъ одну палку по пятамъ. Но я милую васъ. Прощаю вамъ ваше бездѣльничество за то, что поймали мою бѣглянку. Убирайтесь вонъ, плуты!

Махнулъ — и придверники выгнали челобитчиковъ палками изъ судилища, а кадій велѣлъ добычу свою отвести въ гаремъ. Красота дѣвицы сей такъ плѣнила сердце его чрезмѣрною любовью, что онъ скоро на ней женился; и тогда-то оправдалось сказаніе мудрецовъ давняго времени, что наказанъ бываетъ тотъ, кто неправдой присвоитъ чужое. На свадьбѣ, когда молодые хотѣли поцѣловаться съ сладостнымъ вздохомъ, въ одинъ мигъ, злой духъ, оживлявшій невѣсту, перепорхнулъ въ голову кадія. Деревянная красавица снова стала бездушнымъ деревомъ, а несправедливый судья сошелъ съ ума.

1824.

IV.

ИСТИННОЕ ВЕЛИКОДУШІЕ.

(СЪ АРАБСКАГО.)

При халифѣ Сулеймапѣ, сынѣ Абдъ-эль-Меликовомъ, жилъ былъ въ поколѣніи Аседъ, нѣкоторый человѣкъ, по имени Хазимъ, сынъ Бешра. Благородство и великодушіе его равнялись богатствамъ, которыя наслѣдовалъ онъ отъ предковъ и умножилъ своею промышленностью. Никогда странникъ не переступалъ его порога не одаренный; никогда бѣдный не отходилъ отъ его дверей безъ пожизненнаго содержанія. Щедрость Хазима вошла въ пословицу не только между сынами Аравіи, но самой Персіи далекой. Такое гостепріимство и щедрость и непредвидѣнныя несчастія довели его наконецъ до убожества. Напрасно искалъ онъ пособія у тѣхъ, кому помогалъ золотомъ и благодѣяніемъ; напрасно прибѣгалъ къ тѣмъ, что недавно хвалились его дружествомъ. Всѣ устранялись его, никто не хотѣлъ пустить къ себѣ. Раздраженный неблагодарностью, воротился онъ домой.

— Асима, сказалъ онъ женѣ своей: бездѣль-

ники, которыхъ осыпалъ я добромъ, — меня отвергли: не хочу долѣе быть съ людьми и забавлять ихъ своимъ уничиженіемъ и злосчастіемъ. Съ этихъ поръ не выйду за порогъ моего дома, покуда смерть не прійдетъ снять съ меня горе, или небо не сошлетъ намъ какой нежданной помощи!

Захлопнулъ онъ двери для всѣхъ, и жилъ убого, продавая остатки украшеній, нѣкогда наполнявшихъ его дворецъ. Скоро вышло и это, и щедрый, великодушный Хазимъ остался безъ пропитанія въ ужаснѣйшей нищетѣ.

Въ то время былъ намѣстникомъ Арабскаго Полуострова Акрамъ Эль-Байраджъ. Случайно услышалъ онъ въ пріятельской бесѣдѣ, что̀ сталось съ Хазимомъ. «Бѣдный, сказалъ тогда Акрамъ: такъ вотъ плоды его доблестей! И неужели никто не утѣшилъ его, не помогалъ ему въ бѣдѣ?—Никто, отвѣчали вптязи, и Акрамъ замолкъ.

Когда всѣ разошлись и ночь смерклась, Акрамъ насыпалъ въ мѣшокъ четыре тысячи золотыхъ динаріевъ, велѣлъ осѣдлать коня, и вооруженный поскакалъ въ путь съ однимъ изъ своихъ оруженосцевъ. Въѣхавъ въ улицу, Акрамъ велѣлъ оруженосцу остановиться, и онъ приблизился къ подземной хижинѣ прежняго богача. Постучался; Хазимъ вышелъ на зовъ, и намѣстникъ, отдавая ему золото, сказалъ:

— Прими это отъ меня, великодушный старецъ, на поправку твоего состоянія!

Хазимъ, взявъ мѣшокъ и чувствуя тягость его, отъ души воскликнулъ:

— Кто ты, благородный человѣкъ? скажи мнѣ имя свое, и я сложу за тебя голову!

— Не для того избралъ я темную пору, чтобы стать извѣстнымъ, отвѣчалъ Акрамъ.

— Скажи, повѣдай твое имя, возразилъ Хазимъ, иначе я не приму твоего дара.

— Я помощникъ добрымъ въ бѣдѣ, — сказалъ Акрамъ, и быстро умчался отъ Хазима.

Обрадованный старецъ сейчасъ-же побѣжалъ къ женѣ своей, крича: «Развеселись, Аспма; Богъ одарилъ насъ; вотъ мѣшокъ съ деньгами! встань-ка проворнѣй, да засвѣти свѣчку, поглядѣть, что̀ послало небо».

— И рада-бы засвѣтить, отвѣчала жена, но ты знаешь, что у насъ давно не бывало свѣчи въ домѣ.

Огорченный этимъ, Хазимъ принужденъ былъ потѣшить свое любопытство въ потемкахъ, нетерпѣливо перебирая деньги ощупью. Сдавалось ему, что онѣ золотыя, но онъ не смѣлъ самъ себѣ вѣрить.

Воротясь во дворецъ, Акрамъ нашелъ жену свою въ слезахъ отъ безпокойства о ночной его поѣздкѣ, о которой ей тотъ же часъ шепнули. Подозрѣніе и ревность зажгли ея мысли и сердце.

— Ты здѣсь намѣстникъ, а выѣзжаешь о полуночи украдкою въ городъ, безъ свиты и охраны! Навѣрно у тебя есть гдѣ-нибудь другая жена или полюбовница. Признайся, скажи по всей правдѣ, куда выѣзжалъ ты?

— Клянусь тебѣ отвѣчалъ Акрамъ, что нѣтъ у меня ни той, ни другой.

— Какая жъ необходимость припала тебѣ такъ спѣшить?

— Вѣрно, что-нибудь важное вызвало меня ночью изъ дому, и очень тайное, когда я никого не взялъ, чтобы никто о томъ не вѣдалъ.

— Все-таки ты долженъ мнѣ разсказать это дѣло, иначе не уступлю я тебѣ ни шагу!

Женины слезы, просьбы и упреки принудили наконецъ Акрама открыть ей тайну подъ клятвою никогда о томъ не вспоминать.

Назавтра Хазимъ, расплатясь съ заимодавцами, рѣшился отправиться ко двору халифа, который находился тогда въ Палестинѣ. Сулейманъ, зная Хазима лично и наслышась о его добротѣ и щедрости, велѣлъ немедленно впустить къ себѣ почтеннаго старца сего, и спросилъ:

— Отчего Хазимъ такъ давно съ нами не видался?

— Владыка правовѣрныхъ, отвѣчалъ тотъ, бѣдность не дозволяла мнѣ насладиться этимъ счастіемъ!

— Для чегожъ не пришелъ ты ко мнѣ?

— Недостатки тому виною: какъ могъ я безъ денегъ предпринять столь дальнее путешествіе!

— Какъже теперь ты пріѣхалъ?

— Какой-то незнакомецъ, который назвался помощникомъ добрыхъ въ бѣдѣ, и который подъ этимъ именемъ помогалъ уже многимъ несчастнымъ, какъ я узналъ послѣ, великодушно пособилъ мнѣ.

Тутъ Хазимъ разсказалъ халифу, какъ было дѣло, и прибавилъ:

— Зная, что въ нашихъ краяхъ нѣтъ человѣка щедрѣе и скромнѣе тебя, властитель правовѣрныхъ, я не сомнѣваюсь, что подарокъ этотъ пришелъ отъ тебя, и пріѣхалъ воздать тебѣ мое благодареніе.

— Не благодари меня напрасно, Хазимъ, сказалъ Сулейманъ, я даже не вѣдалъ о томъ. Напротивъ я горю желаніемъ узнать этого благодѣтельнаго человѣка, чтобы достойно наградить его. Чтожъ до тебя, — я знаю твои достоинства, знаю, какъ великодушно владѣлъ ты своимъ имѣніемъ — и теперь тебя не оставлю.

Сказавъ это, велѣлъ онъ подать себѣ *калѐмъ* * и написалъ собственноручно указъ о назначеніи Хазима намѣстникомъ Арабскаго Полуострова, на мѣсто Акрама, которымъ почему-то онъ былъ недоволенъ.

Какъ скоро новый намѣстникъ приблизился къ столицѣ новой своей области, Акрамъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ кругу лучшихъ горожанъ. Оба привѣтствовали другъ друга учтиво, но холодно, потому-что издавна, по ссорѣ, жили въ открытой непріязни. Едва вступивъ во дворецъ, Хазимъ объявилъ своему предшественнику, что онъ долженъ представить за себя порукъ для отвѣта за цѣлость областной казны. Потомъ принялся за повѣрку счетныхъ книгъ и открылъ тамъ важный недочетъ. На требованіе выплаты онаго, прежній намѣстникъ отвѣчалъ только, что онъ не можетъ этого сдѣлать, ибо оставилъ

---

* Писальная трость.

свою должность бѣднѣе, чѣмъ вступилъ въ нее. Недруги Акрамовы твердили намѣстнику, будто онъ притаилъ свои богатства, и наконецъ Хазимъ велѣлъ его ввергнуть въ темницу и чрезъ нѣсколько дней послалъ снова напомнить о выплатѣ недочета.

— Скажите намѣстнику, отвѣчалъ Акрамъ, что я не изъ тѣхъ людей, которые на службѣ живятся добромъ общественнымъ, а сходя съ должности стараются неправдою утаить недобромъ нажитое имѣніе!

Тогда неумолимый Хазимъ велѣлъ заковать его въ желѣза, и цѣлый мѣсяцъ прошелъ безъ улучшенія судьбы человѣка, котораго вся вина состояла въ готовности помогать терпящимъ нужду.

Между-тѣмъ жена Акрамова всѣми средствами старалась черезъ родныхъ и друзей умилостивить суровую справедливость намѣстника, или подвигнуть ихъ на уплату казнѣ за мужа; но видя, что ея старанія безплодны, а мученія Акрама горче и хуже, рѣшилась переступить клятву.

— Ступай, сказала она одной вѣрной своей невольницѣ, ступай во дворецъ намѣстника, и скажи, что имѣешь открыть важное дѣло, и что только одному ему открыть его можешь. Когдаже станешь передъ его очи, то проси, чтобы онъ наединѣ тебя выслушалъ, и тогда выговори слова: «Хазимъ! неужели темница, оковы и муки должны быть наградою помощника добрыхъ въ бѣдѣ?»

Невольница въ точности исполнила волю госпожи своей, и Хазимъ, услышавъ то, въ отчаяніи воскликнулъ:

— О горе мнѣ, горе! Такъ это былъ онъ, онъ— мой старинный, великодушный непріятель?

— Онъ самъ, отвѣчала уходя невольница.

И вотъ намѣстникъ, пораженный стыдомъ и жалостью, велитъ поспѣшно скликать лучшихъ горожанъ, садится на коня, и въ ихъ поѣздѣ скачетъ къ темницѣ Акрама. Несчастный сидѣлъ въ темномъ и мокромъ подземельѣ, блѣдный и чахлый; горесть и отчаяніе видны были во всѣхъ чертахъ его лица. Видя входящаго Хазима съ толпою вельможъ, онъ робко взглянулъ на нихъ, и проникнутый чувствомъ уничиженія, склонилъ голову. Залившись слезами, кинулся намѣстникъ ему въ ноги и цѣловалъ ихъ покорно. Изумленный тѣмъ плѣнникъ, поднялъ голову и спокойно спросилъ:

— Что̀ это значитъ, Хазимъ? какая причина привела тебя сюда?

— Великодушіе моего врага, отвѣчалъ глубокотронутый Хазимъ.

Тогда же, въ снятыя съ плѣнника оковы намѣстникъ велѣлъ заковать свои ноги.

— Что̀ хочешь дѣлать? возопилъ Акрамъ Хазиму.

— Покарать себя, возразилъ тотъ, и столько же вытерпѣть мукъ, сколько я заставилъ терпѣть моего благодѣтеля.

— Богомъ и его силою и твоею душою заклинаю тебя, прервалъ Акрамъ, не дѣлай этого, если не хочешь отравить моей жизни.

Намѣстникъ съ честію проводилъ Акрама въ домъ свой, и тотъ же часъ отправились въ мыль-

ню. Потомъ задалъ ему тамъ пышный завтракъ, на которомъ самъ услуживалъ благодѣтелю. Потомъ доставилъ ему все, что̀ можетъ усладить жизнь, и взялся внести въ казну недочетъ. Просилъ его также, вымолить у жены ему прощеніе, и разстался съ нимъ со слезами. Черезъ нѣсколько дней, намѣстникъ, взявши съ собою Акрама, пріѣхалъ ко двору халифа, который въ то время жилъ въ Рамлѣ. Какъ скоро доложили Сулейману о пріѣздѣ Хазима, онъ закричалъ:

— Какъ! намѣстникъ Аравіи пріѣзжаетъ сюда безъ моего указа? Вѣрно какое-нибудь важное дѣло заставило его предпринять эту поѣздку!

Немедленно велѣлъ онъ Хазиму къ себѣ явиться, и когда тотъ вошелъ, Сулейманъ, не давши ему времени даже поклониться, торопливо спросилъ:

— Эмиръ, съ чѣмъ ты пріѣхалъ?

— Съ счастливою вѣстью, отвѣчалъ намѣстникъ: я привелъ къ тебѣ помощника добрыхъ въ бѣдѣ, котораго ты, властитель правовѣрныхъ, такъ жаждалъ увидѣть.

— Ктоже онъ такой?

— Акрамъ-эль-Байраджъ, мой предмѣстникъ, сказалъ Хазимъ.

Тогда Сулейманъ велѣлъ ему стать передъ собою, принялъ его очень ласково, осыпалъ похвалами и прибавилъ:

— Ты видишь, Акрамъ, что еслибы ты не былъ великодушенъ, то остался-бы несчастенъ. Я былъ недоволенъ твоимъ излишнимъ снисхож-

деніемъ къ мятежнымъ обитателямъ твоей области, — но теперь проси о какой хочешь милости.

— Властитель правовѣрныхъ, сказалъ тогда Акрамъ: во время моего правленія я поручался за многихъ посаженныхъ за долги въ темницу; уплатить ихъ я не могу, — такъ пусть-же опять за нихъ въ тюрьму возвращуся.

— Напиши мнѣ имена заимодавцевъ — я самъ заплачу за тебя, возразилъ халифъ.

Потомъ велѣлъ одѣть его въ богатое платье, далъ ему 10,000 золотыхъ динаріевъ, и наконецъ примолвилъ:

— Назначаю тебя, Акрамъ, намѣстникомъ въ Аравію и Иракъ, и отдаю на твою волю, самому заняться должностью или передать ее Хазиму.

— Утверждаю его, радостно воскликнулъ Акрамъ, потому-что никогда въ жизни моей я не могъ дать бо̀льшаго и достойнѣйшему!

Халифъ похвалилъ его великодушіе и назначилъ намѣстникомъ въ Сирію: оба друга съ тѣхъ поръ пользовались неограниченною милостію самовластителя и до его смерти правили высшими должностями.

1824.

V.

УРОКЪ НЕБЛАГОДАРНЫМЪ.

(СЪ ПЕРСИДСКАГО.)

Отъѣзжая въ Дамаскъ ко двору халифа Абдъ-эль-Мелика, Абу-Мухаммедъ-эль-Хеджаджъ, намѣстникъ Аравіи, взялъ съ собою любимца своего, Ибрагима, котораго онъ весьма уважалъ и часто давалъ ему значительныя порученія. «Владыка правовѣрныхъ, сказалъ Абу-Мухаммедъ, я представлю тебѣ человѣка, выше котораго въ благородствѣ души, въ добротѣ сердца и въ обширности ума я никого не знаю въ Аравіи; что же касается до необыкновенныхъ его способностей и вѣрности ненарушимой, — то смѣло могу сказать, что нѣтъ ему равнаго. Его имя Ибрагимъ, сынъ Тальхи!» Халифъ съ радостію пожелалъ его видѣть и позволилъ его къ себѣ представить.

Какъ скоро Ибрагимъ вошелъ и обычно попривѣтствовалъ властителя, тотъ принялъ его ласково, посадилъ на средину софы и сказалъ:

— Абу-Мухаммедъ много намъ говорилъ о твоихъ доблестяхъ въ расправѣ, о твоемъ благородномъ образѣ мыслей, о твоей неизмѣнной вѣрно-

сти. Повѣдай-же намъ: чего себѣ желаешь? ибо мы не хотимъ оставить втунѣ живыя за тебя просьбы и благодарность Абу-Мухаммеда. Говори, какой совѣтъ имѣешь дать намъ?*

— Для себя въ этой жизни ничего не желаю, отвѣтствовалъ Ибрагимъ съ набожнымъ видомъ, а въ будущей жажду только быть въ раю, въ лонѣ пророка. Что-жъ до совѣта, — я имѣю сообщить тебѣ очень важный.

— Я готовъ его выслушать, сказалъ халифъ.

— Не могу высказать его въ присутствіи третьяго.

— Неужели не можешь открыться при твоемъ наилучшемъ другѣ и покровителѣ?

— Даже и онъ не долженъ быть участникомъ этой тайны.

Абу-Мухаммедъ, смущенный и пристыженный такою недовѣрчивостью человѣка, отъ котораго въ самыхъ сокровенныхъ дѣлахъ и мысляхъ не таился, не зналъ, куда взглянуть, куда ступить; но халифъ далъ ему знакъ удалиться, потомъ обратясь къ Ибрагиму, сказалъ:

— Теперь смѣло можешь открыть мнѣ тайну свою, и если въ ней заключается твое желаніе, то обѣщаю оное исполнить.

— Властитель правовѣрныхъ, сказалъ тогда Ибрагимъ. Ты назначилъ Абу-Мухаммеда намѣстникомъ знаменитой Мекки и ясной Медины, сихъ обиталищъ сыновъ товарищей пророка и источниковъ чистой вѣры ислама, хотя вѣдалъ объ его

---

* Обыкновенная при восточныхъ дворахъ формула.

буйномъ нравѣ, его жестокихъ склонностяхъ, его неуваженіи къ обрядамъ и неправотѣ въ судѣ. Онъ угнеталъ имамовъ и святотатственно попралъ ихъ старинныя права, ненарушенныя дотолѣ ни однимъ мусульманиномъ. Какой отвѣтъ дашь ты, властитель правовѣрныхъ, въ послѣдній день, на судѣ пророка, за притѣсненныхъ при тебѣ правовѣрныхъ, столь дорогихъ его сердцу? Государь! страшись Божьяго гнѣва: скинь его съ намѣстничества и карою виновнаго заслужи у пророка въ будущей жизни!

— Какъ жалко обманулся Абу-Мухаммедъ, представивъ тебя человѣкомъ полнымъ чести, сказалъ халифъ, бросая на лицемѣра взоръ презрѣнія, и далъ знакъ рукою, чтобы онъ вышелъ.

Абу-Мухаммедъ долго говорилъ съ халифомъ, снова къ нему позванный, между-тѣмъ какъ Ибрагимъ сидѣлъ въ сѣняхъ, терзаемый отчаяніемъ неудачи и угрызеніемъ совѣсти, сей обычной мучительницы преступныхъ душъ, трепещущихъ отъ предчувствія неизбѣжной казни. Неблагодарный не сомнѣвался, что смерть или вѣчная тюрьма будетъ наградою коварства противъ благодѣтеля; но всего болѣе страшился, чтобъ не выдалъ его халифъ головою мести обиженнаго друга. Вдругъ поспѣшно выходитъ Абу-Мухаммедъ, сжимаетъ его въ объятіяхъ и удаляется, сказавъ:

— Ибрагимъ, благодарю тебя за дружбу и постараюсь быть достойно ея благодарнымъ. Узнаю теперь, что не умѣлъ цѣнить тебя!

Эти слова поразили его какъ громомъ. Видя погибель, онъ не зналъ, куда ему дѣться, когда

придверникъ кликнулъ его къ халифу. Блѣднѣя и трепеща вошелъ Ибрагимъ въ палату властителя.

— Пріятель, сказалъ ему Абдъ-эль-Меликъ, я послушался твоего совѣта и смѣнилъ Абу-Мухаммеда съ намѣстничества Мекки и Медины; но я увѣрилъ его, что ты, исполненный къ нему благодарности, просилъ меня наградить друга по-царски и возвысить въ важнѣйшее достоинство; что я по твоей просьбѣ жалую его намѣстникомъ обоихъ Ираковъ. Удались, подлый человѣкъ; ты поѣдешь съ нимъ вмѣстѣ, и пусть онъ заплатитъ тебѣ добромъ за зло, которое хотѣлъ ты ему сдѣлать. Если есть въ тебѣ душа, то пусть стыдъ при каждомъ отъ него благодѣяніи обратится въ тяжкое наказаніе твоей низости. Удались; но помни, что я знаю твое сердце!

1824.

VI.

БЕДУИНКА.

(СЪ АРАБСКАГО.)

Моавія, сынъ Сейфановъ, повелитель правовѣрныхъ, сидѣлъ однажды въ кругу своихъ царедворцевъ, въ великолѣпномъ увеселительномъ зданіи, построенномъ при большой дорогѣ, ведущей въ Дамаскъ. Изъ оконъ этого зданія во всѣ стороны видъ былъ восхитительный: роскошные сады Гуты, необъятныя взору равнины Бекаи, рѣчки и пруды, осѣненныя оливковыми деревьями, холмы, красующіеся виноградомъ, и позади ихъ чернѣющійся покатъ Антиливана, составляли вмѣстѣ прелестнѣйшую въ природѣ картину. Водометы, брызжа изъ мраморныхъ купелей, разливали по всему зданію пріятную прохладу; но внѣ зданія, удушливый зной захватывалъ дыханіе: жгущій вѣтеръ, налетавшій съ жаркихъ песковъ Неджда, дышалъ тлетворнымъ пламенемъ. Халифъ увидѣлъ вдали человѣка, въ широкой бедуинской епанчѣ съ бѣлыми и черными полосами, шедшаго по большой дорогѣ. Былъ полдень, солнце пекло со всею своею силой, и путникъ, шедшій босыми

ногами, томясь усталостію и истощеніемъ, не могъ сносить жара раскаленной земли, по которой ступалъ, и ускорялъ свой ходъ. Видъ этого человѣка наполнилъ сердце халифово горестію.

— Аллахъ сотворилъ ли когда человѣка, воскликнулъ онъ, обратясь къ своимъ приближеннымъ, — несчастнѣе того, какъ этотъ Арабъ, принужденный влачиться по большимъ дорогамъ въ такой жаръ, какъ нынѣшній, и въ такую пору дня?

— Повелитель правовѣрныхъ! отвѣчалъ одинъ изъ царедворцевъ, почему знать? можетъ-быть человѣкъ этотъ ищетъ тебя, хочетъ прибѣгнуть къ твоей помощи или защитѣ? Можетъ-быть думаетъ онъ, что великодушіе твое будетъ для него тучею весеннею, прохлаждающею зной дневной и утоляющею жажду, которою, какъ видно, онъ томится?

— О, если меня онъ ищетъ, вѣщалъ халифъ, то я буду для него тучею весеннею, оживляющею поля, пожигаемыя *харуромъ**, я буду ему росою благодатною, питающею листы лавра, поблеклые отъ зноя! Сюда, отрокъ: ступай къ дверямъ моего чертога, и если этотъ Арабъ будетъ обо мнѣ спрашивать, то мигомъ приведи его предъ лице мое.

Отрокъ сошелъ къ дверямъ чертога и спросилъ у Бедуина, куда онъ идетъ въ такую пору и кого ищетъ?

— Я иду въ Дамаскъ, отвѣчалъ Бедуинъ, а ищу повелителя правовѣрныхъ: онъ правосуденъ

---

* Жгучій вѣтеръ, дующій въ пустынѣ Сирійской.

и великодушенъ; онъ извлечетъ изъ моего сердца жало насилія, которымъ оно растерзано, и вырветъ изъ земли мусульманской плевелы своевольства.

— Если такъ, то иди за мною, сказалъ отрокъ: повелитель правовѣрныхъ ждетъ тебя въ семъ чертогѣ.

Бедуинъ повиновался отроку, который ввелъ его предъ очи халифовы. Представъ предъ своего властителя, Бедуинъ отдалъ поклоненіе и, бывъ истощенъ усталостію, съ трудомъ произнесъ нѣсколько едва внятныхъ словъ, коими желалъ ему долгаго царствованія и всѣхъ возможныхъ благъ.

— Откуда ты, другъ Арабъ? спросилъ его халифъ.

— Я изъ Емима, отвѣчалъ онъ.

— Кого же ищешь въ такую тяжкую пору? что̀ заставляетъ тебя подвергаться въ эти часы насилію ужаснаго вѣтра, жгущаго листы оливы и удушающаго птицъ на полетѣ?

— Несправедливость поставленнаго тобою въ градоначальники намъ Мервана причиною труднаго моего путешествія; ищу я твоего правосудія. О Моавія! продолжалъ онъ: вселенная чтитъ твое могущество, мудрость и просвѣщеніе, народы благословляютъ твое правдолюбіе, прямодушіе и благость. У тебя ищу я убѣжища, когда весь міръ меня отвергаетъ. Не измѣни моей надеждѣ, и правосудіемъ твоимъ отмсти за обиды, которыми гнететъ меня тотъ, кого ты поставилъ покровителемъ невинности и карателемъ злодѣевъ. Онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе, тягчайшее самой смерти.

Изъ судіи моего содѣлался онъ непримиримымъ врагомъ моимъ: онъ у меня отнялъ мою Соаду, гналъ меня, заключалъ въ темницу, вооружилъ на меня родныхъ моихъ, презрѣлъ и законъ Бога и праведный гнѣвъ твой.

Моавія, видя, что Бедуинъ пылалъ огнемъ негодованія, тревожимъ былъ волненіемъ духа и измученъ усталостію, повелѣлъ ему сѣсть, успокоить свои чувства и потомъ разсказать ему свою повѣсть. Бедуинъ, послѣ краткихъ минутъ отдыха, снова началъ говорить такъ:

— Повелитель правовѣрныхъ! я сынъ степи и веду родъ мой отъ благороднѣйшей и чистѣйшей крови Арабовъ, которая никогда не смѣшивалась съ кровью чуждою, никогда не сливалась съ кровью жителей городовъ или селъ. Изъ рода нашего произошли сто витязей, коихъ подвиги славятся по всѣмъ пустынямъ, и сто поэтовъ, коихъ стихи твердятся во всѣхъ шатрахъ. Я былъ богатъ наслѣдіемъ отца моего: у меня было лучшее стадо верблюдовъ и двѣнадцать самыхъ породистыхъ коней неджскихъ. Ни одинъ странникъ не проходилъ мимо моего шатра, не испытавъ моего гостепріимства; ни одинъ утѣсненный не испрашивалъ вотще помощи копья моего. Я взялъ себѣ въ жены Соаду, дочь шейха моего племени. Она была прекраснѣйшая и благороднѣйшая изъ дѣвъ Аравіи; глаза ея подобились свѣтлымъ звѣздамъ Оріона, а станъ ея гибкому стеблю *бана*. Мы любили другъ друга и жили счастливо; но одинъ черный годъ нарушилъ наше блаженство. Я лишился поперемѣнно и стадъ моихъ, и всего моего

имущества. Тогда всѣ меня покинули. Я сталъ несносенъ тѣмъ людямъ, которые прежде искали моей дружбы; я долженъ былъ сносить надменность низкихъ душъ, которыя незадолго предъ тѣмъ испрашивали моихъ милостей. Къ горшему моему бѣдствію, тесть мой успѣлъ, коварствомъ и вѣроломствомъ, похитить у меня жену мою, и не хотѣлъ уже возвратить ее мнѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ принялъ меня съ жестокими упреками, осыпалъ меня оскорбленіями и запретилъ мнѣ ходить къ нему. Племя наше кочевало тогда подъ стѣнами Бассоры. Я прибѣгнулъ къ защитѣ Мервана, правителя той области. Онъ призвалъ моего тестя и спросилъ его, за что онъ такъ несправедливо со мною поступалъ? Но шейхъ, съ безстыдствомъ, какому не было еще примѣра, отвѣчалъ, что не знаетъ меня и что я просто обманщикъ. Я требовалъ, чтобы, для поясненія дѣла, твой градоначальникъ призвалъ Соаду и положился на ея показаніе. Мерванъ согласился на то и приказалъ шейху привести свою дочь. Но кто могъ это предвидѣть! поступокъ, въ которомъ я полагалъ вѣрный залогъ моего спасенія, сдѣлался источникомъ всѣхъ моихъ страданій и бѣдъ! Едва Мерванъ увидѣлъ Соаду, тотчасъ въ нее влюбился, запретилъ мнѣ входить въ судилище, терзалъ меня и наконецъ ввергнулъ въ тюрьму. Я сталъ несчастнѣе дѣтища лани, которое видѣвъ, какъ псы звѣроловца растерзали мать его въ долинѣ, трепетно бродитъ по кремнистымъ утесамъ Веджры. Мерванъ въ то время предложилъ моему тестю — избавить его отъ такого зя-

тя какъ я, если онъ согласится дать ему въ жены Соаду, за которую обѣщался заплатить десять тысячъ драхмъ. Корыстолюбивый старикъ охотно принялъ предложеніе градоправителя, а онъ потребовалъ меня къ себѣ и велѣлъ мнѣ развестись съ моею женою. Я отказалъ ему. Тогда прислужники его схватили меня безжалостно, бросили въ мрачное, зловонное подземелье и ревностно каждый день выдумывали новыя для меня муки, чтобы вырвать изъ меня согласіе на разводъ съ женою. Видя, что я твердо рѣшился не преклониться предъ его неправдою, Мерванъ вздумалъ играть законами. Подкупленные безсовѣстные судьи приговорили развести меня съ женою, на которой тогда же Мерванъ женился. Меня все еще держалъ онъ въ заключеніи, откуда я ушелъ чуднымъ случаемъ. Рука Аллаха извела меня оттолѣ, не смотря на неусыпность моей стражи, и я прибѣгаю подъ кровъ твоего правосудія. Моавія! бойся Бога, вручившаго тебѣ счастіе и безопасность правовѣрныхъ! слезы притѣсненной невинности будутъ тягчайшимъ обвиненіемъ, какое Творецъ поставитъ въ день страшнаго суда, противъ тѣхъ, на кого возложилъ онъ заботу—править людьми въ здѣшней жизни.

Бедуинъ, мало-по-малу одушевляясь въ своей рѣчи, въ концѣ ея, по быстрому вдохновенію, сказалъ стихи:

Въ сердцѣ моемъ еще трепещетъ неправды стрѣла,
Очи мои источаютъ кровавыя слезы.
Моавія! ты никогда не сносилъ притѣсненій
И притѣсненныхъ бѣды не вовсе понятны тебѣ.

При этихъ словахъ, силы его оставили: онъ упалъ безъ чувствъ. Халифъ велѣлъ подать ему нужную помощь, а себѣ принести бумаги, и своею рукою написалъ къ Мервану письмо, въ которомъ дѣлалъ ему строгіе упреки, угрожалъ своимъ гнѣвомъ и повелѣвалъ ему тотъ же часъ развестись съ Соадою и немедленно прислать ее въ Дамаскъ.

Правитель повиновался своему государю и отправилъ Соаду въ Дамаскъ съ тѣми же посланными, которые принесли ему повелѣніе халифа. Тогда же написалъ онъ и письмо къ халифу, извиняясь любовью своею къ этой Бедуинкѣ и упорствомъ ея мужа, не хотѣвшаго съ нею развестись; что все это подстрекнуло его къ такимъ насильственнымъ поступкамъ, которыхъ бы онъ никакъ не сдѣлалъ во всякомъ другомъ случаѣ; что онъ готовъ всѣми способами вознаградить этого человѣка за претерпѣнное имъ, и наконецъ, что онъ съ покорностію преклоняетъ повинную свою голову подъ мечъ правосудія халифова, испрашивая его милосердія и великодушія.

Когда Соада прибыла въ Дамаскъ, ее представили халифу. Онъ удивился ея красотѣ, съ которою прелести всѣхъ женъ его гарема не могли сравниться. Возвышенная, какъ пальма береговъ Нила, въ поступи своей она стройно склонялась, подобно ратовищу копья степнаго наѣздника, сдѣланному изъ багдадской трости. Тѣло ея имѣло прелестный цвѣтъ серебра, съ легкою примѣсью золота, а блестящіе искрами глаза ея выражали ту восхитительную пріятность любви и нѣжности, которая столь чудно свѣтится въ глазахъ моло-

дой лани, когда она, своротивъ на сторону гибкую свою шею, смотритъ съ любовью матери на двухъ маленькихъ оленятъ, прильнувшихъ къ сосцамъ ея. Легкая, какъ серна горы Тудыхъ, она была величава, какъ луна, протекающая звѣздный сводъ въ четырнадцатую ночь свою. Моавія вступилъ съ нею въ разговоръ и нашелъ, что она умнѣе и образованнѣе Зарки, которой славнѣйшіе витязи степей посвятили жизнь и богатства свои. Въ минуту халифъ страстно въ нее влюбился, и вмѣсто того, чтобы строго наказать Мервана, какъ онъ намѣревался, нашелъ въ собственномъ сердцѣ ему извиненіе. Онъ приказалъ помѣстить Соаду въ великолѣпныхъ чертогахъ, окружилъ ее толпою невольницъ и забавъ, велѣлъ твердить ей о любви своей, и доставлялъ ей всѣ почести и увеселенія, могущія воспламенить воображеніе женщины и заставить ее полюбить такую пріятную жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, халифъ призвалъ къ себѣ Бедуина и сказалъ ему.

— Другъ мой, не можешь ли ты утѣшиться безъ Соады? Я осыплю тебя богатствами и позволю тебѣ выбрать въ жены изъ моего гарема такую красавицу, которая тебѣ болѣе другихъ понравится, съ достаточнымъ числомъ прекраснѣйшихъ невольницъ для услуги.

Бедуинъ слушалъ слова своего государя съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ; потомъ ручьи слезъ смочили глаза его; онъ зарыдалъ, упалъ на землю и вдался въ жесточайшее отчаяніе. Халифъ дивился тому, и самъ почти смутился; онъ спросилъ у Бе-

дина о причинѣ такой горести и старался его утѣшить.

— Могу ли не предаваться отчаянію? вскричалъ Бедуинъ: когда я страдалъ отъ притѣсненій твоего градоначальника, тогда жилъ надеждою на твое правосудіе; но если ты столь же неправосуденъ, какъ и онъ, — къ кому я пойду съ жалобой? Ты въ заговорѣ съ моими врагами, чтобъ отнять у меня жену, которую я люблю больше всего на свѣтѣ. Повелитель правовѣрныхъ! такое ли употребленіе долженъ ты дѣлать изъ власти, ввѣренной тебѣ Богомъ, и изъ законовъ, коихъ ты намъ поставленъ заложникомъ?

— Успокойся, Арабъ, прервалъ Моавія съ важностію; ты не можешь требовать, чтобы жена, съ которою ты развелся, снова соединила свою судьбу съ твоею, когда она не согласится на то сама и предпочтетъ даруемую ей отъ Бога жизнь царскую и достойную ея, жалкой участи—погребсти себя заживо съ тобою въ пескахъ пустыни, сносить всякіе недостатки и жить въ нищетѣ. Хочешь ли: я призову ее сюда, чтобъ она сама сдѣлала выборъ между нами?

Бедуинъ былъ сраженъ этимъ предложеніемъ халифа; долго стоялъ онъ недвижимъ и безмолвенъ; наконецъ слезы снова брызнули изъ его глазъ и онъ сказалъ голосомъ умиленнымъ:

— Повелитель правовѣрныхъ! сознаюсь, что не имѣю болѣе никакого права на Соаду, если только любовь ея не дастъ мнѣ на нее права. Если она предпочитаетъ богатство и пышность, коими окружена нынѣ; ежели она чтитъ себя сча-

стливою въ этомъ состояніи, то пусть придетъ сюда и объявитъ намъ о томъ: я охотно покорюсь ея выбору, ибо лучшее доказательство любви, когда человѣкъ жертвуетъ своими чувствованіями счастію той, которую любитъ.

Халифъ, довольный разсудительными рѣчами Бедуина, подалъ знакъ своему отроку, и въ одно мгновеніе Соада явилась предъ очи своего государя и перваго мужа, котораго съ трудомъ узнала: такъ горесть и страданія измѣнили его! Моавія объяснилъ ей, съ какою цѣлью призвалъ ее, и требовалъ, чтобъ она объявила, кого выбираетъ, — его или Бедуина? Соада, въ смятеніи, отвѣчала трогающимъ душу голосомъ:

— Повелитель правовѣрныхъ! ни одна женщина изъ нашего племени никогда не измѣняла своему долгу. При бѣдности, недостаткахъ и самомъ голодѣ, этотъ человѣкъ всегда будетъ мнѣ милѣе всякаго владыки земнаго, хотя бы тотъ былъ еще могущественнѣе, славнѣе родомъ и великодушнѣе тебя. Съ мужемъ, которому я клялась въ вѣчной вѣрности, полсть бедуинскаго шатра, горсть пшена и немного верблюжьяго молока, если можно его достать,—будутъ для меня пріятнѣе вѣнца халифова, обилія и роскоши двора его, и почестей, которыя воздавалъ бы мнѣ народъ, распростертый у ногъ моихъ. Нѣкогда мы обязаны были другъ другу нашимъ взаимнымъ благополучіемъ; и какъ я любила его тогда, когда онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ витяземъ нашего племени, то справедливость требуетъ, чтобъ я раздѣляла съ нимъ теперь его бѣдствія,

и своими о немъ попеченіями усладила горести, его тяготящія. Такъ! я хочу снова къ нему возвратиться; ибо женщина тогда только дѣлаетъ лучшее употребленіе своей воли и всѣхъ своихъ помысловъ, когда жертвуетъ собою совершенно счастію того, кому клялась она въ вѣрности!

Сказавъ эти слова, она зарыдала, оплела руками шею своего мужа и упала безъ чувствъ въ его объятія. Халифъ не могъ выдержать этого зрѣлища безъ сильныхъ душевныхъ ощущеній; онъ чувствовалъ, что глаза его наполнились слезами, велѣлъ подать помощь этой женщинѣ, чтобы привести ее въ чувство, и сказалъ:

— Бедуинъ! я стыжусь, что хотѣлъ быть несправедливъ съ тобою; я не могу наказать Мервана, ибо чувствую себя столь же виновнымъ, какъ и онъ; но дарю тебѣ все, что̀ готовилъ для Соады, которую тебѣ возвращаю; къ тому я еще присовокупляю десять тысячъ золотыхъ монетъ. Не обвиняй меня предъ судомъ Божіимъ, когда мы оба предстанемъ. Будьте моими друзьями, ибо я чувствую теперь, что для государя, самое лучшее употребленіе власти его есть то, чтобы побѣдить собственныя свои страсти и великодушно ими пожертвовать благу своихъ подданныхъ.

1827.

VII.

СМЕРТЬ ШАНФАРІЯ.

(СЪ АРАБСКАГО.)

Вотъ повѣсть древнихъ временъ. Всадники пустынь Неджда, выслушайте ужаснѣйшую повѣсть! Завѣты судьбы неизбѣжны: стрѣлы ея достигаютъ человѣка на высотахъ Тудыха и въ глубокихъ долинахъ Веджры.

Вы слыхали о Шанфаріи, и кто изъ насъ не слыхалъ о немъ въ благословенной Землѣ Арабской? Имя его поражало ужасомъ отважнѣйшихъ витязей пустынь нашихъ. Его стихи повѣшены были на золотой цѣпи въ священномъ храмѣ Каабы. Сто поколѣній исчезло съ поверхности земли, но стихи Шанфарія повторяются храбрыми сынами степей и красавицами Хеджаза, шеи которыхъ прелестнѣе шей бѣлыхъ голубей, когда они поднимаютъ ихъ вверхъ, напившись чистой воды Сейлана; глаза которыхъ нѣжнѣе глазъ лани, смотрящей на дѣтищъ своихъ, прыгающихъ по ущеліямъ Эль-Аксы. Поющій стихи Шанфарія чувствуетъ на устахъ своихъ сладость благовоннаго іеменскаго меду, и горькая печаль, наполняющая

его сердце, улетаетъ отъ него, какъ бѣлый песокъ пустыни, гонимый порывомъ сѣверо-восточнаго вѣтра.

Шанфарій любилъ прекрасную Дальфу, и Дальфа любила его. Онъ былъ знаменитѣйшій герой того времени; она красотою своею превосходила всѣхъ дѣвъ пустыни. Родители благословили любовь ихъ, и они жили счастливо. Но что̀ значитъ счастье человѣка?... оно непостояннѣе сѣраго облака, блуждающаго въ влажномъ воздухѣ, послѣ обильнаго весенняго дождя; оно ломче тонкой тростинки, растущей въ руслѣ потока, которая нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ питалась быстрою водою, съ шумомъ ниспадающею съ неприступныхъ утесовъ Джебейля, и переносила свирѣпость бури и удары града; но потомъ исчезла внезапно въ ясный и тихій лѣтній день. Смотрите! уже лучи солнца выпили всю воду — и въ руслѣ потока остались только круглые камешки и крупный песокъ, осѣняемый сплетшимся тростникомъ; теперь шипящія змѣи ищутъ въ немъ убѣжища отъ зноя; всѣ почти тростники лежатъ изломанные вѣтромъ и легкими ногами газелей, бѣгающихъ каждое утро съ вертеповъ Джебейля къ отдаленной лужѣ, гдѣ остается еще нѣсколько мутной солоноватой воды. Одна только тростинка тонкая, сухая поднимается среди этого разрушенія: судьба ея еще не исполнилась. Но вотъ двѣ легкія *мукки*, оставившія неконченное гнѣздо свое въ ущеліи, летятъ, поднимаясь и опускаясь безпрестанно: слабыя ихъ крылья утомлены дальнимъ воздушнымъ путешествіемъ; онѣ ищутъ,

гдѣ бы присѣсть, но не рѣшаются избрать камня, ибо камни раскалены солнцемъ и, быть можетъ, тамъ лежитъ пестрыи змѣи, ихъ врагъ неумолимыи; наконецъ видятъ сухую, уединенную тростинку, и стремятся къ ней, насвистывая обыкновенную свою пѣсню: усталость и любовь возбуждаютъ въ нихъ желаніе присѣсть; но едва присѣли, тростинка вдругъ переломилась на нѣсколько частеи, и бѣдныя птички опять поднялись на воздухъ. Такъ разрушилось и счастіе Шанфарія!

Поколѣніе Аздъ, къ которому принадлежалъ Шанфарій, славится храбростью и великодушіемъ своихъ вопновъ, красотою и добродѣтелью женъ. Но поколѣніе Саламанъ извѣстно по однимъ только постыднымъ недостаткамъ: никогда странствующій путешественникъ не испыталъ ихъ гостепріимства, никогда слезы невинности не трогали каменной груди ихъ; они находятъ гнусное удовольствіе обижать обиженнаго, насмѣхаться надъ несчастнымъ и быть ненавидимыми отъ несчастныхъ: ихъ сердца — пусты какъ воздухъ, въ душѣ ихъ — измѣна, на лицахъ — безстыдство; руки ихъ запятнаны кровавымъ корыстолюбіемъ.

Это поколѣніе Саламанъ жило въ вѣчной враждѣ съ сынами Азда. Покуда Шанфарій находился между послѣдними, Саламанцы не смѣли приблизиться къ ихъ кочевьямъ на разстояніи тысячи выстрѣловъ изъ лука. Великодушіе Шанфарія подало однако же удобный случай совершить злобный ихъ умыслъ. Онъ отправился проводить пу-

тешественниковъ къ другому кочевью, ибо копье его всегда готово было къ защитѣ безсильнаго, а имущество къ удовлетворенію нуждъ странника и спроты.

Зловредные дивы* всегда имѣютъ связи съ злобными и коварными людьми. Одинъ изъ нихъ немедленно сообщилъ Саламанцамъ объ отсутствіи Шанфарія: взявъ на себя видъ одного изъ Аздъ, онъ отправился въ ихъ кочевье, сталъ на рубежѣ его, и сильнымъ голосомъ промолвилъ:

— Потомки Саламана! вашъ непріятель ищетъ у васъ убѣжища. Я обиженъ Шанфаріемъ; кровь находится между нимъ и мною: онъ пролилъ кровь моего брата. Окажите мнѣ покровительство: мщеніе есть первый долгъ арабскаго воина!

Голосъ хитраго дива раздался въ сердцахъ Саламанцевъ: они всѣ вдругъ почувствовали свирѣпую радость, подобную той, какую возбуждаетъ въ молодыхъ гіеннахъ дикій, пронзительный голосъ жестокой ихъ матери, когда растерзавъ члены заблудившагося въ горахъ путника, она окровавленною пастью призываетъ голодныхъ дѣтей своихъ раздѣлить съ нею ужасную пищу. Асиръ, сынъ Джаберовъ, злѣйшій всѣхъ соотчичей сво-

---

* *Дивъ*, слово персидское, означаетъ зловредныхъ духовъ пустыни, называемыхъ по-арабски *джиннъ*. У насъ, въ подобномъ случаѣ, употребляется слово «геній», заимствованное съ французскаго génie. Кажется, гораздо лучше было бы возстановить въ этомъ случаѣ, по-русски, первоначальное названіе *дивъ*, которое теперь вышло изъ употребленія, но отъ котораго остались понынѣ многія производныя слова—«дивно», «дивный», «удивительный», и другія.

ихъ, предводительствовалъ Саламанцами. Онъ созвалъ къ себѣ для совѣщанія триста храбрыхъ всадниковъ своего поколѣнія: но совѣты коварныхъ рѣшаются одною только подлостію и измѣною. Въ минуту заката солнца всѣ они были уже на коняхъ и помчались въ направленіи къ кочевью Аздовъ.

Поколѣніе Аздъ расположено было въ долинѣ, орошаемой Сейланомъ и окруженной горами. Тишина господствовала въ окрестностяхъ; въ станѣ совершенная безпечность. Саламанцы вторгаются туда ночью и производятъ ужасную сѣчу прежде, нежели погруженные въ сонъ Азды успѣли опомниться. Въ первомъ страхѣ всѣ они думали, что полчище страшныхъ дивовъ напало на нихъ, чтобы отмстить за убійство ихъ товарища, котораго камень, брошенный случайно однимъ изъ Аздовъ, поразилъ въ голову, въ то самое время, когда зловредный духъ выдаивалъ ихъ верблюдовъ; ибо въ горахъ Сейланскихъ всегда живетъ множество дивовъ и волшебниковъ, выжидающихъ только случая, чтобъ вредить смертнымъ: днемъ они появляются на равнинахъ Неджда въ видѣ хромыхъ гіеннъ и сѣрыхъ волковъ; ночью же пируютъ въ ущельяхъ Акабы. Смятеніе распространилось между Аздами: немногіе думали о защитѣ, бо̀льшая же часть воиновъ заботилась только о спасеніи себя и женщинъ. Каждый скорѣе уходилъ въ пустыню. Саламанцы, опустошивъ оставленные шатры, собрали обильную добычу и угнали съ собою множество скота. Пятьдесятъ дѣвъ прелестныхъ достались имъ въ плѣнъ: въ томъ числѣ была

Дальфа, Дальфа роза іемамская, краса пустынь Хеджаза, столько же превосходившая всѣхъ женщинъ красотою, сколько солнце яснѣе блѣдной луны.

На другой день Азды, разсѣявшіеся ночью въ пустынѣ, начали собираться къ кочевью своему. Здѣсь они увидѣли шатры свои разрушенные, тѣла убитыхъ товарищей, лежащія на пескѣ, кровь, разлитую повсюду. Крикъ и стонъ мужей; вопль и отчаяніе женъ раздавались въ пещерахъ горъ Сейланскихъ и потрясали воздухъ!... Но горесть безполезна, если ею нельзя вознаградить потери. Итакъ Азды, похоронивъ тѣла убитыхъ у подножія одного песчанаго холма, возложили на верблюдовъ остатокъ имущества, уцѣлѣвшаго отъ расхищенія, и въ тотъ же день отправились во внутренность Джоуфа.

Вскорѣ Шанфарій возвратился изъ своего путешествія: бѣлоногая его Шакра ржала весело подъ нимъ, приближаясь къ знакомымъ пастбищамъ; онъ самъ побуждалъ ее къ бѣгу, спѣша къ роднымъ, къ любезной Дальфѣ. Но гдѣ она? гдѣ шатеръ Шанфарія? На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли шатры Аздовъ, онъ видитъ издали шакаловъ, безопасно блуждающихъ, и стада черныхъ *каттъ*, съ ужаснымъ крикомъ летающихъ въ воздухѣ, или подбирающихъ съ земли скудную пищу послѣ удалившихся жителей. Не вѣря глазамъ своимъ, онъ бѣжитъ, приближается—и находитъ одни лишь оставшіеся въ землѣ колья, къ которымъ привязаны были палатки, и окружавшіе ихъ, для ската воды, прокопы, которые вѣтеръ

уже началъ заносить пескомъ. Признаки запекшейся крови, части изорваннаго платья и множество разбросанныхъ войлоковъ, покрывавшихъ шатры, удостовѣрили Шанфарія, что въ его отсутствіи большое несчастіе постигло его поколѣніе. Неподвижно простоявъ нѣсколько часовъ въ этомъ, нѣкогда столь пріятномъ для него мѣстѣ, онъ сѣлъ опять на вѣрнаго коня своего, примѣтно раздѣлявшаго съ нимъ глубокую печаль его, и тихимъ шагомъ пустился въ степь безъ всякой цѣли.

Между-тѣмъ разбой, совершенный Саламанцами, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ между Бедуинами. Всадники, которыхъ Шанфарій встрѣтилъ въ пустынѣ, разсказали ему о всѣхъ обстоятельствахъ горестнаго происшествія: тутъ онъ поклялся жестоко отмстить коварнымъ Саламанцамъ. Отправясь въ Джоуфъ съ двумя храбрыми воинами, Омаромъ и Селикомъ, которые пристали къ нему во время его странствованія и обѣщали раздѣлять съ нимъ опасности,—онъ хотѣлъ сперва отыскать всѣхъ товарищей своихъ и съ ними вмѣстѣ сдѣлать нападеніе на враговъ; но уже не нашелъ своего поколѣнія. Азды, чувствуя себя слишкомъ слабыми, принуждены были раздѣлиться на нѣсколько партій; нѣкоторые изъ нихъ соединились съ другимъ поколѣніемъ, прочіе удалились въ Тегаму. Тѣхъ, кого Шанфарій успѣлъ отыскать, всѣми мѣрами убѣждалъ онъ возвратиться съ нимъ въ Неджд и кровью враговъ смыть напесенную имъ обиду; но никто не рѣшился участвовать въ этомъ благородномъ предпріятіи.

— Прощайте, малодушные! сказалъ имъ тогда

герой, воспаленный гнѣвомъ. Друзья! поднимите съ земли вашихъ верблюдовъ; я пойду искать другихъ для себя товарищей. Вотъ небо, пылающее безчисленными звѣздами: мы найдемъ между ними вѣрныхъ для себя путеводителей въ безлюдныхъ и глухихъ степяхъ Аравіи. Для честныхъ есть въ мірѣ убѣжище отъ обиды, какъ для путника есть прохладный пріютъ отъ полуденнаго зноя. На землѣ не бываетъ тѣсно человѣку, одаренному умомъ и одушевленному благородными чувствами, стремится ли онъ къ достиженію предположенной цѣли, или избѣгаетъ преслѣдованія злобныхъ. Въ замѣну васъ, презрительные потомки храбраго Азда, друзьями моими будутъ быстроногій волкъ пустыни, пестрый леопардъ и гривистая хромая гіенна: они не страшатся опасностей, не знаютъ ни подлости, ни измѣны; они всегда готовы защищаться отъ враговъ и мстить за обиду, имъ нанесенную. Неблагодарные! всегда я первый бросался на вашихъ непріятелей и всегда послѣдній, при раздѣлѣ добычи, протягивалъ побѣдоносную руку для полученія своей доли, которую потомъ всегда жертвовалъ въ пользу бѣднѣйшихъ семействъ вашихъ. Вы теперь оставляете меня! и думаете ль, что помощь ваша для меня необходима? Неустрашимое сердце, кривой мечъ мой и желтый дребезжащій лукъ, вотъ мои вѣрные товарищи въ благородномъ подвигѣ! Вы знаете твердость моего духа и мою рѣшительность: ни голодъ, ни жажда, ни стужа, ни зной, никогда не были для меня препятствіемъ въ моихъ предпріятіяхъ. Ни одинъ изъ вашихъ бѣгуновъ не опережалъ моей

бѣлоногой Шакры, никто изъ Бедуиновъ, сѣвъ на нее, не догонялъ меня бѣгущаго пѣшкомъ по кремнистой почвѣ Неджда. Боги мнѣ пособятъ: они покровительствуютъ храбрымъ, исполняющимъ долгъ мщенія. Клянусь Всевышнимъ Существомъ, создавшимъ степи и горы, и семью блуждающими звѣздами, и геніемъ хранителемъ стадъ нашихъ, и священнымъ храмомъ Каабы, и небесною водою колодезя Земземъ, что ни гребень не коснется волосъ моихъ, ни капля вина не упадетъ на уста мои, доколѣ собственной рукою не убью ста развратныхъ сыновъ Саламановыхъ!

Произнесши эту клятву, Шанфарій, съ вѣрными друзьями своими, Омаромъ и Селикомъ, отправился въ Неджъ и прибылъ въ окрестности кочевья Саламанцевъ. Онъ избралъ для себя небольшой холмъ, не слишкомъ отдаленный отъ ихъ табора, и съ него сторожилъ своихъ враговъ, отлучающихся въ пустыню за разными надобностями. Каждый разъ, когда усматривалъ въ степи одного или нѣсколькихъ Саламанцевъ, онъ устремлялся на нихъ съ своей возвышенности, какъ стрѣла, пущенная съ тугаго іеменскаго лука, какъ громъ, ниспадающій съ неба въ вершину криваго дерева, растущаго косвенно на скатѣ песчанаго бугра. Вы видали, друзья мои, какъ въ ясное весеннее утро, когда ровная степь Саламанская, усыпанная бѣлымъ пескомъ и острыми кремнями, отражая лучи солнца, блеститъ какъ богатый шлемъ аджемскаго * воина, — внезапно восточный вѣтеръ на-

---

* Персидскаго.

носитъ черную тучу: бурныя облака накопляются подъ сводомъ огромнаго голубаго шатра, которымъ осѣнилъ Аллахъ отчизну смертныхъ; тихій трескъ грома катится въ отдаленности, весь воздухъ наполненъ густыми клубами песку; свѣтъ гаснетъ; только молнія, сверкающая безпрестанно, ослѣпляетъ глаза уединеннаго всадника, поспѣшно возвращающагося въ свое кочевье; потерявшись среди пыльныхъ завертней, онъ не знаетъ, въ какомъ направленіи продолжать путь свой; слѣзаетъ съ коня и привязываетъ его къ своему копью, водруженному имъ въ землю. Уже дождь начинаетъ падать рѣдкими, но крупными каплями. Бѣлая лань, уходящая отъ волковъ, растерзавшихъ въ горахъ двухъ ея дѣтищъ, едва успѣла скрыться подъ захирѣлое дерево, осѣняющее скатъ холма, гдѣ дрожащія ея ноги скользятъ въ пескѣ, какъ вдругъ ударъ грома раздробилъ оное; высокій столбъ пыли поднялся отъ холма, несчастная мать быстро отпрянула оттолѣ, пораженная ужасомъ, и помчалась въ пустыню; но вскорѣ силы ея ослабѣли: она упала и испустила духъ. Такъ точно Шанфаріи внезапно нападалъ на своихъ враговъ: когда они совершенно того не ожидали, онъ всегда являлся предъ ними съ смертоноснымъ оружіемъ своимъ. Рука его была такъ мѣтка, что, догнавъ кого-либо изъ Саламанцевъ, онъ всякій разъ напередъ кричалъ, предостерегая, что нанесетъ ему ударъ въ глазъ, въ сердце, въ желудокъ. Такимъ образомъ Шанфаріи, въ теченіе трехъ лѣтъ, повсюду слѣдуя за шатрами разрушителей счастія своего, истребилъ изъ нихъ девяносто-де-

вять человѣкъ. Напрасно они переходили въ разныя страны Неджда и занимали неприступныя мѣста, напрасно истощали всю хитрость свою, чтобы поймать его, или убить, преодолѣвъ его числомъ людей: онъ былъ повсюду и они нигдѣ не могли окружить его, ни догнать.

Клятва Шанфарія была уже почти исполнена; но душа его не могла позабыть Дальфы. Съ холмовъ, всегда бывшихъ его убѣжищемъ, вблизи табора Саламанцевъ, онъ часто примѣчалъ ее въ толпѣ женщинъ этого поколѣнія, ходившихъ всякое утро съ большими глиняными сосудами на головѣ черпать воду изъ ключа, лежащаго на краю стана, или изъ ручья, при которомъ онъ былъ расположенъ. Сердце любовника легко узнавало возлюбленную, хотя она, наравнѣ съ прочими женщинами, всегда была покрыта длиннымъ темнымъ *никабомъ*, падавшимъ съ головы до ногъ. Ростъ, походка отличали ее въ глазахъ Шанфарія отъ всѣхъ ея подругъ: она была пряма, какъ пальма; при движеніи, она нѣжно колебалась подобно вѣтви гибкаго бана, или копью арабскаго воина, сдѣланному изъ длинноїї тегамскоїї тростн. Пылая желаніемъ освободить ее изъ рукъ похитителей, и чтобы удобнѣе обмануть ихъ бдительность, Шанфарііі рѣшился удалиться на нѣкоторое время отъ ихъ кочевья.

Омара, вѣрнаго товарища Шанфаріева, уже не было: онъ погибъ, въ теченіе этого времени, отъ стрѣлы одного Саламанца. У Шанфарія остался одинъ только спутникъ, Селикъ, сынъ Азсмовъ, къ которому питалъ онъ нѣжнѣйшія чувства друж-

бы, и которымъ былъ любимъ пламенно. Уже болѣе года одинъ лишь храбрый Селикъ раздѣлялъ всѣ труды его и страданія; онъ стоялъ на стражѣ во время сна друга своего, онъ утѣшалъ его въ печали, и какъ левъ бросался на враговъ, коль скоро видѣлъ его въ опасности. Съ нимъ Шанфарій отправился въ Хеджазъ. Тамъ, во всѣхъ поколѣніяхъ, онъ былъ принятъ съ восторгомъ. Всѣ *пашиды* воспѣвали славные его подвиги; воины повторяли съ восхищеніемъ превосходныя его стихотворенія. Спустя шесть мѣсяцевъ, онъ неожиданно опять явился въ пустыняхъ Неджда. Для совершенія своей клятвы, онъ хотѣлъ непремѣнно убить злобнаго Асира; но желалъ напередъ возвратить свободу Дальфѣ. Прибывъ въ ту страну, здѣсь кочевали Саламанцы, онъ оставилъ Селика въ пустынѣ, а самъ, чтобы съ точностью освѣдомиться о мѣстѣ ихъ пребыванія, заѣхалъ къ поколѣнію Бени-Зобейдъ. Потомъ, соединившись съ своимъ товарищемъ, сказалъ ему:

— Селикъ! лице твое незнакомо нашимъ врагамъ; они мало видали тебя вблизи. Поѣзжай, другъ, по направленію юго-восточнаго вѣтра: тамъ кочуютъ сыны Саламановы. Ты пріѣдешь въ ихъ таборъ и будешь стараться, сдѣлавшись ихъ гостемъ, узнать обстоятельно положеніе ихъ юрты, и шатеръ, подъ которымъ живетъ Дальфа. Я буду ожидать тебя здѣсь.

— Клянусь глазомъ своимъ, отвѣчалъ Селикъ, что исполню твое желаніе: ты можешь положиться на мою дружбу.

Сказавъ это, Селикъ взлетѣлъ на коня и помчался по направленію юго-восточнаго вѣтра.

Цѣлые сутки Шанфарій ожидалъ возврата Селикова. Наконецъ, на краю горизонта, онъ видитъ черный движущійся пунктъ, и вскорѣ узнаетъ въ немъ всадника, летящаго къ нему, какъ западный вѣтеръ, сметающій песокъ въ пустыни. Черезъ нѣсколько минутъ Селикъ уже былъ при Шанфаріи.

— Ну, что? торопливо спросилъ его витязь: какое извѣстіе?

— Все благополучно, отвѣчалъ Селикъ. Я преломилъ съ Саламанцами хлѣбъ гостепріимства, и былъ принятъ ими какъ нельзя лучше. Но въ прошедшую ночь пріѣхалъ къ нимъ какой-то незнакомый мнѣ всадникъ, давній гость ихъ шейха, Асира, сына Джаберова. Аспръ немедленно созвалъ къ себѣ знаменитѣйшихъ воиновъ своего поколѣнія. Въ присутствіи этого незнакомца они долгое время производили свои совѣщанія. Между-тѣмъ я успѣлъ войти въ сношенія съ одною старухою изъ вашего поколѣнія, живущею у нихъ въ плѣну. Эта женщина называетъ себя родственницею твою: она доставила мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о Дальфѣ, и отъ моего имени увѣдомила ее о намѣреніи твоемъ освободить ее изъ рукъ похитителей. Сегодня, по-утру, пришелъ ко мнѣ Аспръ и сказалъ о желаніи своемъ, чтобы я, какъ гость его, участвовалъ наравнѣ съ ними, въ важномъ предпріятіи, о которомъ вчера они совѣщались между собою. Я согласился на его предложеніе. Тогда онъ увѣдомилъ меня, что незнакомый всад-

никъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, привезъ имъ извѣстіе, что какой-то богатый персидскій *мерзебанъ* *, изъ числа Хосроевыхъ царедворцевъ, ѣдетъ изъ Аджема ** въ Іеменъ. — «Онъ будетъ проѣзжать недалеко отъ нашего стана,» сказалъ мнѣ потомъ Асиръ тихимъ голосомъ, «и мы рѣшились ограбить этого нечистаго огнепоклонника. Сегодня къ вечеру, мы всѣ отправляемся караулить его на пути.»

— И ты согласился участвовать въ разбоѣ? спросилъ съ удивленіемъ Шанфаріи.

— Я буду только свидѣтелемъ ихъ безчинства: отвратить его я не въ состояніи. Съ другой стороны, я не хотѣлъ возбуждать въ Асирѣ ни малѣйшаго на свой счетъ подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что отлучка Саламанцевъ изъ табора, показалась мнѣ удобнѣйшимъ случаемъ къ достиженію нашей цѣли. Я сказалъ ему, что охотно поѣду съ ними для этого набѣга, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ далъ на этотъ разъ коня своего, на смѣну моего, совершенно изнуреннаго дальнимъ путешествіемъ, и сверхъ того позволилъ бы мнѣ отлучиться прежде, на нѣсколько часовъ, въ пустыню, чтобъ взять другое копье и стрѣлы, зарытыя мною въ песку, въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ.

— Я не понимаю этихъ условій, сказалъ Шан-

---

* «Мерзебанами» Аравитяне называли губернаторовъ персидскихъ провинцій, и это слово означало у нихъ то же, что̀ «сатрапъ» у Грековъ. Оно также употреблялось въ значеніи «вельможи» и «богатаго человѣка».

** *Аджемъ* — Персія.

фаріи: какую все это имѣетъ связь съ цѣлью твоего путешествія къ Саламанцамъ?

— Величайшую, отвѣчалъ Селикъ. Аспиръ согласился на мои требованія безъ всякаго противорѣчія, и я, подъ предлогомъ взятія стрѣлъ и лука, поспѣшилъ къ тебѣ съ извѣстіемъ о томъ, что въ нынѣшнюю ночь всѣ его воины оставятъ таборъ, и ты весьма удобно можешь увезти Дальфу. Она отвѣчала мнѣ чрезъ старуху, что готова тотчасъ уйдти, если только я дамъ ей къ тому средства. Это рѣшило меня воспользоваться предложеніемъ Аспра, чтобы достать у него другаго коня, необходимо нужнаго въ этомъ случаѣ. Я велѣлъ сказать Дальфѣ, что, когда всѣ воины уѣдутъ изъ стана, она, одѣвшись въ мужской *эгрàмъ*, должна идти къ палаткѣ, отведенной для меня по приказанію Аспра: тамъ найдетъ надежную лошадь, привязанную къ копью, и на неи должна немедленно отправиться къ тремъ пальмамъ, растущимъ въ небольшомъ разстояніи отъ табора, гдѣ ты уже будешь ожидать ее. Въ началѣ ночи, прибавилъ Селикъ, я возвращусь туда и оставлю для нея коня своего у входа моеи палатки.

— Какой же отвѣтъ получилъ ты отъ Дальфы? Обѣщалась ли она исполнить твое распоряженіе? спросилъ обрадованный витязь, сжимая руку своего друга.

— Она все исполнитъ, продолжалъ Селикъ. Но дай мнѣ твое меньшое копье и нѣсколько стрѣлъ Сомгаровыхъ*, чтобъ имѣть съ чѣмъ возвратиться

* Стрѣлы эти такъ назывались отъ имени Сомгара, ихъ фабриканта; онѣ весьма славились у древнихъ Бедуиновъ.

къ Саламанцамъ. Ты же ступай, не спѣша, чтобы въ исходѣ первой половины ночи быть у трехъ пальмъ; ты ихъ легко найдешь: онѣ находятся на прямомъ пути отсюда въ таборъ.

— Другъ мой! сказалъ Шанфарій, смотря съ умиленіемъ на Селика. Ты возрождаешь новую жизнь въ моемъ сердцѣ! но я не смѣю вѣрить своему счастью. Я опасаюсь, нѣтъ ли тутъ какой-либо измѣны? Ты не знаешь злобнаго Аспра: онъ никогда не говоритъ правды; хитрая и безпокойная душа его безпрестанно вьется въ его груди, какъ черный змѣй между частыми кустами вереску. Совѣтую тебѣ поступать съ нимъ сколько можно осторожнѣе.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Селикъ, что въ этомъ случаѣ мнѣ нечего опасаться. Они меня не знаютъ, и я всегда могу найти средство ускользнуть отъ нихъ и соединиться съ тобою. Но гдѣ я найду тебя?

— Я буду ожидать тебя въ Айнъ-Заркѣ, сказалъ Шанфарій, и предался глубокой думѣ, какъ бы смущенный какимъ-то печальнымъ воспоминаніемъ.

— Ты страждешь, Шанфарій? спросилъ Селикъ, взявъ его дружески за руку.

— Меня мучитъ ужасное предчувствіе, отвѣчалъ витязь. Когда мы были въ Хеджазѣ, старая колдунья Ханса ворожила мнѣ на песку девятью круглыми камешками, и предсказала....

— Что же она предсказала?

— Большое несчастіе. Она поворожила мнѣ, что я вдругъ потеряю друга и любовницу, и что я

самъ буду причиною ихъ гибели, равно-какъ и своей собственной. Ты оставляешь меня, Селикъ: я боюсь, чтобъ предсказаніе Хансы не сбылось слишкомъ скоро.

— И ты вѣришь пустословію старой обманщицы! Пословица говоритъ: «колдунъ лжетъ, глупый платитъ».

— Другъ мой! отвѣчалъ Шанфарій: всѣ говорятъ, что Ханса понимаетъ языкъ птицъ и имѣетъ сношеніе съ дивами. Она легко можетъ знать предопредѣленіе. Пословица говоритъ: «ворожея отгадываетъ судьбу другихъ, хотя не знаетъ, что́ сдѣлается завтра съ нею самою».

— Шанфарій! ты напрасно предаешься печальнымъ думамъ въ то время, когда боги явно благопріятствуютъ твоимъ намѣреніямъ и даже предупреждаютъ твои желанія. Ты знаешь пословицу: «если радость и печаль случатся вмѣстѣ, то радуйся сегодня, а печаль откладывай на завтра». Но, прощай любезный другъ! мнѣ пора возвратиться къ Асиру; ты поѣзжай къ тремъ пальмамъ.—Сказавъ это, Селикъ взялъ десять стрѣлъ и меньшое копье у Шанфарія, и оставилъ его.

Въ сумерки Селикъ явился къ Саламанцамъ и нашелъ всѣхъ воиновъ уже готовыхъ къ походу.

— Мы думали, сказалъ ему Асиръ, что ты уже не возвратишься. Вотъ для тебя лошадь: садись; пора отправиться.

— Я не могъ скоро отыскать Сомгаровыхъ стрѣлъ своихъ, отвѣчалъ Селикъ.

— У тебя есть Сомгаровы стрѣлы? съ удивленіемъ спросилъ шейхъ Саламанцевъ.

— Да, есть десять, самыхъ лучшихъ, изъ которыхъ пять подарю тебѣ, почтенныій мой хозяинъ! Да принесутъ онѣ тебѣ благополучіе!

Говоря это, Селикъ подалъ десять стрѣлъ корыстолюбивому Асиру, который восхищенъ былъ этимъ подаркомъ. Потомъ воткнувъ въ землю, у своей палатки, копье, имъ привезенное, и привязавъ къ нему своего коня, вооружился, сѣлъ на коня Асирова, и отправился вмѣстѣ съ Саламанцами. Ихъ было всего двѣсти человѣкъ. Выѣхавъ изъ стана, они раздѣлились на пять отрядовъ, и пустились въ разныя стороны, чтобъ занять назначенныя мѣста.

Въ свою очередь, Шанфарій отправился къ тремъ пальмамъ. Приближаясь къ нимъ, онъ вскорѣ увидѣлъ всадника, ѣдущаго тихимъ шагомъ, и узналъ подъ нимъ буланаго коня Селикова.

— Это она! вскричалъ Шанфарій: Дальфа! любезная моя Дальфа! и поскакалъ къ ней.

Голосъ любезнаго пронзилъ сердце Дальфы: дрожащею рукою она поворотила къ нему коня своего, и нѣсколько наклонилась; Шанфарій протянулъ къ ней свою руку и, нѣжно обнимая милую, спросилъ:

— Ты меня не позабыла еще!

Но Дальфа быстро произнесла: «моій двоюродный братъ! * намъ должно скорѣе уйти отсюда:

---

* Обыкновенное выраженіе Бедуиновъ, у которыхъ друзья и любовники всегда называютъ другъ друга «двоюродными братьями», хотя бы вовсе не были родственниками между собою.

жизнь твоя въ опасности! Куда намѣренъ ты отправиться?»

— Мы поѣдемъ въ Айнъ-Зарку.

— Въ Айнъ-Зарку! вскричала Дальфа: тамъ кочуютъ Бени-Зобейды; они наблюдаютъ за тобою и сообщаютъ Саламанцамъ о всѣхъ твоихъ движеніяхъ.

— Этого быть не можетъ: третьяго дня я былъ у нихъ въ гостяхъ; они приняли меня весьма радушно и преломили со мною хлѣбъ.

— Они въ прошлую ночь присылали сюда человѣка, продолжала Дальфа, съ извѣстіемъ, что ты былъ у нихъ, и разспрашивалъ о мѣстѣ пребыванія Саламанцевъ. Теперь я узнала отъ женщинъ Аспра, что онъ, съ воинами своими, отправился стеречь «чернаго льва», опять здѣсь появившагося: такъ всѣ тебя называютъ здѣсь. Прибытіе твоего пріятеля, котораго впрочемъ Саламанцы не узнали, затрудняло ихъ чрезвычайно: они боялись оставить его въ юртѣ, чтобы въ ихъ отсутствіе, не уѣхалъ онъ и, отыскавъ тебя, не помѣшалъ ихъ видамъ. Итакъ, не смотря на то, что онъ сдѣлался ихъ гостемъ, они хотѣли убить его; но одинъ добрый старикъ возсталъ противъ этого гнуснаго намѣренія и присовѣтовалъ взять его съ собою, утаивъ отъ него настоящую цѣль ихъ набѣга. Всѣ Саламанцы крайне негодовали на Аспра, что онъ позволилъ этому неизвѣстному имъ гостю отлучиться въ пустыню за стрѣлами, и съ нетерпѣніемъ ожидали его возврата.

— Итакъ, они вѣроятно стерегутъ меня въ направленіи кочевьи Бени-Зобейдовъ, сказалъ

Шанфаріи, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Недавно я точно слышалъ въ этой сторонѣ шумъ ѣдущихъ всадниковъ. Намъ должно отправиться въ другую сторону. Бѣдный Селикъ!... я не увижу тебя болѣе!...

Немедленно Шанфаріи и Дальфа пустились оттуда по направленію сѣверовосточнаго вѣтра. Три часа они ѣхали скорымъ шагомъ, и прибыли къ берегу потока. Нѣсколько разъ Шанфаріи пытался черезъ него переправиться, но глубина потока, темнота ночи, страхъ Дальфы, всегда ему препятствовали. Находясь въ странѣ совершенно незнакомой, ему оставалось только слѣдовать берегомъ рѣки, пока не наступитъ день. Такимъ образомъ прибывъ къ ущелію одной горы, Шанфаріи остановился и сошелъ съ коня.

— Сестра моя! сказалъ онъ Дальфѣ, будемъ здѣсь ожидать разсвѣта. Я не знаю, куда намъ ѣхать и гдѣ мы находимся; но думаю, что мы уже внѣ опасности.

Утомленная Дальфа попросила воды. Лишь только Шанфаріи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ потоку, какъ раздался со всѣхъ сторонъ крикъ:

— Это онъ! Это черный левъ!

Герой, изумленный этимъ неожиданнымъ крикомъ, спѣшитъ къ копью своему и бѣлоногому коню, не сомнѣваясь, что попалъ на засаду; но вдругъ видитъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. — Саламанцы, желая взять Шанфарія живаго, направляютъ на него копья свои и требуютъ, чтобы онъ сдался. Но Шанфаріи, схвативъ свой мечъ,

мужественно защищается противъ сорока враговъ и многимъ изъ нихъ наноситъ раны.

— Подлые разбойники! отвѣчаетъ имъ неустрашимый витязь, голосомъ отчаянія и изступленія. Вы знаете, что между вами и мною нѣтъ другаго условія, кромѣ красной смерти.

На этотъ голосъ одинъ изъ всадниковъ, оставшійся дотолѣ назади, пробивается сквозь толпу и стремится прямо къ Шанфарію; но онъ, двинувшись впередъ, встрѣчаетъ его сильнымъ ударомъ меча въ голову.

— Я поклялся, воскликнулъ тогда Шанфарій, истребить сто сыновъ саламанскихъ! Теперь моя клятва исполнена.

Несчастный! онъ не зналъ, что ему не суждено было исполнить сію клятву при жизни! Всадникъ, убитый его рукою, былъ вѣрный другъ его Селикъ, который, узнавъ свою ошибку и гнусный обманъ Саламанцевъ, спѣшилъ къ другу своему, рѣшась защитить его, или умереть съ нимъ вмѣстѣ. Но въ то самое время, когда Шанфарій произносилъ слова клятвы своей, злобный Аспръ пронзилъ его копьемъ въ плечи. Опредѣленія судьбы непзбѣжны! Когда наступитъ роковое время, напрасно человѣкъ ухищряется избѣжать гибели: если онъ уклонится отъ смерти въ одномъ мѣстѣ, встрѣтитъ ее непремѣнно въ другомъ.

Дальфа также погибла въ минуту кончины Шанфарія: нѣкоторые повѣствуютъ, что одинъ изъ Саламанцевъ, принявъ ее за мужчину, нанесъ ей смертельный ударъ копьемъ въ грудь; иные же говорятъ, что она бросилась въ воду потока

и въ немъ утонула. Такъ сбылось предсказаніе Хансы.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Шанфарія, коварный Асиръ проѣзжалъ чрезъ то мѣсто, гдѣ убитъ этотъ славный воинъ и поэтъ. Тѣло его уже содѣлалось пищею хищныхъ звѣрей, только бѣлыя кости лежали, разбросанныя по песку. Асиръ, увидѣвъ черепъ Шанфарія, съ презрѣніемъ толкнулъ его ногою: но въ то же мгновеніе осколокъ черепа вонзился ему въ ногу,—и Асиръ чрезъ нѣсколько дней испустилъ духъ, въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Такъ совершилась и клятва великаго Шанфарія.

1827.

VIII.

ВОРЪ.

(СЪ АРАБСКАГО.)

Я пріѣхалъ однажды въ Бассору, говоритъ извѣстный арабскій писатель Абу-Сандъ-Асман, и явился прямо къ губернатору города, Халеду, сыну Абдаллахову. Я нашелъ его въ пріемной залѣ, окруженной низкими софами; полъ ея покрытъ былъ драгоцѣнными коврами персидскими, стѣны испещрены золотыми надписями изъ Алкорана и поэмъ, сочиненныхъ въ похвалу Халеда. Среди залы находился фонтанъ, котораго вода съ шумомъ ниспадала въ мраморный водоемъ, поддерживаемый четырьмя бронзовыми львами, и прохлаждала знойный воздухъ. Вокругъ водоема стояли именитые граждане въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ, съ богатыми чалмами на головѣ, и сухощавые, смуглые *шейхи* или начальники бедуинскихъ поколѣній, кочевавшихъ тогда въ окрестностяхъ Бассоры: послѣдніе закутаны были въ просторныя епанчи съ широкими бѣлыми и черными полосами, а на головахъ имѣли бѣлыя полотняныя *фески*, обвязанныя трижды шнуркомъ

изъ пальмоваго волоса. За ними толпою стояли, въ красныхъ и синихъ ферезяхъ, военные чиновники, клевреты и слуги Халеда, сложивъ руки на брюхо и вывернувъ ноги такъ, что острые носки башмаковъ ихъ вдались нѣсколько въ средину. Самъ Халедъ сидѣлъ или, лучше сказать, лежалъ въ одномъ углу софы. Два маленькіе Араба стояли возлѣ него на софѣ и отгоняли мухъ огромными позолоченными опахалами; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ *джеллядъ* (палачъ), съ огромнымъ кривымъ мечемъ подъ мышкой: онъ безотлучно находился при губернаторѣ и не спускалъ съ него глазъ, чтобы по первому мановенію исполнять его приказанія. Въ этомъ-то изнѣженномъ положеніи, Халедъ правилъ дѣлами обширной области, рѣшалъ важнѣйшія тяжбы, и хладнокровно отдавалъ приказы — бить виновныхъ по пятамъ въ его присутствіи, или отсѣкать имъ головы противъ оконъ его замка.

— *Селямъ алейкумъ* (миръ съ тобою)! воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не трогаясь съ мѣста.

— *Да сохранитъ Богъ правителя*!* отвѣчалъ я, положа руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись чела и слегка поклонясь Халеду.

— *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою!* сказалъ онъ.

---

* Слова, напечатанныя курсивомъ, и восклицанія, поставленныя въ скобкахъ, суть подлинныя и общепринятыя арабскія выраженія, сохраненныя здѣсь переводчикомъ для того, чтобы познакомить читателя съ настоящимъ тономъ арабскаго разговора.

— *Да умножитъ Богъ твое благо!* промолвилъ я, и къ этому обыкновенному отвѣту присовокупилъ нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указалъ рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги.

— Ну, Абу-Саидъ! ты всегда при халифѣ, сочиняешь стихи да врешь, *благословенный*!* Мнѣ сказывали, что въ одной *касыдѣ*, посвященной повелителю правовѣрныхъ (да сохранитъ его Аллахъ!), ты пошучивалъ и на мой счетъ. Я не люблю сердиться на вашу братью, и потому прощаю тебѣ отъ чистаго сердца, не для того, что ты любимецъ пророка (да благословитъ и ласково привѣтствуетъ его Аллахъ!); но я увѣренъ, что ты будешь говорить обо мнѣ совершенно другое, когда узнаешь меня покороче.

— Правитель, (да исполнитъ Аллахъ всѣ твои желанія)! воскликнулъ я: меня оклеветали передъ тобою....

— Полно, полно, братъ, проклялъ тебя отецъ твой!** Ужъ я знаю васъ, стихотворцы! сказалъ Халедъ, улыбаясь: ваше дѣло — выкинуть острое словцо, а тамъ, правда ли, ложь ли — вамъ до того какая нужда? Но кстати: ты здѣсь, *благословенный*. Ты въ стихахъ своихъ говоришь, что я странно рѣшаю дѣла. Вотъ, рѣши за меня одно дѣло, въ которомъ, признаюсь, *я долженъ поло-*

---

* Привѣтствіе или ласковое слово Арабовъ.

** Шуточное выраженіе Арабовъ.

*жить мое упованіе на Бога.** Увидимъ твою премудрость. На этотъ разъ, я даю тебѣ власть мою: суди! Подойдите сюда, *сыны тяжбы!* Ты, *отецъ сѣдой бороды*, разскажи этому господину твою *повѣсть.*

Изъ толпы, стоявшей вкругъ водоема, выступило нѣсколько Аравитянъ, между которыми привлекъ мое вниманіе одинъ молодой человѣкъ, отличавшійся дивною пріятностью лица и богатою одеждою: на головѣ у него была пышная чалма изъ зеленой іеменской матеріи, въ складкахъ же ея замѣтилъ я остатки розы, заткнутой туда вѣроятно наканунѣ.

— Повѣсть наша коротка, сказалъ Аравитянинъ съ сѣдою бородой. Сыновья мои, которыхъ ты видишь передъ собою, поймали вчерашнею ночью, въ нашемъ саду, вотъ этого *брата зеленой чаллы*, когда онъ кралъ съ деревъ апельсины. При немъ нашли мы нѣсколько платковъ и рубахъ, которыя онъ также припряталъ изъ бѣлья, просыхавшаго въ саду. Теперь мы привели его къ правителю (да упрочитъ Аллахъ его правосудіе!), дабы онъ исполнилъ надъ нимъ то, что̀ повелѣваетъ законъ исламскій.

— *Да возвеличитъ Аллахъ праведныхъ и да накажетъ клеветниковъ по мѣрѣ клеветы ихъ!* сказалъ я старику; потомъ, обратясь къ юношѣ, примолвилъ: ты слышалъ рѣчь *отца обвиненія*; нѣтъ ли у тебя отвѣта на *его повѣсть*?

---

* Обыкновенная поговорка Аравитянъ, когда хотятъ сказать: «я не знаю, мнѣ неизвѣстно».

— Онъ говоритъ правду, — хладнокровно отвѣчалъ юноша.

— Однакоже, судя по твоему великолѣпному наряду, ты долженъ быть богатый человѣкъ. Твое имя? отчество? ремесло твоего родителя?

— Меня зовутъ Зейдъ, сынъ Амру. Отецъ мой принадлежалъ къ числу именитыхъ гражданъ здѣшняго города. Онъ умеръ, оставя мнѣ въ наслѣдство довольно значительное состояніе; но я прожилъ его.

— О, Зейдъ, сынъ Амру! клянусь Всевышнимъ Аллахомъ, и его пророкомъ, и головою Алія, и глазомъ халифа, и моей бородою, и твоимъ животомъ! у тебя должна быть другая повѣсть. Ты мнѣ кажешься, *о сынъ арабскій* (да содѣлаетъ Аллахъ лице твое бѣлымъ)! ты мнѣ кажешься юношею прекрасно воспитаннымъ и умнымъ. Въ глазахъ твоихъ я вижу гордость, несвойственную низкому преступнику. Ты напрасно обвиняешь себя въ воровствѣ, не зная, конечно, какое наказаніе священный законъ полагаетъ за подобное преступленіе. Тебѣ слѣдуетъ отсѣчь правую руку по локоть....

— Только руку? — возразилъ юноша, горько улыбаясь. Я думалъ, что за это потеряю голову.

— *Ба́ракакъ Алла́хъ* (да благословитъ тебя Богъ)! воскликнулъ я внѣ себя, положивъ на уста свои палецъ удивленія. Ты видно, братъ, наскучилъ жизнью, что нарочно *дѣлаешь лице твое чернымъ* передъ правителемъ (да возвыситъ Аллахъ санъ его)!

— Это ужъ не ваше дѣло, отвѣчалъ онъ спо-

койно. Исполняйте надо мною то, что̀ повелѣваетъ законъ исламскій. *Мы всѣ Божіи и къ Богу возвратимся!* Я готовъ подвергнуть себя суду Всевышняго и его пророка.

— *Нѣтъ другаго божества кромѣ Аллаха, и нѣтъ силы, ни крѣпости, кромѣ какъ у Аллаха!* вскричалъ я, обратясь къ Халеду. Это дѣло, правитель, удивительнѣе небесной птицы *онка* и непостижимѣе камня *кимія**: признаюсь, я и самъ *долженъ* тутъ *возложить упованіе мое на Бога.* Здѣсь таится что-то мудреное. Но если этотъ юноша сознаѐтся въ винѣ и проситъ объ исполненіи надъ нимъ того, что̀ повелѣваетъ законъ исламскій, то....

— То и я столько же знаю, сколько ты, *благословенный!* сказалъ губернаторъ, перебивъ рѣчь мою. Я полагалъ, что ты мнѣ дашь добрый совѣтъ. Отведите этого молодца въ тюрьму, а ты *сáхебъ-эш-шóрта* **, пошли глашатаевъ возвѣстить всему городу, что завтра, въ два часа по восхожденіи солнца, на площади большаго базара будутъ исполнять надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка.

Всѣ удалились изъ залы; я одинъ остался съ Халедомъ, въ лицѣ котораго примѣчалъ смущеніе и горесть.

— Я вижу, о правитель (да озаритъ Богъ могилу отца твоего)! сказалъ я Халеду, что сердце

---

* Такъ называется по-арабски философскій камень; отъ этого названія происходятъ—*химія,* и съ членомъ «аль»—*алхимія.*

** Начальникъ тѣлохранителей.

твое окружено облакомъ печали и на рѣсницы твои упала роса состраданія. Вспомни, что̀ сказано въ Книгѣ Безошибочной: *знаніе всего, что̀ тайно и что̀ явно въ природѣ, принадлежитъ единому Богу: единъ онъ всемогущъ и всевѣдущъ, единъ направляетъ, кого хощетъ, на путь истинный.* Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ прекрасный юноша не воръ, и что у него должна быть *другая повѣсть*; но когда онъ скрываетъ ее нарочно, то тебѣ какая нужда узнавать ее? Однако жъ, я подамъ тебѣ добрый совѣтъ. *Отклоняйте вину сомнѣніемъ*, сказалъ Аллахъ въ Алкоранѣ; поэтому и тебѣ, правитель, должно стараться извлечь изъ этого несчастнаго какое-либо показаніе, наводящее сомнѣніе на его извѣты: основываясь же на томъ, ты въ правѣ освободить его отъ казни, которой онъ ищетъ, вѣроятно, съ отчаянія. Ты слышалъ изъ его устъ, что онъ прожилъ все отцовское наслѣдство. Я не сомнѣваюсь, что долги и недостатокъ довели его до поступка, посредствомъ котораго рѣшился онъ избавиться отъ тягостной жизни, не имѣя довольно мужества прекратить ее собственною рукою....

— Ты правъ, Абу-Саидъ! отвѣчалъ мнѣ Халедъ. Дружеская бесѣда, увеселенія, вино, могутъ намъ открыть тайну его сердца. Абу-Саидъ! ты поэтъ и сочинилъ столько прекрасныхъ стиховъ въ похвалу вина, что навѣрное и пьешь его порядочно....

— *Въ винѣ заключается благо человѣковъ и наслажденіе*, говоритъ Книга Безошибочная, сказалъ я съ улыбкою, постигнувъ мысль Халеда.

— Умно! воскликнулъ Халедъ. Впрочемъ, лишь самъ Аллахъ знаетъ, что̀ должно думать объ этомъ предметѣ. Я пью хорошее вино, а что̀ касается до Алкорана, то возлагаю мое упованіе на Бога. Не правда ли, Абу-Саидъ?

— Такъ точно, правитель! Намъ зачѣмъ добиваться истиннаго смысла Книги Безошибочной? въ ней же сказано: *эль-хи́кмету, фи́тнетонъ!* т. е. мудрость человѣковъ есть гордость передъ Богомъ.

Халедъ захлопалъ въ ладони, и черный, безобразный евнухъ, его любимецъ, вышедъ изъ боковой комнаты, явился передъ нами. Халедъ, посмотрѣвъ ему въ глаза, съ значительною улыбкою сказалъ тихимъ голосомъ:

— Мурджанъ! послѣ вечерней молитвы, я желаю отужинать съ нашимъ пріятелемъ Абу-Саидомъ-Асмаи и тѣмъ молодымъ преступникомъ, котораго я недавно велѣлъ отвести въ тюрьму. Не пускай къ намъ никого изъ постороннихъ. Мы хотимъ сдѣлать *кейфъ*. Понимаешь?

— На мой глазъ и мою голову! отвѣчалъ важно старый Арабъ и ушелъ тихимъ шагомъ, переваливаясь на обѣ стороны, какъ гусь, и таща за собой по землѣ длинныя полы красной своей ферязи.

Во второмъ часу по захожденіи солнца, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ Халедова за́мка, великолѣпно освѣщенной, приготовлены были, на низкихъ скамейкахъ возлѣ софы, огромные жестяные подносы, уставленные множествомъ мелкихъ блюдечекъ. На нихъ лежали разныя отмѣннаго вкуса яства, сласти, варенья, миндаль, и

свѣжій виноградъ различныхъ породъ. Шесть глухонѣмыхъ невольниковъ, подъ предводительствомъ стараго Мурджана, стояли рядомъ для прислуги. Халедъ сидѣлъ на софѣ передъ однимъ изъ подносовъ, а по правую сторону помѣстился я на землѣ, поджавъ подъ себя ноги. Губернаторъ подалъ знакъ евнуху, тотъ вышелъ изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ молодымъ узникомъ.

— Миръ съ тобою, сынъ Амру! сказалъ Халедъ привѣтливо Зейду. *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою:* ты гость у насъ. Зейдъ низко поклонился губернатору, и положивъ правую свою руку сперва себѣ на грудь, а потомъ поцѣловавъ ее въ знакъ почтенія, по обычаю бассорскихъ Аравитянъ, промолвилъ съ покорностію: *Да утвердитъ Аллахъ могущество правителя!*

— Садись, о сынъ Амру, и откушай съ нами нашей пищи.

Зейдъ приблизился безмолвно къ нашему столику и сѣлъ на землѣ противъ меня. Насъ окропили розовой водою и мы принялись за ужинъ. Каждый изъ насъ отвѣдывалъ понемногу изъ блюдечекъ, стоявшихъ передъ нами; а невольники съ удивительною ловкостью уносили на головахъ подносы и замѣняли ихъ другими. Безмолвіе господствовало во все продолженіе ужина. Вдругъ три мальчика, прекрасные лицемъ и великолѣпно разряженные, вошли въ комнату, держа въ рукахъ пучки розъ и серебряныя *ракье**, наполнен-

* Родъ кружекъ, похожихъ на наши кофейники.

ныя ширазскимъ виномъ. Они подали каждому изъ насъ по пучку розъ и наполнили виномъ поставленные передъ нами серебряные стаканы. Зейдъ посмотрѣлъ сперва на Халеда, потомъ на меня, и послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, послѣдовалъ нашему примѣру и началъ пить вино.

— Сынъ Амру! ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ судьба дозволяетъ тебѣ бесѣдовать? Это извѣстный Абу-Саидъ-Асман, сказалъ Халедъ, указывая на меня.

Зейдъ началъ пристально всматриваться въ меня и потомъ воскликнулъ:

— Ты Абу-Саидъ-Асман? Аллахъ! Аллахъ! я хотѣлъ нарочно отправиться въ Дамаскъ, чтобы посмотрѣть на тебя, послушать твоего *нашда* (импровизаціи) и твоего пѣнія. Предопредѣленіе исполнило мое желаніе наканунѣ моей казни. *Мы всѣ Божіи, и къ Богу возвратимся!* Я также *на́шидъ* (импровизаторъ).

Между-тѣмъ вошли въ комнату шесть *раккáсъ* (танцовщицъ), цвѣтъ бассорскихъ *гавáзи**. Лица ихъ были прелестнѣе полной луны, станъ прямѣе стебля пальмы и гибче вѣтви бана. Отъ блеска красоты ихъ помрачились у меня глаза, стрѣлы же очаровательныхъ взоровъ ихъ пронзили мое сердце. Онѣ держали въ рукахъ *тамбуры* и *команджи* **, и подойдя къ нашему столику, сѣли, поджавъ подъ себя ноги, рядомъ на полу, между

---

* *Гàзіе* или *гавáзи*, сословіе танцовщицъ въ городахъ арабскихъ.

** Музыкальные инструменты, похожіе на гитары и балалайки.

мною и Зейдомъ, напротивъ Халеда, который сталъ бросать на нихъ розы изъ своего пучка и шутить съ ними свободно. Имъ подали вина, миндалю и винограду.

— *Нѣтъ божества кромѣ Аллаха, ни пророка кромѣ Магомета!* воскликнулъ Зейдъ, надъ которымъ вино уже начинало производить свое дѣйствіе. Я увѣренъ, что и ты, Абу-Саидъ, въ *мáджлесѣ** самого повелителя правовѣрныхъ не видалъ прелестнѣйшихъ *гавáзи*. Мнѣ, въ Бассорѣ, никогда не случилось встрѣтить ничего подобнаго этимъ шести чудеснымъ лунамъ.

— Ты *нáшидъ?* сказалъ Халедъ, обратясь къ Зейду. Посмотримъ на твое искусство. Не хочешь ли состязаться съ Абу-Саидомъ?

— *Тафáддалъ* (изволь)! отвѣчалъ Зейдъ торжественно, и взялъ тамбуру у сидѣвшей возлѣ него раккасы. Я также потребовалъ тамбуру у другой раккасы, и импровизировалъ слѣдующіе стансы:

Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ!
Здѣсь все улыбается счастьемъ тебѣ:
И ласки сихъ гурій, и милость Халеда,
И полная дружбы и пѣсней бесѣда.

Богатъ ты отъ Бога умомъ, красотою,
И доблестью сердца, и чувствъ высотою:
Нѣтъ, нѣтъ! невозможно быть воромъ тебѣ!
Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ.

Едва окончилъ я эти стансы, какъ Зейдъ, нисколько не останавливаясь, началъ пѣть стихами такой отвѣтъ:

---

* Увеселеніе, собраніе у восточныхъ.

Честь велитъ мнѣ воромъ быть!
Милость чту Халеда я;
Но невиннаго сгубить
Не проси меня!

Кровь во мнѣ моихъ отцовъ;
Честно мы привыкли жить.
Я на̀ казнь идти готовъ:
Честь велитъ мнѣ воромъ быть!

Необыкновенная пріятность и чистота голоса, совершенство стопосложенія и замысловатость его отвѣта привели всѣхъ насъ въ восторгъ.

— Аллахъ! Аллахъ! воскликнулъ Халедъ: ты краснорѣчивѣе *Кода́мы* и остроумнѣе *Локмана**. Нѣтъ, сынъ Амру! ты напрасно ищешь погубить свою голову; я спасу ее, вопреки твоему упрямству. Я знаю разстройство твоего имѣнія: тебя увлекаетъ неумѣстное отчаяніе. Дарю тебѣ десять тысячъ динаріевъ: поправь свои дѣла, но признайся, что ты не воръ, и что у тебя есть *другая повѣсть.*

— *Да продлитъ Богъ годы твои, о правитель!* отвѣчалъ узникъ. Я не имѣю нужды въ деньгахъ, и хотя прожилъ наслѣдство моего родителя, но мнѣ остается еще значительное имѣніе послѣ матери моей. Я довольно богатъ; и когда ты исполнишь надо мною то, что̀ повелѣваетъ законъ исламскій — прошу тебя, правитель, пожаловать ко мнѣ на домъ и убѣдиться, что мною не руководствуетъ ни скудость, ни отчаяніе.

---

* *Локманъ* — Езопъ восточный, *Коддма* — лице поэтическое, которому Арабы приписывали необыкновенную силу краснорѣчія.

— Кто же ты таковъ? спросилъ Халедъ съ жаромъ. Я знаю, что ты не Зейдъ, сынъ Амру; что ты скрываешь отъ насъ настоящее твое имя. Разскажи намъ твою повѣсть.... Ты молчишь?... Говори, *благословенный*; полно, полно упрямиться! *Между нами союзъ Бога и пророка!* Нѣтъ! я увѣренъ, что ты откроешь намъ свою тайну. Эй, *саки!** наливайте вино почтенному нашему гостю. *Сперва бесьда, а потомъ расправа*, говоритъ пословица.

Важный Халедъ началъ самъ произносить нараспѣвъ стихи въ похвалу вина и красоты. Милыя раккáсы, знавшія наизустъ множество прекрасныхъ *газàль***, читали намъ ихъ наперерывъ и восхищали насъ своими остротами; потомъ пустились онѣ танцовать, подъ звукъ своихъ тамбуровъ и кастаньетовъ. Ловкость и волшебство тѣлодвиженій этихъ земныхъ гурій, нѣжность ихъ страстныхъ взглядовъ, ихъ умъ, веселость и ласки приводили насъ въ очарованіе. Вино, острыя слова, импровизаціи, лились у насъ обильнѣе водъ Евфрата и Нила: дружба и любовь управляли наслажденіями. Я не помню, чтобы когда-либо въ моей жизни провелъ ночь веселѣе и пріятнѣе. Между-тѣмъ, среди забавъ, Халедъ и я не забывали главнаго предмета — овладѣть тайною любезнаго нашего преступника; нѣсколько разъ настоятельно уговаривали мы его открыть намъ

---

* Мальчики, которые на восточныхъ пирушкахъ наливаютъ вино и шербетъ собесѣдникамъ.

** Такъ называются восточныя анакреонтики.

истину, и нѣсколько разъ онъ былъ уже близокъ къ тому, чтобъ удовлетворить наше требованіе; но, не взирая на всѣ наши хитрости, убѣжденія, обѣты, и на самое даже дѣйствіе превосходнаго, хотя ненавистнаго небу, напитка, онъ всегда успѣвалъ опомниться во-время, и оставался при своей таинѣ. Наконецъ мы удвоили наши усилія, и Зейдъ въ сильномъ движеніи чувствъ сказалъ намъ: «*Ля иля́хъ илля́-ллахъ* (нѣтъ Бога кромѣ Аллаха)! *Да будетъ между нами союзъ Бога и пророка!* Оставьте меня теперь въ покоѣ: завтра, на площади казни, я разскажу вамъ мою повѣсть.»

Халедъ приказалъ отвести Зейда снова въ тюрьму. Я легъ спать тутъ же на софѣ, подлѣ остатковъ нашего ужина; уснулъ крѣпко и видѣлъ во снѣ, будто я находился въ раю, гдѣ за мои заслуги былъ мнѣ назначенъ жилищемъ великолѣпный садъ, вокругъ котораго возносились семьдесятъ пышныхъ дворцовъ, а въ каждомъ дворцѣ было семьдесятъ огромныхъ комнатъ, а въ каждой комнатѣ семьдесятъ богатыхъ постелей, а на каждой постелѣ по одной прелестной гуріи, столь милой, столь очаровательной, что еслибъ одна изъ нихъ явилась ночью въ нашемъ земномъ воздухѣ, то блескъ ея красоты озарилъ бы всю землю свѣтомъ, равнымъ свѣту семидесяти солнцевъ. Между этими гуріями узналъ я нѣкоторыхъ изъ вчерашнихъ нашихъ раккасъ. *Аллахъ! Аллахъ! нѣтъ крѣпости, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха!*

Едва стало восходить солнце и правовѣрные принялись за утреннюю молитву, какъ у дверей каждаго дома Бассоры послышался стукъ дере-

вяннаго молотка, и громкій голосъ на улицѣ: «Въ два часа по восхожденіи солнца, на площади большаго базара будутъ исполнять надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка. Кто хочетъ видѣть казнь Зейда, сына Амру? Кто хочетъ видѣть судъ Бога и пророка?»

Къ назначенному времени, толпы народа стеклись отовсюду на площадь, которой одну сторону занимали исключительно женщины, закутанныя въ широкія синія, зеленыя и красныя епанчи, а на лицахъ имѣвшія маленькія волосяныя сита чернаго цвѣта, которыя служили имъ вмѣсто покрывалъ и придавали видъ довольно странный. Халедъ, окруженный своимъ дворомъ и многочисленною стражею, пришелъ также на площадь и сталъ неподалеку отъ столба, находившагося посреди ея, и у котораго стоялъ уже Зейдъ въ оковахъ; подлѣ него прогуливался огромный *джеллядъ* (палачъ) въ красномъ одѣяніи, играя широкимъ обнаженнымъ мечемъ.

Халедъ приказалъ привести къ себѣ преступника.

— Зейдъ, сынъ Амру! сказалъ онъ ему: Всевышній Аллахъ говоритъ въ Книгѣ Безошибочной: *отклоняйте вину сомнѣніемъ.* Я усматриваю сомнѣніе въ твоей повѣсти, и посему повелѣваю тебѣ объяснить мнѣ, по всей справедливости, настоящій поводъ твоего преступленія.

— У меня нѣтъ другой повѣсти, кромѣ той, которую ты слышалъ вчера, отвѣчалъ Зейдъ. Прикажи, о правитель, исполнить надо мною то, что̀ повелѣваетъ тебѣ законъ исламскій.

— Какъ? Развѣ ты не далъ мнѣ слова, открыть на этомъ мѣстѣ свою таїну? съ гнѣвомъ вскричалъ **Халедъ.**

— Не помню! отвѣчалъ Зеїдъ хладнокровно.

Халедъ пришелъ въ изступленіе. Онъ заревѣлъ какъ раненый левъ въ глухоїї пустынѣ *Тедморской* *, и бросаясь на Зеїда, ударилъ его нѣсколько разъ по щекѣ.

— *Джеллядъ! джеллядъ!* воскликнулъ онъ; отсѣки этому сыну пса и ослицы правую руку по локоть: да исполнится надъ нимъ судъ Бога и пророка! и сверхъ того, отрѣжь ему конецъ языка, котораго онъ не умѣетъ употреблять на то, чтобы говорить правду передъ закономъ!

Палачъ обнажилъ руку преступника и готовился уже занести на нее орудіе казни, какъ вдругъ сильное волненіе обнаружилось въ толпахъ зрителей. Видъ прекраснаго юноши возбудилъ общее состраданіе. Женщины, бывшія на площади, подняли столь ужасный вопль, что Халеду показалось, будто мятежъ вспыхнулъ въ народѣ. Изъ среды женскоїї толпы опрометью выбѣжала дѣвушка, покрытая *джельбабомъ* **, держа въ поднятоїї на воздухъ рукѣ свитокъ бумаги.

— *Аманъ! аманъ!* кричала она съ плачемъ и воплями. О пророкъ! о Магометъ! о Али! *аманъ!*... Халедъ, правосудный правитель! не губи невиннаго! *кровь невиннаго дороже всего міра!*

---

* Пальмирской. *Тедморомъ* Арабы называютъ Пальмиру.

** Родъ женскаго покрывала, доходящаго почти до колѣнъ.

Халедъ подалъ знакъ палачу пріостановиться, и взявъ свитокъ изъ рукъ дѣвушки, развернулъ оный. Въ немъ заключались слѣдующіе четыре стиха:

Прости ему невинный сей обманъ!
Въ любви воровъ, ты знаешь, не бываетъ;
Когда жъ и есть, — правитель также знаетъ:
Не положилъ имъ казни Алкоранъ.

Прочитавъ эти стихи, Халедъ приказалъ окружавшимъ его удалиться на нѣкоторое разстояніе и сталъ разспрашивать дѣвушку.

— Объясни мнѣ твою повѣсть, *о дочь арабская!* сказалъ онъ ей.

— Правосудный правитель (да умножитъ Алахъ твои добродѣтели)! отвѣчала она, заливаясь слезами. Узникъ этотъ — мой возлюбленный, а я подруга его сердца. Свѣдавъ о намѣреніи отца моего, выдать меня замужъ за стараго, богатаго кади Хатема, онъ не смѣлъ открыть ему взаимныя наши чувства. Ни отецъ мой, ни братья, лично его не знаютъ; но онъ приходилъ иногда тайно въ нашъ садъ, отъ котораго я ввѣрила ему ключъ, и мы бесѣдовали другъ съ другомъ о взаимной нашей любви, сквозь рѣшотку окна моего терема. Минувшею ночью, онъ также пришелъ въ нашъ садъ въ условленное время; дожидаясь его, я къ несчастью уснула. Не видя меня у окна, онъ рѣшился бросить въ него камнемъ, чтобъ извѣстить меня о своемъ прибытіи. Стукъ камня разбудилъ собаку; на ея лай, отецъ и братья мои бросились въ садъ, и несчастный мой любовникъ,

чтобъ охранить честь мою, притворился воромъ; онъ схватилъ нѣсколько бѣлья и нарочно сталъ рвать апельсины: его поймали. Ты видишь, что онъ великодушно пожертвовалъ своею честью и головою, лишь бы только не допустить, чтобъ лицо мое сдѣлалось чернымъ въ глазахъ народа, а можетъ-быть и спасти жизнь мою отъ гнѣва раздраженнаго родителя....

Несчастная дѣвушка не могла говорить долѣе: слезы и рыданія подавляли голосъ ея. Самъ Халедъ былъ тронутъ ея разсказомъ и благороднымъ поступкомъ честной и нѣжной любви юноши.

— *Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха, ни пророка, кромѣ Магомета! нѣтъ крѣпости, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха!* воскликнулъ онъ, вознося руки къ небу, и немедленно приказалъ снять оковы съ великодушнаго преступника. Потомъ призвавъ его къ себѣ, нѣжно поцѣловалъ въ чело, между глазами, и сказалъ: Благородный юноша! Богъ не допустилъ мнѣ совершить надъ тобою неправый судъ. Чтобъ возблагодарить его за эту милость, я на себя принимаю обязанность пещись о твоемъ благополучіи, равно какъ и о счастіи будущей твоей подруги. Я исходатайствую у отца ея прощеніе вамъ обоимъ и соглашу его на вашъ союзъ. Между-тѣмъ, дарю вамъ на свадьбу тѣ 10,000 динаріевъ, которыя предлагалъ тебѣ вчера.

Извѣстіе объ этомъ необыкновенномъ происшествіи разнеслось между зрителями съ быстротою молніи. Восклицанія радости и удивленія раздались со всѣхъ сторонъ, и отецъ дѣвицы тутъ же,

передъ столбомъ казни, далъ свое соизволеніе на бракъ любовниковъ.

Молодой человѣкъ, который назвалъ себя въ этомъ случаѣ Зейдомъ, сыномъ Амру, былъ Саидъ, сынъ Джаферовъ, прославившійся впослѣдствіи, какъ поэтъ, риторъ и грамматикъ, подъ именемъ Абу-Навваса.

1829.

IX.

МОАЛЛАКА ЛЕБИДА.

(СЪ АРАБСКАГО.) *

Исчезли *ея* ставки, ея ночлеги и отдыхи въ Минѣ! Одичали Чортова-Гора, Реджамъ и скалы Ріяна, и только вѣтеръ обнажаетъ скачками рисунокъ бывшихъ жилищъ, похожій на полу-истертую надпись на утесѣ. Вотъ еще пометъ животныхъ!... Не одна уже ярмарка состоялась въ Меккѣ со времени удаленія ихъ владычицы; много-

---

* «Въ этомъ переводѣ», писалъ Сенковскій, «мы преимущественно придерживались настоящаго, внутренняго смысла поэмы, который до-сихъ-поръ, благодаря безотчетной буквальности, пропадалъ подъ перомъ европейскихъ переводчиковъ дотого, что читатель не могъ даже обнять истиннаго направленія всей пьесы и связи между различными ея частями. Чтобъ достигнуть нашей цѣли, мы принуждены иногда пополнять вставочными выраженіями эллиптическій способъ изложенія древней арабской поэзіи, но, при всемъ томъ, постараемся сохранить по-крайней-мѣрѣ главный характеръ стиховъ пустыни, который состоитъ въ пропускѣ именъ существительныхъ. Для оріенталистовъ, конечно, мы переводили бы совсѣмъ иначе

много разъ повторялись уже для воиновъ мѣсяцы запрещенные и позволенные; и много разъ весеннія созвѣздія напрасно питали эту безлюдную землю, напрасно падали на нее ливни изъ гремящихъ, падали дожди и слякоти изъ всѣхъ ночныхъ, и утреннихъ, омрачавшихъ все небо, и вечернихъ, отвѣчавшихъ другъ другу грохотомъ. Теперь здѣсь полынь раскидываетъ свои высокія вѣтви, страусы и газели выводятъ птенцовъ, и спокойно послѣ родовъ стоятъ подъ утесомъ кругло-глазыя надъ своими сернятами, между-тѣмъ какъ ихъ молодежь гуляетъ группами по полянѣ. Горные потоки по-временамъ отмываютъ занесенныя пескомъ основанія юртъ, словно писцы, что̀ каламами возобновляютъ письмена старинной книги, или сафьянщицы, которыя посыпаютъ изношенную кожу синькою въ видѣ круговъ, и вдругъ выходитъ наружу прежній узоръ. Стою, и спрашиваю (куда удалилась Навара); но что̀ пользы спрашивать глухіе, вѣчные, которымъ рѣчь не дана?*

Лебидову касыду, то-есть пособляя неясности частыми выносками и разсужденіями; но такой способъ передавать изящное устрашилъ бы и измучилъ всѣхъ читателей. Впрочемъ, предлагаемый здѣсь переводъ, быть-можетъ, не лишенъ будетъ занимательности и для арабистовъ, какъ особенный и едва ли не самый ясный способъ понимать поэму, которая до-сихъ-поръ имѣла преимущество одолѣвать оріенталистовъ дотого, что нѣкоторые изъ нихъ, и между прочимъ г. Вейль, явились строгими критиками Лебида, который, безъ-сомнѣнія, не виноватъ въ томъ, что Европейцы не могутъ постигнуть настоящаго направленія и тѣсной связи его мыслей.»

* Утесы.

Опустѣли они!... Но прежде жило здѣсь многолюдное поколѣніе. Оно откочевало, въ одно утро, и оставило послѣ себя одни только колья палатокъ, и куски пробочнаго дерева (выпавшіе изъ щелей юртъ). Жестоко опечалилъ тебя, Лебидъ, въ это утро, видъ скромницъ улуса, когда онѣ понеслись на верблюдахъ, попрятавшись за бумажными занавѣсками *гаудеджей* (женскихъ сѣделъ), на которыхъ палатки уныло скрыпѣли, и выглядывая изъ всякаго закутаннаго (домика своего), котораго столбики осѣнялись сверху ихъ узелками, съ боковъ серпянками и дабою! Тамъ, на этихъ верблюдахъ, сидѣли онѣ группами, словно лани тудыхскія, или газели Веджры, поворачивающія свои шейки, чтобъ умильно взглянуть на птенцовъ, повисшихъ у сосцовъ ихъ. Но верблюдовъ понудили къ бѣгу мужчины, и вскорѣ миражъ скрылъ весь поѣздъ, который принялъ причудливыя формы бишскихъ утесовъ и съ ихъ тамарисками и скалами.... Зачѣмъ тебѣ, Лебидъ, вспоминать о Наварѣ! Она удалилась; она расторгла всѣ узы, всѣ свои связи съ тобою; коварная Мурріотка, она вѣрно остановилась не ближе какъ въ Гайдѣ или въ сосѣдствѣ хеджазскихъ людей: гдѣ ей теперь думать о тебѣ! Она быть-можетъ живетъ теперь на восточныхъ отлогостяхъ Джебелейна и Мухаджджара: тамъ Ферда, Рухамъ и Сувапкъ окружили ее своими утесами; а если перекочевала въ границамъ Емена, то вѣроятно она теперь въ Вехафъ-эль-Кагрѣ или Тыльхамѣ! Прекрати, прекрати всякую привязанность къ той, обладаніе которою невозможно! Плохой тотъ другъ, кто первый

расторгаетъ союзъ дружбы! Обратись съ своими подарками къ менѣе жестокоій; а когда дружба ея станетъ прихрамывать, когда начнутъ спотыкаться ея ножки, то и ты можешь расторгнуть — умчаться въ пустыню на измученной набѣгами *, которые оставили въ неій одну лишь крошку животнаго: отъ безпрерывнаго давленія сѣдла, на спинѣ и на горбѣ ея кожа прильнула къ костямъ; дорого пришлось бы заплатить за кусокъ ея мяса; она исхудала, избились ея деревянныя подковы, и, не смотря на все это, она весела въ уздѣ, и несется, словно бѣлый клочокъ паровъ, оставшихся на небѣ отъ тучи, которыя вечеромъ гонитъ южный вѣтеръ; словно полногрудая **, беременная отъ бѣлоногаго, котораго избили копытами, искусали, обезобразили другіе ревнивые самцы, и онъ, весь оцарапанный, уводитъ ее отъ нихъ въ песчаные сугробы Талбута, и сердится на нее за неповиновеніе, за ея любовныя прихоти къ его соперникамъ: и вотъ, тамъ, съ одного изъ этихъ холмовъ, окидываетъ онъ безпокойнымъ взоромъ гладкую, нагую пустыню, на которой однакожъ нѣтъ ни бугорка, гдѣ бы могъ спрятаться охотникъ, развѣ только за путевыми столбами; и въ этомъ безводномъ мѣстѣ держитъ онъ самку свою цѣлые шесть зимнихъ лунъ; росой принуждены они довольствоваться вмѣсто питья; длится безконечно тяжкій постъ его и постъ ея; но наконецъ нѣтъ силъ выдержать долѣе, надобно подняться

---

* Верховой верблюдицѣ.
** Сайга.

на рѣшительность, на твердость, — твердость-то всегда ведетъ къ успѣху,— и они помчались къ водѣ: колючки бѣлотерновника поранили имъ пятки, дуетъ лѣтній (самумъ) съ своими поперемѣнно жаркими и холодными порывами, а они все мчатся, да подымаютъ, опережая другъ друга, предлинный *, который летитъ тѣнью, словно дымъ зажженнаго, раздуваемаго сѣвернымъ, и къ котораго пылающимъ щепкамъ подкинули зеленаго бурьяну, — словно дымъ огня, высоко воздымающаго свои свѣтлые горбы; мчатся, и вдругъ отсталъ онъ, чтобъ заставить ее бѣжать впереди, — у него обыкновеніе пускать ее впередъ, когда она хитритъ, — и наконецъ бросились оба въ самое русло ручья, переполненнаго, густо заросшаго тростникомъ, закутавшагося въ камышъ по-срединѣ, а по берегамъ закрытаго лежачими и стоячими тростинками....

Да такъ ли еще мчится моя верблюдица! Нѣтъ, она скорѣй лѣсная **, которую обидѣли хищные, когда она оплошала, ввѣривъ вождю стада (самцу) надзоръ за сернятами: курносая, потеряла своего малютку, и безпрерывно бѣгаетъ взадъ и впередъ, оглашая своимъ мычаніемъ поляны между песчаными буграми! Его, бѣленькаго, разорвали по членамъ сѣрые, алчные, ничѣмъ ненасытимые ***. Подстерегли они ея неосмотрительность и нанесли ей горе — потому-что стрѣлы рока никогда не

---

* Столбъ пыли.
** Лань.
*** Волки.

даютъ промаха! — а она прыгнула въ чистую пустыню, и бѣжитъ, бѣжитъ.... Вотъ пошелъ крупный * изъ слякоти, и промочилъ всѣ сугробы песку, потокомъ льется безпрерывный на спинную черту ея въ мрачную ночь, которой тучи заслонили всѣ звѣздочки на небѣ: она пріютится въ дуплѣ криваго пня, живущаго отдѣльно у хвоста насыпи сыпучаго песку, и мерцаетъ во мракѣ своей блестящей бѣлизною, какъ бахрейнская жемчужина, снятая съ своей нитки. Но лишь-только уменьшилась темнота, и начало свѣтать, она опять бросается бѣжать; скользятъ ея тросточки (ноги) по мокрой почвѣ; она приходитъ въ безпамятство, и блуждаетъ между холмами Соанда цѣлыя семь равноденственныхъ сутокъ; наконецъ теряетъ всю надежду отыскать своего птенца. Необлегченная сосаніемъ, грудь ея засохла. Но вдругъ послышала она голосъ человѣческій, который перепугалъ ее, раздавшись гдѣ-то за возвышенностью, — а человѣкъ страсть ея! — и пустилась изо всѣхъ четырехъ ногъ. Ей кажется, будто виновникъ опасности находится и впереди и сзади. Охотники ее преслѣдуютъ, и отчаяваясь догнать, пускаютъ противъ нея косматыхъ, борзыхъ, тонкихъ въ поясницѣ: тѣ ее настигли; она устремила противъ нихъ острый рогъ свой, словно копье Сомгаровой работы и по наконечнику и по всей своей отдѣлкѣ, чтобы отразить ихъ: но она знаетъ, что отразить невозможно, — потому-что пришла ей отъ судебъ погибель! Однакожъ еще пронзила она имъ

* Дождь.

кесаба*, и тотъ облился кровью, и повергла сахама** на полѣ сраженія....

Вотъ на такой-то именно верблюдицѣ, въ самый свѣтлый полдень, когда въ раскаленномъ воздухѣ пляшутъ огненныя блестки передъ глазами путника и холмы одѣваются въ волшебный плащъ миража, рыщу я себѣ по дѣламъ сердечнымъ, не страшась соблазна, хотя злые языки и порицаютъ подобныя поѣздки. Да, развѣ ты не знала, Навара, что я такъ же ловко завожу связи, какъ и расторгаю ихъ? что я, вольная птица, мигомъ покидаю мѣста, которыя мнѣ не нравятся, развѣ ужъ злой рокъ пригвоздитъ тѣло мое гдѣ-нибудь къ землѣ? Нѣтъ, я умѣю найти себѣ утѣшеніе! Ты еще не знаешь, сколько ночей, со времени твоего вѣроломства, ночей свѣжихъ, оживленныхъ музыкою и бесѣдою, провелъ я пріятно при свѣтѣ луны! Сколько разъ, отправившись къ продавцу вина, ночью, когда онъ уже снялъ свою вывѣску и въ три-дорога бралъ за свои напитки, не спрашивая о цѣнѣ приказывалъ я наливать себѣ чашу изъ всякаго кувшина, стараго, почернѣвшаго, изъ флягъ, которыя при мнѣ же онъ откупоривалъ, и которыхъ печати при мнѣ были сломаны? Сколько разъ, до самаго утра, вкушалъ я тамъ золотистое***, а подруга, сидя подлѣ меня съ мандолиной въ рукахъ, пробѣгала пальчиками по струнамъ, и я, на разсвѣтѣ, при пѣніи пѣтуховъ, предавался еще

---

* Имя собаки.
** Имя собаки.
*** Вино.

удовольствіямъ, между-тѣмъ какъ уже всѣ спали въ лавкѣ? Сколько разъ, въ холодное, вѣтреное утро, во время перекочевки, когда люди принуждены были остановиться, убить верблюда, и подѣлиться его мясомъ, чтобъ нѣсколько согрѣться пищею; когда самъ Сѣверъ держалъ въ рукѣ своей возжи вѣтровъ, оберегалъ я одинъ все поколѣніе отъ нечаяннаго нападенія враговъ, смѣло, безъ кольчуги—кольчугу несъ мой добрый конь—и не держа даже поводьевъ въ рукѣ, во время этихъ раннихъ разъѣздовъ — поводья бывали обвиты вокругъ моего стана въ видѣ кушака: такъ въѣзжалъ я на пыльные холмы для осмотра, холмы столь близкіе къ враждебному улусу, что пыль, поднятая копытами моего сердечнаго, разстилалась до самыхъ значковъ, воткнутыхъ передъ ставкою; (и, не думая о пищѣ, разъѣзжалъ я такимъ образомъ весь день, между-тѣмъ какъ поколѣніе двигалось впередъ); а когда наставала ночь неразглядная, когда страшные *дивы** начинали шататься, во мракѣ ущелій, по тѣснинамъ, тогда еще я выѣзжалъ на равнину, чтобъ потѣшить душу прогулкой, и тогда еще мой неутомимый конь становился на дыбы, прямо какъ столбъ, словно неприступная, гладкая пальма, на которую нѣкогда не могли взобраться собиратели финиковъ: тутъ я пускалъ его, во всю прыть страуса, мчался со всей стремительностью, и онъ разгорячался, кости его пріобрѣтали легкость перьевъ, сѣдло хлопало на немъ, изъ ноздрей лился дождь, подпруга про-

* Духи, злые геніи.

мокала отъ горячей пѣны его, а онъ все несся далѣе, упираясь въ удила и стремясь впередъ, словно летящій къ водопою голубь, когда его мучитъ сильная жажда! (Умѣлъ я искать развлеченія и въ путешествіяхъ по дальнимъ сторонамъ). Сколько съ-тѣхъ-поръ посѣтилъ я многолюдныхъ (царскихъ дворовъ), наполненныхъ сильными людьми, съѣхавшимися отвсюду на поклонъ и незнакомыхъ другъ другу?... дворовъ могучихъ, отъ которыхъ всѣ жаждаютъ милостей, и которыхъ охужденія всѣ страшатся! Тамъ эти люди, угрожая себѣ взаимно мщеніемъ по тайнымъ враждамъ, страшно смотрѣли другъ на друга, словно *дивы* бедійской глуши, словно львы съ толстою шеей, упершіеся въ землю передними лапами для боя. Да, я презрѣлъ пустыя притязанія этихъ сборищъ (гдѣ гордые осѣдлые считаютъ себя выше насъ, сыновъ пустыни), и воздалъ дворамъ только ту честь, какой они заслуживали въ моемъ убѣжденіи; и никто тамъ, даже изъ числа самыхъ знаменитыхъ, не могъ похвастаться какимъ-нибудь превосходствомъ передо мною. (Что они дѣлаютъ хорошаго? Что великодушнаго въ ихъ себялюбивой жизни? Чѣмъ они благороднѣе меня?) Сколько разъ, во время голода въ пустынѣ, убивалъ я своихъ верблюдицъ, для разыгранія ихъ по жеребью, и звалъ народъ приходить на убой моего скота съ палочками, совершенно равной величины, просилъ брать безъ разбора и безплодныхъ и годныхъ на приплодъ, и предоставлялъ ихъ мясо всѣмъ сосѣдямъ? Дальній гость и ближній сосѣдъ всегда находили у меня такое раздолье, какъ-буд-

то закочевали они въ богатыя травою низовья долины Тебале. У веревокъ шатра моего садится всякая нищая, безобразно оборванная старуха, словно «роковая лошадь» (привязанная на могилѣ витязя съ тѣмъ, чтобъ умерла на ней голодною смертью), а дѣти ея, сиротки, во время бушеванія холодныхъ вѣтровъ, образуютъ изъ себя вѣнецъ около моихъ горшковъ и бродятъ въ нихъ какъ въ наводненныхъ полныхъ канавахъ. Изъ моего вѣдь роду, постоянно, на всѣхъ собраніяхъ поколѣній, кто-нибудь является защитникомъ общенароднаго дѣла и спорщикомъ за правду! Изъ нихъ-то всегда бываетъ дѣльщикъ захваченной добычи, который каждому поколѣнію отдаетъ что̀ слѣдуетъ, готовъ вспылить за чужія права, готовъ во всякое время пожертвовать своими, по врожденному благородству — мужъ честный, помогающій другимъ въ гостепріимствѣ, щедрый пріобрѣтатель похвалъ, грабитель въ свою пользу одной только славы, потомокъ роду, въ которомъ прадѣды положили семейнымъ обычаемъ всегда такъ дѣйствовать, — потому-что во всякомъ родѣ есть свой обычай. Не посрамятъ себя мои! Не пропадаютъ дѣла ихъ въ забвеніи! Нѣтъ, благоразуміе ихъ никогда не увлекалось страстью! Такъ будемте всякій довольны тѣмъ, чѣмъ кого надѣлилъ Властитель (боговъ)! Что̀ дѣлать! нашему роду великодушныя качества души выдѣлилъ Тотъ, кто одинъ знаетъ, кому давать ихъ! А когда былъ дѣлежъ честности между родовъ, всемогущій Дѣльщикъ присудилъ намъ тоже самую знатную долю ея. Онъ-то и построилъ намъ юрту благородства

съ высокою верхушкою, и каждый изъ нашихъ, старикъ и мальчикъ, взобрался на нее до самой оконечности. Зато они и первые ревнители, когда поколѣніе поражено ужасомъ внезапнаго нападенія; они его Фарисы, и они же судьи его!

1839.

АНТАРЪ.

АНТАРЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.*

Прекрасна Шамская пустыня; прекрасны въ Шамской пустынѣ развалины волшебнаго Тедмора **. Кто жилъ въ этихъ огромныхъ чертогахъ?... Кому воздвигнуты эти храмы?... Кѣмъ построены эти длинныя улицы столбовъ?... То знаютъ книжники Дамаска и Іерусалима: Антару то неизвѣстно. Антаръ, краса степей, мечъ побѣды, роса дружбы, тѣнистый кипарисъ гостепріимства. Онъ знаетъ, гдѣ отыскать тѣхъ, кои осмѣлились нанести обиду ему или его поколѣнію; онъ покажетъ вамъ всѣ, далеко разбросанныя и почти истертыя вѣтромъ, могилы враговъ своихъ; онъ защититъ васъ въ пустынѣ отъ жадности и вѣроломства ста арабскихъ всадниковъ и раздѣлитъ съ вами послѣднюю горсть жаренаго проса; но

---

* Эта повѣсть не переводъ съ арабскаго и не заимствована изъ извѣстнаго арабскаго романа «Антаръ», а оригинальное созданіе въ духѣ арабской поэзіи. *Изд.*

** *Тедморъ*, Пальмира, знаменитая столица Зиновіи.

онъ не знаетъ того, что̀ написано въ книгахъ. Старцы сосѣдственныхъ улусовъ сказывали ему, что это остатки города, построеннаго въ-старину зловредными духами, и совѣтовали не приближаться къ этому мѣсту; но Антаръ не страшится ни людей ни духовъ, и гордо смотритъ на великолѣпныя развалины Тедмора.

Онъ стоитъ и смотритъ. Копье его, кровавое какъ мщеніе, быстрое какъ ударъ грома, стоитъ возлѣ него, водруженное въ безплодную почву. Балька, благородная его кобыла, царица кобылъ Неджда, стоитъ у копья и, устремивъ на него глаза свои, черные, огненные, проницательные, хочетъ, кажется, узнать, что̀ происходитъ въ пылкой его душѣ. Она печальна, потому-что онъ печаленъ. Балька отгадала, что люди огорчили ея господина, и сильно бьетъ ногою, негодуя на ихъ неблагодарность. Антаръ постигнулъ мысль Бальки, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ чело, украшенное бѣлою звѣздочкою, блестящею издали, подобно лунѣ въ первую ночь мѣсяца.

Антаръ оставилъ людей навсегда. Онъ проливалъ за нихъ свою кровь, жертвовалъ имуществомъ, расточалъ для нихъ свою любовь и дружбу: они ему измѣнили!... Доколѣ вѣтеръ въ пустынѣ будетъ переносить песчаные холмы съ одного мѣста на другое, доколѣ облака будутъ бросать сѣрую тѣнь на землю, доколѣ мечи будутъ утолять свою жажду краснымъ напиткомъ, текущимъ въ жилахъ сыновъ Адама: до тѣхъ поръ онъ не увидится съ людьми. На сто выстрѣловъ изъ лука нога его не подойдетъ къ жилищу человѣка; на

всю длину копья его никто изъ смертныхъ да не дерзнетъ подойти къ нему. Антаръ произнесъ клятву: онъ никогда вотще не давалъ обѣта.

Онъ стоитъ. Голодъ рветъ его внутренность; но онъ умѣетъ преодолѣвать голодъ. Зажженный палящимъ солнцемъ воздухъ, среди совершеннаго безвѣтрія, дрожитъ, трясется, мелькаетъ тонкимъ пламенемъ, подобнымъ тому, какое вьется по раскаленному желѣзу, и знойныя блестки, въ видѣ частыхъ огненныхъ иголокъ, быстро пляшутъ въ воздухѣ предъ его глазами; но всѣ ужасы пустыннаго зноя не заставятъ его тронуться съ мѣста. Земля горитъ подъ его стопами: онъ терпѣливо переноситъ и это, и стоитъ неподвижно, дожидаясь, пока пробѣжитъ пустынею строусъ или серна, чтобъ мигомъ вскочить на коня, догнать добычу и сразить ее копьемъ.

Вотъ что-то шевелится между кочками песку, наваленнаго послѣднимъ вѣтромъ у подножія ближней скалы. Это навѣрное газель. Антаръ уже на конѣ, и держитъ копье надъ своею головою. Онъ не ошибся: это газель, милая, легкая, прелестная. Балька тоже увидѣла ее, и понеслась стрѣлою въ ту сторону: она не требуетъ, чтобъ узда указывала ей направленіе; ею правитъ мысль всадника, и она мчится быстрѣе мысли.

Антаръ уже настигалъ газель, бывъ отъ нея не далѣе какъ на одинъ выстрѣлъ. Вдругъ раздался надъ его головою ужасный шумъ, и воздухъ помрачился черною тѣнью. Онъ приподнялъ голову, и увидѣлъ огромную хищную птицу, которая, подобно весенней тучѣ, закрывала собою большую

часть небеснаго свода. Глаза ея сверкали какъ молніи; распростертые когти, по своей величинѣ и силѣ, могли бъ обхватить и унести утесъ, образующій грозную вершину Эль-Аксы. Антаръ примѣтилъ, что страшная, исполинская птица тоже преслѣдуетъ газель, которая, при видѣ новой опасности, понеслась еще быстрѣе. Но Антаръ всегда былъ защитникомъ слабыхъ: онъ немедленно забылъ, что самъ гонится за газелью съ намѣреніемъ лишить ее жизни, и думалъ только о спасеніи ея отъ ярости воздушнаго врага. Птица, Антаръ и газель долго и быстро стремились въ одну и ту же сторону, болѣе и болѣе сближаясь другъ съ другомъ; и когда взаимное ихъ разстояніе уменьшилось почти до двадцати шаговъ, храбрый всадникъ повертѣлъ копьемъ надъ головою и метнулъ имъ вверхъ. Оно полетѣло, свистя какъ влажный вѣтеръ между столбами Тедмора, и вонзилось въ грудь крылатому великану. Птица испустила ужасный стонъ съ ревомъ, заставившимъ вздрогнуть самого Антара. Она поколебалась: казалось, что она упадетъ и своимъ паденіемъ раздавитъ дерзкаго сына пустыни; но боль принудила ее быстро подняться на воздухъ, тогда какъ уже конецъ одного крыла коснулся-было земли. Отъ удара ея перьевъ по сухой, раскаленной почвѣ, густой туманъ пыли наполнилъ все пространство и песокъ засыпалъ глаза Антару. Онъ тотчасъ слѣзъ съ коня, и нѣсколько минутъ простоялъ на мѣстѣ во мракѣ; но когда пыль начала осѣдать, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ у своихъ ногъ ту самую газель, которая незадолго уходила отъ его копья и ког-

тей хищпоїй птицы. Она умильно поглядывала на своего спасителя: прекрасные глаза ея выражали нѣжную благодарность. Антаръ хотѣлъ поласкать ее рукою, но, едва онъ пошевелился, она порхнула и исчезла въ пыльной степи.

Пораженный такимъ необыкновеннымъ случаемъ, Антаръ возвратился къ развалинамъ Тедмора, вошелъ въ одинъ изъ опустѣлыхъ чертоговъ и бросился отдыхать на землѣ. Мечъ его стоялъ у стѣны; вѣрная Балька щипала скудную траву, растущую у входа; онъ, на этотъ разъ, оставался безъ пищи, но голова его такъ была занята мыслями о странноїй, сраженной имъ птицѣ и милоїй, благодарноїй газели, что о своемъ голодѣ онъ почти и не думалъ.

Антаръ уснулъ въ разрушенномъ чертогѣ. Когда онъ проснулся, повое, чудесное явленіе поразило его взоръ. Онъ увидѣлъ себя лежащимъ на пышноїй софѣ изъ голубаго атласа съ золотыми кистями и серебряною бахрамою, въ огромноїй комнатѣ, убранноїй шелковыми занавѣсами и богатыми коврами, расписанноїй лазурью и золотомъ и украшенноїй великолѣпнымъ водометомъ, вокругъ котораго стояли невольники и евнухи въ блестящихъ нарядахъ, держа золотые тазы и рукомойники, осыпанные яхонтами и изумрудами, китайскіе сосуды съ розовою водою, драгоцѣнныя опахала и подносы съ рѣдкими плодами. Пятьдесятъ дѣвицъ, завѣшанныхъ бѣлыми покрывалами, стояли по обѣимъ сторонамъ залы съ гитарами и бубенчиками. Воздухъ былъ напитанъ свѣжестью и роскошнымъ запахомъ алоя.

Какъ скоро Бедуинъ раскрылъ глаза, двое невольниковъ, подошедъ къ его ложу, стали почтительно на колѣни и поднесли воду, пахучее мыло и шитое золотомъ полотенце; два другіе окропили его духами.

— Ради вашей жизни! вскричалъ изумленный Антаръ, срываясь съ постели: что̀ это значитъ?... кто вы такіе?... Гдѣ я?... чего вы отъ меня хотите?...

Всѣ невольники и евнухи ударили челомъ и сказали:

— *Я сиди*! о, честной господинъ! вы въ гостяхъ у благороднѣйшей, стыдливѣйшей, цѣломудреннѣйшей, великой царицы Тедмора,—да продлится ея царствіе до дня преставленія свѣта! Намъ приказано прислуживать и воздавать вамъ такую же честь, какъ ей самой.

— Да проклянетъ васъ вашъ отецъ! гнѣвно воскликнулъ Антаръ. Вы шутите надо мною?... Я не знаю вашей царицы, и никогда не слыхалъ, чтобы въ развалинахъ Тедмора царствовалъ кто-либо. Я сынъ пустыни, и къ царямъ не хожу въ гости. Мнѣ здѣсь тошно. Отдайте мнѣ мою лошадь: она драгоцѣннѣе всего вашего царства; другой такой нѣтъ во всей степи.

— Честной господинъ, сказали слуги, кланяясь ему въ землю: ваша лошадь ѣсть теперь сѣно изъ розъ и тюльпановъ, и пьетъ воду изъ снѣга горъ Ливанскихъ. Мы рабы ваши, но вы не можете уѣхать отсюда безъ дозволенія нашей государыни, ибо находитесь въ странѣ заколдованной, безъ входа и безъ выхода.

— Кто же такая ваша царица, и гдѣ она? спросилъ Антаръ, еще болѣе изумленный этимъ извѣстіемъ.

— Имя ея Гюль-Назаръ, отвѣчали слуги. Она пери, изъ рода добрыхъ геніевъ.

— Ведите меня къ ней, сказалъ онъ. Я хочу съ нею объясниться и посмотрѣть ей въ лицо.

— Это невозможно, возразили слуги. Красота лица ея столь блистательна, что могла бы ослѣпить васъ и навсегда лишить зрѣнія. Вы будете къ ней допущены, но не иначе, какъ съ должными предосторожностями и напередъ побывъ въ банѣ.

Не смотря на всю свою пылкость, на необузданную дерзость степнаго витязя, Антаръ повиновался ихъ требованію. Онъ чувствовалъ надъ собою дѣйствіе какой-то невидимой силы, которая лишала его воли и наполняла сердце смиреніемъ.

Евнухи повели его въ баню, построенную изъ бѣлаго мрамора, съ яшмовыми колоннами и золотымъ куполомъ, гдѣ двѣнадцать молодыхъ и прекрасныхъ невольницъ были назначены для его прислуги. Оттуда перешелъ онъ въ богатую комнату, ярко освѣщенную огнемъ алмазовъ, покрывавшихъ стѣны и потолокъ. Пышный красный занавѣсъ раздѣлялъ ее на двѣ половины: всѣ входившіе въ нее били челомъ, и никто не смѣлъ оборачиваться задомъ. Антару сказали, что и онъ долженъ съ благоговѣніемъ поклониться занавѣсу, потому-что позади его сидитъ стыдливѣйшая царица Тедмора. Онъ безпрекословно исполнилъ об-

рядъ, и былъ посаженъ на софѣ, примыкающей къ занавѣсу.

Тихое, заунывное пѣніе, смѣшанное со звуками воздушной музыки, пріятно потрясало слухъ Бедуина, который съ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны, стараясь угадать, откуда оно происходитъ. Вдругъ отворились двери, и вошелъ длинный рядъ служителей, несущихъ на головѣ золотые подносы, уставленные множествомъ блюдъ и сосудовъ съ яствами, сластями и шербетами. Вкусный ихъ запахъ сильно раздражилъ обоняніе голоднаго Антара: съ жадностью гіены, похищающей трупъ изъ среды сражающихся воиновъ, бросился онъ на поднесенныя блюда и сталъ очищать ихъ горстями. Слуги, улыбаясь, безпрестанно подавали ему новыя кушанья и вина.

Въ половинѣ обѣда, послышался изъ-за краснаго занавѣса привѣтливый женскій голосъ:

— Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Ребіевъ! Мы ожидали васъ съ нетерпѣніемъ.

— И съ вами миръ, великая царица, да умножится роса ваша! отвѣчалъ Аравитянинъ.

Голосъ умолкъ, и Антаръ въ безмолвіи продолжалъ ѣсть и пить попрежнему. Спустя нѣсколько минутъ, повторилось изъ-за краснаго занавѣса то же самое привѣтствіе, на которое Бедуинъ отвѣтствовалъ новымъ выраженіемъ степной учтивости, пожелавъ царицѣ, чтобы влажность ея пролилась на всю пустыню, и чтобъ ея благополучіе всегда оставалось холоднымъ *.

---

* Въ языкѣ Бедуиновъ, обитающихъ въ знойныхъ и

Опять наступило молчаніе, и опять, послѣ нѣкотораго времени, тотъ же голосъ произнесъ прежнее привѣтствіе. Антаръ сказалъ:

— Да разстелется ваша тѣнь, царица, обширнѣе тѣни горъ Тудыха! Я вашъ богомолецъ; нью въ честь и на пользу вашей милости.

— Да будетъ на здоровье! примолвилъ голосъ: Антаръ, сынъ Ребіевъ, вы нашъ гость и, надѣюсь, проведете у насъ нѣсколько дней. Я вамъ обязана спасеніемъ свободы и жизни. Вѣрно, вы и сами не знаете, какую оказали мнѣ услугу.

— Я оказалъ вамъ услугу?... воскликнулъ Антаръ въ изумленіи. Какъ же это случилось?... Я никогда не видалъ васъ въ глаза. Да разроютъ враги могилу моего родителя, ежели я понимаю, что̀ вы мнѣ говорите и что̀ здѣсь со мною дѣлается! Ради свѣта вашихъ глазъ, ради имени вашей матери, объясните мнѣ, какъ я сюда попалъ, кто вы такія и за что̀ меня такъ честите? У меня умъ изъ головы вонъ отъ всего, что̀ тутъ вижу и слышу.

— Успокоїтесь, сынъ Ребіевъ, и присядьте у насъ на коврѣ безопасности, отвѣчалъ голосъ. Я удовлетворю вашему любопытству. Вы находитесь въ Тедморѣ, развалины коего поутру удивляли

безводныхъ пустыняхъ Аравіи, слова, означающія *росу*, *дождь*, *влажность*, заключаютъ въ себѣ также понятія благодѣянія; *холодный* значитъ у нихъ тоже и превосходный; *низменный*, *мокрый*, *увлаженный*, употребляются въ смыслѣ словъ: «счастливый, обильный, роскошный», потому-что въ низменныхъ мѣстахъ ростетъ трава, столь необходимая въ ихъ кочевомъ быту.

васъ своею красотою и огромностію. Вѣдайте, храбрый богатырь пустыни, что этотъ городъ построенъ джиннами, зловредными и безобразными духами, коими Соломонъ — да будетъ съ нимъ миръ!—повелѣвалъ посредствомъ волшебнаго перстня, подареннаго ему ангеломъ Джебраилomъ. Соломонъ населилъ его народомъ благочестивымъ, смирнымъ, безвреднымъ, поручивъ ему угощать всѣхъ путниковъ, странствующихъ въ этой пустынѣ, и снабжать ихъ живностью и водою. Жители Тедмора долгое время свято исполняли завѣтъ царя-пророка, и жили въ покоѣ и изобиліи. Наконецъ, свойственная роду человѣческому гордость изгладила изъ ихъ памяти обязанности, предписанныя основателемъ ихъ быта и благополучія. Они предались разврату, стали пить вино, ѣсть свинину, съ нерадѣніемъ совершали обряды вѣры, и прогоняли отъ себя несчастныхъ странниковъ и путешествующихъ къ святымъ мѣстамъ богомольцевъ. Слава ихъ злобы разнеслась по міру, и всѣ убѣгали Тедмора. Случилось, однакожъ, что нѣкоторый *тарикъ-асъ-салатъ*, «атеистъ», явно презиравшій долгъ пяти ежедневныхъ молитвъ, заѣхалъ въ ихъ городъ на пути къ индійскимъ волхвамъ, и былъ принятъ ими съ отличною честью. Они дали ему великолѣпный пиръ; но какъ скоро богоотступникъ сей дотронулся устами ихъ яствъ и напитковъ, вся вода въ городѣ и околоткѣ превратилась въ горькую морскую воду, вино приняло видъ и вкусъ крови, хлѣбъ и прочіе жизненные припасы мгновенно окаменѣли. Угнетенные гнѣвомъ Аллаховымъ, жители Тед-

мора начали умирать съ голоду, грызли землю, пожирали своихъ дѣтей и женъ, и наконецъ принуждены были покинуть жилища, чертоги и храмы, и разбрестись по разнымъ краямъ, гдѣ невѣрные поработили ихъ и обходились съ ними съ крайнею жестокостью. Опустѣлый городъ скоро превратился въ развалины. Тогда, Лалѐ-Рехъ, одна изъ первостепенныхъ и прекраснѣйшихъ пери, испросила у Асафа, наслѣдника Соломонова, позволеніе поселиться въ нихъ и основать для себя новое царство, потому-что джинны, то есть, зловредные духи, безпрестанными набѣгами тревожили ея родину. Подвластные ей кроткіе духи, переведенные ею изъ Перистана, страны волшебной, обитаемой моимъ родомъ, воздвигли для своей повелительницы эти величественныя зданія, развели эти сады и рощи, и всею роскошью искусства и природы оживили пустынное и унылое мѣсто, въ которомъ смертные не примѣчаютъ ничего, кромѣ прежняго разрушенія, разбросанныхъ камней, торчащихъ столповъ и грудъ горячаго песку; и тотъ только изъ васъ, о сынъ Ребіевъ, можетъ наслаждаться этимъ, невидимымъ для людскихъ глазъ, зрѣлищемъ, кому таинственная владѣтельница Тедмора сама захочетъ оказать благоволеніе допущеніемъ его въ предѣлы сокровеннаго быта своихъ духовъ. Лалѐ-Рехъ жила здѣсь нѣсколько столѣтій въ счастіи и покоѣ. Извѣстный Шанфари, поэтъ и герой пустыни, плѣнилъ ея сердце своими подвигами, дарованіями и красотою; любовь соединила ихъ въ этомъ мѣстѣ, и Лалѐ-Рехъ сдѣлалась матерью прекрасной Эльмасы. Когда

дочь достигла совершеннолѣтія, Лалѐ-Рехъ удалилась въ Перистанъ, оставивъ ее полною владѣтельницею Тедмора. Эльмаса повелѣвала здѣсь до временъ халифа Омара. Она полюбила знаменитаго Лебида, прославившагося своими несчастіями, мужествомъ и стихами; Лебида, пѣсни котораго гремятъ до-сихъ-поръ въ пустынѣ, лишеннаго престола коварнымъ братомъ и орошавшаго царскою кровью своею, въ теченіе долговременнаго скитанія, сыпучіе пески аравійскихъ кочевьевъ, для защиты угнетенныхъ и безпріютныхъ, страждущихъ подобно ему отъ несправедливости своихъ ближнихъ. Изнуренный сраженіями, голодомъ и жаждою, преслѣдуемый завистниками и неблагодарными, онъ нерѣдко находилъ здѣсь убѣжище, и здѣсь получилъ онъ тѣ высокія вдохновенія, коимъ люди никогда не перестанутъ удивляться, читая безсмертныя его касыды. Лебидъ былъ мой отецъ. Послѣ его смерти, — онъ погибъ отъ измѣны греческаго Кесаря, — мать моя рѣшилась оставить эти мѣста, и, подобно своей родительницѣ, удалилась въ отечество пери. Съ того времени я управляю обитающими въ этихъ развалинахъ и въ окрестностяхъ кроткими духами, число коихъ простирается за многія тысячи тысячъ. Владѣнія мои занимаютъ ограниченную поверхность древняго Тедморскаго царства, но они прелестны, отлично воздѣланы, усѣяны красивыми зданіями и садами, хотя людямъ кажутся нагою пустынею. Основанное моею прародительницею государство долгое время было непзвѣстно злобнымъ джиннамъ, врагамъ нашего рода, и тихія

пери наслаждались въ этой странѣ истиннымъ благоденствіемъ. Но съ нѣкотораго времени, одинъ изъ безобразнѣйшихъ джинновъ, коварствомъ и лютостью превосходящій всѣхъ своихъ соплеменниковъ, открылъ мирное наше обиталище и сталъ безпокоить его своими нападеніями. Онъ называется Джанъ-Гиръ, и величиною похожъ на огромную гору. Много уже претерпѣли мы отъ этого свирѣпаго духа, хотя, по завѣту Соломона (да будетъ съ нимъ миръ!), джинны не смѣютъ проникнуть внутрь черты города, построеннаго въ древности ихъ руками; но никогда не находилась я въ такой опасности отъ его злобы, какъ сегодня. Я гуляла въ ближнихъ горахъ, и неосторожно перешла за неприступный для его племени рубежъ, какъ вдругъ увидѣла вдали голову этого чудовища, вылѣзающую изъ-за края горизонта. Чтобъ обмануть его вниманіе и скорѣе добраться домой, я прикинулась газелью, и бросилась бѣжать къ Тедмору; но онъ успѣлъ завидѣть меня, привалилъ какъ бурный вихрь и заступилъ мнѣ дорогу. Я принуждена была уходить въ противную сторону. Тогда и вы меня увидѣли, и погнались за мною верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ, какъ за обыкновенною серною. Коварный Джанъ-Гиръ, примѣтивъ это, тотчасъ принялъ на себя видъ страшной птицы *рухи*, похищающей слоновъ и верблюдовъ, и тоже полетѣлъ за мною. Спасаясь отъ двухъ враговъ, я уже выбивалась изъ силъ и считала себя погибшею, когда вы великодушно, вмѣсто меня, сразили моего злодѣя. Копье ваше вонзилось ему между горломъ и костью: онъ хо-

тѣлъ припасть къ землѣ, чтобъ вырвать его изъ тѣла, но въ быстромъ паденіи, невзначай, попалъ древкомъ въ утесъ, и цѣлое копье погрузилось въ его груди, пробивъ ее до самаго легкаго. Ужасная боль исторгнула у него стонъ, оглушившій насъ обоихъ. Онъ улетѣлъ и, за Ливанскими Горами, упалъ въ Соленое Море, на днѣ коего будетъ онъ лежать и мучиться тысячу лѣтъ, доколѣ древко не истлѣетъ само собою и ржа не изгрызетъ желѣза. Вотъ какимъ образомъ, Антаръ, сынъ Ребіевъ, спасли вы мнѣ жизнь и свободу. Я вамъ благодарна и, — клянусь Аллахомъ и всѣми его пророками! — сдѣлаю для васъ все, о чемъ меня ни попросите.

— Царица!... воскликнулъ Антаръ, держа въ зубахъ палецъ, отъ удивленія, возбужденнаго въ немъ разсказомъ пери: великая, благородная царица!... да истребитъ Аллахъ всѣхъ враговъ вашихъ!... могъ ли я думать, что газель, за которою погнался, была существо свыше не только сернъ, но и самыхъ людей? Я никогда не воображалъ себѣ, чтобы на свѣтѣ водились такія чудеса. Радуюсь душевно, что имѣлъ случай оказать вамъ подобную услугу, но просить васъ мнѣ не о чемъ. Я несчастливъ. Я произнесъ обѣтъ блуждать уединенно въ пустыняхъ и убѣгать сообщества людей, доколѣ стрѣла рока не повергнетъ меня гдѣ-нибудь на горячій песокъ, и гіены не разнесутъ моихъ членовъ по всѣмъ горамъ Аравіи. Между мною и людьми кровь и смерть желѣзная.

— Намѣреніе ваше не обдумано и недостойно

вашей храбрости, сказала пери. Воротитесь къ вашимъ ближнимъ, которыхъ должны вы быть предводителемъ и защитою. Вамъ суждено наполнить свѣтъ славою вашего имени. Предопредѣленію противиться невозможно.

— Ежели такъ написано на скрижаляхъ судебъ, примолвилъ Антаръ, то я слушаюсь и повинуюсь. Я ворочусь къ людямъ; но, ради вашей головы, скажите мнѣ, царица, что̀ мнѣ у нихъ дѣлать? Они слишкомъ несправедливы и неблагодарны. Во время моего малолѣтства, мои родственники и опекуны лишили меня всего имущества, ввѣреннаго ихъ чести покойнымъ отцемъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ я началъ владѣть копьемъ и лукомъ, я сражался какъ левъ за ихъ обиды, а они всегда платили мнѣ за то измѣною. Мое гостепріимство и великодушіе не только не обезоружили ихъ злобы, но еще навлекли на меня ихъ клевету и зависть. Кромѣ огорченій, тяжкихъ, жестокихъ огорченій — я ничего другаго не испыталъ въ ихъ обществѣ. Внутренность моя запылилась горемъ; въ моей груди торчитъ ножъ ненависти. Что̀ же мнѣ у нихъ дѣлать?

— Но жизнь человѣческая, отозвался голосъ за краснымъ занавѣсомъ: имѣетъ также свои наслажденія, и вы, при нѣкоторомъ съ моей стороны пособіи, можете вкусить ихъ, если только захотите.

— Жизнь наша имѣетъ свои наслажденія!... вскричалъ Антаръ съ громкимъ смѣхомъ. Наша жизнь имѣетъ наслажденія!... Да проститъ вамъ Аллахъ грѣхи ваши, царица; но вы шутите надо

мною. Въ нашей жизни одно лишь забвеніе страданій нѣсколько уподобляется пріятности, но его надобно безпрерывно поддерживать отсутствіемъ мысли или пустыми мечтами. Ради утробы вашей матери, я хочу дознаться истины вашихъ словъ. Окажите мнѣ свое покровительство: пусть я вкушу хоть одну изъ этихъ сладостей, которыя, по вашимъ словамъ, составляютъ приданое нашей жизни. Увидимъ, изъ какой онѣ долины родомъ и по какимъ горамъ пасли свои стада.

— На мой глазъ и мою голову, отвѣчала царица кроткихъ духовъ. Итакъ, вѣдай, о сынъ Ребіевъ, что, по непреложной волѣ предопредѣленія, существованію человѣка, состоящаго въ общественной связи съ его родомъ, присвоены три великія сладости: сладость мщенія, сладость властвованія надъ подобными ему тва....

— Сладость мщенія!... воскликнулъ Антаръ съ неистовымъ восторгомъ, прерывая рѣчь перп. Да!... правда ваша: я чувствую, что мщеніе должно быть величайшею сладостью. Съ меня довольно этого. Если чѣмъ-либо одолжилъ я васъ, царица, позвольте мнѣ упоить душу этою сладостью. Болѣе ничего отъ васъ не желаю.

— Охотно! отвѣчала Гюль-Назаръ съ притворнымъ равнодушіемъ, въ которомъ отражалась досада. Возьми свою кобылу и поѣзжай въ степь. Тамъ упоишь душу этою сладостью. Когда опять захочешь быть нашимъ гостемъ, то пріѣзжай въ развалины Тедмора, и старайся уснуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь очутишься.

При сихъ словахъ, исчезли въ глазахъ юноши

волшебные чертоги, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на длинномъ, тесанномъ камнѣ, который могучимъ перстомъ времени столкнутъ съ вершины столбовъ полуразрушеннаго храма. При немъ стояли вѣрная Балька и новое копье, даръ таинственной хозяйки и залогъ будущихъ его подвиговъ. Щитъ и сабля лежали въ томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ ихъ поутру. Пылкій юноша схватилъ оружіе, сѣлъ на коня и помчался въ пустыню. Только свистъ сверкающихъ кремней и длинный столбъ пыли, похожій на дымъ, валящій съ костра, составленнаго изъ сыраго терновника, долго еще показывали его направленіе.

Жаркіе и холодные вѣтры неоднократно проносились надъ Шамскою пустынею; вешнія созвѣздія неоднократно пролили на нее пучины водъ изъ ночныхъ и дневныхъ облаковъ, а пески Тедмора не исчертились ни однажды слѣдомъ конскихъ копытъ. Никто изъ всадниковъ не оглашалъ пѣснью звучныхъ его развалинъ.... Вотъ ѣдетъ юноша на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. У него щитъ за плечами; на бедрѣ тяжелая, прямая сабля; лукъ его привязанъ сзади. Но видъ юноши печаленъ, и сердце движется въ немъ чаще, чѣмъ тонкая оконечность гибкаго и упругаго копья его, сдѣланнаго изъ огромной трости. Онъ поворачиваетъ къ Тедмору и вскорѣ исчезаетъ изъ виду между его колоннами.

Красный занавѣсъ виситъ въ алмазномъ чертогѣ; у краснаго занавѣса спитъ печальный юноша; за занавѣсомъ слышенъ милый, серебряный голосъ:

— Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Ребіевъ! Мы васъ ожидали съ нетерпѣніемъ.

— И съ вами миръ, о царица! говоритъ уныло сынъ пустыни. Да благословитъ Аллахъ ваши взоры! да зацвѣтутъ розы ваши на всѣхъ холмахъ сыпучаго песку!

— Вы нашъ гость, сказалъ голосъ.

— Я вашъ рабъ, сказалъ Бедуинъ и, послѣ нѣкотораго молчанія, примолвилъ: Я напоилъ душу сладостью мщенія — да надѣлитъ васъ, царица, Аллахъ здоровьемъ и благополучіемъ!... Точно, это большая, неизъяснимая сладость. Благодаря вашему покрову, я отмстилъ всѣмъ врагамъ моимъ. Тѣла ихъ валяются въ пустынѣ безъ погребенія, и стада врановъ и волковъ слѣдуютъ за мною повсюду, какъ за своимъ вождемъ. Мое имя наноситъ ужасъ и возбуждаетъ удивленіе по всѣмъ улусамъ: люди называютъ меня великимъ человѣкомъ, ибо никто не истребилъ ихъ столько, сколько я. Я купался въ крови и дышалъ вредомъ. При всякомъ пораженіи ненавистнаго мнѣ человѣка, громъ радости раздавался въ моей груди, и его отголоски, какъ ревъ тигра въ горахъ Акабы, долго еще потомъ повторялись въ пропастяхъ каменной души моей. Въ судорожныхъ корчахъ губъ врага, приколоченнаго копьемъ къ землѣ, я видѣлъ улыбку моей обиды: она прелестна!... хоть нѣсколько ужасна. Я садился среди убитыхъ мною клеветниковъ, лежащихъ на дымящемся кровью пескѣ, и бесѣдовалъ съ ними, какъ съ дорогими сердцу. О, никогда бесѣда съ любезнѣйшими и друзьями, съ нѣжною матерью, съ обожаемою лю-

бовницею, не можетъ быть слаще, веселѣе, восхитительнѣе той, какую находишь съ трупами своихъ злодѣевъ!... Мщеніе—большая сладость: я испыталъ ее въ полной мѣрѣ, и нахожу, что судьба не могла придумать ничего лучше, для услажденія томнаго бытія нашего на землѣ. По-истинѣ стоитъ родиться, чтобы хоть нѣсколько поотмстить роду человѣческому. Но эта единственная, почти небесная сладость, по несчастію, слишкомъ кратковременна. Упоеніе ея проходитъ какъ утреннііі туманъ, и она оставляетъ послѣ себя непріятное ощущеніе. Что мнѣ сказать вамъ, царица?... Когда смёлъ я съ лица земли всѣ противныя глазамъ моимъ твари; когда у меня не стало ни поводовъ къ мщенію, ни предметовъ ненависти, я почувствовалъ въ сердцѣ жестокую скуку и, среди свѣтлой, яркой, многолюдной пустыни, увидѣлъ себя окруженнымъ другою пустынею, необитаемою, мертвою, холодною, блѣдною, мрачною, гдѣ солнце — рокъ, вѣтеръ — страхъ, а роса — слезы. Я безпрестанно ощущаю на языкѣ соленый вкусъ человѣческой крови; кругомъ себя я обоняю запахъ смерти. Посмотрите на мои руки: на нихъ кожа засохла, будто отъ палящаго прикосновенія завистника. Кости во мнѣ кажутся не мои, а чужія, безжизненныя, окаменѣлыя: онѣ холодны и тяжелы, какъ костп измѣнника, занесенныя гіеною въ пещеру. Кровь горька, окисла, подобно водѣ покрытаго зеленою плѣсенью солончака: она мнѣ жжетъ жилы и въ горлѣ отзывается отчаяніемъ. Сырость убійства завелась въ моеіі груди, и я чувствую, какъ ржа красными зубами гры-

зетъ мое сердце и съѣдаетъ его мало-по-малу. Мнѣ хочется мстить.... я буду мстить самому себѣ, если вы не сжалитесь надо мною. Я пришелъ просить васъ, царица, чтобъ вы меня исцѣлили. Мщеніе большая сладость, но послѣдствія ея разрушительны.

— Это обыкновенныя послѣдствія всѣхъ наслажденій вашей жизни, сказала пери. Вѣдай, о сынъ Ребіевъ, что ядъ, оставляемый въ душѣ одною сладостью, не иначе истребляется, какъ пріемомъ другой сладости. Ихъ только три въ природѣ: всѣ прочія искуственны и требуютъ особеннаго напряженія умственныхъ способностей, чтобъ быть постигнутыми. Первая изъ сихъ естественныхъ сладостей, какъ я уже тебѣ говорила, есть сладость мщенія: ты вкусилъ ее; вторая, сладость властвованія надъ подобными себѣ существами; третья....

— Я хочу испытать эту вторую сладость, прервалъ пылкій Бедуинъ. Я увѣренъ, что она исцѣлитъ меня....

— Итакъ ты испытаешь ее, примолвила таинственная повелительница Тедмора. Поручаемъ васъ Аллаху!

— Да упрочитъ онъ ваше владычество! воскликнулъ витязь.

Занавѣсъ исчезъ. Антаръ опять уѣхалъ въ пустыню.

Спустя нѣсколько лѣтъ, всадникъ на гнѣдомъ конѣ еще разъ появился въ окрестностяхъ Тедмора. Онъ долго кружилъ около развалинъ, какъ-будто не рѣшаясь вступить въ черту разрушенія.

Видъ его казался еще грустнѣе прежняго. Онъ остановился; думалъ долго.... наконецъ прыгнулъ съ мѣста и быстро скрылся между высокими грудами земли и камней. Съ тѣхъ поръ никто уже не видалъ его въ пустынѣ: только въ алмазномъ чертогѣ раздались голоса: — «Къ царицѣ опять пріѣхалъ гость!... онъ уже не уѣдетъ отсюда.»

Гость сидитъ у краснаго занавѣса, погруженный въ мрачную думу; царица радушно привѣтствуетъ гостя:

— Миръ съ вами, Антаръ, сынъ Ребіевъ! Мы ждали васъ съ нетерпѣніемъ.

— И съ вами миръ, царица! отвѣчаетъ всадникъ. Я пріѣхалъ къ вамъ поклониться и поблагодарить за вашу милость. Я испыталъ сладость властвованія надъ своими ближними: она велика, удивительна и едва ли не пріятнѣе самой сладости мщенія. Оставивъ чертогъ вашъ, я признанъ былъ главою и повелителемъ безчисленныхъ поколѣній, которыя соединились у моего копья, и составили народъ сильный, храбрый и богатый. Я предводительствовалъ имъ на полѣ брани, и самовластно управлялъ имъ изъ моей ставки во время мира. Начальники и богатыри его толпились у ея веревокъ, съ благоговѣніемъ ожидая моихъ приказаній. Нѣтъ ничего восхитительнѣе, какъ видѣть тысячи тысячъ подобныхъ вамъ тварей, движущіяся по вашему слову, волю свою почерпающія изъ общаго источника вашей воли и, для исполненія вашихъ мыслей, охотно жертвующія своими мыслями, имуществомъ и жизнію. Властелинъ поистинѣ чувствуетъ себя духомъ и тѣломъ вы-

ше человѣка: понятія его возвеличиваются, страсти облагораживаются и теряютъ всю свою вредную силу, отъ легкости удовлетворить имъ, и его желанія уподобляются желаніямъ самой добродѣтели. Обладаніе всѣмъ поселяетъ въ его душѣ спокойствіе, и клонитъ ее къ великодушію, къ щедрости, къ распространенію собственнаго ея счастія на все окружающее ее, — словомъ, ко всеобщему благу. Но тутъ и рубежъ сладости: за нимъ начинается горечь, страшная, убійственная, отравляющая своимъ ядомъ дражайшія минуты его жизни. Едва примется онъ за дѣло блага, какъ тотчасъ примѣчаетъ, что тѣ же самые, коихъ такъ пламенно желалъ онъ составить истинное благополучіе, не умѣютъ и не хотятъ возвыситься до его образа мыслей, ни понять его сердца, и съ высоты своего престола открываетъ у ногъ своихъ отверзтый адъ пронырства, гдѣ днемъ и ночью пылаютъ низкія страсти, поглощающія всѣ его благодѣянія? гдѣ лучшія его намѣренія мгновенно пережигаются въ гнусный уголь личной корысти сильнѣйшаго или проворнѣйшаго. Послѣ долгаго и утомительнаго боренія съ усиліями людей всячески воспрепятствовать упроченію благоденствія ихъ рода, онъ чувствуетъ усталость, исполняется негодованія, начинаетъ презирать людей, и съ того времени становится несчастнымъ. Это именно случилось и со мною. Я скоро убѣдился, что тѣ, которыхъ допускалъ я къ себѣ, старались только дѣлать меня орудіемъ своей жадности или средствомъ къ погибели своихъ враговъ, и мученія недовѣрчивости растерзали мою душу. Безпрестанное зло-

употребленіе моей снисходительности поставило меня въ необходимость быть строгимъ и неприступнымъ. Я зналъ, какъ меня обманывали, какъ вокругъ меня разставляли сѣти и заводили пружины, чтобы поймать мою улыбку, которою потомъ безстыдно торговали въ народѣ: это поселило во мнѣ отвращеніе, лишило меня даже удовольствія смѣяться, и я, среди шумнаго сборища, среди моего могущества, увидѣлъ себя одинокимъ, безсильнымъ, обремененнымъ тяжестью безполезной власти, преслѣдуемымъ блѣдными привидѣніями подозрѣній, опасностей, измѣны. Сначала воля моя еще находила нѣкоторую пріятность въ испытаніи повиновенія моихъ приверженцевъ; но, впослѣдствіи, ихъ раболѣпство отняло у нея и это утѣшительное занятіе: она уже носилась и господствовала лишь въ пустомъ воздухѣ, не хватая головъ ихъ, потому-что они ползали слишкомъ низко. Тогда скука и пресыщеніе ввергли меня въ пропасть своенравія, котораго развлеченія, насильственныя и изысканныя, измучили мой умъ и чувства, и сердце мое, засохшее, обожженное снаружи и пустое внутри, подобно зрѣлому яблоку колокинта, растущаго у подножія скалы, лопнуло съ трескомъ и распрыскало въ душѣ моей черныя, язвительныя сѣмена отчаянія. Нѣсколько разъ хотѣлъ я бросить и княжескіе шатры, и своихъ подвластныхъ, и бѣжать въ горы; но какая-то невидимая сила, вопреки моему убѣжденію, приковывала меня къ моему сану. Въ этой сладости властвованія, я вижу, таится тонкій, летучій огонь, который безпрестанно жжетъ вамъ сердце, дер-

житъ чувства въ опьянѣніи и возбуждаетъ въ горлѣ неутолимую жажду, невольно увлекающую уста ваши къ горькоії чашѣ повелительства. Наконецъ, я восторжествовалъ надъ самимъ собою, покинулъ все и прилетѣлъ къ вамъ, велпкая царица, просить, чтобъ вы исцѣлили мою душу. Я стражду неимовѣрнымъ образомъ: сладость властвованія произвела во мнѣ смертельную тошноту, которая душитъ, давитъ, убиваетъ меня; но мнѣ все еще хочется властвовать, управлять, приказывать, располагать судьбою моихъ ближнихъ: я не могу жить безъ власти, и оставивъ ее, мнѣ кажется, что я безразсудно отрекся отъ воздуха, воды и солнца.

— Ты страждешь естественнымъ слѣдствіемъ этоії сладости, сказала пери. Въ доказательство моеії къ тебѣ благодарности, я душевно желала бъ исцѣлить твою душу; но ты знаешь, о сынъ Ребіевъ, что ядъ, выжатыії въ сердцѣ изъ одноії сладости, уничтожается только вкушеніемъ другоії. Ты уже испыталъ ихъ двѣ: рѣшаешься ли испытать третью? Но предваряю тебя, что и эта третья сладость — великая, сильная, даже очаровательнѣе всѣхъ прочихъ —также оставляетъ послѣ себя ужасную, нестерпимую горечь, и — что̀ важнѣе — этоії горечи, когда она однажды отравитъ душу, уже ничѣмъ усладить невозможно.

— Я на все рѣшаюсь, воскликнулъ Антаръ съ жаромъ. Напрасно пожелалъ я вкусить первую сладость: лучше бы мнѣ всю жизнь оставаться несчастнымъ, какъ былъ въ молодости, не зная ни одноії изъ сладостей, опредѣленныхъ намъ судь-

бою; но когда я отравилъ себя одною изъ нихъ, то уже хочу испытать ихъ до послѣдней. Пусть мой трупъ, напитанный ядомъ всѣхъ сладостей нашей жизни, валяясь въ пустынѣ безъ погребенія, служитъ отравою для волковъ и ястребовъ; пусть отвѣдаютъ они горькаго тѣла человѣка, вскормленнаго хлѣбомъ страстей, называемыхъ у насъ нѣжными, возвышенными и благородными, и перескажутъ товарищамъ своимъ въ горахъ Емамы, каковъ вкусъ людскаго счастія. Какъ называется эта третья сладость?...

— Любовь, отвѣчала перп.

— Любовь?... вскричалъ Бедуинъ. Неужто любовь сладость?... Я всегда почиталъ ее мученіемъ.... Ахъ, царица, я уже испыталъ любовь!... Тому лѣтъ десять, на берегу потока, вблизи коего чернѣлись юрты враждебнаго мнѣ поколѣнія, встрѣтилъ я дѣвицу райской красоты, въ длинномъ синемъ покрывалѣ, свободно накинутомъ на голову, изъ-за котораго, при всякомъ дуновеніи вѣтра, мелькало лице свѣжѣе и прелестнѣе полной луны, появляющейся ночью изъ-за тучи и немедленно скрывающейся за другою. Она черпала воду, и когда стояла, то станъ ея, ровностью своею, пристыжалъ трости, росшія въ руслѣ потока; когда сгибалась или двигалась, то ея тѣло казалось гибче черной змѣи, прыгающей по раскаленному полуденнымъ зноемъ песку. Въ большихъ, круглыхъ глазахъ ея мерцалъ тотъ же ясный, волшебный лучъ нѣги, какой сверкаетъ изъ взоровъ лани, поворачивающей гладкую, лоснящуюся свою шею, чтобы глядѣть на бѣлаго птенца, повисшаго у сосцевъ ея.

Ослѣпленный блескомъ ея лица, я стоялъ неподвижно, какъ столбъ, указывающій путь въ пустынѣ; наконецъ рѣшился подойти къ ней и вступить въ разговоръ. Она ласково отвѣчала на мои вопросы, выслушала съ пріятною улыбкою мою клятву любить ее до самой смерти, и назначила свиданіе на слѣдующій день въ томъ же мѣстѣ; потомъ подняла на голову свой сосудъ съ водою, и удалилась въ улусъ. На другое утро, я пришелъ, но она не являлась: ея уже не было въ той странѣ, и юрты того поколѣнія исчезли ночью съ береговъ потока. Тщетно искалъ я ея въ цѣлой пустынѣ: никто не могъ сказать мнѣ, куда она дѣвалась. Но образъ ея съ того времени не разставался болѣе со мною: я носилъ его въ душѣ, лелѣялъ въ сердцѣ и усыплялъ въ своей крови. Сколько разъ ни находился я въ опасности, всегда призракъ ея представлялся явно моимъ взорамъ и, казалось, защищалъ меня отъ ярости превозмогающаго непріятеля. И мстя людямъ копьемъ, и попирая ихъ властію, не переставалъ я искать ея, думать объ ней и плакать. Съ нею только могъ бы я ощущать сладость любви, ежели въ любви есть какая-нибудь сладость; но, безъ сомнѣнія, не увижу ея болѣе. Это, я думаю, было только привидѣніе, колдовство старой Шарман, извѣстной во всемъ Хеджазѣ вѣдьмы, сына коей убилъ я въ единоборствѣ на копьяхъ....

Въ пылу разсказа о прекрасной незнакомкѣ, Антаръ не примѣтилъ, что красный занавѣсъ раскинулся, и что всѣ, бывшіе въ комнатѣ, поверглись на землю предъ лицемъ показавшейся цари-

цы. Но, когда печальныя воспоминанiи пресѣкли его голосъ, онъ нечаянно приподнялъ голову, и взоръ его столкнулся съ блескомъ новооткрывшагося зрѣлища, которое потрясло его душу соединеннымъ ударомъ удивленiя и восторга. На пышномъ престолѣ, сiяющемъ золотомъ и алмазами, сидѣла та же Бедуинка въ синемъ покрывалѣ, о которой онъ разсказывалъ.

— Да проклянетъ меня отецъ! вскричалъ онъ быстро, срываясь съ софы. Аллахъ, Аллахъ!... это чародѣйство!...

— Успокойтесь, сынъ Ребiевъ, сказала она умильнымъ голосомъ: узнайте въ нелицезримой царицѣ Тедмора ту простую дочь пустыни, которая назначила вамъ свиданiе на берегу потока, которая охраняла васъ въ опасностяхъ и невидимо исполняла ваши мысли. Я та газель, которая, послѣ пораженiя вами злобнаго джинна, хотѣла изъявить вамъ свою признательность, ласкаясь у ногъ вашихъ. Будьте не гостемъ, а хозяиномъ въ нашемъ домѣ. Здѣсь давно ожидала васъ сладость любви, которую пожелали вы узнать такъ поздно, уже послѣ всѣхъ другихъ сладостей.

Она встала, подошла къ нему, и, взявъ его за руку, посадила возлѣ себя на престолѣ. Онъ все еще не вѣрилъ своему счастiю, когда занавѣсъ снова сомкнулся и отдѣлилъ ихъ отъ свидѣтелей.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Антаръ и Гюль-Назаръ сидѣли у окна, выходящаго въ садъ, пользуясь свѣжестью прекраснаго вечера. Онъ держалъ ее въ своихъ объятiяхъ. Огненные его взоры, вон-

зясь въ розовыя щеки и роскошную грудь перп, жадно впивали изъ нихъ видъ очаровательныхъ прелестей, подобно тому, какъ свѣтлая радуга впиваетъ воду изъ лужи, образованной дождемъ на краю нагой пустыни. Дрожащія отъ страсти уста напечатлѣвали на нихъ пламенные поцѣлуи, коихъ жаръ проникалъ до самаго сердца счастливой супруги. Вдругъ Антаръ судорожно прижалъ ее къ своей груди.

— Другъ мой!... вскричалъ онъ: теперь я подлинно увѣренъ, что въ жизни человѣческой нѣтъ ни одной сладости, которая могла бы сравниться съ сладостью любви, раздѣляемой обожаемымъ предметомъ. Она все наше существованіе наполняетъ неизъяснимою кротостью, истинно весеннимъ веселіемъ, не оставляя въ тѣлѣ ни малѣйшаго уголка для злобы, ни для печали. Кровь въ жилахъ становится сладка, какъ сокъ сахарной трости, и мечта принимаетъ виды красивѣе, плѣнительнѣе, разнообразнѣе бѣлаго тумана, являющаго въ степи въ жаркое утро обманчивую картину озеръ, деревьевъ, замковъ и городовъ съ куполами и минаретами. Душа пылающаго любовью, находится въ своемъ цвѣтѣ и дышитъ багровымъ, благовоннымъ счастіемъ розы, распускающейся подъ лучами восходящаго солнца. Но я знаю, чѣмъ оканчиваются наши сладости, и ты сама предварила меня о немпнуемыхъ слѣдствіяхъ той, которую такъ сильно теперь ощущаю. Я боюсь яда, остающагося на днѣ сердца послѣ ея испаренія; боюсь новыхъ душевныхъ страданій, хуже чѣмъ голодной смерти, и умоляю тебя поту-

шить мою жизнь послѣднею каплею этой сладости, коль скоро примѣтишь во мнѣ, что уже горечь начинаетъ въ ней пробиваться. Поклянись мнѣ, что исполнишь мое желаніе!

Пери бросилась къ нему на шею, страстно слѣпила уста свои съ его устами и, послѣ долгаго.... долгаго и выразительнаго молчанія, отрывая ихъ съ болью, дрожащимъ голосомъ, подавляемымъ слезами, произнесла: «Клянусь!»....

Еще минули годы. Антаръ лежитъ на мягкой и благовонной постели возлѣ прелестной пери, и держитъ ея руку въ своихъ рукахъ; но онъ, кажется, скучаетъ. Уста его молчатъ; глаза, руки молчатъ тоже; мысль его блуждаетъ въ пустынѣ. Вѣрная пери смотритъ на него съ состраданіемъ, прискорбіемъ, любовью; теплые лучи ея взоровъ уже не разогрѣваютъ души Антара. Она роняетъ двѣ крупныя слезы, и страстно оплетаетъ его своими руками. Онъ, какъ-будто пробужденный отъ сна внезапнымъ ударомъ крови, бросается въ ея объятія, и краснѣетъ при мысли о своей холодности. Огонь ея сильною искрою перелетѣлъ въ его сердце. Любовь взволновала въ немъ всю жизнь, и зажгла ее радужнымъ пламенемъ роскоши; потомъ погрузила ее въ упоеніе — сладкій составъ чувствъ сна, обморока и смерти, минутный образецъ райскаго благополучія, — и Антаръ, прикованный къ устамъ пылкой любовницы, нѣжно уснулъ на ея груди, уснулъ навсегда!... Пери, съ послѣднимъ поцѣлуемъ, вдохнула въ себя его душу, и соединила ее съ своею собственною. Она исполнила свой обѣтъ. Душа Антара будетъ вѣчно жить

любовію въ душѣ его подруги, не вкусивъ горечи, слѣдующей за удовольствіями этой страсти въ земномъ быту человѣка.

Жизнь его вдругъ погасла, но въ его тѣлѣ, и послѣ смерти, всѣ жилы долго еще дрожали отголоскомъ счастія послѣдней минуты, подобно тому, какъ звукъ послѣдняго удара въ христіанскій колоколъ длится безконечно въ глухихъ горахъ Ливана. Вѣрная пери не выпускаетъ его изъ своихъ объятій. Она страстно жметъ къ сердцу холодный трупъ любовника, обливая его горячими слезами: жаръ ея согрѣвастъ мраморную его поверхность, и холодный трупъ еще ощущаетъ сладость любви на своей поверхности.

Члены его посинѣли, тѣло уже отпадаетъ отъ костей, но пери все-еще съ нимъ не разстается. Она нѣжно поддерживаетъ руками бренные останки возлюбленнаго человѣка, и приклоняетъ ихъ къ бѣлой какъ молоко груди своей. Она никогда не разлучится съ тѣмъ, кого такъ пламенно любила. Счастливый человѣкъ!...

Вотъ уже Антаръ превратился въ бѣлый, сухой, безобразный оставъ. Она, однакожъ, ни на минуту не разнимала рукъ, коими опоясала его при смерти, и сухія кости любовника, осыпаемыя ея поцѣлуями, неоднократно проникались чувствомъ сладчайшей нѣги.

Но и кости истлѣваютъ. Кости Антара истлѣли, а сердце доброй любовницы не измѣнилось. По истеченіи многихъ столѣтій, еще могли бъ вы увидѣть кроткую пери, неподвижно лежащую на томъ же мѣстѣ, гдѣ она въ послѣдній разъ упоялась

счастіемъ любви въ его объятіяхъ. Одною рукою подпирала она прелестную свою голову, осѣненную черными, распущенными волосами; въ другой она держала горсть сѣрой пыли, весь остатокъ великаго между людьми Антара. Она умильно смотрѣла на эту горстку летучаго праха: изъ глазъ ея упала на него слеза, и прахъ любимаго смертнаго, мгновенно обвиваясь кругомъ посланца сердца любезной, еще разъ закипѣлъ сладостію.

1832.

НЕЗНАКОМКА.

НЕЗНАКОМКА.

СТАТЬЯ ДЛЯ МОЕГО ХОЗЯИНА.

—

Кто я такая? откуда? гдѣ живу? чѣмъ занимаюсь?...

Это моя тайна.

И не скажу вамъ, ни гдѣ я служу, ни въ какомъ чинѣ, ни сколько за мною душъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, потому-что я васъ знаю: съ вами надо осторожно!!

Я ни духъ, ни человѣкъ, ни пророкъ, ни камеръ-юнкеръ, ни гробовой камень, ни странствующій Еврей, который никогда не умираетъ, ни отставной съ полнымъ пенсіономъ чиновникъ, который живетъ безконечно наперекоръ всѣмъ казначействамъ; ни судья, ни судейская любовница, ни авторъ, ни шарлатанъ, ни шпіонъ, ни проныра, ни безсмѣнный кандидатъ на мѣстечко, ни засаленный философъ, ни наряженная куклою актриса, ни модная графиня, ни даже членъ вольнаго экономическаго общества,—но я какъ-то на всѣхъ ихъ похожа, всѣхъ ихъ качества соединяю въ себѣ по немножку. Живу, живу, безъ конца, безъ оста-

новки, и вездѣ рыскаю, и вездѣ лажу, и важничаю, и подслушиваю, и произношу приговоры, и заставляю кривить мнѣніемъ, и при случаѣ беру взятки; угождаю, любезничаю, жеманюсь, мѣняю любовниковъ и купаюсь въ грязи; занимаю мѣсто въ ученомъ кругу, и ничего не дѣлаю, и благополучно гнію въ забвеніи.

Право, я существо очень забавное!...

Я видѣла то, чего вы не видали, и еще увижу многое, чего вы уже не будете видѣть; видѣла тѣ времена, когда густоій, непроницаемый мракъ носился надъ нашею Русью; была свидѣтельницею, какъ онъ постепенно прояснялся, и, безъ-сомнѣнія, доживу до тоій минуты, когда разсѣется онъ совершенно. Не торопитесь: это еще не скоро будетъ!...

Лѣта отъ Рождества Христова 1700, Россія, ведомая рукою безсмертнаго генія, прибыла на кровавый рубежъ своей, заросшей лѣсами и предразсудками древности и я видѣла, какъ она, ставъ на немъ, съ дѣтскимъ трепетомъ направляла своі первый шагъ въ область новаго быта и новоі исторіи. Россія была тогда похожа на пространную пустыню съ селеніями и городами. Въ ея воздухѣ висѣлъ холодный туманъ невѣжества, умъ дремалъ въ сыроі темнотѣ, воображеніе ржавѣло, понятія были покрыты монастырскою плѣсенью. Общество было тогда важное, лѣнивое, вялое, церемонное, грубое, сердитое, самонадѣянное, безъ мысли, безъ жизни, безъ цѣли, безъ долговъ, безъ лентъ и безъ надежды. Оно молчало и дулось; ѣло жирно, пило медъ ушатами, пило романею ведра-

ми, чванилось, ползало и зѣвало во весь ротъ отъ скуки; потягивалось, гладило себѣ бороду и сладостно смыкало глаза, приклонивъ голову къ нѣжной, похотливой груди порока. Вдругъ, потрясенное искрою дикой забавы, оно бурно срывалось съ постели и, съ рогатиною въ рукѣ, по цѣлымъ суткамъ гонялось за волкомъ и за медвѣдемъ. Потомъ оно опять зѣвало, и опять ложилось спать, и спало мертвымъ сномъ, обложенное подушками старыхъ привычекъ и прикрытое съ головою теплымъ одѣяломъ народной гордости, презирающей все нѣмецкое, некрещеное, басурманское.

Такъ точно спало оно, когда исполинъ сѣвера, не будучи въ состояніи разбудить его, мощными руками схватилъ его, и вмѣстѣ съ нимъ всю Россію, поднялъ ихъ на воздухъ, показалъ изумленному свѣту и переставилъ на край своихъ владѣній — на мокрые, темные, лѣсистые берега Невы. Я была очевидцемъ, какъ, подъ его топоромъ, по мановенію твердой, желѣзной его воли, съ трескомъ падали отягощенныя снѣгомъ сосны, валились на землю дремучія бороды, кушаки лопались, длинныя пòлы платья обрывались, бобровыя шапки слетали въ грязь, болота засыпались соснами, бородами, кушаками и бобровыми шапками; мгла исчезала, и русская земля открывалась, тучная, плодоносная, богатая, и русское небо озарилось первымъ лучомъ просвѣщенія.

Грóуды сломанныхъ предразсудковъ и изорванныхъ ферязей загромоздили на нѣкоторое время все пространство острыми и окровавленными своими обломками; но, изъ этого мгновеннаго разру-

шенія, при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, возстали новая столица, новая Россія и новое общество, выбритое, вымытое, завитое, напудренное, надушенное о-де-колономъ, вызолоченное по всѣмъ швамъ и прорѣхамъ, въ огромномъ парикѣ, въ чулкахъ, блондахъ и комплиментахъ, съ тонкою шпагою подъ фракомъ, съ трех-угольною шляпой подъ мышкою, со звѣздою на груди, съ великими предначертаніями въ умѣ и съ руками въ штанахъ; общество плечистое, румяное, здоровое такъ, что стыдно! — полу-французское, полу-голландское, полу-монгольское, неловкое, неповоротливое, забавное; шаркающее ногами на манеръ парижскихъ маркизовъ и нарѣзывающееся наливками по-владимірски, вѣжливо цѣлующее жирную ручку у боярынь и разбивающее кулакомъ носъ своему секретарю; такое, у котораго не было ни тона, ни приличій, ни докторовъ, ни спазмовъ, ни словесности, ни памятниковъ, ни французскихъ актрисъ, ни банкротскаго устава; но общество юное, пылкое, сильное своею новостью, но общество не пресыщенное удовольствіями, не хвастающее своею опытностью въ развратѣ, не истасканное славою, величіемъ, ни уничиженіемъ, вѣрющее въ величіе и въ добродѣтель, и жадное славы, и воспламененное любовію къ отечеству, къ познаніямъ, ко всему полезному и великому; общество, исполненное дѣятельности, надежды, и еще дышащее творческимъ огнемъ новаго Прометея, который его создалъ.

Въ минуту рожденія этого общества, родился надъ его колыбелью, и его ангелъ-хранитель, —

духъ сатиры: онъ рождается вмѣстѣ со всякимъ человѣческимъ обществомъ; — духъ рѣзвый, веселый, игривый, насмѣшливый, съ розовыми крыльями, съ змѣинымъ жаломъ, съ язвительною улыбкою, злой какъ чортъ, легкій какъ бабочка, полезный какъ ядъ въ сильныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. Онъ смѣшитъ, забавляетъ, оживляетъ общества: садится у нихъ на плечѣ какъ обезьяна, и дразнитъ ихъ гордость, чванство и пороки; вскакиваетъ имъ на голову, когда они стоятъ передъ зеркаломъ, и, кривляясь, представляетъ имъ фигуры всѣхъ ихъ глупостей; потомъ надѣваетъ дурацкій колпакъ и, на площадяхъ, издѣвается надъ черными, оборванными страстями простолюдина; потомъ, подвязываетъ себѣ бороду Демокрита, взлѣзаетъ на золоченныя ручки креселъ зазнавшейся знати и тормошитъ ея самолюбіе за носъ, какъ ручнаго медвѣдя. Онъ развеселяетъ, щиплетъ, терзаетъ, бѣситъ и исправляетъ общества; онъ поддерживаетъ ихъ жизнь и не рѣдко спасаетъ ихъ отъ смерти.

Онъ носился въ воздухѣ надъ обществомъ, слѣпленнымъ наскоро основателемъ Новаго Сѣвера, порхалъ, наблюдалъ и улыбался. Онъ могъ бы найти въ немъ обильную для себя пищу, пошутить надъ его школьническою неловкостью, обрызгать желчью и смѣхомъ кучу переселившихся въ него странностей и оставшихся отъ прежняго штата предразсудковъ; но онъ не хотѣлъ огорчать его юности, не смѣлъ останавливать его развитія: онъ только исчислялъ его усилія и его успѣхи, и удивлялся благородству чувствъ и чистотѣ намѣре-

ній, украшавшихъ первые годы его существованія. И сама сатира принуждена была смотрѣть съ уваженіемъ на дивное произведеніе рукъ Великаго, и не примѣчать недостатковъ.

Но когда это общество взросло, возмужало и укрѣпилось; когда со-временемъ, забывъ высокое свое начало, оно занялось составленіемъ особыхъ для себя пороковъ, и вздумало еще объявлять требованіе на изящность вкуса; когда имъ завладѣли развратъ и Бироны, которые продавали свои милости на вѣсъ срама и, для удобности народнаго подражательства, взявъ на себя поставку образцовъ смѣшнаго и преступнаго, подражателямъ отрѣзывали языки за замѣчанія: тогда и духъ сатиры, оставя прежнюю свою снисходительность, ревностно принялся за дѣло, чтобъ оградить своего питомца отъ дальнѣйшей порчи. Онъ сталъ бѣгать, суетиться; порицалъ странности, обнаруживалъ злоупотребленія, посрамлялъ распутство, ободрялъ негодованіе добродѣтели — и произвелъ Кантемира: народная нравственность была ему за то благодарна.

Но вскорѣ, для переодѣтой въ европейскій кафтанъ Россіи, наступилъ вѣкъ другаго рода: общество вдругъ приняло совершенно новый видъ. Это былъ вѣкъ колоссальный во всѣхъ отношеніяхъ; вѣкъ необозримыхъ воинскихъ и гражданскихъ подвиговъ, славы, блеска, счастія и могущества; вѣкъ мудрыхъ учрежденій, большихъ затѣй, свѣтской образованности, жалованныхъ имѣній и огромныхъ брильянтовыхъ пуговицъ. Въ столицѣ, въ уѣздахъ, въ совѣтѣ, въ словесности,

вездѣ видны были чрезвычайныя усилія, смѣлый духъ предпріятія, трудолюбіе, ожиданіе и даже успѣхи. Все двигалось, все стремилось, дополняло начатое отцемъ Европейской Руси: все было великолѣпно и удивительно, какъ въ Тысячѣ Одной Ночи. Роскошь, любезность и остроуміе, блестящимъ своимъ лоскомъ закрывали въ событіяхъ и произведеніяхъ и тѣ даже неисправности, конхъ сила внезапно пробужденнаго ума не могла устранить или избѣгнуть. Общество было тогда завалено великими людьми, великими мотами и великими льстецами; философами, франтами, честолюбцами, педантами, красавцами, повѣсами и невѣрными супругами; эмигрантами, игроками, обжорами, хвастунами, племянниками, гордецами, гостепріимными должниками и предлинными романами. Люди умствовали, пудрились, любезничали, писали французскіе стихи, играли въ ломберъ, сочиняли русскія книги, печатали, превозносили напечатанное и не читали. Читатели явились позже. Въ такомъ обществѣ и Духъ Сатиры не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Онъ прикинулся фонъ-Визинымъ; онъ подстрекнулъ автора Ябеды; бросился, какъ ястребъ, на лихоимство, на лѣнь, на тщеславіе, и измялъ ихъ въ своихъ когтяхъ; бросился на старые и молодые предразсудки, и погналъ ихъ передъ собою, какъ стаю зловѣщихъ вранов. Онъ грозилъ, докучалъ порокамъ; шипѣлъ на нихъ змѣею, надоѣдалъ имъ своими шутками, надоѣдалъ притворнымъ состраданіемъ; горстями металъ имъ въ лицо насмѣшки, выливалъ имъ на голову презрѣніе; кололъ ихъ въ бокъ, кололъ сзади остро-

тами, какъ раскаленнымъ жегаломъ, и хохоталъ при видѣ ихъ мученій и, хохоча, клеймилъ ихъ еще на лбу безчестіемъ. Такимъ именно образомъ содѣйствовалъ онъ усиліямъ незабвенной Покровительницы всего честнаго, всего законнаго, всего русскаго, облегчалъ, приготовлялъ слѣдствія великихъ ея начинаній, очищалъ путь ея къ безсмертію, и она платила ему признательностью за его доброе содѣйствіе.

Этотъ вѣкъ и это общество исчезли въ одинъ сутки. Проснувшись однажды поутру, съ удивленіемъ увидѣла я Россію тихою и спокойною, какъ озеро во время безвѣтрія — Россію безъ музыки, безъ шума, безъ мадригаловъ, безъ громкихъ и веселыхъ толковъ, даже безъ круглой шляпы. Она смирнехонька сидѣла надъ книгою, подъ которою были спрятаны недометанная колода картъ и изломанныя на всѣ углы понтёрки, и, въ философскомъ безмолвіи, училась пользоваться благодѣяніями подареннаго ей вчера на балѣ, при звукѣ трубъ и скрипокъ, просвѣщенія. Духъ Сатиры улетѣлъ за облака, съ насморкомъ, полученнымъ отъ такой внезапной перемѣны въ воздухѣ; но сѣмена блага, тщательно и умно воспитываемыя верховною мудростью, быстро развились на плодоносной русской почвѣ, и скоро украсили ее своими цвѣтами. Занятія получили новое направленіе, и усовершались въ тишинѣ кабинетовъ. Явился Карамзинъ — слѣдствіе и итогъ тогдашней отечественной образованности и просвѣщенія; — съ нимъ явился новый русскій языкъ, сильный, плавный, пріятный, ясный; звонкій какъ серебро, сіяющій

какъ хрусталь безчисленными радужными отливами свѣта; чистый, гладкій, гибкій, ваятельный, подобно слоновой кости;—за языкомъ явились толпою поэты, прозаики и читатели; старая Европа поздравила Россію съ настоящею словесностью, съ словесностью, истинно-достойною этого имени. Все это случилось вскорѣ послѣ баловъ, въ исходѣ великаго поста, наступившаго по шумной маслянницѣ прошлаго вѣка. Иногда бываетъ полезно и посидѣть минутку дома: ну, что̀ бы было, ежели бъ мы до сихъ поръ все танцовали?...

Что̀ жъ подѣлываетъ за облаками нашъ любезный Духъ Сатиры?... Онъ забылъ вовсе о нашемъ обществѣ; онъ отдаетъ его на жертву Пороку, гордо приподнимающему голову въ отсутствіи своего злодѣя!... Нѣтъ, онъ помнитъ объ немъ и о своихъ обязанностяхъ; онъ не оставитъ насъ въ опасности. Онъ смотритъ на насъ съ умиленіемъ съ высоты свѣтлаго своего убѣжища, радуется успѣхамъ ума въ участкѣ человѣчества, ввѣренномъ его попеченію, и точитъ на ядовитомъ брускѣ оружіе для его защиты. Скоро опять увидимъ мы его между нами, увидимъ въ полномъ блескѣ свѣжести, веселости, злости, остроумія, какъ еще никогда не видали. Пора! пора! прибывай къ намъ поскорѣе, Духъ проказливый, благотворный; скинь свои чулки и бархатный кафтанъ съ длинной таліей, остриги свой феодальный тупей, продай бриллянтовыя пуговицы для покупки англійской простоты и, нарядясь въ черный фракъ и просторные брюки, закутавшись въ испанскій плащъ, какъ нѣкогда Асмодей, пришпивъ ленточку къ петлицѣ,

спустись къ намъ, твоимъ любимцамъ, бросься стремглавъ въ нынѣшнее наше общество, ловкое, щегольское, чинное, обходительное, лицемѣрное; воспитанное, начитанное, недоученое, украшенное множествомъ почетныхъ знаковъ, крѣпко убѣжденное въ своей безпорочности даже со стороны нравовъ; хлопотливое, суетящееся, жужжащее, ворчащее, важное, молчаливое, чиновное; нагруженное поверхъ дѣлами, проектами и долгами, занимающее все повсюду, закладывающее все и всячески, замаранное чернилами, не иначе располагающее свои мысли и надежды, какъ по канцелярскимъ формамъ, не иначе судящее о теченіи времени, какъ по числу сыгранныхъ роберовъ виста—общество, тощее какъ выписка изъ дѣла, покорное какъ донесеніе, и съ лицомъ разстроеннымъ какъ у большаго шлема. Приходи, о Духъ Сатиры! найдешь у насъ Великаго Преемника твоей несравненной Покровительницы, который ободритъ и защититъ тебя такъ, какъ ободряетъ и защищаетъ Онъ добродѣтель, дарованія, полезное и заслуги. Поди, рыщи по гостинымъ, по спальнямъ и судилищамъ; заглядывай въ переднія пронырства, отыскивай порокъ въ послѣднемъ его убѣжищѣ, забавляй, смѣши, коли. Что̀ долго думать?... говори намъ хоть басни: умъ нерѣдко бывалъ принужденъ притворяться дуракомъ, чтобъ заставить выслушать себя. Сотвори для насъ Крылова: въ этомъ твореніи превзойдешь ты и твоихъ соперниковъ, что̀ за-моремъ, и самого себя.

Онъ выслушалъ наши просьбы, и далъ намъ великаго баснописца. Вѣдайте жъ люди, что тотъ важный,

достопочтенный Крыловъ, котораго вы всѣ знаете и любите; тотъ маститый, умный старецъ, котораго часто встрѣчаете на Невскомъ Проспектѣ, расхаживающаго въ шубѣ среди огромнаго стада львовъ, волковъ, лисицъ, куръ, овецъ, лещей и медвѣдей; который, проходя мимо васъ, шепчетъ вамъ на ухо, что у васъ ротъ немножко замаранъ кровью и на усахъ торчитъ еще куриный пушокъ, и между-тѣмъ въ глазахъ вашихъ читаетъ драму новой замысловатой басни—тотъ самый Крыловъ есть не что́ иное, какъ третье и великое воплощеніе этого милаго, блистательнаго, колкаго, остроумнаго бѣса. Вы улыбаетесь?... Я вамъ говорю это: можете мнѣ повѣрить.

И восхищенный своимъ дѣломъ, веселый ангелъ-хранитель нашихъ нравовъ, не ограничился одними баснями. Онъ закрылъ себѣ лицо потѣшною маскою Комуса, и заговорилъ сквозь смѣлыя уста Грибоѣдова: Горе отъ ума явилось на горизонтѣ, какъ грозная комета, влекущая за собою массу свѣта, мрачныхъ пророчествъ и страха; потомъ схватилъ онъ еще перо романиста и написалъ Ивана Выжигина: написавъ, онъ прочиталъ его и—самъ ужаснулся! Вы кричите противъ этихъ двухъ произведеній, особенно противъ послѣдняго...? Кричите, кричите!—тѣмъ не менѣе они сдѣлали большой переворотъ въ вашихъ нравахъ и понятіяхъ, и я, стоя внѣ вихря, въ которомъ вы кружитесь, вижу всю ихъ пользу, могу съ достовѣрностью сказать объ ихъ спасительномъ на насъ дѣйствіи. Вы того не примѣчаете?... И не удивительно!—вы и того не примѣчаете, что катитесь въ пространствѣ вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ, а думаете, что

солнце на то только и создано, чтобы вертѣться мельницею кругомъ вашего самолюбія и вашихъ нелѣпостей.

Но теперь ужъ навѣрное спросите вы у меня сурово, кто я такая, что смѣю говорить вамъ такъ дерзко, безо всякихъ чиновъ?... Извольте: теперь я скажу вамъ правду.

Я книга; я сама Сатира. Стою у моего хозяина, А. Ф. Смирдина, въ его библіотекѣ для чтенія, по лѣвую сторону дверей залы, въ среднемъ шкафу, на второй полкѣ, и готова дать вамъ отвѣтъ во всякое время. Приходите ко мнѣ; потолкуемъ!...

Между-тѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ разскажу вамъ исторію моей жизни—гдѣ была, какъ жила, что̀ дѣлала и какъ теперь провожу время. Умолчу только о моемъ заглавіи: заглавіе въ книгѣ не болѣе значитъ, чѣмъ у васъ титулы.

Я родилась въ концѣ XVII-го столѣтія. Отецъ мой былъ бѣдный поповичъ, который, изучивъ душу человѣка въ Кіевской Академіи, женившись во время «кіевскихъ контрактовъ» и сердце человѣческое въ Нижнемъ Новгородѣ, сочинилъ-было толстую книгу «О добродѣтели.» Люди и смотрѣть не хотѣли на его добродушный трудъ, по одному заглавію. Онъ написалъ рѣзкую Сатиру на ихъ глупость: они прочитали ее съ удовольствіемъ, и сказали, что это написано на ихъ сосѣдей. Книга его «О Добродѣтели» пропала безъ вѣсти; картина глупостей современниковъ его одна лишь исправно дошла по адресу — до потомства и безсмертія. Это — я.

По обыкновенію того времени, всю свою моло-

дость провела я въ рукописи, таскаясь по монастырямъ и забавляя дьячковъ и семинаристовъ. Наконецъ я вышла въ свѣтъ. Не стану вамъ описывать, какъ меня набирали, печатали и переплетали: это происходило слишкомъ извѣстнымъ и обыкновеннымъ порядкомъ, въ началѣ прошлаго вѣка. Тогда еще не было въ Россіи ни ценсоровъ ни цензурныхъ комитетовъ: частный приставъ, временно исправлявшій должность полицеймейстера, былъ моимъ крестнымъ отцомъ и, съ стаканомъ ерофейчу въ рукѣ, благословилъ меня на выпускъ изъ типографіи. Но вотъ что навсегда оставило въ моей душѣ глубокое впечатлѣніе. Мой батюшка былъ внѣ себя отъ восхищенія и восторга, при видѣ своей любезнѣйшей дщери, возрожденной, умной, ловкой, сіяющей всѣми прелестями свѣжей печати и новаго переплета: онъ нѣжно прижималъ меня къ сердцу, цѣловалъ, орошалъ слезами, предсказывалъ мнѣ успѣхи и упивался чистѣйшею радостью; онъ мечталъ даже о славѣ и деньгахъ, и умеръ съ голоду черезъ три мѣсяца послѣ этой радости.

По смерти честнаго, добраго, благонамѣреннаго моего родителя, его дѣти и кредиторы нашли въ его лачужкѣ только нищету полезнаго автора и Сатиру на людей, то есть, меня. Дѣти принуждены были довольствоваться первою; меня, какъ рухлядь, заграбилъ къ себѣ одинъ ростовщикъ, давшій денегъ на уплату за печать и бумагу, и отнесъ на свою квартиру. Онъ прочиталъ меня, за свой долгъ, три раза съ большимъ вниманіемъ, и еще одинъ разъ за проценты — я никогда не имѣла такого

прилежнаго читателя! и нашелъ, что я совершенно права;—что у людей нѣтъ разсудка, ни сердца, когда они не умѣютъ любить и беречь такой драгоцѣнной вещи, какъ копѣйка; ни совѣсти, когда они занимаютъ у него деньги, клянутся въ своей исправности и не отдаютъ въ срокъ.

У этого ростовщика былъ старинный знакомецъ, русскій бояринъ изъ татарскихъ вельможъ, весьма дурной плательщикъ, который давно уже не возвращалъ ему ни капитала, ни процентовъ, и дерзко напоминалъ ему о своей знатности, когда тотъ напоминалъ ему о прошествіи срока. Чтобъ усовѣстить заматорѣлаго должника, ростовщикъ взялъ меня съ собою въ карманъ, снесъ къ нему и, въ его отсутствіе, положилъ на мраморномъ столикѣ съ золоченными ножками, стоявшемъ передъ пышнымъ диваномъ.

Сначала, великолѣпіе барскаго дома ослѣпило мое зрѣніе, и я повсюду видѣла только золото и счастіе. Но скоро глаза мои привыкли къ блеску, и я примѣтила на стѣнахъ, на полу, на креслахъ, на столахъ и на кровати, гадкія пятна порока, слѣды нищеты и разврата, искусно затертые роскошью. Я почувствовала отвращеніе.

Я пролежала тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока меня примѣтилъ бояринъ. Однажды попалась я ему подъ локоть, когда онъ подписывалъ на томъ же столикѣ вексель для своей любовницы, и удостоилась его вниманія. Онъ взялъ меня въ руки, осмотрѣлъ, увидѣлъ, что я русскаго издѣлія и, съ презрѣніемъ, бросилъ меня въ уголъ залы, такъ сильно, что всѣ мои страницы засвистѣли. Я чуть

не закричала съ досады на этого Монгола, хотя книгамъ, какъ извѣстно, кричать у насъ не позволено, и, глотая слезы обиды, всѣ свои строки приправила свѣжею желчью.

Когда онъ уѣхалъ на балъ, лакеи подняли меня въ углу и вынесли въ переднюю. Здѣсь, въ первый разъ по смерти моего родителя, встрѣтила я людскія ласки. Дюжій Еремей, камердинеръ моего вельможи, и миленькая горничная, Наташа, усѣлись читать меня по складамъ; они смѣялись, толкали другъ друга, и въ каждомъ моемъ словѣ находили явный намекъ на своего господина. Я думаю, они не ошибались: я такъ была зла на него въ ту минуту!... Но чтеніе болѣе и болѣе становилось занимательнымъ. Еремей хотѣлъ поцѣловать Наташу; она закрыла себѣ лице мною, и его огромные поцѣлуи упали прямо на мою обертку. Потомъ, Наташа уронила меня изъ рукъ на землю.... Ахъ, какъ они были разстроганы въ тотъ вечеръ!... Тутъ я впервые увидѣла счастіе человѣческое: оно сидитъ въ передней.

Я пробыла шесть лѣтъ въ этомъ мѣстѣ. Жизнь въ передней, гдѣ я обыкновенно лежала на окнѣ между бутылкою съ квасомъ и подсвѣчникомъ, довольно мнѣ понравилась. Я имѣла множество читателей. Всѣ просители, въ ожиданіи выхода знаменитаго моего хозяина, проводили съ мною свое время и забавлялись моими остротами насчетъ его. Они примѣняли къ нему всѣ описываемые мною слабости и недостатки; хохотали какъ тетеревы въ лѣсу, и тогда только унимались, когда дверь кабинета отворялась и начиналось поголовное пол-

заніе. Это было очень забавно!... Однакожъ, для чести какъ самихъ знаменитыхъ хозяевъ, такъ и стекающихся къ нимъ просителей, не совѣтовала бы я никому изъ первыхъ класть Сатиру на людей въ своей передней.

Въ одно утро пришелъ къ намъ какой-то молодой человѣкъ, довольно порядочно одѣтый. Онъ увидѣлъ меня на окнѣ, схватилъ, посмотрѣлъ и опять бросилъ; потомъ онъ отошелъ въ сторону и равнодушно сталъ у печки. Я замѣтила, однако, что молодой человѣкъ поглядываетъ на меня съ необыкновенною нѣжностью: я думала, что, можетъ статься, онъ родственникъ или короткій пріятель покойному батюшкѣ. Спустя четверть часа, онъ снова приблизился къ окну, и тутъ, сама ужъ не знаю какимъ образомъ, очутилась я въ его карманѣ. Вскорѣ обнаружилась причина нѣжности его ко мнѣ. Это былъ почетный любитель отечественной словесности, который дешевымъ образомъ собиралъ книги для своей библіотеки: онъ укралъ меня изъ передней и заперъ у себя въ шкафу, гдѣ я, съ сотнею другихъ, подобныхъ мнѣ плѣнницъ, душилась въ пыли и темнотѣ, поминутно обороняясь отъ летающей роемъ моли; плакала и кляла свою судьбу. Вы никогда не бывали книгою, и не знаете, что̀ значитъ быть разбойнически похищенною безсребренымъ любителемъ словесности: это ужасъ!...

Онъ стерегъ меня, какъ евнухъ женскую добродѣтель; но въ печатномъ государствѣ есть разнаго рода промышленники. До него добрался одинъ записной читатель чужихъ книгъ, который выпро-

сплъ меня у него на однѣ сутки и никогда ему не отдавалъ. У этого читателя взялъ меня другой читатель, который тоже не имѣлъ привычки возвращать книги, и съ-тѣхъ-поръ я пошла по рукамъ. Я кочевала такимъ образомъ сорокъ лѣтъ. Я была и у судьи, который торжественно накрывалъ мною стаканъ горячаго пуншу, какъ скоро начиналъ опъ любимое свое разсужденіе о двусмысленности всѣхъ вообще законовъ; и у секретаря, который нарочно держалъ меня на своемъ столикѣ, чтобъ люди знали, куда класть взятки; и у невѣрной супруги, которой всегда, весьма ловко, попадалась я въ руки всякій разъ, какъ мужъ ея приходилъ домой скорѣе обыкновеннаго. Словомъ, я была вездѣ, въ палатахъ и въ конюшнѣ, въ кухнѣ и въ академіи, и вездѣ была полезною. Я переносила на себѣ семь обертокъ разнаго цвѣта и достоинства, и дважды испытала сладость супружескаго счастія, бывъ, первымъ бракомъ, переплетена въ одну книжку съ развратнымъ романомъ, а вторымъ, съ толстымъ таможеннымъ тарифомъ. Послѣдній—вѣчная ему память!—былъ очень мягкаго сердца: его всѣ обижали!...

По смерти тарифа, котораго затравили приставами собственные его сочинители, перешла я, нагая, безъ переплета, оцарапанная нашими гонителями, къ одному купцу, торговавшему книгами, кнутами, табакомъ и мыломъ, въ небольшой лавочкѣ по близости Щукина Двора. Тотъ далъ мнѣ красивую оболочку, и поставилъ меня на видномъ мѣстѣ. Но, не смотря на всѣ его уловки, никто

не купилъ меня, и, черезъ нѣсколько времени, я была передана имъ въ библіотеку для чтенія, гдѣ нахожусь и теперь, уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ.

Я видѣла, когда эта библіотека, первая образовавшаяся въ Петербургѣ, еще была почти пуста и состояла изъ нѣсколькихъ сотень томовъ. Она пріумножалась всякій день, но пріумножалась очень медленно, и, въ первые годы моего въ ней пребыванія, прибытіе новой книги почиталось у насъ праздникомъ. Было время, что даже сочиненія, изданныя *чрезъ Василія Тредіаковскаго*, радовали насъ и нашихъ посѣтителей своимъ появленіемъ.

Въ концѣ минувшаго вѣка, число сестеръ моихъ вдругъ стало увеличиваться: это были, по большей части, уроженки заморскихъ земель, наряженныя какъ-нибудь переводчиками въ сарафанъ и кокошникъ, и мы, коренныя русскія книги, не иначе называли ихъ между собою, какъ «полуобрусѣлыми чухонками». Онѣ, какъ часто случается въ мірѣ, ѣли нашъ хлѣбъ и насъ презирали: мы, въ своемъ домѣ, принуждены были кланяться имъ и уступать почетное мѣсто, потому-что наша партія была слишкомъ малочисленна и слаба. Она значительно усилилась въ первое двадцатипятилѣтіе настоящаго вѣка, такъ что наконецъ мы почувствовали въ себѣ довольно смѣлости и тщеславія, чтобъ иногда и столкнуть Чухонку съ полки и подтрунить надъ Нѣмцами вообще. Не знаю, до какой степени были мы правы, но.... но все-таки лучше!... сердцу легче, когда побранишь Нѣмца.

Между-тѣмъ, и партія Чухонокъ также безпрестанно получала новыя и важныя подкрѣпленія. Случались уже между ними и такія, которыя по-русски говорили очень чисто и бранились не хуже тѣхъ, кои «знаютъ Русь и которыхъ Русь знаетъ». Мы ссорились съ ними ужасно, пока хозяинъ не примирилъ насъ палкою.

Народонаселеніе нашей библіотеки возрастало неимовѣрнымъ образомъ: не проходило дня, чтобъ какая-нибудь новая книга не поступила въ наше сословіе. Но настоящая вьюга печатной бумаги подула на насъ только съ 1827 года. Прежде мы всѣ были знакомы между собою; теперь, въ нашей залѣ завелся подлинно книжный *раутъ:* книги приходятъ, выходятъ, толпятся, толкаютъ другъ друга, появляются и исчезаютъ навсегда, прежде нежели успѣешь узнать ихъ фамилію.

Всѣ благомыслящія русскія книги должны, безъ сомнѣнія, восхищаться столь блистательнымъ возвышеніемъ числа, могущества и славы своего рода: я тоже восхищаюсь имъ отъ чистаго сердца; но не могу сказать, чтобъ была совершенно довольна нынѣшнимъ моимъ положеніемъ въ библіотекѣ. Я попала въ дурное общество. Прежнія наши гостьи, вновь выходившія русскія книги, были вообще особы хорошаго тона и строгихъ правилъ: все толковали о нравственности, о приличіяхъ, о вистѣ, о пуншѣ, о прекрасномъ, о трехъ единствахъ — ну, словомъ, о дѣлахъ важныхъ; теперь, большею частію, приходятъ къ намъ Цыганы, воры, игроки, черти, колдуны, вѣдьмы, каторжные и непотребныя женщины. О времена! о

словесность!... И вся эта сволочь такъ и садится на первыя мѣста, разсуждаетъ, кричитъ, поетъ застольныя пѣсни, ругаетъ свѣтъ, и насъ, старыя книги, называетъ башлыками!... Я прихожу въ отчаяніе. Представьте себѣ, что̀ со мною случилось! При перевозкѣ насъ отъ Синяго Моста на новую квартиру, меня какъ-то поставили между двумя, вовсе незнакомыми, книгами. Онѣ были новы, въ отличныхъ оберткахъ по послѣдней модѣ, и я сначала совѣстилась спросить у нихъ объ ихъ чинѣ. Но, при первомъ разговорѣ, онѣ сами объявили мнѣ, что одна изъ нихъ Разбойникъ, а другая Наложница. Прошу покорно вообразить мой стыдъ, ужасъ, негодованіе!... Я, честная книга, Сатира, памятникъ временъ Петра Великаго, дщерь чада духовнаго званія, я должна стоять между разбойникомъ и наложницею!!.. О, это ужъ слишкомъ!!!. Я просила почтенныхъ моихъ сосѣдокъ оставить меня въ покоѣ и избрать себѣ мѣсто гдѣ-нибудь подальше; но эти наглянки отвѣчали мнѣ, что я глупа, стара, забыта всѣмъ свѣтомъ; что онѣ въ большой модѣ, бываютъ у княгинь и у графинь, и вездѣ хорошо приняты; что я должна молчать, не то онѣ отдѣлаютъ меня по-своему въ союзныхъ съ ними газетахъ. Я вздохнула и замолчала. Между-тѣмъ подошелъ къ моему шкафу одинъ изъ прикащиковъ. Какъ бы мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ?... Онъ на меня не смотритъ и не знаетъ моихъ мученій.... Счастливая мысль! надобно тронуть его сердце! я знаю путь къ сердцу человѣческому.... я свалилась съ полки прямо на носъ прикащику, и упала у его

ногъ на землю. Иванъ Яковлевичъ испугался, закрылъ себѣ лицо обѣими руками: слезы полились у него изъ глазъ!... Онъ долго не понималъ, что́ съ нимъ сдѣлалось; наконецъ, увидѣлъ меня на полу, поднялъ, оправилъ, обдулъ пыль и поставилъ на полкѣ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Теперь живу я гораздо въ лучшемъ обществѣ. Возлѣ меня, по правую сторону, стоптъ Рѣчь, торжественно произнесенная въ Мѣщанской, лѣтъ десять тому назадъ, для поученія учащагося юношества; по лѣвую, обрѣтаются какія-то весьма важныя Дорожныя Записки, «посвященныя почтеннѣйшему и нѣжнѣйшему полу». Съ торжественною Рѣчью я мало знакома, и неохотно братаюсь, потому-что она — въ шутку ли, или серіозно? — всякій разъ доказываетъ мнѣ, что не надобно ничему учиться, хвастая тѣмъ, что она была даже напечатана въ Журналѣ Д. Н. П.; но съ Дорожными Записками мы большія пріятельницы: онѣ въ восхищеніи отъ моего старинnаго слога, начиненнаго славянскими рѣченіями; я опять слушаю съ удовольствіемъ разсказы ихъ о томъ, какъ онѣ брились на всякомъ ночлегѣ при двухъ восковыхъ свѣчахъ, и какія прелестныя ручки случалось имъ видѣть у малороссійскихъ кухарокъ, съ коими онѣ.... Это очень любопытно!...

Но какъ бы то ни было, не смотря даже на дурное общество, жизнь книгъ въ библіотекѣ для чтенія вообще чрезвычайно весела и пріятна. Вы видите насъ безмолвно стоящими на полкахъ, и думаете, что мы лишены всякаго чувства и понятія?... Ничего не бывало! У насъ столько же ума,

тѣ же склонности и страсти, какъ и у нашихъ сочинителей. Мы стоимъ смирно, какъ гробовые камни, только въ присутствіи людей; но когда всѣ уйдутъ, какъ скоро потушатъ кенкеты, у насъ тотчасъ начинается шумъ, крикъ, суматоха — настоящая республика. Мы говоримъ всѣ вмѣстѣ; поемъ, пляшемъ, прыгаемъ съ полки на полку, дѣлаемъ визиты и сплетни, пересмѣиваемъ сочинителей, пересмѣиваемъ читателей, пересмѣиваемъ всѣхъ и другъ друга, несемъ вздоръ и разсуждаемъ, злословимъ и хохочемъ. Старыя Риторики спорятъ до слезъ съ молодыми Предисловіями о классицизмѣ и романтизмѣ, о преимуществахъ сора греческаго предъ грязью французскою. Романы прошлаго вѣка вздыхаютъ и плачутъ; Романы нашего вѣка зѣваютъ и кусаются; Поэмы парятъ подъ потолкомъ, падаютъ и дерутся съ своими Рецензіями; Алгебры бранятся съ Снотолкователями, Законы противорѣчатъ одинъ другому, Исторіи врутъ безъ памяти, Психологіи морочатъ, Руководства надуваютъ, Грамматики соблятъ русскій языкъ ножами, какъ кожевники шкуру; Логики бѣснуются, Лечебники важно совѣтуютъ имъ всѣмъ пустить себѣ кровь и принять слабительное. На серединѣ залы составляются иногда книжные танцы: Степенная Книга съ Ядромъ Россійской Исторіи открываютъ балъ; за ними тотчасъ пускаются Дворянинъ-Философъ съ прекрасною Телемахидою, Хаджи-Баба съ Дочерью Купца Жолобова, и многія другія пары. Мысли о происхожденіи міровъ вальсируютъ съ Мыслями о существѣ Басни;

Словарь Академіи пляшетъ въ присядку съ Опытомъ о Русскихъ Спряженіяхъ; Музыкальная Грамматика играетъ имъ на волынкѣ, а Сѣверная Пчела, сидя на полкѣ, разсуждаетъ о музыкѣ. Есть даже проказницы, особенно изъ воспитанницъ романтической школы, которыя тихонько слѣзаютъ съ полокъ, притворяются домовыми и мертвецами и кружатъ около шкафовъ, чтобъ пугать Физики, Математики и Философіи: тѣ хотя на словахъ и не вѣрятъ ни въ домовыхъ, ни чертей, но, при видѣ призраковъ, такъ и прячутся со страха за Собранія Грамматъ и другія толстыя сочиненія. Мы, старушки, помираемъ со смѣху и, по временамъ, читаемъ младшимъ проповѣдь, стараясь обуздывать наклонность ихъ къ шалостямъ. Но лишь только заскрипятъ двери или послышится голосъ прикащиковъ, мы всѣ мигомъ разбѣгаемся по своимъ мѣстамъ, и стоимъ чинно, смирно, неподвижно, какъ дѣвушки въ пансіонѣ, когда войдетъ незнакомый мужчина.

Такъ проводимъ мы ночи. Днемъ мы молчимъ и дѣлаемъ свои наблюденія надъ посѣтителями, читателями, покупателями, авторами, журналистами, зѣваками, надъ всѣмъ, что̀ дѣлается и говорится въ магазинѣ. Замѣчанія свои пересказываемъ мы другъ другу ночью, и они составляютъ для насъ новый, неисчерпаемый источникъ потѣхи. Ну, право, есть чѣмъ позабавиться!... Настаетъ утро; жилище наше наполняется народомъ; толпятся господа и слуги, мужчины и женщины, статскіе и военные, старые и молодые, грамотные, полу-грамотные, безграмотные, съ билетами, безъ

билетовъ, съ деньгами и безъ денегъ. Раздается общій говоръ; зданіе гремитъ смѣшанными голосами: вопросы, отвѣты, требованія, разсужденія, остроты и плоскости, сыплются на насъ перекрестною картечью, прорѣзываютъ воздухъ во всѣхъ направленіяхъ, пересѣкаются, минуются, сталкиваются, отталкиваются, откликаются не впопадъ; потомъ сливаются всѣ вмѣстѣ и образуютъ въ залѣ густой, неразглядный туманъ звука.

— Любезнѣйшій, дай мнѣ Сводъ Законовъ: мнѣ нужно подцѣпить закòнецъ къ моему дѣлу.— Тьфу пропасть!... какая глупая статья въ сегодняшнемъ нумер....—Моя барышня приказала спросить у васъ Гирланду.... — А я нахожу, что она очень мила....—Вы говорите объ этой статьѣ?...— Извольте, сударь; вотъ вамъ Два Ивана.—Нѣтъ, я смотрю на горничн.... — Тотчасъ, тотчасъ, сударыня.... — Господа, потише!... — Какъ же эту Гирланду пришить къ платью?... — Она отворачивается!... — Проказники!... ха, ха, ха!...

— Баринъ проситъ отпустить ему Хромоногію. —Что такое?... Хромоногію?... покажи записку. — А, Иванъ Тимоѳеевичъ!... вы уже ротмистръ? — Да, уже полтора год....—Не Хромоногію, братецъ, а Хронологію!... — Для насъ это все равно. — Что̀ вы здѣсь подѣлываете? — Покупаю книги.... Есть у васъ Діэтетика?—Да наша публика....—Ѣду покупать хомуты.—Все читаетъ!... Ей лишь бы книги.—А мнѣ лишь бы продать свою рукоп....—Вотъ Діэтетика, которую вы спрашивали.—Это о сохраненіи души?... А нѣтъ ли другой, о сохраненіи лошадей?... — Извините, сударыня; всѣ экземпля-

ры Онѣгина разобраны. — Такъ, дайте мнѣ Угнетенную Невинность, или Поросенокъ въ мѣшкѣ. — Прощайте!...

— Ну, что̀? сколько распродано экземпляровъ моей книги?—Ни одного сударь.—Наша публика ничего не читаетъ!...—Скоро ли выйдетъ его романъ изъ печати?...—Еще не написанъ.—Зачѣмъ же публикуютъ?...

— Такъ и быть! куплю Дурацкій Колпакъ.

— Нѣтъ ли чего-нибудь почувствительнѣе? Моя хозяйка любитъ плак....—Это сочинитель?.. Позвольте мнѣ взглянуть на него: мнѣ никогда не случалось видѣть сочинителя.—Таки порядочно напива....—Странная фигура!...—Надо купить Коранъ Виста: говорятъ, ученая книга.—Какъ, прекратилось изданіе?... кто жъ мнѣ возвратитъ деньги за эти журналы?...—Отгадай, не скажу, или Любопытныя загадки, въ Москвѣ и Санктпетербур....

— Прошу мнѣ дать Два Плута!...

— Вы давно изъ деревни?—Только вчера пріѣхалъ и опять уѣзжаю. — Вотъ, сударь, ваши книги.—Прикажите свѣсить ихъ, любезный! Сколько за пудъ?...—Мы книгъ не продаемъ пудами.—А у насъ такъ на пуды ихъ покупаютъ!...

— Нѣтъ ли у васъ Поѣздки Грека къ Булгарину?...—Вы хотите сказать въ Германію?...—А мнѣ какая до того нужда, куда они ѣздятъ.... лишь бы остро писали!...

— Кто спрашивалъ Великолѣпный Вздоръ?

— Я требую Исторію Русскаго Народа....

— Вотъ, живешь потихоньку и заѣхали сюда ку-

шить, на всякій случай, Логику для Дворянъ, Мочульскаго. — Да!... теперь у насъ выборы. — Одолжите же мнѣ Добродѣтельную Преступницу, для моей жены!... — А мнѣ Искусство брать взятки.... — Кто это такой?... — Сбираюсь, сударь, ѣхать въ губернію: благосклонное дворянство избрало меня.... — Итакъ до свиданія!...

— Вотъ, братъ, купилъ для своихъ дѣтей, Дѣтскія Досуги, изданныя при помощи литераторовъ. Должна быть хорошая книга: ее расхвалили въ журналахъ. Посмотри, какъ теперь дѣти здраво разсуждаютъ:

«Кого ударишь, извинися;
«Впередъ не бей. —
«Напьешься, поскорѣй проспися;
«Впередъ не пей. — »

— Точно, нравственность подвигается. — Не взять ли еще Похвалу Пуншу?...

— Читали ль вы книгу О счастіи дураковъ?... — Почтеннѣйшій, дайте мнѣ статейку для альманаха. — Такъ что жъ, что книга глупа, когда она хорошо продается? — Пожалуйста, дайте статейку!... — Мнѣ сказывали, батюшка, будто въ вашей лавкѣ продается искусство обучать дѣтей грамотѣ въ самоскорѣйшемъ времени?... — Что̀ дѣлать! надулъ!... — Онъ мастеръ своего дѣла. — Языка не знаютъ, а переводятъ! — Извольте: угодно ли Два Способа обучать дѣтей и взрослыхъ чтенію въ сорокъ часовъ? — Молчите.... донесетъ!... Въ сорокъ часовъ, батюшка?... Это долго. Нѣтъ ли такого способа, чтобъ обучить ихъ

всему въ однѣ сутки?... хочется поскорѣе отдать ихъ въ канцелярію. — И это водится въ литературѣ....

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Я представила вамъ только легкій, неясный, бѣглый, начертанный зигзагами рисунокъ тѣхъ разнородныхъ толковъ, которыми безпрестанно оглашаются своды нашей словесности. Разбирайте его, ежели угодно. Но если вы желаете составить себѣ точнѣйшее объ нихъ понятіе, то совѣтую вамъ забраться въ шкафъ и посидѣть съ нами на полкѣ двое или трое сутокъ: вы услышите еще не такія вещи!... Но пора кончить. Вотъ уже гасятъ кенкеты. Прощайте, любезный хозяинъ!

1832.

БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ

у

САТАНЫ.

БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ

У

САТАНЫ.

Въ нѣдрахъ земнаго шара есть огромная зала, имѣющая, кажется, 99 верстъ вышины: въ «Отечественныхъ Запискахъ» сказано, будто она вышиною въ 999 верстъ; но «Отечественнымъ Запискамъ» ни въ чемъ — даже и въ разсужденіи ада — вѣрить невозможно.

Въ этой залѣ стоитъ великолѣпный престолъ повелителя подземнаго царства, построенный изъ человѣческихъ остановъ и украшенный, вмѣсто бронзы, сухими летучими мышами. Это должно быть очень красиво. На немъ садится Сатана, когда даетъ аудіенцію своимъ посланникамъ, возвращающимся изъ поднебесныхъ странъ, или когда принимаетъ поздравленія чертей и знаменитѣйшихъ проклятыхъ, копии зала, при такихъ торжественныхъ случаяхъ, бываетъ наполнена до самаго потолка.

Если вамъ когда-либо случалось читать мудрыя

сочиненія патера Бузенбаума, іезуитскаго богослова и философа, то вы знаете — да какъ этого не знать?— что черти днемъ почиваютъ, встаютъ же около заката солнца, когда въ Римѣ отпоютъ вечерню. Въ то же самое время просыпается и Сатана. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя халатъ изъ толстой конвертной бумаги, расписанный въ видѣ пылающаго пламени, и который получилъ онъ въ подарокъ изъ гардероба испанской инквизиціи: въ этихъ халатахъ у насъ, на землѣ, люди сожигали людей. Засимъ выходитъ онъ въ залу, гдѣ уже его ожидаетъ многочисленное собраніе довѣренныхъ чертей, подземныхъ вельможъ, адскихъ льстецовъ, адскихъ придворныхъ и адскихъ наушниковъ: тутъ вы найдете пропасть еретиковъ, заслуженныхъ грѣшниковъ и прославленныхъ изверговъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые ихъ прославляли въ предисловіяхъ и посвященіяхъ — словомъ всѣ *знаменитости* ада.

Заскрипѣла чугунная дверь спальни царя тьмы; Сатана вошелъ въ залу и сѣлъ на своемъ престолѣ. Всѣ присутствующіе ударили челомъ и громко закричали: *виватъ!* — но голоса ихъ никто бъ изъ васъ не услышалъ, потому-что они тѣни, и крикъ ихъ только тѣнь крика. Чтобъ услышать звуки этого рода надо быть чортомъ или доносчикомъ.

Лукуллъ, скончавшійся отъ обжорства, исправляетъ при дворѣ его должность оберъ-гофмейстерскую: онъ завѣдываетъ кухнею, заказываетъ обѣдъ и самъ подаетъ завтракъ. Какъ скоро утихъ этотъ неудобослышимый шумъ торжественнаго привѣтствія, Лукуллъ выступилъ впередъ, держа

въ рукахъ колоссальный подносъ, на которомъ удобно можно было бы выстроить кабакъ съ библіотекою для чтенія: на немъ стояли два большіе портерные котла, одинъ съ кофеемъ, а другой со сливками; римская слезная урна, служащая вмѣсто чашки; египетская гранитная гробница, обращенная въ ящикъ для сахару, и старая сороковая бочка, наполненная сухарями и бисквитами, для завтрака грозному обладателю ада.

Сатана вынулъ изъ гробницы огромную глыбу квасцовъ — ибо онъ никакого сахару, даже и свекловичнаго, даже и постнаго, терпѣть не можетъ — и положилъ ее въ урну; налилъ изъ одного котла чистаго смоленскаго дегтю, употребляемаго имъ вмѣсто кофейнаго отвара, изъ другаго подбавилъ купороснаго масла, замѣняющаго въ аду сливки, и черную исполинскую лапу свою погрузилъ въ бочку, чтобы достать пару сухарей.

Но въ аду и сухари не похожи на наши: у насъ они печеные, а тамъ печатанные. Попивая свой адскій кофе, царь чертей, преутонченный гастрономъ, страстно любилъ пожирать наши несчастныя книги въ стихахъ и прозѣ; толстыя и топкія различнаго формата произведенія нашихъ земныхъ словесностей; томы логикъ, психологій и энциклопедій; собранія розысканій, коими ничего не отыскано; исторій, въ коихъ ничего не сказано; риторикъ, которыя ничему не выучили, и разсужденій, которыя ничего не доказали — особенно, всякія большія поэмы, описательныя, повѣствовательныя, нравоучительныя, философскія, эпическія, дидактическія, классическія, романти-

ческія, прозаическія, и проч., и проч. Съ нѣкотораго времени, однакожъ, онъ примѣтилъ, что этотъ родъ пирожнаго обременялъ его желудокъ, и потому приказалъ подавать къ завтраку только новыя повѣсти историческія, писанныя по послѣдней модѣ; новыя мелодрамы; новыя трагедіи въ шести, семи и девяти картинахъ; новые романы въ стихахъ и романы въ родѣ Вальтеръ-Скотта; новыя стихотворныя размышленія, сказки, мессеніяны и баллады, — какъ несравненно легче первыхъ, обильно переложенные бѣлыми страницами, набранные очень рѣдко, растворенные точками и виньетками и почти столь же безвредные для желудка и головы, какъ и обыкновенная бѣлая бумага. Сухари эти прописалъ ему придворный его лейбъ-медикъ, извѣстный докторъ медицины и хирургіи, Иппократъ, убившій на землѣ своими рецептами 120,000 человѣкъ и за то возведенный людьми въ санъ отцовъ врачебной науки — впрочемъ, умный проклятый, который доказываетъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ мятежей и трюфлей весьма полезно имѣть нѣсколько свободный желудокъ.

Сатана вынулъ изъ бочки четыре небольшіе тома, красиво переплетенные и казавшіеся очень вкусными; обмокнулъ ихъ въ своемъ кофе, положилъ въ ротъ, раскусилъ пополамъ, пожевалъ и— вдругъ сморщился ужасно.

— Гдѣ чортъ фонъ-Аусгабе? вскричалъ онъ съ сердитымъ видомъ.

Мгновенно выскочилъ изъ толпы духъ огромнаго роста, плотный, жирный, румяный, въ старой трехъугольной шляпѣ, и ударилъ челомъ повели-

телю. Это былъ его библіотекарь, бѣсъ чрезвычайно ученый, прежде-бывшій нѣмецкій Gelehrter, который зналъ наизустъ полныя заглавія всѣхъ сочиненій, могъ высказать наперечетъ всѣ изданія, помнилъ сколько въ какой книгѣ страницъ и презиралъ то, что̀ на страницахъ, какъ пустую словесность — исключая опечатки, кои почиталъ онъ, одинѣ лишь изо всѣхъ произведеній ума человѣческаго, достойными особеннаго вниманія.

— Негодяй! какіе прислалъ ты мнѣ сухари? сказалъ гнѣвный Сатана. Они черствы, какъ дрова.

— Ваша мрачность! отвѣчалъ испуганный бѣсъ: другихъ не могъ достать. Правда, что сочиненія нѣсколько старыя; но за то какія изданія! — самыя новыя, только-что изъ печати.

— Сколько разъ говорилъ я тебѣ, что не люблю вещей разогрѣтыхъ?... Притомъ же, я приказалъ подавать себѣ только легкое и пріятное, а ты подсунулъ мнѣ что-то такое жесткое, сухое, безвкусное....

— Мрачнѣйшій повелитель! смѣю увѣрить васъ, что это лучшія творенія нашего времени.

— Это лучшія творенія вашего времени?... Такъ ваше время ужасно глупо!

— Не моя вина, ваша мрачность: я библіотекарь, глупостей не произвожу, а только привожу ихъ въ порядокъ и систематически располагаю. Вы изволите говорить, что сухари не довольно легки: легче этихъ и желать невозможно: въ цѣлой этой бочкѣ, въ которой найдете вы всю прошлогоднюю словесность, нѣтъ ни одной твердой мысли. Если же они не такъ свѣжи, то виноватъ

вашъ пьяный Харонъ, который, не далѣе вчерашняго дня, сорокъ корзинъ произведеній послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, во время перевозки, уронилъ въ Лету....

Между-тѣмъ какъ библіотекарь всячески оправдывался, Сатана, изъ любопытства, откинулъ обертку оставшагося у него въ рукахъ куска книги, и увидѣлъ слѣдующій остатокъ заглавія: «.....*ецъ .....оман....торич...., сочин..... и*.....830.»

— Что̀ это такое? сказалъ онъ, пяля на него грозные глаза. Это даже не разогрѣтое?... Э?... смотри: 1830 года?...

— Видно, оно не стопло того, чтобы разогрѣвать, примолвилъ толстый бѣсъ, съ глупою улыбкой.

— Да это съ макомъ! воскликнулъ Сатана, разсмотрѣвъ внимательнѣе тотъ же кусокъ книги.

— Ваша мрачность! скорѣе уснете послѣ такого завтрака, отвѣчалъ бѣсъ, опять улыбаясь.

— Ты меня обманываешь, да ты же еще и смѣешься!... заревѣлъ Сатана въ адскомъ гнѣвѣ. Поди ко мнѣ ближе.

Толстый бѣсъ подошелъ къ нему со страхомъ. Сатана поймалъ его за ухо, поднялъ на воздухъ какъ перышко, положилъ въ лежащій подлѣ него шести-аршинный фоліантъ сочиненій Аристотеля на греческомъ языкѣ, доставшійся ему въ наслѣдство изъ библіотеки покойнаго Плутона, затворилъ книгу и самъ на ней усѣлся. Подъ тяжестью гигантскихъ членовъ подземнаго властелина, несчастный смотритель адова книгохранилища въ одно мгновеніе сплюснулся, между жесткими стра-

нщамп классической прозы, наподобіе сухаго листа мяты. Сатана опредѣлилъ ему, въ наказаніе, служить закладкою для этой книги въ продолженіе 1111 лѣтъ: Сатана надѣется, въ это время, добиться смысла въ сочиненіяхъ Аристотеля, которыя читаетъ онъ почти безпрерывно. Пустое!...

— Пріищп мнѣ изъ проклятыхъ, на мѣсто этого педанта, кого-либо поумнѣе, сказалъ онъ, обращаясь къ верховному визирю и любимцу своему, Вельзевуѳу. Я намѣренъ сдѣлать, современемъ, мопмъ книгохранителемъ того велпкаго библіотекаря и профессора, который недавно пропзвелъ на сѣверѣ такую ужасную суматоху. Когда онъ къ намъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь прпковать его крѣпкою цѣпью къ полу библіотеки; не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкпнуть революцію и учредить конституціонные бюджеты.

— Слушаю! отвѣчалъ визирь, кланяясь въ поясъ и съ благоговѣніемъ цѣлуя конецъ хвоста сатаны.

Царь чертеіі сталъ копаться въ бочкѣ, ища лучшихъ сухарей. Онъ взялъ Гернани, Исповѣдь, Петра Выжигпна, Рославлева, Шемякинъ Судъ, и кучу другихъ отличныхъ сочиненій; сложилъ ихъ ровно, помочплъ въ урнѣ, вбилъ себѣ въ ротъ, проглотилъ и запилъ дегтемъ. И надобно знать, что какъ скоро Сатана съѣстъ какую-нибудь книгу, слава ея на землѣ вдругъ исчезаетъ, и люди забываютъ объ ея существованіи. Вотъ почему столько плодовъ авторскаго генія, сначала пріобрѣвшихъ громкую извѣст-

ность, впослѣдствіи внезапно попадаютъ въ совершенное забвеніе: Сатана выкушалъ ихъ съ своимъ кофе!... О томъ нѣтъ ни слова ни въ одной исторіи словесности; однакожъ это вещь оффиціяльная.

Повелитель ада съѣлъ такимъ образомъ въ одинъ завтракъ словесность нашу за цѣлый годъ: у него тогда былъ чертовскій аппетитъ. Кушая свой кофе, онъ бросалъ безпокойный взоръ на залу и на присутствующихъ. Что-то такое безпокоило его зрѣніе: онъ чувствовалъ въ глазахъ непріятную рѣзь. Вдругъ, посмотрѣвъ вверхъ, онъ увидѣлъ въ потолкѣ расщелину, чрезъ которую пробивались послѣдніе лучи заходящаго на землѣ солнца. Онъ тотчасъ угадалъ причину боли глазъ своихъ, и вскричалъ:

— Гдѣ архитекторъ?... Гдѣ архитекторъ?... Позовите ко мнѣ этого вора.

Длинный, блѣдный, сухощавый проклятый пробился сквозь толпу, и предсталъ предъ его нечистою силой. Онъ назывался Донъ-Діэго-да-Буфало. При жизни своей строилъ онъ соборную церковь въ Саламанкѣ, изъ которой укралъ ровно три стѣны, увѣривъ казенную юнту, имѣвшую надзоръ надъ этою постройкою, что заготовленный кирпичъ растаялъ отъ безпрерывныхъ дождей и испарился отъ солнца. За сей славный зодческій подвигъ онъ былъ назначенъ, по смерти, придворнымъ архитекторомъ Сатаны. Въ аду мѣста даются только истинно достойнымъ.

— Мошенникъ! воскликнулъ Сатана гнѣвно (онъ всегда такъ восклицаетъ, разсуждая съ своими

чиновниками): всякій день подаешь мнѣ длинные счеты издержкамъ, будто употребленнымъ на починку моихъ чертоговъ, а между-тѣмъ куда ни взгляну, повсюду пропасть дыръ и расщелинъ?...

— Старыя зданія, ваша мрачность! отвѣчалъ проклятый, кланяясь и безстыдно улыбаясь. Старыя зданія.... ежедневно болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Эта расщелина произошла отъ послѣдняго землетрясенія. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь представлять вашей нечистой силѣ, чтобъ было позволено мнѣ сломать весь этотъ адъ и выстроить вамъ новый, въ нынѣшнемъ вкусѣ.

— Не хочу!... закричалъ Сатана: не хочу!... Ты имѣешь въ предметѣ обокрасть меня при этомъ случаѣ, потомъ выстроить себѣ гдѣ-нибудь адишко изъ моего матеріяла, подъ именемъ твоей племянницы, и жить маленькимъ сатаною. Не хочу!... По моему, этотъ адъ еще весьма хорошъ: очень жарокъ и теменъ, какъ нельзя лучше. Сдѣлай мнѣ только планъ и смѣту для починки потолка.

— Планъ и смѣта уже сдѣланы. Вотъ они. Извольте видѣть: надобно будетъ поставить двѣ тысячи колоннъ въ готическомъ вкусѣ: теперь готическія колонны въ большой модѣ; сдѣлать греческій фронтонъ въ видѣ трехъ-угольной шляпы: безъ этого нельзя же!... перемѣнить архитраву; большую дверь задѣлать въ этой стѣнѣ, а пробить другую въ противоположной; переложить полъ; стѣны украсить каріятидами; сломать старый дворецъ для открытія проспекта со стороны тартара; построить два новые флигеля, и лопнувшее въ потолкѣ мѣсто замазать алебастромъ — тогда

солнце отнюдь не будетъ безпокоить вашей мрачности.

— Какъ?... что?... воскликнулъ Сатана въ изумленіи. Всѣ эти постройки и перестройки по поводу одной дыры?

— Да, ваша мрачность! Точно, по поводу одной дыры. Архитектура предписываетъ намъ, задѣлывая одну дыру, немедленно пробивать другую, для симметріи...

— Послушай, плутъ! перестань обманывать меня! Вѣдь я тебѣ не членъ испанской Строительной Юнты.

Проклятый поклонился въ землю, плутовски улыбаясь.

— Велю замять тебя съ глиною и передѣлать на кирпичъ, для починки печей въ геенѣ....

Онъ опять улыбнулся и поклонился.

— Да и любопытно мнѣ знать, сколько все это стоило бъ по твоимъ предположеніямъ?

— Бездѣлицу, ваша мрачность. При должной бережливости, производя эти починки хозяйственнымъ образомъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса, онѣ обойдутся въ 9,987,408,558,777,900,009,675,999 червонцевъ, 99 штиверовъ и 49½ ценсовъ. Дешевле никто вамъ не починитъ этого потолка.

Сатана сморщился, призадумался, почесалъ голову и сказалъ: — Нѣтъ денегъ!... Теперь время трудное, холерное....

Онъ протянулъ руку къ бочкѣ: всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ. Онъ вытащилъ изъ нея двѣ толстыя книги: *Умозрительную Физику* ***B**** и *Курсъ Умозрительной Философіи* **Шеллин-**

га; раскрылъ ихъ, разсмотрѣлъ, опять закрылъ, и вдругъ швырнулъ ими въ лобъ архитектору, сказавъ: На!... возьми эти двѣ книги и заклей ими расщелину въ потолкѣ: чрезъ эти умозрѣнія никакой свѣтъ не пробьется.

Мѣтко брошенныя книги пролетѣли сквозь пустую голову тѣни бывшаго архитектора, точно такъ же, какъ пролетаетъ полный курсъ университетскаго ученія сквозь порожнія головы иныхъ баричей, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда — и упали позади его на полъ. Архитекторъ улыбнулся, поклонился, поднялъ глубокомудрыя сочиненія, и пошелъ заклеивать ими потолокъ.

Нѣмецкій студентъ, приговоренный въ Майнцѣ къ аду за участіе въ Союзѣ Добродѣтели, шепнулъ ***ову, извѣстному любителю Канта, Окена, Шеллинга, магнитизма и пѣннику:

— Этотъ скряга, Сатана, точно такъ судитъ о философіи и умозрительности, какъ ***ой о древней россійской исторіи.

— Не удивительно!... отвѣчалъ ***овъ съ презрѣніемъ. Онъ врагъ всякому движенію умственному....

— Что?... вскричалъ сердито Сатана, который вездѣ имѣетъ своихъ лазутчиковъ, и все слышитъ и видитъ: что такое вы сказали?... Еще смѣете разсуждать!... Поднте ко мнѣ, шуты! Научу я васъ дѣлать свои замѣчанія въ моемъ аду!

Черти, смотрящіе за порядкомъ въ залѣ, привели къ нему дерзкихъ питомцевъ любомудрія. Сатана схватилъ одного изъ нихъ за волосы, под-

нялъ на воздухъ, подулъ ему въ носъ и сказалъ: «Поди, шалунъ, въ геенну чихать два раза всякую секунду впродолженіе 3333 лѣтъ; а ты, отчаянный философъ, примолвилъ онъ, обращаясь къ ***ову: сиди подлѣ него и приговаривай: «Желаю вамъ здравствовать!» Подите прочь, дураки!

Засимъ обратился онъ къ визирю своему, Вельзевуѳу, и спросилъ о дневной очереди. Визирь отвѣчалъ, что въ тотъ вечеръ должны были докладывать ему оберъ-предсѣдатель мятежей и революцій, первый лордъ-дьяволъ журналистики, великій чортъ словесности и главноуправляющій супружескими дѣлами.

Предсталъ чортъ старый, гадкій, оборванный, изувѣченный, грязный, отвратительный, со вскло-ченными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ когтями какъ у гіены, съ зубами безъ губъ какъ у трупа, и съ большимъ пластыремъ, прилѣпленнымъ сзади, пониже хвоста. Подъ мышкою торчала у него кипа бумагъ, обрызганныхъ грязью и кровью; на головѣ, старая кучерская лакированная шляпа; трехъ-цвѣтная кокарда; за поясомъ, кинжалъ и пара пистолетовъ; въ рукахъ, дубина и ржавое ружье безъ замка. Карманы его набиты были камнями изъ мостовой и кусками бутылочнаго стекла.

Всякъ, и тотъ даже, кто не бывалъ въ Парижѣ, легко угадалъ бы по его наружности, что это долженъ быть злой духъ мятежей, бунтовъ, переворотовъ.... Онъ назывался Астаротъ.

Онъ предсталъ, поклонился и перекувырнулся раза три на воздухѣ, въ знакъ глубочайшаго почтенія.

— Ну что̀?... вопросилъ царь чертей: что̀ новаго у тебя слышно?

— Ревность къ престолу вашей мрачности, всегда руководившая слабыми усиліями моими, и должная заботливость о пользахъ ввѣренной мнѣ части....

— Стой! воскликнулъ Сатана: я знаю наизустъ это предисловіе: всѣ доклады, въ которыхъ ни о чемъ не говорится, начинаются съ ревности къ моему престолу. Говори мнѣ, коротко и ясно, сколько у тебя новыхъ мятежей въ работѣ?

— Нѣтъ ни одного порядочнаго, ваша мрачность, кромѣ бунта паши египетскаго противъ турецкаго султана. Но объ немъ не стоитъ и докладывать, потому-что дѣло между бусурманами.

— А зачѣмъ нѣтъ ни одного? спросилъ грозно Сатана. Не далѣе какъ въ прошломъ году, восемь или девять мятежей было начатыхъ въ одно и то же время. Что̀ ты съ ними сдѣлалъ?

— Кончились, ваша мрачность.

— По твоей глупости, недѣятельности, лѣности; по твоему нерадѣнію....

— Отнюдь не потому, мрачнѣйшій Сатана. Вашей нечистой силѣ извѣстно, съ какимъ усердіемъ дѣйствовалъ я всегда на пользу ада; какъ неутомимо ссорилъ людей между собою: доказательствомъ тому, сломанный рогъ и потерянный глазъ, который имѣю честь представить....

— Объ этомъ глазѣ толкуешь ты мнѣ 800 лѣтъ

сряду: я читалъ, помнится, въ сочиненіяхъ Болландистовъ, что его вышибъ тебѣ башмакомъ извѣстный Петръ Пустынникъ, во время перваго крестоваго похода, а рогъ ты сломалъ еще въ началѣ XVII вѣка, когда, подружившись съ іезуитами, затѣялъ на сѣверѣ глупую шутку прикинуться нѣсколько разъ сряду Димитріемъ....

— Конечно, мрачнѣйшій Сатана, что эти раны немножко стары; но, подвизаясь непрестанно за вашу славу, теперь вновь я опасно раненъ, именно, въ стычкѣ, послѣдовавшей близъ Кракова, когда съ остатками одной *достославной* революціи принужденъ былъ уходить бѣгомъ на австрійскую границу. Если ваша мрачность не вѣрите, то, съ вашего позволенія, извольте посмотрѣть сами....

И обратясь спиною къ Сатанѣ, онъ поднялъ рукою вверхъ свой хвостъ, и показалъ пластырь, прилѣпленный у него сзади. Сатана и все адское собраніе расхохотались, какъ сумасшедшіе.

— Ха, ха, ха, ха!... бѣдный мой оберъ-предсѣдатель мятежей!... воскликнулъ повелитель ада въ веселомъ расположеніи духа. Кто же тебя уязвилъ такъ безчеловѣчно?

— Донской казакъ, ваша мрачность, своимъ длиннымъ копьемъ. Это было очень забавно, хотя кончилось непріятно. Я поразскажу вамъ все, какъ что̀ было, и въ нѣсколькихъ словахъ дамъ полный отчетъ въ послѣднихъ революціяхъ. Во-первыхъ, вашей мрачности извѣстно, что, года два тому назадъ, я произвелъ прекрасную суматоху въ Парижѣ. Люди дрались и рѣзались дня три сряду, какъ тигры, какъ разъяренные испанскіе

быкп: кровь лилась, дома горѣли, улицы наполнялпсь трупами, и никто не зналъ, о чемъ идетъ дѣло....

— Ахъ, славно!... вотъ славно!... вотъ прекрасно! восклпкнулъ Сатана, потирая руки отъ радости. Что жъ далѣе?

— На четвертый день, я примирилъ ихъ на томъ условіи, что царь будетъ у нихъ государемъ, а народъ царемъ....

— Какъ?... какъ?...

— На томъ условіи, ваша мрачность, что царь будетъ государемъ, а народъ царемъ.

— Что это за чепуха?... Я такого условія не понимаю.

— И я тоже. И ни кто его не понимаетъ. Однако, люди приняли его съ восхищеніемъ.

— Но въ немъ нѣтъ ни капли смысла.

— Потому-то оно и замысловато.

— Быть не можетъ!

— Клянусь проклятѣйшимъ хвостомъ вашей мрачности.

— Что жъ изъ этого выйдетъ?

— Вышла прекрасная штука. Этою сдѣлкой я такъ запуталъ дураковъ-людей, что они теперь ходятъ какъ опьянѣвшіе, какъ шальные....

— Но мнѣ какая отъ того польза? Лучше бы ты оставилъ ихъ драться долѣе.

— Напротивъ того, польза очевидна. Подравшись, они перестали бы драться, между-тѣмъ какъ на основаніи этой сдѣлки, они будутъ ссориться ежедневно, будутъ непрестанно убивать, душить, разстрѣливать и истреблять другъ друга, доколѣ

царь и народъ не сдѣлаются полнымъ царемъ и государемъ. Ваша мрачность будете отъ сего получать ежегодно вѣрнаго дохода по-крайней-мѣрѣ 40,000 погибшихъ душъ.

— Bene! воскликнулъ Сатана, и, отъ удовольствія, нюхнулъ въ одинъ разъ три четверти и два четверика желѣзныхъ опилковъ, вмѣсто табаку. Что жъ далѣе?

— Далѣе, ваша мрачность, есть въ одномъ мѣстѣ, на землѣ, нѣкоторый безъименный народъ, живущій при большомъ болотѣ, который съ другимъ, весьма извѣстнымъ народомъ, живущимъ въ болотѣ, составлялъ одно цѣлое. Не знаю, слыхали ль вы когда-нибудь про этотъ народъ, или нѣтъ?

— Право не помню. А чѣмъ онъ занимается, этотъ безъименный народъ?

— Прежде онъ кралъ книги у другихъ народовъ, и перепечатывалъ ихъ у себя; также дѣлалъ превосходныя кружева и блонды, и былъ намъ, чертямъ, весьма полезенъ, ибо, за его кружева и блонды, множество прекрасныхъ женщинъ предавались въ наши руки. Теперь онъ ничего не дѣлаетъ: разорился, обѣднѣлъ, и не въ прокъ ни попу, ни чорту: только мелетъ вздоръ и сочиняетъ газеты, которыхъ никто читать не хочетъ.

— Нѣтъ, никогда не слыхалъ я о такомъ народѣ!... примолвилъ Сатана и.... чихъ!... громко чихнулъ на весь адъ. Всѣ проклятые тихо закричали: *ура!!!*... а въ брюссельскихъ газетахъ на другой день было напечатано, что Голландцы ночью

подъѣхали подъ Брюссель и выстрѣлили вдругъ изъ двухъ сотъ пушекъ.

— Этотъ приболотной народъ, продолжалъ чортъ мятежей, жилъ нѣкоторое время довольно дружно съ упомянутымъ народомъ болотнымъ; но я разсорилъ ихъ между собою и изъ приболотнаго народа сдѣлалъ особое приболотное царство, въ которомъ тоже положилъ правиломъ, чтобы извѣстно было, кто царь, а кто государь. Вслѣдствіе сего, ваша мрачность, можете надѣяться оттуда еще 10,000 погибшихъ годоваго дохода.

— Gut! сказалъ Сатана. Что жъ далѣе?

— Потомъ, я пошевелилъ еще одинъ народъ, жившій благополучно на сыпучихъ пескахъ по обѣимъ сторонамъ одной большой сѣверной рѣки. Вотъ ужъ былъ истинно забавный случай! Никогда еще не удавалось мнѣ такъ славно надуть людей, какъ въ этомъ дѣлѣ: да, правду сказать, никогда и не попадался мнѣ народъ такъ легковѣрный. Я такъ искусно настроилъ ихъ, столь вскружилъ имъ голову, запуталъ всѣ понятія, что они дрались какъ сумасшедшіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, гибли, погибли, и теперь еще не могутъ дать себѣ отчета, за что̀ дрались и чего хотѣли. При сей оказіи, я имѣлъ счастіе доставить вамъ слишкомъ 100,000 самыхъ отчаянныхъ проклятыхъ.

— *Барзо добже*! примолвилъ Сатана, который собаку съѣлъ на всѣхъ языкахъ. Что же далѣе?

— Послѣ этихъ трехъ *достославныхъ* революцій, я удалился въ Парижъ, главную мою квартиру, и, отъ скуки, написалъ ученое разсужденіе: *О вер-*

ховной власти сапожниковъ, поденщиковъ, извощиковъ, наборщиковъ, нищихъ, бродягъ, и проч., которое желаю имѣть честь посвятить вашей мрачности.

— Посвяти его своему пріятелю, человѣку обоихъ свѣтовъ, возразилъ Сатана съ суровымъ лицемъ. Мнѣ не нужно твоего сочиненія: желаю знать, чѣмъ кончилась та революція, которую затѣялъ ты гдѣ-то на пескахъ, надъ рѣкою, на сѣверѣ.

— Ничѣмъ, ваша мрачность. Она кончилась тѣмъ, что насъ разбили и разогнали, и что, въ замѣшательствѣ, брадатый казакъ, который вовсе не знаетъ толку въ *достославныхъ* революціяхъ, кольнулъ меня жестоко a posteriori, какъ вы сами лично изволили свидѣтельствовать.

— Что же далѣе?

— Далѣе ничего, мрачнѣйшій Сатана. Теперь я увѣчный, инвалидъ, и пришелъ проситься у вашей нечистой силы въ отпускъ за-границу на шесть мѣсяцевъ, къ теплымъ водамъ, для излеченія раны....

— Отпуска не получишь, вскричалъ страшный повелитель чертей: во-первыхъ, ты не достоинъ, а во-вторыхъ, ты мнѣ нуженъ: дѣла дипломатическія, говорятъ, все еще запутаны. Но возвратимся къ твоей части. Ты разсказалъ мнѣ только о трехъ революціяхъ: куда же дѣвались остальныя? Ты еще недавно хвасталъ, будто въ одной Германіи завелъ ихъ пять или шесть.

— Не удались, ваша мрачность.

— Какъ не удались?

— Что жъ мнѣ дѣлать съ Нѣмцами, когда ихъ

расшевелить невозможно!... Извольте видѣть: вотъ и теперь есть у меня съ собою нѣсколько десятковъ нѣмецкихъ возбудительныхъ прокламацій, рѣчей, произнесенныхъ въ Гамбахѣ, и полныхъ экземпляровъ газеты Die deutsche Tribune. Я раскидываю ихъ по всей Германіи, но Нѣмцы читаютъ ихъ съ такимъ же отчаяннымъ хладнокровіемъ, съ какимъ пьютъ они пиво со льдомъ и танцуютъ вальсъ подъ музыку: Mein lieber Augustchen!... Нѣсколько сумасшедшихъ студентовъ и докторовъ правъ безъ пропитанія кричатъ, проповѣдуютъ, мечутся; но это не производитъ никакого дѣйствія въ народѣ. Мнѣ ужъ эти Нѣмцы надоѣли: увѣряю вашу мрачность, что изъ нихъ никогда ничего не выйдетъ. Даже и проклятые изъ нихъ не надежны: они холодны до такой степени, что вамъ всѣми огнями ада и разогрѣть ихъ не удастся, не то чтобъ сжарить, какъ слѣдуетъ.

— Что̀ же ты сдѣлалъ въ Италіи?

— Ничего не сдѣлалъ.

— Какъ, ничего!... когда я приказалъ всего болѣе дѣйствовать въ Италіи, и даже обѣщалъ щепотку табаку, если успѣешь перевернуть вверхъ ногами Папскія Владѣнія.

— Вы приказали, и я дѣйствовалъ. Но Итальянцы настоящія бабы. Въ началѣ сего года учредилъ я между ними прекрасный заговоръ: они поклялись, что отвагою и мятежническими доблестями превзойдутъ древнихъ Римлянъ, и я имѣлъ причину ожидать полнаго успѣха, какъ вдругъ, ночью, ваша мрачность изволили слишкомъ громко... съ позволенія сказать.... кашльнуть, что ли?...

такъ, что земля маленько потряслась надъ вашею спальнею. Мои герои, испугавшись землетрясенія, побѣжали къ своимъ капуцинамъ и высказали имъ на исповѣди весь нашъ заговоръ — и всѣ были посажены въ тюрьму. Я самъ находился въ ужасной опасности и едва успѣлъ спасти жизнь: какой-то капуцинъ гнался за мною, съ кропиломъ въ рукѣ, чрезъ всю Болонью. Къ Риму подходить я не смѣю: вамъ извѣстно, что еще въ V вѣкѣ заключенъ съ нами договоръ, подлинная грамата коего, писанная на бычачьей шкурѣ, хранится понынѣ въ Ватиканской библіотекѣ между тайными рукописями: этимъ договоромъ черти обязались не приближаться къ стѣнамъ Рима на десять миль кругомъ....

— У тебя на все своя отговорка, возразилъ недовольный Сатана: по твоей лѣности, выходитъ, что въ нынѣшнее время одни лишь черти будутъ свято соблюдать договоры. Ну, что̀ въ Англіи?

— Покамѣстъ ничего; но будетъ, будетъ!... Теперь прошелъ билль о реформѣ, и я вамъ обѣщаю, что лѣтъ чрезъ нѣсколько подниму вамъ въ томъ краю чудесную бурю. Только потерпите немножко!...

— Итакъ, теперь рѣшительно нѣтъ у тебя ни одной революціи?

— Рѣшительно ни одной, ваша мрачность! кромѣ нѣсколько текущихъ мятежей и бунтовъ по уѣздамъ въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ это въ порядкѣ вещей и необходимо для удостовѣренія людей, что они дѣйствительно пользуются свободою, то есть, что они безпрепятственно мо-

гутъ разбивать другъ другу головы во всякое время года.

— Однако, любезный Астаротъ, я увѣренъ, что ежели ты захочешь, то все можешь сдѣлать, присовокупилъ царь чертей. Постарайся, голубчикъ! пошевелись, похлопочи....

— Стараюсь, бѣгаю, хлопочу, ваша мрачность! но трудно: времена перемѣнились.

— Отчего же такъ перемѣнились?

— Оттого, что люди не слишкомъ стали мнѣ вѣрить.

— Люди не стали тебѣ вѣрить?... воскликнулъ изумленный Сатана. Какъ же это случилось?

— Я слишкомъ долго обманывалъ ихъ обѣщаніями блистательной будущности, богатства, благоденствія, свободы, тишины и порядка, а изъ моихъ революцій, конституцій, камеръ и бюджетовъ вышли только гоненія, тюрьмы, нищета и разрушеніе. Теперь ихъ не такъ легко надуешь: они сдѣлались чрезвычайно умны.

— Молчи, дуракъ! заревѣлъ Сатана страшнымъ голосомъ. Какъ ты смѣешь лгать предо мною такъ безсовѣстно? Будто я не знаю, что люди никогда не будутъ умны?...

— Однако, увѣряю вашу мрачность. ..

— Молчи!...

Чортъ мятежей, по врожденной наглости, хотѣлъ еще отвѣчать Сатанѣ, какъ тотъ, въ ужасномъ гнѣвѣ, соскочилъ съ своего сѣдалища и бросился къ нему, съ пылающимъ взоромъ, съ разинутою пастью, съ распростертыми когтями, какъ будто готовясь растерзать его.

Астаротъ бѣжать! — Сатана за нимъ!...

Проклятые, со страха, стали прятаться въ дыркахъ и разщелинахъ, влѣзать на карнизы, искать убѣжища на потолкѣ. Суматоха была ужасная, какъ во французской камерѣ депутатовъ при совѣщаніяхъ о водвореніи внутренняго порядка или о всеобщемъ мирѣ.

Сатана гонялся за Астаротомъ по всей залѣ; но оберъ-предсѣдатель революцій, истинно съ чертовскою ловкостью, всегда успѣвалъ ускользнуть у него, почти изъ рукъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ, въ теченіи коихъ они пробѣжали другъ за другомъ 2000 верстъ, въ разныхъ направленіяхъ. Наконецъ повелитель ада поймалъ коварнаго министра своего за хвостъ....

Поймавъ и держа за конецъ хвоста, онъ поднялъ его на воздухъ и сказалъ, съ адскою насмѣшкой:

— А!... ты толкуешь мнѣ объ умѣ людей!... Постой же, негодяй!... Смотри, чтобы немедленно произвелъ мнѣ гдѣ-нибудь между ними революцію, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ: иначе, я тебя!... quos ego!... какъ говоритъ Виргилій....

И, въ пылу классической угрозы, повертѣвъ имъ нѣсколько разъ надъ своею головою, онъ бросилъ его вверхъ со всего размаху.

Бѣдный чортъ мятежей, пробивъ собою сводъ ада, вылетѣлъ въ надземный воздухъ, и нѣсколько часовъ сряду летѣлъ въ немъ какъ бомба, брошенная изъ большой Перкинсовой мортиры. Астрономы направили въ него свои телескопы и, примѣтивъ у него хвостъ, приняли его за комету: они

тотчасъ исчислили, во сколько времени совершитъ она путь свой около солнца и, для успокоенія умовъ слабыхъ и суевѣрныхъ, издали ученое разсужденіе, говоря: «Не бойтесь! это не чортъ, а комета».— Г. Е*** напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что хотя это, можетъ-статься, и не комета, а чортъ, но онъ не упадетъ на землю: напротивъ того, онъ сдѣлается луною, какъ то уже предсказано имъ назадъ тому лѣтъ двадцать.—Теперь, послѣ изобрѣтенія Фрауэнгоферова телескопа, и летучая мышь не укроется въ воздухѣ отъ астрономовъ: они всѣхъ ихъ произведутъ въ небесныя свѣтила.

Между-тѣмъ, чортъ мятежей летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ, и упалъ на землю, съ трескомъ и шумомъ, — въ самомъ центрѣ Парижа. Но черти какъ кошки: паденія имъ не вредны. Астаротъ мигомъ приподнялся, оправился и немедленно сталъ кричать во все горло: Долой министровъ!—Долой короля!—Да здравствуетъ свобода!—Виватъ Республика!—Виватъ Лафайетъ!—Ура Наполеонъ II!— сталъ бросать въ окна каменьями и бутылками, коими были наполнены его карманы; сталъ бить фонари и стрѣлять изъ пистолетовъ, — и въ одно мгновеніе вспыхнулъ ужасный бунтъ въ Парижѣ.

Сатана, выбросивъ Астарота на землю, важно возвратился къ своему престолу, возсѣлъ, выпыхался, понюхалъ опилокъ и сказалъ:—Видишь, какой бездѣльникъ!... Чтобъ ничего не дѣлать, онъ вздумалъ воспѣвать передо мною похвалы уму человѣческому!... Покорно прошу сказать, когда этотъ прославленный умъ былъ сильнѣе нашего искушенія?... Люди всегда будутъ люди. Охъ, эти лю-

безные, дорогіе люди!... они на то лишь и годятся, что ко мнѣ въ проклятые.... Кто теперь слѣдуетъ къ докладу? —

—

Представьте себѣ чертёнка — вѣдь вы чертей видали? — представьте себѣ чертёнка, ростомъ съ обыкновеннаго губернскаго секретаря, 2 аршина и $^1/_2$ вершка, съ пѣтушьимъ носомъ, съ собачьимъ челомъ, съ торчащими ушами, съ рогами, съ клыками, съ когтями и съ длиннымъ хвостомъ; одѣтаго — какъ всегда одѣваются черти! — одѣтаго по-нѣмецки, въ чулкахъ, сшитыхъ изъ старыхъ газетъ, въ штанахъ изъ старыхъ газетъ, въ длинномъ фракѣ изъ старыхъ газетъ, съ высокимъ, аршинъ въ девять, остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, склееннымъ изъ журнальныхъ корректуръ въ видѣ огромнаго шпица, на верхушкѣ коего стоитъ бумажный флюгерокъ, вертящійся на деревянномъ прутикѣ и показывающій откуда дуетъ вѣтеръ — и вы будете имѣть понятіе о забавномъ лицѣ и форменномъ нарядѣ пресловутаго Бубантуса, перваго лорда-дьявола журналистики въ службѣ его мрачности.

Бубантусъ большой любимецъ повелителя ада: онъ исправляетъ при немъ двойную должность, придворнаго клеветника и издателя ежедневной газеты, выходящей однажды въ нѣсколько мѣсяцевъ, подъ заглавіемъ: «Лгунъ изъ лгуновъ.» Въ аду, это оффиціальная газета: въ ней, для удовлетворенія любопытству царя тьмы, помѣщаются одни только извѣстія неосновательныя, ибо осно-

вательныя онъ находитъ слишкомъ глупыми и недостойными его вниманія. И дѣльно!...

Съ совинымъ перомъ за ухомъ, съ чернымъ портфелемъ подъ мышкою, весь запачканный желчью и чернилами, подошелъ онъ къ сѣдалищу суроваго обладателя подземнаго царства, и остановился: остановился, поклонился, сдѣлалъ пируэтъ на одной ногѣ, и опять поклонился и сказалъ:

— Имѣю честь рекомендоваться!...

Сатана примолвилъ:

— Любезный Бубантушка, начинай скорѣе свой докладъ: только говори коротко и умно, потому-что я сердитъ и скучаю....

И онъ зѣвнулъ ужасно, раскрывъ ротъ шире жерла горы Везувія: дымъ и пламя заклубились изъ его горла.

— Мой докладъ сочиненъ на бумагѣ, отвѣчалъ нечистый духъ журналистики. Какъ вашей мрачности угодно его слушать: романтически, или классически?... то есть, снизу вверхъ, или сверху внизъ?

— Слушаю снизу вверхъ, сказалъ Сатана. Я люблю романтизмъ: тамъ все темно и страшно, и всякое третье слово бываетъ непремѣнно *мракъ* или *мрачный:* это по моей части.

Бубантусъ началъ приготовляться къ чтенію. Сатана присовокупилъ:

— Садись, мой дорогой Бубантусъ, чтобъ тебѣ было удобнѣе читать.

Бубантусъ оборотился къ нему задомъ и поклонился въ поясъ: подъ землею, это принятый и самый вѣжливый образъ изъявленія благодарности

за приглашеніе садиться. Онъ окинулъ взоромъ залу и, нигдѣ не видя стула, снялъ съ головы свой бумажный, шпице-образный колпакъ, поставилъ его на полъ, присѣлъ, сжался, прыгнулъ на десять аршинъ вверхъ, вскочилъ и сѣлъ на самомъ флюгеркѣ его; сѣлъ удивительно ловко — ибо вдругъ попалъ онъ своимъ rectum на конецъ прутика и воткнулся на него ровно, крѣпко и удобно, — принялъ важный видъ, вынулъ изъ портфеля бумагу, обернулъ ее вверхъ ногами, чихнулъ, свиснулъ и приступилъ къ чтенію съ конца, на романтическій манеръ:

«. *и проч., и проч., слугою покорнѣйшимъ вашимъ* «*пребыть честь Шпью. невозможно людьми управ-* «*лять иначе....*

— И проч., и проч.!..» воскликнулъ Сатана, прерывая чтеніе. Визирь, слышалъ ли ты это начало? И проч., и проч.!.. Нашъ Бубантусъ, право, мастеръ сочинять. Доселѣ статьи романтическія обыкновенно начинались съ *И*, съ *Ибо*, съ *Однакожъ*; но никто еще не началъ такъ смѣло, какъ онъ, съ *и проч.* Романтизмъ — славное изобрѣтеніе!

— Удивительное, ваша мрачность, отвѣчалъ визирь, кланяясь.

— На будущее время я не иначе буду говорить съ тобою о дѣлахъ, какъ романтически, то есть, наоборотъ.

— Слушаю, ваша мрачность! примолвилъ визирь: это будетъ гораздо вразумительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, истинно адскія понятія никакимъ

другимъ слогомъ не могутъ быть выражены такъ сильно и удобно, какъ романтическимъ.

— Какъ мы прежде того не догадались! сказалъ царь чертей. Я, вѣроятно, всегда любилъ романтизмъ?...

— Ваша мрачность всегда имѣли вкусъ тонкій и чертовскій.

— Читай, сказалъ Сатана, обращаясь къ злому духу журналистики; но повтори и то, что̀ прочиталъ: мнѣ твой слогъ очень нравится.

Бубантусъ повторилъ:

«. и проч., и проч., слугою покорнѣйшимъ вашимъ пребыть честь Имѣю....»

— Какъ?... только *слугою?* прервалъ опять Сатана: ты въ тотъ разъ читалъ умнѣе.

— Только *слугою*, ваша мрачность, возразилъ чортъ журналовъ: я и прежде читалъ *слугою*, и теперь такъ читаю. Я не могу болѣе подписываться: *вашимъ вѣрноподданнымъ.*

— Почему?

— Потому-что мы, въ Парижѣ, торжественно протестовали противъ этого слова, почти во всѣхъ журналахъ: оно слишкомъ классическое, миѳологическое, греческое, феодальное....

— Полно, такъ ли братецъ?

— Точно такъ, ваша мрачность! Со времени учрежденія въ Западной Европѣ самодержавія чернаго народа, всѣ люди цари: такъ говоритъ г. Могенъ. Я даже намѣренъ заставить предложить въ слѣдующее собраніе Французскихъ Палатъ, чтобы впередъ всѣ частныя лица подписывались: *Имѣю честь быть вашимъ милостивымъ*

государемъ, а одинъ только король писался бы *покорнѣйшимъ слугою.*

— Странно!... воскликнулъ Сатана, съ весьма недовольнымъ видомъ. Неужели все это романтизмъ!

— Самый чистый романтизмъ, ваша мрачность. Въ романтизмѣ главное правило, чтобы все было странно и наоборотъ.

— Продолжай!

Бубантусъ продолжалъ:

«. *невозможно людьми управлять иначе: въ-ис-*
«*кушеніе вводить и обѣщаніями лживыми увле-*
«*кать, дерзостью изумлять, искусно ихъ надувать*
«*умѣть надобно, изволите сіе знать мрачность*
«*ваша, какъ въ дуракахъ остались совершенно они*
«*чтобъ, стараясь, ибо;...*

— Стой! закричалъ Сатана, и глаза у него засверкали, какъ двѣ молніи. Стой!... полно! Ты самъ останешься у меня въ дуракахъ. Какъ ты смѣешь говорить, что моя мрачность...? Не хочу я болѣе твоего романтизма. Читай мнѣ классически, сверху внизъ.

— Но здѣсь дѣло идетъ не о вашей мрачности, а о людяхъ, возразилъ испуганный чертёнокъ. Слогъ романтическій имѣетъ то свойство, что надъ всякимъ періодомъ надобно крѣпко призадуматься, пока постигнешь смыслъ онаго, буде таковой на лицо въ ономъ имѣется.

— А я думать не хочу! сказалъ грозный обладатель ада: на что̀ мнѣ эта бѣда?... Я вашего романтизма не понимаю. Это сущій вздоръ: не правда ли, мой верховный визирь?

— Совершенная правда! отвѣчалъ Вельзевуоъ, кланяясь. Слыханное ли дѣло, читая думать?...

— Сверхъ того, присовокупилъ царь чертей: я примѣчаю въ этомъ слогѣ выраженія чрезвычайно дерзкія, неучтивыя, которыхъ никогда не встрѣчалъ я въ прежней классической прозѣ, гладкой, тихой, покорной, низкопоклонной....

— Безъ сомнѣнія! подтвердилъ визирь. Романтизмъ есть слогъ мотовъ, буяновъ, мятежниковъ, лунатиковъ, и для такихъ большихъ вельможъ, какъ вы, слогъ классическій гораздо удобнѣе и приличнѣе: по крайней мѣрѣ, онъ не утруждаетъ головы и не пугаетъ воображенія.

— Мой верховный визирь разсуждаетъ очень здраво, сказалъ Сатана съ важностью: я большой вельможа. Читай мнѣ классически, не утруждая моей головы и не пугая моего воображенія.

Бубантусъ, обернувъ бумагу назадъ, сталъ читать сначала:

«ДОКЛАДЪ.

«Мрачнѣйшій Сатана!

«Имѣю честь донести вашей нечистой силѣ, «что, стараясь распространять болѣе и болѣе вла- «дычество ваше между родомъ человѣческимъ, «для удобнѣйшаго запутанія означеннаго рода въ «наши тенеты, подвѣдомыхъ мнѣ журналистовъ «раздѣлилъ я на всей землѣ на классы и виды, и «каждому изъ нихъ предписалъ особенное направ- «леніе. Въ одной Франціи учредилъ я четыре «класса журналописцевъ, не считая пятаго. Пер- «вый классъ названъ мною журналистами движе-

«нія, второй журналистами сопротивленія, третій «журналистами уклоненія, четвертый журнал- «стами возвращенія. Пятый именуется среднею се- «рединою. Одни изъ нихъ тащутъ умы впередъ, «другіе тащутъ ихъ назадъ; тѣ тащутъ направо, «тѣ налѣво, тогда какъ послѣдователи средней «средины увертываются между ними, какъ без- «хвостая лиса, — и всѣ кричатъ, и всѣ шумятъ, «всѣ вопіютъ, ругаютъ, стращаютъ, бѣсятся, гро- «зятъ, льстятъ, клевещутъ, обѣщаютъ; всѣ пред- «вѣщаютъ и проповѣдуютъ бунты, мятежи, бѣд- «ствія, кровь, пожаръ, слезы, разореніе: только «слушай, да любуйся! Читатели въ ужасѣ, не «знаютъ что̀ думать, не знаютъ чему вѣрить и за «что̀ приняться: они ежечасно ожидаютъ гибель- «ныхъ происшествій, бѣгаютъ, суетятся, уклады- «ваютъ вещи, прячутъ пожитки, заряжаютъ ружья, «хотятъ уйти и хотятъ защищаться, и не разбе- «рутъ, кто врагъ, кто пріятель, на кого нападать «и кого покровительствовать; днемъ они не доку- «шиваютъ обѣда, ввечеру боятся искать развле- «ченій, ночью внезапно вскакиваютъ съ постели: «однимъ словомъ, безпорядокъ, суматоха, буря «умовъ, волненіе надеждъ и желаній, вьюга стра- «стей, грозная, неслыханная, ужасная — и все «это по милости газетъ и журналовъ, мною со- «зданныхъ и руководимыхъ!

«Не хвастая, ваша мрачность, я одинъ болѣе «проложилъ людямъ путей къ пагубѣ, чѣмъ всѣ «прочіе мои товарищи. Я удвоилъ общую массу «грѣха. Прежде люди грѣшили только по старин- «ному, краткому списку грѣховъ; теперь они грѣ-

«шатъ еще по журналамъ и газетамъ: по нимъ «лгутъ, крадутъ, убиваютъ, плутуютъ, святотат- «ствуютъ; по нимъ живутъ и гибнутъ въ безче- «стіи. Мои большіе печатные листы безпрерывно «колятъ ихъ въ бокъ, жгутъ въ самое сердце, «рвутъ тѣла ихъ клещами страстей, тормошатъ «умы ихъ обѣщаніями блеска и славы, какъ со- «бакп кусокъ старой подошвы; подстрекаютъ ихъ «противъ всѣхъ и всего, прельщаютъ и, среди «прельщенія, забрызгиваютъ имъ глаза грязью: «возбуждаютъ въ нихъ дѣятельность и, возбу- «дивъ, не даютъ имъ ни ѣсть, ни спать, ни рабо- «тать, ни заниматься выгодными предпріятіями. «Симъ-то образомъ, создавъ, посредствомъ моихъ «листовъ, особую стихію политическаго мечтатель- «ства, — стихію горькую, язвительную, палящую, «наводящую опьяненіе и бѣшенство, — я оттор- «гнулъ милліоны людей отъ мирныхъ и полезныхъ «занятій и бросилъ ихъ въ пучины сей стихіи: «они въ ней погибнутъ, но они уже увлекли съ «собою въ пропасть цѣлыя поколѣнія, и еще увле- «кутъ многія.

«Коротко сказать, при помощи сихъ ничтож- «ныхъ листовъ, я содержу все въ полномъ смя- «теніи, заказываю мятежи на извѣстные дни и «часы, ниспровергаю власти, передѣлываю зако- «ны по своему вкусу, и самодержавно управляю «огромнымъ участкомъ земнаго шара, Франціею, «Англіею, частью Германіи, Остъ-Индіею, Остро- «вами и цѣлою Америкою. Если ваша мрачность «желаете видѣть на опытѣ, до какой степени со- «вершенства довелъ я на землѣ адское могуще-

«ство журналистики, да позволено мнѣ будетъ «выписать изъ Франціи, Англіи и Баваріи пяте-«рыхъ журналистовъ и учредить здѣсь, подъ зем-«лею, пять политическихъ газетъ: ручаюсь моимъ «хвостомъ, что, чрезъ три мѣсяца, такую пропз-«веду вамъ суматоху между проклятыми, что вы «будете принуждены объявить весь адъ состоя-«щимъ въ осадномъ положеніи; вашей же мрач-«ности велю съиграть такую пронзительную сере-«наду на кострюляхъ, котлахъ, блюдахъ, волын-«кахъ и самоварахъ, — гдѣ вамъ угодно, хоть и «подъ вашею кроватью, — какой ни одинъ членъ «средней середины....»

— Ахъ, ты, негодяй!... закричалъ Сатана громовымъ голосомъ, и—хлопъ! — отвѣсилъ ему жестокій щелчокъ по носу —щелчокъ, отъ котораго краснорѣчивый Бубантусъ, сидящій на колпакѣ, на концѣ прутика, поддерживающаго флюгеръ, вдругъ сталъ вертѣться на немъ съ такою быстротою, что подобно приведенной въ движеніе шпулѣ, онъ образовалъ собою только видъ жужжащаго, дрожащаго, полупрозрачнаго шара. И онъ вертѣлся такимъ образомъ цѣлую недѣлю, дѣлая на своемъ полюсѣ по 666 поворотовъ въ минуту, — ибо сила щелчка Сатаны, въ сравненіи съ нашими паровыми машинами, равна силѣ 1,738 лошадей и 1 жеребенка.

— Странное дѣло, сказалъ Сатана визирю своему, Вельзевуоу: какъ они теперь пишутъ!... Читай, какъ угодно, сверху внизъ или снизу вверхъ, классически или романтически: все выйдетъ та же глупость или дерзость!... Впрочемъ, Бубантусъ доб-

рый злой-духъ: онъ служитъ мнѣ усердно и хорошо искушаетъ; но, живя въ обществѣ журналистовъ, онъ сдѣлался немножко либераломъ, наглымъ, и забываетъ должное ко мнѣ благоговѣніе. Въ наказаніе, пусть его помелетъ задомъ.... Позови чорта словесности къ докладу.

Визирь кивнулъ рогомъ, и великій чортъ словесности явился.

Онъ не похожъ на другихъ чертей, онъ чортъ хорошо воспитанный, хорошаго тона; высокій, тонкій, сухощавый, черный — очень черный — и очень блѣдный: страждетъ модною болѣзнію, гастритомъ, и лицо имѣетъ оправленное въ круглую рамку изъ густыхъ бакенбардъ. Онъ носитъ желтыя перчатки; на шеѣ у него бѣлый атласный галстухъ. Не взирая на присутствіе Сатаны, онъ беззаботно напѣвалъ себѣ сквозь зубы арію изъ «Фрейшюца» и хвостомъ выколачивалъ тактъ по полу. Онъ имѣлъ видъ франта, и еще ученаго франта. Съ перваго взгляда узнали бъ вы въ немъ романтика. Но онъ романтикъ не журнальный, не такой какъ Бубантусъ; а романтикъ высшаго разряда, въ четырехъ томахъ, съ англійскою виньеткою.

— Здоровъ ли ты, чортъ, Точкоставъ? сказалъ ему Сатана.

— !..!!.... Слуга покорнѣйшій....!!!.?..!...!!!! вашей адской мрачности!!!!!....!..!.

— Давно мы съ тобой не видались.

— Увы!...!!!..??..?!..!!!!!!..! я страдалъ...!!!... я жесто-

ко страдалъ!!!!..!..!..!..? Мрачная влажность проникла въ стѣны души моей; гробовая сырость ея вторгнулась, какъ измѣна, въ мозгъ, и мое воображеніе, вися неподвижно въ семъ тяжеломъ, мокромъ, холодномъ туманѣ болѣзненности, мерцало только свѣтомъ слабымъ, блѣднымъ, дрожащимъ, неровно мелькающимъ, похожимъ на ужасную улыбку рока, поразившаго остротою свою добычу — оно мерцало свѣтомъ лампады, внесенной рукою гонимаго въ убійственный воздухъ ужаса и смрада, заваленной гніющими трупами и хохочущими остовами....

— Что̀ это значитъ? воскликнулъ изумленный Сатана.

— Это значитъ??.!!!..?..!!!!!.!. это значитъ, что у меня былъ насморкъ, отвѣчалъ Точкоставъ.

— Ахъ, ты, сумасбродъ! вскричалъ царь чертей съ нетерпѣніемъ. Перестанешь ли ты когда-нибудь, или нѣтъ, морочить меня своимъ отвратительнымъ пустословіемъ и говорить со мною точками, да этими кучами знаковъ вопросительныхъ и восклицательныхъ?... Я уже нѣсколько разъ сказывалъ тебѣ, что терпѣть ихъ не могу; но теперь, для вящшей безопасности отъ скуки и рвоты, рѣшаюсь принять въ отношеніи къ вамъ общую, великую, государственную мѣру....

— Что̀ такое?... спросилъ встревоженный чортъ.

— Я отмѣняю, продолжалъ Сатана, уничтожаю формально и навсегда, въ моихъ владѣніяхъ, весь романтизмъ и весь классицизмъ, потому-что какъ тотъ, такъ и другой — сущая безсмыслица.

— Какъ же теперь будетъ?... спросилъ нечи-

стый духъ словесности: какимъ слогомъ будемъ мы разговаривать съ вашею мрачностью?... Мы умѣемъ только говорить классически или романтически.

— А я не хочу знать ни того, ни другаго! примолвилъ Сатана съ суровымъ видомъ. Оба эти рода смѣшны, ни съ чѣмъ несообразны, безвкусны, уродливы, ложны — ложны, какъ самъ чортъ!—Понимаешь ли?... И ежели въ томъ дѣло, то я самъ, моею властію, предпишу вамъ новый родъ и новую школу словесности: впередъ имѣете вы говорить и писать, не классически, не романтически, а шарбалаамбарабурически.

— Шарбалаамбарабурически?... сказалъ чортъ.

— Да, шарбалаамбарабурически, присовокупилъ Сатана: то есть, писать *дѣльно*.

— Писать дѣльно?... воскликнулъ великій чортъ словесности, въ совершенномъ остолбенѣніи. Писать дѣльно!... Но мы, ваша мрачность, умѣемъ только писать классически или романтически.

— Писать дѣльно, говорятъ тебѣ! повторилъ Сатана съ гнѣвомъ. Дѣльно, то есть, здраво, просто, естественно, сильно безъ натяжекъ, ново безъ труповъ, палачей и шарлатанства, пріятно безъ причесанныхъ à-la-Titus періодовъ и одѣтыхъ въ реторическій парикъ оборотовъ, разнообразно безъ греческой миѳологіи и безъ Шекспирова чернокнижія, умно безъ старинныхъ антитезъ и безъ нынѣшняго плутовства въ словахъ и мысляхъ. Понимаешь ли?... Я такъ приказываю: это моя выдумка.

— Писать здраво, просто, умно, разнообразно!... повторилъ съ своей стороны нечистый духъ словесности, въ жестокомъ смятеніи. У вашей мрачности всегда бываютъ какія-то чертовскія выдумки. Мы умѣемъ только писать классически или ром....

— Слышалъ ли ты мою волю, или нѣтъ?

— Слышалъ, ваша мрачность; но она неудобоисполнима.

— Почему?...

— Потому-что я и подвѣдомые мнѣ словесники умѣемъ излагать наши мысли только классически или романтически, то есть, по одному изъ двухъ готовыхъ образцовъ, по одной изъ двухъ давно извѣстныхъ, опредѣленныхъ системъ: писать же такъ, чтобъ это не было ни *сглупа* по-аѳински, ни *сдурна* по-староанглійски — того на землѣ никто исполнить не въ состояніи. Ваша нечистая сила полагаете, что у людей такое же адское соображеніе, какъ у васъ: они — клянусь грѣхомъ! — умѣютъ только скверно подражать, обезьяничать.... Прежде они подражали старинѣ греческой, которую утрировали, коверкали безчеловѣчно; теперь, она имъ надоѣла, и я подсунулъ имъ другую пошлую старину, именно великобританскую, на которую они бросились, какъ бѣшеные, и которую опять стали утрировать и коверкать. Они сами видятъ, что прежде были очень смѣшны; но того не чувствуютъ, что они и теперь очень смѣшны, только другимъ образомъ, и радуются, какъ будто нашли тайну быть совершенно новыми. Притомъ, что̀ пользы для вашей

мрачности, когда люди станутъ писать умно и дѣльно?

— Какъ, что пользы?... Я, по-крайней-мѣрѣ, не умру отъ скуки, слушая подобныя глупости.

— Но владычество ваше на землѣ исчезнетъ.

— Отчего же такъ?

— Оттого, что когда они начнутъ сочинять дѣльно, о чертяхъ и помину не будетъ. Вѣдь мы притча!...

— Ты думаешь?...

— Безъ сомнѣнія!... Теперь вы самодержавно господствуете надъ всею земною словесностію, вы царствуете во всѣхъ изящныхъ произведеніяхъ ума человѣческаго. Всѣ его творенія дышатъ нечистою силой, всѣ бредятъ дьяволомъ. Греческій Олимпъ разрушенъ до основанія: Юпитеръ палъ, и на его престолѣ теперь сидите вы, мрачнѣйшій Сатана. Я все такъ устроилъ, что смертные писатели воспѣваютъ только адъ, грѣхъ, порокъ и преступленіе....

— Неужели?... воскликнулъ царь тьмы съ удовольствіемъ.

— Ей, ей, ваша мрачность. Главныя пружины нынѣшней поэзіи суть: вмѣсто Венеры—вѣдьма; вмѣсто Аполлона—страшный, засаленный, вонючій шаманъ; вмѣсто Нимфъ — вампиры: она завалена трупами, черепами, скелетами; изъ каждой ея строки каплетъ гнойная матерія. Проза сдѣлалась настоящею помойною ямой: она толкуетъ только о крови, грязи, разбояхъ, палачахъ, мукахъ, изувѣченіяхъ, чахоткахъ, уродахъ; она представляетъ нищету со всею ея отвратительностью, развратъ

со всею его прелестью, преступленіе со всею его мерзостью, со всею наготою, соблазнъ и ужасъ со всѣми подробностями. Она съ удовольствіемъ разрываетъ могилы, какъ алчная гіена, и забавляется, швыряя въ проходящихъ вырытыми костями; она ведетъ бѣднаго читателя въ мрачныя гробницы, и, шутя, запираетъ его въ гробъ вмѣстѣ съ червлявымъ трупомъ; ведетъ въ смрадныя тюрьмы и, также шутя, сажаетъ его на грязной соломѣ, подлѣ изверговъ, разбойниковъ и зажигателей, съ коими поетъ она непстовыя пѣсни; ведетъ въ дома́ распутства и безчестія и, для потѣхи, бросаетъ ему въ лицо всѣ откопанныя тамъ нечистоты; ведетъ на лобныя мѣста, подставляетъ подъ эшафоты, и, въ шутку, обливаетъ его кровью обезглавленныхъ преступниковъ. Она придумываетъ для него новыя страданія, и хохочетъ надъ его страданіями. Она мучитъ его всѣмъ, чѣмъ только мучить возможно — предметомъ, тономъ повѣствованія, слогомъ — этимъ-то слогомъ моего изобрѣтенія, свирѣпымъ, ядовитымъ, изломаннымъ въ зигзагъ, набитымъ шипами, удушливымъ, утомительнымъ до крайности....

— Все это очень хорошо и похвально, прервалъ Сатана, но не прочно. Я знаю, что твой слогъ имѣетъ всѣ эти достоинства; но думаешь ли ты, что читатели долго дозволятъ вамъ мучить ихъ такимъ несноснымъ образомъ? Вѣдь это хуже, чѣмъ у меня въ аду!...

— Конечно, не долго, отвѣчалъ чортъ Точкоставъ: но, между-тѣмъ, какое удовольствіе, какая

отрада, мучить людей порядкомъ, и еще подъ видомъ собственнаго ихъ наслажденія!..

— И то дѣло! сказалъ Сатана. Мучь же крѣпко, любезный Точкоставъ, своею романтическою прозою и поэзіею!

— Радъ стараться, ваша мрачность.

— Если у васъ, на землѣ, не достанетъ чернилъ на точки и знаки восклицательные, то обратись ко мнѣ. Мы можемъ удѣлить вамъ полтора или два милліона бочекъ нашего адскаго перегорѣлаго дегтю.

— Не премину воспользоваться вашимъ великодушнымъ предложеніемъ.

— Что̀ это у тебя въ рукѣ?

— Новый романъ для вашей нечистой силы, и вчерашнія парижскія афишки.

— Ну, что̀ вчера представляли на театрахъ въ Парижѣ?

— Все романтическія пьесы, ваша мрачность. На одномъ театрѣ представляли чертей поющихъ, на другомъ чертей пляшущихъ, на третьемъ чертей сражающихся, на четвертомъ висѣлицу, на пятомъ гильотину, на шестомъ мятежъ, на седьмомъ Антони, или прелюбодѣяніе....

— Неужели?... воскликнулъ Сатана. Ну, что̀, какъ, хорошо ли представляли прелюбодѣяніе?

— Очень хорошо, ваша мрачность: очень натурально.

— И это ты выучилъ ихъ всему этому?

— Я, ваша мрачность.

— Хватъ, мой Точкоставъ!... Вотъ тебѣ за то фальшивый грошъ на водку. Какой это романъ?

— Романъ Жюль-Жанена, подъ заглавіемъ *Барнавъ*, произведеніе самое адское....

— Поди, поставь его въ моей избранной библіотекѣ. Сегодня я его прочитаю, а завтра съѣмъ, и будетъ ему конецъ.

—

— Подайте мнѣ трубку, сказалъ Сатана.

Султанъ Магометъ II, покоритель Константинополя, исправляетъ при дворѣ его нечистой силы знаменитую должность *чубукчи-баши*: онъ чиститъ и набиваетъ огромную мѣдную его трубку, сдѣланную изъ отбитой головы баснословнаго родосскаго колосса. Въ эту трубку обыкновенно кладется цѣлый возъ гнилаго подряднаго сѣна: это любимый табакъ Сатаны — онъ даже другаго не употребляетъ.

Черти, зная вкусъ своего повелителя, по ночамъ крадутъ для него этотъ табакъ изъ разныхъ провіантскихъ магазиновъ. Отъ этого именно, иногда, происходитъ у людей недочётъ въ казенномъ сѣнѣ.

Магометъ II церемоніяльно поднесъ набитую трубку. Сатана принялъ ею одною рукой, а другую внезапно простеръ въ сторону, и схватилъ ее за голову одного изъ близъ-стоящихъ проклятыхъ, прежде-бывшаго издателя чужихъ сочиненій съ варіантами и своими замѣчаніями, высохшаго какъ листъ бумаги надъ сравненіемъ текстовъ и помѣшавшагося на вопросительномъ знакѣ, поставленномъ въ одной рукописи, по ошибкѣ, вмѣсто точки съ запятою. Онъ смялъ его въ горсти, придвинулъ къ своему носу, и чихнулъ; искры обильно посы-

пались изъ ноздрей его. Сухой толкователь чужихъ мыслей мгновенно отъ нихъ загорѣлся. Сатана зажегъ имъ трубку; остальную же часть его онъ бросилъ на полъ и затушилъ ногою. Не догорѣвшій кусокъ ученаго словочета представляетъ собою видъ — (;) точки съ запятою!...

Всѣ проклятые были опечалены горестною его судьбою, и поражены жестокимъ своенравіемъ ихъ обладателя. Но Сатана спокойно курилъ свое сѣно.

—

— Не угодно ли вамъ выслушать еще докладъ главноуправляющаго супружескими дѣлами? сказалъ адскій верховный визирь.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Сатана: я люблю соблазнительныя лѣтописи.

И чортъ супружескихъ дѣлъ явился.

Я не стану описывать его наружности, потому-что три-четверти женатыхъ читателей моихъ лично съ нимъ знакомы; а скажу только, что чортъ Фифи-Коко есть злой-духъ презлой, прековарный, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ очень любезный — смирный, покорный, услужливый, какъ иной столоначальникъ передъ своею директоршею—и хитрый, какъ преступная жена, и плутъ хуже всякаго подъячаго, и проворный искуситель, и въ большомъ уваженіи у Сатаны. Онъ-то привелъ во искушеніе первую нашу прародительницу, сообщивъ ей великую тайну всего добраго и всего злаго: въ то время это была великая тайна: но въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, даже всѣ горничныя знаютъ ее наизустъ и безъ его содѣйствія.

Но гораздо важнѣе то, что онъ знаетъ тайны всѣхъ замужнихъ красавицъ, и самой даже Сатанши. Сатана имѣетъ крѣпкое на него подозрѣніе, но..... но не говоритъ ни слова: Сатана знаетъ приличія.

— Что̀ новаго? спросилъ черный повелитель: какъ идутъ дѣла по твоей части?

— Отмѣнно хорошо, ваша мрачность. Часть моя никогда еще не бывала въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ теперь. Въ супружествахъ господствуетъ необыкновенная скука; мужья и жены бо̀льшею частью ссорятся дважды и трижды въ день; требованія утѣшеній непрестанны.... У меня подлинно голова кружится отъ множества дѣлъ.

— Я знаю твою дѣятельность и ревность, примолвилъ Сатана важно. Покажи мнѣ свою табель.

Фифи-Коко подалъ ему, на длинномъ листѣ бумаги, табель супружескихъ происшествій за послѣдній мѣсяцъ на всей поверхности земнаго шара. Сатана, держа трубку въ зубахъ, началъ разсматривать ее съ большимъ вниманіемъ и, при всякой статьѣ, то восклицалъ отъ удовольствія, то отъ радости испускалъ огромные клубы табачнаго дыма ртомъ, носомъ и ушами.—Сколько измѣнъ!... Сколько ссоръ!... Какая пропасть дракъ! приговаривалъ онъ, читая табель: да какое множество любовныхъ писемъ разослано въ теченіи одного мѣсяца!... Скажи, пожалуй, неужели столько разстроилъ ты супружествъ въ столь краткое время?... 777,777? Это ужасъ!...

— Именно столько, ваша мрачность, отвѣчалъ чортъ.

— Славно! славно!... воскликнулъ Сатана, продолжая смотрѣть въ бумагу. Я долженъ сказать откровенно, что, изо всѣхъ отраслей моего правленія, твой департаментъ отличается наилучшимъ порядкомъ.

— Ваша мрачность слишкомъ ко мнѣ милостивы....

— Дѣла текутъ у тебя чрезвычайно скоро.

— Женщины, ваша нечистая сила, не любятъ, чтобъ они долго оставались на справкѣ.

— И послѣ масляницы у тебя нерѣшенныхъ дѣлъ почти не остается.

— Это самое удобное время къ очисткѣ сего рода.

— Притомъ же, твоя часть чрезвычайно обширна и едва ли не самая важная: она приноситъ мнѣ наиболѣе пользы.

Фифи-Коко поклонился.

— Ни одинъ изъ моихъ вѣрныхъ служителей не доставляетъ мнѣ такого числа проклятыхъ, какъ ты. Сколько у насъ въ аду великихъ мужей, глубокомудрыхъ философовъ, мудрецовъ, святошей, фанатиковъ, которыхъ никто изъ моихъ чертей не могъ соблазнить; а ты принялся за дѣло, женилъ ихъ, и—глядь—черезъ нѣсколько времени привелъ ихъ ко мнѣ—и не однихъ!... мужа и жену вмѣстѣ.

— Когда ихъ, ваша мрачность, такъ легко поймать на приманку сладкаго грѣха! примолвилъ чортъ, скромно потупивъ глаза.

— Какъ бы то ни было, но я умѣю цѣнить твои дарованія, и поставляю себѣ въ обязанность на-

градить тебя блистательнымъ и приличнымъ образомъ, сказалъ Сатана съ торжественнымъ видомъ. Вельзевуѳъ! въ воздаяніе знаменитыхъ подвиговъ и безпримѣрной дѣятельности моего главнокомандующаго на землѣ супружескими дѣлами, вели вызолотить ему рога.

Черти, содержащіе стражу, схватили Фифи-Коко, отнесли его въ геенну, всунули головою въ печь и, раскаливъ ему рога до надлежащей степени, вызолотили ихъ прочно и богато; потомъ пустили его въ свѣтъ посѣвать дальнѣйшіе раздоры между двумя по̀лами рода человѣческаго.

Сатана отдалъ трубку, всталъ съ престола, зѣвнулъ, потянулся и сказалъ:

— Уфъ!... какъ я усталъ!... Какъ скучно управлять съ благоразуміемъ людскими глупостями!... Теперь, пойду гулять между огней въ геенѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться пріятнымъ зрѣлищемъ, какъ жарятся люди.

И онъ ушелъ.

17 іюня 1832.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮДИ!

БАСНЯ ВЪ ПРОЗѢ.

ЧТО̀ ТАКОЕ ЛЮДИ!

БАСНЯ ВЪ ПРОЗѢ.

Шелъ факиръ. Это было въ Индіи, гдѣ факировъ такое же множество, какъ у насъ титулярныхъ совѣтниковъ.

Шелъ онъ, чистя зубы рисовою соломинкою, хотя давно уже не обѣдалъ, и напѣвая во все горло старую санскритскую пѣсню:

Чѣмъ тебя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой....

Какъ вдругъ онъ очутился на краю темной и глубокой ямы, прикрытой сухимъ хворостомъ и соломою. Это была волчья яма, но какъ въ Индіи волковъ не водится, то въ нее, по неосторожности, упали обезьяна, змѣя-удавъ, тигръ и человѣкъ. Послѣдній былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, поставлявшій брильянтовые перстни и табакерки въ кабинетъ одного индійскаго султана.

Человѣкъ, увидѣвъ факира, сталъ просить, умолять, заклинать, чтобы онъ освободилъ его изъ ямы! Онъ предлагалъ ему за то чувствительную

признательность, нелицемѣрную дружбу, награды, благодѣянія, покровительство, услуги. Обезьяна, змѣя и тигръ смирнехонько сидѣли въ уголку, и не говорили ни словечка.

Добрый и голодный факиръ не заставилъ себя просить долгое время. Онъ отвязалъ свой поясъ, состоявшій изъ длиннаго куска грубой бумажной ткани, и спустилъ его въ яму. Человѣкъ, сбираясь уцѣпиться за конецъ его, счелъ нужнымъ напередъ понюхать табаку, потомъ приподнять полы платья, потомъ поправить на головѣ шапку. Между-тѣмъ обезьяна проворнѣе его уцѣпилась за полотно, и факиръ вытащилъ ее на свѣтъ, вмѣсто золотыхъ дѣлъ мастера. Онъ изумился; она съ радости прыгнула ему на плечо, отъ всей души обняла его за шею своимъ хвостомъ, прыгнула опять и сѣла на камнѣ, недалеко отъ того мѣста.

По просьбѣ человѣка, факиръ вторично опустилъ поясъ свой въ яму. Прежде, нежели тотъ вычихался, змѣй проворно обвился вокругъ пояса, и былъ такимъ же образомъ, какъ и обезьяна, благополучно поднятъ вверхъ и освобожденъ изъ плѣна. Огромное пресмыкающееся величественно развернуло кольца свои, зашипѣло въ знакъ благодарности, отползло въ сторону и обвилось около близъ-стоящаго дерева.

Факиръ испугался и подумалъ, что въ этой ямѣ весь звѣринецъ Лемана, о которомъ всякую масляницу читалъ онъ въ «Калькутскихъ Вѣдомостяхъ» статьи съ необычайными похвалами и возгласами, перепечатанныя, вѣроятно, изъ нашей «Сѣверной Пчелы»; однако онъ рѣшился еще

разъ бросить поясъ свой въ яму. Человѣкъ поспѣшилъ схватить рукою конецъ его; но тигръ, ободренный примѣромъ двухъ своихъ союзниковъ, выскочилъ изъ угла, опрокинулъ человѣка и самъ повисъ на полотнѣ. Бѣдный факиръ чуть не упалъ въ обморокъ при видѣ ужаснаго звѣря, вытащеннаго имъ вмѣсто человѣка; но обмороки въ томъ краю не въ большомъ употребленіи, притомъ же и тигръ не думалъ дѣлать ему ничего худаго: онъ только взглянулъ на него своимъ звѣрскимъ взоромъ, поскрежеталъ зубами вмѣсто спасибо, отошелъ въ сторону и легъ.

Когда факиръ въ четвертый разъ готовился опустить поясъ въ яму, обезьяна, змѣй и тигръ всѣ трое вдругъ, закричали ему по-санскритски: —Стой! что̀ ты дѣлаешь?... Оставь его тамъ! Не вытаскивай человѣка изъ ямы. Сгинь онъ въ ней, пропади!

— Почему же такъ? спросилъ изумленный факиръ.

— Какъ почему? воскликнула обезьяна. Неужъто не знаешь ты своего рода? Человѣкъ! да это глупѣйшее, хитрѣйшее, вѣроломнѣйшее животное во всей природѣ. Онъ презираетъ обезьянъ: а самъ онъ что̀ дѣлаетъ? всю жизнь свою проводитъ въ обезьянствѣ. Онъ даже издаетъ самъ для себя еженедѣльные журналы обезьянства, съ раскрашенными рисунками, и еженедѣльно передѣлываетъ цѣлую свою наружность по этимъ рисункамъ, всякій разъ хуже, всякій разъ страннѣе, смѣшнѣе и гаже. Я хоть и обезьянничаю, хоть и кривляюсь, по крайней-мѣрѣ дѣлаю это

для собственной моей потѣхи, когда мнѣ весело; онъ, напротивъ того, прибѣгаетъ къ этому средству единственно длятого, чтобъ обмануть другихъ на свой счетъ, чтобъ ослѣпить ихъ, чтобъ ихъ поддѣть, надуть, обобрать.... Фуй! какъ тебѣ не стыдно быть человѣкомъ! Поди лучше жить съ нами, съ честными, природными обезьянами, въ лѣсу, въ бору, въ пустомъ полѣ: я увѣрена, что ты будешь насъ любить и почитать. У насъ не найдешь ты ни измѣны, ни преступленій, ни пороковъ. Да какой у насъ прекрасный полъ! какъ онъ обезьянничаетъ просто, натурально, неподдѣльно: ужъ право не такъ, какъ ваши женщины, которыя всѣми силами стараются подражать обезьянамъ, да не умѣютъ!... Говорю тебѣ, не вытаскивай его изъ этой ямы: придетъ время, что будешь въ томъ раскаяваться!...

— Обезьяна судитъ весьма правильно, примолвилъ змѣй, приподнимая голову. Несравненно лучше имѣть дѣло съ обезьянами и змѣями, чѣмъ съ вашею братіею, честный факиръ. Я ужъ не стану говорить про обезьянъ: хотя человѣкъ и очень похожъ на нихъ лицомъ и тѣломъ, но это не должно дѣлать имъ никакого безчестія: онѣ, по-истинѣ, добрыя, кроткія и шутливыя твари; а скажу лишь нѣсколько словъ о нашей породѣ. Змѣй употребляетъ жало только для своей защиты; онъ не наступаетъ, не нападаетъ ни на кого: а человѣкъ?... О, любезный факиръ! ни въ какомъ болотѣ, ни въ какой пещерѣ въ свѣтѣ, нѣтъ змѣи, ехидны, дракона, надѣленныхъ отъ природы сердцемъ столь злобнымъ, жаломъ столь ядовитымъ,

какъ сердце и языкъ человѣческіе. Человѣкъ жалитъ и убиваетъ собственныхъ своихъ ближнихъ, невинныхъ и беззащитныхъ, въ шутку, для потѣхи, въ удовлетвореніе своему тщеславію, изъ подобострастія, даже изъ предполагаемаго угожденія другому человѣку, коимъ хочетъ онъ воспользоваться только при случаѣ; онъ смѣется и жалитъ, заключаетъ въ объятія любви, дружбы, гостепріимства, и жалитъ до-смерти. Злоба — его стихія, хитрость — его ремесло, орудіе, слѣдствіе его природы. И онъ еще порицаетъ насъ, бѣдныхъ безногихъ!... Совѣтую тебѣ, оставь человѣка въ ямѣ, если не желаешь испытать его неблагодарности. Вѣдь вы сами сознаетесь, что мы умнѣе васъ!... Вы же мудрость изображаете въ лицѣ змѣи!...

— Послушайся насъ, присовокупилъ тигръ грубымъ, сиплымъ голосомъ: не будь ослomъ!... Мы лучше тебя знаемъ людей. Тигры, коихъ вы обвиняете въ лютости и кровожадности, ангелы въ сравненіи съ твоими ближними. Мы, ежели кого и убиваемъ, то единственно для удовлетворенія нуждамъ голода: поѣвши, мы лежимъ спокойно и никого не пугаемъ. Ну, а человѣкъ — разбойникъ!... уродъ, безпрерывно жаждущій крови!... онъ для того лишь освѣжаетъ силы свои сномъ и пищею, чтобы лучше убивать другихъ. Убійство — это его забава, потѣха, шутка, честь, богатство, даже его роскошь. Жестокосердіе признаетъ онъ добродѣтелью и называетъ храбростью; долгъ признательности почитаетъ онъ, по своему самолюбію, за нарушеніе его свободной воли. Онъ

губитъ все — свой родъ, чужой, растенія, воды, скалы, словомъ, грабитъ всю природу. Добрый факиръ, не дѣлай ничего въ пользу самаго грознаго и самаго опаснаго на землѣ звѣря. Знаешь ли, что̀ я скажу тебѣ въ разсужденіи этого человѣка, который остался въ ямѣ? — Чортъ его побери!... это будетъ гораздо сходнѣе и для насъ и для самого тебя.

— Вздоръ!... сказалъ факиръ. Вы такъ разсуждаете потому, что не читали санскритскихъ философовъ: Платона, Бюффона, Канта, Галля и другихъ, которые доказали, что человѣкъ есть благороднѣйшее и лучшее произведеніе природы, существо полуземное и полунебесное, которое хотя и кусается, хотя убиваетъ и обманываетъ, но дѣлаетъ все это правильно, разсудительно и весьма естественно — вслѣдствіе врожденныхъ ему понятій и особенныхъ шишекъ на его черепѣ: именно, понятій и шишекъ математической точки, линіи, пространства, кусанія, убійства, и такъ далѣе. Но это вопросы философскіе, коихъ вы не понимаете: изъ этого рождаются понятія о причинѣ бытія, о томъ, чего и постигнуть невозможно, и о высшемъ предназначеніи человѣка. Вы судили бы объ этихъ вещахъ совсѣмъ иначе, еслибъ вы знали, какое множество превосходныхъ книгъ и разсужденій человѣкъ написалъ о филантропіи, то-есть, о человѣколюбіи, то-есть о любви самого себя. Сто̀итъ прочитать ихъ, чтобы удостовѣриться, до какой степени люди—добрые люди. Знаете ли, что̀ они дѣлаютъ, когда кто-либо изъ нихъ съѣстъ тайкомъ овцу или вола, коихъ

другой человѣкъ кормилъ на пищу для самого себя? они его вѣшаютъ и умерщвляютъ: это называется—«правосудіе, нравственность.» А знаете ли, какъ они хорошо ведутъ себя, когда преступникъ, заключенный въ тюрьму, обреченный смертной казни, самъ посягнетъ на свою жизнь и поранитъ себѣ горло гвоздемъ или перочиннымъ ножикомъ? они тотчасъ окружаютъ его цѣлебными пособіями, услугами, удовольствіями, наслажденіями; стараются возстановить его здоровье и спокойствіе духа и, когда онъ сдѣлается совершенно здоровымъ и веселымъ, тогда уже ведутъ его къ висѣлицѣ и торжественно вѣшаютъ. Это называется—«человѣколюбіе, утонченная кротость нравовъ.» Ну, покажите мнѣ такое нѣжное сердце въ какомъ бы то ни было другомъ животномъ?... Да еще теперь въ Парижо-пура, Лондоно-пура и другихъ городахъ индійскихъ, идетъ между краснорѣчивыми людьми очень жаркій споръ о томъ, имѣетъ ли человѣкъ право вѣшать своего ближняго, уличеннаго въ проступкѣ и приговореннаго судомъ къ истребленію. Всѣ человѣколюбцы согласны въ той истинѣ, что это жестоко, безчеловѣчно, убивать подобное себѣ существо, которое украло и съѣло чужаго вола или чужую лошадь — разумѣется, убивать его по одиначкѣ, ибо въ то же самое время, тѣ же краснорѣчивые человѣколюбцы, балотируя бюджетъ военнаго управленія, единодушно говорятъ, что убить вдругъ тридцать или сорокъ тысячъ такихъ же существъ на полѣ брани есть дѣло прекрасное, превосходное, достохвальное. Я всегда любилъ

человѣколюбіе, и хочу непремѣнно спасти этого человѣка. Увидите, какую статью напишутъ въ «Калькутскихъ Вѣдомостяхъ» о моемъ благородномъ подвигѣ на пользу погибающаго человѣчества. Если мнѣ случится быть въ этомъ городѣ къ тому времени, то я постараюсь прочитать ее предварительно и, какъ это обыкновенно водится, немножко поправить слогъ, чтобъ полнѣе отдать себѣ справедливость: прибавлю еще нѣсколько мыслей о превосходствѣ и непостижимости ума нашего.

Услышавъ рѣчь объ умѣ, животныя захохотали такъ громко, что факиръ приведенъ былъ въ смущеніе и остолбенѣлъ.

— Какъ? воскликнулъ онъ: вы не вѣрите, что у человѣка есть умъ?... Человѣкъ дѣлаетъ луки, стрѣлы, ружья, часы, подзорныя трубы, считаетъ звѣзды и печатаетъ газеты....

— Ха, ха, ха, ха!...

— Человѣкъ философствуетъ, то есть, разсуждаетъ о такихъ вещахъ, коихъ никто, и даже онъ самъ, не понимаетъ....

— Ха, ха, ха, ха!...

— Сдѣлайте же вы то, что̀ дѣлаетъ человѣкъ!...

— Къ чему намъ считать звѣзды, печатать газеты и углубляться въ философскіе, то-есть, какъ ты говоришь, недоступные для ума предметы, когда мы и безъ того находимъ для себя пищу? сказалъ удавъ. То, что́ вы называете вашимъ умомъ, есть не что́ иное, какъ хитрость: изысканная, ужасная, адская хитрость; высочайшая степень хитрости, при пособіи коей добываете

вы себѣ пропитаніе. Всѣ ваши выдумки имѣютъ въ предметѣ или то, чтобъ набить себѣ желудокъ живностью, которую похищаете вы наперерывъ одинъ у другаго, надувая себя взаимно новостью или искусностью вашихъ затѣй, или желаніе погубить другаго изъ зависти, вражды и предразсудка. Если обладаете вы хотя одною частицею той всеобъемлющей, предвѣчной, неизмѣнной мудрости, которая управляетъ природою, сохраняетъ и развиваетъ ее, то скажи намъ — что́ хорошаго выдумали вы, или сдѣлали на пользу природы, коей составляете важную и нераздѣльную часть?...

— Какъ, что́ мы сдѣлали?... вскричалъ факиръ: ну, а г. Сеймонъ, который представилъ Англійскому парламенту билль о томъ, чтобъ не бить дубиною лошадей и прочихъ скотовъ?...

— Онъ тѣмъ хотѣлъ только обратить на себя общее вниманіе, чтобъ воспользоваться имъ для своихъ выгодъ....

— Вы это говорите изъ зависти, отвѣчалъ факиръ. Не хочу васъ и слушать!...

И, бросивъ свой поясъ золотыхъ дѣлъ мастеру, онъ вытащилъ его изъ ямы.

Спасенный человѣкъ кинулся отъ радости душевно обнимать своего спасителя: онъ цѣловалъ у него руки, цѣловалъ кончикъ бороды, цѣловалъ край платья; онъ называлъ его своимъ благодѣтелемъ, кормильцемъ, отцомъ, султаномъ; онъ плакалъ отъ восторга, палъ передъ нимъ на колѣна и хотѣлъ поцѣловать у него ногу.

— Экая обезьяна!.. сказала про себя змѣя съ

горькою насмѣшкою, при видѣ странныхъ тѣлодвиженій людской благодарности.

— Вотъ змѣя!... проворчалъ тигръ: было бы довольно смѣху, еслибъ онъ теперь ужалилъ его.

— Это настоящій тигръ! воскликнула обезьяна, сидя на своемъ камнѣ: увидите, какъ онъ его растерзаетъ и съѣстъ изъ благодарности, лишь только тотъ отъ него отворотится.

— Безцѣнный другъ! молвилъ человѣкъ факиру, съ чувствомъ пожимая его руку: приходи въ городъ Аудъ, гдѣ я живу. Богъ надѣлилъ меня значительнымъ имѣніемъ: охотно подѣлюсь имъ съ тобою, буду служить тебѣ, буду уважать, какъ своего родителя. Спроси только, гдѣ живетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Мага-Буба: всякъ укажетъ тебѣ мой домъ. Приходи; будешь у меня дорогимъ, вожделѣннымъ гостемъ.

Человѣкъ разстался съ факиромъ. Вслѣдъ за симъ, прибѣжала къ нему обезьяна и сказала:— Добрый факиръ, меня зовутъ Мага-дуда; я живу въ пальмовой рощѣ, что̀ у воротъ города Ауда. Ежели тебѣ случится завернуть въ нашу сторону, кликни только меня по имени: я тотчасъ явлюсь, обнять тебя хвостомъ за шею.

— Мое имя — Мага-кука, примолвилъ удавъ. Я живу въ развалинахъ обводной стѣны того же города. Если сочтешь, что могу быть тебѣ полезнымъ, то зашипи на меня: я приду непремѣнно.

— Моя же фамилія—Мага-шкура, сказалъ тигръ въ свою очередь: жительство имѣю въ горахъ, окружающихъ съ юга тотъ же городъ. Можешь смѣло полагаться на мою дружбу; но изъ признательности, совѣтую тебѣ, лучше не ходи въ ту

сторону, потому-что когда я голоденъ, то въ состояніи съѣсть самаго чорта, особенно, ежели не узнаю, что онъ мой пріятель.

— Благодарю васъ, честныя животныя, за ваше ко мнѣ расположеніе, отвѣчалъ факиръ. На будущій годъ надѣюсь побывать я въ Аудѣ: можетъ быть, увидимся.

И всѣ отправились во-свояси.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, утомленный путешествіемъ, истощенный голодомъ, жаждою и зноемъ, добрый факиръ медленно тащился съ огромнымъ посохомъ въ рукѣ по дорогѣ, ведущей къ лекновскимъ воротамъ города Ауда, и не дошедъ до нихъ, присѣлъ отдохнуть на камнѣ. Богатый Индіецъ, изъ благороднаго поколѣнія браминовъ, окруженный толпою слугъ, проѣзжалъ мимо его, жуя бетель и презирая всѣхъ людей, рожденныхъ внѣ его касты. Факиръ протянулъ къ нему руку, прося подаянія. Индіецъ посмотрѣлъ на него горделиво, отворотился и поѣхалъ далѣе. Факиръ вздохнулъ и залился горькими слезами.

Вдругъ обезьяна прыгнула съ дерева прямо на плечо ему, и начала обнимать его и лизать. Не узнаешь меня?... Я Мага-дуда, которой ты спасъ жизнь третьяго лѣта. Я примѣтила тебя, когда ты садился на этотъ камень и просилъ куска хлѣба у одного изъ твоихъ жестокосердыхъ ближнихъ, и принесла тебѣ плодовъ.

Обезьяна бросила ему въ полу нѣсколько яблокъ, банановъ, фиников и кокосовый орѣхъ. Факиръ сталъ подкрѣплять свои силы этимъ лѣс-

нымъ подаяніемъ, а обезьяна побѣжала извѣстить удава и тигра о прибытіи общаго ихъ благодѣтеля.

Удавъ Мага-кука, обрадованный этою новостью, втерся украдкою въ кладовую одного посельянина, вытащилъ оттуда сыръ и кувшинъ молока, и принесъ ихъ факиру, усердно извиняясь передъ нимъ, что не можетъ представить ему достойнѣйшаго подарка: онъ отъ всего сердца удавилъ бы для него одного изъ пасущихся на полѣ барановъ, но зналъ, что факиры не ѣдятъ скоромнаго, и не хотѣлъ выслуживаться напраснымъ убійствомъ. Факиръ чувствительно возблагодарилъ змѣю за ея доброе сердце.

Тигръ Мага-шкура желалъ также доказать чѣмъ-нибудь свою признательность; но тигры настоящая голь: у нихъ никогда не бываетъ запаса. Однакожъ свѣтлая мысль блеснула въ его головѣ: вблизи былъ загородный дворецъ лекновскаго султана, и онъ съ вершины горы увидѣлъ прелестную дочь этого индійскаго князя, уединенно сидящую въ кіоскѣ и читающую восточные стихи о любви мотылька къ свѣчкѣ и соловья къ розѣ: онъ мигомъ перескочилъ чрезъ каменную стѣну, окружающую строенія, ворвался въ садъ, задушилъ мечтательную княжну страшными своими лапами, сорвалъ съ нея богатыя ожерелья и запястья, украшенныя огромными алмазами, яхонтами и изумрудами, и принесъ ихъ своему спасителю въ обагренной кровію лапѣ.

— Возьми это и продай, сказалъ онъ ему. Люди за эти игрушки отдаютъ все: свои жизненные

припасы, свои дома и свою совѣсть. Будешь богатъ, и обойдешься безъ ихъ милости и подаяній.

Нечего сказать: по-истинѣ, благодарность à la tigre: но тигры иначе не умѣютъ оказывать благодарности. Люди большіе мастера на разныя тонкія вѣжливости, возвышающія цѣну этого священнаго чувства: однакожъ многіе историческіе мужи ихъ доказывали свою признательность преданіемъ мечу жителей цѣлыхъ городовъ и опустошеніемъ цѣлыхъ областей.

Факиръ былъ обрадованъ до крайности, чувствительно благодарилъ своихъ животныхъ-пріятелей, и говорилъ про себя въ душѣ: какъ я счастливъ, что пріобрѣлъ дружбу этихъ тварей! Если животныя до такой степени не чужды понятія о признательности, сколько же долженъ одушевляться имъ человѣкъ, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ. Пойду прямо къ Мага-бубѣ, тому богатому золотыхъ дѣлъ мастеру, который клялся, что подѣлится со мною своимъ достояніемъ и будетъ почитать меня наравнѣ съ отцомъ своимъ.

Входя въ городъ, факиръ нашелъ все народонаселеніе его въ страшномъ замѣшательствѣ и тревогѣ. Глашатаи, съ барабаннымъ боемъ и при звукѣ трубъ, извѣщали всѣхъ жителей, что въ саду загороднаго дворца совершилось ужасное злодѣяніе: разбойники проникнули въ него, умертвили стыдливѣйшую султаншу, сидѣвшую уединенно въ кіоскѣ, похитили всѣ бывшія на ней драгоцѣнности, и скрылись; и благополучнѣйшій султанъ Лекнова и государь разныхъ иныхъ земель по сю и по ту сторону Гангеса, средоточіе

вселенной и убѣжище міра, жалуетъ награду въ десять тысячъ червонцевъ тому, кто поймаетъ или откроетъ злоумышленниковъ. Факиръ, ничего не догадываясь, ни на что̀ не обращая вниманія, направилъ шаги свои къ дому Мага-Бубы, который принялъ его радушно, обнялъ, поцѣловалъ, посадилъ на почетномъ мѣстѣ, и спросилъ, чѣмъ можетъ онъ быть ему пріятнымъ или полезнымъ.

— Любезный другъ, сказалъ Факиръ: ты обѣщалъ мнѣ подѣлиться со мною твоимъ имѣніемъ....

— Да!... прервалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, съ замѣтнымъ смущеніемъ: я обѣщалъ.... Это правда.... Но это.... знаете, любезный другъ.... такъ только говорится.... особенно, когда человѣкъ растроганъ.... Съ другой стороны, и обстоятельства мои перемѣнились.... Теперь трудное время.

— Не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Факиръ: я не хочу твоего имѣнія, а только прошу сдѣлать дружеское одолженіе. Вотъ дорогія вещи, цѣны которыхъ я не знаю. Скажи, чего онѣ стоятъ, и постарайся продать ихъ выгодно для меня.

При сихъ словахъ Факиръ вынулъ изъ кармана ожерелья и запястья, подаренныя ему тигромъ. Мага-Буба узналъ ихъ съ перваго взгляда, потому-что самъ ихъ дѣлалъ для дочери султана; но онъ нисколько не далъ того замѣтить своему спасителю. Напротивъ, онъ сказалъ ему: любезный другъ, можешь смѣло полагаться на мою честность и преданность. Я продамъ ихъ, какъ мои собственныя. Ты — мой благодѣтель; я тебѣ обязанъ жизнью. Позволь только удалиться съ ними на короткое время: пойду къ сосѣду взвѣ-

сить эти каменья и посовѣтоваться съ нимъ о цѣнѣ ихъ.

Факиръ охотно согласился на его предложеніе. Золотыхъ дѣлъ мастеръ взялъ дорогія вещи, вышелъ съ ними на улицу, и побѣжалъ прямо во дворецъ, прося доложить султану, что онъ поймалъ убійцу стыдливѣйшей государыни, его дочери, въ доказательство чего и представляетъ похищенныя у нея драгоцѣнности.

Султанъ, чрезъ главнаго своего свнуха, велѣлъ поблагодарить его за усердіе и вручить ему опредѣленную награду.

Но золотыхъ дѣлъ мастеръ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ денегъ: онъ дѣлаетъ это изъ чести; при поимкѣ разбойника, онъ подвергалъ опасности собственную жизнь, и теперь желалъ бы получить гораздо почетнѣйшую награду. Онъ ходатайствовалъ и ползалъ, чтобъ султанъ, въ знакъ отличія, пожаловалъ ему свой старый башмакъ, съ правомъ носить его на спинѣ, на золотой цѣпи.

Султанъ пожаловалъ его кавалеромъ стараго башмака. Надобно знать, что въ Индіи это столь же важно, какъ у насъ орденъ золотой шпоры.

На другой день, добрый факиръ лежалъ обезглавленный на кучѣ навоза, а золотыхъ дѣлъ мастеръ гордо расхаживалъ по городу, съ орденомъ стараго башмака на спинѣ.

Обезьяна, змѣя и тигръ, узнавъ о несчастной кончинѣ своего спасителя, заплакали и сказали: Теперь онъ узналъ, что̀ такое люди!...

1832.

НЕТЕРБУРГСКІЕ НРАВЫ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАРЫШНЯ.

Посмотрите, посмотрите!... Вотъ она!... Въ гроденаплевомъ клокѣ съ двумя длинными зубчатыми воротниками, украшенными пирокою гирляндою, вышитою шелкомъ, въ малой атласной шляпкѣ розоваго цвѣта съ черною бархатною подкладкою!... Вчера только пришелъ по почтѣ обожаемый журналъ «La Mode»: сегодня уже видите вы на ней точно такой клокъ и такую шляпку, какіе предписаны модою. Она выбѣжала изъ Англійскаго Магазина, и вѣрно спѣшитъ къ Ланггансу. Вотъ она входитъ въ его лавку!... вотъ, уже исчезла!

А, право, жалко, что вы не успѣли ее завидѣть!... Не дурна собою!... Но если вамъ угодно постоять здѣсь минутъ десять, то мы еще увидимъ ее, когда отъ Ланггансa будетъ она проходитъ къ мадамъ Квавье́ или къ Сиклеръ... Очень недурна собою!... Нельзя сказать, чтобъ она была красавица; но она мила, привлекательна, прелестна. Немножко блѣдна — здѣсь такой климатъ!—черты лица ея не слишкомъ правильны — довольно странно въ такомъ правильномъ городѣ, какъ здѣшній!—глаза

сѣроваты, грудь нѣсколько плоска, волосы почти бѣлые... но за то талья, за то ножка!... хоть пиши съ нихъ картину. Вы навѣрное гдѣ-нибудь ее видѣли: бьюсь объ закладъ, что вы не разъ встрѣчали ее и въ мартѣ мѣсяцѣ на Невскомъ Проспектѣ, и въ маѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ Саду; встрѣчали на островахъ, въ магазинахъ и даже въ Гостиномъ Дворѣ. Вспомните!... Она ходила, держась подъ руку, съ этой жеманною гувернанткой, Швейцаркою, которая на улицѣ такъ громко разсуждаетъ о добродѣтели, и такъ сладко улыбается офицерамъ...

— О комъ вы говорите?...

— Да о той—знаете!—за которую вѣчно переваливается по тротуару госпожа пожилыхъ лѣтъ, низенькая, толстая, гордая, въ темно-пунцовомъ капотѣ и плюшевой шляпкѣ съ перьями, въ шеншиловомъ палатинѣ, съ шеншиловою муфтою, съ бородавкою, съ собачкою; позади ея два дюжіе лакея, въ полинявшей ливреѣ, обшитой новымъ басономъ съ гербами.... которая всегда одѣта такъ щегольски, такъ богато, съ такимъ вкусомъ.... Вы сами, помнится, еще говорили объ ней: какая шалость, какая необдуманая роскошь, таскать въ дождь и грязь дорогіе атласы, мѣха, блонды!... Ну, коротко сказать, вы ее знаете и не могли не примѣтить въ нынѣшнемъ году на всѣхъ почти гуляньяхъ!...

— Кого однако жъ?

Санктпетербургскую Барышню!.. Фамилія ея мнѣ неизвѣстна, но имя ея Надежда: я слышалъ, какъ эта толстая, пожилая госпожа, съ шеншиловою

муфтою —эта санктпетербургская маменька — зоветъ ее по-французски: Наденька, Наденька, ne courrez pas si vite!... Espérance! vous minaudez comme une кукла!... Наденька, vous sautez, mon petit pigeon, comme un рябчикъ!... Да и вы слышали это.

Ей теперь отъ роду восьмнадцатый годъ по счету маменьки, а двадцать четвертый по счету петербургскихъ пріятельницъ. Взявъ среднее число, найдете настоящій ея возрастъ — двадцать два года и четыре мѣсяца.

Но какъ ея отчество?... Безъ сомнѣнія, Васильевна, Александровна, Ивановна, Петровна, Андреевна, или, въ самомъ ужъ крайнемъ случаѣ, Сергѣевна. И здѣсь вѣрнѣе всего взять среднее число: по этому правилу выйдетъ, что ее зовутъ Надеждою Ивановною.

Итакъ, Надежда Ивановна, или общимъ терминомъ, Петербургская Барышня, еще довольно молодая дѣвица. Но уже пора ей замужъ. Маменька ищетъ для нея мужа по всему городу: ищетъ его поутру въ Англійскомъ Магазинѣ, ищетъ въ два часа на гуляньѣ, ищетъ ввечеру на балѣ. Посю-пору она еще не нашла никого. Любезные земляки по уѣзду! Зачѣмъ не подсунетесь вы къ Петербургской Барышнѣ?... Можете ей понравиться, можете получить руку ея: конкурсъ открытъ для всего свѣта.

Боитесь ли того, что она привыкла къ роскоши?... что ее пріучили забирать въ магазинахъ товары въ долгъ безъ счету?... Пустое!... Это дѣлается только для того, чтобъ показать богатство, и

скорѣе найти жениха. Она сама сожалѣетъ объ этой ложной и пагубной уловкѣ своихъ родителей.

Похлопочите: ей-ей, прекрасная партія!... Во-первыхъ, Петербургская Барышня тиха, какъ кошечка; скромна,—очень скромна!... она краснѣетъ, когда ей приходится сказать слово *нога*, а слова *подвязка* не выговоритъ она вамъ ни за какое благо въ мірѣ. Да какая она чувствительная!.... Я самъ видѣлъ, какъ она плакала въ театрѣ при представленіи «Антоніи», «Филиппа», «Матери и дочери-соперницъ», хотя не понимала ни одного слова въ этихъ пьесахъ. Теперь въ модѣ возить молодыхъ дѣвушекъ на всѣ романтическія драмы и давать имъ въ руки всѣ романы новой парижской школы, съ условіемъ только, чтобъ онѣ ихъ не понимали. Сверхъ того, какая она застѣнчивая съ мужчинами!... она не умѣетъ сказать имъ ни трехъ словъ, хотя прекрасно знаетъ три иностранные языка, французскій, англійскій и нѣмецкій: русскаго и считать нечего, потому-что это языкъ природный, то есть, она знаетъ по-русски столько, сколько ей нужно, чтобъ объясняться съ горничною, и приторговать пять аршинъ тюлю въ Гостиномъ Дворѣ. Санктпетербургская Барышня держится прямо, и раздаетъ милостыню съ особенною прелестью. Въ кадрили и голопадѣ она легче бабочки; верхомъ, на лошади, тверже гусарскаго ротмистра, ибо дважды въ недѣлю упражняется она въ манежѣ съ кузеномъ Леонидомъ. На арфѣ играетъ она немножко, но на фортепьяно—первой силы! Мейеръ даетъ ей уроки по-сю-пору, а прежде училась она даже у Фильда. Хотя голосъ у

нея слабый, но она пріятно поетъ итальянскія аріи, и придерживается партіи анти-россинистовъ. Она превосходно рисуетъ ландшафты, цвѣты, носы, уши, головы и даже Аполлоновъ. Однимъ словомъ, она получила самое блистательное воспитаніе, такое, какъ теперь даютъ дѣвушкамъ въ Парижѣ, и смѣло можно сказать, что лучше-воспитанной невѣсты не найдете вы въ цѣлой Европѣ.

Но воспитаніе—буздѣлица!... Надежда Ивановна имѣетъ еще другія отличныя качества. За нею обѣщаютъ дать въ приданое тысячу-пятьсотъ душъ на Волгѣ, которыя папенька только вчера заложилъ въ банкѣ. Кстати: мы ничего не сказали о папенькѣ Петербургской Барышни. Да объ немъ нечего сказать: онъ, вѣроятно, дѣйствительный статскій совѣтникъ, какъ всѣ папеньки хорошаго тона; числится по герольдіи и теперь играетъ въ вистъ въ Англійскомъ Клубѣ. Онъ ничего не дѣлаетъ и давно уже уѣхалъ бы въ Москву или въ деревню, если бы удалось выдать дочь за кого-нибудь.

Кромѣ приданаго, которое отдается не прежде, какъ по смерти отца, получите вы за Наденькою тотчасъ, еще пять дюжинъ дядюшекъ, тетушекъ, бабушекъ, и цѣлый взводъ двоюродныхъ и внучатныхъ братьевъ. Это не шутка!... При помощи ихъ можете отличиться. Я увѣренъ, что по общему положенію о петербургскихъ барышняхъ, въ числѣ ея дядюшекъ должны быть по-крайней-мѣрѣ два генерала и три камергера; одинъ двоюродный братецъ въ пажахъ, а крестный отецъ ея непре-

мѣнно кто-нибудь изъ важнѣйшихъ вельможъ. Право, не дурно!...

Въ городѣ утверждаютъ, по секрету, будто Надежда Ивановна влюблена въ одного молодаго поручика, и миловиднаго, и храбраго, и богатаго, и хорошей фамиліи, и порядочно воспитаннаго: по-крайней-мѣрѣ, она преимущественно съ нимъ танцуетъ на всѣхъ балахъ. Я уже слышалъ отъ многихъ почтенныхъ пожилыхъ дамъ, что это была бы прекрасная пара. Но, я думаю, это сплетни. Спѣшите, спѣшите!... еще ничего не сдѣлано; еще можете перебить ее у поручика. По чести, завидная партія!...

Скажу вамъ даже, къ кому надо адресоваться: къ маменькѣ—потому-что папенька думаетъ только о хомутахъ и о вистѣ,—и къ тетушкѣ Маѳеѣ Тимоѳеевнѣ. Это всеобщая петербургская тетушка, безъ которой ни одинъ бракъ въ городѣ не смѣетъ состояться. Маменька и тетушка ужасно какъ любятъ Петербургскую Барышню: при всякомъ разсужденіи о счастіи и чувствахъ, онѣ торжественно объявляютъ, что ищутъ для Наденьки не денегъ, а добраго, кроткаго супруга, съ которымъ она могла бы быть счастливою. Ну, гдѣ найти другихъ такихъ благоразумныхъ тетушекъ и нѣжныхъ маменекъ! Это слѣдствіе безпрерывнаго чтенія романовъ.

Ахъ какъ вы лѣнивы!... я бы усердно желалъ, чтобъ вы на ней женились, потому-что одни вы въ состояніи составить ея счастье согласно романическимъ понятіямъ маменьки и тетушки: у васъ нѣтъ денегъ, а такіе мужья тихи и безмолвны;

такихъ именно ищутъ для Наденьки, — а вы, по своей медлительности, нерѣшимости, выпустили почти изъ рукъ и прекрасную невѣсту, и большое приданое, недавно заложенное въ банкъ, и наличными пять дюжинъ покровителей, покровительницъ, совѣтниковъ и домашнихъ друзей!... Жалко!... Вотъ, сегодня съ самаго утра, пожилыя дамы и старыя дѣвицы уже бѣгаютъ по городу съ важною новостью, что дѣло рѣшено: Наденька будетъ счастлива: она выходитъ замужъ за того, кого любитъ и кѣмъ пламенно любима, за того самаго миловиднаго, храбраго и богатаго поручика, съ которымъ танцовала она на балахъ.—Но вѣрно ли это? ..—Могу вамъ въ томъ поручиться.—Мнѣ что-то не вѣрится! — Вотъ мило!.... кто лучше меня и тетушки, Прасковьи Ильиничны, знаетъ эти дѣла? Она сама видѣла у мадамы подвѣнечное платье.— Когда же свадьба? — Послѣ завтра, въ семь часовъ вечера, въ Казанской.

Ежели такъ, я очень радъ. Я люблю Петербургскую Барышню. Она дѣвушка добрая: не смотря на всѣ недостатки воспитанія, даннаго ей родителями, не знающими въ томъ никакого толку; не смотря на дурные примѣры необузданной роскоши, тщеславія, вспыльчивости, гордости, домашняго безпорядка, коими она была окружена съ малолѣтства даже подъ отцовскою кровлею, душа ея осталась неразвращенною, невинною, чистою какъ зеркало, мягкою какъ воскъ. Отъ всего сердца желаю ей счастья, которое она заслуживаетъ въ полной мѣрѣ, и радуюсь, что она будетъ счастлива.

Пойду непремѣнно посмотрѣть, какъ будутъ вѣнчать ее въ Казанской церкви.

Вотъ ужъ и послѣ-завтра, и семь часовъ вечера. Иду на свадьбу Наденьки. Скорѣе, скорѣе!... они уже стоятъ у налоя. Хочу, во что́ бы то ни стало, видѣть ее въ эту торжественную минуту: нѣтъ въ мірѣ существа счастливѣе, священнѣе, почтеннѣе добродѣтельной дѣвицы, присягающей передъ лицомъ Бога, съ сердцемъ, исполненнымъ теплой вѣры, быть вѣрною тому, кого она обожаетъ, и любить его до гробовой доски. Это для нея минута небесной сладости: хочу непремѣнно лучъ этой сладости увидѣть въ ея глазахъ, чтобъ имѣть понятіе о блаженствѣ херувимовъ.

Но гдѣ она?... Что̀ это?... что̀ я вижу?... Наденька безъ чувствъ!... Боже мой!... А женихъ стоитъ равнодушно, какъ гранитный столбъ!... Надо разспросить: вотъ, кажется, знакомыя дамы! — Мое почтеніе, сударыни! вы тоже любопытствовали видѣть свадьбу Петербургской Барышни? Сдѣлайте одолженіе, скажите, что̀ это за суматоха?... что̀ такое случилось?...

— Бѣдная Наденька!...

— Что̀?... какъ?... почему?...

— Упала въ обморокъ, почувствовавъ свою руку въ рукѣ будущаго своего супруга!... Какое варварство!... отдавать на жертву такое милое, доброе дитя!... Мать, навѣрное, виновница всего этого, потому-что тетка добрая женщина.

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, что ее насильно заставляютъ выйти замужъ за этого пожилаго господина, что въ

парикѣ и со звѣздою ... за барона Фонъ.... Фонъ.... право, и фамиліи его не вспомнишь!...

— А поручикъ?

— Поручику отказали, потому-что у него нѣтъ звѣзды, и онъ не можетъ ѣздить съ женою ко двору.

— Однако жъ мать всегда повторяла, что она не ищетъ богатства....

— Она и не нашла его въ новомъ зятѣ: напротивъ, онъ женится на ея дочери единственно изъза предполагаемаго огромнаго приданаго; но у него есть звѣзда и, по своему чину, онъ вѣроятно будетъ приглашенъ съ женою въ придворный театръ. Мать говоритъ, что безъ этого нельзя быть счастливою; что она сама весь свой вѣкъ горевала о томъ, что мужъ ея не умѣлъ возвыситься и не доставилъ ей этого отличія; что, для прикрытія своего униженія въ глазахъ дамъ, равныхъ ей въ другихъ отношеніяхъ, она принуждена была жить пышно, затмѣвать ихъ роскошью, дѣлать долги, разорять мужа и дѣтей....

Бѣдная Наденька!... несчастное дитя честолюбивой матери и глупаго отца!... А у насъ такихъ родителей тма-тмущая!... Довольно съ меня этого: въ другой разъ не пойду на свадьбу Петербургской Барышни.

1833.

ЛИЧНОСТИ.

—

Однажды въ шутку закричалъ я на улицѣ: «воръ! воръ!... ловите!...» Десять человѣкъ оглянулось. Одинъ изъ нихъ, входя въ питейный домъ, проворчалъ такъ, что я самъ разслышалъ «Ну, какъ у насъ позволяютъ говорить на улицѣ такія личности!...»

Мой пріятель, баронъ Брамбеусъ, шелъ по Невскому Проспекту, и думалъ о риѳмѣ, которой давно уже искалъ. Первый стихъ его оканчивался словомъ *куропатки:* втораго никакъ не могъ онъ состряпать. Вдругъ представляется ему риѳма, и онъ, забывшись, произноситъ ее вслухъ: *куропатки?... беретъ взятки!* Шесть человѣкъ, порядочно одѣтыхъ, вдругъ окружили его, каждый спрашиваетъ съ грознымъ видомъ: «Милостивый государь! о комъ изволите вы говорить?... Это непозволительная личность.»

Въ одной статьѣ сказано было: *есть люди, которые никогда не платятъ своихъ долговъ.* Я прочиталъ эту статью поутру, и глубоко вздохнулъ. Ввечеру прихожу въ одно общество: тамъ чита-

ютъ эту же статью, и первое слово, которое слышу въ залѣ: «Боже мой! за чѣмъ смотритъ у насъ цензура?... Какъ можно пропускать такія личности!...»

Напиши или скажи какую-нибудь истину: изъ нея тотчасъ выведутъ тебѣ двѣ сотни личностей. Это обыкновенный порядокъ вещей на свѣтѣ, но порядокъ весьма глупый!

Есть люди, у коихъ самолюбіе такое огромное, такое раздутое, гордость такая колосальная, что они загораживаютъ вамъ своимъ лицомъ цѣлый горизонтъ; всякое слово, пущенное на воздухъ, непремѣнно попадаетъ въ нихъ, какъ ядро въ стѣну, и дѣлаетъ брешь въ ихъ тщеславіи; то.... Но, вотъ, я еще не кончилъ періода, какъ уже почтенный Тимоѳей Панкратьевичъ кричитъ мнѣ въ ухо, что это личность, что я мѣчу прямо на него.... Извините, сударь: позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ досказать фразу. Въ доказательство того, что я объ васъ и не думаю, вотъ вамъ французскій журналъ «L'Entr'acte», изъ котораго заимствую я эту мысль. Въ Парижѣ, когда писали статью, вѣрно васъ въ виду не имѣли.

Да это сущая бѣда!... Нельзя даже упомянуть ни о какой человѣческой слабости, ни о какомъ злоупотребленіи въ свѣтѣ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не придрался. Всякая глупость имѣетъ своихъ ревностныхъ покровителей. Прошу покорнѣйше не говорить ни слова объ этой странности: она состоитъ подъ моею защитою. — Какъ вы смѣете, сударь, насмѣхаться надъ этимъ порокомъ?... Я имъ горжусь: это моя неприкосновенная

собственность. — Что̀ вы сказали вчера о безобразныхъ носахъ?... Это личность: прошу взглянуть на мое лицо.

Такъ и быть: выкину въ окно чернилицу и бумагу, изломаю всѣ станки, уничтожу перья и типографіи; буду молчать и играть въ карты, чтобъ не говорили, что я пишу только личности.

Третьяго дня встрѣчаюсь на улицѣ съ однимъ знакомцемъ.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!

— Мое почтеніе, Аѳанасій Лукичъ!

— Не вы ли это написали въ какой-то статьѣ, что иногда случается, что награждаютъ людей безъ всякихъ заслугъ?

— Я.

— Знаете ли вы, что я тоже недавно получилъ награду?

— Знаю.

— Какъ же вы смѣли это написать?

— Потому-что это иногда случается и съ тѣми, которые еще сто̀ятъ менѣе васъ.

— Пустая отговорка!... Всѣ говорятъ, что это написано на меня; всѣ меня узнали.

— Скажите имъ, что они ошибаются.

— Нѣтъ, милостивый государь! Вы будете мнѣ за это отвѣчать.

— Съ удовольствіемъ. Я отвѣчаю вамъ, что вы помѣшались. Я знакомъ съ однимъ изъ надзирателей Желтаго Дома, и могу выпросить у него уголокъ для вашего высокоблагородія.

Но это только одинъ случай изъ тысячи по-

добныхъ. Представьте себѣ, что со мною случилось сегодня.

Недѣли двѣ тому назадъ написалъ я статью: *о дуракахъ*. Двѣ-тысячи-пятьсотъ-восемьдесятъ-семь человѣкъ подписали на меня формальную жалобу на предлинномъ листѣ бумаги, нарочно заказанномъ ими на петергофской фабрикѣ, и подали ее по командѣ. Я не видалъ этого прошенія, но говорятъ, что оно семью саженями, аршиномъ и девятью вершками длиннѣе того, которое герцогъ Веллингтонъ поднесъ англійскому королю отъ имени всей партіи торн противъ билля о преобразованіи парламента. Начальство, разсмотрѣвъ мою статью, не нашло въ ней ничего предосудительнаго, и отказало имъ въ предметѣ жалобы. Огорченные неудачею, всѣ они привалили ко мнѣ требовать личнаго для себя удовлетворенія. Улица была наполнена ими съ одного конца до другаго. На моей лѣстницѣ народъ толпился точно такъ же, какъ на лѣстницѣ, ведущей въ аукціонъ конфискованныхъ товаровъ. Всѣ они въ одинъ голосъ вызывали меня на дуэль. Не имѣя возможности объясняться съ каждымъ лично, я предложилъ имъ мою расходную книгу, оборотивъ ее заднимъ концомъ впередъ, и просилъ ихъ записывать въ ней свои требованія. Между-тѣмъ моя молочница, которая всякое утро приноситъ мнѣ съ Охты свѣжія сливки къ завтраку, дожидаясь конца этой суматохи, принуждена была простоять на улицѣ битыхъ пять часовъ и никакъ не могла пробраться въ мою переднюю. Наконецъ явилась полиція, и съ трудомъ пропустила ко мнѣ молочницу сквозь

эту широкую толпу. Но, пробывъ пять часовъ на морозѣ, сливки ея замерзли, и я остался безъ завтрака. А я страстно люблю кофе со свѣжими сливками!... Это послужитъ мнѣ урокомъ — въ другой разъ не писать личностей.

Но вотъ, слава Богу, всѣ ушли. Теперь, сосчитаемъ, сколько записалось противниковъ. Разъ, два, три, четыре.... Тфу, пропасть! двѣ-тысячи-пять-сотъ-восемьдесятъ-семь человѣкъ!... И всѣ они, какъ-будто условившись, назначили одинъ и тотъ же день и часъ для расправы со мною!...

Какъ же быть?... А надобно драться со всѣми! Правила чести требуютъ того непремѣнно.

Постойте! я раздѣлаюсь съ ними прекраснѣйшимъ образомъ. Выстрою ихъ въ карре: девяносто-восемь рядовъ, въ двадцать-шесть шеренгъ; это выйдетъ ровно.... 2587 дураковъ. Будемъ стрѣляться.

Вѣдь они меня вызываютъ на дуэль, а не я ихъ?... Слѣдственно, я имѣю право стрѣлять въ нихъ первый.

Ѣду тотчасъ на заводъ г. Берда, и заказываю себѣ паровое ружье Перкинсова изобрѣтенія, изъ котораго вылетаетъ по тысячи-пяти-сотъ пуль въ минуту. Оно устроено на шпилѣ, и, ворочаясь, описываетъ концомъ своимъ четверть круга. Проучу же я этихъ господъ!... Увидите, какую сѣчку, какой винегретъ сдѣлаю я изъ дураковъ! Въ одинъ залпъ, не останется ни одного изъ нихъ въ живыхъ; я наведу на нихъ ружье подъ угломъ 46 градусовъ, прямо въ грудь по обыкновенному росту человѣка.

Но какъ управиться съ малорослыми?... Ихъ не хватятъ мои пули.

Есть у меня средство и на это. Объявляю, что я дерусь только съ большими дураками, ростомъ въ два аршина и шесть вершковъ, по-крайней-мѣрѣ. И чтобъ не быть обманутымъ, напередъ поставлю всѣхъ ихъ подъ рекрутскую мѣру. Тѣ, кои окажутся пониже — бракъ!... прочь!... Маленькіе дурачки не допускаются къ дуэли.

Съѣхавшись на мѣстѣ, условимся какъ стоять: бокомъ ли, или лицомъ ко мнѣ. Я на все согласенъ.

Когда уже послѣ этой дуэли останусь я въ живыхъ, то — клянусь башмаками далай-ламы — на всю жизнь свою отказываюсь отъ *личностей*.

1833.

ЧЕЛОВѢЧИКЪ.

Случалось ли вамъ когда-нибудь, возвратясь поздно домой, къ вашимъ мирнымъ и полезнымъ занятіямъ, войти въ свой кабинетъ, въ плащѣ, въ шляпѣ и перчаткахъ, съ сердцемъ растерзаннымъ грустью, огорченіемъ, съ умомъ недовольнымъ собою, недовольнымъ жизнью, людьми и цѣлымъ свѣтомъ; и, вошедши, остановиться посрединѣ комнаты, сложивъ руки на груди и призадуматься — о томъ, напримѣръ, кто такой пустилъ въ обращеніе эту мерзкую на вашъ счетъ исторію?... кто такъ подло, такъ дерзко оклеветалъ васъ предъ вашими друзьями? кто на сухой, алчный языкъ общества выжалъ этотъ медленный, но убійственный ядъ, который сперва, при появленіи вашемъ въ собраніяхъ, приводилъ всѣ уста въ легкое кривлянье, и наконецъ пробѣжавъ по всѣмъ его членамъ, отравилъ всѣ мнѣнія, поразилъ васъ въ сердце смертельно?... Случалось ли вамъ когда-либо погружаться въ подобную думу, и потомъ внезапно вырываясь изъ нея, схватить шляпу съ головы и съ гнѣвомъ кинуть ею въ уголъ софы,

хлопнуть одною перчаткою о столъ, другую бросить на землю, сильно притопнувъ ногою и вскричать: «Ахъ, еслибъ я зналъ этого негодяя!... я бы исторгнулъ у него языкъ изъ пасти!... Этою рукою, на песьихъ щекахъ его, начерталъ бы я вывѣску гнуснаго ремесла, которымъ онъ занимается!...»

Не ищите его далеко: это—человѣчикъ. Онъ-то услужилъ вамъ такъ искусно, по-пріятельски.

Хотите ли, чтобъ я описалъ вамъ его примѣты?... Онъ бываетъ всѣхъ ростовъ, возрастовъ и объемовъ: малъ и высокъ, толстъ и тонокъ, старъ и молодъ; сегодня онъ кажется вамъ бѣлокурымъ, завтра увидите вы у него волосы и глаза черные. Вы подумаете, что это совсѣмъ другое лицо?... отнюдь нѣтъ! Ежели вы мнѣ не вѣрите, спросите у добрыхъ людей, указавъ на него пальцемъ: кто это таковъ?... Всякій вамъ скажетъ, пожимая плечами: «Такъ!... человѣчикъ!»

Не смотря на разнообразность его наружности, онъ всегда одинъ и тотъ же; по дупѣ, онъ всегда человѣчикъ, и никакъ не можетъ выклюнуться изъ этого душевнаго роста, хотя, выпрямясь хорошенько, иногда доходитъ тѣломъ до двухъ аршинъ и двѣнадцати вершковъ.

Могу сообщить вамъ нѣкоторыя объ немъ подробности: по нимъ легко узнаете вашего злодѣя, котораго охотно предаю въ ваши руки: даже чувствительно буду обязанъ вамъ, ежели, мстя за свою обиду, въ истинное одолженіе прибавите вы ему одну лишнюю оплеуху за то, что онъ мнѣ сдѣлалъ. Ахъ, онъ много испортилъ во мнѣ крови!... Но это

длинная исторія: обратимся къ подробностямъ, могущимъ навести васъ на его слѣдъ.

Когда вы сватались къ прелестной, предоброй и пребогатой Прасковьѣ Тимоѳеевнѣ, въ которую, по вашимъ словамъ, влюблены вы были безъ памяти — помните ли? — кто-то незнакомый ни ей, ни ея родителямъ, называвшій себя вашимъ короткимъ пріятелемъ, сказалъ имъ въ концертѣ, какъ-будто защищая васъ отъ клеветы, что у васъ полмилліона долговъ и полдюжины любовницъ. Это былъ человѣчикъ.

Однажды на васъ былъ поданъ ложный, никѣмъ не подписанный доносъ, и одинъ изъ вашихъ знакомцевъ прибѣжалъ извѣстить васъ о томъ, предлагая вмѣстѣ свои услуги, чтобъ вывести васъ изъ бѣды. Доносчикъ и вашъ услужливый знакомецъ составляли одно и тоже лицо: это былъ — человѣчикъ.

Недавно получили вы по городской почтѣ безъименное письмо, которое поссорило васъ съ супругою и съ лучшимъ вашимъ пріятелемъ. Вы долго ломали себѣ голову догадками, отъ кого бы оно происходило, — а оно было отъ человѣчка!

Вы, можетъ-быть, спросите, откуда мнѣ это извѣстно. Какъ такъ?... Я знаю объ этомъ отъ того же человѣчка, который душевно соболѣзновалъ передо мною. О! мы съ нимъ большіе друзья: онъ обѣдаетъ у меня дважды въ недѣлю, и вредитъ мнѣ только дважды въ мѣсяцъ. Это съ его стороны доказательство нелицемѣрной дружбы, ибо другимъ вредитъ онъ по два раза за всякій обѣдъ. Правду сказать, я, грѣшный, люблю человѣчка:

онъ такой добрый! такой уступчивый! исполненъ желанія услужить вамъ совѣтомъ и дѣломъ!... Если я нахожусь въ затрудненіи, онъ тотчасъ предлагаетъ мнѣ или оклеветать моего противника, или обмануть его какимъ-нибудь законнымъ средствомъ. И когда однажды наплевалъ я ему въ рожу, у себя за обѣдомъ, онъ, въ порывѣ благороднаго негодованія, схвативъ ножъ съ тарелки, уже хотѣлъ кольнуть меня въ бокъ, и вмѣсто того кольнулъ имъ жаркое, а у меня поцѣловалъ руку, и сказалъ, что я его благодѣтель.

Какъ не любить существа, одареннаго такимъ кроткимъ, такимъ любезнымъ нравомъ?...

Вчера встрѣтили вы его на Невскомъ Проспектѣ: онъ лгалъ, льстилъ, ползалъ, подличалъ передъ вами, безо всякой нужды, единственно изъ удовольствія быть вашимъ пріятелемъ, и еще предостерегъ васъ насчетъ одной малоизвѣстной вамъ особы, которая случайно проходила мимо васъ. Вы не хотѣли ему вѣрить, и онъ, чтобъ убѣдить васъ въ своей искренности, очернилъ предъ вами десятерыхъ другихъ прохожихъ. Разставшись съ вами, онъ догналъ каждаго изъ нихъ особо, и передъ всякимъ очернилъ васъ. Неужели вы еще его не узнаете?...

Зайдите невзначай къ вашему другу: непремѣнно застанете у него какое-то знакомое лицо съ кисло-сладкою улыбкою, которое вдругъ перемѣнитъ предметъ разговора, и заведетъ рѣчь о погодѣ. Я бьюсь объ закладъ, что это—человѣчикъ. И можете быть увѣрены, что до вашего прихода цѣлію сострадательныхъ его разсужденій были

вы. Онъ уже успѣлъ предостеречь вашего пріятеля о вашихъ чувствахъ, мнѣніяхъ и намѣреніяхъ; теперь остается ему только подойти къ вамъ, поклониться и напомнить вамъ, что онъ имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ вами. Ежели, подошедши, еще пожметъ онъ у васъ руку съ чувствомъ, съ преданностью, съ почтеніемъ, берите его за шиворотъ: это ужъ навѣрное — человѣчикъ!

Не то идите въ Лѣтній Садъ. Гуляя въ аллеѣ, вдругъ услышите вы шипѣніе за которою-нибудь статуей, и, сквозь зеленую, движущуюся сѣтку акацій, увидите двое маленькихъ, быстрыхъ змѣиныхъ глазъ, сверкающихъ ядовитымъ огнемъ. Вы испугаетесь, отскочите назадъ, спрячетесь за дерево, думая, что это гремучій змѣй, скорпіонъ, ехидна?... Не бойтесь: это тотъ же доброжелательный человѣчикъ. Поймавъ честную душу, которую сбирается надуть, онъ дружески предостерегаетъ ее насчетъ гуляющихъ. Человѣчки предостерегать горазды. Имъ по опыту извѣстно, что это кратчайшій путь къ довѣрію и къ чужимъ тайнамъ, которыя хватаютъ они, какъ рыболовы окуней, выдергиваютъ у васъ изо рту, какъ дантисты зубы, высасываютъ изъ-подъ кожи, какъ піявки кровь:

Non missura cutem, nisi plena cruoris, hirudo.

Ежели у васъ есть нѣсколько лишнихъ тайнъ, то лучше пожертвуйте ими добровольно, бросьте имъ въ лицо и уходите: иначе не отвяжутся они отъ васъ. Ваши тайны имъ необходимо нужны:

они торгуютъ таïнами, одѣваются таïнами, ѣздятъ на таïнахъ, ѣдятъ и пьютъ таïны.

Видѣли ли вы когда-нибудь голодную гіену, радостно прыгающую черезъ огороды, черезъ заборы, черезъ поля, съ ребенкомъ въ пасти, похищеннымъ на груди несчастноï матери?... Мнѣ однажды случилось видѣть ее въ этомъ положеніи, и могу васъ увѣрить, что это подлинное изображеніе человѣчка, уходящаго въ свою нору съ похищенною у васъ таïною, которую съ звѣрскимъ удовольствіемъ будетъ онъ тамъ ворочать на всѣ стороны, взвѣшивать на рукѣ и растягивать зубами, чтобъ сдѣлать изъ нея извѣтъ, или продать ее вашему противнику.

Загляните мимоходомъ подъ ворота присутственнаго мѣста: увидите тамъ жалкую, заботливую, низкопоклонную фигуру, торгующуюся съ бѣднымъ канцеляристомъ о цѣнѣ ввѣренноï ему бумажной таïны. Эта фигура есть человѣчикъ.

Поѣзжаïте въ пятомъ часу къ знатному вельможѣ въ-случаѣ, которыï хорошо васъ принимаетъ, и вы будете даже имѣть удовольствіе обѣдать съ человѣчкомъ. Узнаете его по его услужливости къ хозяину и къ гостямъ; онъ подставитъ вамъ стулъ, подастъ воды, нальетъ вина, и при этомъ случаѣ перемѣнитъ у васъ приборъ. Вы подумаете, что онъ въ домѣ родъ дворецкаго? Нѣтъ, онъ такъ, человѣчикъ: доказательствомъ служитъ то, что онъ ѣстъ за шестерыхъ, и въ то же время разказываетъ городскія сплетни, содержаніемъ коихъ старается непримѣтно дѣйствовать на хозяина, чтобъ заранѣе обдѣлать его

мнѣніе согласно своимъ видамъ. Никто не умѣетъ такъ искусно пользоваться чужимъ обѣдомъ, какъ человѣчки. И гдѣ за столомъ нѣтъ человѣчка, тамъ, будьте увѣрены, или дурной поваръ, или хозяинъ причисленъ къ Герольдіи.

Но онъ иногда живетъ и на свои деньги. Тогда его кофе стоитъ ему двухъ клеветъ, его завтракъ трехъ крючковъ, его обѣдъ десяти подлостей, его ужинъ...? Человѣчки никогда не ужинаютъ дома. Но его парядное платье нерѣдко бываетъ куплено за цѣлое преступленіе.

Вы, безъ сомнѣнія, имѣли счастіе не однажды съ нимъ бесѣдовать, сами о томъ не зная. Въ первый разъ онъ игралъ передъ вами роль благонамѣреннаго; встрѣтившись съ вами потомъ, онъ не узналъ васъ, и представлялъ вольнодумца....

О! послѣ этого, быть не можетъ, чтобъ вы тотчасъ его не узнали!

1833.

МОЯ ЖЕНА.

—

Я человѣкъ самый счастливый въ свѣтѣ. Какъ хорошо я живу съ моей женою!... Какъ нѣжно я люблю ее, какъ уважаю!... Да какъ и она меня любитъ!... Вы не можете себѣ представить. Правду сказать, мы и достойны этой обоюдной любви: мы другъ съ другомъ такъ вѣжливы! такъ учтивы!... такъ умно ведемъ себя одинъ въ отношеніи къ другому!... Во-первыхъ, мы никогда не споримъ. Когда я вздумаю спорить, то иду играть въ бостонъ съ пріятелями; когда она почувствуетъ въ себѣ припадокъ сварливости, то бѣжитъ въ Гостиный Дворъ торговаться. И потомъ мы возвращаемся домой, и сидимъ рядкомъ на диванѣ, тихо, смирно, дружелюбно, какъ голубочикъ на гнѣздѣ съ своею голубкою. Не жизнь, а отрада!

И подумайте, что мы уже лѣтъ двадцать питаемся этимъ счастіемъ!... Мы даже страхъ какъ утучнѣли отъ счастія.

Одно только неудобство, что дома мы другъ съ другомъ никогда не видимся. Вотъ скоро на сочельникъ девять лѣтъ, какъ намъ не случается

обстоятельно поговорить между собою. Всякое утро, надѣвая халатъ и туфли, я говорю моей Дашѣ:

— Душенька, Дарья Кондратьевна! сегодня я хочу потолковать съ тобою окончательно о томъ дѣлѣ, помнишь ли? о которомъ начали мы разсуждать на Ѳоминой недѣлѣ.

И она мнѣ отвѣчаетъ, нѣжно лаская меня по бородкѣ своею мягкою, какъ пухъ ручкою:

— Да, дружокъ безцѣнный!... надо непремѣнно потолковать объ этомъ дѣлѣ. Притомъ же я сегодня свободна. Но ты напередъ хотѣлъ выбриться?...

Я сажусь брпться, и пока брѣюсь, она—глядь! уже уѣхала со двора.

Но это ничего не значитъ: дѣло не къ спѣху, а я, когда вздумаю, скоро улучу случай переговорить съ нею окончательно, потому-что легко могу отыскать ее во всякое время. Когда мнѣ нужно видѣться съ женою, я всегда иду прямо въ Гостиный Дворъ. Знаю, гдѣ она!... въ Шелковомъ ряду.

Если мнѣ не вѣрите, я тотчасъ надѣну теплую шинель, потому-что у насъ теперь лѣто! и резиновыя калоши, возьму подъ мышку зонтикъ, и найду вамъ Дарью Кондратьевну. Смотрите: я теперь стою у Городской Башни. Въ три прыжка, которые съ особенною ловкостью выучился я дѣлать съ этого мѣста въ теченіе долговременнаго нашего супружества, я очутился подъ сырыми и холодными сводами Шелковаго ряда. Теперь на-

добно только заглядывать въ лавки и внимательно прислушиваться къ голосамъ.

— Пошалуйте, господинъ! Голяндская полотно, сальфетка, скатерту, плятковъ, цитци, шульки!... Къ намъ, баринъ! на починокъ!... дешево возьмемъ!... Маменька, я не нахожу, чтобъ это было дорого.... Извольте, господинъ! у насъ есть все, что̀ нужно.... Господинъ! у насъ лучше: ситцы, матеріи, штофы, шали, французскіе платки, рюши, тюли.... Экой плутъ!... да у тебя все гнилое.... Потри съ полтиною, сударыня. Хорошо, отрѣжь семнадцать аршинъ....

О, здѣсь навѣрное Дарья Кондратьевна!... Она не бросаетъ денегъ такъ безъ торгу. Моя жена большая экономка. Пойдемъ подальше.

— Господинъ! пожалуйте сюда.... Не правда ли, ma chère, что этотъ ситецъ очень милъ?... Oui, ma chère, но онъ московскій.... Господинъ! пожалуйте сюда: ленты, блонды, кружева, вуали, перчатки, кушаки.... Ахъ, какіе прелестные глаза!... Кушаки, вуали, перчатки.... Какая ножка!... Чулки, перчатки, вуали.... Какая талья!... Кушаки, перчатки, вуали.... Ты не хочешь?... я побѣгу за нею!... Господинъ! лучше пожалуйте сюда: ситцы, матеріи, штофы, бур-де-сы, гра-грени.... Ей-ей, сударыня, клянусь честью, по совѣсти, ей, ей, въ лавку вдвое дороже стоитъ! — Больше не дамъ ни копѣйки. Такъ извольте, отдаю....

А! не здѣсь ли Дарья Кондратьевна?,.. Она тоже твердаго характера. Когда скажетъ слово.... Нѣтъ, тутъ не впдать. Пойдемъ подальше.

— Господинъ! покорно просимъ къ намъ. —

Крайняя цѣна, сударыня: а что пожалуете?... Вотъ сюда, господинъ!... Знакомый баринъ.... я знаю, чего вы ищете! Что вамъ угодно?... Ситцы, матеріи, штофы, платки французскіе.... Ленты, блонды, кружева, вуали.... Перчатки, чулки, кушаки, подвязки....

У меня уже голова кружится. Я ничего не вижу и не слышу; уши мои набиты французскими платками, и заклеймены свинцомъ гостиподворской привѣтливости; передъ моими глазами пляшутъ огненные ленты, чулки, подвязки; иду какъ во мракѣ, и только сердито огрызаюсь направо и налѣво словами: «Мнѣ ничего не нужно!» И эти чугунные звуки, подобно картечи, въ одно мгновеніе сметаютъ цѣлые ряды продажныхъ улыбокъ съ выкрашенныхъ подъ малиновый сбитень лицъ низкопоклонныхъ зазовщиковъ: надувшись и гордо приподнявъ голову, они вдругъ отворачиваются отъ меня съ такимъ точно равнодушіемъ, какъ модная барыня отъ вчерашняго своего любовника. Наконецъ, бурный вихрь плутовства, дующій безпрестанно вдоль длиннаго коридора, раздувающій юбки и плащи, надувающій карманы, засыпающій глаза прохожихъ острымъ пескомъ перебитыхъ и перемѣшанныхъ клятвъ, споровъ, привѣтствій, огорченій, расчетовъ, кокетства и ухватокъ жадности, поднимаетъ меня съ земли, кружитъ въ воздухѣ, какъ ветхій лоскутокъ бумаги, не смотря на мой желудокъ, и несетъ, несетъ, несетъ.... Ловите меня, господа! держите!... Я гдѣ-нибудь ударюсь объ стѣну, или буду заброшенъ въ каналъ!... Слава Богу, ухватил-

ся за столбъ послѣдней арки; я спасенъ!... И вотъ слышу голоса.

— Два рубля тридцать.... Право, нельзя, сударыня: ниже двухъ рублей тридцати пяти копѣекъ не могу уступить ни полушки.... Ну, возьми два рубля тридцать одну копейку!... Ахъ, какъ вы, сударыня любите торговаться!... Извольте за два рубля и тридцать четыре ... Нѣтъ, не дамъ: тридцать двѣ!... Тридцать четыре, сударыня! Тридцать двѣ, голубчикъ!... Ну ужъ такъ и быть; бери тридцать три копѣйки.... Вы не оставите мнѣ, сударыня, барыша ни одной копѣйки....

Стой!... такъ это моя жена.

Я бѣгу къ дверямъ, изъ которыхъ исходятъ эти звуки; опрокидываю на порогѣ мальчика, который уже подъ моими ногами допѣваетъ начатую въ честь мнѣ пѣсню: ситцы, матеріи, штофы, бурдесы, грагрени!... беру лавку приступомъ и проникаю въ заднее отдѣленіе. Я не ошибся: это она: о, я никогда не ошибусь!...

— А, ты здѣсь, Иванъ Прокофьевичъ?

— Здѣсь, душенька, Дарья Кондратьевна. Пришелъ сюда потолковать съ тобою окончательно объ этомъ дѣлѣ....

— Ахъ, моій дружокъ безцѣнный!... а мнѣ теперь недосугъ. Вотъ я обѣщала помочь Марьѣ Михайловнѣ сдѣлать нѣкоторыя покупки. Она совсѣмъ не умѣетъ торговаться.

— Хорошо. Я подожду, пока вы кончите....

— Не дождешься, другъ любезный! Послѣ того я должна ѣхать къ Натальѣ Ивановнѣ, съ которою тоже отправимся покупать разныя вещи.

Потомъ опять пріѣду сюда съ Катериною Антоновною; а потомъ я дала слово Матренѣ Николаевнѣ приторговать кое-что для ея свояченицы.... Я теперь очень занята.

Въ самомъ дѣлѣ, она теперь занята чрезвычайно. Жаль, что я такъ далеко сходилъ понапрасну!... Но я найду случаи потолковать съ нею окончательно: я приду сюда сегодня послѣ обѣда. Она, можетъ статься, тогда будетъ посвободнѣе.

Бѣдная моя Дарья Кондратьевна! Вы сами видите, что у нея почти даже не остается времени позавтракать, ни пообѣдать. Во всеи нашеи части, ни одна иголка, ни одинъ аршинъ черноі ленточки, не покупаются безъ ея содѣйствія и совѣта. Всѣ тащатъ ее въ Гостиный Дворъ, потомучто она мастерица торговаться, не то она тащитъ всѣхъ туда, чтобъ другіе видѣли, какъ она умѣетъ прводить цѣны къ ихъ настоящеі точкѣ. Боюсь только, чтобъ когда-нибудь не случился съ нею ударъ, ежели кто-либо скажетъ еи хоть въ шутку, что онъ купилъ ту же вещь дешевле, нежели она. Ради Бога, не говорите еи этого!...

Ежели вы скажете, и она умретъ, то, со слезами искренняго сожалѣнія, похороню ее въ Шелковомъ ряду, въ которомъ-нибудь окошкѣ, и сооружу еи памятникъ, чтобъ, и по смерти ея, заставать ее въ томъ же мѣстѣ, куда привыкъ ходить впродолженіи счастливаго нашего супружества, для дружескихъ съ нею свиданіи. Тутъ я буду еще толковать съ нею *окончательно объ этомъ дѣлѣ*.... Но, если она скончается внезапно, кто тогда прторгуетъ мнѣ надгробныи для нея па-

мятникъ!... И какъ дорого я заплачу за него?... Я огорчу бренные ея останки въ ихъ вѣчномъ упокоеніи, и холодный трупъ ея въ состояніи еще выскочить изъ окошка въ коридоръ, на переторжку съ каменщикомъ. Прошу васъ всепокорнѣйше, не дѣлайте съ нею подобныхъ шутокъ: вы разрушите мое супружеское счастіе.

Теперь, любезный читатель, ступайте къ своимъ занятіямъ, а я ворочусь домой. Ежели, дочитавъ эту статью, вы усмотрите, что вашей супруги нѣтъ дома, то не безпокойтесь: она навѣрное уѣхала въ Гостиный Дворъ съ моею Дарьею Кондратьевной. Когда вамъ угодно, приходите ко мнѣ послѣ обѣда: пойдемъ вмѣстѣ въ Шелковый рядъ, искать нашихъ сожительницъ.

1833.

АРИѲМЕТИКА.

Какъ бы то ни было, я, хотя, по званію моему, промотавшійся помѣщикъ, люблю однако жъ все, что̀ относится къ счетамъ, отчетамъ, разсчетамъ и разсчетливости, люблю точныя науки, люблю точныхъ людей, и даже самую точность. Пусть говорятъ, что̀ угодно; пусть приводятъ въ примѣръ продажу моего имѣнія съ молотка, чтобъ доказать мое незнаніе счета,—а я говорю, что люблю!... И, по мнѣ, первая добродѣтель на землѣ—точность: первая наука въ свѣтѣ—ариѳметика; наука, научающая смертныхъ знать и вѣдать съ точностью, что дважды два четыре; что когда сумма *минусъ* превосходитъ сумму *плюсъ*, то въ карманѣ волки воютъ; что если кто-нибудь занялъ 10, а отдаетъ только 3, скрывая 7 подъ именемъ почтеннѣйшей своей супруги, или расточая ихъ по пустякамъ, тотъ прямой плутъ и обманщикъ, и долженъ идти въ тюрьму, а не въ судьи или начальники.... Всѣмъ этимъ истинамъ учитъ насъ ариѳметика.

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ стыдно было бы доказывать пользу или необходимость ариѳметики.

Извѣстно, что безъ этой науки нельзя быть ни судьею, ни управляющимъ, ни исправляющимъ, ни коллежскимъ ассесоромъ, ни просителемъ, ни подсудимымъ, нельзя даже быть порядочнымъ уѣздным предводителемъ. Когда придется дѣлать росписаніе подводъ, или рабочихъ для починки дорогъ, какая точность исчисленія нужна тогда человѣку, чтобъ непримѣтно облегчить мнѣнія свои и своихъ пріятелей, и распредѣлить слѣдующее съ нихъ количество повинности на чужія души!... Когда случится разбирать чье-нибудь дѣло, и рѣшить, кто правъ и кто виноватъ, какъ надо умѣть не только считать, разсчитывать, но и пересчитывать!...

Хотя, сказать правду, бывали на свѣтѣ люди, которые не умѣли сосчитать и до десяти, а дѣла рѣшали превосходно.... но тогда ихъ секретари хорошо знали ариѳметику. Все-таки она необходима!

И сколько удивительныхъ вещей узнали люди при помощи ариѳметики! Посредствомъ ея мы открыли, что наша планета вертится около земли; что земля съ луною вертится около солнца; что многія другія планеты съ лунами вертятся около солнца, земли и ея луны; что кометы вертятся около солнца и всѣхъ его планетъ съ ихъ лунами; что все въ мірѣ вертится, какъ въ мельницѣ. Даже, посчитавъ хорошенько, могли бъ мы, по силѣ тройнаго правила, открыть и то—кто вертится около нашихъ женъ, когда мы уходимъ къ должности или въ клубъ!... Всего можно дознаться при содѣйствіи ариѳметики: надобно только умно приняться за дѣло.

Исчислено, что земля пробѣгаетъ въ часъ около 150,000 верстъ. Слѣдовательно, она пробѣгаетъ по 2,000 верстъ въ минуту. Слѣдственно, въ одну секунду, то есть, пока мы выговоримъ: «Да, ваше превосходительство!» или успѣемъ отвѣсить поклонъ, мы, не трогаясь съ мѣста, уже пролетѣли вмѣстѣ съ нею 40 верстъ впередъ. И со всѣмъ тѣмъ есть на свѣтѣ философы, которые утверждаютъ, будто мы не подвигаемся.

Исчислено — вы уже читали о томъ и въ «Сѣверной Пчелѣ» — что народонаселеніе всего земнаго шара простирается до 660 милліоновъ душъ; — что ежегодно родится на немъ около 22,900,000 дѣтей, и почти столько же умираетъ особъ всякаго возраста и пола. Слѣдственно всякой день родится и умираетъ на землѣ по 60,000 человѣкъ; всякой часъ по 2,500; всякую минуту по 40. Слѣдственно, ежели умретъ дуракъ, вы можете быть совершенно спокойны, ибо черезъ полторы секунты родится на его мѣсто другой. Объ умныхъ людяхъ еще не сдѣлано исчисленія, потому-что между ними есть много шарлатановъ.

Исчислено, что Англичане, глотая въ произношеніи половину своихъ слоговъ, сберегаютъ въ сутки два часа времени для молчанія и работы. Англичанинъ, когда заврется, можетъ сказать въ часъ 7,800 словъ, Французъ 5,200, Нѣмецъ 4,900, Русскій 4,700, Итальянецъ 4,400, Голландецъ 3,250 и проч.; такъ, что Шведъ, который протяжно распѣваетъ свои слова, и всякія пять минутъ нюхаетъ табакъ, долженъ употребить 2 часа и 18 минутъ на произнесеніе того вздора, который Ан-

гличанъ можетъ напороть въ одинъ часъ. Вотъ, почему Англія краіі самый богатый, а Швеція самый бѣдный.

Исчислено, что еслибъ разостлать на землѣ листы всѣхъ выходящихъ въ Англіи въ теченіи одного дня газетъ и журналовъ, то они заняли бъ собою пространство 9 квадратныхъ миль. А какъ эти листы покрыты буквами на обѣихъ сторонахъ, то Англичане принуждены всякій день прочитать по 18 квадратныхъ миль печатноі поверхности, на которої иногда нѣтъ ни одноі мысли, а въ теченіе года 6,570 такихъ же миль. Присоединивъ къ этимъ листамъ годовое число повременныхъ листовъ, издаваемыхъ во Франціи, Германіи, Америкѣ, можно было бы склеить изъ нихъ воздушный шаръ, величиною равный лунѣ.

Но всѣ эти исчисленія еще не столько любопытны, сколько, напримѣръ, тѣ, которыя составилъ баронъ Дюпенъ, опредѣлившій ариѳметическими выкладками умъ, способности, нравственность и образованность своего отечества. Статистическая карта, приложенная къ его сочиненію, есть настоящій памятникъ проницательности и трудолюбія, и результатъ безконечныхъ его исчисленій достоинъ глубокаго размышленія со стороны любителей мрака, не отвергающихъ пользы и пріятности денегъ. По этоі картѣ мы видимъ, что въ тѣхъ именно областяхъ Франціи, гдѣ число обучающагося въ училищахъ юношества относительно къ народонаселенію есть самое превосходное, промышленность, торговля и народное богатство находятся также на самоі превосходноі степени, ко-

личество совершаемыхъ въ годъ преступленій бываетъ самое незначительное, недвижимая собственность имѣетъ самую высокую цѣну, а государственная казна получаетъ дохода вдесятеро болѣе, нежели съ областей, въ которыхъ относительное число учащихся есть самое малое.

Словомъ, теперь все исчислено. И, въ наше время, обыкновеніе выражать рядами чиселъ то, что̀ прежде выражалось риторическими фигурами, сдѣлалось во многихъ земляхъ столь общимъ, что все, нужное и ненужное, полезное и безполезное, удобо и неудобоисчислимое, предметы подлежащіе зрѣнію, умственныя дѣйствія, движенія сердца, мысли, чувствованія и надежды, подчинены ариѳметическому вычисленію. Страсть, вдохновеніе и прихоти перестали быть началами поступковъ. Люди думаютъ числами, движутся по числамъ, любятъ, ненавидятъ другъ друга, и дерутся, за числа. Всякій не прежде принимается за добродѣтель, трудъ, забаву, честность, обманъ, великодушіе или причуду, какъ исчисливъ, сколько принесетъ это ему пользы на чистыя деньги. Скоро, подобно тому, какъ въ Китаѣ, гдѣ во всякомъ порядочномъ домѣ найдете вы прибитыя къ дверямъ печатныя таблицы всѣхъ несогласныхъ съ уставомъ о церемоніялѣ поступкахъ, съ означеніемъ въ графѣ, сколько за каждый изъ нихъ получается ударовъ бамбукомъ по пятамъ—у насъ, въ нашей просвѣщенной и положительной Европѣ, будутъ издаваться карманные тарифы стереотипнаго изданія, въ которыхъ, для удобства сердецъ и облегченія труда головамъ, всѣ человѣческія добродѣтели, же-

лаиія, чувства, страсти и мысли будутъ расположены по алфавитному порядку, съ точною оцѣнкою ихъ на рубли и копѣйки.

Ариѳметика видна вездѣ и во всемъ. Счетчики самовластно управляютъ свѣтомъ. Всѣ старинныя понятія, истины и привычки бѣгутъ, разсѣваются, исчезаютъ передъ грозными колоннами чиселъ, которыя вторгаются во всѣ обстоятельства жизни, разоряютъ всѣ чувствованія, истребляютъ всѣ мечты, грабятъ поэзію, и природу заливаютъ чернилами.

О любви и говорить нечего. Уже и романы пишутся безъ любви. Ее изгоняютъ изъ театровъ: скоро выгонятъ даже изъ гостиныхъ. Женщины стыдятся разсуждать о неіі; мужчины скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ признаться, что они въ состояніи быть влюбленными. То, что̀ прежде называлось нѣжною страстью, теперь именуется смѣтливостью сердца, и супружеское счастіе такъ же подвержено четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, какъ и обороты пенькою и саломъ.

Итакъ, согласитесь, любезныя дамы, скромныя и чувствительныя дѣвицы, что теперь любви нѣтъ на свѣтѣ: есть только ариѳметика. Кончилось царствіе Амура, проказника-божка съ прекрасными крылышками, золотымъ лукомъ, язвительною стрѣлою и прелестною улыбкою. Не сожигайте напрасно ѳміама на его алтарѣ, не приносите ему безполезныхъ жертвоприношеніій. Лучше идите, всѣ толпою, въ университетъ, и падите на колѣни передъ ординарнымъ профессоромъ математики: онъ занялъ его мѣсто; онъ настоящій Амуръ нашего

ариѳметическаго вѣка. Послушайтесь моего совѣта: онъ выучитъ васъ считать и быть счастливыми!... быть счастливыми, какъ чиновникъ по счетной части, не подлежащій экзамену, какъ самый жирный лондонскій пивоваръ.—Да, господа! пора приняться за ариѳметику. Посмотрите, какъ, при содѣйствіи этой чудесной науки, только считая — одинъ да одинъ, 2; да одинъ, 3; да одинъ, 4,—многіе народы досчитались до двухъ великихъ добродѣтелей образованнаго человѣка, экономіи и точности, которыя сами по себѣ значатъ то же, что̀ богатство. Кто же препятствуетъ и намъ разбогатѣть тѣмъ же путемъ? чего у насъ не достаетъ?... У насъ есть головы и, слава Богу, кажись, не телячьи; у насъ есть хлѣбъ, дерево, сало, кожа, пенька, ленъ, желѣзо, мѣдь, золото, платина, и даже алмазы; у насъ есть все, что̀ только нужно для развитія огромной промышлености, для накопленія несмѣтныхъ богатствъ. По несчастію, нѣтъ ариѳметики. Ахъ, еслибъ она завелась на нашей православной Руси!... Еслибъ мы знали ее такъ твердо, какъ тѣ, которые снабжаютъ насъ виномъ, портеромъ и устрицами!... Куда какъ все было бы иначе!

Господа, бросимте карты, и станемте считать! Я подамъ первый примѣръ: дайте мнѣ кусокъ мѣлу!..

Но что̀ считать?... Вотъ запятая! Хлѣбъ, сало, кожи, деготь, пеньку, золото?... Все это сочтено въ «Коммерческой Газетѣ» и въ сочиненіи г. каммергера Пельчинскаго. Итакъ, выходитъ, что у насъ нечего считать?... Право, жалко! Но знаете ли, что̀ мнѣ пришло въ голову?... Будемъ считать карты!

Да! будемъ ихъ считать: авось разбогатѣемъ хоть отъ этого счету?...

Но вы скажете: что напрасно считать карты?... извѣстно, что ихъ пятьдесять двѣ въ колодѣ! Оно такъ: но все-таки лучше посчитать ихъ хорошенько. Я увѣренъ, что въ нихъ таится гораздо болѣе чиселъ, нежели какъ вы полагаете.

Вотъ отчетъ Александровской Мануфактуры. Посмотрите: Александровская Мануфактура выдѣлываетъ ежегодно 145,000 дюжинъ колодъ разнаго разбора. Считая всякую дюжину круглымъ числомъ по 10 рублей, найдемъ мы, во-первыхъ, что всякій годъ карты стоятъ намъ 1,450,000 рублей. Что, еслибъ мы эту сумму ежегодно обращали на покупку хорошихъ книгъ и на распространеніе круга нашихъ познаній?...

Но это не все: 1,450,000 рублей есть только сумма, которую получаетъ мануфактура за оптовую продажу картъ: намъ онѣ обходятся гораздо дороже. Мы платимъ лакеямъ по 5 рублей за всякую пару колодъ: слѣдственно, по 30 рублей за дюжину. Поэтому, карты стоятъ намъ въ годъ не 1,450,000, а 4,350,000 рублей. Съ этой суммы слѣдуетъ однакожъ скинуть 350,000 р. на тѣхъ, которые уходятъ, не заплативъ за карты, и обманываютъ лакеевъ, хотя съ другой стороны, есть великодушные люди, кои платятъ имъ по 25 рублей за двѣ колоды; все-таки, карты лишаютъ насъ въ годъ 4,000,000 рублей наличнаго капитала, и, въ концѣ года, когда бъ даже не пропграли мы ни копѣйки, будетъ у насъ 4 милліонами менѣе за то только, что мы играли въ карты. Сколько полез-

наго для насъ самихъ и для отечества могли бъ мы сдѣлать за эти деньги!

Далѣе: двумя колодами картъ можно играть три часа; въ губернскихъ городахъ играютъ ими и по десяти часовъ, но мы положимъ умѣренно, среднимъ числомъ, три часа. Итакъ, чтобъ сыграть 145,000 дюжинъ, потребуется 2,610,000 часовъ. Считая рабочій день въ 12 часовъ, и рабочій годъ въ 360 дней, находимъ, что въ теченіе всякаго года теряемъ мы за картами 725 лѣтъ.

Слѣдственно, всѣ вмѣстѣ, кромѣ 4,000,00 рублей денегъ, еще пропгрываемъ мы въ карты въ одинъ годъ слишкомъ семь историческихъ столѣтій времени. А съ 1600 года уже пропграли мы 23,925 лѣтъ, не считая дурачковъ и пасьянсовъ. Прекрасно! Теперь обратимъ это время въ рубли и копѣйки, потому-что все на свѣтѣ можно обратить въ деньги. Въ Англіи часъ времени хозяина заведенія по части промышленности цѣнится въ 12 рублей, по нашей дешевизнѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что еслибъ мы эти 725 лѣтъ времени, которыя всякій годъ предаемъ на жертву висту и бостону, посвятили промышленности, то умножили бъ народное богатство Россіи достоинствомъ, равнымъ суммѣ 135,629,999 рублей. Чрезъ нѣсколько лѣтъ мы были бы первые богачи въ мірѣ.

Далѣе: въ дюжинѣ колодъ 624 карты. Всякая карта имѣетъ 3 дюйма длины, 2 дюйма ширины и 6 квадратныхъ дюймовъ поверхности. Разостланныя на землѣ сплошь, всѣ заключающіяся въ 145,000 дюжинахъ колодъ, карты, покрыли бъ собою $18{,}958\frac{119}{2831}$ квадратныхъ верстъ, то есть, про-

странство, равное поверхности пяти губерній, Петербургской, Московской, Нижегородской и двухъ Бѣлорусскихъ.

Положивъ всѣ эти карты вдоль, одну за другою, получимъ мы линію длиною въ $159{,}732\frac{1}{3}\frac{1}{0}\frac{1}{0}$ верстъ. Изъ этой длины можно было бы, на досугѣ, сдѣлать слѣдующее употребленіе: 1) обложить весь земной шаръ; 2) изъ королей провести кругомъ земли петербургскій меридіанъ; 3) остальными картами покрыть всѣ прочія географическія линіи земнаго шара, какія обыкновенно рисуются на шарахъ изъ папки. Затѣмъ останется еще отрѣзокъ карточной ленты, простирающійся на $9{,}899\frac{1}{2}$ верстъ. Что̀ изъ него сдѣлать?... Не прикажете ли проложить изъ этихъ картъ черту по всякой изъ большихъ дорогъ, ведущихъ отъ Петербурга до городовъ, въ которыхъ бываютъ ярмарки?... По-крайней-мѣрѣ люди видѣли бъ, куда ѣхать за деньгами съ колодою картъ въ карманѣ.

Мы подвергли количество картъ, употребляемыхъ въ Россіи въ теченіи одного года, точному ариѳметическому вычисленію, въ отношеніяхъ къ деньгамъ, времени, длинѣ, ширинѣ и поверхности. Остается еще сосчитать ихъ плотность или толщину. Но какъ это сдѣлать?... Бывали ли вы когда-нибудь въ Помпеѣ?... Ужъ навѣрное не бывали?... Вы нигдѣ не бываете! А я былъ въ Помпеѣ, и могу сказать вамъ объ неи съ бо̀льшею достовѣрностью, чѣмъ всѣ антикваріи. Помпея есть небольшой древній римскій городъ, лежащій по близости Неаполя—родъ классическаго Торопца: весь каменный и не такой грязный. Во второмъ вѣкѣ

по Р. Х. случилось страшное, внезапное изверженіе Везувія, и Помпея, въ нѣсколько часовъ, съ крышами, башнями и колокольнями, была засыпана волканическою золою. Впродолженіи времени люди забыли даже объ ея существованіи. Лѣтъ за шестьдесятъ передъ симъ, случайно копая землю, кто-то открылъ крышу одного дома. Стали копать далѣе, и, къ удивленію, нашли цѣлый подземный городъ, съ жилищами, кухнями, лавками, «винопторговлями», библіотеками, мастерскими и домашнею утварью, сохранившимися почти въ невѣроятной исправности. Даже жившіе въ немъ люди найдены въ цѣлости и въ томъ же положеніи тѣла, въ какомъ застала ихъ вдругъ слетѣвшая съ воздуха масса минеральнаго пепла: они высохли, перегорѣли, и разсыпаются въ прахъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Мѣстное правительство опредѣлило значительныя суммы на открытіе злосчастной Помпеи, и въ Неаполѣ учрежденъ особый музеумъ для складки всѣхъ находимыхъ въ ней древностей. По-сю-пору очистили уже нѣсколько улицъ, театръ и двѣ площади.

Нельзя представить себѣ ничего изумительнѣе зрѣлища, являемаго вскрытою частицею Помпеи. Воображеніе путешественника, уединенно блуждающаго по этимъ огромнымъ, пустымъ древнимъ улицамъ, комнатамъ, коридорамъ и магазинамъ, средп этого мертваго, пережженнаго общества, между современниками давно минувшаго вѣка и давно погибшаго народа, воспламеняется, горитъ, кружится, хочетъ проникнуть далѣе, поражается ужасомъ и приходитъ въ остолбенѣніе. Кажется,

будто волшебная сила, отторгнувъ васъ отъ настоящаго быта и нынѣшнихъ понятій, отбросила за шестнадцать столѣтій назадъ; будто судьба, въ припадкѣ досады на людей, мощною рукою поймала на самомъ злодѣяніи цѣлое человѣческое общество, которое, надѣлавъ глупостей и написавъ себѣ похвальное слово подъ названіемъ исторіи, хотѣло укрыться отъ взоровъ потомства; и что та же судьба теперь показываетъ его людямъ съ коварнымъ удовольствіемъ, насмѣхаясь надъ установленнымъ для нихъ и для ихъ дѣлъ порядкомъ. Въ половинѣ XIX столѣтія видите вы на-яву собственными глазами все, что̀ дѣлалось въ Помпеѣ въ минуту нечаяннаго ея погребенія: видите занятія жителей; видите ихъ забавы, почти слышите ихъ разговоры, и чуть-чуть не смѣетесь ихъ шуткамъ. Здѣсь кузнецъ работаетъ молотомъ; тамъ сапожникъ спѣшитъ сшить башмаки къ сроку; тамъ кухарка рыдаетъ надъ горшечкомъ свернувшихся сливокъ; докладчики врутъ, судьи дремлютъ, подъячіе зубами натягиваютъ законы, взяточники покупаютъ домы на чужое имя, мошенники бродятъ по карманамъ, сочинители крадутъ изъ книгъ и списываютъ живьемъ другъ друга, горничныя бѣгаютъ съ нѣжными записками, барыни колотятъ слугъ по щекамъ, слуги злословятъ своихъ господъ, обольстители вздыхаютъ подъ окошками, мужья волочатся толпами за латинскою актрисою, кучера ругаются, любовники ссорятся, продавцы надуваютъ, супруги измѣняютъ, студенты чертятъ углемъ по стѣнамъ не слишкомъ геометрическія фигуры. Надобно побы-

вать въ Помпеѣ, чтобъ имѣть понятіе о томъ, что̀ происходило въ классической древности!... Ужасъ!...

Но я заболтался о Помпеѣ, и забылъ совершенно, что у насъ дѣло идетъ о картахъ. Мы, кажется, хотѣли исчислить, какая была бы плотность, толщина, или высота ихъ, еслибъ ихъ свалить въ одну кучу. Какъ вы полагаете?... да это была бы гора не ниже знаменитой Чимборассо! Но слушайте со вниманіемъ, что̀ я скажу. Предположимъ, что какая-нибудь волшебная сила, однимъ поворотомъ своего жезла, собрала бъ въ груду всѣ находящіяся въ Россіи карты, не исключая даже и оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ полтерокъ. Предположимъ также — вѣдь предположенія стоятъ теперь такъ дешево! — что какой-нибудь ужасный переворотъ въ природѣ поглотилъ бы эту груду картъ, и зарылъ ихъ глубоко въ землю — напримѣръ, между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.... Вдругъ, когда жители роскошной столицы сѣвера, въ прекрасный весенній день, спокойно гуляютъ по Невскому Проспекту, вѣжливо кланяются другъ другу, щеголяютъ, смѣются, несутъ вздоръ, заглядываютъ подъ розовыя шляпки, посматриваютъ въ окна къ модисткамъ, дуются, ползаютъ, занимаютъ деньги, разносятъ сплетни, прячутся отъ кредиторовъ, сочиняютъ стишки, подписываютъ бумаги и подкапываются одинъ подъ другаго — вдругъ, говорю, воздухъ затмѣвается, завываетъ бурный вѣтеръ, подъ тротуаромъ раздаются подземные удары, и Пулкова Гора, — просимъ прощенія!... приличнѣйшей горы нѣтъ въ нашихъ странахъ, — и Пул-

кова Гора начинаетъ колебаться въ своихъ основаніяхъ. Всѣ мы въ изумленіи, со страхомъ, съ любопытствомъ, пучимъ глаза, разѣваемъ рты, надѣваемъ очки, уставляемъ зрительныя трубки, глядимъ, чему тутъ быть.... а тутъ вершина Пулковой Горы разсѣлась; на ней образовалось жерло, и изъ него вылетѣлъ вверхъ огромный столбъ густой грязной матеріи, съ воемъ, съ трескомъ, съ громомъ. Достигнувъ извѣстной высоты, этотъ столбъ начинаетъ разстилаться въ воздухѣ, разливается по всему небесному своду въ видѣ черной тучи, которую вѣтеръ несетъ прямо на городъ, и мы дрожимъ въ испугѣ. Наконецъ, эта туча видимо опускается, видимо летитъ на насъ. Увы!... пришелъ же намъ конецъ!!...

И угадайте, что̀ это значитъ....

Вы навѣрное думаете, что Пулкова Гора превратилась въ огнедышащую гору; что мы должны претерпѣть землетрясеніе; что этотъ столбъ грязной матеріи, разстилающійся по небу, есть облако волканической золы?... Угадали! — только это не огнедышащая, а *картодышащая* гора, картотрясеніе карточной Везувій, извергающей погребенныя въ нѣдрахъ земли между нашимъ городомъ и Царскимъ Селомъ прошлогодніе плоды.

Да, милостивые государи! этотъ столбъ, эта туча, составлены исключительно изъ старыхъ, помятыхъ картъ, изъ отставныхъ, изломанныхъ на всѣхъ углахъ понтерокъ. Вмѣсто подземнаго пепла, сыплются на городъ, вертясь, и мелькая въ воздухѣ, тузы, тройки, семерки, козыри, десятки, бубны, дамы, пятерки, валеты; гора спльнѣе и спль-

нѣе пыхтитъ картами; онѣ валятся на землю толстыми слоями, и, въ нѣсколько часовъ, засыпаютъ всю столицу, съ домами, крышами и башнями. Наконецъ, Пулкова Гора, изрыгнувъ изъ своихъ нѣдръ послѣднюю двоїку, закрываетъ свое жерло, воздухъ проясняется, и все приходитъ въ прежнее состояніе. Но Петербурга не стало на свѣтѣ: онъ испыталъ судьбу Помпеи; онъ исчезъ съ лица земли, погребенъ подъ орудіями любимоїї своєї забавы — превратился въ городъ подземный, или, лучше сказать, *подкарточный!*

По моему исчисленію, еслибъ когда-нибудь случилось въ природѣ подобное явленіе, Петербургъ былъ бы засыпанъ прошлогодними картами по самый корабль, вертящійся на адмиралтейскомъ шпилѣ, съ одноїї стороны отъ Пулковоїї Горы до харчевни, что̀ на парголовскоїї дорогѣ, а съ другоїї отъ Охты до самаго моря. Но какъ это исчисленіе чрезвычаїйно трудно, и я не увѣренъ въ его безошибочности, хотя мучился цѣлыхъ двѣ недѣли, то покорнѣйше прошу всякаго повѣрить его у себя дома.

Но вы скажете, что предположеніе это странно, смѣшно, несбыточно?... Я совершенно согласенъ съ вами: это только ариѳметическая поэзія, романтизмъ счетноїї доски, мечтаніе сердца, дышащаго цыфирью и бостономъ, исчерченнаго мѣломъ виста, кружащагося въ омутѣ плюсовъ и минусовъ.... За всѣмъ тѣмъ, это полезное упражненіе.

Ну, а еслибъ это предположеніе сбылось какими-нибудь судьбами; еслибъ Пулкова Гора, въ са-

момъ дѣлѣ, превратилась въ понтерочныій Везувіи, тогда что?...

Какъ, что? — Тогда съ Петербургомъ сдѣлалось бы то же, что теперь съ Помпееіі. Вѣтры нанесли бы песку и земли на эту карточную пустыню; она скоро заросла бы крапивою, и, спустя два или три столѣтія, никто даже не зналъ бы, былъ ли здѣсь когда-либо какоіі городъ или нѣтъ. Скромная проселочная дорога смиренно проходила бъ надъ нынѣшнимъ Невскимъ Проспектомъ, нѣкогда шумнымъ, красивымъ, блистательнымъ. Надъ редакціею «Сѣверноіі Пчелы», кто-нибудь построилъ бы деревянную штофную лавку, и какоіі-нибудь цѣловальникъ продавалъ бы въ неіі безпристрастному потомству пѣнникъ и сивуху.

По прошествіи десяти, пятнадцати или двадцати столѣтіій, начали бъ копать землю, и вдругъ открыли бы вторую Помпею. Представьте же себѣ изумленіе, радость, восторгъ педантовъ и антикваріевъ этоіі отдаленноіі будущности! По химіи доказано, что люди и вещи, погребенные въ картахъ, не гніютъ и не истлѣваютъ, точно такъ же, какъ и въ волканическомъ пеплѣ.... Посему преемники наши на земномъ поприщѣ столько же удивлялись бы нашимъ орудіямъ, утвари, одеждѣ, обычаямъ и образу жизни, сколько мы удивляемся предметамъ, открываемымъ въ Помпеѣ; такъ же именно писали бъ они объ насъ безчисленные томы разсужденіій и комментаріевъ, какъ теперь пишутъ наши современники о сухихъ перегорѣлыхъ помпейскихъ Римлянахъ. На Черноіі Рѣчкѣ соорудили бъ великолѣпныій музеіі, по образцу

неаполитанскаго, для храненія петербургскихъ древностей, и безпристрастное потомство, сложивъ назадъ руки и разинувъ ротъ, важно расхаживало бы по разсчищеннымъ улицамъ Гороховой, Мѣщанской, Офицерской, Садовой; считало бы по пальцамъ винные погреба, кондитерскія и табачныя лавки, и любовалось на торчащихъ изъ картъ будочниковъ. Здѣсь выдернуло бъ оно изъ понтерокъ окаменѣлаго подъячаго, исправляющаго ножичкомъ подлинность старыхъ документовъ; въ другомъ мѣстѣ открыло бъ блюстителя правосудія, прячущаго взятку подъ Сводъ Законовъ; въ третьемъ нашло бы знаменитаго ученаго, смиренно сидящаго въ богатой передней; далѣе поймало бъ вѣрнаго супруга, преслѣдующаго вечеркомъ дѣвушекъ изъ моднаго магазина; далѣе, супругу, мстящую мужу за свою обиду; далѣе бѣднаго столоначальника, запивающаго дѣла пуншемъ, и прочая, и прочая.

Но еслибъ стали рыться повсюду и обыскивать всѣ уголки?... Ахъ, помолимся могущей судьбѣ, ниспосылающей смертнымъ козыри, чтобы Пулкова Гора никогда не превращалась въ карточный Везувій! Что̀ сказали бъ педанты и антикваріи XXXV или L столѣтія о чистотѣ нравовъ нашего времени!

Впрочемъ, господа, не бойтесь; продолжайте забавляться по-прежнему; я знаю по ариѳметикѣ, что этого никогда не случится.

1833.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КЛАДЪ.

—

Кто говоритъ, что наши времена прозаическія? Кто смѣетъ утверждать, что въ нынѣшнихъ нашихъ нравахъ нѣтъ поэзіи?... Одни только вандалы, варвары, классики, люди безъ сердца и воображенія, въ головѣ которыхъ, подъ мрачными, холодными, отягощенными сугробомъ старыхъ теорій, соломенными черепами, оледенѣлыя понятія висятъ длинными сосульками, какъ снѣговая вода подъ дымною крышею хижины. Не вѣрьте имъ, читатели! Мы живемъ въ вѣкѣ баснословія и волшебства; мы окружены поэзіею высокою, блистательною, загадочною, чудесною, темною, таинственною, арабскою, волшебною, донъ-кихотскою, поэзіею торговыхъ балансовъ, табелей преступленій, банковъ, долговъ, конкурсовъ, опекъ, бюджетовъ, отчетовъ, выставокъ, несчастныхъ принцессъ, богатыхъ племянницъ, продажей съ молотка, португальскихъ дѣлъ и заколдованныхъ кладовъ. Чувствуете ли вы эту поэзію?... Я сильно ее чувствую; мое сердце исполнено ея красотъ; душа моя дышитъ и живетъ ею. Я давно умеръ бы

со скуки, если бы на свѣтѣ не было политической экономіи, прибавленій къ «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ», Блейской крѣпости, корабля «Донъ-Іоао», и заколдованныхъ кладовъ. Но я въ особенности восхищаюсь послѣдними, потому-что страстно люблю поэзію «Тысячи Одной Ночи», люблю все таинственное, волшебное, и теперь крайне нуждаюсь въ деньгахъ.

Пособите мнѣ, ради Бога, открыть хоть одинъ заколдованный кладъ, число которыхъ всякій день умножается: вѣдь вамъ деньги тоже нужны!...

Я знаю много такихъ кладовъ; знаю, гдѣ они схоронены; приведу васъ на мѣсто, укажу пальцемъ; только пособите мнѣ до нихъ добраться: съ-тѣхъ-поръ, какъ нцу занять денегъ, я пріобрѣлъ удивительное искусство открывать мѣстопребыванія таинныхъ заповѣдныхъ сокровищъ; глаза мои за пять и за шесть верстъ примѣчаютъ блудящій огонь, вьющійся надъ ихъ могилою; мои ноги, истоптавъ всѣ тропинки, ведущія къ чужимъ капиталамъ, прямехонько несутъ меня въ ту сторону; бѣгу, прибѣгаю, смотрю: вижу кладъ, вижу его сквозь каменныя преграды, сквозь дерево конторки, сквозь кожу портфели; вижу такъ ясно, что могъ бы пересчитать всѣ его бумажки; но лишь только зашевелюсь, чтобъ коснуться его рукою, онъ мигомъ исчезаетъ — потому-что онъ кладъ заколдованный. Однакожъ я не имѣю въ виду грабить клады, ни брать ихъ насильно; хочу только взять часть ихъ взаймы; даю вексель, даю хорошій процентъ впередъ за два года и вѣрное обезпеченіе, и все это ни къ чему не служитъ!

Кладъ никакъ не хочетъ выступить лицомъ къ свѣту. Научите же меня, если вы искусные чародѣи, какъ истребить странный заговоръ, которымъ онъ огражденъ, какъ стѣною? чѣмъ уничтожить колдовство? какимъ путемъ проникнуть до очевидныхъ для глазъ и неприкосновенныхъ для руки денегъ?...

Пожалуйте со мною въ Лѣтній Садъ: я покажу вамъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ лежатъ эти клады. Пойдемъ по большой аллеѣ.

Вотъ, на чугунномъ диванѣ, сидитъ уединенно волхвъ въ синемъ сюртукѣ и шляпѣ съ широкими полями, и рисуетъ палкою на пескѣ чародѣйскія фигуры: 8288-8288-8288.... Знаете ли, что̀ это значитъ?... Это значитъ, что здѣсь есть кладъ въ 207,200 рублей, наличныхъ, чистагану. Таинственныя числа 8,288 суть банковый процентъ, по 4 на 100, отъ этой суммы. Положивъ ее въ Банкъ на непзвѣстнаго, можетъ онъ получить въ годъ только по 8,288 рублей: это мало; но что̀ дѣлать!... По-крайней-мѣрѣ, оно безопасно. И такъ видите, что я мигомъ открылъ сокровище. Но протяните къ нему руку, оно вдругъ исчезнетъ; попросите дать вамъ взаймы хоть двадцать тысячъ подъ самый вѣрный залогъ и на восемь процентовъ: волхвъ посмотритъ на васъ недовѣрчиво, и скажетъ вамъ со вздохомъ: «Откуда у меня быть деньгамъ! Я получаю полторы тысячи жалованья: этимъ не наживешь капиталовъ! Теперь не то, что̀ бывало прежде!... У кого завидятъ копѣйку, на того тотчасъ взводятъ подозрѣнія. Загляните мой послужный списокъ: за мною не значится ни

какого имѣнія; я служу чисто.» Вотъ и пропалъ кладъ!... Однакожъ сами вы видѣли 8,288!...

Посмотрите на этого другаго колдуна, который стоитъ предъ статуею Юстиціи, погруженный въ глубокую думу: онъ молитъ доходную богиню, чтобъ она сдѣлала невидимыми деньги, которыя, по своей благости, ниспосылаетъ ему, недостойному рабу ея. Онъ уже заговорилъ свой кладъ: теперь и самъ чортъ до него не доберется.

Вотъ идутъ два толстые чародѣя: они извѣстны своимъ коварствомъ въ цѣломъ околодкѣ, и добрые люди боятся даже встрѣтиться съ ними, потому-что, какъ гласитъ общее повѣрье, чортъ тайно переноситъ деньги изъ чужихъ кармановъ въ ихъ засаленныя портфели, лишь только взоръ ихъ коснется чужаго кармана. Послушайте мимоходомъ ихъ разсужденій: увидите, что они колдуютъ. — Итакъ, вы говорите.... — Я говорю, что на свѣтѣ на все есть средства. Но прежде были имѣнія благопріобрѣтенныя? А теперь есть имѣнія благоприпрятанныя. Конечно; оно выходитъ почти....

Ну, не говорилъ ли я вамъ, что они колдуютъ?... И я увѣренъ, что вы не поняли ни одного слова въ ихъ разговорѣ, потому-что всѣ эти слова таинственныя, и относятся къ глубокому чернокнижію. Вотъ еще одинъ колдунъ, въ сѣрой шинели!... Вотъ другой, въ зеленомъ фракѣ!... Вотъ третій, четвертый, и пятый.... Согласитесь же сами, что мы живемъ въ волшебномъ мірѣ, въ самомъ поэтическомъ вѣкѣ, какой когда-либо существовалъ въ Европѣ, со времени сожженія въ Ис-

паніи послѣдней толедской колдуньи, донны Маркиты, которая, какъ доказано по суду инквизиціи, круглый годъ несла куриныя яица.

Но вотъ и самый страшный волхвъ, съ огромною плѣшиною, длинный, тощій, блѣдный, съ сухимъ сердцемъ и краснымъ носомъ, въ поношенномъ фракѣ и изломанной шляпѣ. Это драконъ, вѣчно лежащій на заколдованномъ кладѣ, и своею проницательностью безпрестанно уничтожающій хитрости кружащихся около него любителей денегъ, съ готовыми векселями и закладными въ рукахъ. Это воплощенная двѣсти-рублевая бумажка. На тусклой, покрытой сѣрою сѣткою пленкѣ глазъ его мелькаетъ волшебная надпись: «Объявителю сей ассигнаціи Государственный Банкъ платитъ» и прочая; и другіе колдуны почтительно снимаютъ передъ нимъ шляпу, потому-что колдовство его сильнѣе ихъ заговоровъ, и въ удобномъ случаѣ въ состояніи даже перетянуть деньги изъ ихъ кладовъ въ его кладъ. Я давно имѣю его на примѣтѣ; но никакъ не могу обмануть его бдительности и вытащить изъ-подъ него завѣтныя сокровища. Нѣсколько разъ я уже держалъ ихъ въ горсти, и онѣ молніею изъ нея исчезали. Однакожъ, нельзя сомнѣваться въ ихъ существованіи. Разсмотрите его со вниманіемъ: онъ имѣетъ всѣ признаки существа, одареннаго высокими деньгами.

Во-первыхъ, онъ долго занималъ весьма выгодное мѣсто; за нимъ, ни за его женою, нигдѣ не показано ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго

имѣнія, и онъ всегда горько жалуется на свою бѣдность. Слѣдственно, у него есть деньги.

Во-вторыхъ, онъ играетъ въ карты по маленькой; садясь играть, повторяетъ три раза, что онъ не въ состояніи проигрывать много денегъ, и, проигравъ, почти плачетъ съ отчаянія. Прежде живалъ онъ лѣтомъ на прекрасной дачѣ; теперь сталъ гулять въ Лѣтнемъ Саду. Слѣдственно, у него есть хорошія деньги.

Съ тѣхъ поръ, какъ прикинулся несчастнымъ, онъ болѣе и болѣе дѣлается загадочнымъ. Въ его домѣ, на стѣнахъ господствуетъ нищета, а на столѣ отличное вино. Онъ упразднилъ у себя ливрею, и на своемъ лафитѣ прилѣпилъ карточку, съ надписью: «медокъ.» Не смотря на скромность его одежды, самодовольство отражается въ его улыбкѣ, гордость его усиливается, и многихъ уже называетъ онъ дураками. Слѣдственно, у него есть большія деньги.

Онъ уже начинаетъ поговаривать о трудности службы и о потерѣ своего здоровья. О, ежели такъ, у него должны быть огромныя деньги!...

Но зачѣмъ ломать голову догадками и соображеніями, когда всѣ знаютъ, что у него есть деньги: только онѣ заколдованы. Вы не можете себѣ представить, какихъ не употреблялъ я средствъ, чтобъ подкопаться къ его кладу, и всѣ мои попытки остались безполезными.

Я далъ ему уразумѣть, что желаю жениться на его дочери. Онъ былъ въ восторгѣ, и среди самаго восторга, сдѣлавъ прежалкое лицо, сказалъ

мнѣ, что за его дочерью не будетъ никакого приданаго.

Я тѣсно подружился съ его начальникомъ, чтобъ внушить ему мысль, что могу быть ему полезнымъ. Онъ тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ съ жалобою, что на него клевещутъ, будто у него есть деньги, и просилъ меня увѣрить начальника, что скоро умретъ съ голоду.

Я написалъ поэму, и посвятилъ ему. Въ посвященіи я назвалъ его умнѣйшимъ изъ приказныхъ, и добродѣтельнѣйшимъ изъ безпорочныхъ. Его самолюбіе было тронуто до высочайшей степени. Онъ разнѣжился, и чуть-чуть не далъ мнѣ денегъ взаймы, какъ вдругъ вспомнилъ, что между сочинителями есть предатели, и затворился въ завороженномъ кругу безденежья. Никогда не подходилъ я такъ близко къ его кладу, какъ путемъ подстрекнутаго самолюбія, но и тутъ не успѣлъ.

Испытывая послѣднее средство подѣйствовать на его жадность, я предложилъ ему двѣнадцать вѣрныхъ процентовъ. Онъ выпялилъ глаза, зажженные чудеснымъ огнемъ сердечнаго удовольствія, и долго смотрѣлъ на меня въ нерѣшимости. Но, по несчастію, я произнесъ роковое слово «нотаріусъ», которое значитъ почти то же, что̀ «объявленіе ко всеобщему свѣдѣнію», и онъ вдругъ воскликнулъ: «Ей Богу, у меня нѣтъ денегъ!... Я имѣю много непріятелей.»

Итакъ, нѣтъ никакой возможности пошевелить этотъ кладъ! Но, постойте, вотъ идетъ хорошій его пріятель, которому говорятъ, обязанъ онъ многимъ и ни въ чемъ не отказываетъ.

Мысль прекрасная! Черезъ него я непремѣнно исторгну часть клада у этого дракона. Какъ жалко, что я прежде не догадался употребить его посредничество!... деньги давно уже были бы въ моемъ карманѣ.

— Здравствуйте, Тимоѳей Терентьевичъ: хотите ли оказать мнѣ важную услугу?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Скажите напередъ правду: у вашего тощаго пріятеля, который вонъ тамъ гуляетъ въ аллеѣ, есть деньги?

— Есть.

— Большія?

— Очень.

— Сдѣлайте же мнѣ благодѣяніе: достаньте у него для меня пятьдесятъ тысячъ подъ хорошій залогъ и на такой процентъ, какой ему угодно.

— Этого не могу я сдѣлать.

— Почему?

— Потому-что онъ недавно былъ обвиненъ въ томъ, что нажилъ на службѣ огромное состояніе, и я отстоялъ его предъ его начальствомъ, давъ честное слово, что у него нѣтъ за душою ни гроша.

— Исчезла послѣдняя надежда!...

Какъ тутъ быть?... Деньги мнѣ необходимо нужны; я умру, если не достану денегъ. Я долженъ купить себѣ новую карету; долженъ дать балъ осенью, сжечь теперь великолѣпный фейерверкъ на Невкѣ, и пощеголять въ свое рожденіе. Это внушаетъ выгодное понятіе о способностяхъ молодаго человѣка, и открываетъ путь къ отли-

чію. Я брошусь въ воду, если не найду денегъ. Но къ какому прибѣгнуть средству? чѣмъ смягчить свирѣпаго волхва?... Ѣду учиться чернокнижію, закабалю себя дьяволу, превращусь въ огненнаго летучаго бѣса и выкраду его сокровища.

Нѣтъ! есть другой, гораздо вѣрнѣйшій способъ. Иду служить въ Уголовную Палату; сяду за красный столъ, спрячусь за правосудіе, и буду ожидать его въ засадѣ. Онъ не минуетъ Палаты: тогда я доберусь до его денегъ!...

Что̀ это?... «Сенатскія Вѣдомости»! Надо прочитать ихъ, съ досады. Какъ?... неужели?... мой драконъ уволенъ отъ службы по разстройству здоровья!... Боже мой, какое счастье!!!... Поздравьте меня, друзья! поздравьте отъ всего сердца: я счастливъ, я теперь достану у него денегъ. Онъ уволенъ съ пенсіономъ!... Теперь все колдовство снято, и кладъ свободно возсіяетъ полнымъ блескомъ, какъ возстающее изъ ночной тьмы солнце.

1833.

АУКЦІОНЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ: «ПРОДАЕТСЯ ЗА ОТЪѢЗДОМЪ».

Я уѣзжаю. Это рѣшеное дѣло! Прощайте, друзья; я ѣду. Уѣзжаю далеко, очень далеко, на очень долгое время — навсегда. Оставайтесь здѣсь въ здравіи и покоѣ, живите счастливо, пишите умныя вещи, если можете; читайте умныя книги, если случатся въ продажѣ; смѣйтесь, когда вамъ будетъ скучно; смѣйтесь и здравствуйте.—Я уѣзжаю. Adieu, adieu!... Вы не увидите меня болѣе.

Нѣтъ! Вы не увидите меня болѣе!... Мнѣ нельзя жить съ вами. Я ѣду—въ вѣчность!

Говорю вамъ — я ѣду въ вѣчность; ѣду туда, гдѣ нѣтъ ни времени, ни пространства, ни тѣлъ, ни страстей, ни женщинъ, ни мужчинъ, ни словесности, ни читателей; гдѣ ничего нѣтъ — гдѣ есть все. Тамъ только я буду счастливъ.

Здѣсь для меня нѣтъ мѣста. Мои недоброжелатели говорятъ, что я дуракъ и несносенъ; мои доброжелатели не только говорятъ, но пишутъ и

печатаютъ: *Умри, Брамбеусъ*! * Никто не хочетъ жить со мною на этомъ свѣтѣ.

Но я умираю правильно, по формѣ, на законномъ основаніи. Я приведу мои дѣла въ порядокъ, составлю списокъ моимъ бумагамъ и имуществу, продамъ все съ молотка; обращу все въ наличныя деньги; завѣщаю моимъ наслѣдникамъ, чтобъ, по моей кончинѣ, они могли приступить прямо къ мотовству, безъ лишнихъ хлопотъ; то-есть, я не умру, потому-что не буду принимать никакихъ лекарствъ, ни аллопатическихъ, ни гомеопатическихъ; я попросту ѣду съ земли въ вѣчность, какъ помѣщикъ уѣзжаетъ изъ столицы въ свою деревню, проигравъ справедливое дѣло, за которымъ пріѣхалъ онъ на короткое время, и проспѣвъ тридцать пять лѣтъ въ трактирѣ. Я также проигралъ мое дѣло съ людьми и моими надеждами, и подобно ему уѣду съ приговоромъ людей въ карманѣ и безъ копѣйки за душою.

Дѣйствуя во всемъ на законномъ основаніи, во-первыхъ, я объявляю въ газетахъ о моемъ отъѣздѣ; во-вторыхъ, продаю все мое достояніе съ публичнаго торга.

Къ отъѣзду моему, я увѣренъ, препятствія никакого не будетъ: никто не подастъ прошенія въ полицію о томъ, чтобъ съ будочниками задержали меня на семъ свѣтѣ, какъ человѣка необходи-

---

* Намекъ на слова Булгарина, который, въ разборѣ «Фантастическихъ Путешествій», приложилъ къ Брамбеусу анекдотъ о фонъ-Визинѣ, которому Потемкинъ сказалъ, послѣ представленія Недоросля: «*Умри, Денисъ!* лучше ничего не напишешь»!—*Изд.*

маго для общества. Какъ скоро я извѣщу, что за отъѣздомъ продаю мое имущество по сходнымъ цѣнамъ, всѣ мои друзья явятся къ Тамизьѐ, чтобъ купить мое достояніе за безцѣнокъ. Добрые друзья!... На нихъ-то я особенно полагаюсь въ этомъ случаѣ.

Итакъ, нечего терять дорогаго времени. Надо приступить скорѣе къ продажѣ всего, что̀ составляетъ мою собственность. Господа! кому угодно торговаться? Кто хочетъ купить хорошія, отличной доброты вещи разнаго рода, за самую умѣренную цѣну? Прошу, покорнѣйше прошу въ аукціонную залу, къ Тамизьѐ, въ домъ 1-й адмиралтейской части 2-го квартала, подъ № 189! Начало въ десять часовъ утра! Все готово, устроено!... Прошу приходить скорѣе!... Кто надбавитъ нѣсколько копѣекъ, тотъ возьметъ, что̀ угодно! Сюда, честные господа!... Разныя вещи продаются за отъѣздомъ!

Разныя вещи!... Но гдѣ онѣ у меня? Одна оловянная чернилица, полдести бумаги, два старыя исписанныя пера! Платье, которое на мнѣ!... Вотъ все мое достояніе. Въ этомъ платьѣ я поѣду въ вѣчность, въ немъ лягу въ почтовую кибитку, сколоченную изъ четырехъ досокъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ прилично явиться въ холодной и безмолвной гостинницѣ, откуда люди отправляются всѣ въ одну сторону, никогда не слѣдуя назадъ. Я не могу продать платья. За мою чернилицу, за мои перья, никто не дастъ копѣйки: впрочемъ, кромѣ этого, хозяинъ дома не получитъ съ меня ничего болѣе за недоплаченный ему наемъ моей

квартиры, въ которой всегда господствовали величайшій порядокъ и совершенная опрятность—отсутствіе всякой собственности! Нищета! Кто хочетъ купить мою нищету?... Господа! продается нищета!... Разъ!... Нищета честная, безъ хлопотъ, безъ угрызенія совѣсти, лучшаго разбора, не запачканная завистью, не подержанная тасканіемъ по переднимъ.... Нищета! Разъ, два!... Купите, господа, нищету!... Хозяинъ былъ весьма доволенъ ею!... Разъ, два!... Будете съ нею счастливы! Она дорога, но пріятна, въ лучшемъ вкусѣ, чрезвычайно отрадна и удобна! Хозяинъ никогда бы не разстался съ нею, но она теперь ему ненужна: онъ уѣзжаетъ. Разъ, два!... Въ послѣдній разъ!—За отъѣздомъ продается—честная нищета!... Разъ, два.... три!

Никто не купилъ нищеты! Она остается за мною. Тѣмъ лучше: я завѣщаю ее тому, кто въ теченіи будущаго года напишетъ самую умную и полезную для людей книгу на земномъ шарѣ.

О Бюффонъ! О великій пророкъ природы! Ты, который, своимъ огненнымъ, торжественнымъ краснорѣчіемъ, заохотилъ меня быть человѣкомъ; который восхищаясь выспренними качествами моего рода, возвысилъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, который меня увѣрялъ, что я благороднѣйшее и священнѣйшее твореніе въ мірѣ, что я царь природы, что все создано лишь для меня! Бюффонъ, покажи мнѣ мое имущество на этой землѣ, которую такъ хорошо знаешь, на которой объискалъ ты всѣ уголки, тайники и норы! Покажи мнѣ его, мой панегиристъ, мой льстецъ, мой на-

персникъ, коварный царедворецъ моего величества! Покажи, хитрый Французъ: я теперь отъ тебя не отстану.... Гдѣ мое достояніе?... Говори! Ты отвѣчаешь, что весь свѣтъ принадлежитъ мнѣ, какъ человѣку. Постой: дай прочитать нѣсколько страницъ твоихъ доказательствъ.... Правда! Ты правъ!... Свѣтъ безспорно принадлежитъ мнѣ: это моя неотъемлемая собственность, я ношу въ моей безсмертной душѣ жалованную грамоту Божества на это огромное, великолѣпное помѣстье, я законный владѣлецъ свѣта. Какъ же я не догадался объ этомъ прежде?... Да, великій Бюффонъ! Свѣтъ, очевидно, мой! Эй, дворникъ, — Дворникъ!... Ко мнѣ! скорѣе!... Приведи сюда съ биржи ломовыя сани! Только, какъ можно пошире.... Скорѣе, братецъ! Получишь на водку!... Помоги мнѣ взвалить свѣтъ на сани!... Славно! Прекрасно!... Вези же его теперь къ Тамизье: я иду за вами.

— Господа! не уходите!... Начинается аукціонъ. Прошу садиться вокругъ стола! за отъѣздомъ продается свѣтъ! Свѣтъ, который всѣ вы знаете и любите! Свѣтъ, лучшій изъ всѣхъ созданныхъ свѣтовъ: пестрый, красивый, звучный, замысловатый, единственный свѣтъ въ мірѣ!... Владѣлецъ никогда бы не рѣшился продать его съ молотка, но случились обстоятельства.... Онъ продается за ненадобностью.

Кто хочетъ купить свѣтъ гуртомъ?... съ тарою?... съ кулемъ и веревками?... съ болотами, Чухонцами и Французами?.... Гуртомъ покупать выгоднѣе. Правда, тутъ есть много безпутнаго и безпокойнаго:

за то дешево отдадимъ. Кто хочетъ купить?... Никто?... Такъ будемъ торговаться по частямъ.

— Статья первая. За отъѣздомъ, продаются люди! кому угодно купить людей за безцѣнокъ? Всѣ молчатъ?... И справедливо: къ чему покупать весь родъ человѣческій! Женщинамъ не нужны женщины; мужчинамъ не нужны мужчины, кромѣ нужныхъ людей! Но женщины, можетъ-быть, купятъ мужчинъ; но мужчины, можетъ-статься, пожелаютъ набавить копѣйку на женщинъ? Итакъ, предлагаются почтенному собранію напередъ женщины, а потомъ мужчины. Нужныхъ людей будемъ продавать особою статьею, потому-что они дороги.

За отъѣздомъ, продаются мужчины! Милостивыя государыни! не угодно-ли которой-нибудь изъ васъ купить всѣхъ мужчинъ вмѣстѣ?... Мужья, женихи, любовники, богатые старичишки съ притязаніемъ на любовь, юноши, промотавшіе для васъ богатства и силы — всѣ отдаются за самую умѣренную цѣну. Я обманывать васъ не стану: говорю вамъ чистосердечно, что между нами есть тма — можетъ остаться половина—а можетъ и три-четверти—домашнихъ тирановъ, закоснѣлыхъ измѣнниковъ, скрягъ, мотовъ, разорителей, ревнивыхъ, грубіяновъ, рогоносцевъ, дурныхъ мужей, дурныхъ любовниковъ, дурныхъ собою, кругомъ дурныхъ и негодныхъ; но въ этой кучѣ бритаго и небритаго народу вѣроятно найдется и что-нибудь хорошее. Ежели ваше счастіе заключается въ мужчинахъ, оно непремѣнно должно быть въ этой грудѣ мужескаго пола. Какъ не купить счастія

хоть въ кучѣ!... И какъ я продаю ихъ не на спекуляцію, а только за ненадобностью, за отъѣздомъ въ чужіе міры, то предоставляю вамъ, сударыни, самимъ сдѣлать оцѣнку мужчинамъ: какую цѣну вы назначите, съ той начнемъ и торговаться. Подумайте, согласитесь между собою, и рѣшите!

— Восемь гривенъ!

Восемь гривенъ! Возможно ли, сударыни?... Вы меня разоряете! Восемь гривенъ за всѣхъ мужчинъ!...

— За одного иногда можно дать и милліонъ, голубчикъ; но за всѣхъ вообще и восемь гривенъ, право, хорошая цѣна.

Ну что̀ дѣлать!... Я предоставилъ вамъ самимъ опредѣлить первую для торга цѣну, надѣясь на ваше великодушіе; теперь отказаться отъ своего слова неловко. Извольте: мужчины — восемь гривенъ! Кто пожалуетъ болѣе?... Мужчины — восемь гривенъ. — Восемь.... гривенъ.... всѣ мужчины!... Разъ!

— Восемь гривенъ съ копѣйкою!

Восемь гривенъ съ копѣйкою! Кто болѣе?... Восемь гривенъ съ копѣйкою за всѣхъ мужчинъ!... Разъ, два!

— Двѣ копѣйки!

Восемь гривенъ и двѣ копѣйки за всѣхъ мужщинъ земнаго шара!... Сударыни, какъ вамъ не стыдно! Никто изъ васъ не хочетъ купить мужчинъ даже за половину цѣны!... Восемь гривенъ и двѣ копѣйки! Они самому мнѣ дороже стоятъ. Я думалъ, что вы ихъ вгоните въ милліоны рублей, а тутъ только двѣ старухи торгуются на нихъ,

набавляя по копѣечкѣ. Восемь гривенъ и двѣ копѣйки! Кто болѣе?... Разъ!... два!... тр....и! Сударыни, товаръ за вами.

Старая баба купила весь мужской полъ нашей планеты!... Что̀ будете вы съ нимъ дѣлать, въ вашихъ лѣтахъ?...

— Чтожъ мнѣ изъ него дѣлать, голубчикъ! Я изъ твоихъ мужчинъ надѣлаю милліоны племянниковъ да внучатъ, и пущу ихъ въ оборотъ. Они всѣ въ массѣ болѣе ни къ чему не годятся!

За отъѣздомъ продаются женщины! Господа! просимъ сюда поближе! Кому угодно торговаться на женщинъ? Но я уже не предоставляю вамъ дѣлать имъ первую оцѣнку. Съ досады на нихъ за то, что онѣ оцѣнили всѣхъ васъ въ восемь гривенъ, вы въ состояніи назначить имъ первую цѣну въ двѣ копѣйки, и разорить меня въ конецъ. Еслибъ я хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, возвратить себѣ тѣ деньги, которыхъ онѣ мнѣ стоили, я оцѣнилъ бы ихъ очень дорого, но я чуждъ всякой жадности, и продаю мой свѣтъ по внутреннему достоинству составныхъ его частей. Итакъ я цѣню всѣхъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ, прекрасныхъ и гадкихъ, тихихъ и крикливыхъ, кроткихъ и сварливыхъ, съ вѣрностью, съ нѣжностью, съ легкомысленностью, съ добродѣтелью и съ капризами — въ полтину серебромъ; кажется, не дорого?... Женщины, сирѣчь, прелестный полъ, два рубля! Кто пожалуетъ болѣе?...

— Съ полтиною!

Два рубля съ полтиною! Милостивые государи, извольте надбавлять великодушнѣе. Вотъ, этотъ

блѣдный, тощій господинъ, который уже прельщенъ ими, даетъ два съ полтиною: такъ сколько же должны дать за нихъ вы, юноши краснолицые, бѣлоусые!... Два рубля съ полтиною! Не бойтесь: женщины васъ не проведутъ, не разстроятъ вашего состоянія, не измѣнятъ вамъ, не навлекутъ на васъ огорченій: я продаю ихъ со всею ихъ вѣрностью, со всею заключающеюся въ нихъ слабостью....

— Пять рублей!

Бывшій нашъ судья, человѣкъ сѣдой, почтенный, знающій цѣну вещамъ и деньгамъ, даетъ уже пять рублей. Господа, пять рублей: разъ!...

— Съ гривною!

Пять рублей съ гривною!... Юноши! не пропускайте случая. Вотъ, дѣловые люди даютъ пять рублей и десять копѣекъ: они знаютъ цѣну женщинамъ. Если они купятъ всѣхъ женщинъ, увидите, какъ у нихъ пойдутъ дѣла — а вы останетесь безъ любовницъ, безъ любви, безъ счастія!... Рѣшитесь, молодые люди!

— Шесть рублей!

— Браво, розовый молокососъ! Господа, шесть рублей!... Слѣдуйте примѣру этого молодаго человѣка: ему едва семнадцать лѣтъ отъ роду, а онъ уже даетъ за женщинъ шесть рублей. Погорячитесь, надбавляйте! женщины, со всѣми добродѣтелями и полнымъ приборомъ земнаго счастія, шесть рублей! Кто болѣе?... Шесть рублей, разъ, два!... Надбавляйте, господа, не скупитесь: не то оставлю весь товаръ за мною. Я возьму женщинъ съ собою на тотъ свѣтъ; вы останетесь безъ жен-

щинъ, и на другой день передушите другъ друга. Вы скупы, набиты льдомъ и себялюбіемъ, не достойны имѣть женщинъ на землѣ!... Увидите, что я унесу ихъ въ другой міръ! Одно, что̀ стоитъ взять съ собою съ сего свѣта на тотъ свѣтъ, это женщины.... Шесть рублей!... Надбавляйте!... Шесть рублей, разъ, два!... Шесть.... ру.... блей!... Разъ!... два!... тр.... и! — Молодой человѣкъ, подавайте шесть рублей, и берите себѣ всѣхъ женщинъ.

— Не угодно-ли записать: я внесу деньги. Очень радъ! Чинъ вашъ, имя, фамилія?

— Джонъ Кокоасонъ, иностранецъ, великобританскій подданный.

Гдѣ изволите жить?

— Въ англійскомъ магазинѣ.

Вы прикащикъ изъ англійскаго магазина?... Вы купили весь прекрасный полъ нашей планеты на счетъ гг. Плинке и Комп.?.. Дешево-же вы купили! Еслибъ я напередъ зналъ....

— Какъ! дешево? Повѣрьте, сударь, что тутъ нѣтъ ни гроша прибыли. Это настоящая цѣна. Шесть рублей аршинъ лучшей модной ленты, и шесть рублей....

Вотъ видите, господа! Вы не хотѣли ничего надбавить: теперь всѣ женщины проданы гуртомъ въ англійскій магазинъ!... Если кому понадобится достать себѣ одну — знаете дорогу. Покупайте ихъ теперь по-одиначкѣ въ Англійскомъ Магазинѣ: увидите, какъ всякая изъ нихъ, даже самая пустая дорого вамъ обойдется!... Неблагоразумные посѣтители аукціона!... уступили такой товаръ иностран-

цамъ!... И что̀ я выручилъ за весь родъ человѣческій?—6 рублей и 82 копѣйки!—И отъ кого?—Отъ тѣхъ же людей.... отъ мужчинъ за женщинъ, отъ женщинъ за мужчинъ!... Не высоко же цѣнятъ они другъ друга!

Господа! Теперь, за отъѣздомъ, продается правосудіе! Кто хочетъ дешево купить такую нужную вещицу?... Я продаю съ молотка правосудіе: извольте торговаться.

Придвиньтесь, честные господа, къ столу поближе, благоволите хорошенько осмотрѣть товаръ. Продается правосудіе всего земнаго шара!... Первая цѣна пять рублей — по-просту, синенькая бумажка! Это самая сходная, самая умѣренная, настоящая цѣна. Кто пожалуетъ болѣе?...

— Десять рублей!

Десять рублей за правосудіе всей нашей планеты! Это немного!... Кто пожалуетъ болѣе?...

— Пятьдесятъ!—Сто!—Сто сорокъ пять!

Сто сорокъ пять рублей за правосудіе!... Гоните, господа, гоните!

— Двѣсти пятьдесятъ!—Тысяча!...

Уже даютъ мнѣ тысячу рублей за правосудіе: не отдамъ за тысячу! Кто болѣе?... Торгуйтесь, честные господа! Кто покупаетъ правосудіе, тотъ никогда не жалуется на недостатокъ правосудія въ свѣтѣ. А!... вы, сударыня, улыбаетесь?... Вы улыбаетесь прелестно, и я знаю, что̀ вы хотите сказать этимъ: вы на тысячу рублей надбавляете улыбку, и хотите улыбкою купить правосудіе. Нѣтъ, извольте надбавлять сотенку рубликовъ: я продаю его неиначе, какъ на чистыя деньги....

— Двѣ тысячи!—Десять тысячъ! Сто тысячъ!

— Пятьсотъ!—Шестьсотъ!—Милліонъ!...

Милліонъ даютъ за правосудіе! Кто болѣе?... Сколько охотниковъ купить то, что̀ положено отпускать даромъ!...

— Полтора!—Два милліона!

Два милліона, чтобъ только доставить правосудіе!... Гоните еще выше: оно, право, стоитъ этихъ денегъ....

— Два милліона и рубль!

Два милліона и рубль! Разъ!...

— И два рубля!

Два милліона и два рубля! Разъ, два!... Кто болѣе!... Разъ!... два!... тр....п! Извольте, отдаю. Я не хочу васъ разорять на правосудіи. Но, милостивый государь, осмѣлюсь спросить васъ, какими деньгами намѣрены вы заплатить мнѣ за правосудіе, ассигнаціями, золотомъ или серебромъ?

— Не угодно ли вамъ принять отъ меня взятками?

Это ужъ навѣрное старый.... хорошо, я беру взятки, только по надлежащей оцѣнкѣ. Въ оцѣнщики возьмемъ пятерыхъ опытныхъ подъячихъ и какую они назначатъ цѣну.... Ахъ, я усталъ!.. Пусть аукціонистъ ведетъ вмѣсто меня торгъ по другимъ статьямъ, и записываетъ въ книгу послѣднюю цѣну и званіе покупщика: я пойду прогуляться.

Надулъ же я ихъ! Они заплатили мнѣ два милліона и два рубля за свое правосудіе, тогда какъ за самихъ себя положили только, вмѣстѣ съ женщинами, 6 рублей 82 копѣйки!... Разгадайте же

прошу, ихъ своенравіе! Я хорошо дѣлаю, что съѣзжаю съ сего свѣта: ей, ей, тутъ нѣтъ толку!... И они думаютъ, что много выиграли, купивъ все человѣческое правосудіе!... Не надо выводить ихъ изъ заблужденія.

Какъ бы то ни было, но я вижу, что правосудіе есть самая прибыльная статья въ этомъ мірѣ. Бьюсь объ закладъ, что за всѣ остальныя части сего свѣта не выручу и половины этой суммы.

Но пора воротиться къ Тамизье, и посмотрѣть какъ идетъ продажа моего свѣта. Вотъ уже ночь. Аукціонъ, быть-можетъ, кончился, и аукціонистъ надѣлалъ глупостей. Я забылъ сказать ему, чтобъ онъ человѣческую славу продавалъ при свѣчахъ; при дневномъ свѣтѣ на ней примѣтно множество пятенъ.

Ну, что̀, сударь? Въ какомъ положеніи мои дѣла?... Покажите мнѣ книгу.

Умъ проданъ за 7 копѣекъ. Очень выгодно. Я не надѣялся столько. Купилъ его одинъ барышникъ.

Словесность — куплена въ Гостиный Дворъ, по 50 рублей съ печатнаго листа.

Науки—куплены обществомъ Нѣмцевъ для мелочной имп торговли. Заплачено — пудъ табаку. Мало!

Слава—куплена шарлатаномъ. Получено 10 рублей задатку; 18 рублей 25 копѣекъ осталось за нимъ въ долгу. Такъ и есть, что онъ продалъ славу днемъ! Никто не хотѣлъ торговаться, увидѣвъ ее при солнечномъ свѣтѣ, и шарлатанъ купилъ ее за бездѣлицу. А при свѣчахъ, куда какъ она хороша!

Авторская знаменитость—куплена дурнымъ писателемъ. Не хочу даже знать, за какую цѣну!...

Счастіе.... Что̀ вы сдѣлали съ счастіемъ? Зачѣмъ не пустили его въ продажу? Гдѣ оно?

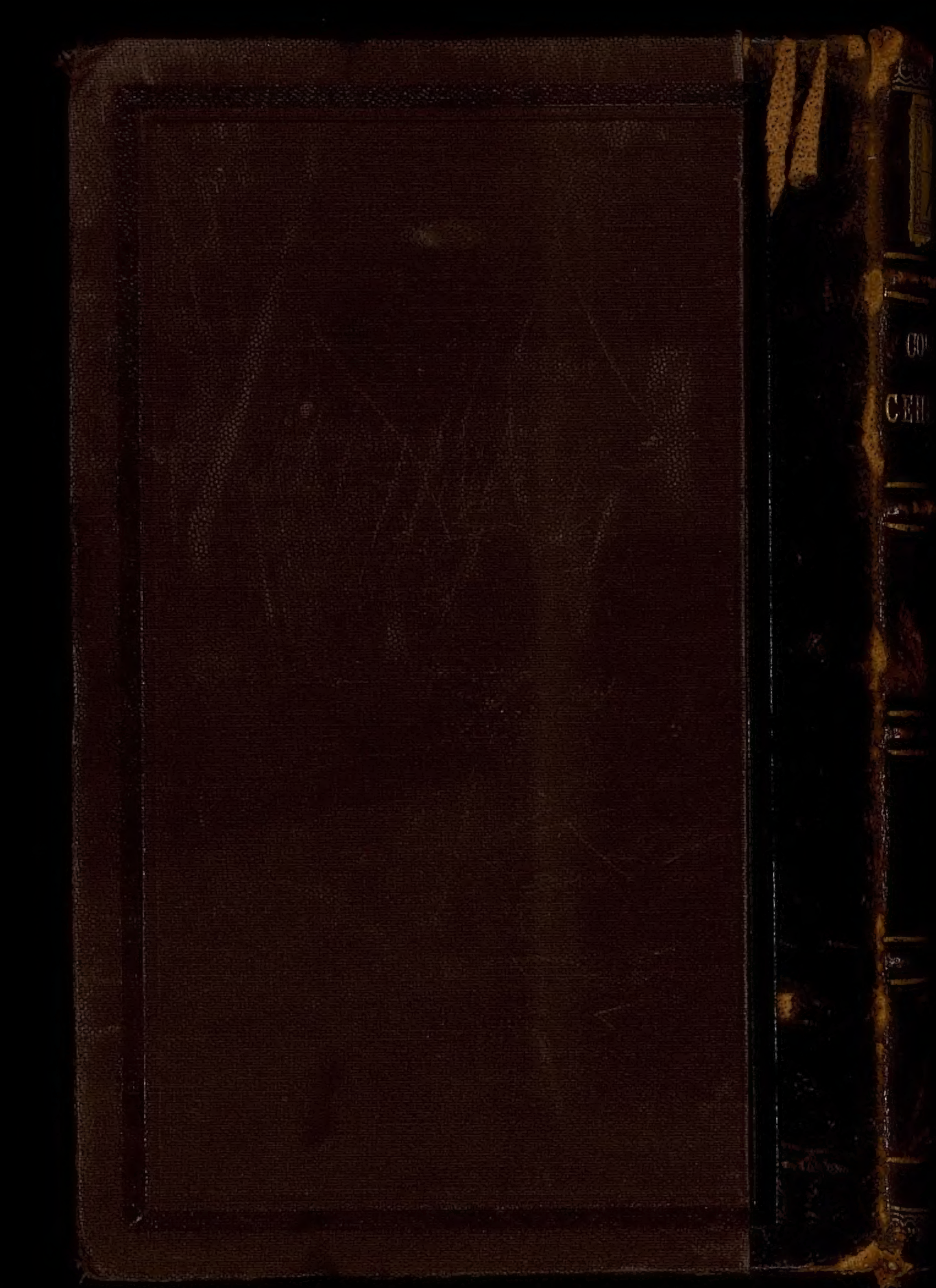
— Сказать вамъ правду, сударь, его украли!.. Тутъ такая тма народу!

Охъ, Боже мой! Украли счастіе!... А на него-то полагалъ я всѣ мои разсчеты! Я надѣялся получить за него огромныя деньги.... Пусть же и такъ: не сдобровать этому негодяю, который его сворилъ. Онъ думаетъ, что со счастіемъ будетъ счастливъ?—не на то оно придумано!...

Теперь, господа, аукціонъ конченъ. Какъ скоро счастіе украли, остальнаго и продавать не стòитъ. отдаю вамъ его даромъ. Что же вы еще смотрите? — Говорятъ вамъ, аукціонъ конченъ, и свѣтъ распроданъ!...

1834.

294434

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

34